

ISSN 2305-5057

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
2014 ГОД**

*Издательство
«Самарский университет»*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Studies
Scientific Council for the Problems of Agrarian History of Eastern Europe
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Samara State University

YEARBOOK
THE AGRARIAN HISTORY OF EASTERN EUROPE
2014

*Fiscal Policy and Taxation Practices in the Agrarian
History of Russia X–XXI c.*

Moscow – Samara
University Press «Samara University»
2015

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы
Институт славяноведения Российской академии наук
Самарский государственный университет

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
2014 ГОД**

*Фискальная политика и налогово-повинностные практики
в аграрной истории России X–XXI вв.*

Москва – Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

УДК 947
ББК 63.3
Е 36

ISSN 2305-5057

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» – издание
Научного совета по проблемам аграрной истории Восточной Европы
при Отделении историко-филологических наук РАН

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия:

Е.Н. Швейковская (ответственный редактор), В.А. Ильиных,
М.Д. Карпачев, А.И. Комиссаренко, В.В. Кондрашин, В.Н. Никулин,
В.Д. Назаров, Н.В. Соколова (ответственный секретарь), Д.А. Хитров

*Издание осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, проект
№ 14-01-14003 г.*

Е 36 **Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.** / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; отв. ред. Е.Н. Швейковская. – М.; Самара : Издательство «Самарский университет», 2015. – 511 с.
ISBN 978-5-86465-654-9

Очередной том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» содержит статьи, посвященные актуальной проблеме «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.». Она раскрывается в тематическом и региональном масштабе на протяжении длительной хронологии с привлечением новых источников по всем периодам аграрной истории России.

УДК 947
ББК 63.3

ISBN 978-5-86465-654-9

© Авторы, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной том продолжающегося издания «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» содержит статьи переработанных докладов и сообщений по проблеме «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.», которая обсуждалась на состоявшейся XXXIV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории Восточной Европы (23–26 сентября 2014 г., Самара). Данная проблема выросла из существа вопросов, которые поднимались в ходе дискуссий по докладам в разных секциях на предыдущих XXXII и XXXIII сессиях в Рязани и Брянске. На протяжении длительного времени с X по XXI в. и в совокупном тематическом многообразии исследовательский материал тома концентрируется по нескольким основным тематическим блокам – это государственная фискальная политика; фискальная практика; принципы, объекты и единицы обложения, органы взимания налогов. Каждая из тем в рамках определенного хронологического периода находит конкретное воплощение в ряде наиболее важных вопросов: влияние фискальной политики на изменение объектов и систем обложения, роль налогов и, особенно, повинностей в доходности крестьянских и вотчинно-помещичьих хозяйств, разнообразие методов внеэкономического отчуждения доходов крестьянских хозяйств, в том числе и в первой половине XX в. Статьи по пленарным докладам и на круглом столе «Первая мировая война и аграрное развитие Российской империи» включены в разделы тома в соответствии с их тематикой и хронологией.

Большинство статей, относящихся к IX – первой половине XIX в., основывается на массовых источниках XV–XVIII вв.: писцовых книгах XV–XVII вв., переписях как государственных подворных, так и внутривотчинных хозяйственных XVII–XVIII вв., материалах генерального межзаведомственного переписания XVIII – начала XIX в. В них выясняется существовавшая и менявшаяся во времени номенклатура налогов и повинностей, размеры государственных и владельческих платежей, неодинаковые механизмы их взимания, значение крестьянской общины в организации сбора и уплаты налогов. Широкий диапазон аспектов фискальной политики на разных этапах российской государственности выразился в выявлении специфики налогового обложения в отличающихся по хозяйственным и рентным условиям регионах России (Новгородской земле, Центре, Севере, Среднем Поволжье, Урале, Юге). При тесной взаимосвязи вопросов налоговой политики и практики налогообложения из статей раздела очевидна вариативность видов фискального обложения, как государственного, так и частнофеодального, а также разнообразие применявшихся практик и типов повинностей,

обусловленных регионом и хронологическим отрезком XV – первой половины XIX в.

В статьях по второй половине XIX в. рассматриваются взимавшиеся в пореформенное время в различных зонах и областях России налоговые и иные финансовые повинности крестьян, несоответствие их размеров платежным возможностям хозяйств. Авторы характеризуют земельную обеспеченность и доходно-расходную части крестьянских бюджетов, рост недоимок по налогам и сборам, регулирующую роль сельской общины, значение мирских сборов и расходов на нужды сельского самоуправления в повседневной жизни крестьянских обществ. Также изучены: расходные статьи земских бюджетов, большая часть которых тратилась на экономические нужды крестьянских хозяйств; развитие кредитной кооперации и значение земств в организации сельских кооперативов мелкого кредита. Достойное внимание заняла таможенная и тарифная политика правительства на рубеже XIX–XX вв., направленная на подъем промышленности в целях перевода крестьянской экономики от натурально-потребительского типа к рыночному.

В статьях авторов, выступавших на круглом столе по истории Первой мировой войны, обстоятельно показано продовольственное состояние в стране в годы войны, экономическое и финансовое положение крестьянства, политика правительства по снабжению продовольствием армии и городов. Полученные конкретные результаты изысканий перспективны для дальнейшего изучения динамики сельской экономики военного времени, выяснения изменений в области землевладения и землепользования, а также для взаимоотношений власти и общества в ключевых сферах народной жизни.

Статьи по периоду после 1917 г. до современности представлены двумя крупными блоками с условным хронологическим разграничением концом 1920-х гг. Все они базируются на разнохарактерных источниках, таких как нормативные акты, налоговая и сельскохозяйственная статистика, переписка центральных и местных органов государственного управления, документы крестьянского происхождения. Авторы исследуют следующие вопросы: фискальные требования крестьян, которые базируются на принципе уравнительного обложения земель; неэффективность аграрной политики Комуча при проведении продовольственных заготовок хлеба; методы продовольственной политики советской власти в начальный период ее становления, которые претворились в практике продразверстки и в деятельности продотрядов. Ряд статей посвящен реализации налоговой политики советской власти в период нэпа, а именно: взаимосвязям налоговой политики и социально-политической активности крестьян, социопсихологическим проявлениям в настроениях и поведении крестьян, региональным особенностям налогообложения и доле налогов в доходах

крестьянских хозяйств. Интерес представляет анализ различных аспектов сельского самообложения, которое в конце 1920-х гг. превратилось из добровольного сбора на общественные нужды в разновидность обязательного денежного налога, поступавшего в государственный бюджет.

Для периода с начала 1930-х гг. первоочередное внимание уделяется становлению и функционированию налогово-податной системы сталинского аграрного социализма и ее эволюции в постсталинский период. Подвергнуты детальному разбору: система контрактации, превратившаяся со временем из механизма регулирования крестьянского производства в базовую натуральную подать; и сменившая ее с 1932–1933 г. заготовительная, при которой политотделы МТС обладали организационно-производственными функциями в сочетании с репрессивными.

Авторы также характеризуют: особенности заготовительной политики, размеры и формы заготовок в годы Великой Отечественной войны; превращение натуроплаты колхозов за услуги МТС в 1930–1950-е гг. в элемент налогово-податной системы; использование повышенных социалистических обязательств в 1950–1970-е гг. для изъятия в колхозах и совхозах дополнительных продовольственных ресурсов; социально-экономические последствия демонтажа сталинской системы заготовок колхозной продукции в годы «оттепели», и наряду с этим особенности налогообложения основных категорий сельских тружеников, попытки введения единого сельскохозяйственного налога при реформировании аграрного строя в 1990-е гг. Обобщая материал тома, необходимо подчеркнуть следующее.

Центральная проблема XXXIV сессии Симпозиума обсуждалась на протяжении X–XXI вв. сквозь призму взаимоотношений народа и власти, выявления ведущих организационных форм и систем налогово-податного обложения и реакции на них крестьянства, которая в определенные исторические этапы разрасталась до противодействия государственной политике. Сквозной проблемный подход позволил установить активную роль крестьянской общины на каждом из обозначенных временных периодов.

Редколлегия

**ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ,
МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЛОГОВ И ПОВИННОСТЕЙ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА РУСИ X–XIII ВВ.**

В статье рассмотрены разные по происхождению исторические источники VI–XIII вв., содержащие сведения о генезисе и развитии налоговых и повинностных практик на Руси VI–XIII вв.

Ключевые слова: дар, почестье, дани, ежегодная фиксированная подать, дом, повоз, подвода.

Древнерусские письменные источники периода X–XI вв. ограничены в информативных возможностях для изучения повинностей и налогов, взимавшихся с сельского населения. Этот факт может создать иллюзию их недостоверности, а также привести к произвольному толкованию, особенно в условиях современного натиска идей постмодернизма на гуманитарные науки.

Решению объективно существующих проблем способствуют комплексные методы исследования с привлечением всех видов исторических источников, письменных и археологических, единовременных историческим событиям, а также анализ литературной и лингвистической традиции. Столь же важно последовательное применение данных в единстве системно-структурного и генетического методов, то есть анализ социальной системы в историческом развитии. Эти методы создают критерии объективности исторического знания. Объектом исследования должны стать не отдельные исторические явления, а исторические процессы, происходившие в синхростадиальных обществах вне зоны романо-германского этнокультурного синтеза, т.е. в обществах, в которых имманентно происходили процессы перехода от племенного строя к государственному. Такой анализ позволяет установить включение лично свободного сельского населения в систему государственных повинностей. Данная статья является продолжением и развитием наблюдений, сделанных в докладе на Брянской сессии Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы [10, с. 27–36].

¹ *Свердлов Михаил Борисович*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, sverdlovmb@mail.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

В позднеплеменном обществе основное содержание свободы заключалось в правовом равенстве его членов, прежде всего мужчин, а также, как писал К. Тацит о германцах I в. н. э., в народных собраниях, на которых решались основные вопросы жизни племени². О таком же обществе у склавинов и антов сообщил в VI в. Прокопий Кесарийский уже в эпоху Великого переселения народов: «Они не управляются одним человеком, но издревле живут в демократии, и поэтому они удачи и трудности в делах ведут всегда сами как общее дело»³.

В числе институтов позднего племенного строя существовало избрание вождя племени: в германских племенах короля (*rex*), в славянских — князя. Как писал Тацит о германцах, «они выбирают королей (*reges*) по знатности, а военных вождей (*duces*) — по мужеству»⁴. У племенных вождей собирались дружины, которые, по Тациту, являлись украшением (славой) во время мира и опорой (поддержкой) во время войны. Добровольная служба обязывала членов дружины к определенным морально-этическим обязательствам на основах верности вождю. Но вождь должен был содержать членов дружины в мирное время. В праславянской лексике эта система морально-этических отношений содержалась в словах **drugъ* ‘друг, товарищ’ и собирательное **drugina* ‘товарищество’ [11, с. 134–135].

Вождь ежедневно руководил жизнью племени и со своей дружиной защищал его. Они не были заняты в материальном производстве, и поэтому в мирное время нуждались в обеспечении продуктами. Как писал в данной связи о германцах I в. Тацит, «есть обычай — племена и, кроме того, каждый в отдельности приносят вождям или скот, или плоды, что, приносимое как почесть, служит также необходимым потребностям»⁵. Такой вид добровольных податей в праславянский период, вероятно, назывался **daгъ*. Он становился формой *почестья* — признанием рядовыми членами племени особого почетного положения избранного на народном собрании князя [10, с. 31].

Уровень экономического и социально-политического развития в VI в. на стадии позднего племенного строя позволил склавинам и антам во главе со своими *вождями* (*ápxоутес*) или *королями* расселиться не только на огромных пространствах Центральной и Восточной Европы. Они в середине этого столетия переправились через Дунай, разоряя византийские провинции, захватывая многочисленных пленных и крепости, которые византийцы считали неприступными, о чем свидетельствуют многочисленные известия византийских авторов VI —

² Tac. Germ. 11–13.

³ Procop. Caes. DB. VII, 14.

⁴ Tac. Germ. 7.

⁵ Ibid. 15.

начала VII в. Участие славян в эпоху Великого переселения народов воспринималось византийцами как единый процесс. Прокопий Кесарийский написал о «всей Европе», разграбленной гуннами, склафинами и антами [7, с. 20–22, 29–31, 39–41]. Участие в племенном войске являлось почетным правом-обязанностью.

В IX – первой половине X в. в Восточной Европе произошел процесс формирования и развития изначально многоэтничного государства, этнокультурную основу которого составляли восточные славяне. В этот период оно создавалось как потестарное, т.е. расширявшееся в результате подчинения соседних племенных княжений посредством договоров и завоеваний. *Дань, дани* как символ подчинения стал в нем названием ежегодно взимаемой подати. Эти слова просуществовали в качестве обобщающих терминов для всех видов податей на протяжении всего средневекового периода российской истории. Система податей и повинностей развивалась далее как функционально необходимая составная часть русской (позже российской) государственности.

В середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный называл государство Ῥωσία. По его сведениям и использованным им материалам, находившимся в императорском архиве, Ῥωσία простиралась от Новгорода, «в котором сидел Сфендослав (Святослав), сын Ингора (Игоря), архонта Росии» до Киева. В ее состав входили тогда кривичи, «лендзанины»(?) и прочие «Славинии», т.е. племенные княжения, древлян, дреговичей, северян «и прочих славян»⁶. Аутентичные, современные происходившим событиям, немецкие латиноязычные источники XI–XIII вв. последовательно называют это государство *Ruscia, Ruzzia, Ruzia, Rucia*. В XII в. появился также политоним *Ruthenia*⁷. В Повести временных лет (1113–1116; время ее написания дискутируется) это государство в прошлом и настоящем последовательно названо *Русь, Русская земля*⁸.

Тексты русско-византийских договоров 911 и 944 гг. (вопрос о существовании самостоятельного договора 907 г. дискутируется) раскрывают социально-политическое содержание государства, которое представляли послы: «Мы от рода рускаго <...>, иже послании от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр <...>», а также: «Мы от рода руска-

⁶ *Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 36–37, 44–51, 293–331.*

⁷ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Середина XI – середина XIII в. / Составление, перевод, комментарий М.Б. Свердлова. М.; Л., 1990. Вып. 1–3.

⁸ *Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева. СПб., 1996 (далее – ПВЛ); по указателю.*

го сълы и гостье <...>, послании от Игоря, великого князя рускаго, и от всякая княжя и от всех людей Руския земля»⁹. В договорах князя Олег и Игорь указаны как обладатели высшей власти и контрагенты византийских императоров (в соответствии с формуляром договоров с обеих сторон указаны также *бояре* и *все люди*), высшие лица в организации русско-византийских дипломатических и торговых связей, гаранты исполнения договорных обязательств русскими людьми в Константинополе, контрагенты византийских императоров в осуществлении союзных военных отношений двух государств. *Под рукою*, символом княжеской власти, находились другие князья, бояре и все люди *Русской земли*.

Эти сведения древнейших русских государственно-правовых документов в полной мере соответствуют всему комплексу греко-, латино- и арабоязычных источников, а также Начального свода 1093–1095 гг. и ПВЛ о формировании и развитии в IX – первой половине X в. государства (*Русь, Русская земля, Ῥωσία*) с высшими государственными, правовыми и военными функциями. Восточнославянские нормы *Закона Русского* (Правда Русская) учитывались при составлении русско-византийских договоров [о социально-политической структуре Руси по русско-византийским договорам 911 и 944 гг. см.: 8, с. 136–163].

Формой прямого административно-судебного управления этого огромного государства, состоявшего до середины X в. из племенных княжений, подчиненных династии Рюриковичей, со стольным городом Киевом, являлось ежегодное полюдье с ноября по апрель. Великий князь, члены его семьи и княжие мужи (*ἀρχοντες*, здесь *вожди*) с дружинами объезжали племенные княжения, осуществляя прямое административно-судебное управление и сбор податей. Константин Багрянородный использовал для раскрытия содержания полюдий соответствующий византийский термин *γύρα*. Во время таких полюдий его участники *кормились* (*διατρέφω*)¹⁰. Социально-политическая функция таких кормлений – изменяющееся по форме, но не по содержанию средневековое прямое управление княжеской (царской) властью обширными регионами государства.

Как следует из известий разных по происхождению исторических источников, Русь первой половины – середины X в. представляла собой государство, в котором существовали основные институты – публичная власть в виде княжеской династии Рюриковичей, основной источник права – Правда Русская, войско, податная система. С введением княгиней Ольгой в государстве системы погостов с середины X в. появился пятый основной институт – территориальное деление

⁹ ПВЛ. С. 18, 23.

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 50, 51.

по городам с волостями и погостами, т.е. завершился процесс политического формирования общерусского государства. Он подразумевал существование системы податей и повинностей, относившихся к лично свободному сельскому населению.

Как отмечено ранее, обобщающим названием податей в средневековый период истории России стал термин *дани*. Добровольные внутривозрастные натуральные подношения князю и его служилым людям развились в особые подати под названием *дар* и/или *почестье*. *Дар* по происхождению и *почестье* по презентативной функции отмечаются при указании денежного обеспечения вирника в соответствии с Покорном вирным князя Ярослава Владимировича (до 1054 г.), включенном в состав Пространной Правды Русской (ст. 9 по академическому изданию Правды Русской): «<...> а еще съсадная гривна». То есть, когда вирник ссаживался с коня, приехав для сбора виры – судебного штрафа за убийство свободного человека, он получал в качестве дара или почестья установленную подать – «ссадную гривну».

Древнейший по происхождению *дар* стал названием обязательной государственной подати с сельского населения. В уставной грамоте 1136/1137 г. новгородского князя Святослава Ольговича церкви святой Софии в Новгороде указывалось: «<...> на Тудорове погосте два сорочька, на Иване погосте с даромь 3 сорочьки, на Рокуле 3, <...> у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даромь два <...>»¹¹. То есть, в Новгородской земле первой трети XII в. существовали погосты, которые платили только фиксированную подать – *дань*, тогда как другие дополнительно *дар*. В установившейся в середине – второй половине XII в. системе договорных отношений формирующейся Новгородской республики с князьями устанавливалось, что новгородские волости должны управляться новгородцами, но князь имел право получать от этих волостей *дар*. Из договорной грамоты 1304–1305 гг. Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем следует, что «волости новгородских, тех волости, княже не държати ти своими мужи, държати мужи новгородскими; а дар, княже, тебе имати от тех волостей». Это условие повторяется в последующих новгородских грамотах вплоть до Яжелбицкого мира с великим князем Василием Васильевичем в 1456 г., когда начался процесс интеграции Новгородской республики в составе Московского княжества. Московская грамота, сохранившая условия этого мира, лишь подтвердила это право: «А от волостей дар имати по старине»¹². *Дар* стал также названием в XV в. подати крестьян светскому и духовному землевладельцу [1, с. 63].

¹¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Издание подготовил Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 148; здесь и далее курсив в цитатах наш.

¹² Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949 (далее – ГВНП). С. 15, 40, 41.

Таким образом, *дар* как социально-экономически детерминированное добровольное подношение членов племени избранному князю стал в средние века древнейшей по происхождению государственной податью.

Основным видом подати со свободного сельского населения стал *дым-дом*. В процессе социально-экономической и политической эволюции в период развитого железного века у восточных славян сформировались в VIII–IX вв. малая и неразделенные семьи, соседская община как основные типы семейной и общинной организации. Об этом свидетельствуют небольшая площадь домов (10–20 кв. м.) на сельских поселениях, найденный в этих домах сельскохозяйственный инвентарь, ограниченные запасы продовольствия, хозяйственные сооружения, входившие в единые жилищно-хозяйственные комплексы [3, с. 224–225; 4, с. 132–133, 166]. К этому периоду относятся сообщения Начального свода и ПВЛ о взимании с древлян дани по черной куне от дыма¹³. Учитывая, что у восточных славян IX–X вв. *дым* – дом, хозяйство малой семьи, данная система налогообложения представляет собой общеевропейское *подымное* [7, с. 144–145]. В последующем повествовании Повести временных лет сообщается о дани с восточнославянского племени вятичей хазарам «по шьягу от рала»¹⁴, что можно интерпретировать как ретроспективное изложение существовавшего на Руси XI – начала XII в. податного обложения пахотной земли, обрабатываемой плугом [9, с. 399–405].

Как следует из системы ежегодного *полюдья*, для его осуществления необходима была государственная дорожная повинность местного населения – *повоз*. Для указания зависимого положения радимичей, над которыми Владимир Святославич установил свою власть в 6492/984 г., автор ПВЛ использовал термин *повоз*: «<...> повоз везуть и до сего дне»¹⁵, т.е. до 1113–1116 гг. Слово *повоз* буквально значило *колесный транспорт, подвод*, поэтому Владимир Мономах, излагая обстоятельства похода на половцев написал: «<...> но оружие бяхом услали наперед на повозех»¹⁶. Вместе с тем, автор ПВЛ, записав под 6579/1071 г. со слов уже старого по возрасту знатного княжого мужа Яна Вышатича рассказ о подавлении восстания смердов во главе с волхвами, использовал слово *повозник* для обозначения людей, которые обеспечивали плавание Яна и его людей в ладье по Шексне: «<...> и рече Янь *повозникам* <...>»¹⁷. Отсюда следует, что название повинно-

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 109; ПВЛ. С. 14.

¹⁴ ПВЛ. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 77.

сти *повоз* относилось на Руси ко всем видам перевозок, начиная от древнего полюдья до дорожной повинности в период развитого государственного строя XI – начала XII в.

С развитием государственно-правовой терминологии архаичное *повоз* было вытеснено синонимичным *подвода*. Как написано в грамоте великого князя Андрея Александровича о договоре с Новгородом (новгородское княжение в 1294–1304 гг. с перерывами), «отъ дають с погостов корм и *подводы* по пошлине». В грамоте Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление также указана подводная повинность: «<...> а в Перми емлеть *подводы*, так было и доселе»¹⁸.

Наряду с *повозом* и *подводой* к древней эпохе *полюдья* восходит денежная подать под тем же названием – *полюдь*. В уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича, учрежденной в 1136 г. Смоленской епископии, указано, что князь «дает» ей десятину «от всех даней смоленских», кроме продажи, виры (судебные штрафы за совершенные преступления) «и кроме *полюдья*». В грамоте написано, что «в Лучине полюдья [...] гривны», но цифра не сохранилась¹⁹. В данном случае Лучин – городская округа, сельская местность, поскольку в соответствии с уставной грамотой с этого небольшого города взималось *погородье* – «три гривны урока и две лисицы, и осетр»²⁰.

Судя по грамоте 1130 г. находившегося в Киеве великого князя Мстислава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода, новгородскому Юрьеву монастырю были даны волость Буец с податным и судебным иммунитетом («с данию и с вирами, и с продажами») и еще серебряное блюдо. Князя пожаловали монастырю «и *осеньнее полюдь* даровное» в двадцать пять гривен²¹, а также «вено вотское» (А.И. Ермолаев) или «вено волочкое (или волоцкое)» (А.А. Шахматов) [12, с. 135–136].

Существование в первой трети XII в. денежной подати *полюдь* на обширных территориях Руси позволяет предположить, что древнее *полюдь*-объезд во второй половине X – XI в. стало определенной денежной суммой, один раз в год взимаемой с сельского населения конкретной территории, а с городского населения взималось *погородье*.

В процессе формирования и развития политически единого государства древнее право-обязанность мужчин участвовать в племенном ополчении стало принудительной обязанностью. Излагая события Долобского съезда князей Святополка Изяславича и Владимира Мо-

¹⁸ Пвл. С. 141, 143.

¹⁹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 143.

²⁰ Там же. С. 146.

²¹ ГВНП. С. 140.

номаха с их близким окружением, дружинами, «в едином шатре» в 6611/1103 г., автор Повести временных лет обстоятельно изложил это событие, близкое по времени к написанию своего замечательного произведения. Дружина Святополка возражала против похода весной, аргументируя тем, что они не хотят: «погубити смерды и ролью их», т.е. оторвать смердов от пахотных работ. Владимир им решительно возразил: «<...> оже лошади жалуєте, ею же кто ореть, а сего чему не промыслите, оже то начнуть орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелюю, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его имень? То лошади жаль, а самого не жаль ли?»²².

Как интерпретировал этот текст Б.А. Романов, речь идет в нем о мобилизации для похода лошадей у лично свободного сельского населения — смердов, владельцев собственного хозяйства. Учитывая же более позднюю редакцию данного текста в Повести временных лет по Ипатьевской летописи, а также наблюдения Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова, Б.А. Романов пришел к выводу, в соответствии с которым «пристальный сравнительный анализ двух редакций Долобского текста все же вскрывает, как привычное, представление о смердьеи лошади как предмете именно конской мобилизации, не исключавшей, конечно, и мобилизации людской; только в результате этой последней, насколько можно судить по другим текстам, смерды выступали в походах «пешьцами», и в целевом плане оба вида мобилизации были раздельны» [6, с. 131–142].

Воинскую повинность в соответствии с решением князей и их ближайшего окружения лично свободные смерды исполняли, участвуя в ополчениях и предоставляя по мобилизации своих лошадей. То есть, воинская повинность лично свободного сельского населения являлась государственным институтом.

Таким образом, комплексный анализ разных по происхождению исторических источников свидетельствует о системном становлении податей и повинностей свободного сельского населения в период развития Руси от племенного строя к государственному. В процессе становления государства ранее добровольные, но социально-экономически детерминированные добровольные подношения стали государственной податью *даром*. Появилось *полюдье* в фиксированном денежном выражении. Единицей ежегодного фиксированного податного обложения меховыми товаро-деньгами для сельского населения стал *дым-дом* — хозяйство малой семьи. Позднее стала облагаться податью пахотная земля. Право-обязанность участия в племенном войске трансформировалось в государственной системе в обязательное участие лично свободных смердов в войске и/или мобилизации их лошадей, тогда как дорожная повинность *повоз, подвода* обеспечивала государствен-

²² ПВЛ. С. 118.

ное административно-судебное управление и взимание податей. Собираемые подати имели как общегосударственное значение, так и рентные функции материального обеспечения служилых князю людей [10, с. 27–36].

Данные подати (кроме *полюдьа*), государственные и в господских хозяйствах под обобщающим названием *дани*, просуществовали в денежном выражении весь средневековый период российской истории, как и *подвода* в качестве дорожной повинности. Еще в 1623 г. в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича владимирскому Рождественскому монастырю в качестве иммунитета от многочисленных государственных податей, пошлин и повинностей указывалось: «<...> ни *подымного не платят*; и *подвод* у них не *емлют*, и с подводами на ямех не стоят, <...> воеводы наши и ратные и всякие проезжие люди в их монастырских селех и в деревнях силно не ставятца, и *подвод и проводников и кормов* своих у них *силно не емлют*, <...> их монастырские люди и крестьяне наших *повозов не возят* <...>»²³.

Степень распространения письменности и сохранности письменных источников определяют степень их информации о крестьянских податях и повинностях в других славянских странах в XI–XIII вв. Для этого периода значительный актовый материал сохранился в странах, где государственной религией являлось католичество и была распространена латиноязычная письменность.

Так, в Хорватии общим названием податей являлось *tributum* – *дань, подать*. Их основу составлял поземельный налог, который выплачивался в денежной и натуральной форме. В XI в. подать платилась мехами лис и куниц, а потому называлась *мартурина* или *куновина*. Взималась *honoficentia* – *добровольные дары*, т.е. *дар* или *почестье*. Особым видом натуральной повинности являлось право хорватских королей на угощение и постой: *zalazina* – *объезд*, ср. *полюдьа*, *descensus* – *сошествие, спуск*, ср. *ссадная гривна* [2, с. 276–280].

В Чехии в XI–XIII вв. в состав податей с сельского населения входили: *collectae generales* – поземельный налог с пахотных площадей, *нарез* – выплата подати скотом, обеспечение мясом княжеского двора. Повинностями являлись воинская, *поезда, повоз* – дорожная или гужевая повинность, *провод* – сопровождение князя и его служилых людей. В Чехии для свободного сельского населения существовал выкуп, денежный эквивалент *поезды* – 12 денариев, других повинностей – 14 денариев (ср. *полюдьа* в денежной форме) [13, с. 157–162].

В Польше середины XI – середины XIII в. податями со свободного сельского населения являлись *подворное* или *подымное* – подать с дома и дворового хозяйства, *поральное* или *поволовое* – подать с рала (плу-

²³ Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 125–126.

га), единицы пахотной площади, *нарез* — налог скотом или за выпас свиней в княжеском лесу, *ополе* — подать с общины, *сен* — подать зерном. Повинности — *провод*, *повоз*, *подвода* — сопровождение, охрана средствами перевозок князя, его свиты и административно-судебного аппарата, воинская повинность, стан — обеспечение постоя князя и административно-судебному аппарату, а также другие повинности [5, с. 150–156].

Последовательное применение системно-структурного, генетического и сравнительно-исторического методов позволяет установить, что на Руси VI–XIII вв. объективно образовалась система податей и повинностей со свободного сельского населения, аналогичная той, которая формировалась и развивалась в этот период в славянских странах Европы. Налогово-повинностные практики в них едины по содержанию и близки по названиям. Их различия определяются лишь особенностями исторического развития, распространения письменности и степенью сохранности ее нарративных и юридических памятников. Объективной закономерностью такого единства налогово-повинностных практик стало объективное содержание перехода общества от родоплеменного строя к государственному и органическое включение свободного сельского населения в систему государства. Их сравнительно-историческое изучение с другими европейскими странами, прежде всего вне зоны романо-германского этнокультурного синтеза, может стать темой специальных исследований.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
2. *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классовообразования у славян). М., 1964.
3. *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое. Л., 1958.
4. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968.
5. *Разумовская Л.В.* Очерки по истории польских крестьян: От древних времен до XV в. М.; Л., 1958.
6. *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947.
7. *Свердлов М.Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
8. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
9. *Свердлов М.Б.* Шиллинг или шелег? К изучению поземельного обложения в домонгольской Руси // Висы дружбы: Сб. ст. в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011.

10. *Свердлов М.Б.* Рентные функции государственных податей в средневековой Руси (на древнерусских материалах) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.

11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5.

12. *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.

13. *Jireuek H.* Slovanský prěvo v iechach a na Moravě: Doba druhá: Od roibtku XI. Do konce XIII. stoletn. Praha, 1864.

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И БЮДЖЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVI В.

В статье рассматривается фискальная политика Московского государства в отношении крестьянских хозяйств Новгородской земли после присоединения к Москве. Оцениваются бюджеты крестьянских хозяйств, положенных в разные доли налогообложения.

Ключевые слова: фискальная политика, Новгородская земля, крестьянское хозяйство, обложение, крестьянский бюджет.

После присоединения Великого Новгорода Московское государство получило обширнейшие владения, по размерам превосходившие его собственную территорию. Оценить размеры присоединенной территории и количество проживающего на ней населения позволяют новгородские писцовые книги. Московские писцы описали в них владения старых и новых владельцев, зафиксировали количество деревень и дворов, поименно назвали тяглых крестьян, величину их посева и покоса, промысловые угодья, указали «старый» и «новый» доход владельцев. Новгородские переписи имели важное государственное значение. По мнению Г.В. Абрамовича, они выполняли важнейшие административно-политические функции по введению учета и упорядочению поместного землевладения, а также фискальные задачи. В частности, во время переписи 1495–1505 гг. «было установлено твердое количество окладных единиц в области, и таким образом определена весьма важная доходная статья государственного бюджета» [2, с. 5]. Как подчеркивает Н.С. Борисов, Иван III после присоединения Новгородской земли провел своего рода инвентаризацию всех хозяйственных угодий и населения. Целью новгородских переписей было точное определение налогов и податей в соответствии с московскими нормами [5, с. 195].

Последовавшая после присоединения к Москве конфискация вотчин в Новгородской земле стала толчком к развитию на этой территории поместной системы. В отличие от вотчины, бывшей родовым, наследственным владением, поместье было владением временным,

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, Академия маркетинга и социально-информационных технологий, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

условным. Помещики сидели на пожалованных государем землях и только при условии несения военной службы могли рассчитывать на получение с них дохода. Подробные реестры крестьянских повинностей в пользу помещиков в фискальных описаниях Новгородской земли конца XV – первой половины XVI в., с точки зрения Б.Н. Флори, свидетельствуют о постоянном контроле за взаимоотношениями помещиков и крестьян. Поместья считались собственностью государства, которое строго следило за их состоянием и распределением. Более того, за вред, нанесенный хозяйственному состоянию поместий, помещика ожидало наказание [23, с. 65].

Оценка производственной мощности крестьянских хозяйств и положение их в тягло стало одной из главных фискальных задач новгородских переписей. Государство было заинтересовано в определении потенциальных возможностей налогообложения крестьянских хозяйств, составлявших основную массу производителей Новгородской земли. При проведении описания в Новгородской земле московские писцы использовали местную единицу налогообложения – обжу. Хорошо известно, что на вопрос великого князя Ивана III «что есть обжа», новгородцы ответили: «Три обжи – соха, а обжа – один человек на одной лошади орет»². Это вполне понятное для современника объяснение до сих пор вызывает споры, поскольку не дает ответа на вопрос, чем на самом деле была обжа – единицей земельной меры или единицей обложения.

Мнения ученых об обже существенно отличаются друг от друга. Под влиянием концепции С.Б. Веселовского часть ученых, изучавших писцовые книги, основным принципом обложения считала «посильность тягла». С.Б. Веселовский полагал, что пашня паханая не была главным признаком, определявшим размер обложения. С его точки зрения, в определении посильности тягла играли роль сразу несколько признаков, в том числе имеющиеся уголья, торги, промыслы и имущество. Дворы отличались друг от друга по своей силе. Писцы приравнивали их к определенной окладной единице, фиксируя имеющиеся у них представления об этой силе и сравнивая его с определенной нормой [7, с. 233]. Исследователь приходил, таким образом, к выводу, что объективно оценить посильность двора фактически невозможно, поскольку обложению подлежала тягловая сила этого двора, в большинстве случаев представлявшая тягловую силу одного дворохозяина. Поэтому писцы облагали каждый двор «по человеку глядя», оценивая на глаз, сможет ли он потянуть такой налог или нет [8, с. 79].

Подобный подход С.Б. Веселовского не позволял отойти от определенной условности при рассмотрении данных писцовых книг, преуве-

² Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. С. 217.

личивал роль субъективного фактора в писцовом описании и ставил все описание в зависимость от добросовестности и опытности писцов. Весьма условной единицей оказалась при данном подходе и обжа. Соглашаясь с тем, что в самый начальный момент появления сошного письма оно все же базировалось на поземельном принципе обложения, С.Б. Веселовский считал, что в дальнейшем пососное обложение никогда не было поземельным [7, с. 13]. Обжа, по его мнению, никогда не было земельной мерой, оставаясь всегда условной единицей.

В то же время некоторые исследователи пытались обосновать объективные критерии, взятые за основу налогообложения. Одни из них считали таким критерием землю (П.А. Соколовский, А.С. Лаппо-Данилевский), другие – количество лошадей в хозяйстве (В.И. Сергеевич), третьи предлагали рассматривать обжу комплексно, учитывая количество земли в хозяйстве и другие признаки [19, с. 10; 16, с. 522; 13, с. 54]. Так, В.М. Владиславлев считал обжу податной пашней условных размеров, зависимой от количества рабочего скота [9, с. 230]. В.Ф. Загорский полагал, что существует некоторая зависимость обжи от качества почвы, но в то же время считал это отклонением от нормы [13, с. 323].

Б.Д. Греков выводил «обжу земли» из выражения «село земли», подразумеваемая под землей не только пашню, а весь хозяйственный земельно-лесной комплекс: пожни, лес, хмельники, перевесья, рыбные ловли [12, с. 230]. Введение новых окладных единиц, таких как лук и обжа, ученый связывал с задачами, стоящими в период описания перед государственными фискальными органами. Новые термины, по его мнению, оказались гораздо удобнее предыдущих, потому что одновременно обозначали платежеспособность лица и количественное выражение его хозяйственности. Для оценки оклада на месте они не вызывали никаких затруднений: «местное население легко переводило качество в количество и, подводя итоги, давало требуемые луки и обжи» [12, с. 232]. Обжу Б.Д. Греков считал типично окладной единицей, непостоянной по своему наполнению, которая характеризовалась соотношением количества рабочей силы к пространству и качеству эксплуатируемых угодий, прежде всего пашни [12, с. 252].

В дальнейшем Г.В. Абрамович высказал мысль, что обжа к середине XV в. стала самой мелкой земельной единицей, размер которой определялся возможностями однолошадного крестьянина [1, с. 372]. Он полагал, что согласно источникам XV–XVI вв. обжа выступает в самых разных формах, не только как единица обложения, но и как мера земли, как объект продажи, заклада [2, с. 18]. По мнению ученого, до середины XV в. в Новгородской земле основной окладной единицей была соха, обжа среди окладных единиц тогда не упоминалась. Однако во второй половине XV в. в связи с массовым распространением трехполья, применением навоза и усовершенствованием орудий

труда обрабатывать землю стало несколько легче. Из больших семей начали выделяться отдельные однолошадные хозяйства. В этот момент обжа была единицей обжитой земли и совпадала с малым односемейным двором. Позднее при выделении в отдельные хозяйства женатых сыновей им приходилось выделять пахотные поля и сенокосы. Эти земельные участки и стали называться обжей [2, с. 20].

С точки зрения Г.В. Абрамовича, размер обжи в домосковское время был неодинаковым, в южных районах — более крупным, чем на севере, где пахотной земли не хватало. В среднем, по его данным, на обжу приходилось от 8 до 12 десятин в трех полях, учитывая сенокос для одной лошади и хозяйственные постройки крестьянского двора. Во время переписи 1495–1505 гг. московское правительство провело нивелировку обжи и установило ее единый размер, равный 15 десятинам. Обжа превратилась из земельной меры еще и в единицу обложения, а также в единицу поместного оклада и верстания [2, с. 9]. Пройдя такую же эволюцию, как и соха, к концу XVI в. обжа растворилась в общерусской десятине.

Особая точка зрения была у В.А. Бурова, который высказал предположение, что «обжой» считалась не определенная земельная единица, а однолошадная упряжка. В пользу такой трактовки, по его мнению, свидетельствуют этимология слова (в системе крепления сохи к упряжке обжой называется один из ее конструктивных элементов) и то обстоятельство, что в XV в. обложению подлежали производственные комплексы (лук, чан, невод, црен). На взгляд ученого, перенос термина «обжа» с конской упряжки на обрабатываемый участок земли вполне объясним, так как крестьянский двор и конская упряжка немыслимы без земли [6, с. 47]. Обжа земли — это уже то количество земли, которое необходимо и достаточно для ведения хозяйства крестьянином, имевшим однолошадную упряжку. Первоначально это был оценочный термин, а не метрологический и лишь со второй половины XVI в. его можно считать единицей земельной площади. Как считал В.А. Буров, обжа XV в. была, во-первых, однолошадной упряжкой с сохой, производственным комплексом, который соответствовал крестьянскому двору, имеющему необходимое и достаточное количество земли для ведения хозяйства, а во-вторых, очень удобной фискальной единицей сбора дани, не требовавшей подсчета обрабатываемой земельной площади и облегчавшей московским писцам описание Новгородской земли.

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», учитывая первоначальное определение обжи — «один человек на одной лошади орет», полагали, что обжа соответствовала определенному земельному участку, который считался нормальным крестьянским наделом в данном районе и при данной системе земледелия [3, с. 26–27]. По их мнению, обжа была неточной земельной мерой, находившейся в некотором соответствии с дворовой запашкой [3, с. 29]. В некоторых районах

Шелонской и Водской пятин во второй половине XVI в. обжа действительно соответствовала 10 четвертям пашни в поле. Однако в Обо-нежской и Деревской пятинах размер обжи был гораздо меньшим. Постоянной величиной обжа становится к концу XVI в., когда ее по-всеместно приравнивают к 10 четвертям тягло пахотной пашни или примерно 15 десятинам в трех полях [4, с. 13].

Вопрос о том, можно ли буквально воспринимать трактовку обжи как «один человек на одной лошади орет» в своей совместной с Н.А. Горской работе, посвященной перспективным направлениям изучения аграрной истории Северо-Запада России, поставил Л.В. Милов, не согласившийся с тем, что это понятие включает в себя объем простых физических возможностей лошади и крестьянина [11, с. 70]. С его точки зрения, подобная трактовка обжи позволяла допустить наличие у крестьян в XV – начале XVI в. весьма больших земельных наделов, достигавших 10 десятин пашни в трех полях. Это вызывало сомнения, поскольку в последующие столетия размер пахотного поля у однолошадного крестьянина был гораздо меньшим.

Л.В. Милов предложил рассматривать обжу комплексно, учитывая практические, а не теоретические возможности однолошадного крестьянина, взятые в целом в сложном сельскохозяйственном цикле. Он подчеркивал, что именно «комплексность понятия «обжа» позволяет трактовать ее как некую обобщенную единицу, символизирующую мощность и платежеспособность однолошадного крестьянина» [11, с. 70]. Подобная трактовка позволяла объяснить значительные колебания коробей ржи в расчете на обжу, зафиксированные в новгородских писцовых книгах. Л.В. Милов предположил, что все в данном случае зависело от качества земли. Если обжа не была точной единицей земельной площади, то она могла быть достаточно точной единицей обложения. Вполне вероятно, что «к обже как примерному эталону сферы действия производственных возможностей нормального однолошадного хозяйства могли быть приравнены эквивалентные по своему плодородию земельные комплексы того или иного хозяйства с пашней и в 1,5 коробей, и в 2, 3, 4, 5 и да же в 6 коробей в поле, а в «дву потому ж»» [11, с. 71].

Проведенное нами исследование, основанное на статистической обработке массивов данных новгородских писцовых книг, позволило установить, что обжа в конце XV – начале XVI в. выступает в виде довольно гибкой окладной единицы, учитывающей при определении платежеспособности производственную мощность крестьянского хозяйства в зависимости от особенностей каждой местности и уравнивающей по тяглоспособности различные типы хозяйств [21, с. 230]. Вывод сделан на основании результатов статистической обработки хозяйственных показателей 7195 отдельно описанных крестьянских дворов всех пяти пятин Новгородской земли, что составляет 18,9 % от всего их количества, достигающего по разным оценкам от 37 тыс. до

38 тыс. дворов [22, с. 120–234]. При данной статистической обработке крестьянские дворы сначала были сгруппированы по обжам, а потом уже по величине запашки — группам, куда входили одинаковые по тягловоспособности крестьянские хозяйства.

Ранее исследователи вполне логично предполагали, что на больших по размеру участках пашни крестьянские хозяйства получали гораздо больший валовой урожай, а также вполне закономерным считалось и отнесение к зажиточным крестьянским хозяйствам тех дворов, в которых сеялось больше зерна. Не вызывали в данном случае сомнения и построенные на основании размера запашки модели бюджета среднего крестьянского хозяйства Новгородской земли [3, с. 363–367]. Однако подобные бюджеты давали основание говорить о широком распространении в конце XV — начале XVI в. в Новгородской земле зажиточных дворов [10, с. 331; 11, с. 66–85]. Это, в свою очередь, позволяло предполагать, что выделение из крестьянской среды богатой верхушки «могло при определенных условиях создать предпосылки для появления в будущем крестьянской буржуазии» [3, с. 371].

Исследование, основанное на выделении из массива данных новгородских писцовых книг сначала крестьянских дворов, несущих одинаковое налоговое бремя, а потом уже подробное изучение хозяйственных характеристик внутри каждой группы крестьянских дворов, различающихся по налогообложению, позволило выявить, что обежное обложение в конце XV — начале XVI в. в неявном виде учитывало принцип «одабривания» земель, который помогал компенсировать невысокое качество земли ее количеством. Такой подход позволял уравнивать по тяжести налогов крестьянские дворы, расположенные на землях, отличающихся друг от друга по своему плодородию, т.е. изначально поставленные в разные условия существования.

Крестьянские дворы, положенные в одинаковые доли обжи, представляют собой группы хозяйств, которые находятся в примерно равных условиях, но отличаются между собой, как по размерам запашки, так и по запасам сена. Если в расчете на обжу, как единицу обложения, запашка оказывается примерно одинаковой (она находится в небольшом интервале), то запасы сена при переходе от малообежных дворов к многообежным уменьшаются. За этим скрывается включение в обжу, как единицу налогообложения, больших по площади размеров земли. В менее платежеспособных группах крестьянских дворов в расчете на обжу посева размеры земли оказываются крупнее, чем в более платежеспособных группах дворов, скрывая тем самым большую по площади запашку малоплодородной земли. Лишь при такой трактовке обжи можно объяснить парадоксальную ситуацию, когда крестьянские хозяйства с большей запашкой в поле облагаются в гораздо меньшем размере, чем хозяйства, имеющие небольшое количество пашни.

Весьма интересными оказываются результаты расчета зерновых бюджетов крестьянских хозяйств. К сожалению, обчислить все статьи доходов и расходов крестьянской семьи в XV–XVI вв. из-за отсутствия данных не представляется возможным. В данном случае можно опираться только на сведения писцовых книг о посевах хлебов и высочитанные данные о расходах крестьянской семьи на основные продукты питания и фураж. Сведения о количестве коробей посева характеризуют земледельческую основу крестьянского хозяйства и стоят в описании на первом месте. Они свидетельствуют, как правило, о посеве ржи, но имеют в виду и наличие двух других полей: одного под паром, а другого с посевом яровых хлебов. Число коробей высеваемой ржи может дать представление о размерах крестьянской запашки. В наших расчетах одна коробья ржи приравнивается к 7 пудам, коробья овса – к 4,7 пуда, коробья ячменя – к 6 пудам, коробья пшеницы – к 7–8 пудам [3, с. 31–32]. Поскольку в конце XV в. на большей территории Новгородской земли удельный вес пшеницы в оброчном зерне составлял только 5–8 % [3, с. 344–345] и вес одной коробьи пшеницы был почти равен весу одной коробьи ржи (7–8 пудов), пшеница в расчетах отдельно не выделяется. Средняя численность двора с одной мужской душой определяется в 5 человек. Норма потребления хлеба – в 3 четверти или 24 пуда на душу обоего пола. В эту цифру исследователи включают расход и на продовольственные и хозяйственные нужды [14, с. 3; 17, с. 387–389; 18, с. 238, 243].

В составленных нами таблицах группировки крестьянских дворов по долям обложения проявляются одни и те же закономерности. С увеличением посевов на двор и собираемых урожаев увеличивается налогообложение крестьянских хозяйств. Вместе с ростом обложения зерновой бюджет имеет тенденцию перехода от дефицитного к бездефицитному, увеличивается остаток зерна после вычета семян и расходов на хозяйственные нужды. В то же время посевы на обжу при разном обложении оказываются примерно одинаковыми. С ростом обложения прослеживается тенденция увеличения количества мужских душ на крестьянский двор, фактически это означает, что во дворах растет число работников. Одновременно с увеличением мужских душ в хозяйстве растут и хозяйственные показатели на двор.

В крестьянских дворах, несущих одинаковое налоговое бремя, также прослеживаются определенные закономерности. Крестьянские хозяйства в них находятся в равных условиях, но отличаются по посевам на двор, от которых в свою очередь зависят валовые урожаи и зерновые бюджеты крестьянских хозяйств. Во всех новгородских пятинах в каждой группе крестьянских дворов, облагаемых налогами одинаково, выделяется основной массив хозяйств с примерно одинаковыми посевами. Вместе с тем в пообедной группе присутствуют хозяйства с меньшими и большими посевами. Так, в Шелонской пятине в полубежных дворах основную массу составляют дворы с запашкой от 3 до 4

коробей, но присутствуют и дворы с запашкой 1, 2 и 5 коробей. В однообезных дворах основную массу составляют дворы с запашкой от 4 до 5 коробей, но присутствуют дворы с запашкой 2, 3, 6 и 7 коробей. В полуторообезных дворах большинство хозяйств сеют 6—7 коробей, но здесь также имеются дворы с посевом 4, 5, 8 коробей и единичные дворы с посевом 1, 9, 10, 12 коробей. В двухобезных дворах большинство сеет от 6 до 10 коробей, но в эту долю обложения включены и единичные дворы с посевами 4, 5, 6, 11, 12, 13, 20, 50 коробей. Во дворах, положенных в 2,5 обжи, основная масса сеет от 8 до 12 коробей, но здесь также есть единичные дворы с посевами 7, 13, 14, 15 коробей. Хозяйства с меньшей или большей запашкой явно выбиваются из общего ряда. Возможно, здесь речь идет о некоторых случаях льготного обложения.

Сравним крестьянские хозяйства с одинаковыми посевами в коробьях, положенные в разные доли обжи в Шелонской пятине. Полуобезный двор с посевом 3 коробыи в среднем на обжу высевает 5,6 коробыи, однообезный двор с таким же посевом — 2,9 коробыи, полуторообезный двор — 2 коробыи, двухобезный — 1,5 коробыи. В остальных долях обжи дворы с такими посевами отсутствуют. Количество мужских душ во дворах с посевом 3 коробыи колеблется: 0,5 обжи — 1,2 м.д., 1 обжа — 1,3 м.д., 1,5 обжи — 1 м.д. (всего один двор), 2 обжи — 1 м.д. (также один двор). В целом, расходы зерна в этих дворах оказываются одинаковыми — 84 пуда.

Зерновой бюджет крестьянских дворов с посевом 3 коробыи оказывается также примерно одинаковым. В полуобезном дворе при урожайности сам-2 хозяйству не хватает от 51,2 до 47,6 пудов зерна, при урожайности сам-3 дефицит составляет от 18,5 до 11,2 пудов. В однообезном дворе с запашкой 3 коробыи при урожайности сам-2 в бюджете не хватает от 50 до 71,3 пудов зерна, при урожайности сам-3 — от 16,1 до 8,3 пудов. В единичном полуторообезном дворе при такой же запашке и урожайности сам-2 дефицит достигает 48,9—45 пудов, при урожайности сам-3 он сокращается до 13,8—6 пудов. В единичном двухобезном дворе мы имеем такие же показатели.

Обратим внимание на показатели крестьянских дворов с запашкой 5 коробей, положенных в разные доли обжи. Полуобезный двор с такой запашкой на обжу сеет 10 коробей, однообезный двор — 5 коробей, полуторообезный — 3,3 коробыи, двухобезный — 2,5 коробыи. В остальные доли обжи дворы с такой запашкой не положены. Количество мужских душ возрастает с ростом доли обложения: 0,5 обжи — 1 м.д., 1 обжа — 1,6 м.д., 1,5 обжи — 1,9 м.д., 2 обжи — 2,5 м.д. Закономерно возрастают и расходы двора от 84 до 144 пудов.

В то же время наблюдается следующая динамика зерновых бюджетов крестьянских хозяйств. В полуобезном дворе при урожайности сам-2 дефицит составляет от 25,5 до 19 пудов. При урожайности сам-3 после вычета семян и расходов на хозяйственные нужды остается

остаток в размере 33–46 пудов. В однообезном дворе с таким же посевом при урожайности сам-2 в зерновом бюджете ощущается недостаток в размере 37,5–31 пуда, при урожайности сам-3 зерновой бюджет имеет определенный резерв в размере 21–34 пуда. В полуторообезном дворе с запашкой 5 коробей и возросшим количеством душ в зерновом бюджете не достает от 61,5 до 55 пудов, при урожайности сам-3 возможен небольшой излишек зерна до 10 пудов. В двухобезном дворе вместе со значительным увеличением количества душ бюджет оказывается дефицитным. При урожайности сам-2 в нем не хватает от 85,5 до 79 пудов, при урожайности сам-3 дефицит сокращается до 27–14 пудов.

Сравним показатели крестьянских дворов, сеющих 7 коробей и положенных в разные доли обжи. В группе полубезных дворов такие дворы отсутствуют. В однообезных дворах в среднем на двор приходится 1,7 м.д., в полуторообезных – 1,8 м.д., в двухобезных – 1,8 м.д., в единичном дворе, положенном в 2,5 обжи, – 2 м.д. Расходы на двор вырастают от 96 до 132 пудов.

Зерновой бюджет в однообезном дворе с посевом 7 коробей при урожайности сам-2 имеет дефицит от 38,1 до 29 пудов, при урожайности сам-3 в хозяйстве остается остаток в размере 43,8–62 пудов. В полуторообезном дворе при урожайности сам-2 дефицит также достигает 38,4–29 пудов, при урожайности сам-3 имеется резерв в размере 43,8–62 пудов. Такой же зерновой бюджет при урожайностях сам-2 и сам-3 будет и в двухобезных дворах. В единичном дворе, положенном в 2,5 обжи, при урожайности сам-2 дефицит достигает 50,1–41 пуда, при урожайности сам-3 – остаток зерна после вычета расходов на хозяйственные нужды и семена достигает 31,8–50 пудов.

Значительный интерес представляют дворы с запашкой 10 коробей, также положенные в разные доли обжи. Такие дворы в Шелонской пятине зафиксированы, начиная с полутора обез. В полуторообезном дворе, сеющем 10 коробей, на обжу высевается 6,7 коробьи, в двухобезном на обжу приходится 5 коробей, во дворе, облагаемом в 2,5 обжи, на обжу сеют 4 коробьи. Количество мужских душ во дворе, положенном в 1,5 обжи, составляет 2 м.д., в 2 обжи – 2,4 м.д., в 2,5 обжи – 2,4 м.д.

Зерновой бюджет при посеве 10 коробей при урожайности сам-2 в полуторообезном дворе имеет дефицит до 15 пудов зерна, при урожайности сам-3 в нем складывается резерв в размере 102–128 пудов. В двухобезном дворе с таким же посевом при урожайности сам-2 дефицит составляет 27–14 пудов, при урожайности сам-3 после вычета зерна на посев и хозяйственные нужды остаток достигает 90–116 пудов. Такой же зерновой бюджет складывается и во дворах, положенных в 2,5 обжи.

Таким образом, при сравнении зерновых бюджетов крестьянских дворов, положенных в разные доли обложения, выясняется, что тягло

распространяется достаточно равномерно. Большинство крестьянских хозяйств в каждой платежеспособной группе несет равное налоговое бремя, хотя имеются хозяйства, выделяющиеся по своим производственным показателям. Возможно, в данном случае речь может идти либо о льготном обложении, либо о еще довольно грубой работе архаичной системы «одабривания» земель.

Наши подсчеты показывают, что зерновые бюджеты крестьянских дворов возрастают пропорционально с ростом обложения, причем более платежеспособные дворы имеют не только большие валовые урожаи, но и больший по численности состав крестьянского двора. Поэтому и размер потребления хлеба в крестьянском хозяйстве оказывается соизмеримым с получаемым урожаем. Существенное значение при расходах бюджета и, судя по всему, при формировании его доходов, имеет число мужских душ в хозяйстве.

Нахождение крестьянских хозяйств с одинаковым посевом в разных группах по обложению может быть объяснено их разной производственной мощностью, от которой и зависит платежеспособность. Различие между ними будет проявляться в том случае, если урожайность в более платежеспособных группах будет выше и у них будут большие зерновые бюджеты, либо если крестьянскому хозяйству для получения такого же урожая, как в менее платежеспособных группах, необходимо будет обрабатывать меньшую по площади пашню, внося меньшие затраты своего труда.

Московские писцы, оценивая потенциальную мощность крестьянских хозяйств, учитывали их способность к уплате налогов и дифференцировали их по налогообложению. Обезное обложение позволяло уравнивать между собой крестьянские хозяйства, имеющие разную производственную базу. В качестве объективных критериев при этом выступали качество земли и ее количество, а также количество мужских душ в хозяйстве.

Литература

1. *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963.

2. *Абрамович Г.В.* Новгородские переписи конца XV и XVI вв. и их место во внутренней политике Русского централизованного государства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964.

3. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Т. 1. Л., 1971.

4. Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 2. Л., 1971.

5. *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2005.

6. *Буров В.А.* К вопросу о новгородской обже // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 14–16 ноября 1995 г. Новгород, 1995. С. 45–48.
7. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посюжного обложения Московского государства. Т. 1. М., 1915.
8. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посюжного обложения Московского государства. Т. 2. М., 1916.
9. *Владиславлев В.М.* Обжа // Журнал министерства народного просвещения. 1892. № 8.
10. *Горская Н.А.* Зажиточное крестьянство России до начала XVIII в. в трудах Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001.
11. *Горская Н.А., Милов Л.В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.
12. *Греков Б.Д.* Что такое обжа? // Известия Академии наук СССР. Л., 1926. Т. 20. № 13–15.
13. *Загорский В.Ф.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 9.
14. *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России // Оттиск из Журнала Министерства Внутренних Дел. 1840. Июнь.
15. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII–начало XVI в. М.–Л., 1965.
16. *Лаппо-Данилевский А.С.* Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области в XV в. // Журнал министерства народного просвещения. 1895. № 2.
17. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
18. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
19. *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.
20. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение, тягло, порядок обложения. Изд. 2. СПб., 1911.
21. *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.
22. *Степанова Л.Г.* Экономическое положение крестьян конца XV – начала XVI в. по данным новгородских писцовых книг: Опыт количественного анализа. Дисс. канд ист. наук. М., 2001.
23. *Флоря Б.Н.* Централизация и модернизация Русского государства во второй половине XV – первой половины XVI в. // *Modernizacja struktur urladzy w warunkach orozienna. Europa Strodkowa i Wschodnia na nrzelomie srediowieiza i czasow nowozyfnych.* Warszawa, 1999.

ПЛУГ И ПОПЛУЖНОЕ НА УСТЮГЕ В XV–XVII ВВ.

В статье рассмотрены окладные единицы и налоговые взимания древнерусской и ордынской эпохи, их ретроспективное отражение в позднейших устюжских актах и писцовых книгах. Показана активная мобилизация на посадке долей «плугов» с пашенной землей, сопровождаемая передачей новому владельцу податных обязательств. Происхождение «плугов» объясняется формированием и развитием здесь домениальных владений московских великих князей, княгинь, царей и цариц.

Ключевые слова: Устюжский уезд, окладные единицы, плуг, земельные сделки, городское землевладение.

Разбирая в свое время пеструю картину налоговых сборов и повинностей на русском севере в XVII в., академик М.М. Богословский образно назвал ее «археологической коллекцией» и «финансовой мозаикой» [1, т. 2, с. 126]. В самом деле, картина эта складывалась из множества старых и новых налогов, наименования которых в причудливо-смешанном виде приводились в актах², дозорных и писцовых книгах 1619–1625 гг., приходо-расходных книгах мирских старост [9, с. 184–187, 193] и Устюжской четверти 1640-х гг.³, процесс их унификации до конца XVII в. шел медленно и имел особенности в разных регионах огромного Поморья. Терминологическая пестрота и хронологическая многослойность налоговых перечней в источниках не должна препятствовать раздельному анализу наиболее важных из них.

В предлагаемой статье внимание автора сосредоточено на прямом налоге Устюжско-Сольвычегодского края, восходящем к окладным

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

² Шляпин В.П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1. Великий Устюг, 1912. Это публикация копийной книги, составленной в 1618 г., самоназвание которой «Путник» (по местному наименованию крепостей – «пути»). Интересующие нас акты на плужные дворы и землю в Устюге составляют не более 15 % от общего числа документов (205 номеров) копийной книги.

³ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1984. Т. XIV. Стб. 805; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 446. Л. 154 об., 263–265, 267; Кн. 15039. Л. 23 об., 206–213 об.; Ф. 137. Оп. 1. Устюг 91. Л. 212 об., 259. Благодарю И.В. Пугача за предоставленные сведения по кн. 91.

единицам (плуг, соха, рало) и поземельным взиманиям (дань, данские деньги, поплужное-посошное-поральское) разных эпох — древнерусской (XI—XII вв.), ордынского ига (XIII—XV вв.) и Московского государства (XVI—XVII вв.). Проанализируем плуг и поплужное в тесной связи с рядом других вопросов — их местом в фискальной системе Севера, административно-территориальной структурой некоторых северных уездов, тягло-фискальным компонентом государственно-крестьянских и межкрестьянских поземельных отношений, акцентируя внимание на ретроспективных возможностях поздних источников. Наиболее раннее свидетельство о сборе дани на Устюге содержится в летописном рассказе под 1262 г. про баскака («ясашика») Бугу, который у одного поселянина «имаша насилием дщерь-девицу на постелю за ясак»⁴. На фоне нарастающего народного недовольства Буга «добыша гражаном на вече по их воле и крестися», а затем венчался с девушкой законным браком. В хронологически близком к этим событиям ярлыке хана Менгу-Тимура 1267 г. отмечено налоговое взимание поплужное, а наряду с ним — дань, тамга и ям, которые «не возьмут баскаци, княжи писцы, поплужники, таможенники»⁵. Трудно сказать, какими были «документальные пути» попадания «плугов и поплужного» в источники по Устюжскому краю и Вологодскому у. XVI—XVII вв., почему произошла терминологическая замена более обычных (в том числе и практически в земледелии⁶) сох на менее распространенные здесь плуги и производный от них сбор (вместо более привычного посошного).

Историческая память о XIII в. отразилась в названии ближайшего к Устюгу Баскачьего стана, отмеченного в описаниях Усольского (Сольвычегодского) уезда — 1585/86 г.,⁷ в дозорной 1619 г., писцовых 1623—1625 гг. книгах⁸. Сведения о Баскачьем стане привел М.М. Богословский [1, т. 1, Приложения, с. 46], однако в его задачу не входило объяснение названия. Центром стана считалось сц. Баскачье Вондокурье тож, южнее которого имеется современная дер. Бугино. Дан-

⁴ Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950. С. 46—47. Анализ этого известия см.: [5, с. 81—82, 93].

⁵ Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 467—468 (здесь и далее выделено курсивом мною. — М.Ч.).

⁶ Формула «куда топор и коса и соха ходила» для устюжских актов наиболее показательна (*Шляпин В.П.* Акты... Ч. 1. С. 8, 112, 113, 114, 115, 118, 121, 123, 126, 132). Лишь в трех актах встретилась формула «куда плуг и соха и топор и коса ходила» (Там же. Ч. 1. С. 108—110, 118, 136), указывающая на возможное совместное использование этих орудий.

⁷ Упоминается в актах Михайло-Архангельского монастыря конца XVII в. (*Шляпин В.П.* Акты... Ч. 2. Великий Устюг, 1913. С. 53—54).

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 446, 15039.

ная округа располагалась по правому берегу Сухоны при слиянии ее с Югом и левому берегу Малой Северной Двины и ее притоку рч. Удима. В соседнем Устюжском у. был Вондокурский стан, центром которого являлось то же самое сельцо.

Налоговая структура Баскачьего стана в 1620-е гг. была двойственна: большинство его деревень «тянуло данью» в Сольвычегодск, а расположенная ближе к Устюгу группа деревень «Заборской полусошки» выплачивала оброк с крестьянами Ивановского погоста в Устюжском у. [1., т. 1, с. 37]. Можно найти другие примеры, когда податной округ — сошка или полусошка — совпадал с территориальным подразделением: Шангальская сошка, Утмановская полусошка, «отписная сошка Лузской Пермцы» [1, т. 1, с. 31; 11, с. 392–409]. Согласно дозорной книге 1619 г., последняя вносила две группы налогов: 1) «за оброчные 1000 белок, что плачивали преж сего на казенном дворе, оброку и пошлин 11 руб. 5 алт.»; 2) «дани, запросу и за поминочные черные соболи, посошные люди, городовое, засечное и ямчужное дело, за *полужную пошлину* и соколя оброку, казначеевых, дьячих и подьячих пошлин, за праведчикову и поворотную пошлину» 55 руб. 29 алт. 5 ден.⁹

Наименование одной устюжской деревни «Марковская, а *Плужнице* тож»¹⁰ допускает взгляд на нее как на налоговый объект в целом. Данный термин использовался и в топонимике — пустошь *Плужная* на Дымковской стороне Устюга¹¹. На его земельное содержание указывают «два спорных старинных *плужница пашины*» в правой грамоте вологодского Лопотово-Пельшемского монастыря 1561/62 г.¹² Спорная «*половина плужница*» в сольвычегодской дер. Выдрине отмечена в дозорной книге 1619 г.¹³ Суффикс -ще в производном от плуга *плужнице* (по аналогии — селище, городище, дворище) склоняет к догадке о каких-то действительно старинных, заброшенных землях, повторно вводимых в оборот (что нередко сопровождалось спорами между крестьянами) и облагаемых посошно-поплужно. О весомой роли различ-

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15039. Л. 585 об. — 586. Собираемая на севере пушнина или деньги за нее ведались казначеями в Москве и использовались для придворных церемоний, свадебных приготовлений и в системе русско-крымских и русско-ногайских трибутарных и жалованных отношений первой половины XVI в.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561). Казань, 2006. С. 47, 49, 50–51, 63, 79 и др. См. также [3, с. 20, 25, 27; 4, с. 121, док. № 13; 6, с. 49–55; 7, с. 241, 254–255].

¹⁰ РИБ. Т. XIV. Стб. 580. Деревня как объект тяжелейшего ордынского обложения известна в 1384 г., когда с нее бралось по полтине [5, с. 102].

¹¹ *Шляпин В.П.* Акты... Ч. 1. С. 21.

¹² РГАДА. Ф. 281, по Вологде № 708/3279.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15039. Л. 252.

ных промыслов (звериных¹⁴, рыбных, птичьих¹⁵) в северной экономике и включении их в поплужное обложение может намекать оборот в одной устюжской купчей 1523 г.: «деревни Подборской земля, что было Сокольничье плужнице с путики тетеревиными и с плохами» (приспособлениями для ловли птиц)¹⁶. Напомним, что именно на Соколей горе баскаку Буге во время сна после охоты явился Иоанн Предтеча, имя которого он принял, крестившись и основав монастырь в честь его Рождества [2, с. 35–37, 123].

В дополнение к «сошкам и полусошкам» М.М. Богословский указал на несколько мелких территориальных образований, представлявших собой судебноподатные округа, — улусы/улусцы. Продолжая эти наблюдения, можно расширить их состав в пространстве от юго-западной оконечности Устюжской земли (р. Кичменга и рч. Пичуг) до Чарондской округи с особенно заметной их концентрацией в среднем Посухонье и Кубено-Заозерье [8, с. 260–273]. Ученый отдельно разобрал пример с Векшенским улусцем на Сухоне, население которого в 1641 г. добилось у правительства отвода из-за дальности расстояния от более крупной Толшменской волости, но в 1649 г. он снова был в нее включен [1, т. 1, с. 42–44].

В плане преемственности системы расселения и налогообложения от XII к XVII в. отметим упоминание того же самого погоста Векшенга в церковном уставе кн. Святослава Ольговича 1136/37 г., когда жители его платили в Софийскую казну «два сорочка» (80 беличьих шукур; да и название Векшень-га — «Беличья река», весьма красноречиво, в состав же деревень погоста входила д. Куницына). Прямое «попадание» древнерусского погоста в улусец последующего времени склоняет к предположению об использовании татарами уже имевшихся налогово-расселенческих структур как опорных пунктов в сборе дани-ясака [5, с. 90, 94].

Дадим поземельно-налоговые характеристики плуга и поплужного. В табл. 1 упорядочены сведения актов из архива устюжского Михайло-Архангельского монастыря 1514–1618 гг. о мобилизации дворовых участков «плужной (=тяглой) земли» в Леонтьевском, Пятницком концах и на Дымковой стороне города. Представления о субъектах сделок

¹⁴ Помимо ловли белок, бобров, горностаев, куниц, лис, соболей укажем на моржовый промысел и добычу белого медведя на морском побережье Двинского края (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156).

¹⁵ Соколиные гнезда — потки упоминаются в ряде двинских актов (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 96, 241, 279; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 3; Архангельский Север в документах истории. Архангельск, 2004. С. 59).

¹⁶ РИБ. Т. XIV. Стб. 803–804.

дают упоминания о послухах, а ими были в основном «устюжане посадные люди»¹⁷. Отмечены среди послухов и жители Соли Вычегодской, церковные и таможенные дьячки, причем весьма часты непосредственные их подписи на обороте купчих и посильных, что свидетельствует о распространении грамотности среди городского населения Севера.

Таблица 1

Земельные сделки на Устюге в XVI–XVII вв.

год	кто передает/продает землю	кому	какой участок	вид сделки
Леонтьевский конец				
1514	М. и М. Михеевы	В. Огапитову и П.П. Стребыкову	половина земли плуга Захаровского	отступная (грамота <i>плужная</i>)
1539	В. К. Плешек	А. В. Агапитову	дворище	купчая
1550	И. Б. Скулин	В. Г. Тягину	полплуга земли	посильная
1556	В. Г. Тягин	В. А. Цыкавину	полплуга земли Воронинского плужница	посильная
1563	А. В. Белянкин с сыновьями	И. Д. Костылеву	половина земли плужница Жилкина	посильная
1571	старика местного девичья Спасского м-ря Анисья	Михайло-Архангельскому м-рю	полплуга земли Захарьевской	посильная
1574	И. Д. Костылев	Михайло-Архангельскому м-рю	половина земли плужница Жилкина	посильная
1575	«веденцы, московские жильцы» Д. И. и Ф. И. Андроновы	Т. Я. Копылову и А. И. Брилину	полплуга без 1/16 жеребья земли Воронинские	купчая
1576	В. И. Попов-Козлов	В. И. Пряженову	четверть плуга без 16-го жеребья земли Воронинские	отдача на посилье
1577	В. И. Попов-Козлов	А. Семенову и У. Афанасьеву	четверть плуга без 1/16 жеребья	посильная
1578	А. И. Брилин	М. П. Новоселову	четверть плуга без 16-го жеребья земли Воронинские царицы и великой княгини	отданная
1580	Т. Я. Копылов	московскому жильцу Ив. Обросьеву	не указано	купчая
1583	Ив. Обросьев с братьями	Михайло-Архангельскому м-рю	8-й жребий плуга	коллективный вклад
1594	крестьянин сц. Пятницкого М. П. Новосёлов	Михайло-Архангельскому м-рю	четверть плуга без 16-го жеребья земли Воронинские царицы и великой княгини	отданная
1594	В. И. Пряженово	Михайло-Архангельскому м-рю	четверть плуга без 16-го жеребья земли Воронинские царицы и великой княгини	посильная
1618	Г. П. Зубов	Михайло-Архангельскому м-рю	четверть плуга земли	купчая

¹⁷ Шляпин В.П. Акты... Ч. 1. С. 134, 139.

Пятницкий конец				
1541 г. марта 4	А. А. Батюгов	П. М. Овсянkinу	пол плуга земли (=деревня)	посильная
1541 г. марта 20	П. М. Овсянkin	А. Селиванову	пол плуга половину Наумовской земли	посильная
1547 г. сентября 24	П. М. Овсянkin	А. Селиванову	четверть земли Наумовской	посильная
1556 г.	Е. Я. Уржумов	А. Селиванову	половина дер. (плуг) Наумова	купчая
после 1574	П. Е. Сумкин	И. Киселю	четверть плуга земли	выкупная
1578	А. Н. Лобанова (жена Л. Поздеева)	П. Е. Сумкину	четверть плуга Назимкова	посильная
1585	А. М. Сусанин	П. Н. Батакову	пол плуга Назимовского в с. Пятницком у св.Семиона	посильная
1588	И. и С. Батаковы	Д. И. и Ф. И. Кошкудаевым	пол плуга земли в с.Пятницком, у св.Семиона	посильная
1588	Д. И. и Ф.И. Кошкудаевы	И. Д. Коривонову	пол плуга земли Назимова в с.Пятницком на нижнем посаде у св.Семиона	посильная
1593	П. Е. с. Сумкин	О. А. Скулину	полплуга земли в с.Пятницком	посильная
1616	инока Марина Скулина с сыном меньшим и В. И. Коривонов	Михайло- Архангельскому м-рю	плуг земли Алексеевский и Подосеновский в Назимкове	купчая
Дымковская сторона				
1555	Никита и Родион Клементьевы дети Нагорского	А. Е. Скрыбину	четверть земли плучица царва и вел. кн.	закладная

Источник: Шляпин В.П. Акты...Ч. 1.

Земельные участки располагались в пределах более крупных фискально-земельных подразделений – «плучищ великого князя/царя или великой княгини/царицы». Полагаем, это были массивы дворцовых земель на Устюге с податными обязательствами живущего там населения – как посадского, так и крестьянского из Окологородья, интегрированного в соответствующие приходы – ц. Леонтия Ростовского, ц. Параскевы Пятницы и ц. Дмитрия Солунского на Дымкове. О «куплях» великой княгини Марии Ярославны с. Леонтьевского и с. Пятницкого говорится в духовной Василия II 1461 г. В dokonчании Ивана III с кн. А. В. Угличским 1473 г. на Устюге отмечены села, переданные ею Андрею – те же Левонтьевское, Пятницкое, а еще Петровское и Вондокурье¹⁸. После сведения кн. А. В. Угличского с удела в 1493 г. эти села получила, скорее всего, великая княгиня Софья Палеолог.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. № 70. С. 243, 248.

В перечне налогово-повинностных обязательств, принимаемых на себя контрагентами сделок, в актах фигурируют старые и новые налоги, обобщенные в «потуги»¹⁹, в том числе поплужный хлеб и поплужная пошлина. В случае предъявления исков на приобретенную землю продающей стороной давалось обязательство «в данех и проторех очищати по розрубным списком, что розрубят становичи», «старые невыплаты платить мне (имярек), а что розрубят вново — платить ему (имярек)»²⁰. Иногда новым владельцам передавались и платежные отписи²¹. Об обремененности дворовой земли долгами по налогам и кабалам говорит оборот в актах: «... потому есми отступился тое земли, что не измог дани и оброку царева и всяких розрубов платить»²². Весомая роль тягло-фискального компонента в межкрестьянских имущественных отношениях и его ведущая роль в отношениях крестьян с государством раскрыта в монографии Е.Н. Швейковской [9, с. 104, 108, 128, 278–279]. Обращает внимание нерасчлененность города и деревни: «черные посадские и сошные люди», «устюжане посадские люди, они же тяглые деревенские владельцы», что свидетельствует о коренном тождестве поземельных отношений в уездах и на посадах, их территориально-податной целостности [9, с. 129–130; 10, с. 165–185].

Наши наблюдения над бытованием плуга и поплужного в земельно-финансовой сфере закончим указанием на два факта. В 1575 г. в связи с мором 1571/72 гг. писец И.И. Мичурин «с товарищи» провели дозор Сольвычегодска. Книги эти не сохранились, но их финансовые итоги отражены в жалованной грамоте Ивана IV Спасо-Прилуцкому монастырю, имевшему там три варницы, дворы и ряд деревень, от 20 декабря 1578 г.²³ Составлявшие на тот момент посад 413 дворов платили со двора: по 25 алт. за один налоговый комплекс («за наместнич корм, присуд и его пошлинных людей» — всего 310 руб.) и по 4 алт. 2 ден. за другой («за поминочные соболи, *поплужную* пошлину, соколий оброк, казначеевы, дьячьи и подьячьи» — всего 53 руб.). Отметим также формулу налоговых обязательств и освобождений для расположенного вблизи Сольвычегодска Николо-Коряжемского монастыря в 1586 г. Закрепленные еще в 1555/56 г. в «старой платежнице» взимания «за городовое, засечное и ямчужное дело» не только сохранялись, но и увеличивались за счет «прибылой трети сохи». От остальных же налогов корпорация была освобождена — «за волос-

²⁰ Шляпин В. П. Акты... Ч. 1. С. 69, 112.

²¹ Шляпин В.П. Акты...Ч. 1. С. 51–52.

²² РИБ. Т. XIV. Стб. 75.

²³ Музей-заповедник «Ростовский Кремль». Отдел рукописей и древней книги. Р-1319.

телин доход и за присуд, и их пошлинных людей доход, дань, запрос, поплужные пошлины, соколий оброк...»²⁴.

Приведенные соотношения показывают крепкую вмонтированность «татарских» и вообще старых налогов в фискальную систему Московского государства. Одновременно наблюдается постепенное снижение их удельного веса, хотя и в состоянии медленного отмирания они долго еще включались в активные источники и учетную документацию разного уровня конца XVI — первой половины XVII в.

Литература

1. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909; Т. 2. М., 1912.
2. *Власов А.Н.* Устюжская литература XVI—XVIII вв. Сыктывкар, 1995.
3. *Моисеев М.В.* Эволюция и содержание посольских даров-поминок в русско-ногайских отношениях XVI в. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова (История. Политология). 2011. № 4.
4. *Назаров В.Д.* Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. 1976. № 10.
5. *Павлов П.Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского педагогического института. Серия историко-филологическая. Вып. 2. Красноярск, 1958.
6. *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом (К вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. 1994. № 3.
7. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию (конец XV — начало XVI в.). М., 2001.
8. *Черкасова М.С.* Севернорусский город в ордынскую эпоху (на материале Вологды и Устюга) // Верхнее Подонье: Археология, история. Вып. 3. Тула, 2008.
9. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне в России. Поморье в XVII в. М., 1997.
10. *Швейковская Е.Н.* Традиционализм как тип социально-экономического развития: Русский Север в XVI — XVII вв. // Россия в Средние века и Новое время. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999.
11. *Шумаков С.* Новые губные и земские грамоты // Журнал министерства народного просвещения. 1909. Ч. 23. № 10.

²⁴ *Дмитриева З.В.* Сотная с писцовых книг А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде 1586 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. С. 190.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН НОВГОРОДСКИХ ПЯТИН В «СМУТНОЕ ВРЕМЯ» (1611–1617)²

Шведская администрация на оккупированных новгородских землях сохранила старую московскую систему обложения (1611–1617). Резкое увеличение совокупных платежей с новгородских крестьян шло за счет введения экстраординарных сборов, в том числе на содержание армии.

Ключевые слова: налоговая система, государственные кадастры (писцовые книги), Новгородская приказная изба, Новгородский оккупационный архив.

Система налогообложения в условиях чрезвычайных ситуаций относится к актуальным, но малоизученным проблемам. Причин тому несколько. В ходе военных противостояний разрушалась система сбора налогов, в огне пожаров уничтожалась приказная документация. Материалы Новгородской приказной избы за 1611–1617 гг. представляют редкую возможность исследовать организацию сбора налогов, определить их виды и величину в годы шведской оккупации. Сохранность этой документации, независимо от побуждений, обеспечил шведский военачальник, фактический правитель Новгорода Я.П. Деллагарди. Накануне возвращения оккупированной территории Московскому государству в 1617 г. он вывез архив из Новгорода. Долгое время материалы хранились в семейном архиве графов Деллагарди и лишь в конце XVII в. были перевезены в Стокгольм [1, с. 13–20]. В настоящее время они составляют Новгородский оккупационный архив – Ockupationsarkivet fren Novgorod Государственного архива Швеции (Riksarkivet) и сформированы в две группы (серии): в первую включены кодексы (книги и тетради), во вторую – столбцы; общий объем – более 500 ед. хр. Часть актов Новгородской приказной избы в 1837–1844 гг. вернул в Россию профессор Гельсингфорского университета С.В. Соловьев. Позднее эти материалы он передал в Императорскую Археографическую комиссию. Сегодня коллекция С.В. Соловьева на-

¹ Дмитриева Зоя Васильевна, доктор исторических наук, зав. отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, zvdmitr.@rambler.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

² Работа в Государственном архиве Швеции осуществлялась при финансовой поддержке Шведского института (краткосрочные гранты 2004 г. (01486), 2005 г. (04353), 2007 г. (01070)).

ходится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (кол. 124). Важным этапом во введении в научный оборот документов, хранящихся в Riksarkivet, стала их полная научно-техническая обработка и описание шведскими археографами Элизабет Лёфstrand и Лайлой Нордквист при участии российских ученых Анатолия Турилова и Адриана Селина. Результаты совместной работы были опубликованы в 2005 и 2009 гг. [2]. Одновременно с составлением каталогов (описей) была проведена постраничная нумерация рукописей (в российских архивах принята полистная пагинация дел). Первая часть каталога переведена на русский язык А.М. Галиновой при участии А.А. Селина и Г.А. Победимовой [4]. В настоящее время каталоги и тексты документов размещены на сайте Riksarkivet.

Налоги и повинности фиксировала следующая документация: сметные списки, приходные денежные книги, дозорные и обыскные книги, книги «сбора немецким ратным людям на корм», «приимочные книги» и «книги сбора хлеба и денег ратным людям на жалованье», книги записи выделения четвертого и пятого снопа ржи, ярового хлеба и хмеля и проч. Из перечисленных видов источников можно выделить приходо-расходные книги Новгорода, сохранившиеся за 1611–1616 гг. Самая ранняя из них приходная книга 120 г. (1611/12): рукопись в 4⁰, более 780 с.³ В ней последовательно учтены: число сох, количество денег, взятых ямским охотникам на прогоны, оброчные, пищевые, данные деньги и проч. Все остальные группы материалов содержат сведения о сборе того или иного налога с отдельных территорий (пятин или погостов). В дозорные книги, помимо сведений о живущих деревнях, дворах и обжах, могли включаться данные о взимании денег «за немецкие кормы». Книги «сбора немецким ратным людям на корм», как и дозорные книги, составлялись по погостам и не были однородны по формуляру. Выделенные нами основные виды источников никак не исчерпывают круг материалов, отражающих поступление прямых и экстраординарных налогов. Прямые налоги могли фиксироваться также в дозорных, обыскных и отдельных книгах. Например, в отдельной книге Петровского погоста Старорусского уезда 1611 г., помимо числа живущих дворов, обож, включена обожная дань⁴. Все перечисленные выше материалы представляют собой официальную документацию, предназначенную для упорядочения системы обложения и учета взимания налогов и исполнения повинностей. Сохранились акты, исходящие из крестьянской среды, имеющие отношение к сбору налогов. К ним относятся челобитные, «выборы» и поручные записи.

³ Государственный архив Швеции. Новгородский оккупационный архив (Riksarkivet. Ockupationsarkivet Novgorod). RA. Serie 1. P. 140 (далее – RA. NOA).

⁴ Там же. 1:41.

Задача настоящей статьи — определить основные параметры прямого обложения крестьян новгородских пятин в 1611–1617 гг. В организации обложения шведско-русская администрация сохранила поземельный характер налогообложения и опиралась в своей деятельности на крестьянскую общину и мирское самоуправление. Община выбирала целовальников из местных крестьян. «Порутчики» гарантировали, что выбранные лица все дела будут делать «вправду». Описания деревень и погостов с целью установления платежеспособности крестьян проводились с участием крестьянского мира (общины) [3, с. 79–81].

Прямые налоги собирались с сохи, обжи и выти. Обжа и выть представляли собой малые единицы обложения или раскладки повинностей внутри погостов, положенных в сохи. Обежный счет традиционно присутствовал в новгородских пятинах; вытное письмо, как правило, на черносошных и монастырских землях. На крестьянский двор приходились доли обжи или выти.

В прямое обложение следует включить и повинности в пользу государства (это — ямская и посошная службы, городовое дело). С обжи и выти также платили оброчные деньги за аренду, прежде всего пустующих земель, сдаваемых государством на определенный срок крестьянам.

Основанием для сбора прямых налогов были результаты дозоров, зафиксированные в дозорных или обыскных книгах. В наиболее разрозненных районах описывали деревни и погосты почти ежегодно. Новые книги отражали стремительное запустение территории, убыль населения и сокращение налоговых поступлений.

В 1611–1617 гг. на новгородских землях были сохранены основные прямые налоги: дань (данные деньги), ямские и «приметные деньги». При изучении налогообложения «смутного времени» необходимо учитывать важное обстоятельство: взаимозаменяемость налогов, сборов и повинностей. Натуральные сборы могли переводиться в деньги. Повинности по челобитью населения зачислялись в счет сбора прямых налогов.

В составе прямых налогов количественно преобладали данные деньги. С выти платили 10 р. Сохранившиеся книги сбора данных денег с погостов Обонежской пятины за 1610/11 г. и 1611/12 г. позволяют определить не только норму платежей с выти в каждом погосте, но и соотношение данных и оброчных денег (табл. 1–3).

В 9-ти погостах Обонежской пятины учтено более 400 вытей, немного более половины (54%) были в тягле, остальные значились впусе и передавались на оброк (см. табл. 1, 2). Норма платежей 10 р. с выти устанавливалась заранее (указана в преамбуле книги сбора налогов), расчеты по погостам подтверждают эту цифру. Только в двух случаях взяли с выти немного больше (см. табл. 1). Оброчных денег с пустых вытей (как использовалась эта земля не указано) собирали значительно меньше, в 10 и более раз. Единой нормы платежей не было, по погостам эта цифра колебалась от 107 до 248 денег (см. табл. 2).

Таблица 1
Сбор данных и «доимочных» денег с крестьян Обонежской пятины Оштинских погостов за 1610/11 г., 1611/12 г.

Погост	Вытей в живущем			Данных денег				«Доимочных» денег 1609/10 г.				% от сбора 1610/11 г.
	рубли	алтыны	денеги	всего денег	на выть	рубли	алтыны	денеги	всего денег			
Покровский Вытегорский	238	25	—	47750,0	2000	-	20	5	125,0	0,3		
Рождественский Меторский	322	6	1,5	64437,5	2000	2	9	4,5	458,5	0,7		
Никольский Оштинский	484	9	0,5	96854,5	2000	5	29	5,5	1179,5	1,2		
Шимозерская волость Никольского Оштинского погоста	70	3	2,5	14020,5	2024	—	32	1,5	193,5	1,4		
Рождественский Остречинский	220	3	2,5	44020,5	2017	—	—	—	—	—		
Воскресенский Важенский	564	12	3,5	112875,5	2000	6	12	0,5	1272,5	1,1		
Ильинский Веницкий	282	16	4,0	56500,0	2000	3	17	—	702	1,2		
Дмитриевский Соцкий	31	8	2,0	6250,0	2000	—	—	—	—	—		
Рождественский Пиркинский	138	11	0,5	27666,5	2000	—	—	—	—	—		
Итого	2349	93	17	470375,0	2002	16	119	17	3931	0,8		

Примечание: Сведения о сборе данных денег за 1610/11 г. и 1611/12 г. полностью совпадают (NO.RA. 1:42. P. 7—49; 1:92. P. 5—49).

Сбор оброчных денег с крестьян Обонежской пятины Оштинских погостов за 1610/11 г., 1611/12 г.

Погост	Вытей впусе	Оброчных денег				
		рубли	алтыны	деньги	всего денег	на выть
Покровский Вытегорский	46,0	24	26	0,5	4956,5	107,8
Рождественский Мегорский	42,2813	23	4	1,0	4625,0	109,4
Никольский Оштинский	35,0	35	–	100,0	7100,0	202,9
Шимозерская волость Никольского Оштинского погоста	6,3437	7	28	5,0	1573,0	248,0
Рождественский Остречинский	16,125	16	30	3,5	3383,0	209,8
Воскресенский Важенский	26,0	26	–	–	5200,0	200,0
Ильинский Веницкий	17,7705	10	10	2,0	2062,0	116,0
Дмитриевский Соцкий	7,25	7	16	4,0	1500,0	206,9
Рождественский Пиркинский	4,0	2	27	5,0	567,0	141,8
Итого	200,7705	150	141	121,0	30967,0	154,2

Примечание: Сведения о сборе оброчных денег за 1610/11 г. и 1611/12 г. полностью совпадают (NO.RA. 1:42. P. 7–49; 1:92. P. 5–49).

В источнике не указано, какие факторы определяли величину оброчных сборов в отдельных погостах. Деньги собирали весной или летом выборные лица (как правило, это были крестьяне). В 1611 г. и в 1612 г. оброк поступил в казну «сполна». В 1611 г. даже удалось собрать «доимочные деньги» за прошлый 118 г. (1609/10 г.). Причем долг был незначительный – около 1% (см. табл. 1). Во всех случаях фиксировалась дата передачи денег в новгородскую казну и имена представителей общины, возивших собранное серебро в Новгород.

Помимо данных и оброчных денег, с выти и обжи брали деньги ямские, приметные, за подьячих, плотников и кузнецов, за подмогу охотникам, за городовое дело, за присуд, полоняничные. В сумме эти сборы составляли 278 денег (1 руб. 13 алт.), причем более 70 % (71,9) составляли ямские и приметные деньги, по 7,2 % – деньги «за подмогу ямским охотникам» и «за присуд», 6,5 % платили за городовое дело и 5 % составляли полоняничные деньги (см. табл. 4).

Таблица 3

**Соотношение данных и оброчных денег в налоговых сборах с крестьян Обонежской пятины
Оштинских погостов за 1610/11 г., 1611/12 г.**

Погосты	Выгтей			Денег				Денег на выть		
	в живущем	впусте	всего	% живущих	данных	оброчных	всего	% данных	данных	оброчных
Покровский Вытегорский	23,875	46,0	69,875	34,2	47750,0	4956,5	52706,5	90,6	2000	107,8
Рождественский Могорский	32,2188	42,2813	74,5001	43,3	64437,5	4625,0	69062,5	93,3	2000	109,4
Никольский Оштинский	48,4268	35,0	83,4268	58,0	96854,5	7100,0	103954,5	93,2	2000	202,9
Пилмозерская волость Никольского Оштинского погоста	6,9267	6,3437	13,2704	52,2	14020,5	1573,0	15593,5	89,9	2024	248,0
Рождественский Остречинский	21,8232	16,125	37,9482	57,5	44020,5	3383,5	47404,0	92,9	2017	209,8
Воскресенский Важенский	56,4375	26,0	82,4375	68,5	112875,5	5200,0	118075,5	95,6	2000	200,0
Ильинский Веницкий	28,25	17,7705	46,0205	61,4	56500,0	2062,0	58562,0	96,5	2000	116,0
Дмитриевский Соцкий	3,125	7,25	10,375	30,1	6250,0	1500,0	7750,0	80,6	2000	206,9
Рождественский Пиренский	13,833	4,0	17,833	77,6	27666,5	567,0	28233,5	98,0	2000	141,8

Примечание: Таблица составлена на основе табл. 1, 2.

«Ямским охотником на прогоны» в 120 г. (1611/12) в целом с новгородских погостов было собрано 479 р. 16 коп. Как указано в приходной книге, с сохи платили по 10 р. (20 денег с обжи)⁵. Важно отметить, что в 120 г. деньги собирали с живущего «против взятыя 115-го году», т.е. в соответствии с сошным письмом Московского государства 1606/07 г.

В период оккупации значительную долю составляли экстраординарные платежи. Так, на содержание шведской армии брали по 3 р. с обжи⁶. Наряду с деньгами «на корм немецким людям» собирали продукты (рожь, овес, соль, мясо, рыбу, хмель, уксус, сено и проч.).

Таблица 4

Налоги крестьян Егорьевского монастыря из Ладоги Бояговленского погоста Обонежской пятины в 1611/12 г.

Платежи	Платили с 1/4 выти			Денег на выть
	алтын	денег	всего денег	
Ямские, приметные деньги	8	2,0	50,0	200
За подьячих, плотников и кузнецов	-	1,5	1,5	6
За подмогу ямским охотникам	-	5,0	5,0	20
За городовое дело	-	4,5	4,5	18
За присуд	-	5,0	5,0	20
Полоняничные деньги	-	3,5	3,5	14
Итого	8	21,5	69,5	278

Примечание: RA. NOA. 1:34. P. 87.

Их состав, вероятно, зависел и от потребностей армии, и от возможностей крестьян вносить те или иные съестные припасы. Однако более всего армия нуждалась в хлебе. Объемы собираемого хлеба были значительными. Так, в июле 1614 г. крестьяне погостов Водской пятины заплатили 960 четвертей ржи, овса, ячменя, а дворцовые земли в феврале 1615 г. — более 450 четвертей ржи, причем должны были собрать 600 четвертей⁷. С села Ракома с 10 вытей не только следовало дать «немецким людям на корм» 127 четвертей ржи, но и изготовить с 30 четвертей «45 чети сухарей в таможенную

⁵ RA. NOA. 1:140. P. 125–162. Подсчет общей суммы сборов проведен мною. Сбор шел с сохи без указания ее размеров. Для расчетов взят средняя соха — 1000 четвертей (100 обож).

⁶ Там же. 1:7. P. 1–13; 1:140. P. 687, 695, 705, 709.

⁷ Там же. 1:125. P. 32; 1:27. P. 1–23 (В данном случае удалось рассчитать норму платежа: 12,7 четвертей с выти).

меру», т.е. испечь хлеб и высушить его⁸. Позднее со всего села собрали еще 17 четвертей ржи в таможенную меру.

К экстраординарным относятся и сборы на содержание шведско-русской администрации. Так, осенью 1611 г. собирали «с сох послам, которые посланы в Свейское государство челом бити о государе» 500 р., с выти по рублю⁹. В 1612–1613 гг. собирали дрова «про приказных людей» и «про немецких воевод» в Новгороде с дворцовых крестьян, с выти по 10 сажень дров, за сажень платили по 20 алтын¹⁰. В августе 1617 г. крестьяне Водской пятины давали «корм» (овес, кур, хлебцы) Я. Делагарди, когда он возвращался из Новгорода. Одновременно с тех же погостов брали продукты и сено «на приезд» Э. Горну, который сменил Я. Делагарди в Новгороде. В феврале следующего года в Новгород отправилась «боярыня» Э. Горна, и опять ее проезд («в дорогу на росходы») обеспечивали крестьяне Водской пятины¹¹.

Сбор налогов контролировала община. Крестьяне были связаны круговой порукой и несли коллективную ответственность за своевременное и в полном объеме их поступление в Новгород или на места (погосты, станы), указанные шведско-русской администрацией. Важно отметить, что за крестьян, которые «розбежались», платили землевладельцы. В Косицком погосте Клопский монастырь за ушедших крестьян заплатил «3 хлеба больших, а противо двуденжных имеется 12 хлебов, яловицу»¹². Более того, недоимки взимались и со сборщиков: «...на мне на Симоне Блаженкове, да на Гавриле Мякиnine, да на Микитке Нефедьеве доправили за крестьян Матфея Муравьева, да за Одреевых крестьян Еремеева, да за Олферьевых крестьян Толмачевых за рыбу рубль 6 денег, а те крестьяне с стану розбежались, не платя за рыбу денег»¹³.

Волостные крестьяне в челобитных неоднократно жаловались на правож и высокие налоги. Крестьяне Ляцкого погоста Шелонской пятины в челобитной сетовали, что на них правят «по шти рублев с обжи <...> да за всякие обиходы с выти по полчетвертаста рубля по старым книгам» с 25 вытей. Да с них же «велено взять» по 3 р. с обжи, «да по 12 чети хлеба», «да по два рубля денег, да по яловицы, да по борану, да по трое куров»¹⁴.

Интересно отметить, что дозорщики не всегда могли собрать деньги с крестьян. Так, 29 июня 1612 г. дети боярские Иван Кобылин и

⁸ RA. NOA. 1:27. P. 20–21.

⁹ Там же. 1:140. P. 747.

¹⁰ Там же. 1:34. P. 189–190.

¹¹ Там же. 1:128. P. 5–16.

¹² Там же. 1:23. P. 7.

¹³ Там же. P. 8.

¹⁴ Там же. 1:356. P. 107.

Обида Бухвостов были «посланы в Андомской да в Кижской погост государевых оброчных денег зберати с пустых земель». Однако старосты и крестьяне «прежних годов платежных отписей не показывали». А самих детей боярских «с погостов выслали» и «оброчных денег правити на себе не дали», т.е. отказались платить оброчные деньги за использование пустошей. Как развивались события дальше, источники не сообщают¹⁵.

Итак, на новгородских землях в 1611–1617 гг. при сохранении московской системы посошного обложения и основных видов прямых налогов наблюдается значительное увеличение совокупных платежей с единицы обложения (выти и обжи) за счет экстраординарных денежных платежей и натуральных сборов на содержание армии и для обеспечения функционирования шведско-русской администрации. Активной составляющей налоговой системы была крестьянская община, которая участвовала в определении посильности тягла на определенной территории, обеспечивала сбор налогов и их поступление в новгородскую казну.

Литература

1. *Anatolij Turilov*. Introduction // Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Vol. 1. Stockholm, 2005.
2. Accounts of the occupied city. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Vol. 1–2. Stockholm, 2005; 2009.
3. *Дмитриева З.В., Селин А.А.* Klassificering av revisionsbuckor fren Novgorod-omredet 1611–1615 – Классификация дозорных книг новгородских пятин 1611–1615 гг. // *Novgorodiana Stockholmiensia – Стокгольскя Новгородика*. Stockholm, 2012.
4. Новгородский оккупационный архив 1611–1617 гг. Каталог. Серия I. Новгород. 2008.

¹⁵ RA. NOA. 1:92. P. 105.

**СВЕДЕНИЯ О ЧЕТВЕРТНОЙ ПАШНЕ ПИСЦОВОЙ КНИГИ
НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА 1621/22 – 1623/24 ГГ.
В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.²**

В статье рассматриваются возможности изучения некоторых особенностей налогообложения в России в первой трети XVII в. с помощью компьютерного анализа данных валового описания 1620-х гг. Показана правомерность использования коэффициента корреляции при изучении земельной статистики писцовых книг.

Ключевые слова: аграрная история России, история дворянства, социально-экономическая история России, математические методы в истории, история Нижегородского края.

Валовое письмо первой трети XVII века – не имеющий аналогов по широте охвата и полноте данных комплекс материалов кадастрового назначения. Однако, помимо возможностей для изучения аграрной истории, равно как и исторической демографии, географии и т.д., он отражает определенные принципы и подходы к проблеме налогообложения в этот период.

В рамках данной статьи нет смысла подробно останавливаться на более, чем столетней (со времен исследования Лаппо-Данилевского [5]) истории изучения этого вопроса со всеми ее дискуссионными положениями. В целом ясно, что подходы писцов к задачам поземельного описания были различными, что объяснялось фактическим переходом от поземельного к подворному налогообложению в форме введения «живущей» или «дворовой» четверти. Однако, хотя объект налогообложения изменился, валовое описание первой трети XVII в. сохранило поземельный характер, а писцы продолжали фиксировать

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Вологда; Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, chechenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12–01–00206).

площадь земельных угодий каждой дачи. В общем виде проблема типологии создававшихся в условиях этой реформы писцовых книг как поземельных описаний решена в трудах Л.В. Милова [6], который предложил их классификацию именно по степени точности/искажения сведений о «четвертной пашне». Эта классификация принята в историографии и сохраняет свое практическое значение для современных исследователей. Однако даже внутри предложенных им трех типов книг есть свои особенности, которые стоит учитывать как при изучении проблем ренты и налогообложения в этот период, так и в целом для характеристики экономического положения владений служилых людей.

Главный источник в данной работе – писцовая книга Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 гг.³ Как следует из текста писцовой книги, описание уезда происходило с 1621/22 по 1623/24 г., чистовик писцовой книги был утвержден в Поместном приказе в 1628 г. Размер же «живущей четверти» для Нижегородского уезда в количестве 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов был определен в 1623–1628 гг. Писцы описывали уезд, еще не зная размера «живущей четверти», руководствуясь старыми принципами «сошного письма», заполнив итоги позднее.

Это – главная особенность и преимущество писцовой книги Дмитрия Лодыгина, однако не единственное. Со времен работ Л.В. Милова наиболее продуктивным подходом к изучению писцовых данных является использование методов количественного анализа, о чем говорят публикации последних лет [2–4, 8, 9, 11–16]. На наш взгляд, наибольший интерес представляет корреляционный анализ, причем наиболее примечательны и важны «перекрестные» коэффициенты, показывающие, например, степень взаимосвязи между количеством обработанной земли и количеством дворов.

По классификации Л.В. Милова, писцовая книга Нижегородского уезда 1623–1624 гг. относится к оптимальному варианту, т.е. она содержит отдельные данные о крестьянской и о владельческой пашне. Насколько позволяют судить результаты корреляционного анализа, земельная статистика писцовой книги Нижегородского уезда отличается очень высокой степенью точности. Так, коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей площадью «пашни паханой» (крестьянской и владельческой) – с другой, составил 0,92 (данные брались на уровне итогов по каждой даче). Это едва ли не самый высокий среди аналогичных показателей, известных в соответствующей историографии – в большинстве случаев исследователям

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 292, 293. [Подлинник]; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Кн. 4. [Список 1763 г.].

приходится довольствоваться коэффициентам в диапазоне 0,5 – 0,7, объясняя их противоречивыми подходами писцов к учету земли и высокой степенью разорения территории.

То, что подобные коэффициенты вообще возможно получить на писцовом материале, конечно, исключительно важно с источниковедческой точки зрения, поскольку позволяет более оптимистично смотреть на проблему достоверности данных валового письма в целом. Видимо, можно утверждать, что «пашня паханая» нижегородской писцовой книги – это действительно реальная запашка. Реалистичность писцовых сведений о земле подтверждает и коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских и прочих дворов, с одной стороны, и общей площадью «четвертной пашни», с другой: 0,71. Группировка этих данных представлена ниже.

Таблица 1

**Крестьянская запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)
величина запашки доля владений**

величина запашки	доля владений (%)
нет крестьянской пашни	6,6
от 1 до 2 четей в поле	30,4
от 2 до 2,5 четей в поле	42,5
от 2,6 до 3 четей в поле	16,9
более 3 четей в поле	3,6
всего	100
в среднем (четей в поле)	2,05

Таблица 2

**Владельческая запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)
величина запашки доля владений**

величина запашки	доля владений (%)
не более 1 чети	4,1
от 1 до 2 четей в поле	26,8
от 2 до 2,5 четей в поле	20,4
от 2,6 до 3 четей в поле	12,2
более 3 четей в поле	36,5
всего	100
в среднем (четей в поле)	3,4

Данные таблиц показывают достаточно реалистичные размеры крестьянской и владельческой запашки по сведениям нижегородской писцовой книги: в общем они укладываются в интервал 4–6 дес. в трех полях, который признавался наиболее вероятной оптимальной

величиной распашки на тягло ведущими специалистами на основе анализа данных второй половины XVIII в. (Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Милов, Ю.А. Тихонов [7, 10]). При этом хорошо видно, что господская запашка в целом была больше по размеру и гораздо чаще достигала максимальных для этого периода значений в 3 и более чети в поле на двор. Лишь в трети владений, как видно из следующей таблицы, крестьянская пашня превосходила владельческую.

Таблица 3

Соотношение владельческой и крестьянской запашки в поместьях и светских вотчинах Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении) четей владельческой пашни на 1 четь крестьянской доля владений

четей владельческой пашни на 1 четь крестьянской	доля владений
менее 1	33,5
от 1 до 1,5	30,9
от 1,6 до 2	15,4
от 2,1 до 3	13,1
более 3	7,1
всего	100
в среднем (четей в поле)	1,5

Одной из наиболее ярких особенностей массива данных писцовой книги Нижегородского уезда являются исключительно высокие показатели «пашни, паханной наездом». Соотношение «пашни паханой» и «пашни, паханной наездом» было практически 1 к 1 (на примерно 14,6 тыс. четей в поле пашни паханой приходится 13,8 тыс. четей в поле наезжей пашни). Для сравнения, в соседнем Суздальском уезде на 55,5 тыс. четей в поле пашни паханой приходилось всего 225 четей в поле наезжей пашни. В сильно разоренном Алексинском уезде, где примерно 30 % дворов стояли пустыми, а «пашня паханая» составляла всего около 10 % от всей «четвертной земли», доля наезжей пашни была всего 1 % [13]. Аномально высокие показатели наезжей пашни в более благополучном Нижегородском уезде говорят о том, что здесь они могли нести некую фискальную функцию.

Схожие явления видны и по описаниям других уездов. Так, текст наказа писцам, описывавшим Суздальский уезд в 1628–1630 гг., содержит ясное указание тщательно проверять площадь и состав земельных угодий у владельца, а также прямое и настойчивое требование наказа переводить перелог в «пашню паханую»: «А где будет пашня перелогом лежит, а запустела будет от тех помещиков, за которыми те поместные переложные земли, и писцом тем помещиком переложную землю давати в пашен место против пашенные земли, потому что от них запустело. И будет не от них запустело, и писцом, сыскав накрепко, переложную землю, где добре пашня заросла, земля не добра,

в пашни место перелогу давати перед лутчими землями в полтора, а где будет добре худа земля, ино в двое, посмотри по пашне и по всяким угодыям, как будет пригоже. А однолично переложная земля примеривать к живущему, чтоб переложная земля меж пашенных земель невспахана не была и перелогом бы не лежало» [1, 2]. Как видим, особенное внимание здесь уделено случаям, когда запустение помещий произошло по вине помещиков («от них запустело» то есть, если они выводили своих крестьян из поместных дач в вотчинные). Следовательно, данные о «четвертной земле» даже и после введения «дворовой чети» продолжали нести некую вспомогательную фискальную нагрузку, выполняя по отношению к землевладельцу роль санкции или принудительного стимула.

Что это означает применительно к нашим данным? Видимо, в Нижегородском уезде писцы не деформировали сознательно данные о пашне паханой, переводя в нее перелог, как это было в Суздальском уезде. Но, скорее всего, они делали нечто подобное применительно к наезжей пашне, рассматривая ее как некую «буферную зону» между «живущим» и «пустым» в категориях поземельного обложения.

То, что показатели наезжей пашни увеличены писцами искусственно, доказывается тем, что величина наезжей пашни не коррелирует ни с количеством крестьянских дворов, ни с количеством собственно «пашни паханой», хотя, как мы помним, земельная статистика книги довольно качественная. Единственная выявленная закономерность заключается в том, что чем больше площадь владения в целом, тем больше в нем будет указана величина наезжей пашни ($r=0,77$). Можно предположить, что в наезжую пашню была включена какая-то часть «пашни паханой» и «перелогом и лесом поросшей пашни». Даже если какая-то часть этой земли распахивалась, в категориях поземельного налогообложения это означало бы сокращение «живущего» и величины налога. То, что эти земли распахивались нерегулярно, подтверждается практически обязательным указанием писцов на то, что наезжую пашню «пашут сторонние люди из найму». Примечательно и то, что в экономически более слабых поместьях показатели наезжей пашни значительно выше, чем в немногочисленных вотчинах.

Таблица 4

**Показатели «пашни, паханой наездом»
в сравнении с другими показателями светских дач**

	доля наезжей пашни в общей площади четвертной земли (%)	наезжей пашни на двор (четей в поле)	соотношение «пашня паханая»/«пашня, паханая наездом»	соотношение «перелогом и лесом поросшая пашня»/«пашня, паханая наездом»
вотчины	10,7	2,0	3,8	2,8
поместья	26,7	7,2	1,2	2,2

В целом это означает непригодность данных о наезжей пашне в данной книге, выяснить реальное наполнение этого показателя на данный момент не представляется возможным. Пока можно лишь констатировать, что он носит комбинированный характер.

Таким образом, анализ нижегородской писцовой книги показывает, что, во-первых, достаточно точный учет земли в книгах валового письма был вполне возможен и после введения дворовой четверти. Во-вторых, мы видим инерцию применения принципов поземельного обложения, поскольку только этим можно объяснить признаки явного манипулирования писцами сведениями о четвертной пашне различных типов, которые после реформы потеряли всякий практический фискальный смысл. Во-третьих, методами корреляционного анализа эти манипуляции вполне выявляемы и, в общем, «нейтрализуемы». Сами же эти действия писцов говорят об их достаточно серьезном отношении к поземельному учету и после реформы налогообложения.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. СПб., 1913.
2. *Дмитриева З.В., Черкасова М.С.* Конференциям по изучению писцовых книг – 25 лет. Российская история. 2014. № 1. С. 211–219.
3. *Камараули Е.В.* Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114–117.
4. *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993.
5. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
6. *Милов Л.В., Булгаков М.Б. Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.
7. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
8. *Степанова Л.Г.* Миграционно-колонизационные процессы на Северо-Западе России в XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 51–61.
9. *Степанова Л.Г.* Реконструкция освоенности земельных угодий на основании данных Генерального межевания и писцовых книг // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. 345–350.
10. *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: сосуществование и противостояние. М., 2005.

11. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 79–101.

12. *Черненко Д.А.* К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 51–66.

13. *Черненко Д.А.* Хозяйственно Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII – XVIII вв. Вологда, 2008.

14. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Персональный состав служилых землевладельцев Нижегородского уезда по материалам писцового описания 1620-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 129–148.

15. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века. М., 1996.

16. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ И МИРСКИХ ПОДАТЕЙ И ПОВИННОСТЕЙ МОНАСТЫРСКИХ КРЕСТЬЯН В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ШУЕРЕЦКОЙ ВОЛОСТИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ)

На основе документов общинного делопроизводства XVII в. раскрываются особенности системы обложения крестьянского хозяйства, ее многоуровневый характер. Прослеживается изменение соотношения государственных, монастырских и мирских податей и повинностей. Разрабатывается методика определения их доли в общем доходе крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: крестьянская община, подати и повинности, монастырские крестьяне, система обложения.

Обложение монастырских крестьян имело три основных уровня – государственный, владельческий и общинный. Крестьянская община не только распределяла между отдельными крестьянскими хозяйствами общую сумму государственных и владельческих взысканий, но и устанавливала дополнительно свои мирские сборы и повинности. Государственная и владельческо-монастырская системы обложения, какую бы форму они не имели, реализовывались в большинстве случаев через общину. Именно здесь наиболее конкретно и полно учитывались особенности крестьянского хозяйства. О раскладке податей и повинностей среди крестьян и посадских людей впервые подробно рассказал А.С. Лаппо-Данилевский [10, с. 283–318]. Отдельные детали раскладки и взимания сборов в черносошной деревне показал в своем исследовании М.М. Богословский [3, с. 133–146]. Много внимания уделил этому вопросу С.Б. Веселовский [5, с. 357–399]. Помимо наказа окладчикам, эти исследователи имели в своем распоряжении несколько спорных дел по поводу оклада и разрубные списки, в которых фиксировалось соотношение тяглоспособности хозяйств общины. Характер содержания использованных источников определил их вывод о том, что процедура распределения податей была очень несовершенна, носила субъективный характер [10, с. 297; 5, с. 380].

Сохранившихся более или менее полных комплексов общинной документации владельческих крестьян XVII в. чрезвычайно мало. Чаще

¹ Иванов Владимир Иванович, доктор исторических наук, Южный Научный центр РАН, ivanovst@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

исследователям приходится иметь дело с отдельными случайно дошедшими до нас документами. Редкую возможность представить сложность общинного делопроизводства и реконструировать налогово-повинностную практику довольно крупной крестьянской общины предоставляет комплекс документов Шуерецкой волости², которая в начале XVII в. вошла в состав владений Соловецкого монастыря³. Основной общинной документацией являлись книги четырех обязательных видов: «отпускные», «проторные», «сносные» и «окладные». Во второй половине XVII в. они, судя по всему, составлялись ежегодно.

Отпускные книги вел староста. В них он день за днем записывал все расходы, связанные с обеспечением проезда по территории волости различных лиц⁴. В проторных книгах записи группировались по каждому крестьянину, который нес какие-либо расходы на мирские нужды. Значительная часть сведений для нее бралась из отпускных книг. Кроме того сюда заносилось выполнение общественных работ (караулы, винокурение и т.п.) и использование личного имущества для общинных надобностей⁵. В конце года можно было точно установить какие затраты понес тот или иной житель волости. Эта сумма засчитывалась ему при сборе податей. В отличие от отпускных проторные книги велись выборными крестьянами.

Сносные книги предназначались для регистрации расходов на подношения «в почесть» представителям государственной и монастырской властей⁶. Иногда составлялись и особые «расходные книги», в которых фиксировалась уплата государственных и владельческих податей и другие денежные издержки⁷. Для фиксации волостных сборов имелись специальные «приходные» книги и росписи⁸.

Один из самых интересных и редких документов внутриобщинного делопроизводства – окладные книги. Они составлялись для обеспечения справедливого распределения податей. Самое раннее описание системы внутриобщинного обложения мы находим в Уставной грамоте 1564 г. соловецкого игумена Филиппа, данной в Сумской вол., среди жителей которой являлось «смущение ... великое» о волостных раз-

² Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ). На его сайте сообщается, что материалы Шуерецкой волости хранятся ныне: Фонд 1. Коллекция рукописных документов XV–XIX вв. Оп. 4. Так как мы не имеем переводной таблицы ссылки будут даваться по прежним реквизитам – Разряд. 1. Оп. 3.

³ Карелия в XVII в. Сб. документов. Петрозаводск, 1948. № 14. Отказная книга была составлена в 1614 г. См.: РГАДА. Ф. 281. Д. 5921.

⁴ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 56. Л. 1–18.

⁵ Там же. Д. 17, 24, 22, 25 и др.

⁶ Там же. Д. 54. Л. 69–75; Д. 56. Л. 95–99.

⁷ Там же. Д. 56. Л. 90–94 об.

⁸ Там же. Д. 1, 15, 65 и др.

рубях и «о всяких тяглых». Для проведения «розруба» податей предлагалось создавать комиссию окладчиков из 8 чел., избрав по 2 чел. от «лутчих», «средних», «меньших» и «казаков». Различные подати должны были распределяться или только пропорционально земельным участкам («обежные»), или учитывая также имущество («животы»), доходы («промыслы»), количество работников («голова»). «Приметные деньги», например, собирали в соответствие только с имуществом, доходами и работниками, а «службу ратчину» платить должны были «по обжам, и по животам, и по промыслам, и по головам»⁹. Велика вероятность того, что именно с этого времени в вотчинах Соловецкого монастыря начали составляться документы подобные сохранившимся окладным книгам XVII в.

Такие документы должны были иметь общероссийское распространение уже в начале XVII в., когда производились правительственные сборы «запросных и пятинных денег», предполагавшие изъятие пятой доли имущества и доходов [4]. Осуществление такого «подходного» обложения невозможно без фиксации в какой-то форме имущества и доходов каждого хозяйства. А.И. Копанев первым исследовал и издал такого рода источник, назвав его «оценной книгой» Кемской вол. [9, с. 344–354; 8, с. 143–198]¹⁰. Известно, что окладные книги в этом владении Соловецкого монастыря начали составляться с 1600 г. Приписка в дозорной книге старца Капитона сообщает, что «преже сего в Кеми хрестьяне государеву дань и оброк с луков своих платили по одной рыбной ловли, а пашню да сенные пожни в тот платеж не считали». Предписывалось с 1600 г. оброк государев, ямскую повинность и всякие волостные «разметы» платить «з денег», и устанавливались ставки оклада луков, пашни, сенокосов и «голов». Ежегодно для проведения этой операции должны были выбираться по два человека от «больших», «средних» и «меньших» людей¹¹. Когда крестьяне платили только со своих «луков» (рыбной ловли), необходимости в составлении окладных книг естественно не было.

В фонде Шуерецкой волостной избы среди прочих мирских документов до нас дошли 13 окладных книг XVII в. и около десятка книг XVIII в. (до 1718 г.)¹². Практика распределения податей по окладным

⁹ Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. № 273.

¹⁰ Обоснование названия («окладная») и датировки (концом 50-х – началом 60-х гг. XVII в.) – см.: [6, с. 80–81].

¹¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 686. Л. 31 об.–33.

¹² НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 16, 40/2, 44, 45.47, 51/а. 53/б, 54, 56, 60/а (окончание этой книги в РГБ ОР. Ф. 218. Карт. 1250. Д. 14. Л. 60 об.-62), 59, 69, 81; 95, 93, 147, 151, 158, 165, 169, 175. Т.В. Старостина в обзоре этого фонда указала только 11 книг XVII в. – см.: [12, с. 39–40].

книгам сохранялась здесь и после введения подушной подати, на что указывает доношение 1743 г.¹³

И государственное, и вотчинное обложение крестьян Шуерецкой вол., основывались на одной и той же окладной единице — «луке» (условно-поземельная и промысловая единица)¹⁴. В реальности же, внутри общины осуществлялось комплексное обложение крестьянского хозяйства и по лукам, и по «головам», и по размерам имущества, и по доходам и по дворам («дымам»). Нормы сборов на этом низшем уровне обложения утверждались выборными людьми и изменялись практически ежегодно (табл. 1).

Таблица 1

Изменение внутриобщинного оклада крестьян Шуерецкой волости во второй половине XVII в.

Годы	Оклад (коп.)				Примечание
	поземельный («с лука»)	подушный («с головы»)	имущественно-подходящий («с рубля»)	подворный («с дымов»)	
1652	40	9	2	–	НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 1.
1659	60	12	5	50	Там же. Л. 9.
1660	36	10	12	50	Там же. Д. 11. Л. 1–11.
1660	60	12	6	–	Там же. Д. 12–18.
1663	50		5	3	Там же. Д. 15. Л. 2.
1667–1676	200	100	–	–	Там же. Д. 19. «Земные и поголовные рубли... с иными пожитки писаны вместе».
1684	83	5	5	–	Там же. Д. 44. Д. 1.
1685	90	6	6	–	Там же. Д. 45. Д. 1.
1686	80	12	4	–	Там же. Д. 47. Л. 1. «Поземное» собиралось вместе «с ружным».
1689	100	8	4	–	Там же. Д. 51 (а). Л. 1.
1690	100	8	4	–	Там же. Д. 53 (6). Л. 14.
1692	100	6	3	–	Там же. Д. 54. Л. 1
1693	80	6	3	–	Там же. Д. 56. Л. 19
1696	80	8	3	–	Там же. Д. 59. Л. 1
1697	–	5	1	32	Там же. Д. 65. Л. 1
1698	120	13	5	–	Там же. Д. 69. Л. 1.
1699	112	8	4	–	Там же. Д. 81. Л. 1

Поземельное обложение в 1652 г. равнялось 40 коп. с лука, что даже меньше государственного оклада в 49 коп./лук. В конце 50-х – начале 60-х гг. XVII в. норма его возросла до 50–60 коп. В то же самое

¹³ НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 1 об.–2.

¹⁴ Кроме окладных податей собирали оброки за владение дополнительными земельными угодьями, рыболовными тонями, варницами и мельницей.

время лук как часть имущества оценивался в 2 руб.¹⁵ Именно поэтому, очевидно, во время Соловецкого восстания 1668–1676 гг. поземельный луковый сбор был назначен (скорее всего, государственной администрацией) в размере 2 руб. с лука. Такое резкое увеличение (в 4–5 раз) поземельного обложения в период восстания можно интерпретировать как показатель утверждения государственной собственности на крестьянскую землю. По указу от 27 декабря 1667 г., как известно, монастырские владения были отписаны на государя [11, с. 266]. В последней четверти XVII в. ставка этого оклада колебалась от 80 коп. в 1684 г. до 1 руб. 20 коп. в 1698 г. Новый «всплеск» поземельного обложения до 3–3,5 руб. с лука¹⁶ совпадает с проведением секуляризационных реформ начала XVIII в.

«Поголовное» обложение в 50-е – начале 60-х гг. XVII в. довольно стабильно составляло 9–12 коп. «с головы» (в 1660 г. было два сбора по 10 коп. и 12 коп., что даст в год 22 коп.). Во время восстания, по выписке из окладных книг, норма поголовного обложения равнялась 100 коп. Это была, по всей видимости, государственная условная ставка, определяющая вместе с поземельным окладом общую сумму платежей, причитающихся с крестьянской общины. Раскладка же полученной таким образом суммы между хозяйствами, внутри общины производилась, вероятно, традиционным образом, с учетом имущества и доходов крестьян. Поэтому говорить о реальном десятикратном увеличении нормы именно поголовного сбора нам представляется не обоснованным. В 80–90-е гг. XVII в. ставка этого сбора колебалась в пределах 5–8 коп. «с головы», лишь в 1686 г. и 1698 г. немного превысив десятикопеечный рубеж. В XVIII в. эта форма обложения быстро достигает 110 коп. (в 1710 г.)¹⁷.

В среднем на одно крестьянское хозяйство приходилось около 1,5 «головы». Этот показатель очень близок к данным писцовых книг XVI – начала XVII в. [1, с. 10–11] что, очевидно, можно объяснить сходством понятия «люди» писцовых книг и «головы» окладных. В число «голов» входило не все мужское население двора, а только взрослые работники. Это мог быть даже не сам хозяин, а его племянник¹⁸. В окладной книге 1702 г. сделана помета: «взято с сына – полуголовы», что можно толковать как указание на половинное обложение несовершеннолетних или недостаточных работников¹⁹.

Следующий вид обложения можно назвать имущественно-подходящим. Он основывался на предварительной «оценке» каждого хозяйства. Учитывалось основное движимое и недвижимое (исключая постройки) имущество, промысловая добыча и различные виды доходов.

¹⁵ НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 16.

¹⁶ Там же. Д. 95. Л. 1; Д. 273. Л. 25. Расчет по тексту источника наш – В.И.

¹⁷ Там же. Л. 147, 16, 44, 47, 151, 158, 265.

¹⁸ Там же. Д. 47. Л. 7.

¹⁹ Там же. Д. 82. Л. 8.

Владение одним луком земли в окладной книге 1663 г. приравнивалось 2 руб. имущества. В 80-е — 90-е гг. XVII в. денежный эквивалент лукам не устанавливался при окладе. Однако с 1711 г. луки вновь получают денежную оценку, причем в 3 раза выше — 6 руб.²⁰ В соседней Кемской вол. монастырские власти в 1600 г. предложили крестьянам складываться по деньгам, считая рыболовный лук по 6 руб., а пашню, где сеется четверть жита по 1 руб., полевые сенокосы за 1 воз по 50 коп., морские — по 25 коп, а теребовые — по 12 коп.²¹ На практике, в середине XVII в., такая дифференцированная система обложения земельных угодий уже не использовалась. При окладе считали только луки (6 руб.) [9, с. 143–198].

«Головы», так же как и земля («луки»), имели денежную оценку только в окладной книге 1663 г. Условная окладная оценка «головы» равная 1 руб. была ориентирована, вероятно, на уровень чистой прибыли, которую мог принести один взрослый неквалифицированный работник. Она вполне могла быть близка 1/5 годового заработка, определенного в гл. XX, ст. 40 Соборного Уложения 1649 г.²² После восстания, в окладных книгах 80-х — 90-х гг. XVII в., они уже не получили денежного эквивалента и тем самым переставали включаться в оценку крестьянских «животов и промыслов». Система оценки «голов» возрождается лишь в начале XVIII в., в книге 1711 г., причем одна «голова» стала приравниваться не 1 руб., а 3 руб.²³

В отличие от «голов»-работников, тяглый рабочий скот оценивался дифференцированно. За одну лошадь («коня», «кобылу» или жеребца) в 60-е гг. XVII в. записывали от 50 коп. до 4 руб. 50 коп. В среднем оклад, как и в Кемской вол. [9, с. 346], составлял около 2 руб. 50 коп.²⁴ В 80-е — 90-е гг. XVII в. все лошади стали оцениваться в 1–1,5 руб., лишь иногда снижаясь до 50 коп.²⁵ По таможенным книгам Соловецкого монастыря в 1661/1662 г. в Сумском посаде лошадей продавали по 4–14 руб. (в среднем 6 руб. 90 коп.), а в 1680–1683 гг. по 1 руб. 60 коп. — 25 руб. (в среднем 7 руб. 30 коп.)²⁶. В Соборном Уложении 1649 г. (гл. XXIV) в случае иска устанавливалась цена от 1 руб. 50 коп. за жеребят, 3 руб. за русских кобыл и до 8 руб. за боевого коня²⁷. В сравнении с этими ценами оклад 60-х гг. XVII в. в Шуерещкой и Кем-

²⁰ НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 151, 158.

²¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 686. Л. 32.

²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 107.

²³ НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 16, 44, 47, 151, 158.

²⁴ Там же. Д. 16. Л. 10, 5, 2–2 об.

²⁵ Там же. Д. 44. Л. 1 об., 6, 10, 12 об. и др.

²⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 473. Л. 3 об., 6, 15 об., 16, 34, 35, 38; Д. 279. Л. 2, 5 об., 6 об., 8, 12; Оп. 5. Д. 661. Л. 10 об.; Оп. 1. Д. 285. Л. 6 об., 7–8 об., 10, 25, 67 об., 72.

²⁷ Соборное Уложение 1649 года. С. 132.

ской волостях выглядит лишь немного заниженным. В 80-е — 90-е гг. это расхождение увеличивается, достигая двух- и трехкратного превышения цен над окладом.

Все коровы в 60-е гг. XVII в. окладывались в 50 коп., а в 80-е — 90-е гг. — 30 коп. или 3 коровы в 1 руб.²⁸ В близлежащих селениях (Сороке и Сумском посаде) в 70-е — 80-е гг. XVII в. самая низкая цена коровы равнялась 80 коп. (как и нетели), а в среднем они продавались по рублю²⁹. Следовательно, оклад составлял половину, а позднее треть местной рыночной цены.

Окладу подлежали также различные морские суда. Крупные ладьи были только у самых зажиточных. Целая ладья в 1663 г. принадлежала волостному богачу Фефилу Михайлову. Оклад ее равнялся 47 руб. Одной третью ладьи владел Емельян Антонов (оклад 10 руб.), Андрей Васильев и Симон Моисеев, а также Фефил Иванов имели лишь шестые доли ладьи³⁰. Каждый год эксплуатации судов снижал размер оклада. Помимо оценки самих судов в оклад включался и доход, полученный за сдачу их в аренду («кортому»)³¹.

Кроме судов при обложении учитывались неводы, сети, переметы и другие промысловые снасти, включая пищали (50 коп.)³². На все промысловые орудия, как правило, начислялась «добыча». У Стефана Москвы, например, на невод «тонской» (25 коп.) записано «тонской» добычи 1 руб. 65 коп.³³ Добыча, получаемая на один участок, колебалась от 50 коп. до 3 руб.,³⁴ что зависело, очевидно, от удачливости артели.

Солеваренный промысел, которым занимались местные крестьяне, окладывался отдельно по оборудованию и по количеству вываренной соли. Црен, обычно долями принадлежавший нескольким крестьянам, составлял 15–22 руб. окладной суммы³⁵. Доход («солевыварка»), полученный от одного црена, в окладной книге оценивался примерно в 2 раза выше стоимости црена (24–46 руб.)³⁶. При обложении учитывались все занятия крестьян, приносящие им доход. Часто встречаются указания на извоз, кузнечный промысел, пастьбу и просто

²⁸ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 16, 44, 56 и др.

²⁹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 279. Л. 2 об.; Оп. 5. Д. 661. Л. 3 об., 5 об.; Оп. 1. Д. 285. Л. 3, 4, 72 об.; Оп. 5. Д. 686. Л. 2, 5, 6; Оп. 4. Д. 75. Л. 7–9; Оп. 1. Д. 322. Л. 4 об., 6, 7 об., 16 об., 26 об.

³⁰ НА КарНЦ. Разряд. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 2–2 об., 13, 14 об.

³¹ Там же. Д. 47. Л. 1 об., 6 об.

³² Там же. Д. 44. Л. 4 об.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 45. Л. 19, 18 об., 2.

³⁵ Там же. Д. 16. Л. 4 об., 5, 7, 8 об. и др.; Д. 44. Л. 2 об., 3, 6, 10 и др.

³⁶ Там же. Д. 16. Л. 4 об., 5, 7, 8 об.; Д. 44. Л. 2 об., 3, 6, 10. Подсчеты на 1 црен наши.— В.И.

«найм». Обычный их оклад равнялся 50 коп. — 1 руб.³⁷

Оклад произведенного в крестьянском хозяйстве зерна колебался от 50 коп. до 3 руб., при этом часто подчеркивается, что хлеб «родился в лесе»³⁸, т.е. не на основных домашних полях, продукция которых включалась, очевидно, в оклад луков (2 руб./лук). По местным ценам 70-х — 80-х гг. XVII в. четверть ржи стоила 80 коп. — 1 руб. 20 коп.³⁹, а в 1662 г. — достигала 2 руб. 40 коп. (в связи с выпуском медных денег)⁴⁰. Оклад, так же как и в других случаях, скорее всего, был ниже рыночной стоимости зерна.

Примерно пятая часть шуерецких крестьян (в 1663 г. — 17 из 75 хозяйств)⁴¹ занималась торговлей, которая окладывалась также как имущество и промысловая добыча. «Мурманский торг» Фефила Михайлова в 1663 г. определен был в 50 руб. У Емельяна Антонова записано рыбы семги «в торгу» 25 руб.⁴² Всего торговые деньги в 1663 г. составили более 250 руб. или около 16 % всей окладной суммы волости. Можно предположить, что при окладе торговой деятельности выставлялась не сумма годового торгового оборота, а скорее всего чистый торговый доход, размеры которого сильно колебались — от нескольких процентов до трети и даже половины стоимости товара [7, с. 443–453].

В среднем на одно крестьянское хозяйство в 1663 г. приходилось около 20 руб. окладной суммы. Величина и структура оклада отдельных хозяйств сильно колебались (от 147 до 2 руб.), отражая их имущественную и хозяйственную дифференциацию.

Если сумму доходов всех крестьянских хозяйств (исключив все виды имущества) сопоставить с размерами податей, то окажется, что в 1663 г. подати составляли в среднем 10 % крестьянского «дохода», который можно считать долей чистой прибыли, полученной крестьянским хозяйством, а в 1690 г. — 20 %⁴³. В зависимости от зажиточности этот показатель сильно колебался. В 1663 г. у богатой верхушки заплаченные ими подати составили 5,7 % от их «доходов», а в бедных хозяйствах отдавали 12,2 % окладного дохода, т.е. в 2 с лишним раза боль-

³⁷ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 8, 9 об.; Д. 44. Л. 7; Д. 56. Л. 31–32 об., 35 об., 45–46; Д. 80. Л. 4, 12, 15 об.

³⁸ Там же. Д. 56. Л. 46 об — 48; Д. 44. Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 24. Л. 6 об.; Отдел рукописных, печатных и графических фондов Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Д. 1238. Л. 243–244.

⁴⁰ Архив СПбИИ. Колл. 2. Д. 152. Л. 939 об.

⁴¹ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 16.

⁴² Там же. Л. 1 об., 13.

⁴³ В 1699 г. подати составили 9,3 %, что связано с возрастанием роли поземельного оклада — см.: Там же. Д. 81.

ше, чем зажиточные. В 1690 г. при среднем 20 % сборе верхушка платила 36 руб. 8 коп. податей, что равнялось 10,2 % их окладных доходов, в то время как беднейшие хозяйства (с окладом менее 1 руб.) собрали 7 руб. 21 коп., что в 2,5 раза превосходило (!) их окладные доходы (2 руб. 70 коп.), представленные большей частью наймом. Такую систему обложения, в отличие от распространенной сейчас в мире прогрессивно-подоходной, можно назвать – регрессивно-подоходной, при которой чем выше доход, тем ниже ставка налога.

При раскладе и сборе податей в Шуерецкой вол. крестьяне не разделяли их на государственные, монастырские или мирские. Устанавливалась общая сумма, которую нужно было собрать. Узнать о соотношении этих видов обложения можно только через цели расходования собранных средств, которые фиксированы в проторных книгах. Содержания этого источника позволяет систематизировать основную часть записей. В самой ранней из известных проторных книг 7163 г. (1654/1655) к государственным податям будут относиться «дани и оброки» (29 руб. 29 алт. 1,5 ден.)⁴⁴, которые передавались монастырскому старцу Александру и поступали в монастырскую казну, так как по жалованной грамоте 1613 г. монастырь обязан был платить их сам в Москве⁴⁵. Кроме этого постоянного, как мы видели выше, побора к государственным следует отнести расходы на перевозку государевых стрельцов и других служилых людей (например, кречатников), лошадей (видимо, по государственным надобностям) и на их пропитание. Один прием пищи на человека («выть») оценивался около 1 коп.⁴⁶ Эти сведения позволяют довольно точно определить тяжесть ямской повинности. Она почти равнялась даням и оброкам – 25 руб. 55 коп.

Монастырские подати и повинности заключались в обслуживании представителей монастырской администрации в волости. Община оплачивала обработку монастырского огорода, вывозку «назма» на поле, перевозку камня на монастырский двор, доставку дров и лучин, приготовление кваса, поставку различных припасов: сыра, сметаны, масла, яиц, сигов, калачей, пирогов, вина. Регистрируется преподнесение «гостинцев», денег, в том числе ефимков для старца. Много средств шло на провозку и разгрузку монастырской ладьи (оценена в 3 руб. 39 коп.). Эта работа похоже была обязательной ежегодной повинностью. Самой хлопотной и обременительной являлась ямская повинность. Крестьяне перевозили монастырских стрельцов, слуг, старцев и обеспечивали их пропитание в дороге. Кроме того, в этом году объезжал

⁴⁴ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 20 об.

⁴⁵ Карелия в XVII в. № 14.

⁴⁶ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 16–17.

владения архимандрит, что потребовало дополнительных расходов на сопровождение, ремонт, подношения (32 руб. 10 коп.)⁴⁷.

К мирским податям нами отнесены расходы на церковь: руга Федосею Жигляю (1 руб. 50 коп.), вероятно, за церковную службу и дьячку Семейке (2 руб. 50 коп.), плата просвирнице (50 коп.). А также расходы на обеспечение работы мирского самоуправления: перевозку волостных выборных лиц; закупку бумаги и ведение общинной документации; угощения «на волость» (пирог, квас и т.п.).

Записи проторной книги не всегда позволяют точно отнести те или иные расходы к государственным, монастырским или мирским. Особенно трудно выделить чисто мирские расходы, которые в наших расчетах скорее занижены. В целом структура крестьянских податей и повинностей в 1654/1655 г. представляется, по нашим подсчетам, следующим образом: государственные – 55 руб. 42 коп. (58 %); монастырские – 32 руб. 10 коп. (33,5 %); мирские – 6 руб. 82 коп. (7 %); прочие – 1 руб. 33 коп. (1,5 %); итого – 95 руб. 67 коп. (100 %)⁴⁸.

По проторной книге 1675/1676 г.⁴⁹ на государственные нужды было израсходовано 121 руб. 34 коп. (65 %), на монастырские – 36 руб. 45 коп. (19 %), на мирские – 31 руб. 76 коп. (17 %), итого – 189 руб. 55 коп. (100 %)⁵⁰. А в 1694/1695 г. государственные расходы составили 34 руб. 12 коп. (44 %), монастырские – 21 руб. 74 коп. (29 %), мирские – 20 руб. 91 коп. (27 %)⁵¹.

Сопоставление структуры расходов крестьянских денег показывает, что доля государственных издержек в середине XVII в. преобладала (58 %), однако к концу столетия заметно снизилась (до 44 %). Монастырские подати и повинности так же имели общую тенденцию к снижению своей доли (с 33 до 29 %) в сумме крестьянских сборов. Особенно низкой она стала к концу Соловецкого восстания (19 %), когда государственные увеличились номинально более, чем в 2 раза. Происходило все это за счет постоянного увеличения расходов, которые мы относим к разряду мирских – с 7 % (в 1650-е гг.) до 27 % (1690-е гг.). Эта тенденция являлась, очевидно, повсеместной, так как известно что в монастырской вологодской деревне мирские платежи достигали иногда 45 % [2, с. 111].

⁴⁷ НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 18, 27 об., 38.

⁴⁸ Там же. Л. 1–38. Подсчет по тексту наш. – В.И.

⁴⁹ Там же. Д. 27. Подсчет по тексту наш. – В.И.

⁵⁰ Эта сумма не отражает общего сбора 1675/1676 г., который должен составлять 239 руб. (по 1 руб. с «головы» и по 2 руб. с «лука».- см.: НА КарНЦ. Разряд 1. Оп. 3. Д. 19. Л. 2.

⁵¹ РГБ ОР. Ф. 218. Карт. 1250. Д. 17. Сведения явно неполны, учитывая оклад, должно быть в итоге более 100 руб.

Для объективной оценки фискальной практики позднего средневековья необходимо учитывать все формы и уровни обложения крестьянского хозяйства. Помимо многочисленных частных вопросов важнейшими проблемами исследования податно-повинностной сферы жизни крестьян, по нашему мнению, являются: выявление соотношения государственных, владельческих и мирских податей и повинностей; определение общей суммы изымаемых из крестьянского хозяйства средств через все уровни и формы обложения; установление доли этой суммы в общих доходах крестьянского хозяйства.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.
2. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере: конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
3. *Богословский М. [М.]* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. М., 1912. Т. 2.
4. *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908.
5. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1.
6. *Иванов В.И.* «Веревные» и окладные книги XVI–XVIII вв. // Среди текстов. Сборник, посвященный 65-летию историка книги и поэта А.И. Слущкого. Краснодар, 2006.
7. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.
8. *Копанев А.И.* Материалы по истории крестьянства конца XVI – первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги БАН СССР. Л., 1966.
9. *Копанев А.И.* Оценная книга Кемской волости с волостками как источник экономической истории поморской деревни XVII в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
10. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
11. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Пермь, 1927.
12. *Старостина Т.В.* Фонд Шуерецкой волостной избы XVII в. // Северный археографический сборник. Вып. 6. Историография и источниковедение. Вологда, 1978.

О РОЛИ ОБЩИНЫ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВО-ПОВИННОСТНЫХ ПРАКТИК В МОНАСТЫРСКИХ ВОТЧИНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Статья посвящена одному из важнейших аспектов деятельности мирского самоуправления: принципам, организационным формам и механизмам раскладки налогов и государственных повинностей в крестьянских общинах различного уровня в монастырской деревне Центра России.

Ключевые слова: налоги, община, крестьянское самоуправление, финансово-фискальная функция.

А.С. Лаппо-Данилевский в своем фундаментальном труде по истории прямого налогообложения отмечал, что «зависимость крестьянской общины от землевладельца, как известно, далеко не уничтожила общинных порядков и при раскладке государственных податей едва ли особенно сильно ограничивала деятельность крестьянского мира». Констатируя упоминание в источниках старост, целовальников и сотских «разных помещиков» и вотчинников, он высказал предположение о том, что «все они производили раскладку, вероятно, на тех же основаниях, как и в северных волостях, хотя к сожалению эта сторона их деятельности пока остается для нас мало известною и во всяком случае была несколько стеснена надзором прикащика. Впрочем, то значение, которое сохранили эти выборные лица при взимании и доставке податей, заставляет предполагать, что и в раскладке они играли важную роль» [5, с. 302].

Целью исследования является изучение роли общины и мирского самоуправления в системе налогово-повинностных практик, существовавших в монастырской деревне Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Предложенное А.С. Лаппо-Данилевским трехчастное деление компетенции мирских выборных (раскладка – взимание – доставка податей) принято в качестве рабочей гипотезы. Одно из направлений научного поиска, задачей которого было выявление основных принципов, форм и механизмов раскладки / «разруба» налогов и государственных повинностей внутри вотчины и крестьянских общин различного уровня (и их перераспреде-

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, nsns@list.ru, Россия, г. Москва.

ния, если таковое осуществлялось), представлено в данной статье. Источниками исследования стали приговоры мирских сходов, монастырские и мирские приходно-расходные книги, подворные описания и окладные книги, подрядные записи и записи-поручительства, крестьянские сказки, отписки об уплате налогов, монастырская переписка и др.

«Общественный дуализм» общины [1, с. 178], которая, с одной стороны, являлась защитником интересов сельского мира «in согоре», а с другой — выступала в качестве инструмента фискальной политики государства и землевладельца, отчетливо проявлялся при исполнении ею функций, связанных с налогообложением. Источники свидетельствуют, что при работоспособном крестьянском самоуправлении землевладелец-монастырь, как правило, не вмешивался в мирские процедуры, связанные с организацией уплаты налогов и выполнения натуральных государственных повинностей. Как абсолютно обычная воспринималась современниками ситуация, зафиксированная, например, в вотчинной переписке из архива Донского монастыря: «Да августа в 1 число крестьяне в корабельное строение деньги розвели и начали собирать»².

Сохранившиеся мирские приходно-расходные книги, как правило, фиксируют нескольких сборов в течение года. По справедливому замечанию Е.Н. Швейковской, они «констатируют произведенный «разруб» как акт уже состоявшийся», т.е. «запись приходных книг по отношению к самому “разрубу” вторична» [2, с. 68]. Соответственно, установить, был ли он произведен непосредственно на сходе, или сельский мир утверждал ранее произведенную монастырем или выборными раскладку, удается не всегда. Однако применительно к Центральной России встречаются и прямые указания на решение схода или мирской приговор. Например, в книгах мирского старосты в вотчине Шаровкиной пустыни в Перемышльском у. (села Варваренок и Петровское с дер.) Ильи Алферова под 7 июля 1703 г. записано: «Первый збор приговорили миром зобратъ з десятины по 2 алтына по 4 денги на расход для всяких грацких прилучившихся дел»³.

Количество дошедших до нас мирских приговоров по вопросам налогообложения, бесспорно, меньше фактического числа происходивших на сходах «разрубов». И дело не только в общей сохранности крестьянских мирских архивов, но и в существовании практики, когда решения схода не фиксировались в письменной форме. Анализ уникального комплекса черновых приговоров 36 всеотчинных сходов, состоявшихся в 1721–1723 гг. в заопределенной вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря (с. Новое с деревнями, Рузский у.), показал, что вопросы, так или иначе связанные с «разрубом» повинностей, об-

² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 124. № 77.

³ Там же. Оп. 1. Д. 498. Л. 662 об.

суждались на половине мирских сходов. Полученные результаты можно сопоставить с данными по дворцовой Писцовской волости, мирские приговоры которой за 1734 г. ранее считались наиболее ранним годовым комплектом и были изучены В.А. Александровым. Разруб повинностей здесь также происходил более чем на половине сходов (58 %). Следует, впрочем, оговориться, что в обоих случаях ни один из годовых комплектов не является полным, к тому же писцовские приговоры все беловые и содержат только по одному вопросу. Однако на мирском сходе могли принимать несколько решений, в том числе о сборе денег на уплату разных налогов и сборов — как окладных, так и неокладных — запросных или чрезвычайных⁴. Если сход поручал сбор различных налогов разным людям, то каждый из них получал свой чистовой экземпляр мирского приговора, касающийся только этого конкретного сбора. Анализируя компетенции мирских сходов нескольких сложных общин, В.А. Александров отмечал «насколько единообразно в оброчных вотчинах было соотношение отдельных групп вопросов, решаемых мирскими сходами» [1, с. 139, 179]. В документах из архива Иосифо-Волоколамского монастыря, безусловно, нашел отражение некий общий тренд, присущий в первой трети XVIII в. крестьянскому самоуправлению сложных общин, по своему составу напоминающих общину-волость, причем не только в оброчных владениях и не только на землях светских земельных собственников.

В отличие от приходных книг крестьянских выборных, старост и целовальников, в приговорах мирских сходов цели сбора, как правило, изложены более или менее подробно. Так, в одном из упомянутых выше приговоров схода в с. Новое зафиксировано решение о сборе «с оной вотчины со крестьян на сей 722 год по переписным книгам 186-го году с крестьянских и з бобыльских дворов в военной по полуполтине, санктпитербургским работником потому ж, карабельных по четыре алтына з денгою, рекрутных по два алтына, подводных потому ж, ямских и полоняничных по гривне, к городovým делам на дело кирпича и на покупку припасов по два алтына по четыре денги, известных по полуосмы денги, драгуном на жалование набор Монастырского приказу по одиннадцати алтын по четыре денги, на корм драгунским лошадям по гривне, за пустые дворы по пяти денег, на гошпиталь по две денги, итого по рублю по девятнадцати алтын по полшесты денги з двора»⁵.

В некоторых общинах существовала традиция разруба и сбора некоей общей суммы для уплаты нескольких налогов, порой и превышающей известные тот на момент крестьянам окладные платежи. На-

⁴ Так, в рассматриваемом случае на 36 сходах были приняты решения по 48 вопросам, соответственно, и процент «фискальных» будет ниже.

⁵ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1722 г. Д. 12. Л. 12–12 об.

пример, в вотчинах Шаровкиной пустыни в начале очередного года мирской службы старосты собирали «сорокаалтынный сбор»: в декабре 1698 г. старостой Иваном Афонасьевым «збирана села Варваренок з 27 десятин, а збирана з десятины по 40 алтын»; аналогичный сбор зафиксирован в приходных книгах старосты Сидора Ларионова в новосильской вотчине (с. Глупок) в 1703/1704 г. — «з десятины по 40 алтын на всякие государевы поборы»⁶. В подобный объединенный сбор могли входить не только налоги и деньги на осуществление их платежа, но и сборы на различные мирские нужды или владельческая рента. Источники часто не показывают конкретные суммы по каждой «статье», что делает невозможным корректное вычленение доли собственно государственных налогов в совокупном объеме крестьянских платежей по приходным записям. Обращение к соответствующим расходным книгам помогает не всегда, поскольку в них, как правило, отсутствует четкое разграничение расходов, произведенных из денег того или иного конкретного сбора. В источниках найдено отражение и широко распространенная практика, когда на сходе устанавливали размеры платежа на единицу тягла только для самого налога, а дополнительные затраты на процедуру сбора, отвоза и сдачи покрывались из отдельно разрубаемых «мирских» денег.

Исследование показало, что несмотря на все изменения, происходившие в рассматриваемый период в номенклатуре и объеме прямых налогов и государственных повинностей, в монастырской деревне Центра России господствующим оставался повытно-потягольный принцип их раздела («разруба») внутри общины. До крестьянского мира могли доводиться как нормы налога на принятую на тот момент единицу налогообложения, так и результаты уже произведенного (в монастыре, на всеотчинном сходе, мирскими выборными или земским дьячком) пересчета на применявшуюся в данной вотчине окладную единицу — выть или ее доли, «кость», «рубль», «алтын», «деньгу», «десятину» и т.д. При всем многообразии использовавшихся для обозначения единиц обложения терминов, которое было отмечено еще А.Л. Шапиро [8, с. 207–208], эти различия не меняли сути происходившего. «Разруб» осуществлялся на основе ранее произведенного «оклада» входивших в общину деревень, а в каждой из них — отдельных крестьянских хозяйств. Для этих целей использовались разной степени подробности подворные описания с указанием размера тягла, «окладные книги», «окладные списки», «росписи тягла» и др. Имеющиеся на подобных документах пометы и исправления тягла отдельных дворов или деревень, по-видимому, отражают результаты частичного перераспределения тягла и свидетельствуют о том, что документ могли использовать в течение более или менее длительного времени, до нового валового тяглового обложения.

⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 399. Л. 281; Д. 473. Л. 19 об.

Прямая взаимозависимость взимаемых с монастырских сел и деревень налогов (ямских и стрелецких денег) и крестьянского тягла и, соответственно, его земельного обеспечения прослеживается в документе из архива Нижегородского Печерского монастыря: «157-го генваря в [...] взято села Ягоднова у старосты у Данилы Колоча с крестьян села Ягоднова и села Перевоз з деревнями с семидесят с трех вытей и с трех чети выти с осмухою и с полуосмухою и с половины полуосмухи ямских и стрелецких денег с выти по рублю по дватцати по два алтына по две денги, итого 123 рубли семнатцать алтын четыре денги. А не взято деревни Ковалева с пустовые с выти рубля дватцати двух алтын дву денег, отдана в наем под рожь к нынешнему ко 157-му году. Да не взято же деревни Танайковы с полувыти дватцати семи алтын пяти денег. Староста сказывает, земли де тяглые столько нет в той деревне, и та де полвыти положена служня Кубасовых детей»⁷.

Повытно-потягольный принцип мирской раскладки государственных налогов продолжает действовать и после введения в качестве окладной единицы дворового числа [4, с. 332]. Например, в наказной памяти в курмышскую вотчину того же монастыря (март 1673 г.) по поводу сбора денег на жалованье ратным людям («по переписным книгам по полтине з двора») предписывалось следующее: «И тех денег довелось села Коропова по переписным книгам со ста с пятидесят со шти дворов семдесят восемь рублей. А в нижегородцких инших вотчинах по розвытке на выть по семи рублей по десяти алтын. И старцу Феодосию и Миките Баскакову [с] старостою с Лукою Васильевым собрать наскоро те денги по розвытке с крестьянских дворов по тяглу». Упоминание в документе наряду с посельским старцем и монастырским слугой также и мирского старосты, причем по имени, надо думать, свидетельствует об активном использовании общины как фискального агента не только при сборе налогов. С бобыльских дворов налог собирали, приравнивая их к крестьянскому тяглу двору на $\frac{1}{32}$ выти: «А з бобылей с целых дворов против полполосмушников»⁸.

Вытная раскладка налогов осуществлялась в вотчине Суздальского Покровского монастыря в 1687 г. Согласно мирским приходно-расходным книгам, в с. Хрепилево (Суздальский у.), «октября в день бран збор с выти по три рубли в ямские и в полоненичные денги и стрелцом на корм и губному целовальнику и в постоялое да з двора по два алтына в наем подвотчиком восить к Москве хлеб ис Троецкого монастыря и того принято с четырнатцети вытей без денги». В документе зафиксирована «денга» в качестве мелкой доли вытного тягла («авгус-

⁷ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. Д. 192

⁸ Там же. Д. 648. Коропово – единственная вотчина монастыря в Курмышском у., что, видимо, и объясняет появление в документе информации об опыте «розвытки» в «инших» вотчинах, большинство которых располагалось именно в Нижегородском у.

та в 1 день бран збор с выти по два рубли в дровяные денги с четырнадцати вытей бес полуденги»⁹.

Одной из самых распространенных единиц тяглового обложения и «разруба» налогов в Центральной России и в первой четверти XVIII в. оставался «полуосмак». Так, в приходных книгах старосты всеотчинной общины в дмитровских владениях Донского монастыря (приписная Медведева пустынь) Лариона Моисеева под датой 26 октября 1700 г. зафиксирован сбор «в ямские и полоняничные денги по 6 алтынов по 4 денги с полуосмака», а под 28 марта 1701 г. — сбор «по 3 алтына по 2 денги с полуосмака в сенные государевы копенные денги»¹⁰. В вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря традиционная практика «разруба» сохраняется вплоть до середины 1720-х гг.: «И в оной платеж вышеписанные выборные и все крестьяня приговорили: собрать по мирской роскладке с вышеписанного тягла с полуосмака по два рубли по десяти алтын со всех сполна, бездоимочно, не норовя никому». В приговор мирского схода, состоявшегося 13 сентября 1721 г. в с. Новое (Рузский у.), вероятно, для удобства сборщиков, включена более подробная роспись норм «на майскую треть в рублевой збор, что збираетца в разные приказные платежи»: «И тое оные платежи приговорили с той вотчины со крестьян собрать с выти по 16 руб., с полувыти по 8 руб., з дву осмаков по 4 руб., с осмака по 2 руб., с полуосмака по 1 руб., с крохи по 16 алт. по 4 ден.». Таким образом, «кроха» здесь представляла собой $\frac{1}{32}$ выти, но она делилась и на еще более мелкие доли. Так, крестьяне дер. Медведкова (Рузский у.) Аврам Иванов и Иван Петров имели тягло «крошка с шестою долею крошки» и «кроха без шестой доли», соответственно. В соседнем Волоцком у. крестьянин того же монастыря Дорофей Иванов (дер. Ефремова) пытался уменьшить свое тягло до $\frac{1}{64}$ выти, однако натолкнулся на сопротивление односельчан: «Умыслом своим покидает доли своей половину крохи, на нас же уваливает. А сам только хочет быть на полукрохе. И то он собою, а мы так разоряемся. А ему Дорофею возможно и всею долею своею владеть, понеже у него лошадь и скотина есть, и работать есть кому». Отметим, что указанные в челобитной характеристики дворохозяйства, которые, по мнению крестьян, доказывают тягლოსпособность Дорофея, согласуются с известным тезисом о зависимости величины тягла от трудовых ресурсов двора, наличия рабочего и продуктивного скота¹¹.

Наряду с широко распространенной вытью и ее долями в мирских приговорах и приходно-расходных книгах в связи с разрубом налогов

⁹ Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. № 75. С. 105, 106, 107; № 86. С. 11.

¹⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 447. Л. 87–89.

¹¹ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1721 г. Д. 11. Л. 14–14 об.; 1722 г. Д. 12. Л. 12 об.; Д. 41. Л. 15; 1724 г. Д. 20. Л. 34; Д. 29. Л. 1 об.

и государственных повинностей зафиксированы и другие единицы крестьянского тягла. Ранее уже отмечавшаяся исследователями взаимосвязь единиц так называемого «денежного счета» и выти [З, с. 140; 8, с. 208] прослеживается в «Книгах переписных села Щучья и деревень крестьяном мужеска полу з детьми и с тяглами переписи камисара Василия Буторина 723 году», зафиксировавших произведенный мирскими выборными¹² оклад в осташковской вотчине Валдайского Иверского монастыря: «А тягло положено денежным числом, выть по 4 алтына», «Итого 16 дворов, тягла 10 алтын 5 денег. И вытьми 2 выти с полувытью»¹³. Староста Заборовской волости Железнодорожского монастыря (Галичский у.) Устин Сергеев в апреле 1691 г. дал сказку о том, что «приходу по мне з жилых жеребьев с осмидесят з девяти алтын в четыре помета сто тридцать четыре рубли без дву гривен»¹⁴. «Денежный счет» тягла нашел отражение и в приходных тетрадах 1716 г. старосты Юзской волости Донского монастыря (Галицкого у.) Семена Юдина («разрубили миром на государевы платежи на денгу 16 рублей 1 алтын 4 денги», «разрубили мирские люди на государевы денги на правиянт на денгу по рублю»). Согласно переписной книге 1718 г., $\frac{1}{4}$ «деньги» здесь называли «пирог»¹⁵.

В вотчинах Шаровкиной пустыни в конце XVII – начале XVIII в. существовала практика «разруба» налогов и государственных платежей с использованием в качестве окладной тяглой единицы «десятины» и ее долей («полудесятина», «четверик», «колесо»¹⁶). В крестьянской челобитной на бывшего старосту Ивана Афонасьева, поданной в 1701 г., сообщается, что он будучи в мирской должности «всех сел и деревень со всего миру ... збирал всякие великого государя поборы и монастырские подымно и по тяглу». Согласно приходно-расходным книгам этого мирского старосты (1695/1696–1699/1700 гг.), в первый сбор 1695/1696 г. им было взято «села Варваренок з 27 десятин с чет-

¹² «Окладчики села Щучья Иван Федоров, деревни Семеновщина Терентей Афонасьев обложили на 723 и на предбудущий 724 годы».

¹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 609. Л. 25, 27.

¹⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 398. Л. 78.

¹⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 515. Л. 1–74 об.; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 563, 567.

¹⁶ Тезис Н.А. Горской о замене в 1683 г. «такой доли окладной единицы, как “колесо” ... на “четверть десятины» [4, с. 31, прим. 6; с. 32] не находит подтверждения в мирской документации конца XVII в. Так, «колесо» зафиксировано в приходных книгах старосты с. Варваренок 1696/1697 и 1699/1700 гг. («Сельца Нижнева Олонова собрано с 7 десятин без колеса. Збирано потому ж по 40 алтын. Итого собрана 8 рублей 3 алтына 2 денги», «Принета у зборщика у Ивана Абинова сороковых поборов с 14 десятин с колесом». (ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 11, 22 об.)

вериком з десятины по сараку алтын, в другой побор по десяти алтын. Итого собрано денег сорок рублей 13 алтын 3 денги. А з десятины с трех четвериков не брата со льготчиков и скудных»; а в следующем году в первый же сбор — «села Варваренок з 26 десятин з 2 четвериков по 40 алтын. Итого собрано 31 руб. 26 алт. 4 ден. А з двух десятин с трех четвериков не брата»¹⁷. Приходно-расходные книги старост той же общины за 1703/1704 и 1704/1705 гг., а также мирских выборных новосильской вотчины монастыря (с. Глупок с дер.) за 1704/1705 г. и белевской вотчине (с. Стромок) за 1714 г. свидетельствуют, что и позднее разруб налогов осуществлялся аналогичным образом¹⁸. В рамках бытовавшей в вотчинах данного монастыря налогово-повинностной практики «десятина» крестьянской мирской документации, как представляется, была аналогом вытного или «денежного» счета, хотя исторически и восходившего по своему происхождению к реальной единице измерения земельной площади¹⁹.

Источники фиксируют основные этапы трансформации норм государственного обложения на основе числа переписных дворов в мирской разруб «по тяглу» не только денежных налогов, но и натуральных повинностей, в частности, подводной: «Нынешнего 205 году збирана на другия подводы по указу великого государя, а указ прислан в Великий пост, чтоб подымать железа з заводов на Воронеж. А с монастырских указана з 20 дымов подвода. И мирские люди приговорили нанимать. И на те подводы збирана з десятины по 10 алтын. А нанимали на подводу 5 рублей с полтиною, итого дано 20 рублей и полтора рубли. От записи и отдачи стала 13 алт.»²⁰

При «разрубке» того или иного налога или государственной повинности крестьянский мир должен был учитывать, с одной стороны, произошедшие с момента последней государственной переписи изменения, с другой — ситуацию в общине по сравнению с последним тяглым обложением. Вот как сами крестьяне объясняют несовпадение «расчетной» суммы запрашиваемого налога и реального сбора: «Збирано в Золотую полату полуполтинных денег. И в тот збор положено з десятины по 15 алтын по 2 денги, для того что тяглых жеребиев меньше переписных дворов»²¹. Сокращение числа тяглецов в общине могло быть вызвано различными причинами, соответственно, требовалось или перераспределение тягла или достаточно было предоставле-

¹⁷ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–28 об.; Д. 481. Л. 3.

¹⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 399. Л. 296; ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 381. Л. 1.

¹⁹ Н.А. Горская считала, что в монастырских переписях «тягло выражено в долях десятины монастырской запашки, приходящейся на каждый двор» [4, с. 25, прим. 13].

²⁰ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 15 об.

²¹ Там же. Д. 498. Л. 742.

ния краткосрочной «льготы». В приходно-расходных книгах Ивана Афонасьева 1695/1696–1699/1700 гг. указаны дворовладельцы и размер их тягла («полудесятина», «четверик»), с которых деньги не взяты, с указанием причины предоставления льготы: «С Моски Якунина с полтара четверика, потому что он Донския Богородицы в годовых сторожах был», «старосты Ивана Климова не брата с 3 четвериков», «Евсей Пронина с трех четвериков, потому что он живет в Шаровкине монастыре в годовых целовальниках», «с Кузмы Иванова с полудесятины не брата, потому что он по мирскому приговору живет на Москве Донския Богородицы в годовых работников», «со вдовы Игнатовы жены с четверика не брата», «Дениска Якунина не брата с полудесятины, потому что он оскудал», «с целовальника с Павла Минакова з десятины не брата», «со вдовы Малаховы жены с четверика не брата ради скудости», «на Гришке Петрову не брата с полудесятины, для того что у него отец умер»²².

Вновь выявленные документы, относящиеся к монастырской деревне в Центральной России, подтверждают наблюдения А.Л. Шапиро о том, что «двор и дым гораздо реже, чем выть и ее доли, выступают в качестве окладных и раскладочных единиц в вотчинном хозяйстве» [8, с. 208]. О причинах такого предпочтения крестьян позволяет судить челобитная Переславского Федоровского монастыря, датированная январем 1703 г. Монастырские власти обращаются к царю за разрешением вернуться к прежней практике сбора государственных налогов и податей по вытню, а не с дымов: «А в прошлых, государь, годех собирали с них монастырских крестьян всякие твои великого государя подати и стрелецкий и запросный хлеб и подводы с вытей поземельной, а не з дымов. И в том меж ими крестьяны была поверстка, село к селу и деревня к деревне против земли с выти помогали. А ныне они крестьяне село к селу и деревня к деревне не помогают, и меж ими крестьяны стала быть нелубка»²³. В челобитной особо подчеркивалось, что инициатива возвращения к прежнему принципу раскладки исходит именно от крестьян. Во исполнение последовавшего царского указа 4 мая 1704 г. крестьяне дали на себя запись («сказку») с обязательством «поверстаться нам меж собою пахотную землю и сенные покосы в мире против подмонастырских тяглых крестьян и против писцовых четвертных дач, какова где земля написана, по рассмотрению и платить государевы всякие подати против земли с тягла станем, а не с переписных дымов». Таким образом, возврат к прежнему принципу «разруба» приходящегося на общину государственных налогов и повинностей сопровождалось земельной «поверсткой»

²² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 473. Л. 1–28 об.

²³ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 102. Карт. 7. Д. 190.

и перераспределением тягла. Следует отметить, что в данной общине на единых принципах распределялись не только денежные, но и натуральные налоги и повинности в пользу государства [7, с. 99–102].

Введенный государством подушный оклад первоначально также был «канализирован» общиной в традиционные схемы раскладки и разруба государственных налогов [6, с. 292]. Сохранение прежней системы при раскладке уже подушных денег в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря нашло отражение в крестьянских челобитных 1724 г. «Тягла подо мной крошка с шестою долею крошки, а за саседом моим Иваном Петровым кроха без шестой доли. И у него только три души, а у меня 7 душ. И я платил с семи душ, а он с трех, и мне в том платеже не помогает, а земли не уступает», — пишет Аврам Иванов. Результат компромисса, к которому пришли сами крестьяне, легитимирован монастырским указом от 18 июня 1724 г.: «Деревни Медветковы крестьяном Авраму Иванову владеть две доли полуосмака, потому что у него написано 7 душ, а Ивану Петрову полуосмаком владеть, для того что у него написано три души. Да и для того им по выше писанному владеть, что оне промеж собою полюбовно договорились, а подушные денги им платить по тяглу»²⁴.

При переходе к подушному налогообложению сохранялась и практика сбора денег с некоторым превышением приходившегося на крестьянский мир налогового бремени. Например, крестьяне из дер. Болобонова жаловались на Василия Козмина, сборщика подушных денег 1724 г., что он собрал с 13 крох по 14 алтын с крохи и с бобыля 7 алтын, но «в мир отписи не явит, и мы многожды у него требовали... знатно, господин, что у него есть излишние». И действительно, выборный подтвердил наличие у него мирских денег (14 алт.), несмотря на уплату налога и некоей дополнительной суммы в связи внесением платежа с опозданием (вероятно, на почести и подносы)²⁵. Крестьянские челобитные раскрывают механизм, позволявший общине, пусть и с опозданием, но платить подушные деньги. Так, Григорий Григорьев утверждал, что «в нынешнем 724-м году в Великий пост доправили на мне за саседа моего Федота Титаева, которой жил в той деревне Фадеиве на доле, подушные денги за две души, а он в лицех и живет на Бугороде у брата своего Клементия Титаева». Крестьяне дер. Ефремова просили монастырь не требовать подушные деньги за умерших крестьян, а тех соседей, которые «живут кроме нашей деревни в разных местах» или «кормятца в наймех», привлечь к уплате вместе с остальным миром, поскольку де «пашни у нас в деревне только пять

²⁴ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1724 г. Д. 20. Л. 32–35.

²⁵ Там же. 1724 г. Д. 14. Л. 21–21 об.

крох и с пустотою, и нам в таких лишних платежах и могуты не стало, а у нас на полосмака по двенатцети душ»²⁶.

Обусловленное существованием круговой поруки перераспределение внутри общины недоимок в подушных платежах воспринималось крестьянами как явная несправедливость, поскольку новые принципы налогообложения пришли в противоречие со старым тяглым окладом. Примечательно, что сами общинники для разрешения возникшего конфликта интересов предлагают «традиционный» метод – поравняться тяглом и землей. Подобная идея высказана, например, крестьянами дер. Чеклеева: «Тягла под нами малое число, а детей мужеска полу много... И нам Алексею с товарищи против оных соседей наших Гаврила Нефедова с товарищи в таком подушном платеже против тягла обида и разоренье... Прикажи, господин, отец, нам в том подушном окладе землю поверстатца против подушных наших платежей, чтоб нам одним в конец не разоритца» Наказная память из монастыря от 18 июня 1724 г. предписывает «учинить вам в земле равенство, поверстатца безобидно против душ»²⁷.

Рост налогового бремени в петровскую эпоху и, как следствие, увеличение недоимок, вызывали стремление монастырских властей усилить контроль за деятельностью мирского самоуправления. Показательно в этой связи содержание письма, присланного в январе 1719 г. в Донской монастырь из приписной Тихоновой пустыни (Малоярославецкий у.), в котором строитель Феофилакт излагает предложения по совершенствованию системы сбора налогов в вотчине: «Да из лутчих некие крестьяня приговаривают [чтоб] разложить всех одинатцети деревень крестьян по гнездам против дворового числа на сто на шездесят четыре двора по сколку гнезд быть на переписной двор. И когда де по указам сколько какой [подати] спросят и почему з двора и в то де время всякой двор [кто] с кем гнездами списан и платить сколько должен з запискою. И от сего де явно будет которой двор платил или не платил»²⁸.

Отметим указание на «лутчих» крестьян как «источник» данной инициативы, а также отсутствие у Феофилакта иллюзий относительно одобрения предлагаемого нововведения всеми общинниками: «И тако мне мнитца зело будет порядочно и не смутно. Однако ж я послушник

²⁶ РГАДА. Ф. 1192. Оп. 3. 1724 г. Д. 29. Л. 1–1 об., 5.

²⁷ Там же. 1724 г. Д. 20. Л. 16–17.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5200. Л. 29. Обращение к приходно-расходным книгам старост разных вотчин этого монастыря показало, что предложение «лучших» крестьян являлось лишь относительной новеллой, поскольку в апреле-мае 1711 г. зафиксирован сбор «з гнезда по гривне на сенной платеж» (Там же. Д. 294. Л. 3–4 об., 9 об., 16 и др.).

ваш без вашего властелинского указа сего устроить не смею. И аще бы и приказал я тако [здесь быти] и оныя крестьяня есть глупые, а в речах противством грубая, не учинят того бес прекословия, в чем будет мне от них злоречие и непослушание»²⁹. Заинтересованность в подобных изменениях «лучших» крестьян связана, вероятно, с их стремлением в условиях круговой поруки сунуть круг дворохозяйств, за которые они несут ответственность по налогам. Поддержка нововведения и сопутствующих предложений о реорганизации процедуры сбора денег со стороны монастырских властей была обусловлена тем, что они позволили бы землевладельцу глубже контролировать ту сферу финансово-фискальной деятельности общины, доступ в которую ранее был ограничен. Однако для значительной части крестьян-общинников подобные «новеллы» были категорически неприемлемы. Крестьянская община выступала в качестве действенного компенсаторного механизма, существенно смягчавшего давление государства на отдельное крестьянское хозяйство [6], хотя, безусловно, изменения, происходившие в рассматриваемый период в номенклатуре и объеме прямых налогов и государственных повинностей не могли ни влиять на существовавшие налогово-повинностные практики.

Литература

1. *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
2. *Бакланова [Швейковская] Е.Н.* Приходо-расходные книги мирских старост монастырской вотчины конца XVII в. как исторический источник // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 62–76.
3. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912.
4. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.
5. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
6. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
7. *Соколова Н.В.* Община в монастырской деревне Центра России в начале XVIII в. (К вопросу о поземельно-хозяйственной функции крестьянского мира) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 91–105.
8. *Шапиро А.Л.* Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 1960 г. Киев, 1962. С. 207–217.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 421. Оп. 1. Д. 5200. Л. 29 об.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН МОНАСТЫРЕЙ УРАЛА В XVII В.

В статье рассматриваются особенности государственного налогообложения населения монастырей Урала в XVII в. Показана динамика включения уральских монастырей в государственную податную систему. Выявлена номенклатура и размеры государственных налогов у монастырских крестьян в конце XVII в.

Ключевые слова: монастырские крестьяне, монастыри Урала в XVII в., государственные повинности XVII в., сошное письмо.

Круг основных государственных повинностей монастырских крестьян XVII в. давно определен в отечественной историографии, поэтому дальнейший поиск по данной проблематике возможен по пути конкретно-исторических исследований, что успешно сделала Н.А. Горская на материалах монастырей Центральной России [1, с. 326–336]. Аналогичные изыскания проведены В.И. Ивановым в отношении монастырских крестьян поморских монастырей [4, с. 384–472].

Сложность изучения государственного налогообложения крестьян монастырей Урала в XVII в. связана с ограниченными возможностями имеющейся источниковой базы. Сохранился лишь архив Далматовского Успенского монастыря, но в нем содержатся документы в основном XVIII–XIX вв. Источники по истории уральских монастырей в XVII в. – это делопроизводственная документация, отложившаяся в архивах приказных изб, Новгородского и Сибирского приказов. Состояние источниковой базы не позволяет произвести точный учет всех ежегодных разнообразных денежных, натуральных и издельных повинностей монастырских крестьян в пользу государства. Поэтому мы видим свою задачу в систематизации всех сведений о государственных повинностях монастырских крестьян Урала и выявлении региональной специфики в этом вопросе.

В XVII в. Уральский регион не являлся гомогенной территорией во многих смыслах, что было обусловлено динамикой колонизационных процессов. К XVII в. территория Приуралья была полностью включена в государственную систему России, в том числе и в систему взаи-

¹ Манькова Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, ilman.08@mail.ru. Россия, г. Екатеринбург.

моотношений государства и монастырей. Эта территория входила в состав Новгородской четверти и в церковном плане подчинялась архиепископам Вологодским и Великопермским (с 1584 г.), затем — Вятским и Великопермским (с 1658 г.). В Приуралье монастыри появились во второй половине XVI в. Наиболее крупными из них стали Пыскорский Преображенский и Соликамский Вознесенский монастыри. Первый был основан Аникой Строгановым около 1559—1560 гг. Строгановы обеспечили обитель земельными угодьями, крестьянами, соляными варницами. На их средства в обители велось строительство, приобреталось церковное имущество. Монастырь являлся ставропигиальным. Соликамский Вознесенский монастырь был основан посадскими людьми и уездными крестьянами Соли Камской между 1589 и 1591 гг. Большая часть его земельных владений являлась вкладами жителей близлежащей округи [2, 3, 5, 6].

В Зауралье монастыри появились в первой половине XVII в.: Верхотурский Николаевский — в 1604 г., Невьянский Богоявленский и Туринский Николаевский — в 1621 г., Далматовский Успенский — в 1644 г. Эта территория находилась в ведении Сибирского приказа, а по духовным делам подчинялась архиепископу Сибирскому и Тобольскому². Складывание и развитие их вотчинных хозяйств в основном пришлось на вторую половину XVII в.

Западно- и восточно-уральские монастыри оказались в зонах, в отношении которых осуществлялась разная налоговая политика в первой половине XVII в. Приуральские земли были положены в сошное письмо и таким образом включены в общероссийскую систему налогообложения. В Сибири процессы землеустройства были далеки от завершения, заселение края только приобретало массовый характер. Главной задачей сибирских администраторов Верхотурско-Тобольского района было увеличение сборов хлеба, который шел на обеспечение сибирских гарнизонов. Очевидно, региональные особенности в налогообложении в первой половине XVII в. должны были отразиться и на монастырях. Попытаемся это выяснить.

Сохранившиеся тексты жалованных грамот Пыскорскому Преображенскому монастырю конца XVI — начала XVII в., 1673 г. дают возможность проследить, как менялась государственная стратегия налогообложения самого крупного из уральских монастырей в процессе освоения края³. Грамоты 1588, 1589, 1592, 1594, 1619 гг. были адресованы властям Орла-городка, Соли Камской, Чердыни, Перми Вели-

² Сибирская и Тобольская епархия образована в 1620 г.

³ Тексты грамот сохранились в составе копийной книги Пыскорского Преображенского монастыря XVII в. (Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338.). Опубликованы А. Дмитриевым по рукописи XVIII в. [3, с. 236—247] и В. Шишонко [8, с. 375 — 377; 9, с. 1008—1035].

кой, но в конце каждой из них указывалось сделать с нее копию и передать в монастырь⁴. На содержание этих грамот опирались при составлении жалованных грамот 1627 и 1673 гг. Они включали описания монастырских владений с границами, решения по земельным спорам, несудимую и тарханную части. Грамоты являлись ответами на челобитные пыскорских старцев.

В 1580–1590-е гг. местное население и администраторы предпринимали попытки включить монастырские владения в уездную раскладку государева тягла, брать оброки за соляные варницы, мельницы и рыбные ловли. Так, в 1587/88 г. без царского указа в монастыре было взято 10 лошадей с саями, проводниками и запасами для доставки сибирских воевод и стрельцов. В монастырь вернулись только проводники, монахи оценили свой ущерб в 60 руб.⁵ После обращения братии к царю появилась царская грамота от 17 декабря 1588 г., в которой запрещалось монастырских крестьян «к Орловскому посаду в сотни и тягла тянуть и всяких податей с них имать до нашего указа...», а дано «то им на монастырское сооружение и на ладан, и на свечи, и на вино церковное» вместо руги⁶. Также запрещалось брать в монастыре подводы для проезда в Сибирь или обратно кроме «ратново дела большово» и то лишь по именному указу. Эти запреты были повторены в грамотах 1592, 1594 и 1619 гг. Но в последней содержалось поручение воеводе Орла-городка описать монастырскую недвижимость, доходы и расходы, численность братии, т.е. центральная власть хотела иметь представление о реальном состоянии монастыря, а не только руководствоваться рассказами монахов об их бедственном положении.

Основу владений монастыря составляли вклады семьи Строгановых. От сыновей Оники Строганова обитель получила двор на посаде Соли Камской, пашню и угодья около монастыря. В 1578/79 г. писец И. Яховнов закрепил эти владения за Пыскорским монастырем. Согласно этой переписи, около монастыря размещалась слободка, в которой было 13 крестьянских дворов, 32 четверти монастырской пашни, 12 четвертей крестьянской пашни, 16 четвертей перелога в одном поле. Земля значилась «худой»⁷. Монастырские владения были занесены в сотную грамоту Никиты Строганова в Орловском уезде. По поводу этих владений монахи писали царю, что они «те пашни и починки пашут собою и питающа от своих трудов», а государственные подати за них платил Н. Строганов по сотной грамоте «для их убожества»⁸.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 8–26, 34–38. Эти грамоты (кроме грамоты 1589 г.) были опубликованы А. Дмитриевым [3, с. 236–247].

⁵ Там же. Л. 8–13.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3–7.

⁸ Там же. Л. 23–26.

В начале 1620-х гг. на территории Приуралья и Западной Сибири, также как и по всей стране, была проведена перепись населения. По мнению Н.В. Устюгова, это было сделано с целью «привести обложение прямыми налогами в какое-то соответствие с платежными силами населения» [7, с. 64]. Поэтому в задачу переписчиков входило не только выявление всех тягловцев, но и описание их хозяйственных ресурсов.

Согласно писцовой книге М. Кайсарова 1623/24 г., у Пыскорского монастыря была монастырская слободка, в которой были монастырский двор, двор для служек, дьяческий двор, 20 дворов беспашенных крестьян, бобыльский двор, «а людей в них то ж», пустой двор, 3 дворовых места, 36 четей с осминой «худой» монастырской пашни. Это описание было включено в писцовые книги Строгановых. В 1624 г. братия попросила дать им выпись на их владения «с новых писцовых книг оприч строгановских земель». Этот документ понадобился старцам, чтобы отстаивать свои права на земли в спорах с посадскими людьми Усоля Камского и крестьянами Зырянского погоста⁹. Поэтому в это описание не попали владения монастыря, например, в Кайгородском уезде [2, с. 119–120].

Одновременно с проведением переписи начался пересмотр старых жалованных грамот духовенству Московского государства. 28 августа 1627 г. была выдана новая жалованная грамота Пыскорскому Преображенскому монастырю, а 9 сентября 1628 г. — Соликамским Вознесенскому мужскому и Архангельскому женскому монастырям [Опубликованы: 8, с. 284–286, 376–377]. Согласно этим жалованным грамотам, население монастырских вотчин освобождалось от казенных повинностей кроме ямских денег, дачи стрелецких хлебных запасов, городского и острожного дела. Эти повинности они должны были выполнять «по писцовым и по дозорным книгам с живущаго с сошными людьми вместе» [8, с. 284 – 286, 376–377]¹⁰. До писцовых книг 1623/24 г. монастыри не были включены в раскладку государственных налогов, поэтому необходимо было определиться с их объемом. Пыскорские старцы просили, чтобы с них брали за стрелецкие хлебные запасы «на Москве с живущево крестьянские пашни, а ямские денги велеть с них брать против подмосковных городов по четвертям, розверстав крестьяны против иных монастырских земель, а которую пашню пашут их монастырские детеныши про монастырский обиход и с тою бы пашни наших никаких податей имати на них не велети»¹¹.

В грамоте от 14 октября 1628 г., присланной в ответ на просьбу старцев, приведены расчеты размера повинностей Пыскорского мо-

⁹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 63–64.

¹⁰ Жалованная грамота Соликамского Вознесенского монастыря 1628 г. также сохранилась в копии XIX в.: Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 321. Д. 35. Л. 1–12.

¹¹ Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 96–100.

настыря в зависимости от размера крестьянской запашки. Эти расчеты представляют интерес, поскольку существовало большое разнообразие в размерах «сохи». В этой грамоте было определено, что за стрелецкие хлебные запасы монастырские крестьяне будут вносить деньги. В «сошное письмо» было положено «крестьянской пашни живущего» 45 четвертей с осьминой, это получалось «полполполтрети сохи без четырех чети с осьминой». Из расчета, что с «сохи» бралось 90 руб., Пыскорский монастырь должен был платить 3 руб. 12 алтын с полу-четвертью деньги в год. Арифметические действия с этими данными показывают, что расчет платежа был сделан исходя из размера сохи около 1219 четвертей. С учетом того, что у монастыря земля была «худая», то этот размер сохи сопоставим с «большой московской сохой» на служилых землях [7, с. 62]. При определении размера повинностей Пыскорского монастыря была использована комбинированная методика расчетов. Если стрелецкие деньги были рассчитаны, исходя из поземельной сохи, то при расчете ямских денег использовалась «подворная соха». Монастырь должен был платить ямские деньги по 13 руб. 63 коп. ежегодно. Размер ямских денег более чем в 4 раза превышал налог за стрелецкие хлебные запасы. В грамоте эта сумма обоснована таким образом: «с чети пашни по 10 алтын для того в московских городех по писцовым книгам ныне в монастырских в вотчинных землях кладено в сошное письмо в живущее по 3 двора крестьянских и бобыльских»¹². В общей сложности Пыскорский монастырь должен был платить ежегодно 17 руб. с «полшесты денги» самостоятельно в Новгородскую четверть «безпереводно». Из приведенных выше материалов видно, что при расчетах податей фигурирует понятие «живущее». По мнению Н.В. Устюгова, «живущая» четверть была введена правительством в дополнение к сошному письму для расчетов между отдельными плательщиками, особенно мелкими в 1630-е гг. [7, с. 63]. Грамота 1628 г. о размерах казенных податей, взимаемых с Пыскорского монастыря, свидетельствует о том, что на практике «живущее» использовалось в расчетах налогов уже в конце 1620-х гг.

Из документов начала 1660-х гг. известно, что с вотчин приуральских монастырей собирали полоняничные деньги и даточных людей в конные полки. Так, в 1660 г. со 160 дворов Пыскорского, Соликамского и Чердынского монастырей необходимо было взять 5 конных служилых с оружием и запасами и 10 руб.¹³ В то время у Пыскорского монастыря было 98 дворов, у Соликамского монастыря — 43 двора, а одного даточного брали от 50 дворов¹⁴. В 1662 г. на р. Сылве сильно пострадали от татарско-башкирского бунта Воздвиженская пустынь

¹² Архив СПб ИИ РАН. Кол. 115. № 338. Л. 99–100.

¹³ АИ. Т. 4. СПб., 1842. С. 294–295.

¹⁴ Там же.

Соликамского монастыря и Рождественская пустынь Пыскорского монастыря, и в первой из 25 дворов уцелели только 4 двора. В 1665 г. соликамские старцы обратились с челобитной, в которой просили брать полонянские деньги и даточных людей только с уцелевших дворов. Их просьба была удовлетворена¹⁵.

У зауральских Верхотурского Николаевского и Невьянского Бого-явленского монастырей также возникали проблемы с местными администраторами на почве сбора государственных повинностей. Дело в том, что эти обители появились в условиях, когда колонизационные процессы на этой территории только набирали силу, еще было много свободной земли, поэтому миграционная активность земледельческого населения была весьма высокой. Монастыри испытывали большие трудности в заселении своих владений. В Зауралье монастырские вотчины в основном формировались за счет государственных пожалований. Таким образом, государство, с одной стороны, обеспечивало молодые монастыри источниками существования, а с другой, использовало духовные корпорации для освоения региона. На всей территории Западной Сибири хлебная и денежная руга была назначена только трем мужским монастырям — Верхотурскому, Тобольскому и Тюменскому, но с расчетом только на 12 монахов.

В первые десятилетия своего существования зауральские монастыри решали проблему обработки земель своими силами и нанимали половников. Как правило, в половники шли гулящие люди, они селились в монастыре по порядной записи на урочные годы, по истечении которых могли покинуть монастырь. От монастыря половники получали подмогу и семена. С 1623/24 г. с половников сибирских монастырей стали собирать выдельный хлеб (пятый сноп) в государеву казну. Эти нововведения были частью реформы тобольского воеводы Ю. Сулешова, целью которой было увеличение поступления хлеба в казну. Половники оказались под двойным обложением — монастыря и государства, что крайне затруднило призыв половников в монастырские хозяйства. В 1627 г. верхотурские старцы жаловались на злоупотребления выдельщиков, которые записывали выдельный хлеб с половников «по угаду», после же умолата получалось, что с них отходило в государеву казну больше половины урожая. Также денежным оброком были обложены монастырские служки, поэтому «в монастыре служки не держатся». Братия Верхотурского монастыря просила освободить их от оброка, а выдельный хлеб с половников собирать «на поле, считаячи по снопам». Кроме того, в 1625/26 г. половники Верхотурского Николаевского монастыря были переселены на государственные земли в Нейвинскую волость. Царской грамотой от 25 октября 1627 г. запрещалось забирать из Верхотурского монастыря половников до истечения урочных лет, предписывалось собирать с них

¹⁵ ГАПО. Ф. 321. Д. 51. Л. 43 об.—46.

выдельный хлеб «на полях снопом, а не окладом и не в гумнах». Также этой грамотой от оброка освобождались слуги, которые были в монастыре «изстари в слугах или в детенышах, а не гулящие и не наемные люди». Эти распоряжения распространялись на другие сибирские монастыри. Описанный в грамоте порядок сбора выдельного хлеба касался и других категорий тяглого населения¹⁶. Очевидно, через какое-то время Верхотурский монастырь добился освобождения своих половников от уплаты выдельного хлеба и получил жалованную грамоту. Наемные работники из гулящих людей платили гулящий налог.

С аналогичными проблемами столкнулся Невьянский Богоявленский монастырь, но спустя 15 лет¹⁷. В челобитной 1642 г. невянские старцы писали: «А что, государь, у нас, нищих, и у монастырских жилчишков на наших монастырских пашнишках хлеба родитца, что они пашут на монастырь, и с тово, государь, пятинщики тебе, государю, хотят с нас, нищих, выделять пятаю долю, имать. А жилчишков наших, кои вне монастыря по дворишкам живут, и начальники, государь, хотят их тебе, государю, имать в пашенные крестьяне и на Верхотуре в торговые и в посадные люди»¹⁸. На обороте этой челобитной есть резолюция: «Дать грамоты в Тоболеск — буде у тех у пустынных старцов с их монастырских пашен наперед сего пятаво снопа имано, и с ыных монастырей с монастырских пашен и с половников их выделу не имать же, и с них против иных также имать выделу не велел, и бобылей их, которые у них в работе живут, отнимать у них и в слободы сажать не велеть же насильством, а сажать и прибирать в слободы охочих всяких волных людей»¹⁹. Таким образом, позиция центральных властей в отношении налогообложения монастырских половников была основана на том, что собственная монастырская запашка не подлежала налогообложению.

Нами не найдено документов, свидетельствующих о сборах государственных повинностей с монастырского населения Сибири до 1680 г. Можно предположить, что таких сборов и не проводилось. Относительно молодые урало-сибирские обитатели, с большим трудом заселявшие пожалованные им земли, до введения подворного налогообложения не были включены в общегосударственную налоговую систему. Возможно, крестьяне, поселяясь на монастырских землях и получая освобождение от монастырских повинностей на определенный срок, получали льготу и от государственных повинностей. До переписи 1680 г. шел активный процесс заселения монастырских вотчин.

¹⁶ АИ. Т. 3. СПб, 1841. С. 239–240.

¹⁷ Невьянский Богоявленский монастырь был основан позже Верхотурского Николаевского монастыря на 17 лет.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 65. Л. 93–99.

¹⁹ Там же. Л. 93 об., 94 об.

После введения нового принципа налогообложения в 1679 г. с крестьян Пыскорского и Соликамского монастырей ежегодно стали собирать стрелецкие деньги по 1 руб. с двора. По писцовым книгам 1678/79 г. в вотчине Пыскорского монастыря числилось 274 крестьянских двора, а у Соликамской обители — 74 двора. В счетном списке прихода и расхода денежной казны Соликамска при воеводе С. Кондыреве²⁰ от 24 января 1682 г. отмечено, что «московских приказов стрельцам на жалованье» на 188 (1679/80) — 190 (1681/82) гг. с вотчины Пыскорского монастыря ежегодно собиралось по 274 руб. Монастырь вносил всю сумму единовременно. В 1680 г. эти деньги были отправлены в Стрелецкий приказ вместе с прочими уездными сборами. В 1681 и 1682 гг. монастырь сам организовал доставку этих денег в Москву²¹. Очевидно, Соликамскому Вознесенскому монастырю было сложно платить всю сумму стрелецких денег единовременно. Согласно счетному списку 1682 г., на 189 (1680/81) г. и 190 (1681/82) г. сумма была разделена на два платежа по 37 руб. По мере поступления деньги отсылались в Стрелецкий приказ. В 1681 г. это было сделано 15 января и 18 июня²². В конце 1681 г. воевода С. Кондырев, видимо, уже готовился к переводу на новое место службы, поэтому провел сбор стрелецких денег на 190 (1681/82) г. в декабре 1681 г. Тогда от Соликамского монастыря поступила только половина суммы — 37 руб.²³ Очевидно, со временем соликамские старцы добились уменьшения размера сбора стрелецких денег с 1 двора до 90 коп. Такая сумма фиксируется по документам 1685 г.²⁴ Н.В. Устюгов обратил внимание на общую тенденцию пересмотра размера оклада стрелецкой подати в сторону уменьшения, поскольку с самого начала она оказалась тяжелой для плательщиков, стали копиться недоимки [7, с. 66].

К 1684/85 г. выяснилось, что во время составления переписных книг 1677/78 г. вотчина Соликамского Вознесенского монастыря оказалась внесена переписчиком Ф. Бельским в переписные книги Соликамского уезда, а переписчиком Д. Жуковым — в переписные книги Кунгурского уезда. С монастырских старцев стали «править» стрелецкие деньги еще и на Кунгуре. В 1684/85 г. они обратились с просьбой не брать с них этой подати по книгам Д. Жукова, поскольку они платили в Соликамске. Просьба была удовлетворена²⁵.

²⁰ С.Т. Кондырев был соликамским воеводой с 8 декабря 1679 г. по 24 января 1682 г.

²¹ ДАИ. Т. 9. СПб., 1875. С. 193, 194.

²² Там же. С. 197, 198.

²³ Там же. С. 198.

²⁴ ГАПО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 35. Л. 74.

²⁵ Там же. Л. 74–81.

С крестьян зауральских монастырей собирали поворотные деньги. Согласно «Книге поворотным деньгам, что собирали для подъема ратных людей» 1688/89 г. этот налог составлял 60 коп. с двора. Общая сумма сбора не указывалась заранее и не раскладывалась по числу дворов, зафиксированному в переписи 1680 г. Налог взимался с реального количества дворов, а именные списки дворовладельцев, сдавших и несдавших налог, отсылались в Сибирский приказ. Так, в 1688/89 г. в Невьянском монастыре с 82 крестьянских дворов (в переписи 1680 г. — 96 крестьянских дворов) было собрано 49 руб. 20 коп., «а не добрано против прошлого 196 г. с 8 дворов 4 руб. 26 ал. 4 д. (4 руб. 80 коп. — *И.М.*), для того, что те крестьяне 3 человека умре, а 5 человек бежали»²⁶.

В Верхотурском Николаевском монастыре отчет о сборе «поворотных денег» был составлен по деревням. В двух дворах деревни Лошкиной на реке Тагиле не было дворовладельцев, так как «Сенка Трухин в прошлом в 196 г. с монастырских крестьян выстал, из двора вышел и в его место никого нет, двор стоит пуст», а Алексей Иванов бежал в 1687/88 г. Поэтому налог было взять не с кого. Тем не менее, в итоговой сумме были учтены и эти два двора и как бы взятые с них «поворотные деньги». Возможно, это ошибка составителя отчета. Вряд ли монастырь взял на себя уплату за выбывших крестьян (в противном бы случае это должен был сделать и Невьянский монастырь). Согласно документу, на 1688/89 г. в Верхотурском Николаевском монастыре налог был собран с 49 дворов (в переписи 1680 г. — 47 дворов) в размере 29 руб. 58 коп.²⁷

Приходо-расходные книги конца XVII — начала XVIII в. фиксируют вариативность в наименовании этого налога. Так, в книгах Верхотурского Николаевского монастыря он назывался «подымные деньги», в книгах Невьянского Богоявленского монастыря — «поворотные годовые деньги». Также в этих документах зафиксированы единичные случаи, когда крестьяне платили «подымные» («поворотные») деньги в монастырскую казну²⁸. Скорее всего, эти платежи были крестьянскими долгами, которые могли возникнуть в тех случаях, если монастырь вносил необходимую сумму государственного налога к установленному сроку за всех крестьян, а затем уже собирал недоимки в свою казну, либо крестьяне брали деньги в долг у монастыря, чтобы погасить именно этот государственный налог.

Сохранившаяся книга верхотурских уездных окладных доходов за 1698/99—1699/1700 гг. позволяет выявить общую сумму окладных денежных налогов на 1 двор монастырского крестьянина в Верхотурс-

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 914. Л. 21—24.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 853, 1191, 1235.

ком уезде²⁹. Скорее всего, в Тобольском уезде она была такой же. «Поворотные деньги» оставались в том же размере — по 60 коп. с двора, в то время как с государственных крестьян взималось по 50 коп., а с посадских людей «для полковых служб» собирались «десятые деньги», т.е. 1/10 стоимости «пожитков». В указанные годы эти деньги шли на Крымский поход.

В качестве государственной повинности посадские люди, государственные, митрополичьи и монастырские крестьяне возили различные припасы «к городовому и ко всякому государеву каменному строению». «Да они ж, — как отмечено в той же книге окладных доходов, — вместо ямщиков гонят ямские подводы в тех городех, где ямщиков нет». Там же, где была ямская служба, был установлен сбор «на жалованье ямщикам»: с 1 двора митрополичьи и монастырские крестьяне платили по 6 коп., государственные крестьяне — по 5 коп. Также стал регулярным для всех категорий податного населения налог «драгунам на жалованье». Посадские люди и государственные крестьяне платили по 30 коп. с двора, а митрополичьи и монастырские крестьяне — по 50 коп.

Всего ежегодно государственных окладных денежных повинностей по указанным статьям приходилось на 1 двор митрополичьих и монастырских крестьян по 1 руб. 16 коп., а государственных крестьян — 85 коп. Необходимо отметить, что с последних (как и с посадских людей) взимались дополнительные окладные денежные налоги, например, на судовые припасы или в Золотую палату³⁰. По подсчетам В.И. Шункова в начале XVIII в. ежегодные денежные сборы с черносошных крестьян Верхотурско-Тобольского района составляли 94 коп. с двора [10, с. 175]. Конечно, эти суммы необходимо воспринимать как средний показатель, так как крестьянский мир всегда регулировал раскладку повинностей в зависимости от состоятельности дворовладельцев.

Необходимо учитывать, что крестьяне зауральских монастырей выполняли значительный объем работ в пользу Софийского архиерейского дома. Например, в 1670–1690-е гг. крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря изготавливали известь на строительство митрополичьего каменного двора и соборной церкви. При митрополите Игнатии Невьянский монастырь отправлял к нему ежегодно по 5 крестьян «на всякие дворовые поделки»³¹. Также крестьяне выполняли большое количество различных работ в пользу самого монастыря помимо уплаты «пятого снопа» со своей запашки. Поэтому когда в 1693/1694 г. пришло распоряжение отправить невянских крестьян на строительство укреплений Верхотурья, они подали челобитную с просьбой освободить их от «городовой работы». Из строительных городских книг

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1354.

³⁰ Там же. Л. 251, 405 об.

³¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 23. Л. 161.

была сделана выписка: выяснилось, что крестьяне Невьянского монастыря ранее не привлекались к городскому строительству. Царским указом от 30 мая 1694 г. они были освобождены от этих работ³².

Н.А. Горская составила перечень основных окладных налогов монастырских крестьян в 1679–1700 гг., в нем 5 наименований и лишь одно (ямские деньги) совпадает с отмеченными выше из документов зауральских монастырей [1, с. 332]. Выскажем предположение, что различия в номенклатуре государственных повинностей крестьян монастырей Центральной России и Зауралья объясняется тем, что из-за дальности расстояния в Сибири собирали объединенный налог, а именно «поворотные» деньги.

Таким образом, на начальных этапах освоения Приуралья и Зауралья прослеживается общая тенденция в стремлении местных администраторов и тяглого населения включить монастырские земли в систему государственного налогообложения, однако центральные власти стояли на защите интересов молодых монастырей, предоставляя им освобождение от налогов в период становления монастырских хозяйств, пока они не становились устойчивыми источниками существования обитателей. Монастыри Приуралья были включены в общегосударственную податную систему с 1628 г. С введением подворного налогообложения в 1679 г. монастырские крестьяне Зауралья также заняли свое место в этой системе. В конце XVII в. региональная специфика отражалась лишь на методике сбора налогов.

Литература

1. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977.
2. *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 1. Пермь, 1889. 198, I–IV с.
3. *Дмитриев А.* Пермская старина. Вып. 2. Пермь, 1890. 248, I–VIII с.
4. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв. СПб., 2007.
5. *Словцов И.* Пыскорский Преображенский монастырь // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1867. № 12–15, 21, 24, 25, 27.
6. *Словцов И.* Соликамско-Истобенский Свято-Троицкий третьеклассный монастырь // Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1889. № 51, 52.
7. *Устюгов Н.В.* Экономическое развитие Русского государства в XVII в. и проблема складывания всероссийского рынка // Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974.
8. *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 2. Пермь, 1882.
9. *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 3. Пермь, 1884.
10. *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974.

³² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 23. Л. 165.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В КРУПНОМ ПРОМЫСЛОВОМ ВЛАДЕНИИ XVII В.
(НА ПРИМЕРЕ НАДЕИНСКОГО УСОЛЬЯ)**

В статье рассмотрены особенности организации производства в крупном промысловом владении Среднего Поволжья. Изучены повинностные практики зависимого населения в промысловых и аграрных отраслях хозяйства.

Ключевые слова: *Надеинское Усолье, соляной и рыболовный промыслы, сельскохозяйственное производство, зависимое население, организация труда, повинностные практики.*

В течение всего XVII в. акватория Волги и прилегающие к ней лесостепные районы от устья Камы и до широты Саратова являлись зоной интенсивного хозяйственного освоения привилегированным купечеством и крупными церковными корпорациями. Графическое изображение владений центральных монастырей к началу XVIII в. показывает, что едва ли не все удобные и перспективные с точки зрения развития промыслового и земледельческого хозяйства земли от Симбирска до Саратова и основная часть волжских вод оказались в их распоряжении. Если на первых порах это были, как правило, «рыбные ловли», то в последние десятилетия XVII в., по образному выражению В.Н. Нечаева, изучавшего средневожские владения московского Новодевичьего монастыря, «воды стали землями»². В эти годы по берегам Волги сложились очень крупные, как по площади, так и по населению владения церкви. По приблизительным подсчетам в монастырских вотчинах насчитывалось к началу XVIII в. более 2000 дворов. Из них во владениях Новодевичьего монастыря было расселено от 500 до 800 дв., костромского Богоявленского – около 200 (не менее 20 % от всей численности зависимого населения, принадлежащего каждой из этих обителей); Савво-Сторожевского³ и московского Вознесенского – примерно по 300 (не менее 15 %). Эти факты свидетельствуют о

¹ Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, dubmane@mail.ru, Россия, г. Самара.

² Архив Музея Новодевичьего монастыря. Д. 145, 146.

³ В настоящее время эту обитель чаще называют Саввино-Сторожевский монастырь.

наличии ясно выраженной тенденции переноса хозяйственной активности ряда крупных корпораций на Юго-Восток Европейской России, где в пограничных уездах процент принадлежащего церкви населения был выше, чем в целом по стране. По данным I ревизии, жители бывших и оставшихся за церковью владений, составляли не менее 18–20 % всего населения новых уездов (Симбирского и Самарского) [8, с. 26, 29]. Несомненно, что на рубеже XVII–XVIII вв., после которого колонизационная и экономическая активность церковных корпораций резко снизилась, этот процент был еще выше и значительно превосходил средний показатель по стране.

К сожалению, состояние источников не позволяет проследить особенности формирования населения, организации производства и владельческие повинности в большинстве таких владений. Едва ли не единственным исключением в этом отношении является так называемое Надеинское Усолье на Самарской Луке. На всем протяжении его истории со времени возникновения в начале 1630-х гг. и до перехода к А.Д. Меншикову в первом десятилетии XVIII в. основой хозяйственного развития являлись солеварение, промысловое рыболовство и сельское хозяйство.

Эволюцию Надеинского Усолья при гостях Надее и его сыне Семене Светешниковых рассмотрел С.В. Бахрушин [1, с. 224–255], а после перехода к Савво-Сторожевскому монастырю – Э.Л. Дубман и, отчасти, Е.И. Дементьев [8; 5]. Надея (Епифаний) Андреевич Светешников в 1631/32 г. приобрел в оброчное пользование территорию площадью около 1500 кв. км на западе Самарской Луки, после того как снизил свою предпринимательскую активность в Астраханском Поволжье. Откупные платежи, которые он платил за новое оброчное владение, составляли менее 30 руб. и были несравнимы со стоимостью аренды больших учугов в дельте Волги. Сами Светешниковы в 1651/52 г. сдавали самарский промысел на оброк К. Климшину уже за 496,5 руб. Позднее, в конце 1650-х гг. созданный Надеей промысловый комплекс на Самарской Луке оценили в 6500 руб.⁴ Основным источником для его изучения при Светешниковых является описание 1646 г., когда владение на короткое время забрали в казну. Изучавший Надеинское Усолье С.В. Бахрушин, считает, что в организации промысла проявлялись черты перехода от феодальной системы эксплуатации «к более сложным формам производства» [1, с. 237]. Вряд ли можно согласиться с подобной, в определенной степени, «формационной» оценкой.

Производственным ядром Надеинского Усолья, возникшего далеко за границами ареала оседлого расселения на юго-востоке европей-

⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее ДАИ). Т. 6. СПб., 1857. № 87. С. 303.

ской России⁵, был сравнительно небольшой солеваренный промысел, где одновременно действовало не более 6 варниц. В среднем на каждой производилось 5–6 тыс. пудов соли в год [8, с. 54], а в совокупности они давали 30–35 тыс. пудов [8, с. 54]. Значительно меньшее развитие при Светешниковых получили земледельческое производство и промысловое рыболовство.

К 1646 г. в Усолье сложилась компактная группа населения, численностью в 108 взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков 88 дворовладельцев), выходцев из более чем 30 уездов европейской России. Среди них «пищальников» насчитывалось 33, крестьян — 28, бобылей — 30, вольнонаемных — 17. Большинство поселенцев получили льготы от гостя, ссуду на обзаведение, зерно, в ряде случаев — лошадь или корову. Рабочая сила соляного промысла состояла, прежде всего, из вольнонаемных 13 человек, не имевших своих дворов, получавших плату за труд и кормившихся из запасов гостя. Среди них указан 1 трубный мастер, 4 «повара» и цренных мастера (варили соль и чинили црены), 4 сливальщика, 4 «перетруха», готовивших дрова для варниц. Кроме них в производстве соли за «бобыльский оброк на него, Надею, делают изделия» 30 беспашенных бобылей [1, с. 236]. Но и их не хватало для стабильной деятельности промысла и приказчики сверх «бобыльского оброка» набирали дополнительно для отдельных работ местных жителей по найму.

Продовольствием промысел обеспечивали крестьяне (28 дворов). Получив при поселении ссуду и земельные наделы, они пахали на хозяина 30 четвертей земли (2). Судя по описанию 1646 г., размеры тягла составляли от 1/8 выги при одном работнике в крестьянском дворе до 1/4 — при двух. На промысле хранились запасы хлеба, но был ли он с собственной запашки или привозной, неизвестно.

Можно согласиться с мнением Бахрушина, что первые хозяева соляного промысла органично сочетали труд зависимых и вольнонаемных людей, причем наблюдалась тенденция к увеличению доли труда зависимого населения, часть которого получала за свой труд денежную оплату [1, с. 236–237]. Вольнонаемные имели более высокую квалификацию. В целом же на промысле наблюдался рост доли труда зависимых людей.

В 1660 г. Надеинское Усолье перешло в оброчное пользование звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю. Еще раньше, в 1653/54 г. обитель получила на оброк крупное владение по Каме и Белой⁶,

⁵ Во второй четверти XVII в. ареал массового оседлого населения по правобережью Волги практически ограничивался системой оборонительных сооружений по линии Тетюши — Алатырь.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 89–90.

где так и не смогла создать эффективный соляной и рыбный промыслы [7, с. 72–78]. После завершения Разинщины именно Надеинское Усолье, обретшее в 1673 г. статус вотчины, стало основным промыслово-предпринимательским центром среди многочисленных владений монастыря. Его экономический подъем продолжался до конца 1680-х гг. От этого времени сохранился комплекс переписных, писцовых, дозорных, прихода-расходных книг, разнообразного актового материала, как самого промыслового владения, так и метрополии⁷, что позволяет выяснить ряд особенностей развития вотчинного хозяйства, трудовой деятельности жителей и владельческих повинностей.

По данным писцовой книги 1686/87 г. в вотчине насчитывалось 283 двора (без дворов духовенства) с 955 душами м.п. По сравнению со временем Светешниковых, население выросло едва ли не в 3 раза. Исчезла группа пищальников, появилось значительное количество «чувашских поселенцев». Основную часть жителей составляли бобыли и работные люди⁸, которых власти смогли освободить от государственных налогов и повинностей⁹. Приобретение Надеинским Усольем статуса вотчины, приписка волжских рыбных «ловель» протяженностью в 75 верст, пожалование рядом привилегий вполне объяснимы. Звенигородский монастырь фактически являлся летней резиденцией семьи Алексея Михайловича, входил в его «царское хозяйство» [10, с. 30–33, 37; 6, с. 64–69].

Ни для монастырских властей, ни для самих жителей Надеинского Усолья длительное время различие между отдельными группами населения не имели особого значения. В источниках постоянно происходила терминологическая путаница — крестьян называли бобылями, работных людей крестьянами и т.д.

Как известно, многие исследователи отмечают факты умышленного искажения данных о населенности двора и количестве дворов в переписных и писцовых книгах второй половины XVII в. [4, с. 60–61; 2, с. 47]. Эти неточности были вызваны переходом к подворной системе обложения. Подобное явление проявилось и при описании монастырских вотчин Южного Средневожья. Сравнение текстов трех описаний населения Надеинского Усолья, проведенных в течение менее 10 лет — переписи Г. Супонева 1678/79 г., дозора Л. Вельяминова 1682/83 г. и писцового описания Я. Левашова 1686/87 г. — показывает, насколько тот или иной документ зависел от личности человека, составившего текст, от его взаимоотношений с местной администрацией.

⁷ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 281, 1199; 125 и др.; ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910.

⁸ РГАДА. Ф. 281. Д. 11562.

⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 11540. Л. 1; Д. 11548. Л. 1; Д. 11562. Л. 36–38; Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 64–66, 72; Ф. 125. Оп. 1. Д. 53. 1686 г. Л. 1.

В первую очередь, эти факторы оказывали влияние на подсчет количества дворов, на причисление жителей вотчины к той или иной категории населения.

Сверка данных дозорной и писцовой книг по каждому жителю двора позволила выявить высокий процент совпадений, что дает основание считать число людей (а не дворов) наиболее приемлемой дефиницией, отражающей действительный состав населения. Близость же результатов переписной и писцовой книг по количеству дворов и по категориям податного и неподатного населения можно объяснить только недобросовестностью Я. Левашова. Факт подкупа писца подтверждается записями о расходах монастырских властей и жителей вотчины в приходо-расходных книгах Надеинского Усолья¹⁰.

Проведенная нами поименная сверка всех жителей Надеинского Усолья свидетельствует, что ни для самой администрации, ни для большинства населения принадлежность к той или иной категории не имела особого значения. Необходимым условием такой легкости перехода из одной группы в другую, нечеткости терминологии являлось, по всей видимости, сходство экономического и социального положения, отношения к повинностям и процессу производства большинства жителей вотчины. Только в последней четверти XVII в. в Надеинском Усолье сложились две стабильные группы населения – чуваша и русские крестьяне, занимавшиеся преимущественно сельским хозяйством и несшие государственные повинности. Они практически не принимали участия в промысловых работах. Коренное изменение взглядов монастырской администрации на крестьян произошло в 1670-х гг., когда встал вопрос о раскладке по жителям владения государственного тягла. По аналогии с промыслами других монастырей эти повинности должны были нести в вотчине только 17 крестьянских и 30 чувашских дворов. Если в 60-х – начале 70-х гг. население целых селений легко причислялось к крестьянам, то после составления переписной книги 1678 г. власти вотчины делали все возможное для сохранения данного количества крестьянских и чувашских дворов. Крестьяне выделялись среди остального русского населения и по таким признакам, как населенность двора, его стабильность. Владельческие повинности крестьян осуществлялись в основном в виде барщины. Земли, принадлежавшие им, назывались барщинными тяглыми, но размеров тягла по дворам не указано. Чуваша платили оброк. О них писали: «... чуваша и мордва ... крестьянские доходы в монастырь платят и изделие делают с усольскими крестьянами»¹¹.

¹⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 83–84, 92, 100.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11541. Л. 4. Несмотря на упоминание о мордве мордовского населения в Надеинском Усолье практически не было.

Большинство населения Надеинского Усолья принадлежало к двум категориям — бобылей и работных людей. Если термин «бобыли» встречается во всех документах, то понятие «работные люди» впервые появляется только в переписной книге 1678 г. Зачастую эти две группы объединялись, принимались одна за другую. Например, в сказках Генерального двора 1700 г. говорилось «...всяких работников как работают по найму бобылями 235 дворов»¹². Бобыли являлись более устойчивой, стабильной категорией населения, чем работные люди. Но и семьи работных людей следует в основном отнести к постоянному населению. Видимо, одним из источников формирования этой группы были бывшие вольнонаемные работники, постепенно оседавшие рядом с промыслом, заводившие свое хозяйство, двор. В конце 1670-х — 1690-е гг. произошли существенные изменения в положении этих категорий населения. Если ранее единственным источником их существования была работа на промыслах, в документах о них писалось — «беспашенные», «кормятся работой у варниц»¹³, то позднее, в большинстве своем, работные люди и бобыли начали заниматься земледелием, нести барщинные повинности. Изменилось содержание их труда в промысловом хозяйстве, где все явственней выступает принудительный характер, крепостнические черты. Вряд ли бобылей Усолья можно рассматривать как беднейшую (по сравнению с крестьянством) часть населения, не имевшую возможности в полном объеме нести тягло. Это была обычная специфическая категория жителей, широко распространенная в промысловых центрах, торгово-промышленных сельских поселениях страны. По ряду признаков бобыли, как и работные люди, сближались с крестьянами.

Категория мастеровых впервые была отмечена в 1686/87 г. В дорзорной книге и в актовых источниках члены этой группы указывались как бобыли и работные люди. Они имели самую высокую населенность двора, являлись наиболее квалифицированными работниками, не занимались сельским хозяйством, соответственно, не несли барщинных и оброчных повинностей. Часть из них была переведена из монастыря. Несомненно, что мастеровые относились к зависимому населению, но только к наиболее привилегированной его части.

Монастырские слуги, служки, конюхи и т.д. не являлись постоянным населением Усолья. Несмотря на особенности формирования отдельных групп жителей, на различия в их положении, отношении к промысловым и сельскохозяйственным работам, повинностям и т.д., в вотчине в последней четверти XVII в. происходила консолидация населения на основе роста феодальной зависимости, нарастания крепостнических тенденций. Это отражало общий процесс увеличения эксплуатации во владениях Савво-Сторожевского монастыря.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1310. Стб. 18641. Л. 9.

¹³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11548. Л. 1.

После завершения Разинщины монастырские власти приступили к перестройке аграрно-производственного комплекса вотчины, начали вкладывать в него значительные средства, присылать деятельных промышленников (например, соборного старца Леонтия Моренцова — 1674—1684 гг.)¹⁴. В Усолье, как и прежде, работали 6 варниц, сохранился прежний профессиональный состав рабочих, занятых в самом процессе солеварения. Но резко выросла доля оплачиваемого труда зависимого населения, которое с 80—90 гг. XVII в. стало основной рабочей силой. Такая система встречалась и на других промыслах страны [12, с. 214, 313] и может быть определена как «принудительный оплачиваемый труд зависимого населения». Вывариваемая соль использовалась в быстро развивающемся рыболовецком промышленном комплексе, продавалась, как на месте изготовления, так и в других районах европейской России, вывозилась в метрополию¹⁵. В целом рассматриваемый соляной промысел следует отнести к типу крупной кооперации со значительной степенью разделения труда, высокой товарностью и отдельными элементами мануфактурного производства. В среднем один вложенный в него рубль давал более 2,1 руб. прибыли¹⁶.

В весьма крупное предприятие превратился рыболовецкий промысел, (рыночная цена улова в начале XVIII в. достигала 3 тыс. руб.). В середине 1680-х гг. на Волге вели промысел 3 ватаги (каждая со своим двором) — Жигулевская, Переволокская и Лопатинская, а к началу XVIII в. к ним прибавился рыбный стан Васильчиковской ватаги¹⁷. В ватажском промысле преобладало использование труда подрядных ловцов. Эта форма организации труда была практически единственной. Как организовывали их труд, насколько самостоятельными они были в своей промысловой деятельности, неизвестно. По рассматриваемому промыслу рядных записей, в которых оговаривались условия найма, нами не выявлено. В основном в рыболовстве была занята малоквалифицированная рабочая сила. Только на рыбных дворах можно было наблюдать определенное разделение труда и наличие квалифицированных специалистов в отдельных операциях.

Значительная, если не большая, часть рабочих людей промысла (ватажских, подрядных и др.) состояла из жителей вотчины. По отношению к ним, как и в случае с производством соли, можно говорить о «принудительном оплачиваемом труде зависимого населения». Но и роль сторонних вольнонаемных рабочих была высока.

По нашим подсчетам 1 вложенный в промысел рубль давал более 1,5 руб. прибыли¹⁸. Волжские рыбные промыслы монастыря можно

¹⁴ ОР РНБ. Собрание М.П. Погодина. 1910. Л. 147 об.—147.

¹⁵ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

¹⁶ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

¹⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 81 об.—88 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1—144.

отнести к крупной кооперации со сравнительно слабо развитым разделением труда.

О значимости промысловых отраслей хозяйства Надеинского Усолья для метрополии свидетельствуют данные монастырских приходно-расходных книг. Помимо рыбы и соли промысел поставлял в нее значительные суммы денег (в 1660-е гг. совместно с камским рыбным и соляным промыслом). В среднем за 7 лет, по которым имеются данные (1667, 1668, 1670, 1673, 1677, 1682, 1685 гг.), ежегодно монастырская казна получала по 1636 руб., что составляло 48,9 % всей приходной части бюджета обители. За последние три года удельный вес поступлений вырос до 57 %. Однако, эти расчеты следует уточнить. Более объективным показателем является величина чистого дохода, полученная с учетом расходной части бюджета. Реальный среднегодовой показатель денежных поступлений в казну монастыря был ниже, так как промысловые «доходы» привозились в обитель нерегулярно, раз в несколько лет, складывались из совокупного дохода, накапливаемого в течение этого срока. С учетом вышесказанного Надеинское Усолье в 1680-х гг. давало в монастырь (за исключением крупных партий соли и рыбы про монастырский обиход) от 800 до 1000 рублей чистой прибыли в свободных деньгах в год. Не более 15–20 % этой суммы занимали реальные денежные поступления от рыбного промысла (с учетом денежных поступлений от рыбы и рыбных припасов, продаваемых самим монастырем).

Воздействие крупного рыболовецкого предпринимательства на экономику центральных монастырей в XVII в. в основном сводилось к поставкам значительных партий рыбы и рыбных продуктов «про монастырский обиход».

Несмотря на то, что рыбные промыслы теснейшим образом были связаны с рынком и производство на них имело товарный характер, объективно для самих метрополий они являлись, прежде всего, поставщиками натурального потребительского продукта. Основные свободные средства – чистый доход, в среднем за год около 650 руб., монастырская казна получала от солеварения¹⁹. Именно солеваренный промысел выходил далеко за рамки производства необходимых для монастыря продуктов потребления. Отметим, что товарный характер солеварения, дающего свободные денежные средства, наблюдался и в других монастырях²⁰.

Владельческие повинности, сложившиеся в монастырских владениях региона в XVII в., имели свою специфику. В Надеинском Усолье серьезные изменения в формах и размерах владельческих повиннос-

¹⁹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144.

²⁰ Данные о Кирилло-Белозерском монастыре, полученные А.Х. Горфункелем, приводит Е.И. Заозерская [9, с. 140].

тей населения начались только с середины 1670-х гг. Владельческая запашка выросла до 112 четв. (2), а ко времени составления писцовой книги 1686/87 г. достигла 417 четв. (2)²¹. В обработке этой земли принимало участие все население вотчины, исключая чувашей и, видимо, мастеровых. Средний размер владельческой запашки на двор, составлявший около 1,7 четв. (2), был значительно выше усредненных показателей по другим владениям монастыря и в целом по вотчинам церкви центра страны [3, с. 342; 11 с. 289, 294]. Но обрабатывалась далеко не вся монастырская земля. Реальные размеры работ минимум в 1,5 раза были ниже объема, обусловленного величиной дворового надела по писцовой книге²². Но и они позволяли получать для нужд промысла достаточное количество местного хлеба.

Население вотчины платило и денежный оброк. Так, в середине 1680-х гг. жители чувашских селений и Переволоков отдавали по 1 руб. со двора (переволокские бобыли и работные люди, кроме того, еще работали на монастырской пашне).

Размеры оброчных платежей за владение монастырской землей и сенокосами у работных людей и бобылей Надеинского Усолья были невелики и далеко не соответствовали размерам наделов, находившихся в их пользования.

Видимо, резкое увеличение монастырской запашки в конце 1670 – середине 1680 гг. было обусловлено заменой денежного оброка отработочной рентой. В обязанности всего населения вотчины входило также изготовление «изделия» – разных ремонтных, строительных и прочих работ. В одной из челобитных жители писали, что они: «...сеют хлеб и сено ставят, лес чистят», «сделали церковь», амбары, городок, варницы, плотины и т.д.²³ Большая часть из этих работ не оплачивалась. Грань между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом в вотчине позволяют определить материалы приходно-расходных книг и выписок из них, где указаны все случаи оплаты. Но и широкое применение на промыслах наемного оплачиваемого, порой высококвалифицированного, труда в основе своей содержало элементы принуждения и часто базировалось на крепостнической системе хозяйствования. Это была своеобразная феодальная повинность, получившая распространение в промысловых владениях. Ее суть выражена в наказе, присланном в Надеинское Усолье с новым промышленником старцем Л. Моренцовым: «...и вы б старосты, целовальники и крестьяне к нему Леонтию под суд приходили и во всем ему в монастырских делах были послушны, и монастырскую пашню пахали, и изделие делали, против прежнего указа... а будет в чем в монастырских делах, учнете быть

²¹ РГАДА. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 66. Л. 66; Ф. 281. Оп. 17. Д. 11565. Л. 28–29.

²² РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684.

²³ ДАИ. Т. 10. С. 76–78.

непослушны, и за то вам... быть в жестоком наказанье без всякой пощады»²⁴.

Таким образом, в Надеинском Усолье в последние десятилетия XVII в. прослеживается тенденция к нарастанию наиболее тяжелой формы ренты – барщинных сельскохозяйственных работ; и вместе с тем в солеварении полностью, а в рыболовстве, в значительной мере труд вольнонаемных работников замещался оплачиваемым принудительным трудом зависимого населения. Насколько реально увеличилась тяжесть владельческих повинностей, судить трудно.

Изучая развитие системы эксплуатации, формы ренты, структуру зависимого населения в церковно-монастырских вотчинах региона можно сделать следующие выводы. В конце XVII в. во всех владениях шел сходный процесс формирования крепостнических отношений. Монастырские власти, контролируя и направляя этот процесс, исходили из самих консервативных позиций. Во владениях с аграрным и аграрно-промышленным характером хозяйственного развития в основных чертах копировалась система отношений и повинностей, которая получила развитие в «старых вотчинах», находившихся в центральных уездах страны. В промышленных хозяйствах более опосредованно (на примере Надеинского Усолья), но также ощущалось влияние роста владельческой эксплуатации, усиление крепостничества, происходившее во владениях крупнейших монастырей в последней четверти XVII в. Несмотря на специфические особенности эксплуатации зависимого населения в хозяйствах этого типа совершенно определенно проявляется тенденция проникновения крепостнических отношений во все сферы внутренней жизни вотчины.

Необходимо особо подчеркнуть, что во всех монастырско-церковных владениях широкое распространение получает барщина. В ряде хозяйств она занимала главенствующее положение среди других форм ренты. Отработочная рента, как в виде сельскохозяйственных работ, так и в форме оплачиваемого труда на промыслах, «делания изделия», являлась к концу указанного периода основной формой в большинстве приволжских владений. На наш взгляд, тяжесть эксплуатации в них была несколько ниже, чем в староосвоенных районах страны.

Литература

1. *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2.
2. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

²⁴ ДАИ. Т. 7. С. 194–195.

3. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 342.
4. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2-е. М., 1937.
5. *Дементьев Е.И.* Приходо-расходные книги Савво-Сторожевского монастыря как источник для изучения экономического положения центра России во второй половине XVII века // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
6. *Дементьев Е.И.* Савво-Сторожевский монастырь и его крестьяне во второй половине XVII века: автореф. дис....канд. ист. наук. М., 1983.
7. *Дубман Э.Л.* О некоторых особенностях формирования крупной монастырской собственности на территории Башкирии в середине – второй половине XVII в. (источниковедческий аспект) // Река времени. 2004. Уфа, 2005.
8. *Дубман Э.Л.* Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
9. *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.
10. *Смирнов С.* Историческое описание Саввино-Сторожевского монастыря. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М., 1877.
11. *Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.
12. *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН ИВЕРСКОЙ ВОТЧИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

На основе документов архива Иверского монастыря рассматривается номенклатура и раскладка государственных налогов на территории вотчины, характер взаимоотношений монастырских властей с государственными органами и зависимым населением.

Ключевые слова: налоговое обложение, единицы обложения, порядная запись, налоговая практика.

Вопрос о налоговом обложении крестьянства в XVII в. достаточно активно изучается в связи с анализом его экономического положения, определения уровня эксплуатации и попытками расчета бюджета крестьянского хозяйства. Важным является изучение влияния экономических форм противодействия крестьян государственной налоговой системе [4, с. 145–164]. Состав государственных налогов монастырских крестьян XVII в., эволюция их размеров и единиц обложения прослеживается в работах Н.А. Горской и И.А. Булыгина, но при определении реальных размеров платежей на двор их выводы серьезно расходятся. Н.А. Горская определяет их в 4,5–4,9 руб. с двора, И.А. Булыгин – 1,5 руб. с двора [1, с. 134–135; 3, с. 345; 8].

Уровень и характер платежей крестьян государству в отдельных монастырских вотчинах зависел от местонахождения и положения монастыря. Иверский монастырь относился к числу новых монастырей, а во время патриаршества Никона и привилегированных.

Особенностью вотчины Иверского монастыря было то, что с 1654 г. по 1667 г. она была освобождена от уплаты государственных налогов. Крестьяне Старорусского уезда не платили ямских денег (до 1662 г.), стрелецкий хлеб, полуполтинные и полоняничные деньги. С крестьян взимались лишь отдельные государственные платежи местного значения. Основным налогом для них в 50-е годы была поставка ратных людей, в освобождении от которой были заинтересованы и монастырь, и крестьяне. Набор солдат обошелся старорусским крестьянам в 9315 руб. О том, кто служил от иверской вотчины, можно судить по составу нетчиков 1657 г., которые сбежали с государевой службы из Ладogi: москвитин, печерянин, старорушанин, новгородец и др.²

¹ Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук., Псковский государственный университет; istfakultet@ Rambler.ru, Россия, г. Псков.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 422.

В 1658 г. Никону удалось добиться, чтобы новых наборов даточных с вотчины не было, а затем и получить полное освобождение от этой повинности. В 1661 г. патриарх Никон обратился к Алексею Михайловичу с двумя челобитными: первая содержала просьбу не брать даточных с вотчин Онежского Крестного монастыря за текущий год и два предшествующих с зачетом переселенных 80 семейств ослушных крестьян и бобылей. Во второй он просил царя сделать один набор на 1661 г. с Воскресенского, Крестного и приписных монастырей за их скудостью и учтя, что во время военных походов царя в Польшу и против немцев эти монастыри снабжали жалованьем ратных людей [7, с. 195]. С 1662 г. старорусские крестьяне начинают платить солдатский хлеб. Это время, когда решалась судьба монастырских владений. Однако и в этих условиях монастырские власти сумели извлечь не только моральную, но и материальную выгоду, добиваясь уплаты по переписным книгам³.

С 1668 г. население Старорусской вотчины постоянно выплачивает стрелецкий хлеб, полоняничные, полуполтинные и ямские деньги⁴, с 1670 г. запросный четвериковый хлеб. Таким образом, с 1668 г. количество налогов и их размер значительно выросли, хотя от ряда платежей население вотчины по-прежнему освобождалось.

Указы 1672 и 1674 гг. призваны были уничтожить податные привилегии духовенства [6, с. 64]. Однако на практике это был лишь шаг на пути их дальнейшего ограничения, который совпал с общим процессом роста налогов в государстве [5, с. 120–121].

С конца 1670-х гг. деньги ратным людям на жалованье взимались уже в размере 1 руб. с крестьянского двора и полтины с двора бобыльского. В 1670-е годы вновь начинают производиться наборы солдат с монастырских вотчин. В 1676 г. при найме солдат от карельских деревень каждому было заплачено от 20 до 28 руб. Согласно порядной записи, в которой подробно оговаривались обязанности сторон, как правило, половину денег по договору нанятый получал сразу, вторую — по возвращении, т.е. через год. В это же время постоянной становится подводная повинность. Так в 1679 г. в связи с походом на Украину предписывалось в «подъемные лошади»⁵ поставить с 60 дворов одного человека с лошадью и телегой. Монастырские крестьяне также должны были платить деньги на покупку лошадей для военных походов. В 1680 г. с крестьян и бобылей эти сборы составили по полполтине с двора.

Большая часть налогов, взимавшихся с крестьян на протяжении XVII в., как и новые, вводимые в последней его трети, шли на содер-

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 61.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1440, 1448.

⁵ Там же. Д. 2806.

жание и развитие войска. При выполнении этих повинностей крестьяне Иверского монастыря, как и в отношениях с самим монастырем, широко использовали договорные и порядные записи. В конце 80-х гг. «для умаления конских кормов» вводится новый налог — на покупку конских кормов. Как правило, с вотчин Иверского монастыря собирались деньги на покупку конских кормов в размере 10, 15 и 8 коп. с двора.

Повышение платежей привело к тому, что в 1684 г. московские и уездные монастыри подали челобитную об облегчении податей⁶. Но особенно значительным, как уже отмечалось исследователями, был рост налогов в 90-е гг. XVII в., когда начинают взиматься «государевы сенные подымные деньги», «деньги на новонакладное сено и овес государевым коням», подводные деньги и деньги на корабельное строение. В 1680–1690-е гг. население Иверской вотчины шире, чем в предшествующие годы, привлекалось к строительству мостов и средств передвижения (плотов под государев хлеб).

Отдельные части вотчины были расположены в уездах отдаленных друг от друга. Поэтому заботой монастырских властей было сокращение мест, куда непосредственно должны были поступать налоговые поступления. В 1668 г. в соответствии с грамотой с прочетом с. Щучье было изъято из-под власти ржевского воеводы и приписано к Великому Новгороду. На протяжении 1670-х гг. воеводы Ржевы Володимировой пытались вернуть право своей юрисдикции над с. Щучье и деревнями, что вызвало хлопоты монастыря о получении новых грамот, запрещающих въезд ржевской администрации (183 г., 184 г., 185 г., 187 г.)⁷.

Согласно грамоте 177 г. (1669 г.) новгородская администрация не имела права требовать с вотчины монастыря полоняночные деньги, которые следовало платить в Москве, в Монастырском приказе. По грамоте 194 г. крестьяне ржевской и новоторских частей Иверской вотчины должны были уплачивать полоняночные и ямские деньги в Москве в Ямском приказе. Право сбора налогов закреплялось за монастырем, губные старосты, целовальники и др. лица согласно грамотам 1673 г. не имели права въезжать в вотчину. Это запрещение, с более широкой формулировкой «ни для каких податей в Иверскую вотчину всяким чинов людям въезжать не велено» повторено в памяти великого государя 1674 г. Согласно грамотам новгородское подворье монастыря освобождалось от постоя, а у монастырских крестьян Старорусского у. запрещалось «имать» подводы под послов и посланников (182 г. — 1674 г., 192 г. — 1684 г.). В 1683–1685 гг. последовала череда «грамот с прочетом», запрещавших посылать в вотчину по-

⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4881.

⁷ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Карт. 152. Д. 11. Л. 123, 137 об.

сьлыщиков по делам, касающимся монастырских слуг, служебников, крестьян и бобылей «ни по никаким челобитьям...будет дело искать судом на Москве, в Приказе Большого Дворца». Одновременно, в Старую Руссу и Торжок были направлены грамоты о невзимании с крестьян подвод под приставов, пушкарей, стрельцов и казаков. Также крестьяне не платили в 190–191 гг. полуполтинные деньги «по великого государя указу и по докладной выписке и помете дьяка Леонтия Уланова» (дьяк Доимочного приказа) [3, с. 532], поскольку по просьбе монастырских властей велено их зачесть из взятых с монастыря в Приказ Большой казны и Стрелецкий запросных 17 тыс. руб. В 192 г. в Великий Новгород поступила «грамота великих государей с прочетом», по которой «имать не велено» с 1138 податных дворов вотчины рублевых денег за 169–173 гг. и полтинных за 172 г. В 197 г. было определено не спрашивать с Иверского монастыря солдат, вместо умерших на службе и освободить монастырь от содержания 28 солдат и стрельцов, присланных ранее «на корм» из Приказа Большого Дворца: «ради каменного вновь строения в Иверском монастыре». К 1689 г. монастырские дела находились в ведении Новгородского приказа, возглавлявшегося Е.И. Украинцевым. Однако его отношением к Иверскому монастырю монастырские власти были недовольны: «Украинцеву было посулено за вышневолоцкое дело 100 руб. И он пометил, что и простой бы дьяк лучше пометил»⁸. 27 октября с монастырского подворья в Москве сообщалось в монастырь, что «Украинцев ныне беспрестанно для тех денег присылает, а дать стало не за что, и ныне он же выслуживается перед великим государем... и по его знатно навету будто отставных стрельцов отставил боярин напрасно, и те отставные стрельцы слыша то в самую лихую пору приходит к нам... гораздо невежливо»⁹. В то же время монастырские представители в Москве были людьми прагматичными, и не пытались отбиться от платежей, которые государством рассматривались в данный момент как особо важные. В 1698 г., когда крестьяне Старорусского у. в «платеже в корабельное строение учинились ослушны» и ходили с челобитьем в Новгород, монастырский представитель в Москве Кирьяк, нарушая субординацию, предлагал заводчиков взять и смирить, желательно в Москве государевым указом, так как «и впредь будут поборы, еще только к поборам идет». Если же будут впредь бунтовать, монастырю это обернется волокитой и убытками «и сами они знают, куды собирают и на что, не в монастырские какие расходы»¹⁰.

В вотчине монастыря одни и те же налоги могли собираться с выти, двора, живущей четверти. После введения подворного обложения мо-

⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4718. Стр. 39.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 4942.

настырские власти предписывали посельским старцам «собирать по переписным книгам разлога по тяглу, а не подворно, чтоб от того бедным и малоучасточным крестьянам налоги не было»¹¹. Но у населения вотчины не было единства по вопросу раскладки, что служило поводом для раздоров. При сборе платежей малотяглые крестьяне были заинтересованы в раскладке по тяглу, имеющие большие участки — в подворной, а малосемейные даже в поголовной. Смена же вида раскладки по инициативе властей, как правило, вызывала затруднения при сборе налогов. В этом случае использовался компромиссный вариант: платить «все денежные подати пополам: половина по тяглу, а другую подымно»¹². Так, в Ржевском уезде в 1667 г. крестьяне с. Щучье с деревнями стрелецкий хлеб и ямские деньги платили с живущей четверти без полутора четвериков¹³, а ратным людям на жалованье с двора¹⁴.

Государственные повинности в вотчине несли не только крестьяне и бобыли, но и захребетники и подсоседники. Как правило, бобыли платили «против крестьян вполу», а захребетники и подсоседники половину бобыльских платежей. Освобождали их от платежей монастырские власти лишь в случае крайней бедности.

С начала 1670-х гг. учащаются жалобы крестьян на тяжесть государственных налогов, которая усугублялась тем, что, отдавая деньги в государственную казну с дворового числа по переписным книгам, сам монастырь собирал их с наличного числа дворов, а также манипулировал с мерами. Так, в 1671 г. 52,6 % полоняничных денег собранных с населения вотчины остался в монастырской кассе¹⁵. В 1673–1680 гг. монастырь платил в казну налоги с 743 дворов крестьянских, «и в лишках оставалось» суммы полученные с 917 дворов крестьянских, «окромя бобылей и захребетников»¹⁶. В марте 1672 г. крестьяне Старорусского уезда писали в челобитной монастырским властям «о многих подымщинах», владельческих и государственных, и просили взимать владельческий оброк с вытного оклада против книг 1625 г. Монастырские власти указали до 1678 г. «Георгиевской тысячи не имать для их бедности и скудности»¹⁷. В то же время не было удовлетворено челобитье крестьян с. Низино о льготе в хлебных платежах «до нови», так как в Новгороде с монастыря «хлеб правят». В коллективной челобитной на имя царя 1680 г. крестьяне Старорусского уезда в очередной

¹¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2709.

¹² Там же. Д. 4220.

¹³ Там же. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 41. Л. 151.

¹⁴ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1185.

¹⁵ Там же. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 83.

¹⁶ Там же. Д. 2899. Сст. 55–56.

¹⁷ Там же. Д. 2010. Сст. 331.

раз обвиняли монастырь в присвоении значительной части денег, собранных с них. Размер сборов монастырские власти увеличивали и за счет манипуляций с разными мерами: используя при сборе хлеба монастырскую приемочную меру вместо московской таможенной (соотношение 1:2). В связи с этим в 1680 г. крестьяне села Рахино просили принять хлеб «в государеву московскую таможенную меру, что б нам было в измогу» или «отпустить для платежу того хлеба в Новгород, привезем, убытка вам не учиним»¹⁸.

В целом в Иверской вотчине до начала XVIII века уровень эксплуатации крестьян монастырем был выше, чем со стороны государства. Государственные налоги составляли от 0,25 до 0,33 платежей падавших на крестьянский двор.

Задолженность и малая скорость сбора приводили к посылке новгородским воеводой в вотчину представителей приказной администрации и стрельцов. 11 мая 1680 г. в Старорусский у. для сбора полтинных денег был послан новгородский судья Михаил Петров с стрельцами с повелением деньги править беспощадно, а если не заплатят — иметь вдвое. Монастырским властям предписывалось старорусским старцам в уезд его «не пущать, а велеть бы за Старорусский уезд как мочно деньги ему Михаилу заплатить». Ему было поднесено 10 пудов соли», стрельцам и приставам его сопровождавшим 2 пуда соли. Но полтинные деньги со Старорусского уезда и в августе еще были не собраны. Старорусские власти объясняли причину задержки тем, что «корела вся отложила. Сыщик С. Шишков податей платить не велел, а которые русские, и те многие стоят в полтинных и оброчных деньгах на правезу»¹⁹. Только в 1700 г. монастырю удалось получить послушную память, согласно которой с корельских выходцев «всякие великого государя и монастырские денежные и хлебные подати велено збирать против прежнего и тем корельским выходцам Иверского монастыря архимандриту Тарасию и наместнику Филарету с братией и служебником быть послушным»²⁰.

Собранный хлеб монастырские представители реализовывали на ближайшем рынке. Благодаря этому монастырь уменьшал затраты на доставку хлеба, а крестьянские подводы использовались для подвоза в монастырь дров и строевого леса. Эта операция, возможно, должна была скрыть и манипуляции с мерами. При уплате стрелецкого хлеба монастырь часто пользовался услугами подрядчиков. В этом качестве выступали стрелец Иван Долгий²¹, новгородские посадские люди Вас.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 2092.

¹⁹ Там же. Д. 2889. Ст. 15, 30.

²⁰ Там же. Карт. 152. Кн. 11. Л. 263.

²¹ Та же. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 113. Л. 11 об.

Коровин и Як. Ржаник²², Лазарь Тихонов²³, посадский староста Иван Денисьев²⁴, гости Семен Гаврилов²⁵ и зимнегорского кружечного двора откупщик Иван Гаврилов²⁶. Заключение подряда не всегда гарантировало соблюдение его условий. Но монастырские власти стремились учесть платежеспособность и обязательность подрядчика. Так, в 1682 г. с новгородского подворья в монастырь было сообщено, что гость Семен Гаврилов вновь соглашается заплатить за стрелецкий хлеб, «а он возьмется не так как иные посадские люди Вас. Коровин и Яков Лентьев, которые в прошлом 188 г. подрядились за Петровский погост и до сих пор не могут расплатиться»²⁷.

В Пскове в качестве подрядчиков при уплате стрелецкого хлеба выступали владычен священник, гость Сергей Поганкин, помещик А.К. Бровцын. В 1676 г. согласно «переводному письму» за иверских крестьян из Новгородского у. стрелецкий хлеб в Пскове должен был заплатить казначей Псковского архиерейского дома старец Пахомий²⁸.

Среди подрядчиков были и жители монастырской вотчины. В 1686 г. Иверский монастырь подрядил на уплату стрелецкого и запросного хлеба Терентия Митрофанова²⁹ из села Богородицына. Тяглецов и монастырские власти привлекла в этом случае более низкая плата, так как «в Новгороде за такой платеж поряжаются по 75 коп. с двора»³⁰. Подрядчики могли договариваться об уплате за отдельные погосты. В 1683 г. за жителей Славитинского погоста стрелецкий хлеб платил десятник Федор Тим. Богомолов³¹, так как новгородцы «никто меньше 7 гривен за дым не хочет, а на горке хлеб четверик ржи покупают по 5 алт. 2 ден., овса — по 2 алт.»³². Таким образом, монастырские власти стремились заключить договор с лицами, соглашающимися на меньшую плату или на выплату денег «не в скорых числах», а также стремились не попасть в зависимость от подрядчиков. Сообщая о ситуации с оформлением подрядов, стряпчий писал из Великого Новгорода в монастырь: «приказной Андрей Сназин и Сава Боровитинов хотят взять подряд на отсыпку в Новгороде хлеба за Новгородский уезд по цене прошлого года по 15 алтын с двора» и советовали — «надо

²² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2874. 1679 г.

²³ Там же. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 221. Л. 55 об, 56.

²⁴ Там же. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Сст. 144.

²⁵ Там же. Д. 2937.

²⁶ Там же. Д. 2806. Сст. 144.

²⁷ Там же. Д. 3089.

²⁸ Там же. Карт. 152. Кн. 11. Л. 129 об.

²⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Кн. 39.

³⁰ Там же. Д. 3615. Сст. 20 об.

³¹ Там же. Д. 3237.

³² Там же. Д. 4938. Сст. 148.

отказать, в Новгороде много подрядчиков, которые согласятся на меньшую цену, а этим если отдать — то не отстанут»³³. Вероятно, подряд под стрелецкий хлеб был делом выгодным, и зачастую подрядчики конкурировали друг с другом. С подрядчиками заключались договорные записи. Размер платы в это время составлял в среднем 14–15 алтын «с дыму»³⁴. Сюда входила стоимость хлеба и около 6 денег за хлопоты³⁵.

Тяжесть налогов увеличивалась еще и потому, что выполнить некоторые работы крестьяне сами не могли. В 1679 г. на монастырские кузнецы вынуждены были покупать 300 карабинных и мушкетных замков (по 7 замков на человека) в Москве, Невеле и др. городах. Поэтому замок, за который казна платила по 4–5 алт., самим кузнецам обходился не менее чем в 13 алт.

С начала 1670-х гг. монастырские власти вынуждены были давать крестьянам льготу в запросном четвериковом и стрелецком хлебе и денежных сборах или засчитывать выполнение работ в монастыре как его уплату. В монастырских документах содержатся расценки, по которым работа учитывалась как уплата государева хлеба. В 1670-е гг. крестьянам корельских деревень платили по грошу в день, про зачете работы кирпичников с. Боровичи в монастыре исходили из цены за четверик ржи 13 коп., овса — 8 коп.³⁶ Скудные крестьяне и бобыли с. Боровичи секли дрова с зачетом по 1 гривне за сажень. Стремясь ускорить сбор налогов, монастырские власти запугивали крестьян тем, что в случае неуплаты и приезда подьячих, дворян и стрельцов, «езд и корм» будет взят на них³⁷.

До 1680-х гг., как правило, у крестьян Старорусского уезда не было задолженностей по денежным налогам. Их появление связано было как с ростом объема платежей, с падением доходности старорусских соляных промыслов, так и с неопределенностью положения части жителей: карелы, не закрепленные еще окончательно за монастырем, отказывались выплачивать государственные налоги.

Монастырь, засыпая в государевы житницы хлеб, купленный на рынке, собирал с крестьян деньги соответственно фактически израсходованной сумме. Известны также случаи, когда монастырь платил крестьянам за излишки хлеба, привезенного в монастырь. Он также стремился сосредоточить расчет в местах, где они были менее обременительны.

³³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 4213. Сст. 60. 1692 г.

³⁴ Там же. Д. 2874. Сст. 2.

³⁵ Там же. Д. 2874. Сст. 2.

³⁶ Там же. Д. 2729. Сст. 6.

³⁷ Там же. Д. 2823.

Литература

1. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1978.
2. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977.
3. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
4. *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Борьба русского крестьянства с податной политикой феодального государства в XVI–XVII веках // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 145–164.
5. *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 1999.
6. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890.
7. *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.
8. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.

**НАТУРАЛЬНЫЕ И ДЕНЕЖНЫЕ СБОРЫ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

В статье рассматривается практика взимания прямых налогов с населения Юга России. В центре внимания соотношение натуральных и денежных сборов, социальные группы налогоплательщиков.

Ключевые слова: Центральное Черноземье, Белгородская засечная черта, четвериковый хлеб, стрелецкий хлеб, служилые люди, местное управление.

Изучение государственной организации налогообложения началось в XIX в. [18], в научный оборот был введен широкий круг источников [4]. В советской историографии крупные успехи были достигнуты в изучении общины и ее участия в раскладке платежей, уплате налогов и несении повинностей [1, 2, 6]. В последние годы происходит активное изучение различных служб и натуральных повинностей отдельных социальных групп [3], в центре внимания остаются община и крестьянский двор [20, 25, 26], источники взимания налогов и единицы налогообложения [7, 21].

В рамках настоящей статьи предпринята попытка охарактеризовать состав и соотношение натуральных и денежных повинностей, особенности взимания налогов с населения Юга России. Источниковую базу исследования составили материалы приказного делопроизводства, отложившиеся в архиве Воронежской приказной избы. Это переписка центра с местными властями, внутренняя переписка городских воевод, наказные памяти, учетные и другие документы, посвященные вопросам налогообложения. Делопроизводство приказных изб как многоаспектный источник отражает деятельность администрации на активно осваиваемых окраинах государства [16]. Особо следует отметить очень хорошую сохранность делопроизводства Воронежской приказной избы.

Юг Российского государства в XVII в. был опасным пограничьем [22]. В географическом отношении этот регион совпадал с территорией современного Центрального Черноземья [5, 12]. Большую часть его населения составляли служилые люди [23]. «Вольная народная колонизация» Черноземья началась в конце XVI в. [13, с. 4]. Активно

¹ Камараули Елена Владимировна, кандидат исторических наук, Воронежский государственный университет, kamarauli@bk.ru, Россия, г. Воронеж.

происходило освоение природных богатств края [15, 19]. Постепенно колонизация стала направляться правительством в русло обеспечения безопасности границ [14]. Сочетание народной и правительственной колонизации было характерно также для юго-восточного пограничья – территории Поволжья, активно заселявшейся русскими со второй половины XVI в. [9]. Государство стремилось снабжать войска на окраинах за счет местных ресурсов. Подобная ситуация была и в Сибири, где правительство настойчиво заводило пашню в тех уездах, где климат этому не совсем способствовал [27].

С конца XVI в. на территории южнорусских «польских»² городов существовала десятинная пашня – государственная земля, которую обрабатывало местное служилое и тяглое население. Например, в 1619/20 г. в Воронеже обрабатывалось 100 десятин государственной земли в одном поле³. В 20-е гг. XVII в. десятинная пашня заменилась натуральным хлебным налогом – десятинным хлебом [10, с. 245]. Основанием для сбора хлеба служил прежний размер десятинной пашни. С воронежцев, со 100 десятин пашни, прикрепленной к уезду, было «велено иметь за десятину ржи по семи четей, авса по таму ж на год» [24, с. 47].

Валовое писцовое описание второй половины 20-х гг. XVII в. привело к постепенной замене поземельного налогообложения принципом подворного взимания налогов. На Юге подобная замена была экономически выгодной, поскольку в ходе строительства Белгородской засечной черты в 30–50-е гг. XVII в. возникли новые города, уезды, возросла численность населения. Был введен четвериковый хлеб – новый налог, взимавшийся подворно на основании переписных книг 1646 г. По данным В.П. Загоровского, четвериковый хлеб был впервые взят со «служилых людей всех чинов» осенью 1649 г. [10, с. 246]. Название произошло от начального размера платежа, равнявшегося четверику ржи и четверику овса в год. На протяжении 60-х гг. XVII в. размер четверикового хлеба вырос вначале до осьмины, а затем до одной четверти ржи и овса в год со двора [24, с. 47–48].

Четвериковый хлеб собирался со всего служилого населения. Он предназначался для «донского отпуска», ежегодно отправляемого «государева жалованья» донским казакам [11, 17]. В этом отношении четвериковый хлеб был логическим продолжением десятинного хлеба,

² Городами «на Поле» или «польскими» городами на рубеже XVI–XVII вв. были Воронеж, Ливны, Елец, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки и Лебедянь.

³ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: документы и материалы по истории края / Сост. В.П. Загоровский. Воронеж, 1976. С. 54–56. По мнению В.П. Загоровского, изложенному в комментарии к источнику о десятинной пашне, под «всякими людьми» следует понимать воронежских посадских и служилых людей. Там же. С. 54.

собиравшегося ранее с десятинной пашни⁴. В конце 60-х гг. XVII в. было указано собирать четвериковый хлеб «ржи по одной чети со двора, и вместо чети овса по осьмине ржи». В пояснении к новой норме было указано, что «овса в донские отпуски малый расход, а ржаной муки посылается в донские посылки много»⁵. Заготовка всех запасов для донского отпуска происходила в Воронеже. В октябре-ноябре в воронежские казенные житницы начинал прибывать хлеб из городов Усмани, Сокольска, Костенска, Орлова, Доброго, Белоколодска, Коротояка и др.⁶ Прием хлеба занимался воронежский житенный голова. Житенные головы могли выбираться из «всяких чинов уездных людей», но иногда воевода по своему усмотрению выбирал на эту должность лиц из детей боярских [8]. Заготовленная рожь перемалывалась в муку, овес перерабатывался в крупу, затем хлеб в рогожных кулях грузили по судам и отправляли в казачьи городки по весеннему речному пути⁷.

При воронежских житницах дьячки по приказанию воеводы вели книги хлебного приема и так называемые «доимочные книги», фиксировавшие недостачу по платежам. Эти книги подписывал житенный голова и его помощники — целовальники. В доимочной книге житенного головы А.В. Протопопова за 1675/76 г. было, например, указано, что из города Козлова не доставлены хлебные для донского запасы в размере: 931,5 четверть ржаной муки, 231 четверть круп и столько же толокна⁸. Сведения доимочных книг были основанием для взыскания долгов по платежам.

Четвериковый хлеб относился к окладным сборам. По окладной книге 1670 г. с Воронежа, Орлова, Усмани, Сокольска, Доброго, Землянска и Костенска надлежало собрать хлеба 5200 четвертей «и больше» ржи из расчета со двора по полторы четверти⁹. Очередная заготовка хлеба для донского отпуска началась весной 1671 г. Ниже представлены данные о норме четверикового хлеба согласно окладу и данные о фактическом количестве хлеба, сданного в воронежские житницы в 1671 г. (Таблица 1)¹⁰. В таблицу помещены сведения о городах, традиционно заготавливавших хлеб для донского отпуска.

⁴ «А при царе Борисе с Вороножа из государева десятинново хлеба посылавали всякие запасы и вино на Дон, к атаманом и к казаком ежелет». См.: Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века ... С. 56.

⁵ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 166. Л. 1–7.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–18.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 443. Л. 2–3.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

¹⁰ Данные для составления таблицы взяты из следующих источников: Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Выпуск II. 1902. С. 91,92, 97; ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–3.

Таблица 1

Сбор четверикового хлеба (ржи) в воронежские житницы в 1671 г.

Город	Количество дворов, сдающих хлеб по окладу	Общая норма сдачи хлеба по окладу (в четвертях)	Фактически сдано хлеба (в четвертях и в %)
Воронеж	943	1414,5	1408 (99,5 %)
Доброе	1057	1453,4	1420 (97,7 %)
Землянск	217	325,5	нет данных
Костенск	291	436,5	41 (9,4 %)
Орлов	280	420	204 (48,6 %)
Сокольск	612	918	781 (85 %)
Усмань	895	1342,5	1162 (86,6 %)

Очевидно, что четвериковый хлеб в 1671 г. не был собран «сполна». Сохранился достаточно обширный комплекс переписки городских воевод, посвященной выяснению причин этой недоимки. Хлеб из Землянска, вероятно, вообще не был прислан в Воронеж, поскольку в Землянске, по описанию местного воеводы А. Базлова, «жители новые земли не распахали, хлебом не обзаводились и дворами не построились, взять четвериковый хлеб не на ком»¹¹.

В Костенске из положенного в оклад 291 драгунского двора 214 дворов «многие годы» платили стрелецкий хлеб и отказывались от уплаты четверикового хлеба. Остальные 77 дворов принадлежали «новосельным» костенцам, не платящим стрелецкую подать. Эти дворы были поставлены на правож в уплате четверикового хлеба и дали сказку, что им «хлеба взять негде, и сами помирают голодной смертью, и земли еще не распахали». В итоге на правже была взята 41 четверть хлеба, с трудом собранная с 70 дворов¹².

В Орлове задержка и недостача в уплате была вызвана небрежением воеводы, не собравшего хлеб к сроку и уехавшего после перемены с должности. Новый воевода поспешно собрал хлебные запасы, сдав в воронежские житницы менее половины оклада. В Сокольском городке по росписым книгам, составленным при перемене воевод, оказа-

¹¹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 98. Л. 2.

¹² Из источников следует, что костенцы сравнительно недавно были переведены в драгунскую службу из бобылей. В бобылях они платили стрелецкий хлеб и продолжали платить в драгунах. Кроме того, четвериковый хлеб взимался по 1,5 четверти ржи, а стрелецкий хлеб – по 1,5 четверика ржи и овса со двора, т.е. стрелецкий хлеб был меньшим сбором. В разбор 1678/79 г. все жители Костенска окончательно были переведены в драгунскую службу с обязательством платить четвериковый хлеб. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 287. Л. 5; Оп. 3. Д. 98. Л. 6, 8, 11, 15, 16.

лось в наличии 599 дворов вместо 612, этим обстоятельством сокольский воевода пытался оправдать недобор четверикового хлеба¹³.

Правительство сполна выплачивало хлебное жалованье донским казакам, несмотря на недоимки при сборе четверикового хлеба. В донской отпуск 1677 г. было отправлено 6000 четвертей ржаной муки, в 1685 г. — 6500 четвертей¹⁴. Вероятно, недостача покрывалась за счет хлебных запасов «старого сбора», т.е. предшествующих лет. Ревизия воронежских казенных житниц в 1670/71 г. показала наличие хлебных запасов, собранных в 1668/69—1669/70 гг.¹⁵ Эти запасы, вероятно, служили резервным фондом на случай стихийных бедствий и неурожаев.

Другой окладный сбор — стрелецкий хлеб — взимался с тяглого населения. Крестьяне и бобыли доставляли хлебные запасы в житницы Стрелецкого приказа на своих подводах по первому зимнему пути. Обложение стрелецким хлебом было разным для отдельных категорий крестьян и бобылей. Дворы, расположенные на земле духовных феодалов, платили 3,5 четверика ржи и столько же овса, дворы на земле светских феодалов, помещиков и вотчинников, платили 1,5 четверика ржи и столько же овса в год¹⁶. При несвоевременной уплате налога власти грозили населению «доправить» стрелецкий хлеб вдвойне. Отметим, что в переписке разрядных властей с городовыми воеводами нами не обнаружено прямых указаний к двойному сбору налогов с неплательщиков.

Кроме хлебных налогов население Юга уплачивало общегосударственные денежные подати — ямские и полоняничные деньги. Объем сбора полоняничных денег определялся в VIII главе Соборного Уложения 1649 г. «Об искуплении пленных»¹⁷. Ямские деньги 50—70-Е 33. XVII в. взимались с живущей четверти — 1 руб. 43 коп. на церковной земле, 98 коп. — на поместной и вотчинной земле¹⁸. По итогам переписи 1678—1679 гг. сложилась норма подворного обложения — 10 коп. с крестьянского или бобыльского двора на церковной земле, 5 коп. с

¹³ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 98. Л. 3, 10.

¹⁴ *Загоровский В.П.* Воронеж: историческая хроника. Воронеж, 1989. С. 36, 38.

¹⁵ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Вып. I. Воронеж, 1902. С. 90.

¹⁶ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 96. Л. 1—3.

¹⁷ Крестьянские и бобыльские дворы духовных феодалов уплачивали 4 коп. С дворцовых, чернососшных, помещичьих и вотчинных дворов взималось 2 коп. Со служилых людей «по прибору» собирали по 1 коп. со двора. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 89—90.

¹⁸ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 31. Л. 5; Оп. 2. Д. 7. Л. 1—16.

крестьянского или бобыльского двора на светской земле. Именно эта норма фигурирует в источниках с конца 70-х гг. XVII в.¹⁹

Сбор ямских и полоняничных денег на местах осуществляли подьячие приказных изб. Воевода обеспечивал доставку денежной казны в Москву в целости и сохранности, выделяя для охраны в пути провожатых, стрельцов и полковых казаков. Из ямских денег выплачивалось жалованье местным ямщикам. Основанием для выплаты служили челобитные ямщиков и царские грамоты. В 1658 г. воронежский воевода Я.И. Кушелев выплатил жалованье одиннадцати воронежским ямщикам по 10 руб. каждому, а оставшиеся 49 руб. 60 коп. распорядился доставить в Ямской приказ. Жалованье ямщикам выплачивалось, но не регулярно. Эти средства обеспечивали исправность почтовой службы, поскольку на каждого ямщика возлагалась обязанность содержать по три мерина каждому и покупать всякую «гонебную рухель»²⁰.

Сбор налогов происходил следующим образом. Получив царскую грамоту о взимании податей, воронежский воевода должен был оповестить об этом население, с этой целью он отправлял на территорию уезда подьячих или служилых людей. Налогоплательщикам предписывалось выбирать целовальников, «людей добрых и прожиточных», кому в денежном и хлебном сборе можно будет верить²¹. Выборные целовальники собирали и хранили денежную казну до уплаты ее в приказной избе.

Служители приказной избы были активными участниками сбора налогов. Осенью 1687 г. подьячие воронежской приказной избы С. Остриков и К. Куренбин отправились в Воронежский уезд, Костенск и Орлов²², чтобы организовать сбор ямских и полоняничных денег. При себе они имели воеводские наказные памяти и отписки, адресованные городовым воеводам, о всяческом содействии их миссии. К последнему сроку платежа, 1 марта 1688 г., в приказной избе были собраны налоги на сумму 70 руб. 96 коп., недоимка при этом

¹⁹ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 96. Л. 4–7.

²⁰ Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 5–7.

²¹ См., например, царские грамоты воронежским воеводам: М.Ф. Самарину от 6 сентября 1672 г.; И.Д. Сонцову от 1 октября 1661 г., Г.Х. Волкову от 6 ноября 1676 г. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 7. Л. 2–3; Оп. 3. Д. 52. Л. 1–3; Оп. 3. Д. 443. Л. 1–2. Наказные памяти подьячим и служилым людям, отправленным в Воронежский и соседние уезды для оповещения налогоплательщиков. См.: ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 96. Л. 1–3; Оп. 3. Д. 395. Л. 1–9; Оп. 3. Д. 443. Л. 3–5.

²² Костенск и Орлов находились в подведомственности Воронежа, приказные люди Костенска и Орлова подчинялись воронежскому воеводе. См.: *Загоровский П.В.* Пригороды Воронежа в XVII веке – Костенск и Орлов // Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984.

составила 1 руб. 48 коп. Деньги и сопроводительные документы были безотлагательно высланы в Ямской приказ, поскольку за просрочку платежа воронежскому воеводе Н.Л. Головкину грозила пеня в размере 20 руб.²³

Подьячие обеспечивали сохранность платежной документации и вели ее учет. В приказной избе они принимали ямские и полонянничные деньги, выдавали расписки плательщикам, копировали платежные отписи об уплате стрелецкого хлеба, выданные в Москве, и платежные отписи об уплате четверикового хлеба, выданные воронежским житенным головой. Случалось, подьячие «корыстовались» от ямских и полонянничных денег, намеренно не выдавая расписок. В ответ власти предписывали править на таких подьячих все долги по сборам, а также ставить на правож подьяческих жен, детей и иных наследников²⁴.

Интересна степень платежеспособности населения. Представленные ниже таблицы отражают картину задолженности по разным видам налогов (Таблицы 2, 3)²⁵.

Таблица 2

Сведения о задолженности населения по натуральным платежам в Воронежском уезде в 60-е гг. XVII в.

Год	Стрелецкий хлеб в четвертях ²⁶
1662/63	6 ч. ржи и 6 ч. овса
1663/64	6 ч. ржи и 6 ч. овса
1664/65	22,8 ч. ржи и 22,8 ч. овса
1665/66	6,4 ч. ржи и 6,4 ч. овса
1667/68	137 ч. ржи и 84 ч. овса
1668/69	9,8 ч. ржи и 9,8 ч. овса
1669/70	8,3 ч. ржи и 8,3 ч. овса
1670/71	13,4 ч. ржи и 13,4 ч. овса

Таблица 3

Сведения о задолженности населения по денежным платежам в Воронежском уезде в 70-е гг. XVII в.

Год	Ямские и полонянничные деньги
1671/72	2 руб. 48 оп.
1672/73	-
1673/74	-
1674/75	46 руб. 95 коп.
1675/76	46 руб. 95 коп.
1676/77	46 руб. 95 коп. ²⁷

²³ ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 287. Л. 1–16.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–16.

²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 287. Л. 11, 12; Оп. 3. 31. Л. 7; Д. 443. Л. 1, 2.

²⁶ Цифры округлены до одной десятой части четверти.

²⁷ За указанные три года ямские и полонянничные деньги вообще не собирались с населения, вследствие чего накопился долг за каждый год в размере

Очевидно, уровень благосостояния населения не позволял платить налоги в полном объеме. Тяглое население гасило денежные задолженности постепенно, небольшими суммами — полушка, деньга или копейка с двора в год²⁸. Правительство иногда обеспечивало посильность обложения предоставлением налоговых льгот и списанием недоимок²⁹. Для ряда городов Белгородского полка был вдвое уменьшен оклад четверикового хлеба на 1674/75 г. и списаны задолженности прошлых лет. Основанием послабления стали «хлебный недород», «многие службы» и «многое» струговое дело городских и уездных жителей³⁰.

Полученные результаты исследования позволяют сделать предварительные выводы. Специфика южнорусского пограничья обусловила незначительную дифференциацию служилого и тяглое населения. Обе социальные группы уплачивали натуральные и денежные подати. В целом, в структуре налогов преобладали натуральные хлебные сборы, собиравшиеся на нужды армии. Задолженности в уплате разных сборов свидетельствуют о невысоком уровне благосостояния населения. Причина недоимок состояла не только в тяжести налогового бремени, периодически облегчаемого льготами, но и в продолжавшейся колонизации Черноземья. Население, переезжавшее на неосвоенные территории, начинало хозяйствование с нуля. Служилые люди не могли заниматься исключительно земледельческим трудом, но именно они составляли значительную массу налогоплательщиков. В новопостроенных на Белгородской черте городах распашка земель «дикого поля» под пашню происходила медленно, что могло негативно отражаться на уплате натуральных налогов.

Литература

1. *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.
2. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере (конец XVII — начало XVIII в.). М., 1976.
3. *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII в. М., 2004.
4. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посощного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915–1916 гг.

налогового оклада. В 1677 г. правительство вознамерилось собрать все долги за 1670-е гг. одним разом. ГАВО. Ф. И–182. Оп. 3. Д. 443. Л. 1.

²⁸ ГАВО. Ф. И–182. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–2.

²⁹ Там же. Д. 25. Л. 1–14.

³⁰ Там же. Д. 26. Л. 3–4.

5. *Глазьев В.Н.* Особенности социальной структуры населения и административного устройства южной окраины России XVI–XVII веков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
6. *Горская Н.А.* Государственные повинности монастырских крестьян XVII в. // Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина. М., 1975.
7. *Дмитриева З.В.* К вопросу о появлении новой налоговой единицы в Русском государстве – «живущей чети» // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012.
8. *Добриков В.В.* Натуральные налоги на Юге Московского государства во второй половине XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1.
9. *Дубман Э.Л.* Некоторые особенности освоения юго-востока европейской России в конце XVI – начале XVIII в. // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 73.
10. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
11. *Загоровский В.П.* Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961.
12. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991.
13. *Загоровский В.П.* Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987.
14. *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008.
15. *Камараули Е.В.* Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2.
16. *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009.
17. *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.
18. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
19. *Мизис Ю.А., Напольникова П.К.* Бортные ухажья как форма заселения и освоения южнорусского пограничья в XVI–XVII вв. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2013. № 3.
20. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

21. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. М., 1986.
22. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
23. *Скобелкин О.В.* Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1.
24. *Скобелкин О.В.* Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987.
25. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., 2012.
26. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.
27. *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956.

О ПРИЧИНАХ ПЕРЕХОДА К ПОДВОРНОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В 1679–1681 ГГ.²

В статье представлены предварительные результаты исследования категории задворных людей по переписным книгам 1646 и 1678 гг. и причин перехода к подворному налогообложению.

Ключевые слова: финансы, подворное налогообложение, задворные люди.

Предметом исследования являются причины финансовой реформы 1679–1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению, а также правовое положение и численность категории задворных людей по переписи 1678 г. В российской исторической науке высказывались различные суждения о хронологии и причинах этой реформы. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что подворное налогообложение было введено уже в 1620-х гг. в виде живущей четверти [9, с. 242–257], С.Б. Веселовский отверг концепцию предшественника, показав, что комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох, и считал основной причиной реформы 1679 г. разрушение сошного письма [1]. З.В. Дмитриева считает главной причиной рост недоимок и уклонение населения от их уплаты [7, с. 117]. Различные суждения высказывались и о категории дворовых и задворных людей: В.О. Ключевский считал их кабальными холопами [6], М.А. Дьяконов находил в их составе полоняников и старинных людей [5, с. 74, 249–269], В.М. Воробьев относит их к различным категориям холопов [2].

Статистической обработке данных переписных книг должен предшествовать источниковедческий анализ их сведений. Определения «дворовые» и «задворные» люди фигурируют в научных текстах на правах термина: считается, что дворовый человек жил во дворе владельца, или в пределах двора в людской избе, а задворные люди жили своими дворами «за двором» владельца в деревнях совместно с крестьянами. Считается также, что дворовый человек получал от землевладельца ежемесячное содержание, так называемую «месячину», а зад-

¹ Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет, arakk@ Rambler.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Доклад подготовлен в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX в.».

ворный человек вел самостоятельное хозяйство. Однако в источниках XVII в. нет однозначного определения таких понятий, как дворовый, деловой или задворный человек. Для анализа положения задворных людей необходимо изучить совокупность источников, которая достаточно представительно отражала бы и социальный статус населения, и методы его классификации переписчиками.

Нами исследованы переписные книги 1678 г., относящиеся к таким уездам, как Московский, Можайский, Вяземский, Великолукский, Пусторжевский, Дедиловский, частные акты (духовные грамоты), а также ссудные записи приказных изб. Для переписных книг Московского уезда 1646 г. было характерно смешение терминов «деловые», «задворные» и «кабальные люди». Так, в вотчине Н.И. Одоевского в Горетове стане были зафиксированы 2 двора деловых людей, 1 двор задворного делового человека и 5 дворов кабальных людей, среди которых названы кузнец, сокольники, конюх, псарь³. В поместье Я.К. Черкасского в стане Манатыне и Коровыне были описаны 27 дворов задворных кабальных людей⁴. Изредка термин «деловой человек» обозначал человек, жившего во дворе помещика, как, например, в вотчине Н.И. Романова в Ратуеве стану, где был отмечен «двор боярской, а во дворе деловых людей...»⁵. Термин «дворовые люди» был более определенным. Понятия «дворовые» и «крепостные люди» чаще всего обозначают людей, живших во дворе землевладельца: «двор боярской, а в нем живут всякие дворовые люди», «двор конюшей, да двор скотцкой, а в нем живут всякие крепостные люди»⁶.

Очевидно, что нечеткая терминология переписных книг дает основания, прежде всего, не для отождествления понятий, а скорее для выявления противоположных понятий. Можно выделить несколько таких противоположных парных терминов. Переписчики противопоставляли, во-первых, дворовых и задворных людей, во-вторых, «крепостных» и «старинных» людей и, в большинстве случаев, дворовых и деловых людей. Ясно, что два противоположных ряда понятий формируются, исходя из разных критериев. Дворовые, задворные и деловые люди различались, главным образом, по месту своего проживания — во дворе землевладельца или в отдельном дворе. С большой долей уверенности можно сказать, что переписчики отождествляли деловых и задворных людей. В то же время термины «крепостные» и «старинные» люди обозначали разные формы зависимости человека, описывая его правовое положение и зависимость «по крепостям» или «по старине».

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9809. Л. 230.

⁴ Там же. Л. 311 об.

⁵ Там же. Л. 509.

⁶ Там же. Л. 311 об., 332.

С иной ситуацией мы сталкиваемся при исследовании переписных книг Московского уезда 1678 г. Переписчики не выработали четкого критерия, отличающего дворовых, деловых и задворных людей. Деловые люди были зафиксированы как во дворах вотчинников, так и за двором. Но главная особенность переписной книги состоит в том, что дворовые люди жили как во владельческом дворе, так и за двором, а задворные люди фиксировались как за двором, так и во владельческом дворе. Так, в поместье стольника Еропкина в Замышской волости в помещицьем дворе в деревне Репниково были отмечены 6 деловых людей, «да за двором дворовые же деловые люди живут»⁷. Дворовый человек, таким образом, по мнению переписчиков не обязательно должен был жить во владельческом дворе, он вполне мог иметь свой двор.

В описании вотчины боярина Куракина сельца Одинцово был отмечен «двор боярский», но дворня жила в собственных дворах, и в поданной переписчикам сказке сочли нужным отметить именно факт отсутствия задворных людей в вотчине: «В том же сельце дворы сокольников, и хлебников, и поваренных людей, и конюхов, и псарей, а задворных людей нет»⁸. В вотчине боярина Голицына селе Ерино дворовые люди также жили за двором, а кроме них в собственных дворах жили деловые люди овчинники и рыбаки, а также коновал, конюхи, псарь, кузнец⁹. В итоге описания вотчины отмечены 11 дворов дворовых людей и 5 дворов деловых людей. Форма передачи сведений о крепостном населении зависела от сказки, содержащей первичную информацию и подававшейся от землевладельца. Так, во всех описаниях вотчин боярина Одоевского поселения дворовых людей именуется слободками, видимо, под влиянием распространенного представления об их освобождении от налогов. В селе Богородском стоял «двор боярской», где были отмечены 8 человек, но кроме него стояла «слободка дворовых людей», где в 5 дворах жили кабальные люди, а в 3 — задворные¹⁰.

Не подтверждается источниками и ставшее аксиомой суждение о том, что дворовые люди в отличие от задворных получали месячину. В описании вотчины боярина Хитрово в селе Братцево был отмечен боярский двор, «а во дворе и около двора живут служивые крепосные кабальные люди и конюхи. Да в том же селе Братцево задворные деловые люди крепосные русские и иноземцы» общим числом 37 человек. В ремарке переписчиков отмечено: «А что в селе Братцево крепосные деловые люди русские и иноземцы, и на мельницах мельники, и в Копнине муковозы, и они едят хлеб боярской месячину»¹¹.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9811. Л. 561.

⁸ Там же. Л. 568 об.

⁹ Там же. Л. 520.

¹⁰ Там же. Л. 473 об.

¹¹ Там же. Л. 21 об.—23.

С другой стороны, задворные люди нередко фиксировались во владельческих дворах. Так, в вотчине думного дворянина Толстого селе Яковлевском помимо «двора вотчинникова» был отмечен «двор скоцкой, а во дворе крепосные старинные задворные люди»¹². Вышеотмеченные особенности учета крепостных людей в переписных книгах приводят к вполне определенному выводу: задворные люди противопоставляются не только конюхам, дворовым и деловым людям, проживавшим в отдельных дворах, но и кабальным. Следовательно, статус задворного человека определялся не только исходя из его хозяйственного положения, но и зависел от формы закрепощения.

Подобная картина наблюдается на северо-западе России (Великолукский и Пусторжевский уезды), переписчикам которых, так же как и составителям «сказок», было свойственно представление о месячине как о неотъемлемой принадлежности дворовых людей, хотя на практике месячина заменялась пашней. В переписных книгах не отражалось реальное хозяйственное положение задворных людей, поскольку система учета несвободного населения в переписных книгах основывалась на «сказках», подававшихся помещиками и их приказчиками, как правило, не заинтересованными в том, чтобы давать избыточную информацию фискальным органам¹³.

Фиксируемый в переписных книгах рост количества холопов был в значительной степени связан с похолоплением пленников. До 1650-х гг. удельный вес пленных в составе холопов увеличивался во время войн, но сокращался после их окончания. Р. Хелли показал, что в 1634 и 1637–1638 гг. правительство издало указы об освобождении из плена литовских полоняников, не давших на себя кабальных грамот и принудительно удерживаемых их хозяевами [14, с. 82]. Эти положения были повторены в ст. 69 Уложения 1649 г.¹⁴ Однако рост численности холопов в 1650–1670-х гг. по причине притока полоняников свидетельствует, что после начала русско-польской войны 1654–1667 гг. вышеназванные нормы перестали выполняться. Во-вторых, в это время возрастает интенсивность миграций и притока «вольных» людей из-за рубежа. По данным новгородских, великолукских, пусторжевских переписных книг 1678 г. удельный вес задворных и дворовых людей в поместьях достигал 20–25 % от численности всего учтенного в переписных книгах населения [2].

С этими обстоятельствами связан феномен известных еще М.А. Дьяконову ссудных записей на задворных людей. Исследование материа-

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 9811. Л. 309.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8561. Л. 161. Л. 155; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8393. Л. 1011; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8394. Л. 610., 679; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8176. Л. 225.

¹⁴ Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 111.

лов Дедиловской и Псковской приказных изб подтверждает, что во второй половине XVII в. задворные люди закрепощались особым способом без кабалы. В материалах Дедиловской приказной избы за 1680-е гг. сохранились десятки «сказок» о записи вольных людей, не бывавших «в службе великих государей и в тягле», в задворные люди «с судною записью»¹⁵. Таким образом, задворные люди в Дедиловском уезде — это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской, а оформлялась способом, свойственным отношениям землевладельцев с крестьянами. Это явление возможно сопоставить с противоположным процессом, имевшим место в 1552–1556 гг. в Спасо-Прилуцком монастыре, где для оформления крестьянского порядка использовался формуляр служилой кабалы, предусматривающий выдачу рядившемуся определенной денежной ссуды [12]. Таким образом, объяснение терминологической неопределенности переписных книг коренится в многообразии форм закрепощения сельского населения.

Проблема налогообложения холопов принадлежит к числу одной из наименее исследованных. До появления работ Е.И. Кольчевой считалось, что холопы наделы не облагались налогами, однако исследователь показала, что в конце XV–XVI в. тягло с холопских наделов взималось [8, с. 119–132]. Возможность уклониться от уплаты налогов за холопьи наделы появилась у землевладельцев в 1580-х гг., когда был издан указ об «обелении» помещичьей запашки. Однако полностью освободила холопов от тягла только реформа «живущей четверти» 1620-х–1630-х гг.: как известно, «живущая четверть» состояла из определенного количества крестьянских и бобыльских дворов.

Первый указ о введении «живущей четверти» появился в 1620 г., последний — в 1632 г. Смысл реформы состоял в том, что четверть, ранее измерявшаяся количеством обрабатываемой земли, теперь измерялась числом крестьянских и бобыльских дворов. Нормы «живущей четверти» были плавающими и включали от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Однако первые разряды «живущей четверти» были чрезмерно тяжелыми для крестьян и могли разорить даже сравнительно благополучные северо-восточные уезды страны. Методом проб и ошибок к 1631 г. были оставлены два разряда «живущей четверти» (8 крестьянских и 4 бобыльских, и 12 крестьянских и 8 бобыльских двора), и, таким образом, реформа была завершена [1, т. 2, с. 415]. Реформа «живущей четверти» не предполагала перехода к подворному налогообложению; комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох в традиционном объеме (от 600 до 1200 четвертей).

¹⁵ Архив СПб ИРИ РАН. Ф. 134 (Дедиловская приказная изба). Оп. 1. № 699, 704, 740, 741.

Несмотря на видимую нелогичность и сочетание противоречивых принципов, реформа доказала свою жизнеспособность и стала основой финансового восстановления государства. Как и многие реформы в допетровской России, установление норм живущей четверти не получило распространения в регионе, игравшем ключевую роль в финансовой политике страны – в черносошном Поморье. В Заонежских погостах была введена аналогичная окладная единица – живущая выть, но в большинстве уездов черносошного Севера посошная система обложения осталась в неприкосновенности [15]. Реформа живущей четверти в уездах помеотно-вотчинного землевладения привела к непредсказуемым последствиям. Поскольку количество четвертей и сумма налогообложения определялись количеством дворов, землевладельцы активно сажали на землю «детеньшей» и холопов, чьи дворы не включались в живущую четверть. Последствием этого решения стало не только восстановление хозяйства, но и численный рост сельского хозяйства.

До настоящего времени не вполне исследованной остается реальная тяжесть повинностей, падавших на крестьянский двор. В существующих исследованиях приведены данные о том, что в 1630-х гг. монастырские крестьяне платили с двора 60 коп., а черносошные 87–93 коп.; в 1660–1680-х гг. монастырские крестьяне платили 120 коп., а черносошные 101–154 коп. [4, с. 329–332; 11, с. 15–17]. Такой уровень налогообложения был неподъемным для разоренных или недавно основанных крестьянских хозяйств, что означало необходимость разверстки налогов внутри общины для их выплаты без недоимок. Подготовленные к публикации С.Б. Веселовским «Акты писцового дела» показывают, что наиболее сложным для государства было взимание налогов в черносошных волостях¹⁶, которые, во-первых, обладали мощной организацией, способной действовать как в интересах фиска, так и сопротивляться фискальному давлению. Во-вторых, отказ от введения живущей четверти в Поморье привел к сохранению в черносошных уездах чрезмерного фискального давления.

Если реформа «живущей четверти» смотрится как уникальное явление в правительственной политике 1620-х гг., характеризовавшейся судорожными усилиями власти по выходу из кризиса, то третья финансовая реформа 1679–1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению, обнаруживает в себе черты системности. Помимо введения подворного принципа налогообложения, указами 5 сентября и 27 ноября 1679 г. правительство заменило целый комплекс налогов (данных, полоняничных, четвертных, пищальных денег, денежных доходов «на мелкие расходы») новым налогом – стре-

¹⁶ Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века. М., 1990. № 7. С. 67; № 12. С. 72; № 27. С. 153; № 69. С. 264–265.

лецкими деньгами, или в ряде уездов, преимущественно южных, стрелецким хлебом¹⁷. Первоначально введение нового налога расценивалось как временная мера «впредь до валовых писцов», однако согласно наказу от 1 февраля 1682 г. перед валовыми писцами не были поставлены фискальные задачи, и временное преобразование 1679 г. обрело качество реформы с долговременным действием.

Дворы посадских и уездных людей по наказу 1682 г. предписывалось «не писать и денежными доходами не окладывать», в силу того, что после составления переписных книг налоги они должны были платить «с дворового числа». Оклад стрелецких денег оказался непосилен для большинства посадов и уездов и после совещаний с гостями указом от 19 декабря 1681 г. правительство снизило общую сумму стрелецкой подати почти на треть со 152627 руб. до 107550 руб. [13]. Стрелецкий приказ отвечал за сбор стрелецких денег до 1683 г., когда было решено передать сбор основного налога в четвертные приказы. Одновременно контроль за сбором стрелецких денег был передан воеводам. По данным М.А. Мацука, сбор стрелецких денег в 1680–1690-х гг. в черносошных волостях также сопровождался постоянными недоимками, которые до 1683/84 г. составляли 62–74 % оклада [10, с. 184–185, 192–193, 382–383]. Даже если правительство в своих реформаторских замыслах и руководствовалось целью добиться своевременной и полной уплаты налогов, очевидно, что этой цели оно не достигло.

Зато достигнутой в ходе реформы оказалась другая цель: увеличение численности тяглого населения посредством включения в его состав новых категорий тяглецов. Начиная с 1620-х гг. задворные люди, во-первых, в большинстве случаев сидели на пашне «своими дворами», будучи неотличимыми от крестьян и бобылей, а, во-вторых, их было невозможно включить в сошное письмо, поскольку живущая четверть состояла лишь из крестьянских и бобыльских дворов. Полагаем, что взрывной рост численности задворных людей подтолкнул правительство к идее рассчитывать налогооблагаемую базу для разверстки стрелецкого хлеба исходя из численности дворов, в том числе, задворных людей. Об их включении в тягло говорится в указах 2 сентября и 9 октября 1679 г. [3]. Включение задворных людей в тягло обозначило, с одной стороны, переломный момент в процессе закрепощения сельского населения, а с другой стороны, переход к новой системе взимания налогов.

Выдвинутая гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании путем систематического изучения приказной документации, однако уже сейчас возможно сделать предварительные выводы. Сформулированная в 1885–1886 гг. В.О. Ключевским концепция закрепощения была основана на представлении о влиянии кабального холопства на крестьянс-

¹⁷ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1875. Т. 9. № 89. С. 190.

кую крепость в рамках вотчинного режима. В этом же направлении развивались первые исследования Е.И. Колычевой, изучавшей проблему «холопа на пашне». Приведенные в докладе данные убеждают, что становление крепостного права осуществлялось путем инкорпорации холопов и других маргинальных групп зависимых людей в состав крепостного населения в первую очередь под влиянием государственных указов, вызванных потребностями фиска.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. М., 1915–1916. Т. 1–2.
2. *Воробьев В.М.* Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.
3. *Голубцов И.А.* К истории податной реформы 1679–1681 гг. // Исторический архив. 1959. № 5. С. 155–167.
4. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
5. *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898.
6. *Ключевский В.О.* Подушная подать и отмена холопства в России // Сочинения. М., 1990. Т. 8.
7. *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 2001.
8. *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.) М., 1971.
9. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве. СПб., 1890.
10. *Мацук М.А.* Государственный феодализм: формы феодальной эксплуатации черносошных крестьян и посадских людей Европейского Севера и Приуралья в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991.
11. *Мацук М.А.* Фискальная политика Русского правительства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII в. Сыктывкар, 1998. Ч. I–II.
12. *Панях В.М.* К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. Т. V. М., 1956. С. 210–230.
13. *Устюгов Н.В.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 221–222.
14. *Хелли Р.* Холопство в России 1450–1725. М., 1998.
15. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIX. Л., 1987. С. 113–115.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЛОГОВАЯ ПРАКТИКА НА ВЯТКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается фискальная политика и налоговая практика в Вятском крае в первой половине XVIII века, в том числе использование армейских команд для изъятия податей с населения.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, история Вятского края, фискальная политика и реальная налоговая практика.

Территория Вятского края в XVIII веке обнимала собою обширный район северной части России в бассейне реки Вятки, примыкая на юге и северо-востоке к бассейну реки Камы, а на востоке по притоку Вятки рекой Чепцой к северо-западному Приуралью. Северной границей края служил водораздел между реками Юг и Луза. Притоки Вятки – Великая, Молома, Кобра связывали по притокам Северной Двины – Сысолой, Лузой, Югом край с Поморьем. Таким образом, разветвленная водная сеть обеспечивала благоприятную возможность для экономических и демографических контактов с Уралом, Западной Сибирью, Башкирией, Поволжьем и центром страны. При проведении губернской реформы в 1708 г. Вятский край был отнесен к Сибирской губернии, в составе которой он находился до 1727 г. С этого времени он вошел в Казанскую губернию как одна из ее провинций. Подобно другим регионам европейского Севера в периоды Средневековья и раннего Нового времени, Вятский край отличался преобладанием среди населения чернососного (с XVIII века – государственно-го) крестьянства, сосредоточенного в Хлыновском, Слободском, Шестаковском, Орловском, Котельничском, Кайгородском уездах.

Изученные источники, извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов – Сената, Камер-коллегии, Дюймовочной канцелярии, Казанской губернской и Вятской провинциальной канцелярий позволяют исследовать основные аспекты фискальной политики и налоговой практики на Вятке в первой половине XVIII столетия с учетом их как общероссийских черт, так и региональной специфики.

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, arkiy109@rambler.ru; Россия, г. Москва.

Государственная власть абсолютистской России рассматривала население Вятского края — черносошных крестьян и посадских людей, прежде всего как источник пополнения казны через налоги и армии посредством рекрутских наборов. В первой половине XVIII в. подушная подать и оброчные сборы, введение паспортной системы, жесткая регламентация миграции и отхода на заработки стали важнейшим стержнем внутренней правительственной политики [1; 2]. На Вятке проведение указанного курса было вменено в обязанности провинциального воеводы, чиновников административных учреждений и сборщиков налогов. Им в помощь придавались воинские команды, применявшие к неплательщикам меры принуждения — батоги, плети и даже оружие. Касаясь уровня фискальных повинностей вятского населения и степени их выполнения в первой половине XVIII в., отметим наиболее значимые явления и факты.

В первое десятилетия этого столетия с интенсификацией в условиях Северной войны правительственных мероприятий по укреплению обороны страны, связанных с мобилизацией рабочих людей на строительство заводов на Урале, новой столицы — Петербурга, крепостей на юге и юго-западе, произошел массовый отток крестьян Вятки в северное Приуралье, Урал и Сибирь. Переписная книга Филипповой слободки и Ошланской волости Хлыновского уезда 1706 г., составленная по указу Ратуши приехавшим из Москвы бурмистром Иваном Кудриным и вятчанами — бурмистром Михаилом Пашкиным, земским старостой Федором Сунцовым «с товарищи», зафиксировала 468 пустых дворов. Из 210 дворов (44,9 %) владельцы ушли «безвестно» или «сбегли с Вятки». В ряде случаев указана и конкретная причина запустения дворов формулой — «от набора солдатства збег с Вятки». Побегι участились и в связи с набором рабочих людей к «городовой службе» на строительство фортификационных сооружений в Архангельске и Таганроге². В немалой степени отток вятского населения был вызван и введением в 1706 г. сбора с жителей вятских уездов, помимо несения ими традиционного тягла, дополнительных денег на содержание ямских станций на новом тракте Москва — Петербург (по 1 руб. с выти), «устройство» Устюжского драгунского полка (1408 руб.), покупку провианта и фуража для гарнизонов крепостей, «строение фузей и пистолей»³. В 1715 г. в Слободском уезде были обнаружены 27 человек, прежде бежавших от набора в рекруты. Их отослали в Москву вместе с взятыми с волости «штрафными» 148 руб. В Хлыновском уезде таковых оказалось больше — 66 человек, хотя «штрафнею» сумму удалось собрать меньшую — 46 руб. 11 коп.⁴ В ходе проведения

² РГАДА. Ф. Поместного приказа. № 1209. Оп. 1. Кн. 1097. Л. 1–31 об., 115.

³ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 1. Кн. 154. Л. 208, 342 об., 713, 760–769 об., 848, 1107.

⁴ Там же. Л. 438–438 об.

первой ревизии в 1724 г. взыскано на Вятке с пропущенных при переписи 4006 «крестьянских и половничьих..., бобыльских» дворов, а также 1611 дворов в архиерейских и монастырских вотчинах, 2343 дворов «иноверческих тотарских, бесермянских и отяцких», 3563 дворов «приписных к Вятской провинции в Кайгородке и Кунгурских городех с уезды», в Зюздинской и Колышской волостях, «да в Кунгурском уезде тотарских же, черемисских, отяцких и чувашских оброчных и ясашных 656 юрт». Со всех них по окладу надлежало собрать 13195 руб. К тому же в «деревенских владениях» вятских купцов и состоятельных посадских людей имелось 1896 дворов, населенных крестьянами-половниками и обложенных «десятой деньгой»⁵.

Наблюдавшая за ходом первой подушной подати на Вятке и выполнении населением государственных фискальных повинностей команда гвардейских солдат во главе с Петром Жулебиным грозила «цепями» за медлительность в подаче в Казанскую губернскую канцелярию и Сенат подушных «сказок» и недобор денег не только волостным старостам, но и местным чиновникам, включая вятского провинциального воеводу И.В. Воронцового. Как видно из ведомости комиссара Гордея Тряпицина о реально поступивших «окладных и запросных» деньгах, вятские крестьяне и посадские люди выплатили налоги, возросшие с 1720 по 1724 год с 4468 до 10210 руб.⁶

В 30-е годы XVIII в. на население Вятской провинции была возложена новая повинность — сбор четырехгривенных денег на нужды сформировавшегося в это время лейб-гвардии Конного полка. По именному указу императрицы Анны Иоанновны от 20 декабря 1730 г. надлежало собрать с жителей вятских уездов «на покупку лошадей и на строение мундира и аммуниции ... потребных денег 9683 рубля». Тогда же с местных крестьян и посадских людей взимали деньги на «устройство... в Измайловском полку... трех баталионов и одной гренадерской роты», а также на покупку в немецких городах Киле и Любеке 1410 «строевых лошадей» и строительство «полковых квартир». В этот же период с 1731 по 1736 год в Казанской губернии, в том числе и входившей в нее Вятской провинции, проводился массовый сбор денег на ремонт крепостей⁷.

Войны «за польское наследство» (1733–1735 гг.), с Крымским ханством и Турцией (1735–1739 гг.) привели к еще большему усилению фискального пресса, что вызвало открытое возмущение вятского населения. В 1737 г. офицеры Ингерманландского полка, посланные на Вятку для «понуждения» к сборам крестьян, доносили Сенату о невоз-

⁵ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 1. Кн. 154. Л. 440–482.

⁶ Там же. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 425. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–47 об.

⁷ Там же. Ф. Сената. № 248. Оп. 7. Кн. 386. Д. 26. Л. 213.

возможности их «доимки». По словам «геодезии подпоручика» Акима Клешина, который «репортовал» сенаторам, «уездные люди крестьяня... в скудость вошли», а поэтому «при сборе с них подушных денег... збирается... близ половины суммы». Расследование причин «недоимки» выявило произвол местных чиновников — «приходчиков..., подьячих, рассыльщиков», которые насильно «берут... с них взятки», самовольно «ездят на их лошадях» без уплаты «прогонных денег», к тому же крестьян «... згоняют в мирские избы и бьют... кнутьем... и плетями, и батожьем». Оказалось, что и волостные старосты «собираемые с народа деньги удерживают за собою», а «в казну не все собранные отдают», а провинциальный воевода Скрипицын незаконно завладел черносошной деревней Пунгинской в Березовском тяглом стане, «и во оной ево воеводский скот содержит, и хлеб на него крестьяне сеют и травы косят», а «... за жителей в той деревне крестьян...подушных денег ...не платитца, и от того на тот стан доимка умножается»⁸.

По второй ревизии середины 40-х годов XVIII века на Вятке было учтено 145403 души м.п., положенных в подушный оклад. Из них 108 тысяч составляли государственные крестьяне. Общий годовой оклад с них исчислялся в 146539 руб. 40 коп. Однако полностью взыскать эту сумму властям не удалось. Более того, недоимка росла, достигнув за четверть века с 1724 г. внушительной суммы в 369948 рублей 14 копеек, тем самым превзойдя годовой оклад в 2,5 раза⁹.

Действовавшая в Казанской губернии с 1744 г. комиссия «правлящего прокурорскую должность» капитана гвардии Родионова в составе майора Колюбакина, поручика Болванова и прапорщика Левашёва, имевшая повеление Сената выяснить, «для чего оная доимка так долго упущена и не взыскана», не смогла его выполнить. Ей удалось собрать только 2250 руб. подушных денег, причитавшихся по окладу за 1749 г.¹⁰ Как видно из росписных списков вятских провинциальных воевод А. Писарева (1743–1745 гг.), Н. Чемодурова (1745–1746 гг.), И. Постельникова (1747–1750 гг.), нарастание недоимок обуславливалось в значительной степени начавшимися волнениями крестьян [3], а также частыми неурожаями. Так, в 1736 г. в вятские волости был разослан указ провинциальной канцелярии с требованием сообщить, «каковы 735 году в лето урожаем, ужином и умолотом хлеба были». Ведомости, поступившие из 22 волостей и церковных владений, свидетельствовали о массовом «недороде» зерновых культур. Например, в Курчумской архиерейской вотчине на высев ржи ушло 2160 четвертей семян, а при умолоте было собрано только 1935 четвертей. К этому можно добавить и фактор запустения пашни. Даже в многочисленных вотчинах

⁸ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 8. Кн. 456. Д. 33. Л. 353–357, 449.

⁹ Там же. Оп. 12. Кн. 679. Д. 95. Л. 1462.

¹⁰ Там же. Оп. 15. Кн. 894. Л. 363–363 об.

Вятского Успенского Трифонова монастыря не удалось засеять 5676 десятин пашенной земли. Причина такой «пустоты» объяснялась тем, что «...которая пустота имеется..., то де за убылыми душами — умершими, беглыми, в рекруты взятыми, понеже хотя оставшие крестьяне, то старые, дряхлые и несемьянистые... выпаживать земель не вымогают».¹¹

Указанные факторы привели к несоответствию платежеспособности крестьянских хозяйств уровню возложенных на них податных повинностей. И хотя «... неплательщиков бьют батоги и содержат в колодках», крестьяне, «покиня дома свои в пуге, бегают и укрываются», доносили в Сенат члены вышеупомянутой комиссии¹².

Собираемые с таким нажимом на податное население Вятки деньги в середине XVIII в. в первую очередь предназначались на содержание государственного аппарата [4]. Сенат по доношению Камер-коллегии 5 июня 1757 г. направил Вятской провинциальной канцелярии особую «табель», по которой следовало собрать с населения и «отослать» в Петербург значительные суммы на нужды сенатских Печатной и Раскольнической контор, Ревизион- и Мануфактур-коллегий, Тайной канцелярии, Главного комиссариата, Ямской канцелярии, Троицкой пограничной таможни, Канцелярии конфискации, Цалмейстерской конторы и других учреждений Камер-коллегии, ведавшей всеми фискальными сборам в стране, предназначались 17058 рублей¹³.

Необходимость уплаты денег как «доимочных», так в особенности «недоимочных» толкала податное население к поиску источников их приобретения. Сохранился документ о курьезных способах этого. В мае 1758 г. ассессор Василий Кремнёв «репортовал» Камер-Коллегии об обнаружении в деревне Михеевской Троицкой волости Хлыновского уезда у крестьян Ивана Ковригина, Никиты и Михея Ходыревых, Козьмы Зыкина «за полем в логу корчемного вина в два медных котла с четырьма медными трубами,... в которых помянутые крестьяне вино курили». Знал об этом местный поп Семион Сингирёв, у которого «на дворе ево в... чулане в яме...два винокуренные медные котлы... и две трубы медные ж, в которых помянутые крестьяне вино курили». На допросе в Вятской провинциальной канцелярии неудачливые винокуры объясняли свой преступный поступок желанием продать вино для «изыскания» средств на уплату недоимок¹⁴.

¹¹ РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 425. Оп. 2. Д. 59. Л. 9.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 178. Л. 85–86.

¹³ Там же. Ф. Камер-коллегии. № 273. Оп. 1. Часть I. Д. 2546. Л. 112–112 об.

¹⁴ Там же. Ф. Камер-коллегии. № 273. Оп. 1. Часть I. Д. 3437. Л. 3–3 об.

Вышеизложенное позволяет заключить, что население Вятского края, испытывая тяготы правительственной налоговой политики, оказывалось не в состоянии выпутаться из финансовой кабалы, сопряженной с корыстолюбием местных чиновников и насилием со стороны присланных из центра воинских команд. Систематическое нарастание недоимок явилось прямым следствием недостаточного экономического потенциала крестьянского хозяйств.

Литература

1. *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. Киров, 1956.
2. *Колесников П.А.* Северная деревня в XVII – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
3. *Комиссаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х годах XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1965.
4. *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

НАСЕЛЕННОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА КАК ФАКТОР ДОХОДНОСТИ ИМЕНИЯ И ТЯГЛОСПОСОБНОСТИ КРЕСТЬЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1730-Х ГГ.)

В работе рассматривается вопрос о влиянии населенности крестьянского двора на доходность помещичьих имений. Автор приходит к выводу о наличии прямой зависимости между размерами вотчины и населенностью двора. В статье доказано, что в крупных и, отчасти, в средних имениях повинности в расчете на душу и двор были ниже, раскладка повинностей была более равномерной, а платежеспособность крестьян выше, чем в мелких вотчинах. Чтобы объяснить эту закономерность, автор предложил гипотезу об «оптимальной» населенности крестьянского двора.

Ключевые слова: крестьянский двор, населенность, трудовой потенциал, дворянское землевладение, налогообложение, повинности.

Изучение населенности крестьянского двора занимает важное место в историографии российской деревни периода Средневековья и раннего Нового времени. Это объяснимо, поскольку от обеспеченности крестьянской семьи рабочей силой зависели как ее имущественный достаток, так и способность платить государственные подати и нести владельческие повинности.

Актуальным и, вместе с тем, малоисследованным аспектом этой проблемы продолжает оставаться вопрос о наличии взаимосвязи между средней населенностью крестьянского двора (а, следовательно, его производственными возможностями, тяглоспособностью) и размерами помещичьего имения [7, с. 36]. В литературе на этот счет существуют различные точки зрения. То, что в крупных поместьях и вотчинах наблюдалась более высокая населенность двора, в частности, отмечали В.Д. Назаров, Ю.А. Тихонов, М.Ф. Прохоров [12, с. 155, 159; 14, с. 47]. Согласно же подсчетам других авторов, такой закономерности не прослеживалось [19, с. 43].

Целью настоящей работы является выявление указанной взаимосвязи на основе материалов подворных ревизий начала 1730-х гг. Для анализа были привлечены данные двух переписей: Ингерманландии

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

(И.А. Шипова) и малороссиян, проживавших в Слободской Украине и на территории смежных русских уездов (М.С. Хрущева)². Итоги статистической обработки источников сведены в таблицу 1³.

Таблица 1

Населенность двора в Ингерманландии и Слобожанщине

размер имения	Ингерманландия				Слобожанщина			
	\bar{x} (душ на двор)	Med (душ на двор)	V (душ на двор)	r (дворов, душ)	\bar{x} (душ на двор)	Med (душ на двор)	V (душ на двор)	r (дворов, душ)
крупные	3,96	3,84	15 %	0,97	5,01	4,61	38 %	0,96
средние	4,05	3,83	36 %	0,87	4,43	4,13	45 %	0,68
мелкие	3,41	3,08	44 %	0,84	4,01	3,17	67 %	0,68

Условные обозначения: \bar{x} – среднее арифметическое, *Med* – медиана, *r* и *V* – коэффициенты корреляции и вариации. В скобках даны аргументы функций. К крупным отнесены имения с населенностью более 100 душ мужского пола, к средним – от 21 до 100, к мелким – до 20.

Представленные данные полностью подтверждают мнение, что населенность крестьянского двора в вотчинах крупных и средних размеров была выше нежели в мелких имениях. Очевидно, выявленная зависимость не является случайной. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что крупные (и отчасти средние) землевладельцы имели больше возможностей для «оптимизации» состава и структуры населения двора с целью максимального увеличения производственного потенциала и доходности крестьянского хозяйства. Также можно предположить, что экономическая эффективность крупных имений (в расчете на один двор) была выше, нежели мелких.

Обратим внимание на коэффициенты вариации (V). Показатели средней населенности двора в крупных вотчинах более однородны и менее вариативны, чем в мелких (по обоим регионам). Следовательно, повышение производственных возможностей и платежеспособности крестьянского двора за счет роста его населенности имело свой предел (разный, в зависимости от региона). Дальнейшее увеличение населенности сверх «оптимального» регионального показателя уже не давало ожидаемых результатов. О том же говорят коэффициенты корреляции двух рядов данных (количество дворов и душ мужского пола

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1106. Л. 147–238; Кн. 1110. Л. 1865–1952. Подворные переписи после введения подушного налогообложения проводились лишь на окраинах страны, поэтому мы ограничены в выборе источников. Из «Ведомости малороссийского народа» при подсчете использовались данные 1732 г. По сравнению с ранее опубликованными тезисами, показатели по Слободской Украине пересчитаны (удален один «выброс» – крупное имение с населенностью двора 32,4 души мужского пола).

³ В таблице и далее по статье коэффициенты корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

в имени). В крупных вотчинах они самые высокие ($r = 0,97$ и $0,96$), а взаимосвязь числа дворов и крестьян близка к линейной.

Гипотеза об «оптимальной» населенности двора позволяет уточнить, имения каких размеров могли в полной мере использовать свой производственный потенциал, а какие – нет. Возьмем за основу группу крупных вотчин (с числом душ мужского пола более 100) и посмотрим, как будет меняться коэффициент вариации населенности двора при последовательном добавлении к исходной выборке имений меньших размеров с «шагом» в 10 душ мужского пола (рисунок 1).

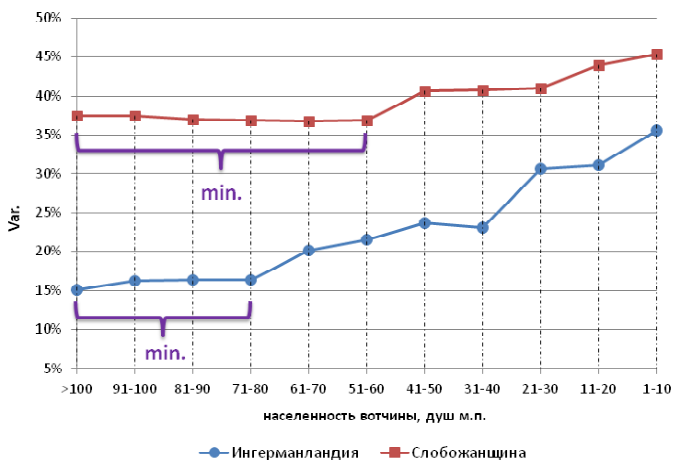

Рисунок 1. Вариативность показателя (душ мужского пола на двор)

Обратим внимание на левую часть обоих графиков, где коэффициент вариации стабилен и минимален для каждого региона. Показатели населенности двора здесь наиболее плотно группируются вокруг некоего «оптимального» значения и мало зависят от размера вотчин. По нашему предположению, именно в этих имениях достигалось эффективное распределение трудовых ресурсов. В Ингерманландии это вотчины свыше 70 душ мужского пола ($V = 15-16\%$), а в Слобожанщине – свыше 50 душ ($V = 37-38\%$)⁴. Более низкий «порог» для Черноземья,

⁴ Помещичьих имений с населенностью более 70 душ мужского пола в Ингерманландии было 25 %, в Московской провинции – 18 %. В черноземных Орловской и Севской провинциях к категории «свыше 50 душ» относилось 33 % вотчин. Подсчитано по ведомостям рекрутского набора 1737–1738 гг. – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1161. Л. 4–590; Кн. 1163. Ч. 1. Л. 218–334. Аналогичный расчет по Слобожанщине будет некорректен, поскольку в «Ведомость малороссийского народа» не внесены имения с «малым числом подданных» – «по двору и по два» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1106. Л. 237).

по всей видимости, объясняется высокой урожайностью почв, когда часть некрупных вотчин могла снизить издержки производства.

То, что крупные вотчины имели более высокую экономическую эффективность, чем мелкие, косвенно признавало и правительство. В самом общем виде этот тезис был выражен в преамбуле указа 1714 г. о единонаследии, где содержалась критика традиции дробления собственности⁵. Впоследствии позиция власти относительно критериев имущественной состоятельности дворян конкретизировалась. Так, по указу 26 апреля 1740 г. при отставке с военной службы владелец имений с общей населенностью более 70 душ мужского пола должен был поставить в армию одного или нескольких рекрут. Для собственников 20–70 душ сдача рекрут заменялась денежным сбором, а с владельцев менее 20 душ предписывалось «ничего не брать»⁶. Фактически власть обозначила ту границу (70 душ), при достижении которой дальнейшее сокращение числа работников наносило ущерб производственным возможностям крестьян и подрывало благосостояние землевладельцев. Для собственников самых мелких имений (менее 20 душ), как видим, были непосильны даже денежные выплаты⁷.

Теперь рассмотрим распределение крестьянских повинностей в имениях разных размеров. В материалах переписи И.А. Шипова сохранилась ведомость, где по каждой вотчине Ингерманландии приведены сведения о пашне «при шведском владении» и в период проведения переписи 1732–1733 гг.⁸ В качестве единицы измерения в ведомости используется шведская «опса» (которая равнялась 8 дням или осьмушкам). Если в имении не было «старожилов», которые могли сообщить переписчикам нужные сведения в опсах, то информация о пашне давалась в десятинах⁹. Как будет показано далее, в опсах указывал-

⁵ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. 5. № 2789. С. 91.

⁶ ПСЗ. Т. 11. № 8081. С. 95–96. В указе речь шла об общем количестве крепостных (не по имениям), включая приданое.

⁷ См. также: [17, с. 51, 54, 121].

⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1865–1910. На эту ведомость обратил внимание еще С.М. Троицкий. [15, с. 121].

⁹ Данные в опсах указаны по 177 имениям, в десятинах – по 22, в 5 случаях использованы обе величины. Показатели в десятинах даны по формуле «в одном поле, а в дву по тому ж». Как видим, И.А. Шипов несколько драматизировал ситуацию, когда в своем доношении от 15 октября 1732 г. писал: «при шведском владении земли, называемой по их званию тягла опса, ... самое малое число из обывателей показывает, понеже из оных большая часть объявляет, что о том мало знают, а другие и весьма не знают ...». РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1850, 1855.

ся размер крестьянского тягла, а в десятинах — общий размер крестьянской пашни.

Для начала остановимся на самом термине «опса». Происхождение этого слова (ед. ч. *obs*, мн. ч. *obser* или *obBer*¹⁰) было связано с новгородской тяглой единицей — обжой [2]. В XVII столетии, когда новгородские земли находились под властью Швеции, одна опса (*obs*) равнялась по площади 30 туннландам (*tunnland*¹¹) и составляла 14,81 гектара или 13,55 десятины [3, с. 60; 1, с. 340]. Обратим внимание, что размер шведской опсы был весьма близок к размерам новгородской обжи в конце XVI столетия — 15 десятин в трех полях [4, с. 383, 390]¹². С одной опсы платилось 13½ талеров «силберминцов» (*daler silvermynt*)¹³, 6 бочек ржи, 5 бочек ячменя, 6 бочек овса «да на 304 дня работы». При стоимости дня работы в 2 эре (*ure*)¹⁴, ржи и ячменя 2¼ талера за бочку, овса 1⅛ талера за бочку, общая сумма крестьянских повинностей с одной опсы составляла 64 талера¹⁵. Расчет в рублях, произведенный в начале 1730-х гг. генерал-директором Главной дворцовой канцелярии Г.-Г. фон Розеном, показывает, что с каждой опсы «при шведах» платилось «подымных, подушных и всяких других доходов и с работами» 48 руб. в год. Из указанной суммы в казну на содержание рейтарских полков шло по одной четверти ржи, овса и жита, 15 пудов сена и 4 рубля рейтарских денег¹⁶. Исходя из цен на хлеб и сено, которые указал Розен, государственные платежи с одной опсы составляли 7 руб. 25 коп.¹⁷

Сопоставим данные о населенности имений и крестьянских повинностях. Сразу оговоримся, что эти расчеты моделируют гипотети-

¹⁰ Варианты написания слова «опса» в шведских окладных книгах см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1121. Л. 145 об.—146.

¹¹ 1 туннланд = 14000 квадратных локтей (aln) = 4936 квадратных метров ≈ 0,5 гектара.

¹² Межевая инструкция 1766 г. также предписывала межевать на каждую обжу по 10 четвертей в поле или 15 десятин в трех полях (ПСЗ. Т. XVII. № 12659. Гл. 5. П. 16. С. 737).

¹³ Шведский талер серебром.

¹⁴ Разменная шведская монета равная 1/32 талера.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1121. Л. 19, 188.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1850. Расчет Г.-Г. Розена (1732 г.) основан на следующих ценах: рожь и ячмень за четверть по 1 руб., овес за четверть — 80 коп., сено за пуд — 3 коп. При предварительной раскладке фуража на Конный полк (1733 г.) использовались более высокие цены: овес за четверть — 0,9–1,3 руб., сено за пуд — 8–12 коп., солома за сноп — 1,5–3,5 коп. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 566).

¹⁷ Розен приводит пример по Ямсковицкой мызе, где с 21 опсы в пользу казны платилось 152 руб. 25 коп.

ческие повинности крестьян Ингерманландии в 1732–1733 гг. при использовании шведской системы налогообложения XVII столетия¹⁸. Расчет коэффициентов корреляции показывает высокую взаимосвязь между размерами тягла по всей вотчине (опс) и ее населенностью (души мужского пола, дворы) ($r = 0,68$ и $0,69$, соответственно). После удаления на диаграмме рассеяния четырех «выбросов», показатели достигают $0,78$ и $0,79$. Группировка имений по размеру дает более низкие значения: в крупных – $0,52$ и $0,54$, в средних – $0,53$ и $0,54$, а в мелких – $0,35$ и $0,34$ ¹⁹. Как видим, взаимосвязь между числом рабочих рук и размерами тягла в крупных и средних имениях была существенной ($r^2 = 0,27–0,28$), а в мелких – низкой ($r^2 = 0,12$)²⁰. Более подробные данные о повинностях крестьян сведены в таблицы 2–3.

Таблица 2

Повинности крестьян Ингерманландии

размер имения	опс на двор		опс на душу мужского пола		руб. в год с души мужского пола*	
	\bar{a}	<i>Med</i>	\bar{a}	<i>Med</i>	\bar{a}	<i>Med</i>
все	0,172	0,129	0,049	0,034	2,37	1,66
крупные	0,153	0,125	0,040	0,031	1,90	1,50
средние	0,146	0,125	0,038	0,034	1,81	1,66
мелкие	0,265	0,150	0,091	0,056	4,37	2,67

Условные обозначения: \bar{a} – среднее арифметическое, *Med* – медиана.

* Суммарно в пользу землевладельца и казны из расчета 48 руб. с опсы.

Таблица 3

Неравномерность распределения тягла, %

размер имения	V (опс на двор)	V (опс на душу мужского пола)
все	110	129
крупные	81	88
средние	76	86
мелкие	129	127

Условные обозначения: *V* – коэффициент вариации. В скобках даны аргументы функций.

¹⁸ Подчеркнем, что данные о населенности вотчин и размерах тяглой пашни в опсах являются синхронными (на 1732–1733 гг.).

¹⁹ Удаление «выбросов», в случае группировки по размеру, влияния на выявленную тенденцию не оказывает.

²⁰ Приведенные коэффициенты детерминации (r^2) со всей очевидностью показывают, что число рабочих рук – не единственный фактор при распределении тягла, независимо от размеров вотчины.

Из таблиц следует, что в расчете на двор и душу мужского пола повинности в мелких имениях были выше, чем в крупных и средних вотчинах (в двух последних группах они примерно одинаковы). Та же закономерность наблюдается по крестьянским платежам. В имениях крупных и средних размеров раскладка тягла (по дворам и душам) являлась более равномерной. В целом, мы можем заключить, что практическая реализация принципа равномерности и посильности распределения повинностей в мелких имениях была затруднена.

Если опираться на расчеты Розена, то при использовании российским правительством шведской системы, платежи в казну должны были составлять 36 коп. с души мужского пола, а землевладельцу — 2 руб. 1 коп.²¹ По средним значениям из таблицы 2 можно вычислить размеры тяглой пашни (опс) на одну душу мужского пола — 0,67 десятины и на двор — 2,33 десятины. На одну опсу приходилось 20,24 души мужского пола²². Для сравнения, в имениях, где размеры пашни указаны в десятинах, на одну душу мужского пола приходилось 3,92 десятины, а на двор — 17,1 десятины в трех полях²³. По расчетам И.Д. Ковальченко, душевой показатель в 3,5–4 десятины в трех полях был близок к максимуму производственных возможностей однолошадного крестьянина [8, с. 279–281]. Поскольку данные о «десятинной пашне» нам известны лишь по 22 имениям, то приведенные цифры следует считать лишь приблизительной оценкой площади крестьянской запашки. Но даже в этом случае очевидна существенная разница размеров пашни в имениях, где она указана в десятинах и в опсах. Подобное расхождение можно объяснить лишь тем, что первый показатель относился ко всей крестьянской пашне, а второй — непосредственно к тяглу земледельца²⁴.

Как известно, по указу от 3 октября 1733 г. с населения Ингерманландии должен был собираться фураж на лейб-гвардии Конный полк²⁵.

²¹ Государственные платежи «при шведском владении» — 7 руб. 25 коп. с опсы. В 1732 г. на душу мужского пола в среднем приходилось 0,049 опс с общим платежом в 2 руб. 37 коп. (см. таблицу 2). Расчеты: 7,25 руб. * 0,049 = 0,36 руб.; 2,37 руб. — 0,36 руб. = 2,01 руб.

²² Расчеты: 13,55 десятины в одной опсе * 0,049 опс на душу мужского пола = 0,67 десятины на душу мужского пола; 13,55 десятины в одной опсе * 0,172 опс на двор = 2,33 десятины на двор.

²³ Чтобы сгладить влияние «выбросов» (значений нехарактерных для вариационного ряда), при расчете размеров «десятинной пашни» на душу и на двор использовались не средние значения, а медиана.

²⁴ Источники, которыми мы располагаем, не позволяют определить как качество земли и обеспеченность угодьями влияли на оценку платежеспособности крестьян (в опсах).

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 573.

Согласно ведомости 1737 г., на фуражный платеж, в общей сложности, было положено 45533 душ мужского пола, разделенных на $2276\frac{2}{3}$ «платежных двора» по 20 душ мужского пола в каждом. В год с каждого платежного двора полагалось внести в казну $5\frac{1}{2}$ четвертей овса (всего $12521\frac{2}{3}$), 55 пудов сена ($125216\frac{2}{3}$) и 91 сноп соломы ($207176\frac{2}{3}$)²⁶. Соответственно, на душу мужского пола приходилось 0,28 четвертей овса, 2,75 пудов сена и 4,55 снопов соломы. Расчет по ценам, приведенным Розеном, показывает, что общая стоимость фуража с души мужского пола составляла 37 коп. в год²⁷. Следовательно, «номинальный» уровень (без учета колебания цен) государственных повинностей населения Ингерманландии в 1730-х гг. соответствовал тому, который был «при шведском владении». Схожей была и модель налогообложения. Окладной единицей стал «платежный двор» в 20 душ мужского пола (столько же приходилось на одну опсу)²⁸. Таким образом, несмотря на полную смену состава землевладельцев (по сравнению со «шведским периодом»), правительство выбрало курс на осторожную интеграцию Ингерманландии в состав России с сохранением традиционной модели и размеров налогообложения. Этот подход власти следует признать весьма рациональным, поскольку даже в 1730-х гг. свыше 70 % населения региона составляли крестьяне-«старожилы»²⁹.

Являлся ли фуражный платеж посильным для крестьян? Есть ли зависимость между размерами вотчины и крестьянскими недоимками? Обратим внимание на *таблицу 4*⁰.

Как видим, средние ежегодные недоимки по периоду составляли 11 % фуражного оклада. Львиная доля этой суммы (96–97 %) приходилась на крестьян, проживавших на землях различных ведомств: Канцелярии от строений, Дворцовой конторы, Придворной конюшенной конторы, Канцелярии кадетского корпуса, Адмиралтейской коллегии и Вотчинной канцелярии цесаревны Елизаветы Петровны. Долг также

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1107. Л. 660–660 об. При расчете общих объемов фуража в ведомости допущены незначительные арифметические ошибки: $12521\frac{1}{2}$ четвертей овса, $125215\frac{3}{4}$ пудов сена, 207175 снопов соломы.

²⁷ В этом расчете цена соломы принималась в 1,5 коп. за сноп. По расчетам 1733 г. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 394. Л. 566), стоимость фуража, в зависимости от конъюнктуры цен, могла составлять от 54 до 85 коп. с души мужского пола.

²⁸ Особенности шведской системы налогообложения в Ингерманландии XVII в. несомненно требуют отдельного изучения, но факт «превращения» спустя несколько столетий новгородской обжи, как окладной единицы, в платежный двор интересен сам по себе.

²⁹ Подсчет по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1956–1960. См. также: [15, с. 118–119; 13, с. 533].

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1107. Л. 661–671.

числился за 11 % помещичьих имений³¹, но составлял лишь 2–3 % от общей суммы. Оставшийся 1 % недоимок приходился на монастырских крестьян, ямщиков и другие категории населения. Структура задолженности была различной: у ведомств она являлась «хронической» (вплоть до четырех лет), у большинства помещиков – только за последние один-два года. Очевидно, часть сумм, недоплаченных помещичьими крестьянами, лишь формально можно считать недоимками, фактически же они являлись задержкой платежа.

Таблица 4

год	в абсолютных значениях			доля от годового оклада, %		
	овес, четвертей	сено, пудов	солома, снопов	овес, четвертей	сено, пудов	солома, снопов
1734	1168,45	12061,00	20436,50	9,3	9,6	9,9
1735	1295,53	12955,25	21435,15	10,3	10,3	10,3
1736	1330,45	13346,75	22234,00	10,6	10,7	10,7
1737	1492,55	16461,25	28655,00	11,9	13,1	13,8
всего	5286,98	54824,25	92760,65	10,6	10,9	11,2

Приведенные подсчеты полностью подтверждают выводы современных исследователей о высокой собираемости прямых налогов в первой половине XVIII в. Так, недоимки по основному налогу этого времени, подушной подати, по данным С.М. Троицкого, составляли 7–14 % годового оклада (середина XVIII в.), Е.В. Анисимова – 6,2 % (1724–1727 гг.), Н.Н. Петрухинцева – 2,2–6,6 % с ростом «текущей недоимки» в военные годы до 12–14 % (1730-е гг.), Е.С. Корчминой – 8 % (1724–1740 гг.) [16, с. 126; 5, с. 267; 13, с. 632, 639–640, 673; 18, с. 21; 9, с. 77–91].

Проанализируем размеры ежегодных недоимок по помещичьим владениям, внесенным в ведомость 1737 г. (31 вотчина, 54 случая неплатежа). Пересчет фуражной задолженности на деньги дает следующие результаты. В 48 случаях задолженность равнялась полному душевому окладу (37 коп. в год). В эту категорию попали 45 мелких вотчин и 3 имения средних размеров. Среди неплательщиков части оклада (от 1 до 13 коп.) была 1 мелкая вотчина, 2 средних и 3 крупных. В самых населенных имениях, действительного камергера гр. Ф.А. Апраксина (490 душ мужского пола) и тайного советника гр. П.И. Мусина-Пушкина (784 души мужского пола), задолженность составляла лишь 1–2 коп. на душу мужского пола. Расчет коэффициента корреляции показывает статистически значимую обратную зависимость между разме-

³¹ Среди задолжников указано 31 владение. Всего же в четырех уездах Ингерманландии насчитывалось 291 имение (подсчет по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1865–1952).

рами вотчин и душевыми недоимками ($r = -0,75$). То есть, чем крупнее было имение, тем меньше размер задолженности в расчете на одного крестьянина.

Эта взаимосвязь также подтверждается на примере других регионов. Так, по подсчетам Е.С. Корчиной, из 11 провинций Центра и Юга России самый низкий уровень недоимок по подушной подати (около 1 %) наблюдался во Владимирской, Калужской и Орловской провинциях, где доля крупных хозяйств была самой высокой (12–14 %). Там же, где доля крупных владений сокращалась (менее 9 %), недоимки, как правило, росли (до 6 %) [18, с. 34].

Подведем основные итоги.

Тезис о негативном воздействии дробления собственности на благосостояние дворян, крестьянское хозяйство и доходы казны хорошо известен в литературе и восходит к знаменитому петровскому указу о единонаследии 1714 г. Однако, поскольку мы не обладаем надежными сведениями для оценки капиталовложений, трудозатрат и издержек, то «интуитивно понятная» взаимосвязь между размерами вотчины, с одной стороны, и эффективностью производства, с другой, крайне редко подтверждается статистически. Поэтому особый интерес приобретают косвенные признаки, на основе которых мы можем судить об эффективности землепользования и адаптации крестьян к хозяйственным условиям того или иного региона.

Как было показано выше, одним из таких маркеров является населенность крестьянского двора. Анализ материалов подворных переписей Ингерманландии и Слободской Украины начала 1730-х гг. позволил не только подтвердить прямую зависимость населенности двора от размера вотчины. Как оказалось, в крупных (и, отчасти, средних) имениях повинности в расчете на душу и на двор ниже, раскладка тягла более равномерна, а платежеспособность крестьян выше, чем в мелких вотчинах. Чтобы объяснить эту закономерность, в статье предложена гипотеза об «оптимальной» населенности крестьянского двора. По нашей оценке, на Северо-Западе России возможностью снизить издержки и повысить эффективность сельскохозяйственного производства обладали вотчины свыше 70 душ мужского пола, а на Юге страны – свыше 50. По приблизительным оценкам, в целом по России таких имений было около четверти³².

В заключение отметим, что населенность крестьянского двора была тесно связана с общими тенденциями в развитии сельского хозяйства и благосостоянием населения. Так, в XVIII – начале XX в. максимальная населенность двора наблюдалась в период правления Екате-

³² На территории Европейской России в XVIII в. мелких вотчин насчитывалось 59–60 %, средних – 25–32 %, крупных – 8–16 % [11, с. 90].

рины II [6, с. 47–49]³³. Фактически, рост этого показателя стал «компенсационной реакцией» крестьянского хозяйства на резкое увеличение повинностей. Однако, поскольку усиление эксплуатации не было подкреплено соответствующим ростом производства, то это привело к снижению жизненного уровня населения. В XIX – начале XX в. ситуация стала иной: благосостояние крестьян росло (особенно после отмены крепостного права), а населенность двора снижалась³⁴. Сочетание этих двух тенденций свидетельствовало об общей положительной динамике в сельском хозяйстве и увеличении производственных возможностей крестьян.

Литература

1. Nordisk familjebok (Uggleupplagan). Vol. 30: Tromsdalstind – Urakami. Stockholm : Nordisk familjeboks förlags aktiebolag, 1920. 1310 s.

2. Obs // Svenska akademiens ordbok, online version. URL: <http://g3.spraakdata.gu.se/saob/show.phtml?filenr=1/171/74.html> (дата обращения: 28.09.2014)

3. *Ohlander C.* Bidrag Till Kännedom Om Ingermanlands Historia Och Förvaltning: I. 1617–1645. Upsala : Harald Wretmans tryckeri, 1898. 235 s.

4. *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Проблемы источниковедения. Т. XI. М., 1963. С. 364–390.

5. *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982.

6. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.

7. *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.

8. *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

9. *Корчина Е.С.* «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77–91.

10. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII–начало XX века. М., 2012.

11. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в). Т. 1. СПб., 2003.

³³ Без учета периода, когда существовало подворное налогообложение (начало XVIII в.).

³⁴ Об изменении жизненного уровня населения см.: [10, с. 186, 191–196, 212, 515–517, 522–529].

12. Назаров В.Д., Тихонов Ю.А. Крестьянский и бобыльский двор в светских владениях центральных уездов первой половины XVII века // История СССР. 1977. № 4. С. 152–162.

13. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутривластного курса (1730–1740). Дисс.... доктора ист. наук. М., 2001.

14. Прохоров М.Ф., Федюлин А.А. Демографическое положение помещичьих крестьян России в 40–70-е годы XVIII века. М., 2004.

15. Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 109–127.

16. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.

17. Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999.

18. Федюкин И.И., Корчмина Е.С. Местные агенты государства в России в раннее Новое время. М., 2014 (препринт). 48 с. URL: <http://ssrn.com/abstract=2444199> (дата обращения: 22.08. 2014).

19. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996.

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАСЕЛЕНИЕ И АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Подушная подать и другие налоги серьезно влияли на заселение и освоение земель на юго-востоке Европейской России. Они толкали крестьян к бегству на окраины страны, а власти с помощью их регулирования пытались взять это народное движение под контроль.

Ключевые слова: Россия в XVIII–XIX вв., история Поволжья, колонизация, аграрные отношения, фискальная политика.

Многие аспекты заселения и аграрного освоения Заволжья в XVIII – первой половины XIX вв., а также источники и историография по теме уже рассматривались в литературе [6, с. 24–77]. Данная статья посвящена воздействию, которое оказала на эти процессы налоговая политика государства.

Начало массовой земледельческой оседлой колонизации Заволжья следует отнести к 1736 г., когда началось создание Самарской укрепленной линии, в крепостях которой стали поселяться казаки, вошедшие затем в состав нового Оренбургского войска. Главным средством обеспечения себя и своих семей для них стали сельскохозяйственные занятия.

Руководство Оренбургской экспедиции (комиссии) во главе сначала с И.К. Кириловым, а затем – В.Н. Татищевым для обеспечения и укрепления служилыми людьми широко практиковало прием беглых, в основном крестьян разных категорий. Дав согласие на легализацию беглых, правительство потребовало от нового начальника комиссии В.А. Урусова, сменившего Татищева, провести перепись поверстанных на казачью службу [8, с. 192–193].

В ходе этой переписи, проведенной весной 1740 г., выяснилось, что «в регулярные и другие службы» было зачислено 5154 чел. муж. пола беглых и самовольных переселенцев. Из них за вычетом зауральских укреплений в крепостях по рекам Самаре и Яику было переписано 2097 новоприборных казаков, 1567 чел. их родни мужского и 2343

¹ Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, smirnov195503@yandex.ru, Россия, г. Самара.

чел. женского пола, которые оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков, других территориальных единиц России и сопредельных стран².

Подавляющее число беглецов дали города и уезды, расположенные по Волге (677 чел. или 32 % лиц, указавших место выхода)³, по старым пограничным линиям волжского Правобережья (410 чел. или 20 %)⁴, в центральных районах страны (458 чел. или 22 %)⁵. Ближние к Заволжью уезды иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра государства. Так, отец казака А.Т. Резвякова из ямщиков г. Касимова ушел в Алатырский уезд к помещику Акинфому, где и родился его сын, позднее «не похотевший» жить у помещика и «сошедший» в Самару, где пребывало руководство Оренбургской комиссии. Со всех других территорий⁶ пришло в общей сложности 552 чел. или 26 % указавших происхождение.

² Здесь и ниже подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144.

³ Уезды Симбирский – 257 чел., Нижегородский – 152, Казанский – 105, Самарский – 63, Сызранский – 17, Саратовский – 12, Свияжский – 14, Чебоксарский – 10, Курмышский – 5, Тетюшский – 2, города Астрахань – 4, Билярск – 3, Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин – по 1, пригороды Алексеевск – 4, Кашпир – 6, Петровск – 11, Починковская волость – 9.

⁴ Уезды Алатырский – 102 чел., Пензенский – 98, Арзамасский – 79, Саранский – 58, Керенский – 24, Ломовский – 14, Инсарский – 11, Кадомский – 6, Норовчатский – 5, Карсунский – 2, город Мокшан – 1.

⁵ Уезды Костромской – 38 чел., Балахнинский – 21, Пошехонский – 19, Ярославский – 8, Галицкий – 6, Кашинский – 6, Юрьевецкий – 5, Романовский – 5, Устюженский – 5, Углицкий – 5, Унженский – 2, Кинешмский – 1, Тверской – 1, Муромский – 39, Переяславский-Рязанский – 16, Касимовский – 16, Скопинский – 9, Коломенский – 9, Пронский – 6, Темниковский – 4, Михайловский – 4, Каширский – 3, Калужский – 2, Сапожковский – 2, Тульский – 1, Елатемский – 1, Суздальский – 69, Владимирский – 57, Московский – 22, Переяславский-Залесский – 18, Ростовский – 14, Гороховецкий – 12, Вязниковский – 6, Луховский – 6, Юрьев-Польский – 6, Дмитровский – 1, Звенигородский – 1, город Судиславль – 1.

⁶ Слободская Украина – 136 чел., бывшая Гетманщина – 55, Речь Посполитая – 10, Дон – 47, Яик – 105, Сакмарский городок – 2, уезды Уфимский – 71, Вологодский – 17, Белозерский – 7, Новгородский – 5, Олонецкий – 5, Великоустюжский – 3, Важский – 3, Тотемский – 2, Петербургский – 1, Псковский – 1, Каргопольский – 1, Ревельский – 1, Смоленский – 2, Шацкий – 17, Тамбовский – 13, Рязжский – 3, Козловский – 2, Борисоглебский – 1, Воронежский – 5, Елецкий – 5, Ливенский – 3, Рыльский – 1, Кунгурский – 4, Хлыновский – 3, Пермский – 1, Яранский – 1, Елабужский – 1, Кайгородский – 1, Сибирь – 9, Калмыцкая орда – 8.

Из 168 сказок о казаках Красносамарской крепости, не более чем в 10 указывался прямой побег, подобный тому, что совершил крестьянин Арзамасской вотчины графа Скавронского Лукьян Куклев, который ушел без ведома приказчика и старосты в Самару, где определился в казаки. В большинстве случаев передвижение было сложнее, как произошло с П.И. Мухиным, который из дворцовой Юхмоцкой волости Суздальского уезда сошел в с. Селитьбу Нижегородского уезда в вотчину кн. А.М. Черкасского, затем бежал в Симбирский уезд, и только потом в Самару.

Перейдя к социальному происхождению казаков, отметим, что почти 47 % общего числа (983 чел.) — бывшие дворцовые крестьяне. Население дворцовых вотчин более других сохранило фактическую свободу передвижения, чем и могло воспользоваться при необходимости. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось также тяжестью налогов, повинностей и притеснениями раскольников, в том числе в виде увеличенных податей, а их было немало среди жителей этих волостей.

Второе место занимают крестьяне церковных учреждений (327 чел. или 15,6 %). Видимо, контроль за их перемещениями был недостаточно сильным, чтобы прекратить побег. С другой стороны, именно крепким надзором следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел. или 7,6 %), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских. За ними идут (135 чел. или 6,4 %) крестьяне из потомков служилых людей (пахотные солдаты и однодворцы) и ямщики. Выходцы из нерусского крестьянского и служилого населения Поволжья и Приуралья составляют 89 чел. (4,2 %). Число бывших посадских людей — 28 чел. (1,4 %). 366 чел. — казаки (17,4 %), как русские с Дона и Яика, так и украинские.

Самой распространенной в показаниях переселенцев причиной побегов было желание уклониться от подушной переписи и избежать возлагаемых в ходе нее налогов и повинностей. Еще одной причиной называлось разорение от податей, а также вызванный обнищанием голод.

Положение беглеца, скрывавшего самовольный уход, было тяжелым. Положение скрытого другими было не лучше. Сотники, старосты, посадские люди, духовенство и, наконец, воеводы, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд работников, которых держали в повиновении угрозой выдачи. Такая эксплуатация беглых была особенно распространена в Поволжье. Набор в казаки открывал выход из невыносимого положения. Служба на пограничной линии была тяжела, но давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгих страданий и скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним защиту от произвола.

Если на укрепленных линиях власти шли на включение беглых в состав неподатного служилого населения, то на территориях под их защитой практиковалось наделение землей сходцев, скрывавшихся от уплаты подушной подати, на условиях их включения или возвращения в число налогоплательщиков. При этом их не отсылали на бывшие места жительства и не обращали в прежнее состояние.

В 1741 г. близ Самары среди крещеных калмыков, которым отвели здесь кочевья, было решено расселить русских самовольных сходцев, обнаруженных на приволжских землях, пожалованных Новодевичьему монастырю еще в 1683 г. [12, с. 27–28]. Управители его огромной, но малонаселенной вотчины в районе Самарской Луки, охотно принимали и расселяли между своими крестьянами пришлых людей.

На этот раз власти выявили 282 души муж. пола незаконных переселенцев: 144 станичных казака, 34 пахотных солдата, 32 стрельца, 20 посадских людей, 11 ямщиков и записных неводчиков, 41 чел. из бобылей и кузнецов. Они оказались выходцами из Нижегородского, Пензенского и Тамбовского уездов, городов Темникова, Вязников, других мест и все предпочли переселение на левый берег Волги напротив села Новодевичьего возвращению в родные края, удаленные за сотни и даже тысячи верст. Их перевели в разряд ясачных (государственных) крестьян с несением подушного оклада и прочих повинностей. Одновременно давалось указание выяснить, нет ли в вотчине этого монастыря или в других местах еще таковых людей, которых тоже можно подселить к калмыкам. В результате возникли новые слободы Курумоч (Богоявленская), Преображенская (Кошки), Воскресенская (Ягодное). В них русских селили вместе с калмыками, в надежде на то, что кочевники, «живя между крестьян и смотря на них, весьма охотно за кошение сена и за пашню и к строению дворов своих примутся...; к тому ж можно приводить, чтоб калмыки женились на русских, а русские брали калмычек, и тем мешать их с российской нациею» [9, с. 141–142].

Похожим образом поступали с «непомнящими родства», которых, не возвращая на прежние места жительства, расселяли в слободах, которые возникли на Новой Московской дороге в Оренбург. Ссылка на «невозможность» вспомнить свое происхождение, место рождения и прежнего проживания – обычный прием задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам или в прежнее состояние. В 1746 г. Сенат утвердил представление первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева о высылке всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России, на поселение в Оренбургскую губернию. Там их водворяли на Новую Московскую дорогу, обязывая повинностями по ее содержанию и платежом подушной подати наравне с ясачными крестьянами [5, с. 464, 488].

Основание первой слободы, Большой Бугульминской, в литературе принято относить к 1745 г. Сами здешние жители в середине XVIII в.

называли датой ее поселения 1747 год, что более согласуется с началом массового переселения «непомнящих родства» в 1746 г. Эта слобода стала административным центром Новой Московской дороги («Бугульминского ведомства»). Датой своего водворения обитатели Письмянской слободы указывали также 1747 г., а Малой Бугульминской слободы — 1750 г. Бугурусланская слобода была основана около 1748 г. В вышеперечисленных слободах преобладали русские. «Непомнящих родства» из новокрещенной мордвы, как правило, водворяли в селах Мордовский Бугуруслан и Сок Кармала между Бугурусланом и Бугульмой [9, с. 181].

В Бугульминском ведомстве имелись и жители, не положенные в подушный оклад. В тех же селениях, где водворялись «не помнящие родства», были поселены отставные нижние чины, которые также проживали в отдельных поселках, например, Кувацкой слободе. Не обязывались податями и повинностями также некоторые из «непомнящих родства», которые оказывались престарелыми, больными и увечными. Наличие таковых среди людей, высланных на Новую Московскую дорогу, заставило Сенат в 1748 г. разрешить устройство в Бугульме богадельни. В нее первоначально было определено 34 чел., которые «за старостию, дряхлостию и одиночеством к платежу подушного оклада явились ненадежны»⁷. Требования других категорий государственных крестьян о выключке из подушного платежа нетрудоспособных оставлялись властями без ответа [4, с. 89].

Численность «непомнящих родства» в Бугульминском ведомстве, занимавшем восточную часть Самарского Заволжья, составила по 2-й ревизии 2088 душ муж. пола. По 3-й ревизии она возросла до 2222 ревизских душ⁸.

В стремлении взять под контроль потоки переселенцев в Заволжье власти достаточно преуспели после подавления восстания 1773–1775 гг. и реализации административной реформы Екатерины II. Укрепление государственной власти на окраинах страны привело к прекращению притока в сельскую местность беглых, укрывавшихся от государственных налогов, произвола властей и помещичьего гнета.

Желание отдельных чиновников или управителей потакать беглым для достижения своих интересов пресекалось возросшей активностью местного дворянства. Так, в 1784 г., по требованию помещиков разных губерний, дворянский заседатель Бугурусланского нижнего земского суда прапорщик Кокочев явился на казенный Абдуловский винокуренный завод, где заводская администрация принимала «заведомо беглых в работу», и захватил из них 19 мужчин и женщин, получил

⁷ ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XII. № 9501. С. 864.

⁸ Переписи населения России. Вып. III. М., 1972. С. 236.

обещание выдать скрывшихся от его команды, а также добился своими действиями замены тамошнего смотрителя новым управляющим⁹.

Часто помещики предпочитали не возвращать найденных людей в старинные места жительства, а водворяли их в новых заволжских поселках. В 1784 г. отставной поручик Р.И. Ждамиров обнаружил среди бугурусланских государственных крестьян Агафона Иванова, бежавшего еще в 1769 г. из его деревни в Алатырском уезде. В ходе следствия выяснилось, что первоначально тот ушел в раскольничьи поселки на Иргиз, где провел 8 лет, а затем купил чужую отпускную. С ней он явился властям, получив разрешение поселиться и записаться в подушный оклад в Бугуруслане. По просьбе хозяина, беглеца не отправили на родину, а определили на жительство в д. Ждамировку соседнего Бузулукского уезда¹⁰.

В последние годы XVIII в. беглые, которых случалось схватить в селах Заволжья, как правило, были не из числа здесь осевших, а из тех, кто пробирался дальше на восток или юг по старинным «сиротским» дорогам и по Волге, а также из тех, кто просто разбойничал на этих путях¹¹. Однако самовольные переселения не прекращались, приняв теперь форму выхода государственных крестьян на незаселенные земли. За пользование ими и повышение своего достатка крестьяне были готовы нести установленные повинности, представлявшиеся чрезмерными в малоземельных районах.

Межевая инструкция 1766 г. предусматривала выделение земель для государственных и дворцовых крестьян, испытывавших недостаток в сельскохозяйственных угодьях. При нехватке казенной земли на месте жительства и в его окрестностях желавшие получить полную 15-десятинную «препорцию» крестьяне могли из плотно заселенных уездов перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками. Уже в наказах депутатам Уложенной комиссии 1767–1768 гг. государственные крестьяне требовали выполнения этой нормы [3, с. 228–229]. Однако полномасштабная реализация Межевой инструкции стала осуществляться в Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерниях, в состав которых входила территория Заволжья, когда в них началось Генеральное межевание, то есть с 1798 г. [1, с. 732].

На казенных землях так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были заселены «переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чу-

⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 119–120, 123, 281.

¹⁰ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7, 22–23, 213.

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 2. Д. 456. Л. 10–10 об.

вашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Колывань. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 до 220 душ м.п., а Чернореченской – с 27 до 123. Этот рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению» Симбирской казенной палаты¹².

В 1801 г. та же казенная палата по прошению экономических крестьян правобережных сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились на 277 переселенцев. Возникла деревня Новый Студенец, Безенчук тож (ныне с. Студенцы)¹³.

Переселенческие потоки в Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, внимательно контролировались местными властями. Случаев же переселения при посредстве казенных палат в заволжские уезды еще пустынного и малолюдного Оренбургского края встречалось меньше, здесь «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно» [11, с. 92]. Администрация и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед уже свершившимися фактами появления новых поселков на свободных землях.

Сравнительно новым явлением стало широкое переселенческое движение в Заволжье из центральных и черноземных губерний страны. До конца XVIII в. среди здешних новоселов преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам, а, следовательно, среди них было много представителей народов Поволжья: мордвы, чувашей, татар [2]. На рубеже XVIII–XIX вв. дальние переходы становятся столь же обычным делом, как и прибытие новых жителей из более близких и доступных мест Правобережья и Верхневолжья. Такое изменение географии выходов означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств.

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Нижегородской губерний, а также из правобережных уездов губерний Саратовской и Симбирской более 14 тыс. душ м.п., в основном русских государственных крестьян. Среди них мордовских, чувашских и татарских крестьян оказалось всего около 1,7 тыс. душ м.п. Более сложной в этническом отношении оставалась миграция в северо-восточные уезды Заволжья, здесь большое значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний Средней Волги. Однако и в этих уездах русские составляли самую большую этническую группу новоселов. За 1799–

¹² РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.

¹³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об.

1811 г. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. ревизских душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) насчитывалось соответственно 6,3 тыс. и 9,1 тыс. русских крестьян [11, с. 92–93].

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян «препорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 руб.) и освобождение на 3 года от уплаты податей и рекрутской повинности¹⁴.

В 1805 и 1808 г. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное право на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений (имевшим менее 2,5 дес. наделной земли на душу м.п.), уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот [11, с. 89–90]. Однако крестьяне чаще предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Наряду с казенными активно переселялись в Заволжье на еще свободные земли удельного ведомства по правому берегу Волги в Самарском и Ставропольском уездах дворцовые крестьяне. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево перевели несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали новокрещены, пришедшие в 1795 г. из Алатырского (289 чел. обоего пола) и Котьяковского уездов (53 чел.) Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва из Алатырского уезда также основала деревню Спиридоновку (177 чел.)¹⁵.

Правительство пыталось стимулировать и регулировать процесс крестьянских переселений налоговыми льготами. Эти льготы неоднократно подтверждались и уточнялись на протяжении всей первой половины XIX в. Важную роль в этом сыграли руководители Министерства финансов (Е.Ф. Канкрин), Министерства государственных имуществ (П.Д. Киселев), Департамента уделов, которые поддерживали процесс освоения новых земель, в том числе допуская легализацию самовольных переселений.

В первую очередь, был на деле запущен механизм переселений, предусмотренный действующим законодательством, но буксовавший в реальной практике. С 1815 по 1823 г. в малолюдный и многоземельный Бузулукский уезд прибыло из разных мест всего 454 душ муж.

¹⁴ ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19500.

¹⁵ ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 619–628, 652–659 об., 700, 706 об., 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739–740.

пола, а убыло в другие уезды и губернии — 392 души, то есть прирост за счет переселений составил всего 62 душ м.п., или 0,2 % от числа жителей уезда по ревизии¹⁶.

Е.Ф. Канкрин 6 июля 1824 г. специальным распоряжением подтвердил правила переселения крестьян 1805–1808 гг., а 11 июля 1825 г. последовало его новое распоряжение о строгом соблюдении казенными палатами 15-десятинной пропорции при наделении переселенцев землей и об освобождении их от платежей и рекрутских повинностей в продолжение 3 лет. 7 октября 1826 г. Министерство финансов направило в Департамент государственных имуществ предписание о том, чтобы местные казенные палаты способствовали переселению крестьян. В частности, казенные палаты должны были вести наблюдение за распределением землемерами угодий и наделов с тем, чтобы лучшие из них не отводились только одной партии переселенцев; следить за своевременной выдачей семян для посева; отводить переселенцам безденежно лес для построек и предоставлять временные квартиры; принимать меры к сохранению их здоровья. Вторым шагом стало совершенствование законодательной базы. 31 января 1831 г. были обнародованы утвержденные Николаем I Положения Комитета министров о переселении, которые уточнили все предшествующие циркуляры и предписания на этот счет. В Положении говорилось, что казенные палаты должны заблаговременно выделять переселенцам участки земли по 15 дес. на ревизскую душу, обмежевывать и наносить их на планы. На обстройку переселенцам выдавалось пособие от 50 до 100 руб. в зависимости от наличия на местах лесного материала. Специально оговаривалось право переселенцев на получение в пути следования квартир, пользования пастбищами и на бесплатную медицинскую помощь. Подтверждалось постановление о трехлетней льготе по уплате податей и в отбывании рекрутской обязанности [11, с. 90].

Успехи в освоении новых земель не замедлили проявиться. С 1824 по 1829 г. в Оренбургскую губернию перебрались или изъявили желание перейти 35146 душ м.п.¹⁷

Бросается в глаза окончательная смена главного направления движения переселенцев в Заволжье и на Южный Урал. Поволжье, дававшее в XVIII в. основное число сходцев, из которых формировалось население новоприсоединенных территорий, теперь стало одним из второстепенных регионов выхода. Относительная его значимость сохранялась только благодаря выходцам из Пензенской и правобережных уездов Саратовской губерний, откуда прибыло 26 крупных (в среднем более 100 душ м.п. в каждой) переселенческих партий (3213 душ м.п.).

¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7850. Л. 76–87 об.

¹⁷ Подсчитано здесь и ниже по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 379. Оп. 1. Д. 867. Л. 68–122.

Симбирская и Казанская губернии были представлены буквально единицами новоприбывших.

Почти девять из каждых десяти переселенцев являлись выходцами из сравнительно отдаленных черноземных губерний центра страны и прилегающих к ним центральных губерний, лежащих к югу от Москвы. Особенно бросается в глаза приток государственных крестьян из Курской губернии, давшей две пятых всех новоселов края (13461 душа м.п.) и самые большие по численности переселенческие партии (80 партий, в среднем почти по 170 душ каждая). Почти столько же, сколько курян, прибыло жителей Воронежской и Тамбовской губерний, вместе взятых (13073 души м.п.). По числу переселенческих партий (205) они даже превосходили курских выходцев, но в среднем эти партии были не столь многочисленными.

Любопытно, что из пяти губерний, давших наибольшее число переселенцев (Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской), территориально ближе всего к Оренбургской находится Пензенская губерния, которая занимает в этом списке последнее место по числу выходцев, а Курская отстоит на самом дальнем расстоянии. Национальный состав основных губерний выхода определял окончательно утвердившуюся новую этническую окраску переселенческого процесса. В нем теперь преобладал русский элемент, некоторое разнообразие вносили мордовские и украинские жители перечисленных губерний, малозаметным стало участие чувашей и татар.

С 1837 г. контроль за ходом переселенческого дела был возложен на образованное тогда же Министерство государственных имуществ, возглавленное П.Д. Киселевым. В результате новой большой волны переселений с 1838 по 1843 г. во всей России было переселено свыше 17 тыс. семей государственных крестьян, из них 4283 семей, то есть более четверти, прибыло в завожские уезды Саратовской губернии, Николаевский и Новоузенский¹⁸.

Основную массу переселенцев составляли люди, приходившие издалека и в поисках лучшей доли претерпевавшие немало лишений. На основании сообщений с мест П.Д. Киселев подал доклад на высочайшее имя и получил повеление императора о предоставлении переселенцам казенного леса на 3004 семей, как новоселов, так и прибывших до 1838 г. Со своей стороны, министр дополнительно распорядился, чтобы Саратовская казенная палата выдавала крестьянам ссуды до 14 руб. серебром на перевозку леса с пристаней. Меры, предпринятые по обеспечению переселенцев строительными материалами, дали вскоре положительный результат¹⁹.

¹⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 523. Л. 89.

¹⁹ Там же. Л. 74–76, 78–79.

С 1842 г. Совет Министерства государственных имуществ рекомендовал разрешать переселения крестьянам всех тех губерний, где на казенную ревизскую душу приходится в среднем менее 8 дес. надельной земли и недостаток нельзя было восполнить из свободных государственных земель. Правда, делалась оговорка, что надо учитывать при этом состояние крестьянских занятий отходами и промыслами и организовывать переселения преимущественно из тех губерний, «в которых крестьяне менее промышленны и более претерпевают от неурожаев»²⁰.

Для лучшего управления переселенческим движением и аграрным освоением Заволжья были приняты важные административные решения. 1 января 1851 г. была образована Самарская губерния, в которую вошли левобережные уезды Симбирской и Саратовской губерний, а также примыкавшие к ним западные уезды Оренбургской губернии [10, с. 334–335]. Во всех них еще оставалось достаточно много свободных земель, хотя и успехи их включения в хозяйственный оборот уже были налицо.

За 115 лет, прошедших от начала массового земледельческого освоения до 1851 г., население Самарского Заволжья достигло 1,5 млн чел. Здесь, как и на других территориях России «приобрела новые и закрепила за собой приобретенные раньше природные ресурсы, несомненно, являющиеся богатством страны и ее народа» [7, с. 525].

Эти успехи были достигнуты в основном за счет постоянного притока переселенцев. Первоначально он вызывался желанием избежать податного пресса, но затем все более стимулировался самим государством с помощью фискальных льгот, предоставления обильных и плодородных земель, способствующих подъему крестьянского хозяйства, в том числе с целью исправного платежа налогов и несения повинностей.

Литература

1. *Акманов А.И.* Межевые работы на башкирских землях в конце XVIII–XIX вв. // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 731–733.
2. *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.
3. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 222–230.

²⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 2. Д. 359. Л. 40.

4. *Артамонова Л.М.* Социальное и правовое сознание государственных крестьян Поволжья по наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2009. № 1. С. 88–90.
5. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 369–616.
6. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. и др.* «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории. Самара, 2013.
7. *Мионов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012. (2-е изд.).
8. *Смирнов Ю.Н.* Легализация беглых и самовольных переселенцев в ходе колонизации юго-востока Европейской России в XVIII – первой половине XIX в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 191–195.
9. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 1999.
10. *Смирнов Ю.Н.* Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 331–336.
11. *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.
12. *Якунин В.Н.* История Самарской епархии. Тольятти, 2011.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ПОВОЛЖЬЯ (ПО ЖАЛОБАМ И ТРЕБОВАНИЯМ НАКАЗОВ ДЕПУТАТАМ УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ ЕКАТЕРИНЫ II)

В статье анализируются вопросы о налогах и повинностях, поднятые государственными крестьянами перед депутатами Уложенной комиссии Екатерины II (1767–1768 гг.).

Ключевые слова: Россия в XVIII в., социальная история, аграрные отношения, фискальная политика, Уложенная комиссия, наказания депутатам Уложенной комиссии.

В Уложенную комиссию 1767–1768 гг. от различных сословных и территориальных групп государственных крестьян Поволжья было представлено 117 наказов. На предыдущих сессиях нашего Симпозиума были рассмотрены источниковедческие и историографические аспекты изучения этих наказов [1], а также возможности их использования для анализа землевладения и землепользования этих крестьян [2]. Данная статья посвящена другому важному вопросу, поднятому поволжскими крестьянами, которые в 96 наказах, то есть в 82 % от всех, высказались о налогах и повинностях.

В 76 наказах (65 %) затрагивалось подушное обложение. Наибольшее число возражений вызывала обязанность внесения подати за всех лиц мужского пола, внесенных в ревизские сказки, включая нетрудоспособных и «убылых». По этой причине возрастала сумма, взыскиваемая с их родственников и односельчан. Новокрещенные чуваша Бутульминского ведомства вынуждены были платить только с учетом умерших и прочих «убылых» вместо положенных 1 руб. 70 коп. подушного оклада «с наличного числа душ с каждой по три рубля в год», не считая просто нетрудоспособных². Жалобы на взимание податей с престарелых изложены в 45 наказах (38 %), с умерших – в 37 (32 %), с больных, калек, сумасшедших и т.п. – в 35 (30 %), со взятых в рекруты – в 27 (23 %), с малолетних – в 20 (17 %), с беглых, ушедших на заработки, переведенных в мастеровые на заводы – в 8 (7 %).

В 7 наказах (6 %) ставился под сомнение сам принцип подушного обложения, не учитывавший реальные возможности крестьянского

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарская государственная академия культуры и искусств, artamonovoi@mail.ru, Россия, г.Самара.

² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 283.

хозяйства. В них содержались жалобы на включение в подушный оклад бедных и неимущих, которые не могут «обзавестись домом», не имеют «скота и пажити» и даже «ежедневного пропитания», и за которых подати платит мир³.

Недовольны были крестьяне повышением подушного оклада с 1,1 руб. в год до 1,7 руб. Жалобы на это есть в 23 наказах (20 %).

В 12 (10 %) наказах их составители указывали, что не могут платить подушные оклад и прочие подати, возмещать накопившиеся недоимки, так как не имеют средств к существованию. Эти жалобы исходили от тех групп крестьян, которые были недостаточно наделены землей или совсем ее не имели. По закону недоимка должна была раскладываться на более состоятельных членов общины, иначе для ее возмещения угодья неплательщиков сдавались с торгов в наем. Однако нередко крестьяне «по недостатку» не имели «между собою один перед другим ... никакого к лутчему способу уравниения и льготы», а угодий у них не было. Попытки же выколотить недоимки правезом приводили только к тому, что крестьяне «долговременно содержаны были неизсходно под караулом, отчего пришли в наивысшее разорение и скудость, ... почти лишились своих домов»⁴. Жалобы на разорение из-за взыскания недоимок содержались в 6 наказах (5 %).

Возражения у крестьян вызывали и способы взимания оклада. Их «безвинно» разоряли уже сами приезды чиновников с объявлениями о сборе подушных денег, сопровождавшиеся вымогательством. Зажиточные крестьяне часто отказывались принимать на себя платеж податей за бедняков.

В 6 наказах русских однодворцев и служилых мурз, татар, чувашей высказано недовольство наложением на эти сословные группы подушного оклада. Часть потомков служилых людей настаивала на исключении их из податного состояния. В остальных наказах крестьян Поволжья, включая однодворцев, предложения были нацелены исключительно на облегчение подушной подати.

Прежде всего, предлагалось уменьшить число окладных душ за счет исключения стариков (11 наказов – 9 %), больных, инвалидов и прочих нетрудоспособных (15 наказов – 13 %), умерших (4 наказа – 3 %), рекрутов (13 наказов – 11 %) и даже беглых (1 наказ). Крестьяне, как правило, требовали не просто снять оклад с имеющихся «убылых» душ и с тех, «которые податей платить не в состоянии», но и впредь таковых «из оклада выключать» постоянно, «не дожидаясь наступления вновь бывших генеральных ревизий»⁵.

³ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 309 об.; Сборник РИО. Т. 115. СПб., 1903. С. 182.

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 6. Л. 106 об.–107.

⁵ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 45–52 об.; Сборник РИО. Т. 115. С. 172.

Отличавшийся своими критическими выпадами против администрации и глубокой разработкой ряда конкретных предложений наказ ясачных татар Казанской провинции требовал фактического отстранения властей от сбора подушных денег⁶. В нем предлагалось, чтобы к определенному сроку государственные подати в казну за весь год вносил один «удостоенный» из крестьян, который должен жить в губернском городе. Сбор податей с самих крестьян и изыскание способов внесения денег за несостоятельных налогоплательщиков надлежало полностью передать на рассмотрение указанного представителя и крестьянских общин. При реализации такого предложения от финансовых дел устранялась уездная администрация. С губернскими же учреждениями имели бы дело не представители отдельных миров, а искушенные в денежных делах люди, пользующиеся поддержкой объединенных общин.

Наиболее тяжелой из натуральных повинностей являлась для государственных крестьян рекрутчина. Специальное внимание к ней уделено в 23 наказах (20 %). Здесь не учитывались жалобы и предложения, связанные со взиманием рекрут с убылых и не способных нести эту повинность душ. В 16 наказах (14 %) встречается жалоба на то, что та или иная категория крестьян отягощена этой повинностью больше других. Чаще всего на это жаловались однодворцы, пахотные солдаты и служилые люди старых служб, так как наборы с них в ландмилицию производились чаще и с меньшего числа душ, чем общегосударственные рекрутские наборы в армию с других категорий крестьян. В то же время уволенные со службы чины ландмилиции, наравне с солдатами полевой армии, выключались из подушного оклада, а их дети призывались на службу уже «без зачета» односельчанам⁷.

Излишне отягощенными рекрутскими наборами считали себя те государственные крестьяне, которых включали в «складки» с помещичьими. Им приходилось отдавать рекрут и за себя, и за приписанных в «складку», а положенную денежную компенсацию они не получали. Судя по всему, ее не выплачивали помещики или она оставалась в руках чиновников. Некрещеные служилые и ясачные татары были вынуждены ставить рекрут в 2–3 раза больше чем положено, потому что многие сданные в набор люди, чтобы избавиться от рекрутчины, принимали крещение. Вместо них власти принуждали выставлять новых рекрут.

Способами уклониться от рекрутской повинности были укрывательство от наборов или совершение правонарушений, так как преступников в армию не брали. Как видно из наказов, речь шла не о закоренелых нарушителях общественного порядка, а о тех, кто шел на

⁶ Сборник РИО. Т. 115. С. 371–379.

⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 13 об.

воровство с единственной целью подвергнуться тяжкому телесному наказанию кнутом, избавляющему от представлявшейся более тяжелой доли рекрута. Жалобы на уклонение отдельных крестьян от отдачи в рекруты с помощью побегов и воровства содержат 5 наказов (4 %).

В 6 наказах (5 %) было выражено недовольства крестьян тем, что казна перекладывала на них расходы на доставку и содержание рекрутов. «Происходит... нам, ясашным татарам, — говорилось в одном из свияжских наказов, — в поимке таковых и в покупке на них указанной одежды и в кормлении их до отдачи мирским коштом разорение и убыток»⁸.

Как и в отношении подушной подати, требование отменить рекрутскую повинность содержали указы потомков служилых людей. Некоторые даже выражали свое согласие на несение военной службы на прежних основаниях, как несли ее предки. Подобные предложения, конечно, вряд ли могли заинтересовать правителей абсолютистского государства, которым нужна была прежде всего регулярная армия, а не иррегулярное ополчение. Составители таких наказов и не очень надеялись на полное избавление от рекрутчины. В них есть и частные требования по облегчению несения рекрутской повинности, перекликающиеся с наказами других категорий крестьян, например, не освобождать от рекрутства лиц, совершивших преступления. Это требование встречается в 6 наказах (5 %). Еще в 8 наказах крестьяне просили выдавать рекрутские квитанции за сосланных на каторгу преступников (7 %).

В целях предупреждения побегов лиц, предназначенных к отдаче в рекруты, в 4 наказах (3 %) предлагалось разрешить крестьянским обществам сдачу рекрут заранее в зачет будущего набора. «Предупредительные» меры против уклонения от рекрутской повинности отражали прежде всего интересы зажиточных крестьян, поскольку «годные в отдачу, а к платежу податей впредь за несостоянием их ненадежные скрываются», и приходится отдавать в рекруты «лучших домовых и впредь к платежу податей надежных»⁹. Эта же часть крестьян просила в 6 наказах (5 %): «Если ... тот, который будет назначен в рекруты, вместо себя пожелает в казну отдать деньги, что определенно будет, или же пожелает вместо себя, купя, у кого подлежит отдать, в том бы ... дать дозволение»¹⁰.

Уравнения с другими категориями государственных крестьян в несении этой повинности просили указы депутатам от содержащих ландмилицию. Это требование дополнялось еще одним: «И сколько с нас

⁸ Сборник РИО. Т. 115. С. 403.

⁹ Сборник РИО. Т. 134. СПб., 1911. С. 252–253.

¹⁰ Сборник РИО. Т. 115. С. 397.

излишних рекрутских наборов было, оные б нам в будущие наборы повелено было зачесть, дабы мы... в обиде остаться не могли»¹¹.

Прочие натуральные повинности государственных крестьян вызвали жалобы и предложения 46 наказов (39 %). Следует оговориться, что эти повинности не всегда можно отнести к разряду отработочных. Не имея желанья или просто возможности отвлекать рабочую силу из своего хозяйства, крестьяне вынуждены были нанимать из своей среды или со стороны работников для выполнения этих повинностей. Условность граней между отработками и денежными сборами являлась следствием развивавшихся торгово-денежных отношений. Крестьяне, видя отсутствие острой необходимости в применении принудительного труда и возможность замены его наемным, полагали, что многие повинности являются лишь следствием нежелания казны расходовать средства на государственные нужды. Кроме того, крестьяне использовали тексты указов о наложении на них подушной подати и повышении оброчного сбора, в которых власти лицемерно утверждали, что кроме этого налога с крестьян не будут требовать «подвод и работ». Расхождение законодательных деклараций и практики придавало «законность» крестьянскому возмущению по поводу отработок.

Самое большое число жалоб в 28 наказах (24 %) вызывала подводная повинность и предоставление проводников к подводам. В качестве компенсации крестьянам, давшим подводы, должны были выдаваться «прогонные» деньги, но чаще всего подводы забирались «безденежно». Принуждение к исполнению этой повинности сопровождалось издевательствами, вымогательством и побоями со стороны проезжавших чиновников, офицеров, дворян. Некоторые «команды» из присутственных мест специально «для взятки» ездили «не по большой дороге, но по окрестным жителям»¹².

Подробно предложения по регламентации подводной повинности были изложены в наказе марийских крестьян Казанской провинции. В нем предусматривалось, чтобы у крестьян не брали подвод без подорожных или сверх указанных в подорожных числа, была установлена твердая оплата прогонов (1 коп. с каждой лошади за 1 версту), «быть у проезжающих ... тягости со всеми вещами, людьми и телегою не свыше» 15–20 пудов на одну пару лошадей». Для соблюдения условий несения подводной повинности в крестьянских сотнях предлагалось учредить «по выбору мирских людей» особое должностное лицо, чьи функции будут утверждены «из присутствующих мест указом»¹³.

Государственные крестьяне Астраханской губернии были в особенно тяжелом положении в отношении несения подводной повинности, так

¹¹ Сборник РИО. Т. 115. С. 171–172.

¹² Сборник РИО. Т. 115. С. 416.

¹³ Сборник РИО. Т. 115. С. 390–391.

как в крае не было другого крестьянского населения, с которым можно было разделить тяготы подводной и проводниковой повинности. Поэтому они требовали сложить с них эту повинность вовсе, указывая на обещание правительства не брать подвод, данное при увеличении суммы подушного оклада.

В особую группу в вопросе о натуральных повинностях следует выделить приписку государственных крестьян к казенным и частным предприятиям. О ней говорится в 10 наказах (9 %).

В наказах русских крестьян, приписных к железодельным и медеплавильным заводам, практически все жалобы сводятся к насильственной их приписке и к тяжелым условиям труда. Заводские работы зачастую превышали физические возможности их выполнения. С одной стороны, это приводило к разорению многих хозяйств, а с другой стороны, заставляло крестьян прибегать к найму. Однако плата наемному работнику в несколько раз превышала «плакатную», которая шла в зачет «подушной подати приписному». Крестьянское хозяйство могло не выдержать и часто не выдерживало многократного увеличения и без того тяжелого налогового бремени. Приписное крестьянство, пожалуй, подвергалось самой жестокой эксплуатации по сравнению с другими категориями государственных крестьян. При этом оно не было освобождено от несения других повинностей (рекрутской, постоянной, поставок фуража и пр.), что подчеркивалось в наказах¹⁴. К этому следует добавить отдачу из крестьян в мастеровые, которые получали от мира подмогу в 5 руб. и не выключались из подушного платежа и других повинностей¹⁵.

В обстановке подавления выступлений приписных крестьян в 1760-е гг. эта категория не смогла выдвинуть в своих наказах решительные требования. Просьбы наказов гораздо сдержанней, чем требования челобитных, поданных в период волнений. Если в 1761 г. приписные к Авзяно-Петровским заводам Демидова требовали «ото всех ево заводских и протчих ево и прикащиков принуждаемых работ свободить» [4, с. 202–204]¹, то в 1767 г. в наказе только просили, чтобы с них было «сбавлено» этих работ¹⁶.

Предложения наказов приписных к Адмиралтейству служилых мурз и татар были более решительными. Они сводились к тому, чтобы правительство или оставило их при корабельных работах, но избавило от подушного оклада, рекрутской и некоторых других повинностей, или, не снимая те повинности, которые несли все остальные государственные крестьяне, отменило их принудительное привлечение к заготовке леса.

¹⁴ Сборник РИО. Т. 115. С. 259.

¹⁵ Сборник РИО. Т. 115. С. 260.

¹⁶ Сборник РИО. Т. 115. С. 253.

В 27 наказах (23 %) поднимался вопрос о различных косвенных и прямых налогах, взимавшихся с крестьян в денежной форме. Например, в 3 наказах содержались жалобы на чрезмерную цену соли, которая облагалась высоким косвенным налогом.

Наибольшее число жалоб вызывала откупная система сбора ряда податей, произвол и вымогательства откупщиков. Так, на действия сборщиков конской пошлыны жаловались составители 9 наказов, винных откупов — 3 наказов, соляных сборов — 2 наказа: «Онные откупщики ... въезжают в наши жительствова и берут с нас без платежа прогонов подводы и безденежно съестные и харчевые всякие припасы. К тому ж обывателей бьют немилосердными побоями и взыскивают те пошлыны по пяти копеек с рубля да за бумагу по две копейки». В связи с этим крестьяне просили в 4-х наказах о подтверждении запрета сборщикам конских пошлын въезжать в села и деревни¹⁷.

Представления крестьян о незаконности действий откупщиков не разделялись властями. Местные канцелярии сами организовывали вторжения сборщиков пошлын в крестьянские жительствова, о чем свидетельствуют сохранившиеся дела этих канцелярий¹⁸.

Более последовательными были предложения 7 наказов (6 %) отменить откупную систему сбора конских пошлын. Крестьяне предлагали: «За тот конский сбор, если его отменить будет вовсе не можно, сумму желаем платить ежегодно сами собой»¹⁹.

Своими высказываниями по этому вопросу выделялись составители наказа ясачных татар Казанской провинции. В основу их предложений положен абсолютно рыночный принцип свободного распоряжения частной собственностью: «А подробность и того требует, чтоб никто посторонний ни над чьим именем (имением — Л.А.) не был властелин. То есть откупщики разного звания, например, соляных и конских сборов, не вмешивались бы во общественное обхождение, что кто один у другого покупает, а иному продает». В связи с этим предлагалось исчислить все сборы, которые с крестьян поступали в казну, а затем разложить по душам²⁰. Фактически это означало замену всех прямых и косвенных налогов с крестьян одним несколько увеличенным подушным сбором.

Выступления против системы откупов затрагивали, прежде всего, интересы купечества, представители которого чаще других выполняли функции сборщиков конских, соляных и винных налогов. Однако указы также выступали и против действий знатных «вельможных» от-

¹⁷ Сборник РИО. Т. 115. С. 436–437.

¹⁸ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 382–383 об.; Д. 85. Л. 567.

¹⁹ Сборник РИО. Т. 115. С. 396–397.

²⁰ Сборник РИО. Т. 115. С. 377.

купщиков, например, «питейных сборов откупщика» генерал-аншефа П.И. Репнина²¹.

Некоторые налоги распространялись не на все категории государственных крестьян. В 9 наказах (8 %) некрещеных ясачных и служилых людей имелись жалобы на взимание «свадебных денег», а в 7 — требование о ликвидации этого налога. Законность такому требованию, по мнению составителей, придавало то обстоятельство, что «с крещенных всякого звания людей, с бракосочетавшихся деньги збором оставлены», а с составителей этих наказов «оние, называемые куничные, и до днесь взыскиваются»²². Из местных канцелярий отправляли посыльных в деревни некрещеных, выясняли, сколько было сыграно свадеб, требуя заплатить «куничные деньги»²³. Такие посылки сопровождалась вымогательствами и злоупотреблениями.

В целом 1760-е гг. были отмечены жестким наступлением на земли, самостоятельность, права государственных крестьян, особенно на окраинах [5]. Выступления крестьянских наказов Поволжья против налогов и повинностей были направлены одновременно против дворянского государства. Это сдерживало критику и выдвижение наиболее радикальных предложений, так как крестьяне надеялись добиться в Уложенной комиссии от государства уступок. В вопросе о главных государственных налогах и повинностях, подушном окладе и рекрутском наборе, составители наказов в основном заняли «оборонительную» позицию, выступая против увеличения подушного оклада, против отягощающих способов взимания денег и рекрут, против несения повинностей за «убылые» и нетрудоспособные души. Но надежды даже на частичные уступки со стороны правительства были иллюзорными. Государственные крестьяне не знали, что уже подготовлено решение о повышении с 1768 г. подушного оклада с них²⁴.

Невнимание к требованиям наказов, особенно из Поволжья, дорого обошлось и во многом предопределило драматические события 1773—1775 гг. [7, с. 160]. Не случайно, что среди атаманов и активных участников восстания оказался ряд депутатов Уложенной комиссии и составителей для них наказов, в том числе из крестьян [6, с. 293].

Вообще практически все XVIII столетие шло значительное усиление налогового бремени, прежде всего, в форме подушной подати и тяжести повинностей, особенно рекрутской. За вестернизацию и модернизацию страны, прежде всего, платило крестьянство. Об этом писали не только либеральные и марксистские историки XIX—XX вв.,

²¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 242. Л. 50, 56.

²² Сборник РИО. Т. 115. С. 332.

²³ ЦГА РМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 85. Л. 168—171, 177—177 об.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 248. Д. 3676. Л. 802—828, 903—903 об.; ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12980, 13194.

но и свидетельствуют современные исследования, выполненные с применением новейших методов «социальной истории» и количественно-го анализа [3, с. 193–194, 201–202, 205–207].

Решительней выступали крестьяне в отношении других налогов и повинностей, стараясь при этом представить их как излишнее и даже незаконное отягощение, как помеху в несении основного государственного налога — подушного оклада. Особое недовольство вызывали тяжелые натуральные повинности, которые зачастую приобретали для крестьян непосредственно денежную форму, и тем самым еще больше укрепляли сомнение в их необходимости и стремление к замене их наемным трудом, но уже за счет казны. В любом случае крестьянство пыталось вести борьбу по всему комплексу податной политики за ограничение роста и уменьшение феодальной ренты, которая взыскивалась с них в виде денежных налогов и отработочных или натуральных повинностей в пользу государства — землевладельца.

Литература

1. *Артамонова Л.М.* Отечественная историография и основные результаты изучения наказов крестьян Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы. Кн. 1. Вологда, 2009. С. 144–150.

2. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. М.; Брянск, 2012. С. 222–230.

3. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012. (2-е изд.).

4. *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979.

5. *Смирнов Ю.Н.* «Добрый порядок» оренбургского губернатора Путятина против вольной народной колонизации юго-восточных окраин России // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 20-летию высшего исторического образования в ХМАО-Югре / Отв. ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2013. С. 52–58.

6. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII — середина XIX вв.: дис. ... док. ист. наук. М., 1999.

7. *Смирнов Ю.Н.* Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 158–166.

**РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIV – XVIII ВЕКОВ
В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО**

Статья посвящена памяти многогранного ученого – историка, археографа, источниковеда второй половины XX – начала XXI в. академика Н.Н. Покровского. В ней рассматриваются его исследования о разных категориях крестьян в различных регионах России – черносошных Центра и Севера в XIV – первой половине XVI в., урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Показано участие историка в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1970–1980 гг.

Ключевые слова: становление феодальной земельной собственности, черносошное землевладение, актовые источники, протест урало-сибирских старообрядцев, судебно-следственные материалы.

Научные интересы ведущего ученого (1930–2013, д.и.н – 1974, проф. – 1977, акад. РАН – 1992) и нашего современника акад. Н.Н. Покровского простирались в разных областях истории, источниковедения, историографии. Неоценим его вклад в археографию Сибири, фундамент которой он создал и которую целенаправленно развивал, привлекая к ней молодые силы.

Н.Н. Покровский окончил Истфак МГУ с «красным дипломом» в 1952 г. и в том же году «не без изрядных затруднений» стал аспирантом выдающегося ученого акад. М.Н. Тихомирова [8, с. 549, 551]. В качестве темы кандидатской диссертации М.Н. Тихомиров предложил Покровскому исследовать вопрос об одной из форм феодальной земельной собственности в России, а именно о «государственном (черносошном) землевладении». В отечественной историографии 1950–1960-х гг. среди различных аспектов социально-экономической истории дореформенной России ведущей была проблема формирования феодальной земельной собственности с органично присущей ей темой о характере землевладения черных или черносошных крестьян. Эта категория, довольно многочисленная в XIV – первой половине XVI в., несла совокупность налогово-повинностных обязательств, т.е. тягло, в пользу верховного правителя и собственника, будь то князь-

¹ Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, inslav@inslav.ru, Россия, г. Москва.

суверен и/или государь, особа и статус которого в средневековье олицетворяли собой государственное начало.

Черные крестьяне, как известно, жили во всех княжествах Руси, составивших со временем единое государство. Наряду с ними существовал и формировался разряд крестьян частных землевладельцев — светских (вотчинных, поместных) и духовных (церковно-монастырских). Во второй половине XVI в. ареал распространения в Центре черных земель и крестьян постепенно и неуклонно сокращался, и к середине XVII в. они были сосредоточены на севере Европейской России и в Сибири; в XVIII в. эта категория составила костяк государственных крестьян.

Н.Н. Покровский рекомендованную М.Н. Тихомировым тему о формировании феодальной собственности и роли в этом процессе черного землевладения в России в XIV — начале XVI в. стал разрабатывать одновременно на материалах двух регионов — Центра и Севера. Этот методический принцип, мало применяемый в работах начала 1950-х гг., обусловил сравнительно-исторический ракурс изучения в рамках двух крупных регионов Руси. Тема исследования всецело соответствовала приоритетным поисковым проблемам истории России XIV—XVII в., на которых были сосредоточены в ту пору отечественные ученые. Для ее реализации Н.Н. обратился к публично- и частно-правовым актам XIV — первой половины XVI в. Именно акты — тот вид источников, который позволяет поставить и разносторонне осветить тему о поглощении черных земель частнофеодальными владельцами, светскими и духовными. Примечательно, что проблема сущностного развития феодализма в средневековой Руси и вопросы актового источниковедения занимали значительное место в работах видных историков того времени М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, А.И. Копанева, Н.Е. Носова, несколько позже С.М. Каштанова и др.

На 1950-е гг. пришелся начальный этап полемики между ленинградскими и московскими историками о природе землевладения черносозных крестьян. Вступавший в историческую науку Н.Н. Покровский развивал точку зрения, что земли, не принадлежавшие светским и духовным феодалам, находились в верховной собственности государства в лице князя, возглавлявшего феодальную иерархию в данном княжестве. Характер же такой собственности проявлялся неодинаково в разных местах и в разное время, иногда приближаясь к номинальной зависимости, а порой к собственности духовных и светских вотчинников [6, с. 7, 93–94].

Диссертация Н.Н. Покровского, отредактированная М.Н. Тихомировым в 1956 г., увидела свет только в 1973 г., однако на протяжении почти 20 лет ученые использовали ее положения и выводы. Так, Г.Е. Кочин в параграфе своей монографии о борьбе крестьян черных волос-

тей с наступавшими феодалами писал: «Н.Н. Покровский, автор диссертации «Актовые источники по истории черносошного землевладения в России (XIV — начало XVI в.)», приводит многочисленные указания в сохранившихся источниках на случаи перехода черных земель в руки монастырских, церковных и светских феодалов. Им отмечено свыше двухсот таких случаев за XV в.» [3, с. 393]². По причине нахождения исследования в арсенале ученых Н.Н. Покровский при публикации книги «не счел возможным изменять и дополнять ее неизданный текст» [6, с. 9]³.

С начала 1960-х г. полемика о природе черной волости переросла в дискуссию⁴, которая длилась более 20 лет⁵. В свое время в литературе ей было уделено достаточное внимание. Вкратце напомним о взглядах

² Здесь автор ссылается на с. 238–242 диссертации Н.Н. Покровского и на приложения. Замечу, что в книге А.Д. Горского «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV — XV вв.» (М., 1960) в очерке о крестьянском землевладении (С. 113–161), содержательно связанном с темой, изученной Н.Н., ссылки на его диссертацию отсутствуют.

³ По диссертации до выхода монографии были опубликованы следующие статьи: *Покровский Н.Н.* К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV–XVI вв. // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 125–140; *Он же.* О поземельной структуре крестьянской общины русского Севера XV — первой половины XVI веков // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 2. Новосибирск, 1968; *Он же.* Купчие, данные и меновные грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV — первой четверти XVI в. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1969.

⁴ Началась с рецензии И.И. Смирнова на монографию Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства» (М., 1960), придавшей полемике дискуссионный характер: *Смирнов И.И.* Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // История СССР. 1962. № 2, 3; *Носов Н.Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44–70.

⁵ См., например, о ней: *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126–252; Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов/Д., 1980; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. Реакцию на полемику см., напр.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997;

дискутирующих сторон. Дебатировался сущностный вопрос, были ли объединенные в общины черные крестьяне собственниками своих держаний, как считали ленинградские историки (И.И. Смирнов, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Н.Е. Носов, Ю.Г. Алексеев и др.) или возделываемая крестьянами земля была в верховной собственности государства, так считали московские историки (Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, В.Л. Янин, С.М. Каштанов и др.). Подчеркну, что кандидатское исследование Н.Н. Покровского уже в начале его творческого пути по важности и остроте проблематики, по использованию внушительного массива актовых источников, по полученным выводам wpisалось в актуальное направление современной ему историографии.

Прежде всего, оно ценно источниковедческой ориентированностью темы. Ученый основательно охарактеризовал главные разновидности актов: 1) жалованные и указные грамоты и их группы и подгруппы, обусловленные оформлявшимися ими отношениями; 2) судные списки как протоколы судебного разбирательства и правые грамоты, т.е. решения суда, выданные выигравшей стороне, а также связанные с ними судимые, срочные, безсудные грамоты; 3) грамоты, оформлявшие частные сделки с недвижимостью — купчие, данные, меновные, а также заемные закладные кабалы, которые регистрировали договор займа, сопровождавшийся залогом должника своей земли; 4) духовные и деловые грамоты феодалов, которые устанавливали факт наследования и раздела имущества между наследниками, а также некоторые другие. Комплексный подход к характеристике разновидностей актов обусловил разностороннее использование их содержания для выяснения способов «поступления крестьян в зависимость от феодалов, о видах и размере феодальной ренты, об отношениях между феодалами и крестьянской общиной» [6, с. 3, 11–20, 20–26, 46–62, 62–72, 72–83, 92].

При анализе сведений актов, особенно судебных, Н.Н. настаивает на необходимости проверки их достоверности. Повышенная критичность вызвана тенденциозностью таких документов, так как в них зафиксированы не только различные позиции черных крестьян и феодалов в борьбе за землю, но главное, результат «деятельности феодального суда, направленной на укрепление феодальной земельной собственности» [6, с. 26–27]. Ученый заостряет внимание на существенном вопросе, отраженном в содержании судебных актов, а именно о землевладении общины черносошных крестьян. Применив ком-

Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 156–162. Заслуживает внимания высказывание Н.А. Горской о комплексе «проблем, ставших в историографии 1960–1980-х годов предметом неразрешимых дискуссий — статус земель, население которых находилось в зависимости только от государственной власти в лице князя (по терминологии источников с конца XIV в. — “черные”, т.е. тяглые)». Там же. С. 161.

паративные приемы анализа к отдельным частям правых грамот, он установил состав органов самоуправления в черных общинах, определил земли индивидуального и общинного владения, выяснил способы распоряжения земельными участками: отдачу в наем, на льготу, отвод крестьянину-новоприходцу [6, с. 31–34, 36–39, 103–114] .

Изучение частных имущественных актов – данных, купчих, закладных и др., которыми оформлялись разнообразные земельные сделки как в Центре, так и на Севере (в Подвинье), убедило Н.Н. в существовании региональных особенностей. Они зависели от различий социального статуса участников сделки и принадлежности реализуемой земли. Покровский проследил, как в результате отчуждения крестьянами своих земельных участков они переходили: во-первых, к отдельным феодалам, и тем самым раскрывается реальный процесс формирования феодальной земельной собственности, во-вторых, передавались по сделкам – от одного крестьянина к другому, и такие случаи выявляют разнообразие поземельных и социальных отношений внутри общины. Принадлежность контрагентов земельной сделки (сущностно единой для каждого ее вида) к одной или разным социальным категориям, в особенности полярно противоположным, имела неоднозначные последствия. Если в одних случаях совершалось внутреннее перераспределение земли между феодалами или между крестьянами, то в других коренным образом изменялись экономические отношения между вступавшими в нее контрагентами [6, с. 49–52, 48–62] .

В ходе своего исследования (оно написано, повторю, в 1952–1956 гг.) ученый убедился в существовании черных земель в XIV–XVI вв. в главных княжествах и в значительном числе мелких и удельных княжеств Центральной России и в господстве таких земель на Севере в Подвинье. Он квалифицировал черные земли как «собственность феодального государства» в лице верховного собственника – князя, а черносошных крестьян как плательщиков различных податей в его пользу. Важно, что Н.Н. обнаружил у черносошных крестьян в сравнении с частновладельческими 1) более слабую феодальную зависимость, 2) значительные владельческие права на землю, включая распорядительные сделки. Главное же отличие между двумя изученными формами землевладения – это различные темпы и пути, которыми шла феодализация в Центре и на Севере. В Центре основным из таких путей был «процесс перехода черных земель в руки отдельных феодалов», способы которого разнообразились от княжеского пожалования (фиксировавшего, в том числе результат неправого феодального суда, незаконной сделки с черным крестьянином) до насильственного захвата черной земли. На Севере феодализация велась, по-преимуществу, посредством «увеличения власти великого князя на эти (черные – Е.Ш.) земли», нараставшей «как по линии присвоения великим князем монопольного права по распоряжению черными землями, так и по ли-

нии усиления податного обложения». В целом же, значение черных крестьянских земель ученый оценивал как основной источник образования «земельной собственности класса феодалов» [6, с. 226–228].

В первой монографии Н.Н. Покровский зарекомендовал себя знатоком актовых источников XIV–XVI вв.; он показал владение тонким источниковедческим анализом разновидовых комплексов актов, верификационным сочетанием их сведений, что обеспечило доказательность содержательных трактовок и убедительность выводов. Изученная проблема предстала в своей многомерности, различной темпоральности, неоднозначности протекавших процессов феодализации в Центре и на Севере страны. Это исследование выдвинуло Н.Н. Покровского в первый ряд отечественных историков средневековой Руси.

По завершении аспирантуры и успешной защиты в 1956 г. кандидатской диссертации Покровский по рекомендации своего руководителя М.Н. Тихомирова был принят ассистентом на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин истфака МГУ. Знаменательное начало карьеры молодого университетского преподавателя и ученого! Однако проработал Н.Н. на кафедре лишь около двух лет. В своей личной истории Н.Н. Покровский осознанно и смело сделал решительный поворот. Он в числе 9 участников возникшей на истфаке МГУ «группы Краснопевцева – Ренделя», квалифицированной КГБ как «университетское дело», был арестован 30 августа 1957 г. В феврале 1958 г. Мосгорсуд приговорил его и других осужденных по ст. 58, п. 10, ч. 1 и п. 11 УК РСФСР к 6 годам заключения в одном из мордовских лагерей Дубровлага. По приговору после отбывания срока он навсегда лишился права жить в Москве. Освободился Н.Н. в августе 1963 г. Отменен приговор был 3 мая 1989 г. по постановлению Президиума Верховного суда РСФСР, все осужденные по нему реабилитированы [2].

После освобождения Н.Н. Покровский работал в 1964–1965 гг. во Владимиро-Суздальском историко-художественном музее-заповеднике сначала заведующим отделом, потом заместителем директора. В 1965 г. по совету своего учителя он переехал работать в созданный акад. Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым Новосибирский Академгородок. Этому растущему научному центру акад. М.Н. Тихомиров передал в дар весьма обширную личную коллекцию древних документов, книг и рукописей с условием, что их научное описание будет поручено Н.Н. Покровскому, который этим уже занимался ранее⁶. Хорошо из-

⁶ В составе коллекции было 648 славяно-русских рукописных книг XIV–XIX вв., 24 иностранных рукописи, 94 старопечатные книги XVI–XIX вв., архив документов XV–XIX вв. См.: *Покровский Н.Н.* Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965–2006) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2011. С. 62.

вестна развернутая ученым масштабная археографическая деятельность в Зауралье и Сибири и его огромный вклад в развитие полевой и эдиционной археографии. В Сибири ученый прожил и проработал до своей кончины.

В Новосибирске Покровский обратился к важной проблеме общественного сознания и психологии крестьян, заселявших Сибирь в XVII–XVIII вв. Конкретно его привлекло широко развернувшееся в XVIII в. движение урало-сибирских старообрядцев. Обращение к малоисследованному в отечественной историографии феномену старообрядчества вылилось в монографию с характерным для того времени названием: «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» (Новосибирск, 1974; была защищена как докторская диссертация). В ином ракурсе тогда подобную тему поставить и изучать было трудно. Хронологически исследование охватывает 20–80-е гг. XVIII в., т.е. принципиально другой исторический период – абсолютизма, а не средневековья, как первая книга. Задача монографии состояла в исследовании социального протеста урало-сибирских крестьян, который был воплощен в религиозной форме старообрядчества и направлен против тесно взаимодействующих официальной церкви и абсолютистского государства, что происходило в условиях продвигающейся крестьянской колонизации региона.

Фундаментальной разработки эта тема в отечественной историографии конца XIX – первой половины XX в. не имела. Приведя отдельные упоминания о старообрядческих выступлениях в советской исторической литературе рубежа 1960–1970-х гг., Н.Н. подвел следующий итог: «...советская историография *правильно наметила* (курсив мой – Е.Ш.) пути и методы подхода к проблеме антифеодального крестьянского протеста XVIII в. в старообрядческой форме. Однако продвижение по этим путям только начинается» [7, с. 21].

Н.Н. Покровский привлек к исследованию столь новой темы значительный объем разнородных источников. Конечно же, созданные в старообрядческой среде сочинения и документы разного характера – исторического, догматического, полемического, эпистолярного. Этих источников, как и догматической сущности споров в разных старообрядческих согласиях, я не касаюсь.

Ученый ввел в оборот «новый тип статистических источников – материалы исповедального и старообрядческого учета», которые возникли в связи с указом Петра об обязательности исповеди православного населения и двойном окладе старообрядцев. Наряду с ними и как реакция на протесты старообрядцев составлялись ведомости их фискального учета, противоречивые в своей основе. Названные учетные материалы в совокупности с данными ревизий, а их правительство в течение 1720–1780 гг. провело четыре, составили обширный и прочный источниковый фундамент исследования. Вместе с тем рабо-

та с такого рода документами, и не только с ними, побудила ученого к ценным источниковедческим высказываниям и заключениям. Он поставил важнейшие для анализа разнохарактерных учетных материалов вопросы: о репрезентативности учетных данных, о степени достоверности их показателей и, главное, возможности их сопоставления в целях выяснения численности старообрядчества как в целом, так и в конкретной, часто кризисной, ситуации. В последней связи Покровский сделал следующее глубокое замечание: «Нужно лишь не задавать этому источнику тех вопросов, на которые он не в состоянии ответить. И в первую очередь – вопроса о численности всего старообрядчества в данной местности (а не только той его части, которая изъявила желание платить двойной оклад)» [7, с. 25–28]. Это высказывание, соответствующее по своей основополагающей сущности важнейшим, программным принципам теоретического источниковедения, которое само в 1960–1980-е гг. переживало стадию дисциплинарного совершенствования и углубленного развития, в настоящее время осмысливается уже как постулат.

В связи с использованием законодательных актов Н.Н. заострил внимание на вопросе большой значимости, а именно, на необходимости «изучения различий в трактовке одного и того же законодательного материала светскими властями, духовенством и самими крестьянами-старообрядцами». Учитывая это обстоятельство, ученый считал плодотворным сопоставление законодательных источников с судебно-следственными [7, с. 28–29].

Массовым источником монографии стали судебно-следственные материалы, которые Н.Н. Покровский квалифицирует как «комплекс типологически разнородных источников, подобранных по сравнительно бюрократической однородной схеме»⁷. Преобладали же среди них документы самого следствия. Именно они «доносят до нас подлинный голос урало-сибирского крестьянства XVIII в., обычно в записи церковных канцеляристов, но иногда и непосредственно», – считает ученый. Он проникновенно продолжает: «Историк не может пройти мимо волнующих строк судебно-следственных дел, фиксирующих солидарность, уверенное мужество крестьян в отстаивании свободы совести, их гордое презрение к насильникам, спокойное осознание в консисторских или преображенских застенках самодовлеющей ценности своего внутреннего мира». Покровский делает специальный акцент на понимании следователями XVIII в. важности биографических сведений и выделяет вопрос их достоверности. В этой связи интересно следующее его высказывание: «Судьи просвещенного абсолютизма как

⁷ Схема была следующая: донос – арест – «кровавый механизм следствия: допросы, пытки, очные ставки»; итог следствия – краткий экстракт, составленный в консистории. [7, с. 31–33].

духовные, так и светские имели обыкновение считать грамотность подследственного отягчающим обстоятельством, если не прямой уликой. Нередки поэтому случаи, когда объявляли себя неграмотными, даже крестьяне, обучавшие грамоте других» [7, с. 29–30].

Прослеженный Покровским социальный состав протестующих был представлен, в основном, разными слоями крестьян, как старообрядцев, так и православных, и в меньшей мере казаками, горнозаводскими рабочими, гулящими людьми, т.е. беглыми вчерашними крестьянами. Другими словами, Н.Н. считает характер протеста на Урале и в Сибири «общекрестьянским» и весьма интенсивным. Он раскрывает сложное переплетение в протестных выступлениях религиозных, социальных, политических мотивов. Среди социально-политических факторов были: отказ от присяги «антихристовой» императорской власти (например, в 1722 г. в Тарском городе с сельской округой, сопровождавшийся горячами), включение в двойной подушный оклад старообрядцев (в 1730–1740 гг.), запись в раскольники, ревизский учет, насилия администрации и др. Чаяния крестьян устремлялись к достижению фискальной независимости, свободы от подушной подати, от рекрутчины, в неподконтрольности общинного управления и суда местной администрации, в реальной возможности обходиться без попов и консисторских предписаний [7, с. 334–337]. Проанализированный огромный фактический материал уполномочил историка на наиболее важный, как я думаю, итог: «Социально-экономическая и политическая реальность неизбежно трансформировала и раскольническую эсхатологию, и христианские идеи пустынножительства, приспособивая их для целей антифеодального протеста, в первую очередь пассивного. Но как только недовольство крестьян проявлялось в форме открытых активных выступлений, старообрядческий протест неизбежно отодвигался на задний план» [7, с. 390].

Пристальное внимание Покровского к трактовке нового документального материала, впервые вводимого в изучение, полученные новые, оригинальные выводы стали залогом создания научного труда большой значимости. Он насыщен многообразными фактами и жизненными коллизиями, активно действующими лицами разной социальной принадлежности и положения, острыми ситуациями и трагичными обстоятельствами — коллективными самосожжениями, жестокими пыточными расследованиями, действиями военных команд, почти фантастическими побегами арестованных из-под стражи и из Тобольской тюрьмы. Книга наполнена реальными людьми, она антропологична по своему характеру, и вместе с тем, она подкупает активной позицией и внутренней сопричастностью автора к рассматриваемым историческим событиям.

Из сказанного может сложиться мнение, что я уделила чрезмерное внимание источниковедческому аспекту при характеристике назван-

ных работ Покровского. Однако первая монография посвящена именно актовым источникам XIV – начала XVI в. по четко обозначенной теме – истории черносошного землевладения в России. Заключение книги о протесте старообрядцев ученый начинает следующей мыслью: «Вряд ли будет преувеличением утверждать, что наиболее важным и волнующим итогом приведенных нами показаний источников XVIII в. является вывод о необычайной интенсивности идеологической борьбы крестьян с феодальной церковью и государством. Крестьянская гибкость, практицизм отнюдь не мешали проявлениям бескомпромиссной готовности идти на любые жертвы в острых кризисных ситуациях. Такое сочетание гибкости и мужества приводило к постыдному краху самые хитроумные инквизиционные планы как церковных поклонников дыбы, так и вольтерьянствующих сановных экзекуторов» [7, с. 367].

Я полагаю, что в научном творчестве Н.Н. Покровского глубокий анализ источников играл роль хорошо настроенного инструмента для высоко профессионального исполнения. Приведу слова другого ученика М.Н. Тихомирова В.А. Александрова: Михаил Николаевич «заложил умение анализировать источник и понимание достоверности или сомнительности сообщаемого им факта. В это время сам он выделялся как крупнейший источниковед» [1, с. 36]. Не меньшее значение в творчестве Н.Н. Покровского имела и ориентация на достижения отечественной историографии второй половины XIX – XX в., в том числе и первого десятилетия XX в. В частности, я имею в виду работы А.С. Лаппо-Данилевского по дипломатике частных актов и методологии исторического знания и построения [4, 5]. Он развивал концепцию, в которой отводил первостепенное место историческому источнику как реализованному продукту человеческой психики, для познания же прошлого через источник и адекватного его воссоздания вводил понятие «чужой одушевленности» и сочувственного вживания в изучаемые события [4, вып. 2, с. 375]⁸. Даже несколько приведенных выше цитат из монографии Покровского о протесте старообрядцев с несомненностью подтверждают его квалифицированное умение встраиваться в события далекого прошлого и вживаться в чужое «Я». Результатом же было проникновение в глубины крестьянского сознания, которое воплощалось в социальном утопизме, выражалось в перипетиях борьбы старообрядцев с церковью и государством, отливалось в народные правовые представления.

⁸ См.: Швейковская Е.Н. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского и «Апология истории или ремесло историка» М. Блока: опыт источниковедческого сопоставления // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996. С. 380–385.

Значительное место в научной деятельности Н.Н. Покровского занимало участие в сессиях Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории. На протяжении 1970–1980 гг. он активно откликался своими докладами и / или выступлениями в прениях на обсуждение проблем, ставившихся на сессиях, вводя вновь найденные архивные источники, предлагая новые и порой неожиданные постановки тем. В.А. Александров, став в 1976 г. заместителем председателя Оргкомитета аграрного симпозиума, предложил на сессиях симпозиума обратиться к историко-правовому ракурсу при изучении положения крестьянства, сосредоточившись на его отношениях с государством и феодалами. Александров привлек Н.Н. к разработке такой тематики для секции XVIII в. Ученым удалось обратить внимание участников на «многообразие идеологических взглядов крестьянства, на историю его семейного строя и быта», дополнив и расширив тем самым социально-экономические вопросы [1, с. 95].

Научный поиск Н.Н. Покровского на рубеже 1980–1990 гг. сместился в сторону новой и снова мало исследованной проблемы о взаимосвязях общества и государства. Он написал книгу «Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» (Новосибирск, 1989). Через 2 года увидела свет монография, написанная Покровским в соавторстве с Александровым, и более широкая по постановке проблемы: «Власть и общество: Сибирь в XVII в.» (Новосибирск, 1991). Примечательно, что Александров и Покровский, оба ученики Тихомирова, оказались единомышленниками и объединили свои творческие усилия для разработки названной большой проблемы.

Литература

1. Александров В.А. Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998.
2. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4.
3. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.-Л., 1965.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1911–1913. Вып. 1–2.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
6. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973.
7. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
8. Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ В РОССИИ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Проблема налогов и повинностей в дореволюционной России является одним из важных вопросов, которому посвящают свои исследования китайские историки, изучающие Россию. В данной статье раскрывается общее состояние исследований китайскими историками налоговой политики и практики российских властей. Главным образом их внимание сосредоточено на нескольких вопросах, таких как реформы системы налогообложения и налоговая политика, воинская повинность, Крестьянский поземельный банк, бремя налогов и повинностей, ложившихся на плечи крестьян.

Ключевые слова: китайские историки, налоги и повинности в России, исследования.

Китайские исследователи относительно поздно приступили к изучению истории России. Основные научные результаты были получены после начала проведения в Китае политики реформ и открытости. С 90-х гг. XX в. начался период особенно активно развития исследований по истории России в Китае, которые обогатили науку новыми результатами. Проблема налогов и повинностей в России является ключевым пунктом исследований китайских ученых-русистов и затрагивает налоговую политику и практику российского правительства, а также связанные с этим вопросы. Особенность этих исследований состоит в том, что они охватывают обширный временной интервал и имеют широкую предметную область. Далее речь пойдет о нескольких таких проблемах.

Реформы налоговой системы и налоговая политика. Налоги с древности были и до сих пор остаются основой функционирования правительств в Китае и за рубежом, а система налогообложения является важной составляющей экономического строя любого государства. При этом она подвергается значительному влиянию со стороны политического устройства государства. Разработчики системы налогов и повинностей и налоговой политики государства в разные эпохи прово-

¹ Тан Яньфэн, кандидат исторических наук, Северо-восточный педагогический университет, tangyf10@163.com, tangyanfeng2013@gmail.com, КНР, Чанчунь.

дили различную налоговую политику, которая стала важным предметом исследований научных кругов Китая.

С 80-х гг. XX в. непрерывно ширились исследования китайскими учеными реформ Петра I. В том числе часть ученых сосредоточивала внимание и на реформе системы налогообложения, дав свою интерпретацию ее необходимости, хода и результатов. Тогда экономика России была слаборазвита, финансы государства находились в тяжелом состоянии. Усугубляли ситуацию расходы на военные нужды и строительство портов. В этих условиях налогово-бюджетная реформа стала неизбежной [15, с. 53]. Петр I для наполнения казны стал чеканить монеты низкой пробы, что привело к обесценению рубля и стремительному росту цен. Кроме того, Петр I под разными предлогами увеличивал число и размеры налогов для увеличения доходных статей бюджета. Объектом обложения вышеупомянутыми налогами был двор. Однако они не могли удовлетворить нужды армии, что делало реформу неизбежной. Знаковой стала реформа, в рамках которой в России было введено подушное налогообложение. Чжао Шиго полагает, что замена подушной податью множества прежних налогов положительно отразилась на бюджете страны, сборе налогов и учете, а также в определенной степени ликвидировала неравенство в отношении взимания налогов с крестьян. Негативная сторона подушного налогообложения состояла в том, что оно усилило зависимость крестьян от дворян-помещиков [15, с. 60]. Сходства и различия систем налогообложения в разных странах отражают различия в их экономической политике и направлениях развития. Сравнивая системы налогообложения Китая, России и Англии, китайский ученый Ли Синькуань приходит к выводу: на поздней стадии феодализма крепостничество в России сдерживало развитие капиталистической промышленности и торговли, и это сказывалось на модернизации финансово-бюджетной системы [2, с. 89].

Китайский ученый Чжан Гуансян исследовал эволюцию системы налогообложения и изменение структуры налогов в России XIX–XX вв. Как считает Чжан Гуансян, в системе налогообложения России в этот период имел место сложный комплекс перемен, ставший проекцией изменений социального строя: от экстенсивности к интенсивности, от выраженной жесткости к относительной умеренности, от подушного налогообложения к имущественному, от обложения налогом горожан и крестьян к обложению всех получателей дохода. Основными составляющими налоговой структуры являлись прямые и косвенные налоги. Из всего этого следует: в появлении и отмене налогов, увеличении и уменьшении их ставок не прослеживается четкая закономерность. Произвольность налогов была сравнительно велика, что зачастую создавало неравномерную нагрузку на налогоплательщиков. Однако непрерывный рост налогов заложил основу для бюджетно-фис-

кальной стабильности и осуществления в дальнейшем индустриализации [12, с. 108]. Другой ученый, Пэй Жань, провел сравнительное исследование налоговой политики двух министров финансов XIX в. Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградского. Он отметил, что Бунге проводил политику «для народа», например, снизил выкупные платежи, тогда как Вышнеградский вел политику «для государства», стремясь ликвидировать дефицит бюджета. На основании сравнительного исследования автор отметил, что два вида политики представляли собой конкретные меры, с помощью которых два министра финансов пытались переломить тенденцию к оскудению казны, в которой царил беспорядок. И хотя направление их действий было различно, а конкретные меры неодинаковы, однако результат оказался един – обоим не удалось вывести Россию из финансового тупика [6, с. 123].

Чжан Фушунь посвятил отдельную работу исследованию политики внешнеторгового протекционизма России XIX в. Политика установления протекционистских пошлин была частью экономической политики России XIX в. В ее проведении можно выделить три этапа: этап запретительных протекционистских пошлин, этап умеренных протекционистских пошлин и этап принудительных протекционистских пошлин, – каждый из которых стал результатом комплексного воздействия сложной международной и внутренней обстановки. Автор полагает, что политика протекционистских пошлин защитила сельское хозяйство, промышленность и торговлю России, сыграв важную роль в превращении страны из традиционного аграрного государства в современную промышленную державу. Эта политика стимулировала социальный прогресс в России, но в то же время народ страны вынужден был заплатить за это огромную цену [13, с. 76].

Система откупов налогов в России также привлекла внимание китайских ученых. По итогам исследования эволюции и способов взимания налоговых откупов в России Го Сянхун приходит к выводу, что существование откупной систем на протяжении длительного времени было обусловлено сравнительно низким уровнем развития товарной экономики в России, неразвитостью учетной системы, отсталостью транспорта и коммуникаций и др. Эти факторы оказали влияние на выбор правительством способа взимания налогов, сделав систему откупа основным способом взимания косвенных налогов в России, в особенности винного налога. Помимо этого, автор раскрыл длительный и сложный процесс отмены откупов. Он отметил, что отмена данной системы стабилизировала бюджетные доходы правительства, стимулировала приток купеческого капитала в капиталистическую промышленность, ликвидировала системную коррупцию, сопутствовавшую откупной системе, ознаменовала конец старой и рождение новой бюджетно-фискальной системы в России. По мнению Го Сянхуна, данная реформа имела большое значение для стимулирования

складывания рыночной экономики и свободной конкуренции, изменения социальной и экономической структуры, политической модернизации в России [1, с. 95–107].

Воинская повинность. Китайские ученые также исследовали эволюцию воинской повинности в России. Ее введение относится к началу XVIII в. В своей эволюции она прошла два этапа – этап рекрутской повинности и этап воинской повинности. Со времен Петра I до 1874 г. существовала рекрутская повинность, которую несли все податные сословия. Однако она фактически легла на плечи крестьян. Рекрутов определяло не государство – они выбирались общиной. Китайские историки полагают, что воинская обязанность была не только важным способом осуществления помещиками крепостнической системы правления, но и эффективным инструментом наказания непокорных крестьян и поддержания социальной стабильности помещиками и общиной. Кроме того, как отмечает Ло Айлинь, по мере развития товарной экономики в деревне, воинская обязанность приобрела не только военное, но и растущее социально-экономическое значение, приведя к формированию особого социального уклада в деревне [3, с. 69–80].

С тех пор как Петр I стал рекрутировать армию, в российском обществе сложилась особая социальная группа – солдаты. В большинстве своем они были уроженками деревни, а подчас и бывшими крепостными. Однако становясь «солдатами», они входили в более высокую военную прослойку, освобождавшуюся от оброка и барщины. В результате исследований положения «солдаток» и деревенских податных семей в России XVIII–XIX вв. китайские ученые пришли к выводу: феномен «солдаток» стал ярким выражением противоречий между западной культурой, которую привнесли реформы, и традиционным укладом в переживающем трансформацию обществе. «Солдаты» не могли вернуться к традиционному образу жизни, но в то же время практически не могли пользоваться благами «свободной личности» и, напротив, становились наиболее уязвимой группой среди женщин деревни. Они стали жертвой слепого навязывания российскому традиционному обществу привнесенной извне системы. Их печальная судьба стала предвестником того, что несмотря на отмену крепостного права в России, социальную разобщенность будет трудно преодолеть [8, с. 84–91].

Цуй Цзяньпин исследовал проблему служилых людей в Сибири до введения в России рекрутской повинности. В конце XVI – начале XVII в. в Сибири появились служилые люди, ставшие основной силой, с помощью которой Россия управляла Сибирью. Автор полагает, что в силу обширности территории и малочисленности населения Сибири руководящие структуры, размер, способ набора армии и др. отличались от таковых в европейской части России и в целом отставали

ли от них [11, с. 84]. В начале XVIII в. в результате реформ Петра I была создана регулярная армия, и служилые люди Сибири сошли с исторической арены.

Крестьянский поземельный банк. Крестьянский поземельный банк являлся специализированным государственным банком, через который государство выдавало крестьянам ссуды на покупку земли. 18 мая 1882 г. Александр III утвердил «Устав Государственного крестьянского поземельного банка», что означало официальное учреждение данной структуры, подразделения которой имелись во всех губерниях. С 1895 г. Крестьянский банк начал выкупать земли у помещиков и перепродавать их крестьянам. Исследуя исторический фон, структурную организацию, модель функционирования и основную деятельность Крестьянского поземельного банка, китайские ученые заключили, что данный банк сыграл позитивную роль в решении земельной проблемы крестьянства, в определенной степени ослабив общественные противоречия. Однако в силу того что царское правительство по сути было выразителем интересов помещиков и дворян, главной целью создания Крестьянского поземельного банка было поддержание царского самодержавия. Поэтому деятельность Банка, по мнению Чжун Цзяньпина, ни в коей мере не могла затронуть основы самодержавия и в корне разрешить социальные и классовые противоречия [16, с. 62–65].

Бремя налогов и повинностей крестьян после Великих реформ. После отмены крепостного права Александром II крестьяне получили узаконенную личную свободу. Одновременно у них появилось право владения землей. Однако бремя налогов и повинностей, лежавшее на плечах крестьян после реформ, сдерживало реализацию личной свободы крестьян и их права собственности на землю. После реформ государство продолжало взимать с крестьян различные прямые и косвенные налоги, причем наиболее велика была сумма прямых налогов. Крестьяне изыскивали способы зарабатывания денег, однако традиционное сельскохозяйственное производство могло лишь обеспечить поддержание базовых потребностей крестьянской семьи. Денежные расходы главным образом покрывались за счет доходов от животноводства и кустарных промыслов. Однако как ни старались крестьяне, им не удалось полностью выплатить высокие налоги. Принятая правительством политика снижения налогов также не помогала делу, в результате чего недоимки с крестьян продолжали накапливаться. Китайские ученые полагают, что после реформ груз налогов и повинностей на плечах крестьян стал тяжелее по сравнению с дореформенным периодом. Личная свобода крестьян и их право собственности на землю не были успешно реализованы [7, с. 122–127].

Помимо указанных статей, существуют научные монографии по общей и специальной истории России. Китайские ученые анализируют

ют проблему налогов и повинностей в России в контексте цельного процесса исторического развития, за счет чего им удается всесторонне и достоверно осмыслить особенности исторического развития России [4, 5, 9, 10, 14]. Таким образом, исследования китайскими учеными проблем, связанных с налогами и повинностями в России, затрагивают сравнительно широкую область. Однако по-прежнему существует множество конкретных проблем, нуждающихся в дальнейшем изучении. Это является одной из будущих задач исследований российской истории в Китае.

Литература

1. Го Сянхун. Откупная система в России и ее отмена // «Шицзе лиши» (Всемирная история). 2010. № 2. С. 95–107.
(郭响宏.俄国的包税制及其废除.世界历史.2010年第2期.95–107页.)
2. Ли Синькуань. Право введения налогов – финансовый кризис – структура податей и налогов. Сравнение финансово-налоговой системы Китая, России и Англии в период позднего феодализма // «Дунбэйя луньтань» (Форум Северо-Восточной Азии). 2005. № 3. С. 85–89.
(李新宽.制税权•财政危机•赋税结构 - 中,俄,英封建晚期财税体制比较.东北亚论坛.2005年第3期.85–89页.)
3. Ло Айлинь. О сельской общине и воинской повинности крестьян в России // «Шисюэ юэкань» (Ежемесячный журнал «Историческая наука»). 2007. № 11. С. 69–81.
(罗爱林.论俄国农村公社与农民的兵役义务.史学月刊.2007年第11期.69–81页.)
4. Лю Цзуси. Реформа и революция: исследование модернизации России (1861–1917 гг.). Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2001.
(刘祖熙.改革和革命 - 俄国现代化研究 (1861–1917).北京:北京大学出版社.2001.)
5. Очерки общей истории России (в 2 т.). Под редакцией Сунь Чэнму, Лю Цзуси, Ли Зянь. Пекин: Жэньминь, 1986.
(俄国通史简编 (上下).孙成木,刘祖熙,李建主编.北京:人民出版社.1986.)
6. Пэй Жань. Сравнение налоговой политики двух министров финансов в к. XIX в. // «Хэйлуңцзян шэхуэй кэсюэ» (Общественные науки Хэйлуңцзян). 2010. № 3. С. 124–128.
(裴然.19世纪末两任财政大臣税收政策比较研究.黑龙江社会科学.2010年第3期.124–128页.)
7. Тан Яньфэн. Изучение бремени налогов и повинностей крестьян после реформ 1861 г. // «Шисюэ цзикань» (Альманах исторической науки). 2011. № 3. С. 122–127.
(唐艳凤.俄国1861年改革后农民赋役负担探析.史学集刊.2011年第3期.122–127页.)

8. У Хэ. Столкновение традиции и вестернизации в российской деревне : «Солдатки» и военнообязанные семьи в российской деревне в XVIII–XIX вв. // «Шисюэ юэкань» (Ежемесячный журнал «Историческая наука»), 2012. №10. С. 84–91.

(吴贺.传统与西化在俄国农村的交锋:18至19世纪中期俄国的“士兵妻子”与农村服役家庭.史学月刊.2012年第10期.84–91页.)

9. Цао Вэйань. Новый взгляд на историю России: коренные проблемы, влияющие на историческое развитие России. Пекин: Издательство Академии общественных наук Китая, 2002.

(曹维安.俄国史新论 - 影响俄国历史发展的基本问题.北京:中国社会科学出版社.2002.)

10. Цзинь Янь, Бянь У. Сельская община, реформы и революции. Пекин: Издательство Востока, 2013.

(金雁,卞悟.农村公社,改革与革命.北京:东方出版社.2013年.)

11. Цуй Цзяньпин. Служилые люди в Сибири в XVII в.: формирование, изменение и управление // «Сиболия яньцзю» (Исследования Сибири). 2007. № 2. С. 81–84.

(崔建平.17世纪西西伯利亚军役人员:形成,编制与管理.西伯利亚研究.2007年第2期.81–84页.)

12. Чжан Гуансян. Система налогообложения и экономический рост России в XIX – н. XX вв. // «Цилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сзюбао» (Вестник общественных наук Цилиньского университета). 2004. № 3. С. 108–115.

(张广翔.19世纪 - 20世纪初俄国税制与经济增长.吉林大学社会科学学报.2004年第3期.108–115页.)

13. Чжан Фушунь. Изложение политики протекционистских пошлин в России XIX в. // «Дунбэйя луньтань» (Форум Северо-Восточной Азии). 2001. № 3. С. 76–80.

(张福顺.19世纪俄国保护关税政策述论.东北亚论坛.2001年第3期.76–80页.)

14. Чжан Цзяньхуа. История России. Пекин: Жэньминь, 2014.

(张建华.俄国史.北京:人民出版社.2014.)

15. Чжао Шиго. Краткое изложение теории реформы системы налогообложения Петра I // «Шицзе лиши» (Всемирная история). 1996. № 4. С. 53–60.

(赵士国.彼得一世税制改革论略.世界历史.1996年第4期.53–60页.)

16. Чжун Цзяньпин. О роли Крестьянского поземельного банка в России // «Сиболия яньцзю» (Исследования Сибири). 2010. № 1. С. 62–65.

(钟建平.试论俄国农民土地银行的作用.西伯利亚研究.2010年第1期.62–65页.)

РАСХОДЫ НА НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ В БЮДЖЕТЕ РОССИЙСКОГО ПОРЕФОРМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА

На основе бюджетов крестьянских хозяйств определен удельный вес расходов, уходивших на налоги и повинности. Установлено, что основная причина тяжести налогов для крестьян – не в их величине, а в слабой товарности крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: налоги, повинности, бюджет, крестьянское хозяйство.

Выяснение степени тяжести налогового бремени крестьянства в пореформенной России является одной из тех проблем, решением которых занималось не одно поколение отечественных исследователей. Известно, что в досоветский период крестьянство являлось самым крупным податным сословием. Во второй половине XIX – начале XX в. государственный и местный бюджеты во многом формировались за счет налогов с крестьянских хозяйств. Причем разные категории крестьянства несли неодинаковую налоговую нагрузку. Сильнее других различными платежами были отягощены помещичьи крестьяне. Основная причина такого положения помещичьих крестьян – высокие выкупные платежи, составлявшие большую часть налогового бремени. В 70-е гг. XIX в. на выкупные платежи приходилось в Верхнем Поволжье (Владимирская, Костромская, Ярославская губернии) 3/5, а в Вятской и Московской губерниях – 4/5 общей суммы платежей помещичьих крестьян [10, с. 34].

Тяжесть налогов у государственных и удельных крестьянских хозяйств была меньшей, чем у помещичьих, но и у них часто доходность земли не соответствовала величине налогообложения. Особенно ярко это несоответствие проявлялось в нечерноземной полосе страны. По расчетам известного российского экономиста Ю.Э. Янсона в Верхнем Поволжье после реформы 1861 г. платежи за надельную землю, в среднем, превышали ее доходность у государственных крестьян в 1,5 раза, а у помещичьих – в 2,5 раза [10, с. 36]. Советский историк Н.М. Дружинин, опираясь на те же данные, что и Ю.Э. Янсон, в своих исследованиях также отмечал, что расходы крестьян на различные платежи

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

и повинности часто превышали доход от земельных наделов. В связи с этим Н.М. Дружинин сделал вывод, что в 60–70-х гг. XIX в. «доходы от земли в большинстве районов Европейской России не могли обеспечить пореформенному крестьянству исправной уплаты повинностей, а иногда не могли удовлетворить даже элементарной потребности в пропитании» [4, с. 132].

Выстраивая налоговую политику, правительство, по всей видимости, полагало, что бюджет пореформенного крестьянского двора, как и до отмены крепостного права, в значительной степени будет формироваться за счет средств, поступающих от занятий сельского населения разного вида промыслами.

Несоответствие доходности наделной земли и денежных сборов, взимаемых с сельского населения (в первую очередь, выкупных платежей), являлось основной причиной быстрого роста недоимок, т.е. хронической задолженности крестьянских хозяйств по выплате налогов. Так, если в 1866 г. только в одной губернии (Уфимской) из 29-ти, по которым имеются соответствующие сведения, недоимки помещичьих крестьян по выкупным платежам превышали сумму годового взноса, то в 1876 г. таких губерний было 3, а в 1881 г. – уже 9. Наиболее сложное положение было в Смоленской и Самарской губерниях. В них размер недоимок в 1881 г. в 2,5 раза превышал сумму годового платежа [4, с. 76–77].

Задолженность государству удельных и государственных крестьян была меньше, чем помещичьих, но и у них она была обычным явлением. В 1883 г. недоимки удельных крестьян в Московской и Казанской губерниях превышали сумму годового платежа [4, с. 100–101].

Правительство пыталось решать проблему крестьянских недоимок, применяя к недоимщикам различного вида карательных мер, как-то: арест, наказание розгами, продажа части крестьянского имущества. В связи с тем, что крестьяне были связаны круговой порукой, власти, наряду с наказанием глав отдельных хозяйств-должников, применяли и карательные санкции против представителей сельской администрации – сельских старост и волостных старшин. В 1891 г. в ходе борьбы с недоимками в Ярославской губернии были подвергнуты наказанию в виде содержания под стражей 10 волостных старшин и 248 сельских старост, 19 волостных старшин и 294 сельских старосты были оштрафованы². Такие меры власти приводили к тому, что крестьяне часто не желали быть избранными в сельские и волостные учреждения.

В то же время чиновники на местах отмечали, что важнейшей причиной недоимок было тяжелое экономическое положение крестьянс-

² Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 8. Ярославль, 1901. С. 64.

ких хозяйств и в своих докладах нередко предлагали правительству при проведении налоговой политики учитывать данное обстоятельство [4, с. 81–83].

Понимая, что только карательными мерами проблему крестьянских неплатежей решить невозможно, правительство в 80-е гг. XIX в. идет на реформирование системы налогообложения с некоторым снижением налоговой нагрузки с помещичьих крестьян, выравниванием налогового бремени у крестьян разных категорий и заменой части прямых налогов косвенными. Согласно Указу с июля 1882 г. во всех русских губерниях выкупные платежи сокращались на 1 руб. с каждого душевого надела, а для наиболее бедственных районов производилось дополнительное понижение. Это существенно снизило размер выкупных платежей. В среднем по Европейской России выкупные платежи были сокращены на 27 %. Наибольшее сокращение выкупных платежей было в Олонецкой губернии (92 %), а наименьшее – в Херсонской (16 %). В целом в нечерноземной полосе сокращение выкупных платежей было более значительным, чем в черноземной зоне³.

В дальнейшем правительство пошло и на отмену подушной подати. С 1 января 1886 г. взимание подушной подати прекращалось с бывших помещичьих и удельных крестьян, а с 1 января 1887 г. – и с бывших государственных крестьян. В то же время оброчная подать бывших государственных крестьян по этому закону с 1887 г. увеличивалась на величину сложенной с них подушной подати и обращалась в выкупные платежи.

Для борьбы с недоимками указанные мероприятия оказались недостаточно эффективны. Накануне революции 1905 г. у всех 3-х категорий крестьян в России недоимки превышали годовой оклад платежей. Большие недоимки были как в земледельческих, так и в промышленных губерниях [1, с. 73].

Объяснение сложившейся ситуации только сохранявшимся несоответствием доходности земли величине налогообложения явно недостаточно. Изучение места и роли налогов и различных повинностей в крестьянском хозяйстве необходимо проводить, опираясь на совокупность различных данных. В связи с этим большую ценность для исследователей представляют бюджетные обследования крестьянских хозяйств, которые содержат сведения о доходных и расходных статьях крестьянского двора.

В конце XIX в. Ф.А. Щербина на основании обработки данных 293 крестьянских бюджетов за 1877–1894 гг. рассчитал доход и расход крестьян по районам России. В таблице о расходах крестьян представле-

³ Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 5. С. XXIV–XXV.

ны сведения, касающиеся доли различных платежей в общих расходах, приходившихся на 1 душу крестьянского населения:

Расходы крестьян в 1877–1894 гг. [9, с. 43]

Район	Всего расходов на 1 душу населения (руб.)	Платежи в расчете на 1 душу населения	
		Руб.	% ко всем расходам
Южный	63,67	2,68	4,2
Юго-Западный	52,77	2,16	4,1
Средне-Черноземный	50,05	2,92	5,8
Юго-Восточный	56,92	2,54	4,5
Западный	56,05	2,32	4,1
Промышленно-Черноземный	50,91	3,17	6,2
Восточный	53,01	2,36	4,5
Балтийский	58,54	2,41	4,1
Промышленный	61,80	3,12	5,1
Столичные губернии	62,28	4,03	6,5
Северный	59,83	2,17	3,6
По России	55,54	2,65	4,8

Из данных таблицы следует, что в среднем по России платежи с одной наличной крестьянской души составляли 2 руб. 65 коп. и равнялись 4,8 % от общих расходов крестьян. Больше всего в абсолютных и относительных величинах на различные налоги и платежи расходовали крестьяне в столичных губерниях, в Промышленном районе, и в губерниях черноземной полосы, а меньше всего – на севере и западе страны. В то же время во всех районах траты на налоги и платежи не составляли и 10-й части всех расходов, а, следовательно, они не могли быть основной расходной статьей крестьянского бюджета.

При изучении бюджетов Ф.А. Щербина выяснил, что в целом по Европейской России 3/4 дохода крестьянское хозяйство получало от сельского хозяйства и 1/4 составляли доходы от промыслов. Соотношение этих показателей в разных районах страны имело существенные различия. Больше всего доходов в крестьянский бюджет приносили промыслы в столичных губерниях и в промышленном районе, а меньше всего – в Южном и Юго-Восточном районах [9, с. 36].

В 1895 г. в Козельском уезде Калужской губернии земство собрало подробные сведения о бюджетах 1313 крестьянских хозяйств. На основании этих бюджетов выяснилось, что 3/4 дохода местные крестьяне получали от сельского хозяйства и 1/4 – от промыслов. Соотношение этих показателей соответствует средним данным по Европейской России, приведенным выше, и поэтому сведения о бюджетах козельских крестьян вызывают особый интерес.

Бюджеты крестьянских хозяйств Козельского уезда не раз были объектом исследования [8, с. 333–355; 1, с. 133–134, 158–163; 5, с. 136–161]. Данные бюджетов козельских крестьян показали, что денежные налоги (84,4 %) и натуральные повинности (15,6 %) на 1/3

превышали чистый доход хозяйств от земледелия. На них уходило 58,1 % всего денежного дохода (доход и приход в крестьянском бюджете практически были равны) [1, с. 133, 161]. Высокий процент денежных расходов на налоги и повинности служил для советских историков главным доказательством чрезмерности налогового бремени сельского труженика царской России. Они, в отличие от предшественников, почти не привлекли во внимание такой показатель, как доля налогов в общих расходах крестьянского хозяйства. Крестьянское же хозяйство было, в основном, натуральным, и значительная часть продукции крестьянского двора не поступала на рынок, а потреблялась внутри него. Оборот денежных средств при натуральном хозяйстве ограничен. Так, козельские крестьяне, расходуя на налоги и повинности большую часть имевшихся в хозяйстве денег, тратили на эти нужды в среднем только 4,4 % от стоимости всей произведенной за год продукции [1, с. 161].

Вышеприведенные факты убедительно свидетельствуют, что расходы на налоги и повинности в крестьянском хозяйстве были далеко не основными расходами. Тогда возникает вопрос: почему росли недоимки? Дело в том, что основной причиной роста недоимок являлись, по-видимому, не большие налоги, а бедность и отсталость пореформенного крестьянского хозяйства. Общие невысокие расходы крестьянского двора свидетельствовали о его экономической слабости. При господстве натурального хозяйства крестьянину сложно найти даже относительно небольшую денежную сумму, необходимую для оплаты разного вида платежей. Вот как объяснял в начале 90-х гг. XIX в. причины распространения отхожих промыслов среди местных крестьян один из земских начальников Ростовского уезда Ярославской губернии: «В среднем на трех едоков приходится 1 душа, т.е. 3 ^{1/2} десятины земли. ... валовой доход с одной души на трех едоков всего 72 рубля. Из этого количества вычтешь 12 рублей всех повинностей, остается на трех человек в год 60 рублей, и в том числе семена на будущий год в количестве на 12 рублей, следовательно, для прожития на троих остается 48 рублей, т.е. по 16 рублей на каждого в год. Из этого нужно одеться, построиться, прокормиться и удовлетворить всем прочим потребностям. Уход человека составляет не только «один рот с хлебов долой», но он еще зарабатывает хоть сколько-нибудь. Семья считается обеспеченной, если есть кому идти на сторону»⁴.

С 1907 г. взимание выкупных платежей было прекращено. В связи с этим не могли не сократиться размеры обязательных платежей крестьянского двора. В 1908–1909 гг. в так называемом фабричном районе Костромской губернии были собраны данные о бюджетах 107 крестьянских хозяйств. Следует отметить, что к фабричному району от-

⁴ Государственный архив Ярославской области. Ф. 485. Д. 557. Л. 2.

носились поселения с сильно развитым отходом крестьян на местные текстильные предприятия. Полученные сведения позволяют детально исследовать бюджет местных крестьянских хозяйств и определить, в том числе, величину прямых налогов, взимаемых с земледельцев. Данные о расходной части бюджетов крестьян представлены в таблице о расходных статьях крестьянских бюджетов (см. Приложение). В ней приведены сведения о расходах крестьянских хозяйств с разной площадью пашни (дворы без пашни не обследовались). Крестьянские хозяйства разделены на 4 группы: в первую вошли дворы с пашней до 3 дес., во вторую — от 3 до 6 дес., в третью — от 6 до 9 дес. и в четвертую — свыше 9 дес. Поскольку численность дворов в группах была разная, для корректности сравнения приведены средние показатели на одно хозяйство по каждой группе. Крестьянские хозяйства разных групп отличались численностью семьи. Так, в среднем на 1 хозяйство в I группе приходилось 4,92 человека, а в IV группе — 7,51. В связи с этим при анализе бюджетов крестьянских хозяйств основное внимание уделено не абсолютным цифрам, а относительным показателям.

Из приведенных данных следует, что расходы на личные потребности, включавшие траты на питание, одежду, жилище, религиозные расходы и т.п., в крестьянской семье в среднем составляли 45,1 % всех расходов. Причем ясно прослеживается обратная зависимость между величиной пашни и долей расходов на личные потребности семьи. Так, если в I группе они составляли 51,6 %, то в IV — 35,7 %.

Удовлетворение личных потребностей крестьян в значительной степени было связано с денежными затратами. В среднем по всем 107 хозяйствам денежные расходы на личные потребности в 2 раза превосходили расходы в натуральном выражении. Данные по группам свидетельствуют, что чем меньше была площадь пашни у хозяйства, тем теснее оно поддерживало связь с рынком для удовлетворения своих повседневных нужд.

Основные траты крестьян на личные потребности проходят по статье «расходы на питание». В среднем у крестьян фабричного района на это уходило 25,1 % всех средств. Причем денежные и натуральные части этих расходов были практически равны между собой. Данные по группам показывают, что большой разницы в доле средств на питание в крестьянских хозяйствах с разной площадью пашни не было, но прослеживается четкая связь между площадью посева и денежными расходами на приобретение пищевых продуктов. Так, если в I и II группах денежные расходы превосходили натуральные, то в III и IV группах было наоборот.

Что касается качества питания крестьян, то, по мнению специально занимавшихся этим вопросом исследователей, во всей Костромской губернии оно было невысоким. Питание не опускалось ниже физи-

ологической нормы, но количество потребляемых с пищей калорий у абсолютного большинства сельского населения не соответствовало энергозатратам, необходимым «для производства тяжелых земледельческих работ». Фабричный район Костромской губернии по качеству питания занимал среднее положение среди других экономических районов губернии. Здесь, как и в целом по губернии, складывалась ситуация при которой «питание населения сравнительно выше в наиболее крупных хозяйствах, нежели в мелких хозяйствах» [6, с. 18]. В то же время в крестьянских хозяйствах с небольшим размером пашни, трудоспособное население которых активно вовлекалось в работу на фабриках, питались лучше, чем крестьяне с таким же пашенным участком в других районах.

Сведения о расходах на духовные потребности показывают, что траты на образование и религию не играли существенной роли в крестьянском бюджете.

Расходы на хозяйственные потребности в целом по району почти равнялись расходам на личные потребности и составляли 43,3 % всех расходов крестьянского двора. Чем больше была площадь пашни, тем большую долю бюджета семья тратила на хозяйственные нужды. Во всех группах, кроме I-й, натуральная часть расходов превышала денежную. Основные хозяйственные расходы крестьян — это расходы на содержание помещений и скота, инвентарь, покупку семян и удобрений. Траты на аренду земли не превышали 1 % от общей суммы расходов, что свидетельствует о неразвитости этого вида землепользования в фабричном районе. Расходы на наемную силу были несколько больше и колебались от 2,3 % во II группе до 5,2 % в I группе. В абсолютных цифрах расходы на привлекаемые посторонние рабочие руки также были невелики. Это свидетельствует о том, что процесс классового расслоения в деревне был слабым, и благосостояние большинства крестьянских хозяйств основывалось на трудовом вкладе членов семьи.

Особый интерес в бюджете крестьянского хозяйства вызывают расходы, связанные с налогами и различными платежами. Приводимые данные показывают, что в начале XX в. после отмены выкупных платежей налоговое бремя стало намного слабее. Обследованные крестьянские хозяйства в среднем расходовали на налоги и платежи 13 руб. 94 коп. Это составляло 2,4 % всех денежных трат или 1,2 % от общих расходов семьи. Меньше всего денег на налоги и платежи уходило в I группе — 2,1 %, а больше других в IV группе — 3,4 %. Доля этих расходов в группах колебалась от 1,1 % до 1,4 % от всех расходов крестьянского двора. Отсюда следует, что расходы на духовные потребности и расходы на прямые налоги и платежи в крестьянском бюджете занимали примерно одинаковое место.

В пореформенный период правительство проводило политику переноса тяжести налогового бремени с прямых налогов на косвенные. По мнению некоторых исследователей, итогом такой политики стало

то, что в предреволюционной России косвенное налогообложение развивалось сильнее, чем прямое налогообложение [7, с. 130].

Избранная правительством налоговая политика приводила к постоянному увеличению во второй половине XIX — начале XX в. стоимости сахара, чая, алкоголя, табака, спичек, керосина и др. товаров. Между тем перечисленные товары все более широко распространялись в пореформенной деревне, становились предметом повседневного спроса. Данное обстоятельство не могло не сказаться на бюджете крестьян. Яркое тому подтверждение — бюджет среднего крестьянского двора одной из деревень Пошехонского уезда Ярославской губернии⁵. В 1909 г. семья, что стала предметом изучения, состояла из хозяйина, хозяйки, сына 15 лет, дочерей 20 и 8 лет. Им принадлежали лошадь, 3 коровы, 2 телки. В 2-х душевых наделах насчитывалось 11 дес. земли. Годовой доход от своего хозяйства составлял 383 руб. Из них 238 руб. составляли продукты, израсходованные семьей на собственные нужды, и 145 рублей — полученные от продажи сельскохозяйственной продукции на рынке. Расход крестьянского двора выглядел следующим образом:

Земельные повинности	10 руб. 00 коп.
7 фунтов чая	11 руб. 90 коп.
2 пуда 15 фунтов сахара	58 руб. 88 коп.
Помол ржи	3 руб. 13 коп.
Одежда и обувь	104 руб. 80 коп.
Табак и спички	10 руб. 00 коп.
2 пуда керосина	4 руб. 50 коп.
Ковка лошади	3 руб. 30 коп.
Ремонт, страх. построек и орудий	27 руб. 46 коп.
Духовенству	2 руб. 60 коп.
Водка на угощения	2 руб. 60 коп.

Итого

255 руб. 82 коп.

Разница между денежным приходом и расходом составила 110 руб., покрывать ее приходилось за счет заработков на стороне. Следует отметить, что данный бюджет был составлен в деревне, где домохозяева единогласно постановили не пить водки и вот уже 2 года выполняли принятое на сходе решение. Из приведенных данных видно, что прямые налоги играли далеко не главную роль в расходах крестьянской семьи. Ассортимент и стоимость покупаемых товаров показывают, что крестьянская семья могла бы иметь бездефицитный бюджет и без посторонних заработков, но для этого ей нужно было бы отказаться от «достижений цивилизации», прекратить покупки постоянно повышавшихся в цене акцизных товаров, вернуться к домотканой одежде и

⁵ Вестник сельского хозяйства. 1909. № 48. С. 9—10.

лаптям. Рост косвенных налогов на чай, сахар, табак, водку и ряд других товаров ослаблял положительное влияние на крестьянское хозяйство сокращения прямого налогообложения. Накануне Первой мировой войны, по расчетам А.Л. Вайнштейна, общая сумма всех без исключения налогов и платежей (прямых и косвенных) составляла около 10 % всего условно-чистого дохода (валовой доход минус семена и корм скоту) сельского населения [2, с. 53].

Итак, из всего вышеизложенного следует, что тяжесть прямых налогов, лежавших на крестьянских хозяйствах, даже в начале пореформенного периода была вызвана не их величиной, а тем, что большинство хозяйств России были слабо включены в рыночные отношения. Выделить из своего бюджета даже небольшую сумму денег на уплату налогов для многих из них было большой проблемой. В конце XIX — начале XX в. с ростом товарно-денежных отношений на селе и увеличением покупательной способности крестьян бремя прямых налогов для крестьянских хозяйств ослабевало, но увеличивалась тяжесть налогов косвенных.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.
2. *Вайнштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время (опыт статистического исследования). М., 1924.
3. *Воробьев Н.И., Макаров Н.П.* Крестьянские бюджеты по Костромской губернии. Вып. 1. Кострома, 1924.
4. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978.
5. *История крестьянства Западного региона России (1861–1917).* Калуга, 2004.
6. *Крестников А.Н.* Питание крестьян Костромской губернии по бюджетным исследованиям 1908–9 гг. Кострома, 1912.
7. *Петров Ю.А.* Налоги и торгово-промышленное предпринимательство в предреволюционной России (к постановке исследовательской проблемы) // Россия в XIX–XX веках. Материалы II Научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. Москва. 2002.
8. *Пронин В.И.* Разложение крестьянства Калужской губернии в конце XIX в. (К вопросу о соотношении укладов в экономике деревни эпохи капитализма) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1965. Сб. VI.
9. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев и цен на хлеба // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т. II.
10. *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.

Расходная часть бюджета крестьянских хозяйств фабричного района Костромской губернии в 1908–1909 гг.

Статьи расхода	Вид	I группа		II группа		III группа		IV группа		Среднее	
		%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.
Питание	Нат.	13,2	117,68	12,7	126,24	13,5	176,08	13,1	245,60	13,0	152,98
	Ден.	15,8	141,65	13,5	135,09	11,5	149,50	8,0	151,48	12,1	141,55
	Итого	29,0	259,33	26,2	261,33	25,0	325,58	21,1	397,08	25,1	294,53
Одежда, утварь, жилище	Нат.	3,0	26,77	2,7	27,03	1,6	20,95	1,7	32,20	2,2	26,51
	Ден.	18,6	166,12	18,3	182,49	12,5	162,61	12,0	224,98	15,5	182,15
	Итого	21,6	192,89	21,0	209,52	14,1	183,56	13,7	257,18	17,7	208,66
Духовные потребности	Нат.	0,1	1,02	0,3	3,25	0,3	3,54	0,2	4,12	0,3	3,09
	Ден.	0,9	8,08	3,0	29,68	2,5	32,16	0,7	12,29	2,0	24,16
	Итого	1,0	9,10	3,3	32,93	2,8	35,70	0,9	16,41	2,3	27,25
Всего на личные потребности	Нат.	16,3	145,47	15,7	156,52	15,4	200,57	15,0	281,93	15,5	182,58
	Ден.	35,3	315,85	34,8	347,26	26,5	344,27	20,7	388,75	29,6	347,86
	Итого	51,6	461,32	50,5	503,78	41,9	544,84	35,7	670,68	45,1	530,44
Аренда земли	Нат.	-	-	0,1	0,91	0,1	0,90	0,3	4,97	0,1	1,37
	Ден.	0,8	6,74	0,6	6,52	0,7	9,44	0,7	13,52	0,7	8,20
	Итого	0,8	6,74	0,7	7,43	0,8	10,34	1,0	18,49	0,8	9,57
Хоз. постройки, инвентарь, содержание скота	Нат.	13,1	116,77	18,4	183,31	20,2	262,53	28,3	532,43	20,5	241,23
	Ден.	6,9	61,82	5,9	56,25	3,9	51,39	3,6	68,34	5,0	57,95
	Итого	20,0	178,59	24,0	239,56	24,1	313,92	31,9	600,77	25,5	299,18
Наемная сила	Нат.	0,7	6,66	0,3	3,14	0,5	7,20	0,5	9,31	0,4	5,45
	Ден.	4,5	39,91	2,0	19,92	2,7	34,62	3,3	62,75	2,8	32,52
	Итого	5,2	46,57	2,3	23,06	3,2	41,82	3,8	72,06	3,2	37,97
Семена, удобрение	Нат.	3,6	32,49	6,0	59,65	7,1	92,58	8,1	152,22	6,5	75,95
	Ден.	7,4	66,31	6,0	59,64	13,0	168,96	4,2	79,17	7,3	86,10
	Итого	11,0	98,80	12,0	119,29	20,1	261,54	12,3	231,39	13,8	162,20

Всего на хоз. потребности	Наг.	17,4	155,92	24,8	247,01	27,9	363,21	37,2	698,93	27,6	324,00
	Ден.	19,6	174,78	14,2	142,33	20,3	264,41	11,9	223,78	15,7	184,77
	Итого	37,0	330,70	39,0	389,34	48,2	627,62	49,1	922,71	43,3	508,77
Общественные и государственные платежи	Наг.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Ден.	1,4	11,99	1,2	11,65	1,2	15,31	1,1	21,55	1,2	13,94
	Итого	1,4	11,99	1,2	11,65	1,2	15,31	1,1	21,55	1,2	13,94
Прочие расходы	Наг.	0,1	1,28	1,6	15,58	0,2	2,40	1,0	19,57	1,0	11,19
	Ден.	0,2	1,59	-	0,14	-	-	-	-	-	0,32
	Итого	0,3	2,87	1,6	15,72	0,2	2,40	1,0	19,57	1,0	11,51
Остатки от бюджетного года и кредитные операции	Наг.	3,6	31,91	5,7	56,88	6,4	82,95	9,3	175,97	6,5	76,08
	Ден.	6,1	55,16	2,0	19,80	2,1	27,19	3,8	71,01	2,9	34,59
	Итого	9,7	87,07	7,7	76,68	8,5	110,14	13,1	246,98	9,4	110,67
Весь годовой расход	Наг.	37,4	334,58	47,7	475,99	49,9	649,13	62,5	1176,40	50,5	593,85

**ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКИЕ НЕДОИМКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)**

Рассмотрены причины и условия накопления недоимок крестьянами северо-западных губерний России в пореформенные годы. Показаны формы и методы ликвидации крестьянской задолженности по мирским, земским и окладным сборам, применявшиеся крестьянской общиной.

Ключевые слова: Северо-Запад, община, фискальные функции, недоимки, оклад, мирские платежи.

Пореформенный период в России характеризовался значительным усилением фискального гнета. Крестьянам приходилось платить разнообразные налоги: выкупные платежи, казенные сборы и налоги, земские мирские сборы. Так, в Псковской губернии в конце XIX в. недоимки по выкупным платежам составляли свыше 54 % всей суммы крестьянских недоимок, а земские сборы – более 25 %². Крайне негативно сказывались на положении крестьянского хозяйства многочисленные натуральные повинности: дорожная, подводная, церковная, служба крестьян в качестве сотских и десятских [1, с. 41]. Для многих крестьянских хозяйств уплата налогов в срок и в полном объеме требовала затраты трудовых усилий всех членов семьи.

Фискальный гнет, лежавший на бывших помещичьих, государственных и удельных крестьянах северо-западных губерний России, был неодинаков. Известный исследователь крестьянства Ю.Э. Янсон привел следующие данные о размерах платежей крестьян Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний, приходившихся на 1 дес. земли в рублях (см. табл. 1) [2, с. 29–32].

Как видно из табл. 1 сумма платежей, которые платили бывшие частновладельческие крестьяне, была значительно выше, чем у бывших удельных и государственных крестьян. Объясняется это тем, что бывшим помещичьим крестьянам приходилось платить значительные

¹ *Никулин Валерий Николаевич*, доктор исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, nikuliny@mail.ru, Россия, г. Калининград.

² Платежи и недоимки крестьянского населения Псковской губернии и продовольственные долги. Псков, 1897. С. 10.

суммы в виде выкупных платежей, составлявших существенную часть налогов (см. табл. 2) [2, с. 33].

Таблица 1

Размер платежей крестьян северо-западных губерний (1 дес., руб.)

Губерния	Категории крестьян		
	Бывшие государственные крестьяне	Бывшие удельные крестьяне	Бывшие помещичьи крестьяне
Новгородская	1 р. 03 к.	1 р. 63 к.	1 р. 82 к.
Псковская	1 р. 42 к.	-	2 р. 35 к.
Санкт-Петербургская	1 р. 55 к.	2 р. 10 к.	2 р. 47 к.

Таблица 2

Оброчные и выкупные платежи (1 дес., руб.)

Губерния	Оброк бывших государственных крестьян	Выкупные платежи бывших помещичьих крестьян
Новгородская	0,47	1,26
Псковская	0,58	1,32
Санкт-Петербургская	0,66	1,60

В течение всего пореформенного времени все более заметным становился кризис платежеспособности крестьян. Обложение налогами крестьянских надельных, а также купленных земель, как правило, не соответствовало их доходности. Характеризуя состояние крестьянского хозяйства в нечерноземных губерниях, Ю.Э. Янсон вынужден был констатировать, что «не только наделы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля в иных случаях может только прокормить их, не покрывая других потребностей крестьянского хозяйства, в большинстве же и прокормить их не в состоянии» [2, с. 28]. Даже хозяева крепких крестьянских дворов оказывались в недоимщиках. Так, крестьянин д. Плосково Устьявленской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии Т. Матвеев (34 года), его жена (25 лет), брат (30 лет), две племянницы (21 год и 17 лет) обрабатывали 4,5 душевых надела земли. Кроме того, Матвеев арендовал лядину³ (1 дес.) из 3-й доли урожая у соседнего помещика, пашню (2 дес.) на тех же условиях и покос (1 дес.) у крестьян деревни Воронова за 2 руб. 50 коп. В хозяйстве имелись 2 лошади, 1 жеребенок, 5 коров и овцы. Годовой доход семьи Матвеева в 1882 г. составил 418 руб., а расход – 431 руб.⁴ Таким образом, даже исправная крестьянская семья не могла свести концы с концами без дефицита, что нередко сопровождалось появлением и накоплением недоимок. Недаром новгородский губернатор Э.В. Лерхе писал во всеподданнейшем докладе за 1866 г. о необходимости со-

³ *Лядина* – пахотный участок среди леса на месте вырубki или пожарища.

⁴ Хозяйственно-экономический очерк д. Плосково и Сергеево Устьявленской волости Крестецкого уезда. Крестец, 1883. С. 29–31.

средоточить все внимание «на своевременной уплате крестьянами повинностей за состоящую в их пользовании землю»⁵. В 1870 г., по данным Лерхе, недоимка по выкупным платежам крестьян-собственников, бывших помещичьих, составляла 9 руб. 26 коп. на 1 душу, а у бывших удельных — 1 руб. 65 коп⁶.

Несоответствие между доходностью наделных крестьянских хозяйств и размерами денежных платежей, взимаемых с сельского населения, вело к быстрому росту недоимок, которые нередко равнялись или превышали сумму годового оклада. Так, к началу 1872 г. в Санкт-Петербургской губернии недоимка по оброчной подати составила 74 % оклада, а по выкупным платежам — 112 %. В Новгородской губернии оброчная недоимка выросла до 77 % оклада, а недоимка по выкупным платежам — до 142 % [2, с. 42]. Задолженность крестьянских хозяйств по выплате налогов приобретает хронический характер. Высокие и многочисленные платежи вели к изъятию из русской деревни значительных средств, которые крестьяне уже не могли использовать для развития собственного хозяйства и создания условий для интенсификации сельскохозяйственного производства. Необходимо сказать, что не всегда превращение крестьянского двора в недоимочное хозяйство было обусловлено отсутствием денежных средств. В некоторых случаях крестьяне, даже имея деньги, предпочитали потратить их в интересах своего хозяйства или на членов семьи, нежели использовать для оплаты платежей.

В пореформенный период власти использовали все возможности для своевременного и полного взыскания платежей, числящихся на крестьянах. Один из вопросов, который постоянно находился в центре внимания губернских по крестьянским делам присутствий, заключался в наблюдении «за своевременным взносом крестьянами оброчных и выкупных платежей»⁷. Активно использовался административно-полицейский аппарат, на который было возложено взимание казенных и земских платежей. В фискальных интересах действовали мировые посредники «продавая скот за недоимку в уплате оброка. Встречаются не только отдельные семьи, но и целые селения без скота»⁸. В деле исправного платежа крестьянами податей и повинностей, а также ликвидации недоимок активное участие принимали земские органы. Так, в декабре 1889 г. псковскими земцами было принято решение с рекомендацией уездным земским управам «прибегнуть к исключительным мерам по взысканию недоимок» с крестьян-задол-

⁵ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Т. 15. Дела, не вошедшие в контрольный реестр. Д. 19 (1865 г.). Л. 250.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 67 (1871 г.). Л. 125. Л. 56.

⁷ РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Т. 15. Дела, не вошедшие в контрольный реестр. Д. 19 (1865 г.). Л. 250–251.

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 251 (1868 г.). Л. 110–111.

жников⁹. Однако главным инструментом местных властей в деле взыскания с крестьян налогов и ликвидации недоимки являлась община. По мере усиления степени подчинения общины органам власти все большее значение приобретает ее фискальный характер как органа, обеспечивавшего исправное и полное взимание платежей с земледельцев. В пореформенный период фискальная функция стала основной в ее деятельности [3, с. 19–20].

Наделяя пашней отдельных домохозяев, община действовала не столько с целью поддержания хозяйственной справедливости, сколько в интересах своевременного поступления всех платежей и повинностей, связанных с владением крестьянами земель, поскольку была за это ответственна. В случае уплаты податей община «довольно равнодушно» относилась к тому, «что делает домохозяин с доставшимся ему наделом, — обрабатывает или не обрабатывает его или сдает его в совершенно посторонние руки — лишь бы он исправно вносил следующие с него платежи»¹⁰. В 1893 г. при обсуждении проекта правил о земельных переделах министр императорского двора и уделов граф И.И. Воронцов-Дашков высказал крайне негативное суждение по поводу фискальных функций крестьянской общины. «Мир является всегда самым немилостивым, самым жестоким сборщиком податей» писал он в своем мнении по проекту. Причину этого Воронцов-Дашков видел в том, что «круговая порука, заставляя каждого помнить, что если он с бедняка не возьмет, то сам должен за него заплатить, делает мир беспощадным. ... мир, пользуясь своим правом, не только продает всю движимость, посев и постройки неисправного плательщика, но отбирает от него и надел»¹¹. При этом, разумеется, следует учитывать, что И.И. Воронцов-Дашков был решительным противником сохранения крестьянской общины.

После реформы «произошел стремительный рост недоимок» — так писал в записке, адресованной в МВД, псковский губернатор М.С. Каханов, характеризуя бедственное положение крестьян Великолуцкого, Торопецкого и Холмского уездов¹². Различные факторы способствовали накоплению недоимок крестьянского хозяйства в пореформенный период. Основной причиной являлось уменьшение размеров крестьянских наделов в ходе реформы 1861 г. и плохое качество пахотной земли в северо-западных губерниях страны. Свою лепту вно-

⁹ Доклады губернской земской управы и постановления XXV очередного губернского земского собрания в съезде 1–15 декабря 1889 г. Псков, 1890. С. 83–84.

¹⁰ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 4. Крестьянское хозяйство в Гдовском уезде. СПб., 1886. С. 58.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 781 Толстой И.И. № 350. С. 3.

¹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. Д. 251 (1868 г.). Л. 106–107.

силы изменения в составе рабочей силы крестьянского двора, периодические неурожаи, падеж скота, нестабильность промысловых заработков. Недаром новгородский губернатор Э.В. Лерхе отметил, что в губернии «есть немало сельских обществ, где требуется уменьшение платежей по недоброкачеству отведенных наделов». Одну из причин накопления недоимок он видел в «несоразмерности платежей со средствами крестьян»¹³. В наиболее тяжелом положении оказывались экономически маломощные крестьянские хозяйства. В 1890 г. новгородский губернатор А.Н. Мосолов констатировал, что недоимки «преимущественно остаются на части самого неимущего населения»¹⁴.

Изучив экономическое положение крестьянских дворов в Маринской, Подберезской и Новониколаевской волостях Новгородского уезда, Г.Г. Бычков вынужден был констатировать, что «чем меньше размер крестьянского надела, тем больше получается сборов с десятины, тем значительнее недоимка – спутница малого надела и высоких платежей» [4, с. 87]¹⁵. Крестьяне оказывались в должниках по казенным, земским и мирским сборам. В 1893 г. ситуация с недоимками крестьян северо-западных губерний России выглядела следующим образом (см. табл. 3, 4) [5, с. 2, XXVII]¹⁶.

Таблица 3

Распределение недоимки по губерниям

Губерния	Недоимки по платежам (руб.)				На наличную душу м.п. недоимки (руб.)			
	казенные	земские	мирские	всего	казенные	земские	мирские	всего
Новгородская	423283	380513	59832	863628	0,78	0,70	0,11	1,59
Псковская	127371	94326	53387	275084	0,28	0,21	0,12	0,61
Санкт-Петербургская	330889	289369	216435	836693	1,22	1,07	0,80	3,09

Если у крестьян Новгородской и Псковской губерний средний размер недоимки по всем платежам на мужскую душу был значительно меньше среднероссийского показателя (3 руб. 64 коп.), то задолженность крестьян столичной губернии была близка к этому показателю.

¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1881 г.). Д. 145. Л. 12.

¹⁴ РГИА. Библиотека, отчёты губернаторов. Д. 58. Л. 41.

¹⁵ Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда. Новгород, 1882, с. 87.

¹⁶ Задолженность сельских обществ по казённым, земским и мирским окладным сборам и в продовольственные капиталы. Из обследования 1893 г. о сельских обществах 46-ти губерний Европейской России // Временник ЦСК МВД, 32, 1894. СПб., 1894. С. 2, XXVII.

Во всеподданнейшем отчете за 1883 г. новгородский губернатор А.Н. Мосолов констатировал, что к 1884 г. в подведомственной ему губернии осталось не взыскано: недоимок на сумму в 2059257 руб. и оклада — 318194 руб. При этом губернатор отметил, что по случаю коронации императора Александра III с крестьян в 1883 г. было сложено недоимок по окладным сборам на сумму 818 тыс. рублей¹⁷.

Динамику роста недоимки земледельцев северо-западных губерний ярко иллюстрирует ситуация с крестьянами Псковской губернии. Если в 1888 г. недоимка псковских земледельцев равнялась 839,8 тыс. руб., то в 1896 г. она увеличилась до 1583,4 тыс. руб., а в 1897 г. возросла до 2038,9 тыс. руб., причем 57,7 % объема недоимки составляли выкупные платежи¹⁸. Таким образом, за 10 лет задолженность псковских крестьян по платежам увеличилась в 2,4 раза.

Община стремилась различными способами уменьшить недоимочность своих членов. Одной из наиболее распространенных форм являлась передача части или всего надела недоимщика в пользование другим членам общины. Так, крестьяне дер. Боровица Спасо-Никольской волости Великолукского уезда Псковской губернии, рассмотрев на сходе в 1897 г. вопрос о недоимке в 23 руб., числившейся за крестьянином Н. Ильным, своим приговором постановили из находившихся в пользовании Ильина 3-х наделов передать в аренду «1½ надела крестьянину той же деревни И. Михайлову, который обязывается платить сверх ежегодного оклада в счет недоимки по 5 руб. 10 коп. в год»¹⁹. Аналогичного содержания приговоры о передаче земли злостных недоимщиков в аренду односельчанам были приняты в Горняго-Макоедово и Мамоново Спасо-Никольской волости и в деревне Ескино Заборицкой волости²⁰. В Спасо-Никольской волости по приговору крестьян деревни Андрейцево надел земли, принадлежавший малолетней крестьянке Дмитриевой, был взят «в пользование деревни на 3 года». Надел разделили между четырьмя домохозяевами с условием, что они ежегодно будут выдавать Дмитриевой 4 меры ржи и 4 меры овса на содержание²¹.

В начале XX столетия недоимка крестьян Псковской губернии достигла «небывалых размеров». Так, по манифесту 11 августа 1904 г. с псковских крестьян было сложено свыше 1 млн 834 тыс. руб. недоимки земских сборов и выкупных платежей, но уже к 1 января 1905 г.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223 (1884 г.). Д. 119. Л. 5.

¹⁸ К вопросу о платёжных условиях землевладения Псковской губернии. Псков, 1897. С. 6, 9.

¹⁹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 297. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

²⁰ Там же. Д. 42. Л. 13, 17, 23.

²¹ Там же. Л. 4.

долги крестьян по платежам вновь достигли 1 млн руб. В деле ликвидации недоимочности крестьян государство все шире использовало общину, усиливая ее административно-фискальные функции.

Согласно «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», важнейшей функцией сельского схода являлась раскладка казенных повинностей, мирских и земских денежных сборов. Кроме того, община обязана была принимать все необходимые меры «к предупреждению и взысканию недоимок» (Гл. 2, ст. 51, пункт 15). Выполняя эти обязанности, крестьянская община использовала различные формы и методы побуждения крестьян к исправному платежу податей и повинностей. Так, в Новгородской губернии только в случае болезни крестьянина община могла на год дать ему отсрочку в уплате податей, при этом лежавшая на крестьянине недоимка числилась за общиной. Если срок взноса платежей подходил, а крестьянин отказывался от их уплаты, то община использовала обширный набор мер понуждения. Для начала недоимщика подвергали телесному наказанию — секли розгами, затем отдавали «в работу». По решению схода для ликвидации недоимки продавалась часть имущества недоимщика. При этом крестьянину оставляли только необходимое: жилье, корову, лошадь.

Если через год крестьянин не сумел уплатить недоимку, то мир мог отнять у домохозяина земельный надел. Это была крайняя мера. На практике крестьянин, понимавший невозможность для себя погасить недоимки, чаще всего сам отдавал общине землю. Надел, переданный миру недоимщиком, переходил в руки нуждающимся в земле однообщинникам. В результате происходило фактическое изменение социального статуса земледельца. Из крестьянина с наделом он превращался в безземельного крестьянина, вынужденного либо идти в отход на завод или фабрику, либо трудиться наемным рабочим на лесных, судовых, плитных и иных промыслах.

Община активно вмешивалась в личную жизнь крестьянина, если его поведение могло негативно сказаться на платежных возможностях хозяйства. Если крестьянин злоупотреблял «зеленым змием» и возникла угроза для своевременной уплаты платежей, то община прибегала сначала к мерам предупредительным: осуждение поведения крестьянина на сходе, запрет продажи имущества домохозяином. Затем следовали меры карательные — содержание в арестантской, сечение розгами и пр. [4, с. 293].

В псковской деревне меры принудительного свойства, применявшиеся по отношению к недоимщикам, не распространялись на землю — надел оставался у крестьянина. Исследователь Борокской общины П. Зиновьев отметил, что разверстка платежей по числу ревизских душ производилась крестьянами ежегодно на особом сходе [6, с. 325]. При этом совершенно не учитывалось экономическое положение крестьян.

янских хозяйств. Следует заметить, что община оставляла за недоимщиками право голоса и возможность участвовать в сходах при решении вопросов, затрагивавших интересы всех общинников²². Если у крестьян возникали опасения, что один из членов общины не заплатит своевременно податей, то против него применялись превентивные меры: мир отказывал такому крестьянину в получении паспорта на отлучку, контролировал производство и реализацию продукции крестьянского двора. Против злостных недоимщиков сельское общество применяло более радикальные меры. Так, по решению схода часть выращенного урожая изымалась у крестьянина, а вырученные от продажи хлеба средства использовались для уплаты податей. Крайней мерой для погашения недоимки была распродажа части имущества крестьянина, включая скот, хозяйственные постройки и инвентарь. Недоимщику оставляли только самое необходимое: избу, сарай, лошадь, корову, часть корма для животных и одежду. Все остальное продавалось и полученные от продажи деньги шли на погашение недоимки. В таком случае крестьянское хозяйство испытывало такой удар, после которого оно в редких случаях могло оправиться и нормально функционировать.

В Гавсарской, Городищенской, Доможировской, Михайловской, Николаевщинской, Песоцкой, Хваловской, Хомонтовской и др. волостях Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в некоторых случаях общины вынуждены были «снятые» с неисправных плательщиков наделы, а также те от которых отказались сами крестьяне, сдавать в аренду или оставлять «впусте». В таком случае лежавшие на необработываемых наделах платежи раскладывались на всех крестьян-общинников²³. Чаще всего сельское общество распределяло надельную землю недоимщиков между всеми домохозяевами, а платежи разверстывались в зависимости от площади полученного участка. Как отметил в своем исследовании В. Яковенко «существом общины» становится не распределение земли, а распределение «бремени податей»²⁴.

²² Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. I. Сельское и волостное управление. СПб., 1897. С. 283.

²³ Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 8. Крестьянское хозяйство в Новоладожском уезде. Ч. 2. Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1896. С. 65; Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 1. Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882. С. 46.

²⁴ Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 7. Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892. С. 77.

Литература

1. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1983.
2. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. 2-е изд. СПб., 1881.
3. Кучумова Л.И. Сельская поземельная община Европейской России в пореформенный период (60–70-е годы XIX века). Автореферат... к.и.н. М., 1978.
4. Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда. Новгород, 1882.
5. Михаленко А.М. Заозерская сельская община (Новгородской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880.
6. Зиновьев П. Борокская община (Псковской губернии) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. I. СПб., 1880.

БЮДЖЕТ КРЕСТЬЯНСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ²

Изучены вопросы о порядке формирования и расходования денежных средств крестьянского самоуправления в губерниях Северо-Запада России в пореформенные годы.

Ключевые слова: мирские сборы, сельское общество, волость, доходные и расходные статьи.

Крестьянское самоуправление пореформенного времени было одной из популярных тем отечественной историографии. По подсчетам П.Н. Зырянова только до 1917 г. по ней было написано около 3 тыс. книг и статей [4, с. 4; 2]. Свою актуальность эта тема сохранила по сегодняшний день. Исследователи рассмотрели различные стороны деятельности органов крестьянского самоуправления. Значительно меньше посвящено работ вопросу о способах формирования и расходования как волостного, так и сельского бюджета [1; 5]. Проявлен был интерес и к истории крестьянского самоуправления на Северо-Западе России [3; 6; 7]. Однако доскональный анализ мирских бюджетов до сих пор не проведен.

Крестьянское самоуправление получило свое юридическое оформление в ходе крестьянской реформы 1861 г. Самоуправление имело два уровня: сельский и волостной. Для осуществления функций, возлагаемых на крестьянское самоуправление законодательством, требовались денежные средства, поэтому сельский и волостной уровни крестьянского самоуправления имели свой бюджет. Его формирование отдавалось на откуп волости или сельского общества. Сохранившийся архивный материал и данные земских обследований позволяют проанализировать бюджетную составляющую крестьянского самоуправления.

В 1893 г. МВД предприняло попытку анализа мирских доходов и расходов. Материалы собирались путем анкетирования. В губерниях Северо-Запада России анкеты заполнялись непосредственно в волос-

¹ Никитина Наталья Павловна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, pnikitina@gambler.ru, Россия, г. Псков.

² Работа подготовлена при поддержке РГНФ и Государственного комитета по культуре администрации Псковской области, грант № 12–11–60008 «Трансформация сельского самоуправления на Северо-Западе России в XIX–XX в.: исторический опыт и практические перспективы».

тном правлении. Доходная часть бюджета волости определялась по 10 позициям, а сельского общества — по 7³. Доходная часть бюджета включала в себя волостной (сельский) сбор; штрафы, налагаемые волостным судом и другими должностными лицами; процент с волостных (сельских) капиталов; займы из других источников; возврат ссуд; плата за квартирование войска и за поставку воинских подвод. Помимо этого волостное правление получало доход от сбора с паспортов и билетов; сбора за засвидетельствование сделок; доход за счет дополнительных статей.

На Северо-Западе России в число дополнительных доходных статей входила плата за открытие питейных заведений, за право охоты на землях сельского общества, за использование берегов рек, пристаней и перевозов. Волость получала доходы от сдаваемых в аренду земель; платы с постоянных дворов, лавок и других промышленно-торговых заведений; штрафов за порубку леса или потраву покоса, проценты с сумм, хранившихся в банках и др. Доход от дополнительных статей был незначительный. Так, по Петербургской губернии плата от торговцев и промышленников составляла в среднем 3,1 % всех доходов крестьянского самоуправления, доходы от остальных статей были меньше. Не всегда средства от дополнительных источников имели денежное выражение, иногда — натуральное (определенное число четвертей водки, выставляемое предпринимателем при открытии кабака). Доходы от дополнительных статей использовались преимущественно на единовременные нужды — заказ чертежного плана наделной земли, создание библиотеки, приобретение иконы, портрета императора и пр.

Однако основной статьей дохода являлся мирской сбор, размер которого определял сход. В северо-западных губерниях страны раскладка мирского сбора — волостного и сельского осуществлялась по наделам; по наделам и фиксированной плате с безземельных; по ревизским и не ревизским душам (с градацией величины сбора)⁴. Размер сбора существенно варьировался в каждой волости и был больше сбора на сельские нужды. Если выяснялось, что собранных мирских сумм недостаточно, то производилась дополнительная раскладка. В фондах Государственного архива Псковской области имеются документы, содержащие упоминания о том, что мирской сбор уплачивался серебром⁵. В случае предстоявших крупных затрат, например, строительства школы и т.п., для накопления необходимой суммы с крестьян собирався в течение нескольких лет специальный взнос⁶.

³ Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 4 (1893).

⁴ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891).

⁵ Там же. Д. 150 (1892). Л. 18.

⁶ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 16.

Расходные статьи волостного и сельского самоуправления включали в себя жалование должностным лицам; содержание лошадей для разъезда; канцелярские расходы; постройка, ремонт и содержание общественных зданий (церквей, училищ, больниц, богаделен); призрение; обеспечение пожарной безопасности; постройка и содержание мостов и дорог. Кроме того, волостное правление тратило деньги на строительство и содержание здания волостного правления, наем подвод для разъездов членов правления, приобретение бланков, выпуску периодических изданий.

Жалование должностным лицам крестьянского самоуправления являлось основной статьей расходов. На Северо-Западе России должностные лица крестьянского самоуправления были представлены сельским старостой, лесным и полевым сторожем, деревенским старостой, волостным старшиной, волостными судьями, сборщиками податей. Кроме того, из мирских сумм крестьяне оплачивали работу наемного волостного писаря. По Петербургской губернии в первой половине 1890-х гг. на содержание должностных лиц крестьянского самоуправления тратилось 39,8 % мирских сумм, в Псковской губернии – 61,8 %⁷. Наиболее значительные расходы несли уезды, отстававшие от других в экономическом развитии. Чем больше была доходная часть бюджета, тем меньший процент тратился на жалование должностным лицам. Постоянный рост мирских сборов на крестьянское самоуправление не всегда сопровождался повышением жалования должностных лиц. В отдельных волостях Псковской губернии крестьяне на волостных сходах отказывались увеличивать жалование должностным лицам⁸. В некоторых случаях при определении размера жалования волостного старшины в него включали расходы на содержание писаря, канцелярии и волостного правления⁹. В таком случае волостной старшина имел большую самостоятельность в распределении денежных сумм, что, по мнению уездных чиновников, вело к нецелевому использованию денег. После ревизий волостных правлений сходам рекомендовалось проводить детальную роспись бюджета. В единичных случаях в северо-западной деревне сельские старосты выполняли свои обязанности на безвозмездной основе. Размер жалования должностных лиц крестьянского самоуправления зависел от географического положения волости и сельского общества, экономического развития, численности населения и сложившихся традиций в управлении.

⁷ Расходы и доходы волостей и сельских обществ (1893–1895 гг.) // Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1898 г. Вып. III. СПб., 1899. С. 30; ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892) (подсчеты автора).

⁸ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Крестьянские деньги расходовались на религиозные нужды — 17,8 %, на народное образование — 13,9 %, на поддержание в порядке путей сообщения — 5,5 %, на здравоохранение — 2,5 %, на пожарное дело, а также на общественное призрение — 2,4 % годового бюджета. Почти 16 % всех денежных средств забирала статья «прочие расходы»¹⁰. К числу прочих расходов относились: пособия новобранцам, содержание арестованных, устройство прудов и колодцев, плата за помещения для проведения сходов, благоустройство улиц, страхование, уплата процентов по долгам общества и повинностей за однообщинников, пожертвования, оплата квартиры для жандармов, затраты на поминовение и чествование государя, приобретение иконы и мебели для волостного правления, на уборку волостного правления и др.

При использовании мирских денег остро стоял вопрос учета расходов. Имелись случаи растрат и злоупотреблений со стороны волостных и сельских должностных лиц. Для предотвращения финансовых нарушений при взимании платежей чиновники уездных по крестьянским делам присутствий предлагали ввести расчетные книжки. Такую практику пыталось реализовать Порховское уездное по крестьянским делам присутствие Псковской губернии. В 1884 г. в ходе ревизии волостных правлений чиновники данного уезда отметили, что только в 2-х волостях из 14-ти у сельских старост были заведены расчетные книжки¹¹. В качестве положительного опыта была отмечена практика Куровской волости, где расчетные книжки имелись не только у сельских старост, но и у отдельных домохозяев. В ответ на требование уездного по крестьянским делам присутствия завести расчетные книжки волостные правления отчитывались, что книжки заведены. Однако ревизия выявила их отсутствие. Подобный саботаж в отношении распоряжения вышестоящих властей был обусловлен невозможностью его исполнения крестьянами. Волостной старшина Горюшкинского правления так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Если завести книжки, то нужно завести писарей в каждой деревне»¹². Учитывая, что в Псковской губернии преобладали небольшие деревни (в среднем 6–8 крестьянских дворов), найти в таких условиях значительное число грамотных лиц, готовых выполнять функции писаря, было невозможно. Появление писарей в каждом селении значительно бы увеличило затраты крестьян на мирское самоуправление. Позиция крестьян не удовлетворяла чиновников, приводивших свои аргументы. Они, в частности, пытались убедить крестьян, что расчетные книжки могут быть

¹⁰ Расходы и доходы волостей и сельских обществ (1893–1895 гг.) // Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. 1898 г. Вып. III. СПб., 1899. С. 30.

¹¹ ГАПО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 9.

¹² Там же. Л. 3.

использованы в случае возникновения взаимных претензий между сельскими обществами и сельскими старостами по поводу денежных сборов. Однако такой аргумент не получил признания в крестьянской среде и только 3 волости из 12, не имевшие расчетных книжек согласились их завести. Крестьяне большинства волостей предпочитали использовать проверенный метод контроля – путем учета денежных сумм на сходе. В иных волостях земледельческое население рассчитывало на аккуратность своих волостных писарей. В Псковской губернии редкие сельские общества имели своих писарей, поэтому все делопроизводство по «обществу», в том числе и счета сельских старост, вели волостные писари.

Волостные и сельские сходы проводили учет денежных сумм с разной степенью регулярности, чаще всего при выборах нового старшины или старосты. Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что практика учета мирских доходов и расходов была разнообразной и определялась особенностями формирования бюджета. В большей степени сохранились сведения по учету волостных мирских сумм, зафиксированные в крестьянских приговорах, иногда достаточно подробно. Чаще всего в приговор записывалась следующая формулировка: «... приход мирских сумм и произведенный расход удостоверяется по статьям расписками получателей и оправдательными документами и ежемесячными отчетами земских заседателей волостного правления и потому волостной сход показанный выше приход и расход признает и утверждает»¹³. Представленный в качестве примера приговор Михайловского волостного схода Великолукского уезда Псковской губернии подтверждает практику ежемесячных отчетов правления по расходованию мирского капитала.

Важным является вопрос о месте сельских и волостных сборов в общем объеме крестьянских платежей. В 1896 г. правительством была создана комиссия по вопросу «О мерах к облегчению сельскими обывателями уплаты выкупных платежей». В связи с запрашиваемыми данной комиссией материалами Псковское статистическое бюро изучило состояние крестьянских платежей. По итогам исследования были выпущены сборники¹⁴ с анализом казенных, земских, страховых платежей, а также волостных и мирских сборов по данным, представленным непосредственно волостными правлениями. В Псковской губернии волостные и мирские сборы составили 13,4 % в годовом окладе

¹³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

¹⁴ Платежи и недоимки крестьянского населения Псковской губернии и продовольственные долги. Псков, 1897; Платежи и недоимки крестьянского населения и частного землевладения Псковской губернии. Псков, 1897.

крестьян¹⁵. Выделялся Опочецкий уезд, где такие платежи составили 19,2 %; это был единственный уезд в губернии, где волостные и сельские сборы преобладали над земскими. В среднем в Псковской губернии на 1 дес. земли приходилось 19,4 коп. мирских сборов. Больше всего платили крестьяне Опочецкого уезда – 28,7 коп. с 1 дес. земли, менее всего земледельцы Холмского уезда – 9,5 коп¹⁶. Разумеется, земские статистики представили средние данные. Материалы раскладки денежных сумм непосредственно по волостям рисуют иную картину. Так, в «Ведомости о волостных и сельских денежных расходах по Гласковской волости Порховского уезда Псковской губернии на 1880 год»¹⁷ представлены следующие данные. Из 27 сельских обществ только в 4-х сбор на волостные и сельские нужды в общем объеме годовых сборов колебался от 14,8 до 20 %; в 6-ти обществах – от 20,1 до 25 %, в 9-ти общинах – от 25,1 до 30 %, а в 7 – доходил до 47,1 %. Представляется сомнительным, что за 17 лет доля мирских платежей настолько понизилась. Манифестом от 14 мая 1896 г. государственный казенный налог для Псковской губернии был понижен, и в то же время, как отмечали земские статистики, возросли земские и мирские платежи¹⁸. Если сопоставить эти данные в конкретном денежном выражении, то на мирские сборы в данной волости приходилось от 1 руб. 97 коп. до 7 руб. 38 коп. на 1 окладную душу. Несомненно, что речь идет о разных категориях измерения – десятине и окладной душе. Отсюда, возможно, и такая нестыковка данных. Земским статистикам было удобнее соотносить данные, полученные от волостных правлений, с десятинами земли. Однако каждая волость непосредственно сама определяла принцип и объемы обложения, приходившиеся на каждое сельское общество, и поэтому пользовалась неким условным термином «окладная душа», содержание которого в каждом сельском обществе могло быть различным.

В условиях хронических недоимок по Псковской губернии ситуация со сбором мирских платежей была вполне благополучной. Общая доля недоимок по сельским и волостным сборам составляла только 6,1 % от недоимок по всем видам платежей¹⁹. По мнению земских служащих крестьяне в условиях достаточно большого объема различ-

Платежи и недоимки крестьянского населения Псковской губернии и продовольственные долги. С. 1.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ ГАПО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 26.

¹⁸ Платежи и недоимки крестьянского населения и частного землевладения Псковской губернии. С. 4.

¹⁹ Платежи и недоимки крестьянского населения Псковской губернии и продовольственные долги. С. 10.

ных выплат стремились прежде всего пополнить волостной и сельский бюджеты, без которых невозможным становилась реализация принятых сходами решений. Поскольку взимание платежей было прерогативой органов крестьянского самоуправления, то в первую очередь они стремились пополнить свой бюджет и только после этого занимались другими платежами. Такая позиция сельских и волостных органов самоуправления находила понимание и поддержку у крестьян.

Наличие у крестьянского самоуправления своего бюджета делало его значимым в глазах крестьян, поскольку как доходные, так и расходные его статьи формировались самими крестьянами и утверждались мирскими сходами. В то же время следует заметить, что весь пореформенный период характеризовался тенденцией все более активного вмешательства чиновников, контролировавших крестьянское самоуправление, в процесс формирования и использования волостного и сельского бюджетов.

Литература

1. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность: (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004.
2. *Бирюков А.В.* Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 1999.
3. *Дейч Г.М.* Крестьянство Псковской губернии во второй половине XIX и в начале XX вв. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Л., 1962.
4. *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М., 1992.
5. *Кравцова Е.С.* Роль сельского самоуправления в фискальной сфере в России на рубеже XIX–XX столетий // Экономическая история. 2012. № 1 (16).
6. *Никулин В.Н.* Сельская административная община новгородских крестьян в пореформенный период // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конференции в 2 ч. Ч. 2. Новгород, 1998.
7. *Розов Е.К.* Землевладение и повинности новгородских крестьян в 1861–1916 годы // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2000.

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Политика промышленного протекционизма, проводившаяся правительством на рубеже XIX–XX вв., оказывала противоречивое влияние на положение различных социальных слоев российского общества. Для многих представителей аграрных интересов последствия этого курса были весьма болезненными, что вызывало его жесткую критику.

Ключевые слова: Россия, индустриализация, аграрный сектор, тарифы, либералы, консерваторы, неонародники, бюрократия.

Стержнем экономической политики, проводившейся российским правительством в конце XIX – начале XX в., являлся промышленный протекционизм, призванный оградить на первых порах молодую российскую индустрию от иностранной конкуренции.

Покровительственная политика по отношению к отечественной промышленности осуществлялась правительством и в 1880-х годах, когда финансовое ведомство возглавлял И.А. Вышнеградский. Он считал необходимым «систематически пересматривать весь наш таможенный тариф в покровительственном смысле» и незадолго до своей отставки добился принятия соответствовавшего этому принципу таможенного тарифа 1891 г. [6, с. 143–144]. Последовательное проведение в жизнь этой политики в 1890 – начале 1900-х гг. справедливо связывают с именем министра финансов России в 1892–1903 гг. С.Ю. Витте. Необходимо отметить, что полномочия главы финансового ведомства были чрезвычайно широки, поскольку, как говорил сам С.Ю. Витте, министерство финансов вплоть до 1906 г. было фактически и министерством торговли и промышленности [2, с. 262].

Уже к началу 1900-х гг. представители различных социальных слоев начали ощущать первые позитивные результаты проводимой правительством политики индустриализации и осознать, что она отвечает стратегическим интересам страны. В то же время реализация дан-

¹ Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

ного курса требовала серьезных жертв со стороны большинства населения; естественно поэтому, что вопрос о соотношении цели и средств, о той цене, которую может и должна заплатить Россия за форсированную индустриализацию, в течение долгого времени находился в эпицентре общественной борьбы. Оппоненты Витте акцентировали внимание на таких издержках реформ, как ошутимое удорожание вследствие протекционизма большинства промышленных товаров (отечественных и импортных), высокие налоги, прежде всего косвенные, сокращение доходов от продажи российского зерна на мировом рынке. Отмечалось также отсутствие полноценной конкурентной среды, учредительская активность, принимавшая порой нездоровые формы, чрезмерная ориентация многих промышленников на государственные заказы. Все это в сочетании с опасениями по поводу жизнеспособности нарождавшейся отечественной промышленности, а также с недовольством чрезмерным разрастанием, по мнению критиков «системы Витте», экономических функций государства делало неизбежной резкую критику правительственного курса и существование мощной оппозиции ему. В конце XIX в. в экономике России все более заметным становилось отставание сельского хозяйства, сохранявшего свою ведущую роль, от ускоренно прогрессирующей индустрии. В последнее десятилетие XIX в. темпы роста промышленного производства оказались примерно в 8 раз выше, чем сельскохозяйственного (130 % против 17 %) [15, с. 244].

Особенно острый характер полемика приобрела в начале 1900-х годов, в период поразившего отечественную промышленность кризиса, который дал основание противникам Витте поставить под сомнение результаты проводившейся им политики. В этой полемике одним из ключевых являлся вопрос о воздействии покровительственной политики по отношению к промышленности на ситуацию в российской деревне.

Указывая на «неисчислимые выгоды», которые может получить страна от протекционизма, С.Ю. Витте отмечал, что применение «народного труда станет более производительным», потребности населения во всех основных товарах будут в значительной степени удовлетворяться продуктами своего собственного производства. Ввоз же иностранных товаров будет обуславливаться «не нашей промышленной немощью, а естественным международным разделением труда, при котором промышленно развитая страна покупает за границей только то, что ей невыгодно у себя производить». Постоянный рост обрабатывающей промышленности, сопровождающийся удешевлением ее продукции, приведет к снижению общего уровня цен на внутреннем рынке, а также даст возможность стране «экспортировать преимущественно... промышленные изделия». Со временем получит развитие эквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, рас-

ширится и окрепнет по своей покупательной способности внутренний рынок, в том числе хлебный, увеличится платежеспособный спрос населения, следовательно, станет возможным определенным рост цен на сельскохозяйственную продукцию, что приведет к увеличению доходности земли, улучшению ее технической обработки и, таким образом, к общему росту сельскохозяйственного производства и благосостояния населения [3, с. 178–180].

Как видим, Витте считал, что только индустриализация страны может стать основой для последующего подъема аграрного сектора российской экономики. Соответственно, министр финансов и его единомышленники были убеждены в том, что протекционистская политика отвечает коренным интересам всего населения страны, в том числе и аграриев. При этом Витте был противником прямых государственных капиталовложений в сельское хозяйство, поскольку считал их малоэффективными. Он полагал необходимым воздействовать на аграрный сектор экономики через ускорение общего экономического развития России [5, с. 192].

Это убеждение разделяли многие известные экономисты и общественные деятели. Весьма характерна позиция Д.И. Менделеева, считавшего себя специалистом в вопросах сельского хозяйства. Д.И. Менделеев еще в начале 1860-х гг. приобрел в Подмоскowie около 400 десятин земли, и за 5–6 лет ему удалось «по крайней мере удвоить всю урожайность». Великий ученый-химик не без гордости вспоминал, что сам профессор И.А. Стебут привозил студентов Петровской сельскохозяйственной академии осматривать его хозяйство [10, с. 18]. Д.И. Менделеев полагал, что сельское хозяйство прямо нуждается в развитии обрабатывающей промышленности, поскольку, во-первых, при увеличении численности и росте благосостояния населения, занятого промышленной деятельностью, повышаются возможности для сбыта сельскохозяйственной продукции; во-вторых, «рациональное промышленное сельское хозяйство приобретает наибольшие выгоды от применения торговых и фабрично-заводских товаров, например искусственных удобрений, усовершенствованных машин и, главное, капиталов, которые нужны для сельскохозяйственных оборотов так же, как и для всякой другой промышленности». Именно поэтому Менделееву представлялся весьма «нерациональным тот ропот наших сельских хозяев противу протекционизма промышленности, который часто слышен», соответственно, «сельские хозяева, бурлящие противу капитализма, сами себе подрезывают ноги и поступают очень неразумно» [10, с. 29–30].

Д.И. Менделеев был убежден, что государство должно заботиться прежде всего о развитии обрабатывающей промышленности; что же касается сельского хозяйства, то оно «неизбежно разовьется само собой по мере развития других видов промышленности». По мнению

Менделеева, добиться повышения урожайности и вообще достигнуть каких бы то ни было «усовершенствований в сельском хозяйстве... совершенно немыслимо без затраты громадных капиталов, последние же могут накапливаться только при помощи развития... индустрии, или капиталистической промышленности. Избегать ее распространения — значит поэтому оставлять и само сельское хозяйство без капиталов, т.е. без коренных современных улучшений при низких и неуверенных урожаях, т.е. не заботиться о развитии народного богатства и благосостояния». Важнейшими же составляющими собственно сельскохозяйственных улучшений Менделеев считал введение многополья, обильное удобрение почвы, использование машин и организацию «правильного скотоводства» [10, с. 26].

Однако, повторим, последовательное проведение протекционистской политики требовало серьезных жертв со стороны большинства населения. А это, в свою очередь, предопределило наличие серьезной оппозиции правительственному курсу.

Многие аргументы против промышленного протекционизма были сформулированы еще в трудах экономистов-народников 1880-х — начала 1890-х гг. Так, например, В.П. Воронцов утверждал, что теория протекционизма есть учение, «противное нравственному чувству и несовместимое с простотой и гармоничностью, наблюдаемыми во всех естественных законах... Религия и опыт одинаково поучают, что высшее благо каждого должно искать в благополучии всех; что в своих истинных интересах люди солидарны, а не враждебны... Теория же протекционизма, напротив того, предполагает противоположность национальных интересов; она учит, что выгода одного народа есть потеря для другого» [1, с. 5]. Кроме того, всякий протекционизм неизбежно «стесняет то, в чем нуждаются сами покровительствуемые», т.е. потребление. Поэтому «не от иностранцев защищает нас тариф, а от нас самих» [1, с. 9].

Против насаждения промышленности выступал и известный экономист-народник Н.Ф. Даниельсон. По его словам, если вначале «особенным предметом поощрения» со стороны государства являлись железные дороги, то постепенно покровительственная политика стала распространяться на все новые отрасли добывающей и обрабатывающей капиталистической промышленности», причем по мере развития этой промышленности увеличивалась и степень покровительства ей [12, с. 5]. Крупнейший теоретик неонародничества В.М. Чернов полагал, что правительство своей политикой содействует развитию в России «особого, специального вида капитализма, именно капиталистического паразитизма». Вообще, по мнению Чернова, чем позднее та или иная страна вступает на путь индустриального развития, тем болезненнее оказываются «те метаморфозы, которые связаны с завоеванием капитализмом внутреннего рынка, разрушением натурального

хозяйства, отлучением производителей от средств производства... и т.д.; тем резче для нее хозяйственный поворот». В то же время в условиях низкой конкурентоспособности национальной промышленности не только на внешнем, но и на внутреннем рынке «для буржуазии пропорционально возрастает потребность во внешней поддержке, покровительстве, даже опеке». Таким образом, «прогрессивное, творческое значение или, если угодно, «европеизм» буржуазии... стоит в обратном отношении к времени выступления страны на путь капиталистического развития» [17, с. 156–157].

Негативная оценка покровительственной политике давалась и многими социал-демократами, в т.ч. В.И. Лениным. Считая, что протекционизм служит интересам даже не всего класса буржуазии, а «лишь кучке олигархов-тузов», Ленин полагал, что реакционность этой политики, замедляющей, по его мнению, процесс капиталистического развития страны, сказывается в России с особой силой. Необходимым условием ускорения процесса развития капитализма в России, а значит, и «того процесса, который несет средства избавления от капитализма», Ленин считал свободу торговли [9, с. 457–458].

Отношение представителей аграрных интересов к промышленному протекционизму, пожалуй, наиболее полно отразилось в материалах местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, свод трудов которых был опубликован в 1904 г. По мнению многих комитетов, правительственная политика, «направленная на поднятие капиталистической промышленности, ...действует в ущерб сельскому хозяйству». Свою позицию они мотивировали тем, что сельское население, прежде всего, крестьянство, являясь главным потребителем промышленной продукции, вынуждено покупать товары по явно завышенным ценам. Это же увеличивает затраты на производство сельскохозяйственной продукции, что неизбежно ведет к ее удорожанию и снижению конкурентной способности на мировом рынке [16, с. 62]. Кстати, по этой же причине многие сельхозпроизводители были недовольны и финансовой реформой Витте, приведшей к укреплению рубля и тем самым затруднившей экспорт [14, с. 363]. Кроме того, российский протекционизм по отношению к промышленности вызывал в европейских странах, прежде всего в Германии, ответные меры – протекционизм по отношению к местному сельскому хозяйству, что заставляло российских экспортеров еще более снижать цены, неся при этом ощутимые убытки [16, с. 62–63]. Промышленность поддерживается не только высокими пошлинами, «но и разными льготами и субсидиями». На поддержку промышленности направляются все государственные ресурсы, ей предоставляется широкий и доступный кредит, выгодные казенные заказы. «Сотни миллионов..., собранных с земледельцев, пошли на субсидии различным заводам», миллиарды затрачены на железнодорожное строительство,

«необходимое в интересах той же промышленности, главным образом – железодобывающей и угольной» [16, с. 76].

Таким образом, по мнению представителей местных комитетов, промышленность насаждается в стране «за счет ослабевших классов земледельческого населения», а фабриканты получили возможность «брать громадную косвенную подать со всего населения России» [16, с. 57]. Благодаря протекционистской системе «земледельцы обречены содержать из своих скудных средств» лишь «небольшую горсть крупных промышленников» [16, с. 77]; в то же время переплачиваемые за промышленные товары огромные суммы «могли бы быть употреблены сельскими хозяевами с большей пользой для самого сельского хозяйства» [16, с. 82]. Аграрии сетовали и на то, что фабрично-заводская промышленность «совершенно отвлекла от земледелия и рабочие руки, и капитал» [16, с. 58]. Необходимо, однако, отметить, что в условиях нараставшего в конце XIX в. аграрного перенаселения и, вследствие этого, обострения проблемы крестьянского малоземелья отток рабочих рук в города был благом, отчасти смягчая остроту кризиса в российской деревне.

Еще один аргумент, выдвигаемый комитетами и свидетельствующий о необходимости отказа от покровительственной политики, заключается в том, что промышленность навязана России искусственно в противоположность естественному, органическому ее развитию на Западе, где спрос на промышленную продукцию создавался благодаря потребностям земледелия. «В Европе фабрики и заводы развились на основах обогащения народа, через развитие и богатство земледелия», в России же, напротив, «предполагают обогатить народ путем привлечения его в искусственно созданную фабричную и заводскую промышленность». Указывая на то, что необходимым условием для существования каждого предприятия является обеспеченный рынок сбыта его продукции, аграрии полагают, что российская индустрия не имеет перспектив, не будучи вызвана рыночными потребностями; рынок же будет создаваться постепенно, по мере увеличения покупательной способности населения – при условии «улучшения экономического положения большинства населения, то есть земледельческих классов». Таким образом, именно поддержка сельскохозяйственного производства должна быть «первою мерою к развитию в России промышленности» [16, с. 59–60].

Следует отметить также, что позиция части сельских хозяев свидетельствует о неприятии ими не только форсированной, но вообще всякой индустриализации. Так, заявление представителей нижегородского комитета о том, что развитие промышленности вовлекает людей «в безобразную фабричную жизнь, которая не только не обогащает массы народа, а, напротив, дает лишь самый ничтожный притон какому-нибудь одному или двум миллионам рук, бросивших землю...

правильный здоровый труд и ведущих безобразную жизнь на фабрике, внося в дом, в конце концов, только болезни и растление нравов», не оставляет сомнений в желании его авторов законсервировать архаичный экономический строй [16, с. 59].

Однако приведенные выше мнения относительно покровительственной политики правительства, хотя и преобладали в местных комитетах по делам сельскохозяйственной промышленности, были все же не единственными даже в этой среде. Многие из членов этих комитетов осознавали, что развивать отечественную индустрию необходимо, так как только в этом случае «потенциальные естественные богатства страны могут быть превращены в действительные, и возможно правильное развитие государства как финансового целого», хотя и при условии признания России страной преимущественно земледельческой [16, с. 93]. Не окрепшая еще российская промышленность не способна выдержать конкуренции с иностранной, поэтому преследуемая министерством финансов цель, по мнению представителей Смоленской губернии, «может вызвать только сочувствие, даже и в сельскохозяйственной среде», несмотря на то, что она не может быть достигнута без некоторых временных жертв со стороны деревни. Члены орловского комитета полагают, что только промышленное развитие обеспечит формирование в стране капиталов, которые затем поднимут и уровень сельскохозяйственного производства [16, с. 94]. Лишь продолжение устойчивой покровительственной политики правительства, по мнению киевского комитета, обеспечит развитие в стране сельскохозяйственного машиностроения и производства удобрений. Представители Казанской губернии считают, что особенно необходимо поощрение тех отраслей промышленности, которые тесно связаны с сельским хозяйством, поскольку в перспективе это приведет и к повышению доходности земли в результате улучшения ее обработки.

В материалах других комитетов отмечается, что «теперь уже результаты охранительной пошлины сказались, орудия...стали значительно дешевле и качеством приближаются к заграничным», поэтому в перспективе Россия сможет полностью отказаться от импорта сельскохозяйственной техники [16, с. 98]. Отказ же от протекционизма привел бы не к удешевлению товаров, а к кризису и банкротству многих заводов и фабрик, разорению банков, падению кредита, обесцениванию земель, безработице и голодовке нескольких миллионов рабочих и т.д. Кроме того, резкое сокращение таможенных доходов вынудит государство восполнять его увеличением налогообложения того же сельского хозяйства [16, с. 103–104].

Как видим, определенная часть аграриев, прежде всего представители регионов с наиболее эффективно ведущимся сельским хозяйством и, следовательно, максимальным спросом на технику, удобрения и другие промышленные товары, поддерживали протекционистс-

кую политику, поскольку уже к началу 1900-х гг. ощутили ее реальные позитивные результаты.

Пожалуй, основными оппонентами покровительственной политики Витте являлись представители поместного дворянства. Значительная (если не большая) их часть выступала против политики капиталистической модернизации в принципе, видя в этом курсе угрозу своим жизненным интересам и подвергая Витте постоянным нападкам. Точку же зрения тех представителей поместного дворянства, кто, не выступая против политики индустриализации в принципе, подвергал резкой критике методы проведения этого курса правительством России, достаточно полно выразил крупнейший консервативный публицист и общественный деятель К.Ф. Головин. По его мнению, «одностороннее направление финансовой политики, озабоченной быстрою надстройкою второго промышленного этажа над разваливающимся зданием сельскохозяйственного производства, приводит к поразительному контрасту между расширением экономической деятельности государства и застоём развития внутри этого самого государства, — застоём, обнаружившимся ярко...» [4, с. XII]. Результатом этой политики стала парадоксальная ситуация: «у бедного и не предприимчивого народа богатое и очень деятельное правительство. Страна, главный промысел которой падает, может снабжать свои центральные органы все растущими денежными средствами». И цель, казалось бы, достигнута: в стране, где отечественные капиталы накапливаются медленно, где еще медленнее разрабатываются собственные природные богатства и практически отсутствует прогресс в «главном промысле» — сельскохозяйственном производстве — искусственно вызваны признаки экономического оживления. Однако правительство забывает при этом о главном — для успешной индустриализации необходимо, «чтобы одновременно с промышленностью росло и производство сырья [под сырьем здесь подразумевается, главным образом, используемая в промышленном производстве сельскохозяйственная продукция — С.Б.], и росло не только в ширь, но и в глубину», так как, во-первых, перерабатывать отечественное сырье выгоднее, чем импортное, во-вторых, для обеспечения устойчивости международного экономического положения страны и прочности национальной валюты необходимо стремиться к достижению максимально активного расчетного баланса, и, в-третьих, молодой российской индустрии, не имеющей возможности экспортировать сколь-нибудь значительную часть своей продукции, необходим емкий внутренний рынок, который может предоставить ей только отечественное земледелие. Таким образом, делает вывод К.Ф. Головин, в основу здорового экономического роста должно быть поставлено развитие сельского хозяйства; а именно этого в России и не было сделано [4, с. XII–XIII].

Оппозиция правительственному курсу со стороны дворянства была достаточно мощной. Однако, как справедливо отмечает А.П. Корелин, «дворянские силы... оказались разрознены в результате различного понимания как особенностей нового времени, так и задач высшего сословия в изменившихся условиях, а потому сама дворянская программа оказалась лишенной внутреннего единства и цельности» [8, с. 84–85]. В значительной степени именно поэтому С.Ю. Витте удавалось в целом последовательно проводить свою линию.

Интересна позиция по вопросу о влиянии протекционизма на сельское хозяйство выдающегося российского ученого М.М. Ковалевского. Он полагал, что Россия «самою природой своей... и характером занятий массы своего населения призвана быть прежде всего и преимущественно крупным производителем сырья» (то есть сельскохозяйственной продукции); и все утверждения промышленников о том, что Россия уже перестала быть земледельческой страной, поскольку совокупная стоимость продукции промышленных предприятий ежегодно превышает стоимость производимого сельским хозяйством, свидетельствуют лишь «об аномалии, объясняемой чрезмерным покровительством, каким пользуется мануфактурная промышленность», а одним из проявлений этой аномалии является ценовой диспаритет. Ковалевский убежден, что на такой важный вопрос, как «должно ли жертвовать интересами земледелия ради нарождающейся индустрии», следует дать однозначно отрицательный ответ, поскольку российская промышленность никогда не сможет обеспечить работой все 130-миллионное население империи; соответственно, считать индустриализацию панацеей для России было бы крайне опасным самообольщением [7, с. 11–12].

Но в то же время «не менее химерично было бы и говорить, что промышленность вовсе не способна к естественному развитию, потому только, что ей некуда сбывать свои продукты, т.к. мировые рынки заняты... Какого еще желать лучшего рынка для нашей промышленности, как не того, который представляет население, удваивающееся каждые пятьдесят лет» [7, с. 13] — заявляет Ковалевский, опровергая тем самым ключевой аргумент неонародников. Как раз ради обеспечения устойчивого сбыта продукции промышленных предприятий государству следовало бы озаботиться обеспечением благосостояния потребителей — крестьян.

Таким образом, по убеждению Ковалевского, Россия на рубеже XIX–XX вв. оставалась очень далека от устойчивого баланса «между развитием промышленности и прогрессивным поднятием народного благосостояния»; большинство отраслей промышленности существовали «лишь для удовлетворения спроса небольшого числа зажиточных людей». Поэтому основной задачей государства он считал повышение «благосостояния наших трудящихся классов», прежде всего крестьян-

ства, и создание тем самым в их среде совершенно новых потребностей, которые, в свою очередь, обеспечили бы устойчивый рост отечественной индустрии и создание миллионов новых рабочих мест [7, с. 214].

Итак, очевидно, что имевшая немало издержек покровительственная система была весьма болезненной для сельских жителей; в сочетании с мощным налоговым прессом (особенно тяжелы были косвенные налоги) протекционистская политика способствовала дальнейшему ухудшению экономического положения российской деревни, на что не могли не обращать внимания оппозиционеры, в том числе либералы. В то же время первые позитивные результаты правительственного курса стали ощущаться уже к концу последнего десятилетия XIX в. Повысилось качество и увеличился ассортимент производимых отечественными промышленными предприятиями товаров, в том числе предназначенных для использования в сельском хозяйстве (хотя в полной мере это стало очевидно лишь в годы нового промышленного подъема уже после Первой российской революции), началась конкуренция между российскими промышленниками. В связи с этим приходило и осознание необходимости определенных жертв ради превращения России в страну с высокоразвитой индустрией.

Кроме того, едва ли возможно признать правомерными упреки правительству в том, что оно не оказывало никакой поддержки отечественным сельхозпроизводителям, нанося им в то же время колоссальный ущерб покровительственной политикой по отношению к промышленности. Следует отметить, что пошлины на сельскохозяйственную технику и удобрения, не производившиеся в стране, в конце 1890-х гг. были существенно снижены [11, с. 534]. Таким образом, одно из наиболее негативных последствий протекционизма было ликвидировано. Сторонники политики индустриализации справедливо указывали, что возникая промышленность не только предоставила многим крестьянам возможность дополнительных заработков в городах, но и привела к серьезному росту оплаты труда сельских рабочих (в результате на рубеже 1890–1900-х гг. многие землевладельцы столкнулись с совершенно новой для себя проблемой — нехваткой сезонных работников [13, с. 1153–1154]). Следует также отметить, что отток рабочих рук в города снижал остроту проблемы малоземелья (пусть и относительного).

Ценой немалых усилий С.Ю. Витте все-таки удалось отстоять необходимость продолжения протекционистской политики. Изданное в 1900 г. Высочайшее повеление провозглашало, что «твердость и последовательность в делах экономики и народного хозяйства, если не более, чем в других отраслях государственного управления, то в равной мере составляют главнейшее условие успеха», а потому преждевременный отказ от покровительственной политики недопустим². Вы-

² ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 1–1 об.

сочайшим Повелением признавались «начала, положенные в основание тарифа 1891 г., подлежащими сохранению в незыблемой целости, с допущением и впредь неизбежного для удешевления продуктов обрабатывающей нашей промышленности участия в развитии или создании тех или других ее отраслей иностранных капиталов и предпринимателей»³.

Отметим в заключение, что возвращение к промышленному протекционизму в первой половине 1900-х гг. целого ряда европейских стран, более экономически развитых, чем Россия, явилось доказательством несостоятельности представлений о том, что эта политика является уделом лишь слаборазвитых государств. Во многом именно по этой причине, начиная с середины 1900-х гг., дискуссия о протекционизме постепенно становится все менее оживленной. На передний план выходили иные проблемы, и прежде всего, вопрос о выборе стратегии развития аграрного сектора российской экономики.

Литература

1. *В.В. Генри Джордж о протекционизме // Северный вестник. 1886. № 12.*
2. *Витте С.Ю. Лекция, читанная 7 апреля 1910 г. в актовом зале института инженеров путей сообщения // Витте С. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. СПб., 1910.*
3. *Витте С.Ю. О необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики Империи. Всеподданнейший доклад // Материалы по истории СССР. Т. VI. М., 1959.*
4. *Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898. СПб., 1899.*
5. *Дякин В.С. Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.*
6. *Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.*
7. *Ковалевский М. Экономический строй России. СПб., 1900.*
8. *Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.*
9. *Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // ПСС. Т. 1.*
10. *Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995.*
11. *Министерство Финансов. 1802 – 1902. Ч. II. СПб., 1902.*

³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1028. Л. 4–4 об.

12. *Николай -он.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. 1894. № 4.
13. Рабочие руки // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1900. Т. II. № 20.
14. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.
15. *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990.
16. Финансовая политика и таможенное покровительство. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904.
17. *Чернов В.М.* Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское Богатство. 1900. № 4.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКЕ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Исследованы изменения в бюджетной политике земских учреждений Тамбовской губернии в условиях столыпинской аграрной реформы. Правительственные субсидии и местные средства тратились на создание земской агрономической организации, призванной поднять крестьянскую агрокультуру. Земства, постоянно повышая оклады сельскохозяйственным специалистам, старались закрепить агрономический персонал на местах.

Ключевые слова: агрономия, бюджет, земство, столыпинская аграрная реформа, Тамбовская губерния.

Вплоть до начала столыпинского землеустройства в земских кругах за агрономией оставалась репутация «бесполезной, модной затеи»². Гласные, предвзято относившиеся к «агрономическим игрушкам»³, весьма неохотно шли на расходы по содействию экономическому благосостоянию жителей. В Тамбовской губернии, по мнению современников, «организация мероприятий экономического и агрономического характера ...носила случайный и недостаточно планомерный характер», а «агрономическая земская деятельность слабо представлена»⁴. Содействие правительственным начинаниям тамбовскими земствами первоначально ограничивалось мерами моральной поддержки крестьян, покинувших общину.

Хотя проведение аграрной реформы и заставило губернское и уездные земства увеличить расходы на сельскохозяйственные и экономические мероприятия: с 55154 руб. (1907 г.) до 139939 руб. (1909 г.), но 52,5 % денежных средств пошли на содержание сельскохозяйствен-

¹ Токарев Николай Васильевич, Тамбовский филиал Академического правового института, n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1910 г. Журналы собрания, журналы комиссий, доклады управы и другие материалы. Моршанск, 1911. Раздел IV. С. 209.

³ См.: Журналы Козловского уездного земского собрания очередной сессии 1908 года с приложениями. Козлов, 1909. С. 33.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1423. Л. 60.

ных учебных заведений⁵. В Тамбовской губернии в 1909 г. земские ассигнования по сельскохозяйственной и экономической части составили от 500 до 37085 руб. на уезд. Впрочем, в сравнении с расходами, например, на здравоохранение (по данным тамбовских чиновников, намечалось выделить 1,7 млн руб.), траты на поддержку сельского хозяйства в крестьянской губернии выглядели ничтожными⁶.

Рассчитывая на содействие местного самоуправления в деле повышения крестьянской агрокультуры, П.А. Столыпин осенью 1909 г. телеграфировал земским деятелям Империи о государственной важности «скорейшего насаждения на образованных хуторах и отрубях улучшенных приемов сельского хозяйства». Он указывал, что от подъема хозяйств «новых собственников» «зависит успех и будущее крестьянского землеустройства, ибо без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности немислимы»⁷. Обращение главы правительства встретило поддержку императора Николая II⁸. Однако органы самоуправления Тамбовской губернии видоизменили правительственные предположения об организации агрономического содействия единоличникам.

Предметом разногласий между правительством и земствами стал вопрос об адресатах агрономической помощи. Борисоглебский гласный П.А. Любимов подчеркивал разницу в требованиях: «Правительство хочет помогать отрубным и хуторским хозяйствам, а Земство — всему населению»⁹. Свидетели становления земской агрономии так объясняли позицию большинства уездных и губернского собраний: «тратить деньги, получаемые со всех земских плательщиков, на один, к тому же немногочисленный класс, незаконно, поэтому было провозглашено, что агроном должен служить всем — и общинникам, и хуторянам». Очевидно, гласные придерживались принципа — способствовать «улучшению производительности земли у всех земских плательщиков без различия» [1, с. 62, 82].

⁵ Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1907 и 1908 годы). Вып. 10. СПб., 1909. Приложения. С. 29; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1909 г.). Вып. 11. СПб., 1911. Приложения. С. 609.

⁶ См.: Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1909 г. Журналы собрания, журналы комиссий, доклады управы и другие материалы. Моршанск, 1910. С. 193–194.

⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 119.

⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 120. 1909. Д. 61. Л. 50.

⁹ Журналы и доклады Борисоглебского уездного земского собрания за 1910 год. Чрезвычайного 23 мая. Очередного 30 сентября, 1, 2, 3, 4 и 5 октября. Чрезвычайного 5 ноября. Борисоглебск, 1911. С. 4.

По предложению землеустроительного ведомства, зафиксированному в циркуляре, с апреля 1910 г. пособия земствам выдавались в том случае, если примерно такая же сумма ассигновалась земскими собраниями на оказание агрономической помощи в местах хуторского расселения. Правительство отказывалось от излишне прямолинейного подхода к участию местных сил в преобразовании российской деревни: «не следует настаивать на обособлении агрономической помощи хуторам»¹⁰, если земства были готовы ввести агрономическую службу, помогая заодно единоличникам. В соответствии с изменившимися правительственными соображениями менялись взгляды местных чиновников, говоривших о необходимости «обратить самое серьезное внимание на проведение улучшений в хуторском и отрубном хозяйстве», что не исключало оказание помощи и крестьянам-общинникам¹¹.

В том же циркуляре содержались условия передачи земствам агрономической помощи в районах землеустройства. Параллельное существование земской и ведомственной агрономических организаций, с общими функциями, признавалось нежелательным явлением¹².

Через год ГУЗиЗ, с целью наладить всяческое содействие «пионерам землеустройства», «в целях лучшего использования местного опыта», вновь предложило земцам заняться за счет специального кредита организацией агрономической помощи крестьянам, вышедшим на участки, попутно помогая тем, кто остался в общине¹³. Заняв компромиссную позицию, правительство настойчиво стремилось привлечь земских гласных к совместной работе по реализации одного из направлений в деле переустройства земледельческого быта крестьян.

В докладе Липецкой уездной земской управы были вскрыты причины, заставившие органы земского самоуправления пойти на сотрудничество с правительством: «Когда правительство и Губернское Земство приняли на себя 2/3 расходов по содержанию агрономической организации, а введение участковой агрономии в южных губерниях

¹⁰ Агрономическая помощь в районах землеустройства. Главнейшие основания организации агрономической помощи. Пг., 1915. С. 16–17; Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1910 г. С. 222–223.

¹¹ Журналы Липецкого уездного очередного земского собрания 24, 25 и 26 сентября 1910 года и чрезвычайного собрания 23 февраля с приложениями. Липецк, 1911. С. 243.

¹² Агрономическая помощь в районах землеустройства. Главнейшие основания организации агрономической помощи. Пг., 1915. С. 16.

¹³ Журналы Козловского уездного земского собрания очередной сессии 1911 г. С приложениями. Козлов, 1912. С. 343.

увенчалось успехом, то и Уездные Земства Тамбовской губернии приступили к введению и у себя в уездах участковой агрономии»¹⁴.

Переход инициативы в деле агрономического содействия крестьянскому населению от правительственных органов к земским наметился в Тамбовской губернии с 1910 г., когда земства стали ходатайствовать о передаче им агрономической помощи в районах землеустройства. При этом земства принимали на себя обязанность обслуживать всех единоличных владельцев в уездах¹⁵.

Характер и масштабы поворота тамбовского земства к заботам о подъеме сельского хозяйства наглядно показывают затраты органов самоуправления на сельскохозяйственные и экономические мероприятия: в 1910 г. в бюджет на эти цели было заложено 143 тыс. руб. Несмотря на возросшие по сравнению с 1909 г. расходы, на повышение экономического благосостояния крестьянского населения тратилось только 2,5 % общего земского бюджета¹⁶ [Подсчитано по: 3, с. 41].

По подсчетам местных деятелей, в 1910 г. совокупный расход только уездных земств по развитию аграрной сферы Тамбовской губернии достиг 90486 руб., что составило 1,98 % к общей смете; в 1911 г. – 259459 руб., или 5 %, в 1912 г. – 359915 руб., или 5,7 %. Из общей суммы расходов за 1912 г. на одного домохозяина приходилось 73,8 коп., а на одну посевную десятину крестьянского хозяйства – 17,5 коп. Тамбовская губерния особенно проигрывала в сравнении с губерниями, находившимися в авангарде земского агрономического движения: в Полтавской губернии расходовалось в среднем на посевную десятину 36,2 коп.; Черниговской – 28,3; Нижегородской – 26,6; Харьковской – 26,0; Екатеринославской – 25,8; Владимирской – 22,8 и Симбирской – 18,9 коп.¹⁷ В 1913 г. затраты тамбовских земств на содействие экономическому благосостоянию крестьян, достигнув 537 тыс. руб., или 6 % от общего бюджета, позволили Тамбовской губернии занять 16-е место среди 34 земских губерний¹⁸.

При формировании расходной части бюджета земства рассчитывали на финансовую помощь казны. Сначала земские собрания выра-

¹⁴ Журналы Липецкого уездного земского собрания 28, 29 и 30 сентября, 1 и 2 октября и чрезвычайных собраний 22 января, 28 февраля, 17 апреля и 10 июня. С приложениями. Липецк, 1912. С. 44.

¹⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 2.

¹⁶ Подсчитано по: Известия Главного управления земледелия и землеустройства. СПб., 1912. № 27. С. 650.

¹⁷ Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1912 года с приложениями. Тамбов, 1913. С. 501–502.

¹⁸ Подсчитано по: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 272–275.

батывали предложения, затем финансовые запросы уездных земств рассматривались Особым Агрономическим совещанием при Тамбовской губернской землеустроительной комиссии. Например, 11 июня 1913 г. обсуждался размер пособий из специального кредита Департамента земледелия на 1914 г. для уездных земств Тамбовской губернии по оказанию агрономической помощи единоличным владельцам.

При обсуждении проекта сметы Особое совещание жестко привязывало статьи расходов и их объем к числу единоличных хозяйств. Так, специальный кредит для Спасского земства был сокращен с 5945 до 3920 руб., так как к 1 января 1914 г. в этом северном уезде Тамбовской губернии насчитывалось только 193 единоличных хозяйства с площадью в 756 дес. Аппетиты Темниковского земства оказались поистине раблезианскими, на нужды агрономической помощи местные земцы запросили рекордную для губернии сумму в 20700 руб., хотя «единоличное владение в Темниковском уезде развито очень слабо», всего лишь 349 единоличников на весь уезд. Из-за секвестра земцы могли рассчитывать только на 3800 руб. Напротив, для Тамбовского уезда с 5296 хозяйствами единоличников с территорией в 42412 дес. все статьи расходов были сохранены полностью¹⁹.

В итоге из 159628 руб., запрошенных земскими учреждениями в пособие на 1914 г., Агрономическое совещание оставило лишь 97728 руб., а Департамент земледелия сократил сумму пособия до 87462 руб.²⁰.

Главной статьей расходов на экономические мероприятия в губернии становились наем и содержание специалистов по сельскому хозяйству. В 1909 г. земские учреждения израсходовали на эти цели 10125 руб., в 1910 г. — 61440 руб., в 1911 г. — 78727 руб., в 1912 г. — 84750 руб. В последний предвоенный год 101843 руб. из земских средств были потрачены на содержание агрономов и их помощников, инструкторов и техников²¹.

В Российской империи в ходе столыпинской реформы постоянно рос спрос на людей с агрономическим образованием, что вызывалось нехваткой квалифицированных специалистов, состоявших на земской службе, вело к текучести кадров. При работе в крестьянской среде

¹⁹ ГАТО. Ф. 41. Оп. 7. Д. 2. Л. 13–14, 25.

²⁰ Тамбовские отклики. 1913. 8 декабря. № 6.

²¹ Подсчитано по: Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1909 г.). Вып. 11. СПб., 1911. Приложения. С. 609; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1910 г.). Вып. 12. СПб., 1912. С. 21; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1911 г.). Вып. 13. Пг., 1914. С. 16; Краткие сведения о сельскохозяйственной деятельности земств в 1912 г. Пг., 1915. Приложения. С. 18; Сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству в 1913 г. Вып. 14. Пг., 1916. Приложение. С. 18.

особенно важен был срок деятельности специалистов на одном месте, ибо «только в этом случае работа агронома может иметь шансы на успех; только тогда агроном делается своим человеком в глазах населения и приобретает необходимое доверие» [2, с. 33]. На практике часто было иначе. Так, агроном Нижне-Матернского участка П.Е. Гальцев находился на службе у Усманского земства только 3 месяца, а агрономы К.А. Лобанов и Е.А. Агрономов покинули уезд после годичной работы на участках²².

Кадровый дефицит специалистов сельского хозяйства позволял им относительно безболезненно найти новое место и в другой губернии. Так, участковый агроном Усманского земства М.Г. Лучебуль перешел на земскую службу в Рязанскую губернию [4]. Тамбовский губернатор в отчете за 1913 г. прямо указывал: «...благодаря большому повсеместному спросу на агрономов, последние не дорожат службой в каком-либо определенном земском районе, а переходят туда, где им предлагают более выгодные условия»²³.

По данным прессы к 1912 г. численность участковых агрономов во всех уездах Европейской России достигало 2450, в то время как высшие сельскохозяйственные учебные заведения ежегодно выпускали не более 200 специалистов. Красноречивые цифры заставляли земские управы искать все возможности, чтобы «привлечь и удержать на службе в уезде» агрономов²⁴. Тамбовский губернатор сокрушался о «крайней трудности подобрать хорошего состава агрономический персонал, прочно сжившийся с данным уездом, а, следовательно, и с местными условиями и особенностями сельского хозяйства»²⁵. Случаи ухода агрономов были настолько часты, что превратились в «бегство». Это вызвало серьезную озабоченность начальника Тамбовской губернии, в мае 1913 г. предлагавшего земским учреждениям принять необходимые меры для сокращения масштабов явления, угрожавшего, в конечном счете, развитию единоличных хозяйств²⁶.

²² Журналы Усманского уездного земского собрания чрезвычайного 23 января и очередной сентябрьской сессии 1911 г. Усмань, 1912. С. 947; Журналы Усманского уездного земского собрания очередной сессии 1912 г. Заседаний 29, 30 сентября и 1 октября. Усмань, 1913. С. 872.

²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914. Д. 38. Л. 3.

²⁴ Журналы с докладами и другими приложениями Борисоглебского уездного земского собрания за 1912 год. Чрезвычайного 25 и 26 февраля. 6 августа. Очередного 30 сентября, 1, 2, 3 и 4 октября утреннего и вечернего заседаний. Чрезвычайного 25 ноября. Борисоглебск, 1913. С. 1109.

²⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1914. Д. 38. Л. 3.

²⁶ Журналы Козловского уездного земского собрания чрезвычайных заседаний 4 января и 15 марта, очередной сессии 30 сентября и 1–7 октября и чрезвычайного заседания 9 декабря 1913 года. С приложениями. Тамбов, 1914. С. 274–275.

Неусидчивость агрономов вошла даже в поговорку: «агрономы приезжают, объезжают и уезжают». На совещании земских агрономов Тамбовской губернии не раз вспоминали крылатое выражение и призывали обеспечить условия необходимой продолжительности службы персонала²⁷. В качестве мер по закреплению сотрудников агрономической организации предусматривалась выработка детальных положений и инструкций, определяющих права и обязанности агрономов. Свою положительную роль должны были сыграть периодическая прибавка жалованья, предоставление квартир и возможность получения научных командировок²⁸.

В октябре 1912 г. Борисоглебское земство установило периодические прибавки к жалованью для помощников агрономов и делопроизводителя агрономического отдела через каждые 5 лет службы в 20 %, считая от основного содержания в 600 руб. в год. Тем самым на низший агрономический персонал были распространены принципы содержания участковых агрономов. Рост расходов на содержание агрономов дали председателю земской управы Н.А. Гусеву повод повторять, что «Наем персонала очень тяжел». Ему вторил гласный Е.П. Кондырев: «Надо удерживать постоянный персонал», а «частая смена агрономов — это брошенные деньги»²⁹.

С другой стороны, земские гласные, не дождавшиеся немедленно подъема сельского хозяйства и скорого повышения культуры земледелия, отказывались повышать служащим жалованье. Так, в 1913 г. лебедянские земцы обвинили агрономов в том, что: «никаких осязательных результатов от деятельности агрономического персонала в Лебедянском уезде пока не видно»³⁰.

«Бегству агрономов» в значительной мере способствовали плохие бытовые условия. «...Достать какую-либо квартиру совершенно невозможно, а потому агроном пользовался временной квартирой врача, а помощник агронома помещался в школе. ... жить приходилось попоходному», — сообщали Темниковской земской управе³¹. Понимая,

²⁷ Труды 6-го совещания земских агрономов Тамбовской губернии при Тамбовской губернской земской управе 16–19 мая 1913 года. Тамбов, 1915. II. Доклады. С. 30.

²⁸ Там же. С. 34.

²⁹ Журналы с докладами и другими приложениями Борисоглебского уездного земского собрания за 1913 год. Чрезвычайного 17 февраля, Очередного 25, 26, 27, 28, 29 утреннего и вечернего заседаний и 30 сентября, Чрезвычайного 12 и 13 ноября. Борисоглебск, 1914. С. 153, 211.

³⁰ Журналы Лебедянского уездного земского собрания очередной сессии 1913 года. С приложениями. Лебедянь, 1914. С. 172.

³¹ Журналы Темниковского уездного земского собрания очередной сессии 1913 года. Темников, 1914. С. 422.

что отсутствие квартиры может заставить агронома «уйти совсем из уезда», Липецкое земство даже перенесло агрономический участок из одного населенного пункта в другой, где решить жилищный вопрос было проще³².

Итак, в начале XX в. правительственные инициативы способствовали смещению приоритетов земской бюджетной политики в Тамбовской губернии. В условиях аграрных реформ органы местного самоуправления, привлекая казенные субсидии и собственно земские средства, создав участковую агрономическую организацию, стали энергичнее проводить экономические мероприятия, направленные на интенсификацию крестьянских хозяйств.

Вакансии сельскохозяйственных специалистов в Тамбовской губернии земства заполняли с трудом, несмотря на резкий рост собственных ассигнований и финансовую помощь казны. Стараясь набрать и удержать агрономический персонал, востребованный повсеместно в ходе столыпинского землеустройства, земцы шли на новые траты, повышая оклады наемным работникам, улучшая условия их работы и быта.

Литература

1. *Бобынин Н.Н.* Экономическая помощь населению Тамбовской губернии. Тамбов, 1916.
2. *Вонзблейн М.Н.* Обзор земско-экономических мероприятий // Очерки экономической деятельности земства: К пятидесятилетию земства. 1864–1914 гг.: Сб. ст. М., 1914. С. 29–44.
3. *Литошенко Л.Н.* Земские и правительственные ассигнования на мероприятия агрономической помощи населению. М., 1911.
4. *Лучебуль М.* Обзор агрономических мероприятий земств Рязанской губ. за 1913–14 гг. Рязань, 1916.

³² Государственный архив Липецкой области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 698. Л. 5.

«ОТКАЗ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПОВИННОСТЕЙ» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

В статье предпринята попытка проанализировать динамику развития такой формы социального протеста российского крестьянства начала XX в., как «отказ от исполнения повинностей», определить ее экономическую и политическую составляющие.

Ключевые слова: крестьянство, налогообложение, социальный протест, формы протеста, отказ от повинностей.

Отказ крестьян от исполнения каких-либо обязательств (повинностей, работ и т.п.) традиционно считался и считается формой протеста. В советской историографии было четко определено, что любое неповиновение есть проявление классово-борьбы. В этом сказывалось стремление к преувеличению социальной активности крестьян. Поэтому к таковой относились и случаи подачи жалоб (на определенном историческом промежутке) и даже факты отдельных высказываний (что мы наблюдаем в хрониках многотомного издания «Крестьянское движение в России», составившегося в 1960-е гг.). Примечательно, что подобные же отказы, наблюдавшиеся после 1917 г., квалифицировались советскими историками как контрреволюционные акции; что меняло знаки, но не изменяло сути — интерпретации отказа как деяния с явно политическим содержанием.

Исследователи выделяли множество вариантов отказов: «от уплаты налогов», «от исполнения работ», «повинностей», «казенных повинностей» и проч. Именно из-за подобной вариативности Б.Г. Литвак, определявший для «дореволюционного» периода более 100 форм протеста, в итоге был вынужден уменьшить их число за счет группировки до 49-ти [2, с. 45]. По сходному пути пошли и другие исследователи, постепенно уменьшавшие число форм протеста: так, только для 1917 г. А.Д. Малявский выделял 44 формы [6, с. 64–67]; Л.М. Горюшкин полагал приемлемым ограничиться 20 формами. [5, с. 323]. В итоге стало возможным говорить об общем «отказе от исполнения» чего-либо, постепенно включившем в себя все мыслимые варианты отказов. Главное — все они считались проявлением крестьянского протеста. Стоит

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Оренбургский государственный педагогический университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Оренбург.

упомануть, что предпринимались попытки дифференциации форм протеста на экономические и политические; так, отказ платить подати Л.М. Горюшкин полагал экономической [3, с. 46], О.Г. Буховец — политической формой [2, с. 108]. На наш взгляд, даже если и признать какую-либо форму экономической, она все равно остается разновидностью протеста, а таковой чисто экономической быть не может. В связи с этим возникает вопрос: любое ли уклонение от исполнения повинностей имеет политическую направленность? Повинности и налоги по сути являются оружием, причем обоюдоострым и порой достаточно действенным. Усиливая их, власть получает дополнительный рычаг воздействия на население. Так, в Оренбургской губернии начиная с 1863 г. появляется мощный рычаг воздействия на упорствующих крестьян — постой, т.е. размещение в неповинующихся населенных пунктах воинских команд с перекладыванием их содержания на население. Показательно родившееся почти тогда же название таких подразделений — «обжорная команда» [1, с. 399]². Другой пример: в 1920 г. население Илецкого района Оренбургской губернии активно содействовало повстанцам. Там была проведена чуть ли не абсолютная «выкачка» продовольствия. Опасавшееся репрессий население предпочло подчиниться. Но когда разразился голод, помощи жители этих мест не получили никакой. Более того, в сентябре 1921 г. был запрещен выезд из района — в итоге наблюдалась огромная смертность³. История знает ряд примеров ответных инициатив против власти: клятву французских депутатов Национального собрания 20 июня 1789 г. в зале для игры в мяч не расходиться, пока король не пойдет на уступки, а также угрозу, что если их разгонят, то народ не станет платить налоги. В ноябре 1848 г. в ответ на роспуск Национального собрания Пруссии депутаты его призвали не платить налоги. 9–10 июля 1906 г. группа депутатов распушенной Государственной думы провела акцию неповиновения, выехав в г. Выборг, где родилось знаменитое воззвание «Народу от народных представителей» с призывом не платить налоги.

Несомненно, каждый конкретный случай отказа содержит потенциальную политическую составляющую. Но уместно спросить: в каждом ли случае она проявляется? В каждом ли случае уклонения от платежей обязательно наличествует протест? Осознавали ли сами крестьяне наличие протеста в своих действиях? При традиционном подходе однозначный ответ «да» давался на все три вопроса. Но обратимся к историческим материалам. В обобщающей монографии «Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880 гг.» Оренбургская и Уфимская губернии были названы среди губерний, где недоимки были

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. 1862. Д. 41. Л. 32.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1319. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

наибольшими (соответственно 148 и 142 % к годовому окладу). Они уступали только Олонецкой (219 %). В отдельных уездах края показатели были еще выше: в Троицком уезде крестьяне задолжали 6 годовых окладов, в Белебеевском — 5,4 [7, с. 145]. Ситуация в принципе не изменилась и в дальнейшем — к 1892 г. самые большие недоимки по стране были по-прежнему в Оренбургской губернии — 562 % оклада [10, с. 127]. Если принять, что неплатежи это протест, то получается, что в последней трети XIX в. не было более напряженного в социальном отношении региона, нежели Южный Урал. Однако, никакие иные источники этого не подтверждают.

Уклонение от уплаты налогов может быть как намеренной политической акцией, так и вынужденной мерой по причине, например, неурожая. Власти расследовали каждый подобный случай, и не каждый отказ или уклонение карались в равной мере.

Попробуем проследить динамику данной формы поведения крестьян. Поскольку сделать это в масштабах страны крайне сложно, ограничимся юго-востоком европейской части России на значительном временном промежутке (1855–1922 гг.), что позволяет проследить определенные закономерности. За основу возьмем существующую хронику [8]. По рассматриваемому периоду нами отмечено 49 форм «крестьянского движения». «Отказы» за 1855–1917 гг. составили 73 случая, или 12,6 % от общего числа.

При этом «наполнение» формы «отказ от повинностей» меняется со временем — начиная с 1858 г., когда она была отмечена в первый раз, и до 1874 г., речь шла об отказе крестьян платить помещику. Затем фиксируется несогласие крестьян платить государству, точнее — его местным властным структурам, поскольку до высшего уровня крестьяне никогда не поднимались: «не отказываясь от казенных повинностей, не желают платить волостному начальству» (Верхнеуральский уезд, 1871 г.)⁴.

Отказ от исполнения повинностей или платежей никак не мог возникнуть внезапно: так, чтобы крестьяне платили исправно и вдруг начали отказываться. Очевидно, что это самое «вдруг» и требует повышенного внимания. Начиная с 1860-х гг. подобное поведение вызывалось ожиданием нового нормативного акта (манифеста, указа), который должен был легитимировать перемены к лучшему — Верхнеуральский уезд (1863 г.)⁵, Оренбургский уезд (1869 г.)⁶, Оренбургский уезд (1870 г.)⁷, Челябинский уезд (1897 г.)⁸ и др.

⁴ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 85. Л. 59.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. IV эксп. 1863. Д. 205. Л. 1–13; ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 229. Л. 189–195.

⁶ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 27.

⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 454. Л. 10–20.

В этот период наблюдается ряд конфликтов затяжного характера, причем далеко не всегда безнадежных. Так, в с. Петровском Челябинского уезда крестьяне смогли добиться успеха. Конфликт начался в 1871 г., продолжаясь до 1878 г. Крестьяне упорно отказывались от платежа оброка «по упорству и бедности», тем не менее, арендуя землю на стороне. В итоге помещик уступил, предоставив крестьянам значительные льготы⁹.

Идея неплатежей, т.е. оставления средств в хозяйстве на свои нужды, сближала крестьян различных категорий — среди упорствующих сел в этот период мы видим и бывшие казенные, и бывшие владельческие села. Сама инициатива не платить также аргументировалась по-разному: в Кумлякской волости Троицкого уезда платежи связывались с долгами помещикам¹⁰, в Белорецком сельском общества крестьяне соглашались платить казенные повинности, наотрез отказываясь давать деньги на содержание местного общественного управления¹¹. В 1874 г. сход д. Верхней Челябинского уезда постановил, что лесной налог слишком велик, и отказался давать приговор об его уплате¹². Бывшие казенные крестьяне ряда деревень Каминской волости Челябинского уезда отказались в 1878 г. платить по владенным записям оброчную подать, лесной налог, а в некоторых еще и страховой сбор¹³.

С 1874 г. данная форма поведения претерпевает качественные изменения. Если до этого времени крестьяне вели речь о своем нежелании платить помещику причитающиеся ему по закону средства, то теперь — появляется нежелание платить государству. Изменение основного адресата платежей не меняло методики противодействия. Конечно, были случаи, когда отдельные деревни действительно находились в сложном финансовом положении — из-за неурожаев, пожаров, эпизоотий и т.п. Крестьянство поняло, что в таких случаях можно рассчитывать на льготы, уступки, даже некоторую помощь со стороны государства. В данном же случае нас более интересуют намеренные, умышленные отказы, когда крестьяне заявляли о своей бедности и т.п., располагая при этом серьезными средствами, как, например, на хуторе Сукулак Оренбургского уезда. Крестьяне отказались платить платежи еще в 1867 г., и уже тогда, после того, как была проведена опись скота у двенадцати наиболее упорных крестьян, последние не

⁹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 119/1. Л. 3 об., 9 об.

¹⁰ Там же. Л. 1–1 об.

¹¹ Там же. Д. 85. Л. 59.

¹² Там же. Д. 57. Л. 100 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 109. III эксп. 1878. Д. 33. Л. 104–107; РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1878. Д. 119. Л. 2; ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 119/1. Л. 16; Ф. 10. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–6 об.

позволили продать ни одной головы, уплатив разом 364 руб. 67 1/2 коп., что составило более половины долга¹⁴. Крестьяне продолжали упорствовать и далее — практически каждый год часть крестьян хутора заявляла о своем нежелании платить. Причина была достаточно типичная — крестьяне полагали себя избавленными от платежей, поскольку не пользовались землей помещика. Окончательно хуторяне отказались от любых денежных обязательств в 1873 г. и до апреля 1878 г. не платили ничего и никому. Когда в ноябре 1877 г. была начата опись имущества, то крестьяне объявили, что платежи — выдумка пристава из желания ограбить их. Попытки последнего принудить крестьян повиноваться натолкнулись на беспримерные для той поры действия крестьян. Толпа вооружилась — даже у мальчишек и девиц были видны ружья, сабли, пики, ножи. Было заявлено, что они уничтожат несколько человек: поскольку «им нужен один конец — безразлично, смерть или каторга, а острог они уже испытали». Из толпы стреляли под ноги понятым, которых в случае ослушания грозили «бить без разбора». Два дня осаждали дом пристава с намерением его убить. Когда же пристав приказал силой взять сопротивляющихся, то последние «сбросили с себя верхнюю одежду, поклонились отцам и матерям в ноги, простились друг с другом и направили в пристава ружья и пики» со словами «ну идите, мы готовы». Крестьяне упорно отказывались платить, «решившись сообща довести в этом случае упрямство до крайних пределов, не взирая ни на какие меры строгости». Когда же опись имущества все же началась, то крестьяне поначалу отговаривались, что «они люди уже разоренные», но власти в полях обнаружили припрятанный крестьянский скот в трех местах с особыми пастухами. Найденный скот крестьяне демонстративно отказались признавать своими — тем самым, отказавшись от 40 лошадей. Порядок и законопослушание были установлены на хуторе военной командой в начале 1879 г.¹⁵

В 1874–1877 гг. продолжался конфликт в Белебеевском уезде, где крестьяне 8 деревень (ранее одного имения), еще с 1864 г. «неисправно» вносившие платежи, с 1874 г. вообще прекратили это делать. Однако, все меры убеждения наталкивались на «возрастающее упорство». К 1877 г. задолженность составила более 72 тыс. руб. — более трети всех недоимок губернии. При этом крестьяне не платили не из бедности. Как свидетельствовали представители властей, крестьяне намеренно старались не держать ничего лишнего в хозяйстве, все прочее пропивая (только кабаки в селах давали доход до 2 тыс. руб. в год)¹⁶. Расследование показало, что крестьяне были достаточно обеспечен-

¹⁴ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 88. Л. 5–5 об.

¹⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 7. Д. 516. Л. 1–49 об.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 18. Д. 807. Л. 1–9.

ными. К середине марта 1877 г. была проведена опись имущества. Крестьяне успели скрыть скот, предъявляли фальшивые документы об его продаже, были случаи подкупа понятых. Оставшееся имущество прятали в снег, солому, у соседей. Продажа имущества в пяти селах дала 3781 руб. Сразу же несколько крестьян внесли в погашение долга по 5 тыс.

Обращает на себя внимание и поиск способов не просто отказа от исполнения повинностей, но изменения ситуации с тем, чтобы вопрос об оплате, по представлениям крестьян, как бы «отпал» сам: самовольно переселились, бросив землю, за которую с них требовали плату (Оренбургский уезд, 1866 г.¹⁷); продали дома, расселившись по соседним селам (Челябинский уезд, 1865 г.¹⁸); стали арендовать в другом месте (Оренбургский уезд, 1872 г.¹⁹).

Отметим еще одно важное обстоятельство. Мы не располагаем ни одним свидетельством в пользу того, что крестьяне осознавали «неправильность», «незаконность» своего отказа — напротив, они были убеждены в правильности, правомерности своих действий. Крестьяне не шли на конфронтацию, а пытались корректировать ситуацию, но так, как полагали нужным или правильным.

«Внезапных», без весомых причин, отказов не было никогда. В каждом случае обязательно срабатывал новый фактор: слух о скором новом нормативном акте; инициативные шаги, ломающие, по мнению крестьян, существующие обязательственные отношения. Новые составляющие крестьянского поведения наблюдаются только в начале XX в.: впервые отказ сопровождается вооруженным сопротивлением в 1901 г. (Челябинский уезд)²⁰, впервые часть сельского общества не желает присоединиться к отказу и в итоге принуждена к этому силой в 1913 г. (Оренбургский уезд)²¹. В значительной мере подобные новации были результатом пропагандистского воздействия. Но, скорее, воздействия опосредованного — напрямую никто крестьян к неплатежам не призывал. Да, «Выборгский манифест» был известен в крае — его нелегально переиздали местные левые (эсеры и социал-демократы). Но нет никаких свидетельств в пользу того, что содержащиеся в «Манифесте» призывы нашли отклик у крестьян, в среде, к которой адресовались. Мы не располагаем ни одним свидетельством, даже косвенным, которое бы дало основание говорить об использовании крестьянами своих отказов как рычага политического воздействия на всем протяжении рассматриваемого периода.

¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. 1866. Д. 59. Л. 1–2.

¹⁸ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

¹⁹ Там же. Д. 88. Л. 57, 73.

²⁰ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 570. Л. 2–5.

²¹ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 491. Л. 14.

Интересующая нас форма «отказа» как бы исчезает, сходит на «нет» в революционные годы, т.е. в то время, когда происходит ослабление власти и усиление нажима на нее со стороны крестьян. На этом фоне отказы просто не столь радикальны, как те меры и шаги, на которые в новых условиях решаются крестьяне. Вновь анализируемая нами форма крестьянского движения «возвращается» при советской власти, но, как указывалось выше, с новой историографической оценкой, как контрреволюционное деяние. Хроники крестьянского движения в советский период традиционно завершались 1917 г., где Октябрьская революция рассматривалась как естественный рубежный момент.

С одной стороны, перемены налицо: если по «дореволюционному» периоду наблюдается удивительное многообразие форм «отказов», то теперь происходит резкое сужение вариантов. Ряд прежних форм протеста просто исчезает, зато «отказ» становится едва ли не основной (по нашим данным для южноуральского региона за 1919–1922 гг. — 39 % общего числа). В последующем эта форма становится вообще преобладающей (не исключая единичных случаев «активных действий»). Если говорить о реальных изменениях, то изменился один фактор — характер власти.

Проанализируем действия «царских» властей. В 1870-х гг. отмечено несколько случаев исключительного крестьянского «упорства» — в Челябинском уезде (1871–1878 гг.), Оренбургском (1873–1878 гг.), Белебеевском (1874–1878 гг.). К силовым методам воздействия на неплательщиков власть не прибегала, изъятие имущества за недоимки во всех указанных случаях началось только в 1877 г. Ставка делалась, прежде всего, на убеждение. Власти исходили из посыла, что крестьяне поступают так «по упорству», по недомыслию. После 1917 г. подобные ситуации, впрочем, как и растянувшиеся на несколько лет конфликты стали просто немыслимы.

Составляя хронику, мы были вынуждены остановиться на 1922 г. (см.: [8]) поскольку, как показал поиск, для всех последующих лет либо придется констатировать исчезновение протеста вообще — если считать отказы экономической формой, либо признать, что весь протест в итоге сводится к данной форме.

На наш взгляд, в основе крестьянского отказа от исполнения повинностей лежал экономический момент. Право государства вообще взимать что-либо с крестьян ими под сомнение не ставилось. Иными словами, это не был протест против власти. Если что и ставилось под сомнение, то взимание конкретных выплат, наложение конкретных повинностей, требование исполнения конкретных работ. Крестьяне только пытались приспособиться к меняющимся условиям. Политический характер действиям крестьян придавали сами власти: но если царские — в исключительных случаях, то советская власть делала таковыми практически все отклонения от требуемых действий.

Мы склонны считать, что именно отказы от исполнения повинностей в советский период становятся формой политической борьбы (разумеется, не абсолютно каждый подобный случай). Отказы с экономическим содержанием продолжались и в 1917 г. и несколько позже. Но потом крестьяне «обогатились» опытом взаимоотношений с советскими карательными структурами, превращавшими в политический конфликт практически любое несогласие и неповиновение. Скорость процесса «обогащения» была разной в различных регионах и зависела от многих локальных факторов. В изменившихся условиях, крестьяне начинали осознавать, чего им будет стоить неповиновение — и это наполняло политическим содержанием любую крестьянскую инициативу, даже казалось бы исключительно экономическую.

В итоге крестьянами была создана система «тихого противостояния», сменившая активные формы протеста, которая получила название «оружия слабых» [9, с. 85; 4, с. 315], с ударением именно на слове «оружие».

Литература

1. *Авдеев М.* Меж двух огней. СПб., 1869.
2. *Буховец О.Г.* К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905–1907 гг. (по материалам Самарской губ.) // История СССР. 1979. № 3.
3. *Горюшкин Л.М.* Крестьянское движение в Сибири эпохи капитализма (методика составления хроники) // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. 1982. № 1.
4. *Ковалева Л.* Оружие слабых: села Александровка и Плотниково // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
5. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: Хроника и историография // *Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А.* и др. Новосибирск, 1985.
6. *Малявский А.Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. (март — октябрь). М., 1981.
7. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880 годов: Коллективн. монография / Отв. ред. *Б.С. Итенберг.* М., 1983.
8. *Сафонов Д.А.* Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998.
9. *Скотт Дж.* Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
10. *Шаховской Д.И.* Выкупные платежи // Великая реформа. Т. VI. М., 1911.

**РОЛЬ ССУДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО
ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В РЕГУЛИРОВАНИИ
ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН
(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ)**

В статье показана роль Крестьянского поземельного банка в укреплении финансового положения крестьян на территории белорусских губерний. Новизна исследования заключается в комплексном изучении деятельности банка. Рассматриваются периоды деятельности банка, национально-конфессиональный состав клиентов банка, влияние государственной ипотеки на рост крестьянского землевладения, стабилизацию земельного рынка и ход реализации столыпинской аграрной реформы.

Ключевые слова: Крестьянский поземельный банк, ссуда, залог земли, столыпинская аграрная реформа, финансовое положение крестьян.

В последнее время деятельность Крестьянского поземельного банка стала приоритетным направлением в исследованиях историков-аграрников. В 1960-е гг. были предприняты попытки анализа ссудной деятельности банка на территории Беларуси. Белорусские экономисты-историки пришли к выводу, что банковские операции привели к окончательному разорению крестьян посредством перекачки огромных денежных средств в распоряжение крупных землевладельцев [1, 5]. В современной историографии ссудная деятельность Крестьянского поземельного банка была переосмыслена. Белорусские историки сумели доказать, что банку отводилась ведущая роль в решении аграрного вопроса путем формирования системы частного крестьянского землевладения на белорусских землях [2–4]. Такие почти противоположные взгляды требуют проведения историко-статистического анализа ссудной деятельности банка.

Александр III 18 мая 1882 г. утвердил «Положение о Крестьянском поземельном банке», которое стало отправной точкой для начала подготовительных работ, связанных с открытием местных отделений банка. 10 апреля 1883 г. начали свою деятельность первые девять отделений банка, среди которых было и Могилевское – единственное на

¹ Кухаренко Артур Андреевич, Белорусский государственный университет, KuharenkAA@bsu.by, Республика Беларусь, г. Минск.

территории Беларуси. Вторым отделением на территории нашей страны стало Гродненское, начавшее работу в 1885 г. Сразу два отделения банка – Витебское и Минское были учреждены на белорусских землях в 1886 г., а в 1887 г. Ковенское отделение расширило свою деятельность на Виленскую губернию, в результате чего появилось совместное Виленско-Ковенское отделение [4, с. 12].

Официальное открытие местных отделений Крестьянского поземельного банка проходило в торжественной обстановке. Управляющий Витебскими отделениями Крестьянского и Дворянского земельных банков надворный советник И.В. Андрияшев описал церемонию открытия своих отделений, которая состоялась 20 июня 1886 г.: «Открытие отделений произошло благополучно и вполне торжественно: молебствие совершал Преосвященный Маркелл, Епископ Витебский и Полоцкий. К открытию я пригласил Губернского и всех Уездных Предводителей Дворянства, всех начальствующих отдельными частями в губернии и других почетных лиц»². В числе приглашенных был витебский губернатор князь В.М. Долгоруков, который оказал помощь в становлении ипотечного кредитования на территории Витебской губернии.

Могилевское отделение Крестьянского поземельного банка до 1889 г. действовало самостоятельно, а затем объединилось с отделением Дворянского земельного банка. Гродненское отделение, наоборот, было создано в составе Государственного банка, а через год приобрело самостоятельность. Витебское и Минское отделения с самого начала своего существования были самостоятельны. Виленско-Ковенское отделение постигла судьба Могилевского отделения: в 1896 г. оно было объединено с отделением Дворянского земельного банка. При соединении отделений Крестьянского и Дворянского земельных банков управляющие отделениями были вправе возлагать поручения по делам Крестьянского поземельного банка на служащих отделения Дворянского земельного банка и наоборот [4, с. 12].

Срок выдаваемых Крестьянским поземельным банком ссуд первоначально устанавливался от 24,5 до 34,5 лет; с 1894 г. – от 13 до 55,5 лет (13, 18, 28 лет, 41 год, 55,5 лет). Ссуда не должна была превышать 80–90 % оценки покупаемой земли, а ссудный процент равнялся 7,5–8,5 % годовых. В отличие от других ипотечных банков, выдававших нецелевые ссуды, кредит Крестьянского поземельного банка имел строго определенное назначение – только на покупку земли. Получателями ссуд могли быть сельские общества, товарищества и отдельные домохозяева. Их размеры при общинном пользовании исчислялись на наличную душу мужского пола, а при «участковом» – на отдельного

² Два года существования Витебского отделения Крестьянского поземельного банка [Электронный ресурс] // Памятные книжки Витебской губернии (1861–1914). Мн., 2011. С. 12.

домохозяина. Самый высокий размер такой ссуды не должен был превышать в первом случае 125 руб. на одну душу, во втором – 500 руб. на домохозяина³. Следует отметить, что белорусские отделения функционировали в условиях ограничительного законодательства, которое определило приоритетное положение православных крестьян и старообрядцев при выборе потенциальных клиентов банка.

Ссудные операции Крестьянского поземельного банка требовали предварительного совершения крепостных актов на покупку земли. Подготовка этих документов и целый ряд других формальностей стали основанием для многочисленных жалоб на медленность хода дел по ссудам. Однако путем письменных и личных сношений Совету банка удалось разъяснить неизбежность предъявляемых требований, которые были вызваны необходимостью снижения риска неплатежеспособности банковских клиентов.

Текущая финансовая отчетность отделений Крестьянского поземельного банка по всем видам ссудных операций и отдельным стадиям сделок производилась при помощи особых купонных листов, отчетных книг и сводных статистических карточек.

К каждому банковскому делу по покупке имения за счет банка или назначению ссуд в отделении пришивался соответствующий купонный лист, сопровождающий затем дело по всем стадиям его дальнейшего производства. Для каждого рода дел купонный лист был отпечатан на бумаге особого цвета. Листы для дел по покупке имений за счет банка имели оранжевый цвет, по продаже земли из имений банка – красный цвет, по посредническим сделкам – белый, по назначению ссуд под надельные земли – зеленый и по назначению ссуд под земли, купленные крестьянами без содействия банка, – синий цвет. Все купонные листы состояли из корешка и отрывных купонов, приспособленных для отдельных стадий сделки. По мере движения дела по отдельным стадиям сделки (заявление, разрешение, назначение к выдаче ссуды, расстройство сделки и пр.) соответствующие купоны и корешки к ним заполнялись надлежащими сведениями, причем купоны отрывались для подсчета месячной отчетности. Купоны представлялись в Центральное управление банка вместе с месячной статистической карточкой, а в отделениях оставались их дубликаты [3, с. 31].

Для составления месячной отчетности в отделениях заводились особые отчетные книги, в которые после подсчета содержащихся в купонах статистических сведений заносились их месячные итоги по категориям и стадиям сделок [3, с. 31].

³ Устав Крестьянского поземельного банка // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. СПб., [1908?]. Т. 11. Ч. 2 : Уставы: кредитный, о векселях, торговый, судопроизводства торгового, консульский, о промышленности. С. 141–166.

Из отчетных книг месячные губернские итоги вносились в сводные статистические карточки для представления в Центральное управление банка. Для каждого рода операций предназначалась особая карточка того же цвета, что и купонные листы. Заполнение купонов и корешков к ним, ведение отчетных книг и составление сводных месячных карточек возлагалось на заведующего статистикой отделения банка [3, с. 31].

Для анализа ссудной деятельности Крестьянского поземельного банка большое значение имеют материалы ревизии местных отделений банка. Сохранился акт о проверке кассы Минского отделения банка № 343 от 13 декабря 1913 г., составленный по предписанию управляющего Минской контрольной палатой: «Проверка записей кассовых книг произведена по подлинным документам со времени последнего срочного свидетельства чинами отделения банка, т. е. с 1 декабря, причем оказалось, что все итоги выведены правильно, книги прошнурованы, пронумерованы за надлежащими печатями и скрепами и записи в них ведутся своевременно без подчисток и подскобок, документы составляются на установленным бланках и подписаны и скреплены установленным порядком, хранятся и группируются в удобном, в ревизионном отношении, порядке»⁴.

В деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси можно выделить три периода, каждый из которых характеризуется определенным порядком проведения ссудных операций. В первый период (1883–1895 гг.) банк производил только одну операцию: выдачу при его содействии крестьянам ссуд под залог приобретенной земли. Фактически банк являлся посредником между помещиком-продавцом и крестьянином-покупателем. Во второй период (1896–1905 гг.) посредническая операция была дополнена перезалогом земельных участков, купленных без помощи банка, и покупкой земли за счет собственного капитала для ее перепродажи или сдачи в аренду крестьянам. Из посредника при покупке земли банк превратился в крупного землевладельца. В третий период (1906–1914 гг.) были введены новые виды ссудных операций: выдача ссуды под залог наделных крестьянских земель и запродажа. Последняя операция предполагала реализацию земли либо с ее предварительной арендой, либо с получением банком от покупателя задатка (то есть с рассрочкой платежа). Такой широкий список кредитных операций объясняется тем, что банку отводилась роль одного из главных инструментов реализации столыпинской аграрной реформы.

Анализируя **первый период** деятельности Крестьянского поземельного банка (1883–1895 гг.), можно выявить отличительные особенности, свойственные белорусским отделениям банка. В рассматриваемый период они оказали содействие в реализации 465 306 десятин

⁴ НИАБ. Ф. 45. Оп. 13. Д. 25. Л. 9, 20.

земли (19,3 % от общеимперского количества), на покупку которых было выдано 3 493 ссуды (23,4 %)⁵. В результате белорусские отделения банка оказались на первом месте по количеству выданных ссуд и купленной крестьянами земли.

Как видно на рис. 1, количество выдаваемых ссуд белорусскими отделениями банка неуклонно росло, вплоть до 1895 г. Исключение составил лишь 1893 г., когда были изъяты из обращения свидетельства Крестьянского поземельного банка, приносявшие 5,5 % годового дохода, и начат выпуск новых свидетельств меньшего номинала (4,5 %), что породило страх и недоверие клиентов банка.

Второй период деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка (1896–1905 гг.) характеризовался расширением ссудных операций и постепенным увеличением их объема. За это время в белорусских губерниях было реализовано 740 620 десятин земли (16,8 % от общеимперского количества), на покупку которых банк выдал 7 585 ссуд (12,6 %). Очевидно, что белорусские отделения Крестьянского поземельного банка увеличили объемы своих операций, но их доля при этом снизилась в общеимперском масштабе по сравнению с предыдущим периодом. По итогам двух периодов было реализовано 1 205 926 десятин земли (14,6 % от общеимперского количества) посредством 11 078 ссуд (18,4 %)⁶.

После принятия Устава Крестьянского поземельного банка 1895 г. белорусские отделения стали действовать нерешительно, что объясняется отсутствием у них опыта в выдаче ссуд под залог земли для погашения долга и покупки имений за свой счет для последующей продажи или сдачи в аренду крестьянам. Однако, начиная с 1898 г. белорусские отделения стали постепенно увеличивать количество выдаваемых ссуд (рис. 1). Исключением стали: 1901 г., который совпал с мировым экономическим кризисом 1900–1903 гг.; 1904–1905 гг., когда деятельность отделений банка была ограничена как из-за снижения покупательной способности населения по причине военного времени, так и из-за закона от 26 марта 1904 г., который временно уменьшил размер выдаваемых ссуд и приостановил покупку имений за счет капитала банка.

Третий период деятельности Крестьянского поземельного банка (1906–1914 гг.) стал самым успешным по количеству выданных ссуд и купленной крестьянами земли. За это время в белорусских губерниях было реализовано 769 095 десятин земли (8,6 % от общеимперского количества), на покупку которых банк выдал 28 566 ссуд (8,4 %). Все-

⁵ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год второй. СПб., 1908. С. 45; там же. Год девятый. Пг., 1916. С. 590, 591, 595, 601.

⁶ Там же.

го с 1883 по 1914 г. крестьяне приобрели 1 975 021 десятину земли (11,3 % от общеимперского количества) посредством 39 644 банковских ссуд (10,3 %)⁷.

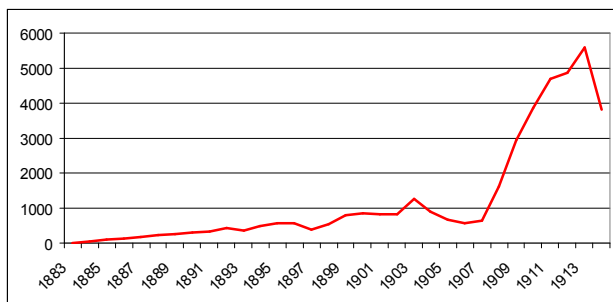

Рис. 1. Количество выданных ссуд белорусскими отделениями Крестьянского поземельного банка в 1883–1914 гг.

С началом Первой мировой войны белорусские отделения Крестьянского поземельного банка были вынуждены переехать вглубь Российской империи. 19–25 июля 1914 г. Гродненское отделение банка переместилась в Пензу. В 1914 г. были эвакуированы также Виленское и Минское отделения, в 1915 г. – Витебское и Могилевское.

Последний период деятельности банка неразрывно был связан с реализацией столыпинской аграрной реформы, что привело к увеличению объемов ссудных операций банка (рис. 1). Кроме этого, отмена выкупных платежей с 1 января 1907 г. положительно отразилась на покупательной способности крестьян.

В 1906–1914 гг. средняя цена одной десятины земли, купленной крестьянами при содействии банка, составляла 99 руб.⁸ Если рассматривать среднюю цену одной десятины земли, приобретенной крестьянами из имений банка, то она в 1906–1914 гг. составляла 82 руб.⁹ Получается, что средняя цена одной десятины земли по посредническим сделкам значительно превышала среднюю цену, которая выставлялась при ликвидации банковских имений (рис. 2). Ценовой фактор стал главной причиной, объясняющей рост покупок банковских земель в рассматриваемый период.

⁷ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год второй. СПб., 1908. С. 45; там же. Год девятый. Пг., 1916. С. 590, 591, 595, 601.

⁸ Там же. Год второй. СПб., 1908. С. 24, 27; там же. Год восьмой. Пг., 1915. С. 587–588; там же. Год девятый. Пг., 1916. С. 596, 597.

⁹ Там же. Год третий. СПб., 1909. С. 421–422; там же. Год восьмой. Пг., 1915. С. 587–588.

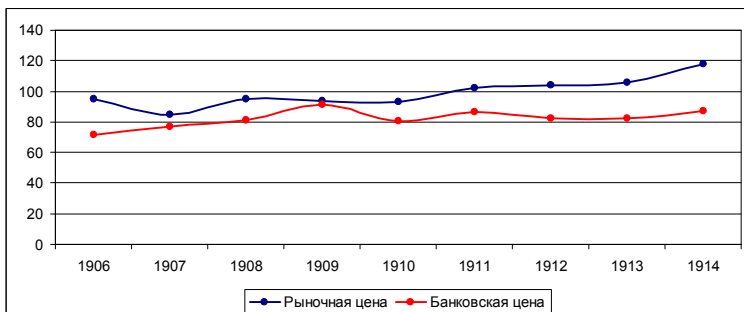

Рис. 2. Динамика средних цен на землю из имений белорусских отделений Крестьянского поземельного банка (в рублях)

Ссудная деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси оказала положительное влияние на рост крестьянского землевладения (рис. 3). Если же принять к учету лишь землю, оставшуюся на руках у крестьян, за вычетом проданной ими, то деятельность банка имела определяющее значение в увеличении количества купленных земель крестьянским населением белорусских губерний.

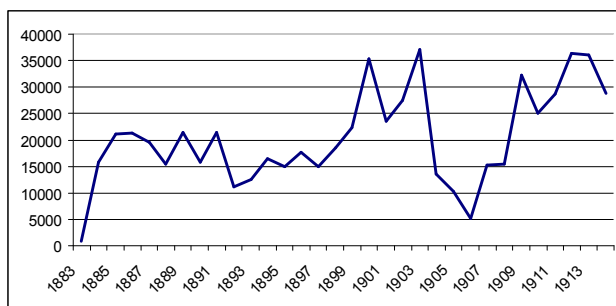

Рис. 3. Количество купленной крестьянами земли посредством ссуд белорусских отделений Крестьянского поземельного банка в 1883–1914 гг. (в десятинах)

Для доказательства влияния ссудной деятельности Крестьянского поземельного банка на рост крестьянского землевладения была построена многофакторная регрессионная модель. В качестве эндогенной и экзогенных переменных были взяты основные показатели деятельности белорусских отделений банка за период с 1900 по 1914 г. Зависимая переменная представлена количеством земли, которую крестьяне купили с помощью банка, независимые – размером выданных ссуд и ценой на землю [1, с. 101].

В результате математического моделирования удалось построить регрессионную модель с высоким уровнем надежности (95 %). Данная модель приняла следующий вид:

$$Y = 78,65 + 0,02 \times X1 - 0,87 \times X2 \cdot$$

Построенная модель доказывает наличие прямой зависимости между размером выданных ссуд и количеством земли, которую крестьяне приобрели с помощью банка, а также обратной зависимостью между ценой на землю и земельными покупками крестьян. С увеличением выдачи банковских ссуд на 1 % следовало ожидать роста земельных покупок крестьян на 0,02 %. В свою очередь, рост земельных цен на 1 % приводил к уменьшению количества купленных десятин земли на 0,87 %. Полученный коэффициент детерминации свидетельствует о том, что количество купленной крестьянами земли на 95 % подвергалось влиянию размера выданных ссуд и покупных цен на землю.

Ускоренный рост крестьянского землевладения и устойчивость купленных крестьянами земель, сравнимая по прочности с наделными землями, были связаны с участием Крестьянского поземельного банка в процессе мобилизации крестьянского землевладения. Большинство земельных покупок крестьян не могли обойтись без содействия банка. Например, до 1906 г. только 20 % всех крестьянских покупок в Витебской губернии были совершены без участия в них отделения банка¹⁰.

Таким образом, Крестьянский поземельный банк сумел привлечь на земельный рынок в качестве сильного покупателя малоземельное крестьянское население. Ссудная деятельность банка оказала существенное влияние на мобилизацию крестьянской земельной собственности и сведению к минимуму рисков долгового банкротства и последующей продажи земельных участков на торгах. Можно утверждать, что банковская деятельность способствовала укреплению финансового положения крестьян белорусских губерний накануне Первой мировой войны.

Литература

1. *Гаргідзе З.І.* Сялянскі пазямельны банк у Беларусі (1883–1917 гг.) // Весті Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук. 1965. № 1. С. 95–104.
2. *Грузицкий Ю.Л.* Деятельность Крестьянского поземельного банка в белорусских губерниях и реформа Столыпина // Вестник Ассоциации белорусских банков. 2009. № 13. С. 25–29.
3. *Кухаренко А.А.* Архивные документы по истории белорусских отделений Крестьянского поземельного банка // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 28–32.
4. *Кухарэнка А.А.* Дзейнасць Сялянскага пазямельнага банка на тэрыторыі Беларусі (1883–1914 гг.) // Беларус. гіст. часоп. 2013. № 6. С. 11–18.
5. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917. Минск, 1963.

¹⁰ 25-летняя деятельность Витебского отделения Крестьянского поземельного банка. Витебск, 1912. С. 151.

ПОЛИТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ К СЕЛЬХОЗРАБОТАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье охарактеризована политика Российской империи в отношении беженцев в период Первой мировой войны как источника рабочей силы для аграрного сектора. Показаны состав и расселение беженцев, динамика государственной помощи беженцам и их участие в сельскохозяйственных работах.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, беженцы, рабочая сила, сельское хозяйство.

Государственная политика в отношении беженцев состояла в подчеркивании временности их статуса и даже в сохранении, по возможности, на новом месте их прежней социальной структуры. Правила по устройству беженцев предписывали расселять их компактно, стараясь не дробить не только семьи, но и сельские общины². Эвакуация беженцев и расселение их на новом месте жительства протекали под контролем властей. Размещение партий беженцев внутри губерний осуществлялось Губернскими земскими комитетами попечения о беженцах, которые распределяли прибывающие поезда по станциям назначения³.

Значительную долю беженцев составляли крестьяне (75–85 % по оценке Татьянинского комитета), однако центрами притяжения для них стали преимущественно города, находившиеся по пути следования эшелонов с беженцами. Кроме того, в городах беженцам легче было найти себе пристанище и получить помощь. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в январе 1916 г. рекомендовал губернаторам использовать ряд мер для направления беженцев в аграрные районы. Эти меры включали широкое оповещение о местах наибольшей нужды в сельскохозяйственных рабочих и примерной заработной плате, посредничество земств в направлении беженцев к сельским обществам, усиление мер попечения о семьях, оставляемых беженцами на время

¹ Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал; STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 697. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

³ ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5888. Л. 34.

работ. Уездные земские управы обязывались заранее оповещать беженцев об объеме работ и уровне заработной платы, выполнять посреднические функции в вопросах найма [5, с. 138].

По оценке А.Н. Курцева, в среднем по империи в городах остановилось 35 % беженцев [6, с. 117]. Следовательно почти 2/3 беженцев расселились в сельской местности Европейской России. По уточненным данным Татьянинского комитета на конец 1916 г. в сельской местности 1 беженец приходился на 100 жителей, а в городах — 1 на 28 горожан [4, с. 27]. По отношению к коренному населению Орловской губернии доля беженцев составляла всего лишь около 2 %, при этом присутствие перемещенных лиц более всего было заметно в городах. В городах Орловской губернии остановилось в среднем 26,8 % прибывших в губернию беженцев. Если в сельской местности беженцы составляли около 1,5 % по отношению к жителям уездов, то доля беженцев среди горожан вырастала до 7,5 %⁴. При этом наибольший пресс со стороны беженцев испытывали Брянск и Карачев, где беженцы составляли соответственно 22,6 % и 34,8 % по отношению к местному населению. В других городах доля проживающих беженцев не превышала 6 %. В то же время в Орловском, Карачевском, Болховском и Дмитровском уездах доля беженцев, живущих в городах, превышала 40 %⁵.

К осени 1915 г. стало ясно, что беженцы представляют особую социальную категорию, остро нуждающуюся в систематической государственной помощи. Однако с течением времени проявляется стремление к сокращению государственных расходов на содержание этого слоя людей. В финансовом отношении был выбран курс на интеграцию беженцев как рабочей силы в хозяйственную структуру мест их пребывания. В условиях все более ощутимого недостатка рабочих рук в стране было естественным желание государства рассматривать беженцев не как массу иждивенцев, предоставленную его заботам, а как довольно значительный источник трудовых ресурсов. Однако проблема обеспечения и трудоустройства беженцев в годы Первой мировой войны оказалась достаточно сложной и для центральной власти, и для местного самоуправления, и для самих беженцев.

С началом массового прибытия беженцев во внутренние губернии страны встал вопрос об их расселении. В Законе о беженцах от 30 августа 1915 г. не было сказано, что их принятие относится к натуральным повинностям населения. Министерством внутренних дел было

⁴ Приводимые цифры являются приблизительными, так как автор предполагает данными о численности населения городов и уездов губернии на 1 января 1914 года и данными о численности проживающих в них беженцев на 1 января 1916 года.

⁵ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3—16.

решено размещать беженцев по крестьянским избам от 1 до 3-х семей в каждой за плату 8–12 руб. за избу, в которой должно помещаться не меньше 8-ми человек. Расселение беженцев в сельской местности проводилось уездной полицией в добровольно-принудительном порядке⁶. Становые приставы собирали сведения о помещенных, в которых можно было разместить беженцев (их тип, вместимость, принадлежность, расстояние от железнодорожных станций). Эти данные сообщались уездному исправнику, контактировавшему с уполномоченным по устройству беженцев в губернии. Обычно в крестьянском доме помещалась 1 семья беженцев, иногда с подселением бездетной пары или одинокого беженца. В среднем в 10 крестьянских избах размещалось 63 беженца⁷. В опубликованных воспоминаниях беженцев-белорусов, проживавших в деревнях, приводятся сведения о том, что они оказывали трудовую помощь своим «хозяевам», а те, в свою очередь, делились с ними продуктами [2, с. 130–131].

Подыскание работы для беженцев входило в задачи организаций, занимавшихся их устройством. Контроль над привлечением беженцев к труду МВД возлагало на губернаторов⁸. Налаживанию связей между беженцами и работодателями были призваны помочь Трудовые бюро, организованные при некоторых уездных комитетах попечения о беженцах. С 15 октября 1915 г. началась деятельность Бюро труда при Орловском областном комитете Всероссийского союза городов. Бюро справок, существовавшее при Вокзальной комиссии, регистрировало запросы работодателей и сообщало эти сведения обращающимся беженцам. В состав Бюро входили представители Татьянинского комитета, Орловского городского комитета о беженцах, представители орловского губернатора и уездного комитета о беженцах. На его совещания приглашали старшего фабричного инспектора, который мог выдавать пособия и билеты на бесплатный проезд квалифицированных рабочих. Из обратившихся в Бюро 952 человек работу получили 748, из них более половины – за пределами губернии⁹.

Для принуждения к работе одновременно применялись поощрительные стимулы и принудительные меры. Беженец, уклонившийся от соответствующей его познаниям и навыкам работы, снимался с казенного пайка. В то же время, поиски беженцем работы первоначально не являлись основанием для снятия с пайка его самого и членов семьи¹⁰.

⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 160; Ф. 706. Оп. 1. Д. 710. Л. 68.

⁷ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 850. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–74, 91–108.

⁸ Государственный архив Калужской области (ГАКО) Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41.

⁹ Отчет о деятельности Орловского областного комитета Всероссийского Союза городов. Орёл, 1917. С. 1–30.

¹⁰ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5299. Л. 35.

Принуждение при организации трудоустройства беженцев способствовало установлению уездными земскими управами различных правил. К примеру, Оренбургская уездная земская управа постановила, что за отказ от работы трудоспособных беженцев лишать казенного пособия не только отказника, но и его семью. Для тех, кто выходил на работу паек сохранялся вне зависимости от размера заработной платы. Для определения трудоспособности беженцев проводился медицинский осмотр [8, с. 153].

Из-за наплыва значительной массы населения из районов, охваченных боевыми действиями, был взят централизованный курс на максимальное сокращение государственной помощи беженцам и перевод их на самообеспечение. Согласно Руководящим положениям по устройству беженцев, утвержденным 2 марта 1916 г., из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь имели право получать дети до 14 лет включительно, нетрудоспособные, 1 из взрослых в семье, надзирающий за детьми, и беженцы, поступившие на сельхозработы. Официально нетрудоспособными считались дети до 12 лет, старики от 60 лет и старше, женщины, имевшие на попечении не менее двух детей до 8 лет¹¹. При этом продовольственный паек в полном объеме могли получать 4 члена семьи, все остальные – только половину¹².

Циркулярное письмо МВД и Особого совещания по устройству беженцев от 26 июня 1916 г. предписывало губернаторам снять с продовольственного пайка 15 % беженцев в городе и 10 % на селе, мотивируя это крайне затруднительным состоянием казначейства¹³. В III квартале 1916 г. общий кредит на содержание беженцев сокращался наполовину. В IV квартале предполагалось лишить пайков беженцев, вставших на сельхозработы¹⁴. В итоге из состоявших в январе 1917 г. на попечении Орловского губернского земского комитета о беженцах 35,5 тыс. чел. пособие получали 14168 человек¹⁵.

Уездные комитеты не имели права самостоятельно определять или изменять размер пайка, получаемого беженцами. Они могли планировать свою работу исходя из средств, отпускавшихся в их адрес Государственным казначейством. Смета отражала не объем необходимой помощи, а соотношение рекомендованного количества пайков и пособий с числом беженцев, проживающих в уезде. Жиздринский уездный комитет попечения о беженцах Калужской губернии никак не

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 194, 201.

¹² ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23.

¹³ Там же. Д. 3. Л. 25.

¹⁴ Там же. Ф. 580. Ст. 1. Д. 6162. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

мог согласиться с сокращением на 50 % ассигнований на пайки, он не желал «навлекать на себя озлобление местного населения и беженцев» и считал невозможным продолжать работу по устройству беженцев в случае «задержки финансирования... в действительной потребности». В декабре 1917 г. Комитет объяснил допущенный перерасход средств на пайки для беженцев невозможностью уменьшения их числа [2, с. 135–136].

Тяготы жизни вынудили 19 беженцев, размещенных в с. Крутое Елецкого уезда Орловской губернии, обратиться в начале 1916 г. в Татьянинский комитет с жалобой. Проверка, проведенная уполномоченным по устройству беженцев в Орловской губернии И. Голыньским и Главноуполномоченным VIII района В. Лигиным, показала, что «многие старики и больные лишены продовольственного пайка» [1, с. 103].

Черты принудительного труда заметны в тех условиях, в которых оказывались беженцы на рынке рабочей силы. Помимо того, что сферой их занятий был определен аграрный сектор, широко практиковались твердые расценки на труд беженцев, которые были обязательными. За отказ наниматься на этих условиях они лишались пайка. Твердые расценки на труд беженцев устанавливались Уездными комитетами, после чего они вносились в Губернский комитет, где прочие уездные комитеты могли ознакомиться с ними и принять их для себя.

Первым в Орловской губернии выработал расценки на труд беженцев Малоархангельский уездный комитет в самом начале марта 1916 г. За ним вскоре последовали Ливенский, Мценский, Орловский и Брянский комитеты. В Малоархангельском уезде взрослый мужчина мог получить 12 руб. в месяц, женщина — 8 руб., подростки и старики — 7 руб. В Мценске дороже оценивался поденный труд. В страду беженцам предоставлялось право наниматься по договорным ценам. В Ливнах в страдную пору расценки совпадали с малоархангельскими, в обычное же время были ниже — 8 руб. мужчинам, 6 руб. — женщинам и подросткам. Поденный наем был выгоднее, поскольку мужчины могли получать 60–80 коп. в день, женщины — 40 коп. Беженцы принимались на работу на хозяйских харчах. Члены Брянского комитета, принимая расценки на труд беженцев, отметили, что они вряд ли будут иметь практическое значение, т.к. сложившиеся к тому времени в Брянске и окрестностях цены на труд превышали предлагаемые нормы¹⁶.

В Орловской губернии в 1916 г. 4 тыс. беженцев (по всем уездам) приняли участие в сельскохозяйственных работах¹⁷. В Рязанской губернии в сельхозработах участвовало 10 % беженцев, в иных работах — 14 %, безработными числилось 8 % [2, с. 134]. В течение апреля 1916 г. в Калужской губернии на сельскохозяйственные работы стали 2973

¹⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5299. Л. 35, 46, 47.

¹⁷ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5316. Л. 81; Д. 5338. Л. 19–20.

чел., в июне — 1932 человека [1, с. 106]. К октябрю этого года на сельскохозяйственных работах по губернии находилось, согласно сведениям Татьянинского комитета, около 10 тыс. беженцев (14 % от их общего числа), трудившихся на других работах насчитывалось 15 % [2, с. 133]. В Харьковской губернии в сельскохозяйственных работах в июле-сентябре 1916 г. было занято от 13 до 18 % всех состоявших на учете беженцев [3, с. 94].

В Орловской губернии за отказ от сельскохозяйственных работ в 1916 г. были лишены пайков 3228 человек¹⁸. В мае 1916 г. в Калужской губернии были лишены пособий за отказ от работы в сельском хозяйстве без уважительной причины 590, а в июне — 635 человек [2, с. 133].

Фактором, существенно снижавшим значение беженцев как резерва рабочих рук, следует признать наличие среди них значительного числа семей с детьми. Абсолютное большинство бежавших от войны семей имели детей, нередко по 5–7 человек, иногда до 9-ти детей. Бездетными были лишь 2,8 % семейных пар. В среднем на 2 семьи приходилось 3 ребенка. Средняя семья беженцев состояла из 5-ти человек¹⁹. Одинокими было всего 5 % беженцев, почти $\frac{3}{4}$ из которых были женщины, поскольку мужчин-беженцев призывали в армию. Оба супруга имелись только в 62 % семей беженцев, $\frac{1}{4}$ часть семей были неполными и возглавлялись женщинами, 13 % — мужчинами.

На основании данных материалов по Орловской губернии $\frac{3}{4}$ беженцев в любой ситуации оставались бы на положении иждивенцев казны. Если считать, что трудоспособными признавались беженцы в возрасте от 14 до 60 лет, то их доля во всем пришлом населении составляла 43,6 %. Из этого числа следует исключить взрослых женщин, занятых присмотром за детьми. Учитывая, что в губернии остановилось около 10 тыс. семей беженцев, их доля составила 20 % всех беженцев. Таким образом, число трудоспособных беженцев сократилось до 23,6 %, считая подростков²⁰. И.Б. Белова оценивает долю нетрудоспособных в общей массе беженцев в 68 %, относя к ним детей до 14 лет, инвалидов, лиц старше 60 лет и матерей, занятых уходом за детьми (на их долю приходится 15 %) [2, с. 142].

Стремление способных к труду беженцев самим обеспечить семью не могло быть реализовано и по причине сезонного характера, как сельскохозяйственных работ, так и лесозаготовок, на которых они были заняты. Также оказывал свое влияние и национальный состав беженцев. А.Н. Курцев по материалам переписи беженцев Петрограда и пригородов определил число русских (православных) среди них в 28 % [6,

¹⁸ ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁹ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 4–26; Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3–16.

²⁰ Подсчитано по: ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 735.

с. 142]. В Орловской губернии насчитывалось среди беженцев 51,3 % русских, в Курской – 16,6 % и в Калужской – 87 % [1, с. 89; 6, с. 30, 32]²¹. Следовательно, немалая доля беженцев попросту не владела языком местного населения и ощущала себя вдвойне маргинальной изолированной социальной группой. Неудивительно, что среди беженцев преобладали «выжидательные» настроения, связанные с надеждой на возвращение к родным очагам, а не стремление глубоко интегрироваться в местную жизнь. Лишившись привычной обстановки, имущества, а порой и близких, беженцы имели моральное право рассчитывать на опеку со стороны государства.

Государственную политику полупринудительного привлечения беженцев к труду, проводившуюся в течение 1916 г., нельзя назвать перспективной. Объективные причины ограничивали число сельскохозяйственных рабочих в массе беженцев, что не позволяет рассматривать их в качестве полноценной замены тем, кто ушел на войну. Практиковавшееся лишение беженцев пайков, вместо того, чтобы стимулировать их труд, служило дальнейшему озлоблению, маргинализации и криминализации беженцев.

Литература

1. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

2. *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

3. *Жванко Л.Н.* Проблема трудоустройства беженцев Первой мировой войны в украинских губерниях во времена Российской империи // Науч. труды исторического ф-та Запорожского национального ун-та [на укр. яз.]. 2013. Вып. XXXV.

4. Всероссийский Земский и Городской Союзы: Отдел по устройству беженцев (Очерк деятельности). Б\м, б\г.

5. *Зигель И.А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.

6. *Курицев А.Н.* Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009.

7. *Курицев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.

8. *Рязанский И.В.* Тыловая провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 года: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

²¹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 4–16; Ф. 706. Оп. 1. Д. 735. Л. 3–16.

**ФИНАНСОВЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН ВОРОНЕЖСКОЙ
ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В статье отмечено, что номинальные размеры прямых налогов и сборов в пореформенной России в целом соответствовали производственным ресурсам крестьянских хозяйств, а наблюдавшийся рост недоимок относился главным образом к выкупным платежам за полученную крестьянами землю. Задолженность по налогам и сборам объяснена как недостатками податной политики, так и сохранявшимся господством натурально-потребительской экономики крестьянских общин.

Ключевые слова: крестьянство, пореформенная эпоха, налоги, выкупные платежи, недоимки, Воронежская губерния, доходность, крестьянские бюджеты.

Финансовое положение крестьянских хозяйств в пореформенной России до сих пор исследовано слабо. Среди либеральных и особенно народнических исследователей дореволюционного времени сохраняла популярность книга Ю.Э. Янсона, писавшего о чрезмерной обременительности финансовых повинностей крестьянства после отмены крепостного права [13, с. 30–35]. Оппозиционной интеллигенции чрезвычайно импонировали выводы исследователя о грубых перекосах в социальной политике правительства. Между тем, уже некоторые современники отмечали очевидную тенденциозность положений Янсона. Представленная им картина крестьянских повинностей получалась, по справедливому замечанию И.А. Христофорова, «неправдоподобной: оставалось только гадать, каким образом миллионы крестьянских хозяйств при таком катастрофическом обложении выживают уже полтора десятка лет, и кое-где весьма успешно» [11, с. 301].

В советской историографии мнение о тяжелом налоговом бремени, лежавшем на крестьянах, считалось аксиоматичным. Советские историки были сами убеждены и убеждали читателей, что царское правительство весь смысл своей деятельности видело только в том, чтобы эксплуатировать народ. Поэтому мысль о росте материального благосостояния крестьянства при самодержавии им представлялась кощунственной, поскольку она посягала на основной постулат марксистско-ленинской историографии о необходимости, закономерности

¹ Карначёв Михаил Дмитриевич, доктор исторических наук, Воронежский государственный университет; m-karnach@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

и неизбежности социалистической революции в России. Отчасти поэтому реальная роль налоговых платежей в жизни крестьянских хозяйств изучалась крайне мало. Приходится констатировать, что внушительные исследования крестьянских бюджетов известного статистика Ф.А. Щербины до сих пор не нашли достойного продолжения.

Наиболее развернутое обоснование тезиса о непомерной тяжести налогового бремени пореформенного крестьянства дал в своих трудах А.М. Анфимов, пользовавшийся заслуженным авторитетом одного из лучших знатоков аграрной проблематики и отлично знавший источники. Однако приведенные в исследованиях Анфимова достоверные статистические сведения ставят под сомнение правоту идеологических установок историка. Он сообщает, например, что казенные, земские, мирские и страховые сборы с крестьян Европейской России в 1904 г. в сумме составляли 181,7 млн руб. При этом казенные налоги в годовом измерении насчитывали свыше 81 млн руб., земские сборы — свыше 32 млн, мирские — около 48 млн и страховые взносы — около 20 млн.

В состав казенных налогов включались и выкупные платежи за полученную крестьянами после отмены крепостного права землю. Общая численность крестьянских дворов в Европейской России определялась в 12,5 млн, следовательно, в среднем на двор приходилось прямых налогов немногим больше 14,5 руб. [2, с. 490]. В начале XX в., констатирует далее Анфимов, прямые налоги существенно уменьшились. «Государственные поземельные налоги с надельных земель снизились с 91 млн руб. в 1901 г. и 82,6 млн руб. в 1904 г. до 18,9 млн руб. в 1907 г. и 10,9 млн руб. в 1912 г.» [2, с. 492]. Такое сокращение повинностей произошло после отмены с 1907 г. выкупных платежей. Правда, с января 1906 г. была вдвое увеличена ставка поземельного налога. Но даже после этого сумма государственного поземельного налога по стране равнялась в 1914 г. 30,6 млн руб. Налог этот взимался, естественно, не только с надельных крестьянских, но и со всех частных земель. В Курской губернии, например, ставка этого налога составляла всего 17 коп. с десятины, в Харьковской — только 9,5 коп., в Воронежской — 11–12 коп.

Правда, одновременно быстро росли и достигли внушительных цифр земские сборы. Если в 1901 г. они составили 29,3 млн руб., то в к 1912 г. возросли до 63,1 млн руб., т.е. почти вдвое. До 51,1 млн руб. возросли и мирские сборы [2, с. 492]. Однако сетования по поводу их роста вызывают сильные сомнения. И земские и, тем более, мирские деньги тратились на самих же крестьян. Сообщая эти данные, Анфимов старался убедить читателя в глубокой несправедливости налоговой политики правительства. Даже уменьшение финансовых повинностей, по его мнению, было направлено не на улучшение жизни народа, а на то, чтобы «определенная часть крестьянства, преимуще-

ственно более зажиточная, ослабила борьбу против царизма» [2, с. 489]. Похоже, историк искренне считал, что царское правительство никогда и ни при каких условиях ничего доброго для народа делать не могло. Низкий уровень государственного поземельного налога он объяснял заботой власти об интересах помещиков, но никак не крестьян, хотя сам же приводил убедительные данные о том, что к началу XX в. крестьянское землевладение по своей площади втрое превосходило землевладение дворянское [3, с. 41–44].

Между тем, анализируя рост косвенных налогов, Анфимов сообщает, что на водку в 1901 г. крестьяне потратили 140,2 млн руб., а в 1912 г. уже 256,3 млн руб. То есть в 25 раз больше годовичного объема поземельного налога со своих наделов! [2, с. 494]. На чай же в 1912 г. население Европейской части России потратило около 46 млн руб., т.е. в 1,5 раза больше земских сборов, которые, как писал Анфимов, тяжелым бременем лежали на крестьянах [2, с. 505]. Бремя же водочных и чайных расходов особо автором не обсуждалось и признавалось как бы естественным и неотвратимым.

Понятно, что о тяжести налогов нельзя судить, не учитывая доходов населения. Общий доход крестьян Европейской России в 1900 г. Анфимов оценивал в 2659,7 млн руб. [2, с. 504]. Опираясь историк и на статистические расчеты С.Н. Прокоповича. Последний оценил общий доход от сельского хозяйства Европейской России в 1913 г. в 5,6 млрд руб. На долю крестьян по этим же расчетам пришлось 5014943 руб. годового дохода [10, с. 41]. Советские историки давно подсчитали, что крестьянские хозяйства в начале XX в. давали до 90 % валовой продукции сельской экономики [6, с. 120–122]. Следует учесть также, что цена на рожь в 1896 г. составляла 57 коп. за пуд, а к 1913 г. она поднялась до 1 руб. 45 коп., что, естественно, заметно повысило материальный достаток и платежеспособность крестьянства.

Очевидно, что доля прямых налогов и сборов в крестьянских хозяйствах никак не могла превышать 6–7 %. Считать такие повинности чрезмерно обременительными можно было с большой натяжкой. При этом А.М. Анфимов сетовал, что доходы распределялись у крестьян неравномерно, как бы забывая, что равномерного распределения доходов не бывает практически нигде и никогда. Кроме того, историк, как сказано выше, отметил быстрый рост косвенных налогов, поскольку крестьяне стали тратить очень большие суммы на водку и чай. Подытожив рост денежных расходов крестьян в начале XX в., Анфимов все-таки констатировал, что налоги «давили на них колоссальной тяжестью с тенденцией к еще большему увеличению» [2, с. 505].

Опираясь примерно на те же статистические данные, Б.Н. Мионов, напротив, пришел к выводу о том, что благосостояние крестьян на рубеже XIX–XX вв., наоборот, укреплялось. Рост косвенных налогов, резонно пишет он, свидетельствовал о несомненном увеличении

доходности крестьянских хозяйств [7, с. 632–633]. Эти оценки под- держал М.А. Давыдов. Хронические недоимки при исполнении фи- нансовых повинностей оба автора выводят не из экономических усло- вий, а из больших недостатков податной политики государственной власти [5, с. 34–35]. Смелые доводы Миронова сразу же привели к возникновению острого спора среди отечественных исследователей. С резкими возражениями выступили сторонники прежней версии об обострении крестьянской нужды в канун революционных потрясений начала XX в. [1, с. 611–613; 8, с. 73–86; 9, с. 127–129]. Конструктив- ное разрешение столь принципиального спора возможно только через продолжение конкретных исследований экономического и финансо- вого положения крестьянских хозяйств, причем, в первую очередь, на региональном уровне.

Сведения, сохранившиеся в архивных фондах местных органов го- сударственной власти, дают возможность внести существенные уточ- нения в представления об особенностях налоговой ситуации в крестьян- ской среде. Они свидетельствуют, что прямые налоговые повинно- сти крестьян в последние десятилетия существования монархии нельзя признать чрезмерными. Государственный земельный налог никак не мог обременять крестьянскую семью. Сумма окладных сборов по го- сударственному поземельному налогу в Воронежской губернии в 1897 г. составляла 341502 руб. В губернии насчитывалось примерно 350 тыс. крестьянских дворов, следовательно, по этому налогу на двор прихо- дилось менее 1 руб.

Гораздо более серьезной нагрузкой на крестьянский бюджет явля- лись земские сборы. Их годовой оклад в губернии составлял в начале XX в. около 3 млн руб. В среднем на двор приходилось по 8–10 руб., из них губернский сбор составлял примерно 2–3 руб., а уездный – 6– 8 руб.² Однако и эти сборы нельзя считать слишком тяжелыми. По стоимости они равнялись примерно 15 пудам ржи. Не был слишком обременительным и третий вид платежей – мирские сборы. В Воро- нежской губернии их годовой оклад был примерно вдвое меньше зем- ского. Отметим также, что необходимость в таких сборах была для крестьян очевидной. Как земские, так и мирские сборы из своих тер- риторий не уходили и расходовались на местные, главным образом, крестьянские нужды. Примерно такая же ситуация была с обязатель- ными для крестьян страховыми взносами. По своей величине они примерно соответствовали мирским сборам и тратились, в основном, на частичное возмещение потерь при частых в ту пору пожарах.

Наиболее сложной для крестьян, да и для властей была ситуация с выкупными платежами. Фактически включенные в состав казенных

² Памятная книжка Воронежской губернии на 1898. Воронеж. 1898. Отд. 2. С. 41–45.

повинностей, выкупные платежи по объему примерно в 15 раз превосходили государственный земельный налог. В Воронежской губернии средний размер выкупных платежей бывших помещичьих крестьян составлял примерно 1 руб. 50 коп. — 1 руб. 70 коп. с десятины наделной земли. Из-за этого доля выкупных платежей в сумме всех денежных повинностей воронежских крестьян составляла примерно 70 %. Стоит напомнить, что в конце XIX в. крестьянское налогообложение существенно изменилось. На выкуп наделной земли были переведены и государственные крестьяне, численность которых в Воронежской губернии была гораздо более высокой, чем бывших помещичьих (71 % против 29 % в общем составе крестьянского населения).

В 1886 г. государство пошло на отмену подушной подати. Для государственных крестьян в целом по стране она составляла 17,8 млн руб. [4, с. 64]. Эту цифру причислили к сумме выкупа наделов. Выкуп, как и у бывших помещичьих крестьян, был обязательным, с рассрочкой на 44 года. Всего по стране крестьяне выкупили 100,3 млн десятин земли, из них на долю государственных крестьян пришлось 63,1 млн десятин, а бывших помещичьих — 33 млн десятин. Свыше 4 млн десятин выкупали бывшие удельные крестьяне. Годовой же оклад по выкупным платежам составлял около 95,3 млн руб. или чуть меньше 1 руб. с десятины. При этом, писал А.М. Анфимов, у бывших государственных крестьян цена выкупа одной десятины составляла 81,3 коп., у бывших удельных — 73,1 коп., а у бывших помещичьих — 1 р. 42 коп. [4, с. 70].

По Воронежской губернии оброчная подать бывших государственных крестьян была рассчитана на 521230 душ. В их пользовании находилось 3063361 дес. удобной земли. С них причиталось 2425863 руб. оброчной подати (т.е. около 4 руб. с души или около 70 коп. с десятины) и 1416727 руб. подушной подати (т.е. около 2,5 руб. с души или 50 коп. с надела) [4, с. 64]. Всего, таким образом, на десятину стало приходиться около 1 руб. 20 коп. новых выкупных платежей (кроме поземельного государственного налога, земских, мирских и страховых сборов).

Однако 1 руб. 20 коп. с десятины — это в ту пору стоимость не более 2-х пудов ржи. Даже при очень небольшом урожае в 50 пуд. с десятины такой платеж обременительным назвать трудно. Тем не менее, именно по выкупным платежам на рубеже XIX—XX вв. наблюдался самый существенный рост недоимок. Например, к 1 января 1898 г. размер оклада по выкупным платежам для всех категорий крестьян составлял в губернии 4589119 руб. 28 коп. Впечатляет, однако, не размер оклада, а объем накопившихся недоимок. Они составили к этой же дате 7732785 руб., т.е. почти в 2 раза больше годового оклада³.

³ Памятная книжка Воронежской губернии на 1898. Воронеж. 1898. Отд. 2. С. 45.

В сумме, следовательно, размер долга по выкупным платежам превысил 12,3 млн руб. или примерно по 40 руб. в среднем на хозяйство. Впрочем, и эта солидная сумма сама по себе не могла считаться разорительной. По данным статистики, примерно такую же сумму в конце XIX в. крестьянский двор тратил в год на спиртные напитки. Но расходы на то и на другое могли действительно разорить даже средний по доходам двор.

Задолженность по всем видам сборов к началу XX в. стала хронической и даже обыденной. Показательны обобщенные сведения о финансовой задолженности отдельных уездов Воронежской губернии. Так, в рапорте Острогожского уездного исправника губернатору Е.А. Куровскому от 10 сентября 1890 г. положение с уплатой налогов в уезде выглядело следующим образом. Годовой оклад составлял 579629 руб. 58 коп. при недоимках за предыдущие годы в 225463 руб. 4 коп. Недоимки, таким образом, составляли почти 40 % годового оклада. Всего подлежало к поступлению в тот год 805092 руб. 62 коп. К началу сентября в казначейство поступило разных казенных сборов 158098 руб. 80 коп. Осталось, итожил исправник, получить по недоимкам 179244 руб. 13 коп. и оклада 467749 руб. 69 коп., а всего 646993 руб. 82 коп.⁴ Очевидно, что и в отчетном году погашения недоимок не предвиделось.

Зато относительно благополучным по платежам был Новохоперский уезд. Здесь размер недоимки был в 10 раз меньше, чем в Острогожском уезде. Он составлял к 1 января 1890 г. всего 20876 руб. 3 коп. Сумма же оклада казенных денежных сборов была здесь 486043 руб. 48 коп. В душевом исчислении – примерно столько же было и в Острогожском уезде. Но в Новохоперском уезде к сентябрю недоимки были погашены в размере 13609 руб. 72 коп. (осталась совсем небольшая сумма в 7266 руб. 31 коп.). Окладных же сборов было получено казначейством в размере 86254 руб. 68 коп. Оставшаяся сумма в 309788 руб. 80 коп. должна была погашаться по мере подведения итогов сельскохозяйственного года и полной уборки урожая⁵. Объективные условия хозяйствования в обоих уездах были одинаковыми, поэтому различие в исполнении финансовых повинностей можно было объяснить неодинаковым отношением к этому вопросу со стороны администрации и населения.

При анализе статистических данных, которые регулярно собирались местными властями, складывается впечатление, что должной финансовой и налоговой исполнительности не было ни в одном уезде и ни в одной волости. И, что самое печальное, к такой ситуации при-

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 28.

выкало население, привыкали и власти. На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделывать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственной бюджет стал получать не от прямых, а от косвенных налогов. Рост же косвенных налогов был невозможен без общего подъема экономики страны, значит, и без роста материально-благосостояния народа.

При сопоставлении с общероссийскими усредненными данными заслуживают внимания сведения о платежах по конкретным селениям. Сбором таких сведений энергично занимался губернатор Е.А. Куровский, совершивший в 1890 и 1891 гг. несколько контрольных поездок по уездам губернии. Показательны, например, представленные ему данные по Ровенской волости Острогжского уезда. На август 1890 г. в слободе Ровеньки с прилегающими хуторами числилось удобной земли 19 тыс. десятин. Эти земли принадлежали как бывшим государственным крестьянам (7345 муж. душ), так и бывшим помещичьим (342 муж. души). На ревизскую душу по данным 10-й ревизии 1858 г. здесь приходилось 6 дес. 600 кв. саженей, что почти вдвое превышало высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Впрочем, рост населения привел к тому, что на наличную душу ко времени составления отчета здесь числилось уже без малого 4 десятины.

Причиталось с крестьян слободы всех видов платежей примерно по 1 руб. 50 коп с десятины. Оклад за год составлял 36370 руб., а по полугодиям 18186 руб. 26 коп. и 18184 руб. 86 коп. По казенным платежам числились еще и недоимки в размере 28,7 тыс. руб. Губернаторская проверка показала, что и поступления текущего года шли очень плохо. По недоимкам поступило только 4753 руб. 84 коп. Оклада первого полугодия — 3394 руб. 84 коп. Платежи второго полугодия поступили в символической сумме 43 руб. 17 коп. Видимо, от одного исправного крестьянина.

Размер земских сборов (уездного и губернского) в волости составлял по полугодиям 3319 руб. 22 коп. и 3274 руб. 23 коп. Эти сборы как минимум в пять раз уступали казенным, в которые включались выкупные платежи. Мирские сборы в волости составляли по полугодиям 1189 руб. 4 коп. и 1193 руб. 13 коп., а всего за год 2382 руб. 17 коп., т.е. примерно по 11 коп. с десятины. Еще более скромными были тут страховые платежи. В год они составляли около 1700 руб., т.е. примерно 9 коп. с десятины⁶. Общая нагрузка налогов и сборов на десятину составляла в волости с недоимками никак не больше 2 руб. 50 коп. с десятины. Тем не менее, рост недоимок был внушительным.

Показательно, что уровень недоимок практически не зависел от материальной обеспеченности крестьянских хозяйств. Типичная кар-

⁶ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 42.

тина того времени наблюдалась в многоземельной Новокриушанской волости Богучарского уезда. По последней ревизии перед отменой крепостного права здесь числилось 3207 мужских душ и 3124 женских. В 1890 г. уже числилось 3574 мужчин и 3602 женщины. В волости также проживали 19 купцов, мещан и разночинцев, 154 отставных солдата и 194 бессрочноотпускных, а также 346 солдатских жен и вдов. Всего в волости, таким образом, числилось 7895 жителей. Любопытно, что по Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, в волости полагалось не более 2000 душ мужского пола⁷.

Дворов в волости насчитывалось 1189. Удобной земли в их пользовании — 24623 дес. 720 кв. сажений. Был в волости и лес — 346 дес. 1200 сажений. На ревизскую душу здесь приходилось по 8 дес. 728 кв. сажений земельных угодий. Такие наделы более чем вдвое превышали высшую норму надела для бывших помещичьих крестьян. Судя по отчету уездного исправника за волостью числилось государственного поземельного налога 1974 руб. 29 коп. (примерно по 8 коп. с дес.). Выкупных же платежей числилось 23213 руб. 12 коп. (примерно 95 коп. с десятины). Земский сбор составлял (губернский и уездный вместе) 3980 руб. 21 коп.), т.е. примерно 18 коп. с десятины. Мирские сборы в волости равнялись 2339 руб. 49 коп., т.е. по 10 коп. с десятины. Однако и в этой многоземельной волости платежи поступали в казну с большими недостатками. За весь 1890 г. выкупные платежи не вносились к сентябрю вообще, по государственному поземельному налогу были погашены только недоимки в 5040 руб. (при годовом окладе меньшем, чем 2 тыс. руб.). Плохо было и с платежами по земским сборам. По ним поступила только часть недоимок (1215 руб. 26 коп., остальное недоимок 375 руб. 72 коп.). По сути дела, совсем не бедная волость попросту саботировала исполнение важнейшей государственной обязанности.

Примерно таким же было положение и в Старокриушанской волости того же уезда. В ней числилось 1115 дворов бывших государственных крестьян, численность которых по последней ревизии была определена в 2613 мужчин и 2618 женщин, всего 5231 человек. На сентябрь 1890 г. здесь проживало уже 3857 мужчин и 3822 женщины или 7679 человек. Удобной земли у крестьян волости было 20850 дес. 2160 кв. сажений. Душевой надел выглядел вполне достаточным — 7,6 дес. на ревизскую душу. Правда, к 1890 г. душевой надел составил уже 5,5 дес., но по-прежнему заметно превосходил средний размер, как по стране, так и по губернии. Налоги же и сборы поступали в казначейство от этой волости не лучше, а хуже, чем от других волостей, в том числе и менее обеспеченных земель. Годовой оклад был определен

⁷ Российское законодательство X–XX вв. М., 1989. Т. 7. С. 46.

здесь в 26,1 тыс. руб., разделенный надвое равномерно по полугодиям. Однако за первое полугодие поступили лишь 2700 руб., а за второе полугодие к сентябрю еще вообще ничего не поступило. Зато мирские сборы собирались здесь вполне исправно. Определенные на первое полугодие 1373 руб. 4 коп. поступили полностью, начали поступать платежи и за второе полугодие⁸.

Печальная картина с поступлением сборов наблюдалась и в Березняковской волости Богучарского уезда. По ревизии 1858 г. в волости проживало 4319 мужских и 4357 женских душ. Но к 1890 г. население заметно увеличилось; здесь числилось уже 5449 мужских и 5486 женских душ. В 6 селениях волости насчитывалось 1763 двора. Крестьянской надельной земли было 31,8 тыс. дес. и 643 дес. леса. Удобной земли на ревизскую душу приходилось по 7,4 дес. Оклад 1890 г. по выкупным платежам составлял 30029 руб. 91 коп., или чуть меньше 1 руб. с 1 дес. в год. В недоимках на 1890 г. состояло 10150 руб. 52 коп. Оклад земского сбора составлял 5469 руб. 29 коп., или примерно 17 коп. с дес. Недоимок по земскому сбору было немного – 548 руб. 71 коп. Государственный поземельный налог составлял по волости 2724 руб. 70 коп., или примерно 9 коп. с десятины. Мирские сборы здесь были небольшими – 1180 руб. 81 коп. или менее 5 коп. с десятины. Всего, таким образом, налоговая нагрузка без страховых сборов составляла очень умеренную цифру – около 1 руб. 30 коп. Тем не менее, и здесь накопились внушительные недоимки по выкупным платежам (около 30 % оклада).

Еще хуже было положение с платежами по лесному налогу. Его годовой оклад составлял 1576 руб. 86 коп., а недоимок по нему числилось уже 14248 руб. 89 коп.⁹ Иначе говоря, крестьяне просто не платили лесной налог уже в течение 10 лет. Такая ситуация могла возникнуть только потому, что крестьяне попросту уклонялись от уплаты тех налогов, которые считали несправедливыми, а потому и необязательными. При 7 дес. душевого надела или почти 20 дес. на двор стоимость только урожая при 3-польном севообороте должна была оцениваться почти в 1 тыс. руб. А ведь были еще и промыслы, зимние постоянные и летние поденные заработки. Налоговая нагрузка в 30 руб. на двор никак не могла быть для крестьян обременительной.

Зато относительно благополучным считалось, например, положение в Рождественской волости Новохоперского уезда с заметно меньшей земельной обеспеченностью. В этой многолюдной волости числилось 16643 жителя. Крестьянское население было представлено следующим образом: мужчин 7419, а женщин 7488. Кроме того, в составе волостного населения были 85 купцов, 410 отставных солдат, 432 сол-

⁸ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 36–38.

⁹ Там же. Л. 41.

дата отпусковых, 809 солдатских жен и вдов. Волость насчитывала 2442 крестьянских двора. Им принадлежало почти 31625 дес. удобной земли. Владели они и 2841 дес. леса. На ревизскую душу здесь приходилось 4 дес. 230 кв. саж. земельных угодий. Это почти вдвое меньше, чем в Новокриушанской и Старокриушанской волостях Богучарского уезда. Однако платежи поступали здесь куда более исправно. По государственному земельному налогу, определенному в 3799 руб. 92 коп., недоимок вообще не было. В счет оклада 1891 г. поступило уже к лету 1296 руб. 48 коп.

Впрочем, выкупные платежи и здесь шли вяло. Как и всюду, они более чем в 10 раз превышали размер государственного земельного налога и составляли 42724 руб. 74 коп. на 1891 г. К моменту губернаторской ревизии в августе 1891 г. кроме оклада по выкупным платежам в волости числились недоимки в размере 2497 руб. 33 коп. Поступило недоимок 1147 руб. 98 коп., оклада же только 5603 руб. 44 коп. По страховым взносам оклад составлял 4760 руб. 66 коп. (примерно по 2 руб. на двор), недоимок же числилось 3130 руб. 27 коп. В год проверки крестьяне охотнее вносили страховые платежи и внесли 3476 руб. 23 коп, но зато практически не погасили недоимок, внесли лишь 69 руб.

Не было в волости недоимок по уездным земским сборам, размер которых был определен в 5584 руб. 73 коп. (примерно 17 коп. с десятины). Поступило 1427 руб. 14 коп. и ожидалось к концу года еще 4162 руб. 59 коп. Практически не было недоимок и по губернскому земскому сбору, размер которого составлял 1060 руб. 13 коп. Мирские сборы в этой волости оказались выше земских и равнялись 6717 руб. 74 коп. оклада и 1022 руб. 78 коп. недоимок. По этим сборам в счет недоимок поступило 646 руб. 67 коп. и оклада 2101 руб. 6 коп.

Всего же в волости по всем видам платежей причиталось собрать 6655 руб. 50 коп. недоимок и оклада 64652 руб. 92 коп. Осталось получить 4791 руб. 85 коп. недоимок и 50724 руб. 9 коп. оклада¹⁰. Как видно, сами крестьяне этой волости не считали налоги чрезмерными, но выкупные платежи вносили крайне неисправно. На десятину здесь падало чуть больше 2-х рублей. Между тем, стоимость собранного урожая с одной десятины была в районе 75–80 руб., а на двор приходилось почти по 15 десятин.

Отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей позволила крестьянам существенно увеличить доходность своих хозяйств. Как следствие, с 1910 г. до начала Первой мировой войны в Воронежской губернии наблюдалось снижение социальной напряженности. Увеличение денежных накоплений у большинства крестьянских хозяйств позволило местной администрации и земским учреждениям активизировать дея-

¹⁰ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

тельность по структурной реорганизации сельской экономики. Дополнительные импульсы получило новое землеустройство, связанное с переходом от общинного землевладения к подворному (отрубному), а также массовое развитие кооперативов (кредитных, потребительских, промысловых, сбытовых и проч.). С отменой выкупных платежей община стала терять защитные функции, а за снижением налогового бремени последовал существенный рост эффективности крестьянских хозяйств, и в первую очередь тех, которые покинул общину по столыпинскому закону. Ускорилось перераспределение земельного фонда губернии. К началу мировой войны крестьянство сосредоточило в своей собственности примерно 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии.

Данные по Воронежской губернии убеждают, что перед Мировой войной положение с налоговыми платежами начало стабилизироваться. По сведениям губернского статистического комитета 1914 г. в финансовом отношении губерния встречала в неплохом состоянии. Недоимок по окладным сборам числилось всего 242937 руб. 50 коп., что было меньше, чем год назад на 310579 руб. 71 коп. Оклад же 1914 г. составлял 885417 руб. 63 коп. Но зато от продажи напитков в 1913 г. казна получила от Воронежской губернии 19338572 руб. 13 коп. В 1914 г. поступление от продаж спиртных напитков резко сократилось (на 10656181 руб. 76 коп.) и составило всего 8682390 руб. 46 коп. Действовал запрет на продажу спиртных напитков, установленный 26 июля 1914 г. Понятно, что в 1915 и 1916 гг. казна не добрала еще больше. Между тем из-за подорожания сельскохозяйственной продукции в карманах крестьян и вообще сельских производителей остались внушительные суммы. Налоги же в условиях войны стали выплачиваться вновь очень плохо. В общем окладе казенных сборов поземельный налог составил 655916 руб. 70 коп., взыскано же было 387569 руб., т.е. крестьяне уплатили, грубо говоря, всего по пятаку за десятину.

Губернский земский сбор исчислялся в сумме 2173962 руб. 24 коп. Собрать удалось 1586258 руб. 88 коп. Уездные земские сборы в 1914 г. составили 5839314 руб. 41 коп., собрали же 4324603 руб. 83 коп. Впрочем, для военного времени эти данные можно считать удовлетворительными¹¹.

О том, что отмена выкупных платежей существенно укрепила материальное положение крестьянских хозяйств, убедительно свидетельствуют статистические данные. Например, в Петропавловской волости Богучарского уезда в 19 селах и деревнях проживало 10551 бывших государственных крестьян (5229 мужчин и 5322 женщин) и 593 бывших помещичьих крестьян (304 мужчины и 281 женщина) при общем

¹¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж, 1916. Отд. 2. С. 39–44.

числе дворов 1826. У бывших государственных крестьян было в общинной собственности 22684 дес. 13 кв. саженей удобной земли при душевой обеспеченности на ревизскую душу в 6 дес. 15 кв. саженей. Земельное обеспечение бывших помещичьих крестьян было значительно более скромным: в их собственности находилось 352 дес. 3 кв. сажени земли, а всего в крестьянском надельном землевладении здесь было 23036 дес. 16 кв. саженей земли. Сумма казенных и земских сборов здесь распределялась по полугодиям следующим образом: 16509 руб. 5 коп. за первое и 16508 руб. 91 коп. — за второе. Всего за год всех налогов причиталось с волости 33017 руб. 96 коп. Как и в большинстве волостей на 1 десятину удобной земли приходилось примерно 1,5 руб. налогов и сборов. При этом бывшие оброчные подати, трансформированные к концу века в выкупные платежи, составляли 25925 руб. 45 коп.¹² При списании этой суммы в налоговом окладе оставалось только около 7 тыс. руб. Словом, отмена выкупных платежей была действительно важной мерой по улучшению финансового положения крестьянских хозяйств. Но она была одновременно и мерой вынужденной: хронические недоимки ставили государство в, прямо скажем, крайне неприятное положение безнадёжного и всем надоевшего конфликта с общинным крестьянством.

Как отмечено выше, после ликвидации выкупных платежей стали быстро возрастать земские сборы. Например, в Валуйском уезде Воронежской губернии с 1905 по 1915 г. они выросли более чем в 5 раз, с 123712 руб. 50 коп. до 700571 руб. 5 коп. Надо помнить, однако, что основной рост дали сборы с недвижимости и с доходов коммерческих предприятий. С землевладельцев брали мало, меньше реальной доходности, причем немного. Так, ценность десятины земли в уезде для обложения была принята уездным собранием в 33 руб. (реальные рыночные цены были в 6–7 раз более высокими и приближались к 200 руб. за дес.). Доходность же десятины определялась вкруговую в уезде в 2 руб. с десятины. Это тоже была явно заниженная цифра.

Приведенные данные позволяют согласиться с выводом М.А. Давыдова, что крестьяне не платили выкупные платежи не потому, что не могли, а потому, что не хотели. Роль своеобразной социальной защиты при этом играла община с ее круговой порукой. Сталкиваясь с солидарными действиями общинников, власти, как правило, попросту отступали. Эпизодические списывания недоимок не улучшали, а еще больше ухудшали положение дел. Известно, что в связи с рождением наследника недоимки по выкупным платежам были списаны манифестом 11 августа 1904 г.; к тому времени долги по выкупным платежам превышали годовой оклад.

Впрочем, сводить проблему недоимок только к саботажу или к не-

¹² ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

достаткам податной системы — значит сильно упрощать проблему. Не менее важным фактором слабой финансовой дисциплины была низкая денежная доходность крестьянских хозяйств. На фоне успехов промышленного развития откровенно невысокая эффективность земледельческого труда становилась все более очевидной. Земские статистики, главой которых на протяжении двадцати лет был признанный мастер своего дела Ф.А. Щербина, информировали в 1895 г. управу, что средний размер долгосрочной аренды одной десятины земли в губернии равнялся 4 руб. 45 коп. Поскольку долгосрочная аренда падала на все виды угодий и учитывала хозяйственные риски, постольку она близко выражала собой чистую доходность земли. При этом «чистая доходность земель по Воронежской губернии, при лучших условиях, составляет лишь 21,2 % долга, лежащего на землях, а ежегодное погашение долгов и платежей поглощает около 67,4 % этой доходности, т.е. из каждых 4 руб. 45 коп. на долю владельца и хозяйства остается 1 руб. 45 коп., а на погашение идет 3 рубля»¹³.

Еще хуже было положение в крестьянских общинных хозяйствах. За пореформенные десятилетия общая задолженность крестьянских хозяйств по платежам достигла огромной суммы в 22,5 млн руб., или почти по 71 руб. на двор. «У частных владельцев, — с горечью констатировали земцы, — за покрытием задолженности и платежей остается по 1 руб. 45 коп. с десятины, у крестьян же не только не оказывается никаких остатков, а образуется даже дефицит в 5 руб. 54 коп. на десятину»¹⁴.

О бездоходности крестьянских посевов не раз с тревогой говорили многие специалисты. Так, статистики Богучарского уезда отмечали, что в начале XX столетия средние урожаи с крестьянские наделов не превышали 50 пуд. с дес., а за вычетом посевного зерна, чистый урожай составлял всего около 40 пуд. Подсчеты показывали, что затраты составляли не менее 75 коп. на пуд, а продажная цена (около 1 руб. за пуд.) едва их покрывала¹⁵.

Можно согласиться с тем, что нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не денежным обеднением крестьянства. Однако только на этом основании нельзя делать вывод о материальном благополучии русской деревни. Высоких доходов не было, а при натурально-потребительском хозяйстве крестьянского двора и быть не могло. По подсчетам Ф.А. Щерины, душевой доход крестьян Острогожского уезда в конце 1880-х гг. составлял 83 руб. 87 коп., тогда как у французских крестьян он достигал 165 руб. 24 коп., а в фермерских хозяйствах штата Луизиана в

¹³ ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2232. Л. 146.

¹⁴ Там же. Л. 148.

¹⁵ Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 8.

Америке – 287 руб. 94 коп. [12, с. 101]. Перспективы развития русской деревни Щербина видел в неуклонном росте средних потребностей. В современную ему эпоху эти потребности были убоги, а душевые расходы на жизненные потребности в крестьянской семье составляли около 30 руб. в год.

Эти удручающие цифры свидетельствовали о том, что до подлинно рыночных отношений в земледельческом секторе было еще очень далеко. Впрочем, крестьянская общинная экономика никогда и не была рыночной. Крестьянское земледелие носило натурально-потребительский характер: основная цель его заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим в, так сказать, натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин-общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и крайне редко выходил на рынок, как в качестве продавца, так и покупателя. Подчеркивая, что дешевый хлеб крестьяне считали благом, земские статистики тут же отмечали, что потребности населения в Воронежской губернии «оказываются крайне неразвитыми, ограниченными и примитивными». Есть, писал Щербина, глубокая разница «между потребностями людей, стоящих на разных ступенях исторического развития или принадлежащих к разным классам. [12, с. 99]. В справедливости этого вывода сомневаться не приходится. Можно напомнить, что в написанном в ту же эпоху рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» при перечислении доходов доктора Дымова, писатель отметил, что частная практика этого честного врача давала ему совсем немного – около 500 руб. в год. Между тем для крестьянского двора валовый доход в 500 руб. в год считался совсем неплохим. Средние расходы на душу в крестьянском хозяйстве в начале века составляли 53 руб. 5 коп. в год, причем на удовлетворение личных потребностей расходовалось 25 руб. 70 коп., а на удовлетворение хозяйственных нужд 27 руб. 35 коп., то есть в сутки на личное потребление тратилось всего 7 коп. [12, с. 126–128]. Понятно, что живший в городе доктор тратил денег во много раз больше, поскольку имел совсем иной уровень потребностей. Но понятно и то, что при очень скудной наличности в семейном доходе уплата налогов становилась трудной проблемой. Приходится признать, что рассуждения легальных народников конца XIX в. об отсутствии сколько-нибудь солидного капиталистического рынка в русской деревне не были лишены оснований.

Видимым парадоксом крестьянской экономики пореформенного времени можно считать тот факт, что доходы малоземельных хозяйств были преимущественно денежными, а хозяйств с достаточными или даже большими наделами – в основном натуральными. Многоземель-

ные крестьяне, как правило, обеспечивали себя всеми продуктами собственного производства и от денежных доходов зависели мало. Большие наделы требовали большого труда и давали крестьянину все необходимое. По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов. Напротив, «чем беднее хозяйство, тем больше средств расходуется в нем в частности на пищу, как важнейшую из личных потребностей»¹⁶. По подсчетам того же Щербина продукты труда в натуральной форме у воронежских крестьян составляли около 55 % всех доходов двора. При этом от земледелия доходность в натуральной форме составляла 83 %, а в денежной — только 17 %. Денежная же часть доходов крестьянского двора формировалась, главным образом, от заработков в местных и отхожих промыслах [12, с. 183–185].

Слабая исполнительность крестьянства по финансовым повинностям была не только следствием недостатков налоговой политики, но и отражением продолжавшегося господства натурально-потребительского хозяйства в экономике русской деревни. Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. Представления о законности платежей и сборов были либо вовсе не развиты, либо решительно расходились с представлениями администрации. Вследствие этого создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя.

Литература

1. *Ананьич Б.В.* Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник. 2002.

2. *Анфимов А.М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX века (1901–1912) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск. 1964.

3. *Анфимов А.М.* Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6.

4. *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.

5. *Давыдов М.А.* Проблема крестьянских недоимок // Родина. 2014. № 4.

6. *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982.

¹⁶ Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 127.

7. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010.
8. *Нефедов С.А.* К дискуссии об уровне потребления в пореформенной и предреволюционной России // Российская история. 2011. № 1.
9. *Нефедов С.А.* О благополучии дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
10. Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918.
11. *Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
12. *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900.
13. *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ДЕРЕВНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуются вопросы социальных взаимоотношений государственной власти и крестьянства России в период Первой мировой войны, а также анализируется комплекс правительственных мероприятий в селе в военный период.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, социальная политика, «царские пайки», «сухой закон», продовольственный кризис, продовольственная разверстка.

С началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. государственная власть Российской империи продолжила курс на модернизацию российской деревни и сотрудничество с той частью крестьянства, которая поддерживала столыпинские реформы. Нуждаясь в источниках разнообразных ресурсов, от солдат в Вооруженных Силах до продовольствия и фуража, правительство проводило в жизнь ряд важных социальных мероприятий, призванных улучшить уровень жизни населения даже и в военный период, не допустив его объективного падения в связи с тяготами военного времени. Такой курс был обусловлен, прежде всего, расчетом на скоротечность конфликта (срок не более года), что предполагало минимизацию государственных усилий в расходных статьях бюджета. Правительство не собиралось отказываться от продолжения реформ, и потому в первый период войны не скупилось на расходы внутри страны. Во-вторых, вызванные столыпинскими реформами социальные последствия не должны были проявиться негативно в военное время. Чрезвычайно нуждаясь в системе внутреннего мира, государственная власть прилагала все усилия к сглаживанию общественного недовольства посредством организации помощи населению страны, в том числе и деревне.

Расчет на скоротечную войну не только делал государственные расходы не столь значительными, но и отвечал законодательству страны. Главным источником дополнительного (нетрудового, иждивенческого характера) поступления денежных средств в деревню стали государственные выплаты семьям мобилизованных солдат, согласно закону

¹ *Оськин Максим Викторович*, кандидат исторических наук, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, maxozv@yandex.ru, Россия, г. Тула.

25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». Все нетрудоспособные члены семьи каждого солдата, призванного в армию, теперь опирались на государство, которое обещало предоставить им прожиточный минимум в виде денежных выплат минимальной месячной продуктовой корзины (мука — 1 пуд 28 фунтов, крупа — 10 ф., соль — 4 ф., постное масло — 1 ф.). Поэтому в начале войны солдаты бодро отправлялись на фронт, так как были уверены, что государство выполнит свои обязательства. Средний размер казенного пособия составлял 2–2,5 рубля в месяц на каждого члена семьи. В связи с инфляцией, хотя и несколько отставая от нее, индексировался и паек: например, стоимость продовольственного пайка в Крапивенском уезде Тульской губернии в период 18 июля — 1 сентября 1914 г. — 2,27 в месяц, с 1 сентября 1914 по 1 марта 1915 — 2,82, с 1 марта по 1 июня 1915 г. — 3,00². Для неимущих пайковое пособие являлось средством для выживания, для малоимущих — подспорьем в хозяйстве, для средних слоев — уже источником накопления средств. С учетом факта, что в армию было призвано до 16 млн чел., каждый из которых имел несколько родственников, казна, так или иначе, непосредственно содержала до половины населения Российской империи. В 1916 г. расходы на помощь солдатским семьям превысили 1 млрд руб. — треть государственного бюджета страны: с начала войны по 1 марта 1917 г. было выплачено 1 642 587 тыс. руб. пособий семьям призванных на войну [1, с. 246]. Всего в качестве пособий семьям запасных за годы войны было выплачено 5,715 млрд руб.

Помимо пайковых выплат от государства, выделяются также и другие источники роста денежной массы на селе: сбережения крестьянских семей, вследствие установления с началом военных действий «сухого закона»; постепенный значительный подъем цен на продукты сельского хозяйства, закупаемые для армии и городов; развитие системы мелкого кредита в деревне (на удовлетворение потребностей в продовольствии, кормах, семенах); приостановка взысканий продовольственных долгов впредь до особого распоряжения с семей мобилизованных (а таковыми постепенно стало абсолютное большинство крестьянских дворов); предоставление льгот по уплате долгов [4, с. 3, 10].

С началом войны выплата пайковых сумм, сухой закон и повышение цен на хлеб позволило крестьянству увеличить свое потребление. Мясо, пшеничный хлеб, молоко — стали доступны для многих крестьян, которые ранее редко имели это: «Благосостояние мужика увеличилось, во-первых, от прекращения пьянства, во-вторых, от высоких цен на хлеб, в-третьих, от казенного пайка. Мужик стал есть: по свидетельству мучных торговцев, значительно увеличился спрос на выс-

² Государственный архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 348 об.

шие сорта муки (крупчатка, первач 1-й, первач 2-й), и сильно понизился спрос на вторые сорта (серая первая и выбойка)» [5, с. 200]. Большая часть солдатских семей, получавших государственное пособие, не нуждалась в нем, как в средстве именно выживания, пособие шло на разнообразные закупки. А так как объем производства промышленных предметов резко сократился, то деньги шли на еду. Получалось, что треть государственного бюджета в 1916 г. фактически пропадала зря: крестьяне не могли купить на эти суммы ничего материального, кроме продовольствия, которое потреблялось производителями в условиях, когда фронт требовал все больше продуктов питания. Происходило перераспределение финансов из рук государства в руки населения, для которого эти деньги в условиях войны стали «мертвым грузом» и тем самым фактически «выключались» из экономики страны.

В войну значительно увеличивается собственно денежный доход крестьянства; по данным С.Н. Прокоповича, в первый год – на 35 %, во второй – на 41 %, в третий – на 79 %. Происходит процесс концентрации капиталов в руках сельского населения, не имеющего возможности эквивалентного обмена продукции сельского хозяйства на промышленные товары. Между тем, война, требовавшая громадных денежных сумм, после исчерпания государственных запасов, не могла не вестись за счет населения страны, львиную долю которого составляло как раз крестьянство: «все колоссальное количество кредитных билетов было поглощено внутренним денежным рынком России и взамен их были отданы населением необходимые на нужды войны материальные ценности» [3, с. 88]. Следовательно, большая часть крестьянства (зажиточные и средние слои) в первые два года войны, до прогрессии кризиса снабжения, несколько улучшили свое экономическое положение в финансовом отношении. Многие крестьяне получили возможность для покупки ряда промышленных товаров, на которые ранее не хватало средств, а также повысили свое продовольственное потребление. Для бедноты же жизнь ухудшилась: в годы войны бедствовали по преимуществу бедные семьи городов, не имевшие собственного хозяйства, дававшего необходимый минимум продовольствия, малые семьи с крошечными земельными наделами и беженцы.

Накопление денежной массы, на которую было невозможно приобрести промышленную продукцию, привело к отсутствию должного стимула по расширению производства. Так как до войны деревня продавала хлеб не от избытка, а от необходимости уплаты податей, то теперь, когда село сосредоточило в своих руках значительные суммы, помимо увеличения собственного потребления крестьяне стали приобретать предметы городского обихода, роскоши, употреблять высшие, дорогие сорта муки. В 1916 г. из Курской губернии докладывали в МВД: «Не последнее значение в усиленном потреблении пшенич-

ной муки имеет и улучшившееся материальное благосостояние деревни, ныне, вследствие изобилия денег, свободно покупающей высшие дорогие сорта муки, которые раньше крестьяне... [практически] не употребляли». Донесение из Тульской губернии повторяло соседа: «В настоящую войну все семьи призванных получают пайки в таком размере, что поднять пока крестьян к открытому возмущению невозможно... по примеру спекулянтов крестьяне поднимают до невозможности цены на все продукты своего производства и личный труд. В деревне столько денег, что крестьяне не знают куда их девать, тратя их часто на совершенно ненужные предметы роскоши»³.

Значительным отрицательным последствием процесса увеличения денежной массы на селе стало углубление социального расслоения между односельчанами, а также — расширение дифференциации между производящими и потребляющими губерниями в связи с ростом цен на продовольствие. По мере развития витка кризиса снабжения, крестьянство потребляющих регионов было вынуждено все больше средств расходовать на закупку продовольствия, в то время как крестьяне производящих губерний, напротив, не торопились с выбросом хлеба на рынок, не особенно нуждаясь в деньгах. Кроме того, никакая денежная масса не могла в полной мере компенсировать отсутствие промышленных товаров народного потребления — инвентаря, инструмента, удобрений и проч.: «В третий год войны наступило почти абсолютное бестоварье, и крестьяне могли иметь покупные продукты лишь в самых ничтожных количествах... война дала крестьянам черноземных губерний огромное количество денег... питание крестьян за годы войны несомненно улучшилось. Зато ухудшилось снабжение покупными продуктами и изделиями, особенно в третий год войны... Вместе с тем, при избыточном снабжении крестьянского хозяйства денежными знаками, реквизиции лошадей и коров, и отсутствие необходимого ремонта мертвого инвентаря ослабили его производительные силы» [6, с. 245–246].

Мобилизация запасных, прошедшая накануне полевой страды, вызвала небывалый всплеск попечительства государства и общества над крестьянством. Циркуляром от 27 июля 1914 г. МВД предложило губернским властям озаботиться организацией помощи семьям призванных, ибо, помимо прочего, по данным земской статистики, число хозяйств с одним работником в Европейской части империи составляло 55,5 % от их общего числа. Губернии не замедлили откликнуться на это предложение. Например, чрезвычайное Воронежское уездное земское собрание наметило несколько видов помощи: бесплатная (ра-

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1916. Д. 34. Ч. 9. Л. 9–9 об.; Д. 78. Ч. 9. Л. 1–1 об.

бота «миром», то есть всей общиной по приговорам сельских сходов); денежная (ссуды при посредничестве кооперативов и безвозвратные пособия через волостные попечительства); заготовка семян с отпуском их по заготовительной стоимости; приобретение сельскохозяйственных машин для отпуска их на льготных началах семьям призванных. А собрание 47 кооперативов Тамбовского уезда, признав такую помощь своим «нравственным долгом», решило наладить снабжение семенами из кооперативных средств и образовать прокатные пункты машин⁴. Пример административных усилий на местах дает Тульская губерния. Воззвание губернатора к волостным старшинам и сельским старостам от 25 июля 1914 г. провозглашало необходимость «прийти на помощь семьям наших верных защитников — призванных на военную службу, и пока те проливают за нас свою кровь, немедленно убрать бесплатно поля призванных, обмолотить им хлеб, обработать поля под озимые и засеять эти поля... Верю, что ни один сельский сход Тульской губернии не откажет помочь убрать хлеб семьям призванных на войну, и позаботиться о хлебе для них на будущий год». И далее: «К 10 сентября обязываю волостных старшин представить отдельно по каждому сельскому обществу сведения о количестве десятин, принадлежащих семьям призванных, которые оставались необработанными ко дню призыва, о количестве земли, которое следовало обработать и засеять озимыми для этих семейств, и сколько было бесплатно убрано и засеяно односельчанами». Также, губернатор рекомендовал обратиться «по местным условиям, возможно, к местным помещикам за тою же помощью»⁵. Это воззвание должно было зачитываться на волостных и сельских сходах. Помимо того, различные структуры занимались адресной благотворительностью, от Комитета Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, до кружечных сборов «в пользу семейств павших героев», проводимых офицерством тыловых гарнизонов в местных храмах⁶.

Меры государственной социальной помощи являлись одним из инструментов пропаганды на фронте, рассеивавшей обеспокоенность солдат об оставшихся дома семьях. Приказ Ставки от 24 февраля 1915 г. за № 15 доводил до сведения солдат меры по оказанию помощи семьям призванных на войну — «при предстоящем посеве яровых хлебов особое внимание будет обращено: 1) на подготовку посевного материала яровых хлебов, 2) бесплатную очистку, сортировку и обеззараживание семян, 3) снабжать станции сеялкой и другими необходимыми для весенних полевых работ машинами и 4) организация временных

⁴ Армейский вестник, от 31 марта 1915 г.

⁵ ГАТО. Ф. 97. Оп. 2. Д. 1740. Л. 200–201.

⁶ Там же. Д. 1881. Л. 192, 257, 259; Ф. 82. Оп. 1. Д. 11. Л. 122–125.

передвижных обозов и отрядов, с достаточным набором нескольких хозяйственных машин и орудий для возмездного обслуживания хозяйства лиц, призванных на войну... Кроме того, в местностях с недостаточным урожаем семян минувшего года, разрешено по ходатайствам земств и местных начальств и при их посредничестве, снабжать семьи воинов для обсеменения яровых полей потребным количеством семян из запасов, имеющихся в распоряжении правительства»⁷.

Таким образом, пока призывы не охватили большую часть крестьянского населения, и экономика страны не перешла на военные рельсы, власти различных уровней, кооперативы, потребительные и сельскохозяйственные общества и товарищества, «мир» — оказывали помощь семьям солдат. Поземельная община, помогая деньгами и продуктами, основной упор делала на «подмогу» трудом, ввиду малой денежности крестьянских бюджетов и вековой традиции этики выживания. Часто крестьяне считали излишней помощь, вследствие перечисления массы пособий в солдатские семьи, однако разнообразие субъектов помощи позволяло варьировать ее получение. При этом разные субъекты оказывали различную помощь своим адресатам: земства — денежные ассигнования, бесплатный отпуск сельскохозяйственных машин и орудий; кооперативы — организаторский труд, добровольная помощь рабочей силой; сельские общества — непосредственный труд в обязательном порядке; соседские «помочи». Часто инициатором оказания поддержки семьям солдат на сельских сходах выступали общие собрания кооператоров [2, с. 4–19, 30; 7, с. 456, 462, 466].

Перманентная нехватка рабочей силы в деревне заставила село приспособляться к новым условиям и возникшим реалиям военного времени. Крестьянское хозяйство перестраивалось довольно эффективным образом, что позволило удержать показатели производства в сельском хозяйстве в целом на довоенном уровне. Деревня несколько сократила посевную площадь, отказалась от трудоемких культур и неземледельческих заработков. Работников стало не хватать лишь со второй половины 1916 г. и в 1917 г., что повело к существенному сокращению посевной площади и сбора хлеба, падению благосостояния мелких хозяйств и другим явлениям негативного порядка.

Налогообложение деревни в годы войны оставалось невысоким, даже без учета льгот семьям солдат. Невзирая на рост денежных доходов, расставаться с деньгами крестьяне отнюдь не торопились. Уже в конце 1914 г. внутри страны стало широко распространяться практика неуплаты налогов со стороны семей призванных в армию солдат. Как следует из переписки по данному вопросу, в таком мнении солдат, согласно их ссылкам, поддерживали офицеры. В марте 1915 г. губернатор Томской губернии доносил в МВД, что «некоторые командиры... поддерживают во вверенных им командах убеждение, что с ос-

⁷ ГАТО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 8. Л. 145–145 об.

тавшихся у них на родине семейств... не должны совсем взыскиваться денежные сборы в пользу казны, ни в пользу частных лиц...». В результате, солдаты отправляли домой письма с соответствующими указаниями и солдаты отказывались платить, одновременно при том «настойчиво требуя выдачи казенного пайка, произнося по адресу местных органов крестьянского управления угрозы, выражающиеся в том, что по возвращении с войны мужа расправятся с ними». Затем, 5 мая воронежский губернатор просил МВД «войти в сношение с военным ведомством об указании офицерам не только на необходимость избегать неправильных разъяснений солдатам по вопросу об отбывании повинностей их семьями, но и на желательность обращать внимание солдат на то, что их семьи, получая причитающиеся по закону пособия и заботу и помощь... со стороны правительства и общества, находятся в сравнительно благоприятных для переживаемого времени условиях и поэтому не в праве уклоняться от исполнения обязательств перед казною». В ответ на запрос ген. Н.Н. Янушкевич сообщил, что повелениями Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича соответствующие распоряжения по данному вопросу неоднократно отдавались и еще раз будут подтверждены⁸. Однако данная проблема так и не получила своего окончательного разрешения вплоть до Февральской революции, невзирая на многократные приказы Ставки и фронтовых командований⁹. В ноябре 1916 г. МВД констатировало, что теперь мотивом отказа от уплаты является убеждение солдат и крестьян, что после войны все недоимки и долги, кому бы то ни было, якобы будут сложены в порядке Высочайшей милости. После революции данный вопрос был снят сам собой, самым ходом революционного процесса¹⁰.

Война вообще привнесла в деревню дополнительные тяготы и заботы, переводя в новое качество взаимоотношения и взаимодействие последней с государством. Помимо казны и различных общественных организаций, некоторую помощь селу оказывали тыловые войска. Например, приказ по Московскому военному округу от 24 марта 1916 г. гласил, что «уборка урожая имеет огромное значение не только для местного населения, но и для нужд самой армии, так как обеспечивает собою ее продовольствие». Плата отправленным в деревню солдатам – 1 рубль в день при продовольствии хозяина¹¹. Со своей стороны, крестьянство, несомненно, было готово на немалые жертвы ради по-

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 788. Л. 3–4, 6–11, 20; ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 14. Ч. 1. Л. 7–8, 13.

⁹ ГАТО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 747. Л. 110.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 788. Л. 31–35, 42–42 об.; Оп. 3. Д. 1219. Л. 59–60, 64, 67, 129.

¹¹ ГАТО. Ф. 1130. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

беды. В 1914 г. многие сельские общества изъявили желание отдать армии хлеб из хлебозапасных магазинов со значительной скидкой или даже бесплатно. При этом готовность к самопожертвованию сохранялась довольно долго: в 1916 г. крестьяне Курского уезда пожертвовали 16 тыс. руб. — «посильную лепту крестьян на нужды войны», как было сказано в адресе на имя императора¹².

Переломом в кажущихся идиллическими отношениях между властью и деревней стал 1916 г. Неважный урожай, сокращение посевных площадей, падение производства продовольственных хлебов, инфляция и нехватка рабочих рук, стали причинами усиления негативных социально-экономических процессов, в конечном счете, вылившихся в кризис снабжения зимы 1917 г. Расслоение села, угроза голода в потребляющих губерниях и нежелание крестьян производящих губерний продавать хлеб по твердым ценам — все это свидетельствовало о тенденциях отказа деревни в поддержке государственных военных усилий в условиях затянувшейся войны. Записка министра финансов о состоянии сельского хозяйства на 1 октября 1916 г., отмечала, что, несмотря на обилие денег у сельского населения, «гораздо более существенное значение... имеет состояние капитальных ценностей сельского хозяйства». Это должно было по окончании войны поставить перед крестьянством «трудную и тяжелую задачу восстановления хозяйства» [8, с. 135]. Следствием износа оборудования становилось затруднение обработки полей и надлежащего ухода за ними.

Осенью 1916 г. верховная власть задумалась над вопросом изъятия из села хлебных ресурсов, сосредоточенных в хлебозапасных магазинах, а зимой была сделана попытка воплотить в жизнь такую необходимую, чрезвычайную и вынужденную меру, как продовольственная разверстка хлеба. Проведение разверстки по равному принципу обложения разоряло мелкие крестьянские хозяйства, облегчая более крупные семьи и зажиточные слои деревни: по мнению тульских крестьян, «бедные, которые покупают для себя хлеб, должны быть от повинности освобождены и добавляют, что бумага от г. тульского губернатора гласит брать хлеб только у тех, кто имеет излишек». Реакцией крестьянства на разверстку стало уклонение от исполнения заданий государства, причем многие общества предлагали «внести денежную плату по стоимости причитающихся с них» хлеба¹³. С точки зрения села, главная причина разверстки — это невозможность и неумение власти купить хлеб. Получение по разверстке всего около 20 % предполагавшегося количества хлеба действительно свидетельствует о провале государственных усилий, усугубившем продовольственный кризис начала 1917 г., ставшего прологом к Февральской революции.

¹² ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 14. Л. 15 об.; Ф. 601. Оп. 1. Д. 665. Л. 1–2.

¹³ ГАТО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 809. Л. 1–1 об., 14–15.

Литература

1. *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962.
2. Война и костромская деревня. Кострома, 1915.
3. *Данилов Н.А.* Влияние великой Мировой войны на экономической положение России. Пг., 1922.
4. Отчет по продовольственной кампании 1914–1915 гг. Пг., 1916.
5. *Пришвин М.М.* Дневники. 1914–1917. М., 1991.
6. *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918.
7. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. М., 1915. Вып. 1.
8. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967. Т. 3.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КРЕСТЬЯНСКИЕ ФИСКАЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ В 1917 Г.²

В статье рассматривается влияние крестьянского правотворчества на трансформацию аграрной политики Временного правительства, анализируются изменения налоговой системы в аграрном секторе экономики.

Ключевые слова: крестьянские съезды, фискальные требования, аграрная политика.

Революционный процесс 1917 г. в России настолько многовариативен, что до сих пор остаются неизученными некоторые аспекты взаимоотношений народа и власти в ходе выбора направления социально-экономического развития. Итоги изучения аграрной политики Временного правительства в марте-октябре 1917 г., влияния на нее политических партий и общественных объединений представлены в отечественной историографии [10]. На многочисленных примерах проиллюстрировано негативное отношение крестьян к попыткам власти запретить перераспределение земельного фонда до Учредительного собрания [4; 5]. Крестьянское движение «за землю и волю» характеризуется как общинная революция [8]. Социопсихологические аспекты революции по-прежнему актуальны [2], а ее экономические предпосылки являются предметом острейших дискуссий [9]. Повседневная жизнь сельского населения в условиях революционных преобразований особенно привлекает современных историков, так как позволяет проследить социализацию различных идейных доктрин [3, с. 103–112].

Исследователи, занимавшиеся изучением революционных событий 1917 г. в России, отмечали значение решений крестьянских съездов по аграрному вопросу, их влияние на расстановку социально-политических сил не только в деревне, но и в городе [6, с. 108–119]. Крестьянские съезды инициировали постановку вопроса о коренном изменении отношений собственности, т.е. оформляли правотворчество масс в революции. Их организаторы ставили целью довести декларации и постановления Временного правительства по земельному вопросу до крестьян, надеясь предотвратить возможные «аграрные беспорядки». Центральная власть, заявляя об охране частной собственности, зап-

¹ Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-01-00081).

решении пересмотра арендных цен, перераспределении рабочей силы из числа военнопленных в помещичьих экономиках, откладывала решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Знакомясь с указаниями правительства, делегаты съездов пожелали внести некоторые коррективы в существовавшие поземельные отношения. Объясняли они это особенностями аграрного развития в каждом отдельном регионе.

Созданные в марте-апреле 1917 г. волостные исполнительные комитеты в соответствии с «Временными мерами», разработанными Крестьянскими съездами, должны были заниматься всеми вопросами распределения и использования земель и инвентаря, регулировать трудовые взаимоотношения, в том числе регламентировать нормы оплаты труда. Они же в пределах волости решали все вопросы административно-хозяйственного управления, ведали сбором налогов и податей. В.И. Ленин расценил этот факт, как имеющий гигантское принципиальное значение, подтвердивший, что крестьяне «хозяйственный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют» [7, с. 420]. Между руководителями волостных комитетов и представителями уездных земств возникали споры по поводу раздела помещичьей земли. Губернский Совет крестьянских депутатов, осуществляя контроль за выполнением своих решений, стремился одновременно уничтожить старые, кабальные формы аренды. Он, например, предложил Спасскому уездному продовольственному комитету «удовлетворить нужды крестьян, разрешив им скосить помещичьи луга, но отнюдь не издольно»³.

Среди факторов общенационального кризиса в России аграрный вопрос к осени 1917 г. выдвинулся на первое место. Обострение продовольственного вопроса, разбалансировка фискальных отношений напрямую влияли на ход социальной революции и поляризовали политические силы общества. Крестьянские выступления, направленные против хлебной монополии, перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка. Перераспределением собственности и власти в сельской местности занялись низовые крестьянские комитеты, вышедшие из-под контроля не только местной администрации, но и советов. Министерство внутренних дел предписывало губернским комиссарам активнее использовать административно-судебные органы и воинские команды для пресечения конфискационной деятельности низовых крестьянских организаций [10, с. 97]. Выполнить эти предписания на местах было затруднительно, а чаще — невозможно. Тыловые гарнизоны были распропагандированы левыми социалистами и, как правило, не подчинялись никому [8, с. 151].

³ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 983. Оп. 1. Д. 13. Л. 60; Д. 23. Л. 89.

Настойчивые требования крестьян закрепить местными законами уже осуществляемые ими изменения аграрных отношений привели к обсуждению на крестьянских съездах мероприятий по землепользованию в новых условиях. Показательна в этом плане «Общая инструкция волостным земельным комитетам», утвержденная Самарским губернским земельным Комитетом 20 августа 1917 г. Она легла в основу разработанных съездом «Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями». В ходе дискуссии часть ораторов призывала не утверждать этих правил. Крестьянские делегаты в обложении земель налогами видели аренду, что в их понимании было шагом назад в решении земельного вопроса. Взамен этого предлагалось установить одинаковый общий налог на все земли различного качества различных ведомств и владельцев. Другая часть ораторов, ссылаясь на распоряжения Временного правительства сохранить до Учредительного собрания границы владений и уездов и большую крайнюю нужду государства в средствах, просила съезд не видеть «хитрой механики» в правилах обложения, т.к. они составлялись людьми, преданными делу крестьянства»⁴.

В своей практической деятельности крестьяне использовали из всех правил и инструкций лишь те пункты, которые позволяли им расширять процесс экспроприации земель у частных владельцев. В частности, «Общая инструкция» предусматривала «в интересах расширения площади посева под яровые на 1918 г. комитетам взять в свое ведение не только все земли, на которых владельцы не ведут собственного хозяйства, но также принять на учет для распределения излишка среди безземельных и малоземельных земли собственников и арендаторов, на коих имеются хозяйства»⁵. Таким образом, эсеры использовали крестьянский съезд для обеспечения победы своей партии на выборах волостных земств и Учредительного собрания, а низовые крестьянские комитеты — для обоснования «законности» земельных захватов.

Губернские крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в сентябре 1917 г., также использовались эсерами для агитационной кампании по выборам Учредительного собрания в пользу своей партии. Крестьянское движение в это время нарастало. Сельские и волостные крестьянские комитеты решали земельный, лесной, продовольственный вопросы в соответствии с постановлениями крестьянских съездов, пусть даже высказанных в форме наказов Учредительному собранию. Запретительные циркуляры Временного правительства не могли быть реализованы из-за слабости местной власти. Резкая поляризация политических сил в стране, ускоренная корниловским мятежом, осе-

⁴ ГАРФ. Ф. 8976. Оп. 1. Д. 423. Л. 59 об.—60.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 1412. Л. 98.

нию 1917 г. проявилась не только в городских, но и в сельских общественных организациях. Стремясь закрепить результаты перераспределения земельной собственности, проведенного летом 1917 г., крестьянские комитеты поддерживали лишь те структуры, которые одобряли «черный передел».

Социалисты-революционеры, считавшие себя крестьянской партией России, наряду с организационными, проводили также агитационно-пропагандистские мероприятия, подготавливая свой потенциальный электорат к выборам Учредительного собрания. По инициативе министерства земледелия, возглавлявшегося во Временном правительстве с 5 мая по 28 августа 1917 г. лидером партии эсеров В.М. Черновым, на места был разослан «Вопросный лист». Он предлагал своим респондентам определить цели, задачи, состав участников аграрного движения для подготовки и решения земельного вопроса в Учредительном собрании. Такой вопросник с заполненными графами для ответов из всех поволжских губерний сохранился лишь в делах Пензенского губернского земельного комитета⁶. Однако социально-политическая ориентация поволжского крестьянства по отдельным районам имела больше сходства, чем различий.

Крестьянский менталитет в значительной степени проявился в действиях всех основных революционных потоков, действовавших в 1917 г. Поэтому те политические партии, в программных лозунгах которых он находил отражение, могли рассчитывать на широкую социальную поддержку в революции вообще и на выборах в Учредительное собрание в частности. Главным требованием подавляющего большинства крестьян было предоставление «земли и воли». На вопрос «о наличии среди населения движения в сторону изменения существующих земельных отношений» крестьяне отвечали, что оно началось уже в марте 1917 г. При этом они указывали на помещиков как на «главных эксплуататоров», нарушивших заповедь о том, что «земля ничья, она — дар Божий» и должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает⁷.

Составители вопросника пытались выяснить масштабы аграрного передела, спрашивая, какая земля была захвачена крестьянами (вся, арендная, незасеянная, озимые посевы). Сельские общества либо не отвечали на эти вопросы, либо графы для ответов заполняли объяснением, что земли частных владельцев изымались и распахивались по постановлениям земельных комитетов на основании решений крестьянских съездов. Пролетарские методы борьбы: забастовки при производстве полевых работ, предъявление требований о повышении заработной платы, введение пониженного рабочего дня вообще крестьянами не применялись. Это естественно. В Поволжье, особенно в юго-

⁶ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 486. Оп. 1. Д. 33–41.

⁷ Там же.

восточных степных районах, широко применялся труд сезонных сельскохозяйственных рабочих, но в большинстве своем это были те же малоземельные, беспосевные крестьяне из губерний нечерноземного центра. Они являлись социальным пополнением приверженцев «общинной революции» не только в деревне, но и в городе. В содержании крестьянских «приговоров» заметно влияние народнических партий, но в целом их ответы представляли собой требования крестьян-общинников, реализуемые самостоятельно в ходе революции.

По заданию Главного земельного Комитета губернские земельные комитеты в Поволжье разрабатывали также собственные анкеты, опросные листы для составления плана будущей земельной реформы в России. Составители пытались выяснить приоритеты крестьян в вопросах землевладения и землепользования, форм хозяйствования, организации производства. На вопросы о том, кому должны принадлежать частновладельческие, казенные, монастырские, государственные земли, как и на каких условиях передавать их государству или крестьянским обществам — ответы были однотипны. Свою волю сельские общества часто выражали лозунгами: «Отменить навсегда»⁸, «Все земли — трудовому народу»⁹. В ответах имелись ссылки на решение этих вопросов крестьянскими съездами¹⁰, провозгласившими, что «подлежат передаче удельные, частновладельческие, церковные, монастырские, казенные земли без выкупа»¹¹. В анкетах имелись также пожелания о формах землепользования, предлагавшие передать все земли наделенные, банковские, казенные, монастырские, частных владельцев в государственный фонд для распределения между трудящимся народом на общинно-уравнительных началах.

Рассматривая порядок землепользования, сельские общества дифференцировали все население по категориям, подробно перечисляя, на каких условиях каждая должна быть наделена землей. Как правило, все «живые души обоего пола» должны были «наделяться землей по трудовой норме»¹². Там, где указывали на «желательность передачи земель по наличию душ мужского пола и безразлично от возраста», трудовую норму все равно определяли «на каждую наличную мужскую и женскую душу в семье или дворе безразлично от возраста»¹³.

⁸ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

⁹ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 3—10.

¹¹ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 9; ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5; НАРТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹² ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; НАРТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

¹³ НАРТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

Председатель Самарского губернского земельного комитета Г.И. Баскин, бывший земский статистик, обобщивший ответы крестьян Самарской губернии на первую часть анкеты, отметил, что «наделение по наличным душам обою пола пользуется тем большим сочувствием, чем севернее расположена данная область», что связано с большей густотой там населения, острым малоземельем, а также близостью к рынкам [1, с. 3]. Имелось даже пожелание «наделить по наличным душам обою пола только малоземельных крестьян» [1, с. 5], что явно свидетельствует не только о внутриобщинных противоречиях между зажиточными и беднейшими, но и значительном численном превосходстве последних. Определяя количество земли для наделения по трудовой норме, крестьяне учитывали прежде всего экономические условия: наличие в данной местности удобных для обработки земель, их плодородие, плотность населения, производительность труда, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем. Как правило, они брали в расчет и тот скот с инвентарем, который уже отобран или должен быть конфискован у собственников и поделен крестьянами «по справедливости»¹⁴.

Анализируя ответы крестьян, Керенский уездный земельный Комитет Пензенской губернии от себя присовокупил: «Норма земли на каждое лицо рабочего возраста при существующих в данное время сельскохозяйственных орудиях должна быть не менее 5 десятин. Рабочий возраст желательно считать с 17 до 55 лет включительно как мужчин, так равно и женщин»¹⁵. Крестьяне оговаривали вопрос о переделе земель, причем сроки переделов колебались значительно: от 12 лет — в Пензенской губернии¹⁶ до 24 лет — в Казанской¹⁷. Анкеты Симбирской и Самарской губерний не ставят вопроса о переделе, да и в других губерниях крестьяне не все отвечали на этот вопрос. Постоянные земельные переделы позволяли сохранять видимость социального равенства, но наносили ущерб в экономическом плане. Пытаясь преодолеть это противоречие, некоторые респонденты предусматривали сохранение ядра наделной земли без изменения при очередном либо внеочередном переделе¹⁸.

Составители анкет поставили перед крестьянами также вопрос: «Возможно ли землю не делить между хозяйствами, а ввести общественную (кооперативную) обработку ее и делить между хозяйствами только продукты полеводства? Обработку пашни вести за общественный счет, при содействии земства приобрести усовершенствованный

¹⁴ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 202.

¹⁵ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ НАРТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁸ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.

инвентарь и т.д.». Подавляющее большинство ответов гласит: «Такая обработка полей обществу неудобна», «Это невозможно». Есть ответы, поддерживающие создание кооперативов, но включающих не все общество, а «не более 5–6 хозяйств»¹⁹. В целом, ответы крестьян о формах землепользования отстаивали общинно-уравнительную организацию.

Разрабатывая принципы аграрной реформы, крестьяне-общинники резко выступали против сохранения хуторского и отрубного хозяйства. На вопрос «Как следует поступить с более крупными владениями крестьян и других землевладельцев, хозяйство которых имеет не исключительно трудовой, а смешанный характер?» крестьяне Пензенской губернии отвечали: «Также все земли отчуждаются в полном количестве»²⁰. Крестьяне Симбирской губернии единодушно считали, что «хуторские участки должны быть присоединены к общественной земле, хуторян с банковских земель сселить»²¹. Аналогичны требования крестьян Казанской губернии, считавших, что «земли, отведенные отрубными и хуторскими участками в собственность отдельных домохозяев», необходимо передать «в общий государственный фонд для распределения между всем трудящимся народом»²². Такое отношение к выделенцам объяснялось многими причинами как социально-экономического, так и идейно-политического характера. У крестьян еще не были окончательно разрушены уравнительные иллюзии, они вполне обоснованно опасались возможности сохранения капиталистических отношений в деревне на обновленной социальной базе. Характерно, что терпимее сельские общества относились к переселенцам из других губерний, поселившимся на банковских землях. Они предлагали «поселковцев оставить на месте и дать землю по трудовой норме», а «хуторян с банковских земель сселить»²³ в любом случае, опасаясь, что из них «через 10 лет выйдут те же помещики»²⁴.

Особо решали крестьяне вопрос о судьбе частновладельческих усадеб, культурных хозяйств, парков, садов и других угодий. Во всех без исключения ответах наблюдалось стремление сохранить эти материальные ценности для блага всего общества. Усадьбы, сады, парки «отчуждаются полностью в распоряжение местных органов самоуправления для устройства школ, больниц, народных домов с общественными садами и прочее». «Имения, особо выделяющиеся по постановке в них хозяйства (с высокой сельскохозяйственной культурой, племен-

¹⁹ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

²⁰ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

²¹ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

²² НАРТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

²³ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

²⁴ ЦГАСО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 116.

ным скотом и т.д.)», передать «государству, земствам или земельным комитетам»²⁵. Здесь видна забота крестьян о собственности, которая должна стать достоянием народа. Их ответы свидетельствовали также о стремлении к развитию органов местного самоуправления, расширению их функций, а также создании материальной базы для них. Они считали, что земли, «застроенные фабриками, заводами и другими промышленными предприятиями <...>, должны составлять особую доходную статью и находиться в распоряжении местных органов самоуправления»²⁶. Более того, крестьяне готовы были изъять из фонда общественного перераспределения «земли, обслуживающие заводы, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, передать их земству с тем, чтобы поддержать производство заводов»²⁷.

Анкеты и опросные листы заполнялись на сельских сходах и собраниях, членами которых крестьяне, выделившиеся из общины, не являлись. Свои ходатайства по решению земельного вопроса они направляли непосредственно в адрес Учредительного собрания. Из-за диктата общинников на местах крестьяне-собственники пытались отстаивать свои землевладения обращением непосредственно к будущим законодателям. При этом они, надеясь быть услышанными, ссылались на предвыборные обещания эсеров: «Партия социалистов-революционеров говорит — «Землю и волю — крестьянам». И слова, прозвучавшие свободно в февральские дни, дали право угнетенному и забытому крестьянству излагать свободное мнение о земле»²⁸.

Крестьяне-собственники были против возвращения своих земельных участков в общину, мотивируя это чисто экономическими причинами. Они указывали на вред чересполосицы, при которой не применимы сельскохозяйственные машины, низкую производительность труда, незаинтересованность в удобрении полей, которые могут достаться другому после передела²⁹. Хуторянин Ф.А. Маслов, ссылаясь на свой опыт, убеждал: «Когда я был в общине, то работал на таком же количестве земли, и мне хлеба не хватало, а теперь хватает на два и даже более года»³⁰.

Указывая на преимущества индивидуального хозяйствования, крестьяне-собственники так же, как и общинники, выступали за конфискации некрестьянских земель с возможной уплатой выкупа. Вот какие аргументы выдвинул хуторянин А.М. Черепанов в прошении, направленном Учредительному собранию: «Земли у большеземельных

²⁵ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 6.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 6.

отобрать обязательно с уплатой или без уплаты <...>, наделить всех равно, кто желает принять, но обрабатывать обязательно с помощью работника, потому что сейчас половина солдатов — инвалиды. Но у хуторян отбирать не следует, у кого лишка убавить, а мало — прибавить, но смешивать не надо. Надо и оставшие земли собирать в отруб, потому что образцовые земли больше дадут дохода как хозяину, так равно и государству <...>. Да и разделены мы не зря, настроили построек и земли удобрили»³¹. Далее он сообщал состав своей семьи (9 человек, старший женатый сын «пришел с войны в размен из плена инвалидом», остальные женщины и дети) и заявлял: «Нам 20 десятин мало. Прибавить должно с людьми наряду»³².

Уставшие от беспредела люмпенизированной части общества крестьяне-собственники надеялись также на прекращение революционной смуты и взывали к Учредительному собранию о наведении порядка в стране. Восьмым пунктом своего обращения А.М. Черепанов требовал: «В население должен быть внесен строгий порядок, ввиду этого надо строгую поставить милицию и дать ей власть арестовывать и установить обязательно строгое наказание хотя бы тюрьмой, иначе никак не сократить (преступность — *Н.К.*). Жить стало нонешнее лето совсем трудно. Никто никого не стал бояться. Происходит сильное воровство и озорство. Поэтому письмо Вас покорнейше прошу принять в разбирательство Учредительного собрания»³³. Итак, интересы крестьян, как собственников, так и общинников совпадали в главном — и те, и другие стремились отобрать земли у «большеземельных» и поделить «по справедливости».

Таким образом, в ходе революции по инициативе крестьянских объединений произошла разбалансировка всей податно-налоговой системы в аграрном секторе экономики. К осени 1917 г. крестьяне полностью отвергли старую систему налогообложения, требовали немедленного «черного передела». На крестьянских съездах обсуждались основные направления аграрной реформы, а низовые комитеты использовали их решения для обоснования уравнительного перераспределения земель и способов их налогообложения. В сложившейся ситуации налоговая политика Временного правительства не могла быть реализована. В условиях войны и революции любая власть — царская, временная, большевистская — вынуждена была прибегнуть к чрезвычайным фискальным мерам, прежде всего, в аграрном секторе экономики. Они вызывали ожесточенное сопротивление крестьян, подавить которое возможно было только силой. Логическим выходом из тупика аграрной революции стала большевистская продрозверстка.

³¹ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³² Там же. Л. 4.

³³ Там же. Л. 4 об.

Литература

1. *Баскин Г.И.* Принципы земельного наделения в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. Самара, 1917.
2. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (1-е изд.); 2010 (2-е изд.).
3. *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4.
4. *Герасименко Г.А.* Народ и власть. 1917. М., 1995.
5. *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.
6. *Кабытова Н.Н.* Организационные формы аграрной революции 1917 года в Поволжье // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 1.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31.
8. *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.
9. *Мионов Б.Н.* Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.
10. *Моисеева О.Н.* Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967.
11. *Хитрина Н.Е.* Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н.Новгород, 2001.

НАСИЛИЕ В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

Дан анализ государственных повинностей крестьянства губерний Центрального Черноземья, осуществляемых коммунистической властью в форме насильственного изъятия хлеба. Выяснена роль продовольственных отрядов и комитетов бедноты в хлебных реквизициях и реакция сельских жителей на применение местными властями репрессивных мер.

Ключевые слова: крестьянство, хлеб, изъятие хлеба, продовольственные отряды, комитеты бедноты, восстания, Центральное Черноземье.

Захватив власть в октябре 1917 г., партия большевиков столкнулась с задачей более сложной, эту власть удержать. Ее решение напрямую зависело от способности Советского правительства осуществить продовольственное снабжение населения городов и частей Красной Армии. Сохранение власти в условиях жесткого противостояния с противниками нового режима было возможно только при осуществлении тотального контроля над продовольственными ресурсами, и прежде всего хлебом в стране.

Вполне закономерно, что самое пристальное внимание государственного руководства уделяло губерниям Центрального Черноземья (Воронежской, Орловской, Курской и Тамбовской), производящим основную массу товарного хлеба. Это в свою очередь обусловило как масштабы и мощь властных усилий по его изъятию у крестьян, так и степень сопротивления ограблению деревни со стороны сельских тружеников региона. Стоит согласиться с утверждением В.В. Кондрашина о наличии объективных факторов, делавших неизбежным активное вмешательство большевистского государства в «деревенские дела» и крестьянское недовольство как ответную реакцию на это вмешательство [1, с. 88].

Уже с весны 1918 г. крестьянство Центрального Черноземья ощутило на себе всю тяжесть повинностей в пользу революционного государства. Объективные обстоятельства толкали власть к применению силы в борьбе за хлеб. Крестьянство же стремилось отстоять свое пра-

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

во на землю, а в большей мере, свободу распоряжаться плодами своего труда. Особое недовольство со стороны крестьянства губерний Центрального Черноземья, как в прочем и страны в целом, вызвали хлебные реквизиции и действие продотрядов. В этот период происходят столкновения между крестьянами и отрядами Красной гвардии, направляемыми из губернских центров с целью учета имеющихся запасов хлеба и проведения его изъятия в пользу бедноты и городского населения. Крестьянские выступления в регионе пока еще носили локальный характер, ограничиваясь отдельными селениями.

В рамках осуществляемой хлебной монополии государственная власть потребовала от партийных и советских органов губерний региона изъять у крестьян все имеющиеся хлебные запасы, которые в официальных документах той эпохи лукаво именовались «излишками». При этом акцент делался на классовый принцип этой кампании. На практике изъятие хлебных излишков коснулось не только «зажиточных» крестьян, а больно ударило по всему крестьянству в целом. «В Моршанском уезде, — говорил, например, на съезде уездных комиссаров продовольствия В.В. Кротков, — на опыте доказано, что хлеб приходится отбирать у среднего крестьянства, а не у богатых»². Елатомский уездный комиссар продовольствия С.М. Афонин в ответ на упреки, почему нет хлеба, объяснил на заседании уисполкома 14 мая, что «хлеб не взят потому, что реквизировать хлеб у крестьян нет возможности». При попытке реквизиции «беднейшее крестьянство по своей темноте шло за кулаками» [3, с. 312].

Для достижения поставленной цели использовались все средства. Губернские и уездные власти поощряли доносительство на лиц, укрывавших хлебные запасы. Информаторам гарантировали получение половины стоимости изъятого зерна. Широко использовалась сила революционного законодательства. В директиве орловского губернского комиссара продовольствия от 5 июля 1918 г. указывалось, что «владельцы незаконных запасов будут передаваться революционному суду и подлежат наказанию 10 годами и более тюремного заключения, конфискации всего имущества и изгнанию из общества навсегда»³.

В Тамбове на заседании губпродколлегии 29 апреля 1918 г. было принято решение об организации особой Чрезвычайной комиссии, которой были предоставлены «самые широкие полномочия вплоть до применения оружия». А месяцем ранее 28 марта решением этого органа были расформированы реквизиционные отряды по причине их «полнейшего разложения», а полномочия переданы частям Красной армии [3, с. 312]. По мнению Ю.В. Мещерякова, этой мерой централи-

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 61.

³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 16. Л. 123.

зация в деле реквизиции хлеба достигнуто не была, часть красноармейских отрядов подчинялась Тамбову, часть уездным и волостным советам, помимо этого в губернии самочинно действовали вооруженные отряды из потребляющих губерний, которые губернским властям не подчинялись [3, с. 312].

Огромного масштаба весной 1918 г. в губерниях Центрального Черноземья приобрело мешочничество. Член коллегии Наркомпрода Д.З. Мануильский, курировавший организацию продовольственной работы в Курской и Орловской губерниях, сообщал в мае 1918 г., что на Московско-Курской железной дороге мешочничество приняло размеры катастрофы, взрывающей хлебную монополию. Только в Тамбовскую губернию еженедельно прибывало до 50 тыс. мешочников [4, с. 84–85]. С целью борьбы с незаконным, спекулятивным провозом продуктов тамбовским губернским комиссаром продовольствия распоряжением от 9 июля 1918 г. на железнодорожных станциях были организованы продовольственные отряды, которым было предписано при малейшем вооруженном сопротивлении виновных уничтожать на месте⁴.

Основную ставку в борьбе за хлеб власть сделала на продовольственные отряды. Сформированные из рабочих, преимущественно большевиков, они должны были со всей революционной решительностью изъять у крестьян их хлебные запасы. По сообщению реквизиционного отряда, действующего в одном только с. Шестакове Павловского уезда Воронежской губернии, в период с 30 июня по 18 июля 1918 г. было конфисковано хлеба 15395 пуд. у местных жителей и еще 649 пуд. у кулаков и самогонщиков⁵. С наступлением страдных работ репрессий усилились. В августе 1918 г. в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях действовало 27724 рабочих в составе отрядов продармии, реквизиционно-уборочных отрядов Военпробюро, отрядов, созданных на местах. Из них в Воронежской губернии было 6844 человека, Орловской – 2625, Курской – 6930, Тамбовской – 11325 [4, с. 174].

Деревня встретила продотряды враждебно. Уполномоченный Наркомпрода Д. Гольдман сообщал: «Обладателям хлеба удалось привлечь на свою сторону бедноту, и бывали случаи, когда все жители деревни по набатному звону собирались, вооружались кто, чем мог, и бывали готовы оказывать нашему отряду сопротивление»⁶. Согласно данным оперативного отдела наркомата по военным делам от 3 июля 1918 г., в с. Самодуровка Шацкого уезда Тамбовской губернии при реквизиции продовольственных запасов было произведено насилие над отрядом

⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 16. Л. 330.

⁵ Там же. Л. 364.

⁶ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 3. Д. 128. Л. 109.

красноармейцев, причем инструктор продовольственного отряда был арестован крестьянами [5, с. 72]. По сообщению газеты «Свобода России» за 19 июня 1918 г. в с. Лысые горы Тамбовского уезда на почве отобрания у крестьян хлеба произошло столкновение с местными жителями. Отряд отобрал пуд или два муки у вдовы, которая купила ее для детей. Вдова схватила нож и зарезала отбиравшего муку красноармейца. Когда хотели арестовать эту женщину, то поднялись другие крестьяне, и произошла стычка с отрядом. Вызванным из Тамбова вспомогательным отрядом порядок был восстановлен⁷.

Губернские власти региона действовали без учета хозяйственной обстановки на местах. В донесении от 16 июня 1918 г., присланном из Болховского уезда Орловской губернии, говорилось: «Продовольственный кризис везде. Население нескольких волостей голодает. Были уже случаи голодной смерти»⁸. Из Задонского уезда Воронежской губернии 9 июля 1918 г. в губернский центр сообщали о том, что «волости буквально голодают, а реквизиционные отряды отбирают последний хлеб»⁹. Однако уже 25 июля того же года продовольственный комиссариат Воронежской губернии послал в уезды продовольственные отряды «для борьбы с мешочниками и для изъятия хлебных излишков»¹⁰.

В ходе изъятия так называемых хлебных излишков и взыскания различных чрезвычайных налогов власти на местах действовали, используя насилие. Так, в Малоархангельском уезде Орловской губернии применялся варварский способ к взысканию чрезвычайного налога: плательщиков нагих выгоняли на улицу, обливали водой и морозили в сараях¹¹. Для запугивания крестьян продотряды обстреливали села из артиллерийских орудий. Ответственный агент губернского продовольственного комиссариата А.В. Акименков 22 августа 1918 г. докладывал, что «не доезжая до с. Алгасово (Моршанский уезд, Тамбовская губерния) версты полторы, поставили трехдюймовое орудие и четыре пулемета, пустили 4 снаряда и сделали несколько пулеметных выстрелов, после чего вошли в село» [2, с. 359].

Летом 1918 г. крестьянское движение вышло за рамки отдельных сел, охватило целые волости, приобрело больший размах и жесточенность. Суть требований восставших крестьян сводился к прекращению насилия и грабительской реквизиции продовольствия и имущества.

Другой масштабной мерой вмешательства коммунистической власти в повседневную жизнь русского села стало создание комитетов

⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 25. Л. 267.

⁸ Там же. Д. 16. Л. 230.

⁹ Там же. Л. 389.

¹⁰ Там же. Л. 320.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 40 об.

бедноты, которые, по убеждению советского руководства, должны были создать массовую опору власти в крестьянской среде. Однако лидеры большевизма явно просчитались, не учтя степень единства интересов всех слоев крестьянства. Эффективность действий комбедов в деле проведения продовольственной диктатуры оказалась в деревне крайне низкой. По данным Т.В. Осиповой, за август 1918 – январь 1919 г. комбедам Курской губернии удалось собрать лишь 2,5 млн пудов хлеба или 14,7 % от общего количества излишков, а за весь заготовительный год – 25,2 % [4, с. 212].

Документы свидетельствуют о нежелании жителей отдельных сел создавать такие организации. В письме С. Булгакова секретарю ВЦИК Аванесову от 19 апреля 1919 г. автор сообщал: «В Абакумовской волости Тамбовского уезда с образованием комбеда пошло все вверх дном. Его члены считают себя полнокровными хозяевами положения, ни перед кем не ответственны, в обращении с гражданами чрезвычайно грубы, не допускают никакого возражения на свои незаконные распоряжения. «Стали хуже, чем романовские держиморды». На сходы появляются пьяные, обязательно с револьверами, были случаи стрельбы, что пугало собравшихся крестьян. Отбирали под видом спекуляции вещи, у невест-девушек скатерти и скроенные платья, как приданое»¹². Таким образом, новые хозяева жизни покушались даже на содержание «коробьи» (приданного невесты), которое, согласно норме обычного права, являлось неприкосновенной собственностью девушки на выданье. Собственность, которую даже становые не вносили в опись при конфискации имущества семьи в целях уплаты недоимок¹³.

Следствием большевистского «похода за хлебом» стали продовольственные трудности в деревнях Центрального Черноземья осенью 1918 г., а в ряде мест и голод. Инструктор А.А. Гедимин докладывал 12 ноября 1918 г. о полном отсутствии у крестьян Липецкого уезда Тамбовской губернии всяких товаров и предметов первой необходимости [2, с. 376]. В с. Московское Воронежского уезда местное население по причине голода употребляло в пищу мало-мальски подходящее растение, подорожник, не гнушались варить суп из конины, ели сорок и ворон¹⁴.

Осенью 1918 г. только в Тамбовской губернии было собрано более 14 млн пудов хлеба, основная его масса была взята путем реквизиций [4, с. 213]. Часто за отобранный хлеб крестьяне не получали не только денег и товаров, но каких-либо квитанций. Изъятие хлеба с помощью

¹² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 11. Д. 86. Л. 217.

¹³ Отел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 58 /П/ Карт. 12. Ед. хр. 5.

¹⁴ Народный быт. Материалы и исследования по этнографии Воронежского края. Воронеж, 1927. С. 28, 31, 36.

вооруженных продовольственных отрядов в губернии с октября приобрели массовый характер. На этой почве в начале ноября 1918 г. начались восстания крестьян в 7 из 12 уездов Тамбовской губернии. Зафиксированы крестьянские выступления в Орловской губернии. Так, в Лавровской волости местные жители обезоружили «красный отряд», а в Никольской и соседних волостях шли настоящие бои, имелись убитые и раненые с обеих сторон.

Наивысшего накала крестьянское движение в регионе достигло в октябре-ноябре 1918 г., когда тысячные толпы вооруженных повстанцев захватывали села, окружали города, вступали в ожесточенные бои с правительственными войсками. Сообщения об этих сражениях напоминали фронтовые сводки. В отдельных крестьянских выступлениях появились политические лозунги, требование «Долой Советы!», ликвидации ЧК и др. [4, с. 17].

Из содержания «Бюллетеней» ВЧК можно сделать вывод, что главным содержанием политики власти в деревне летом-осенью 1918 г. была борьба власти за хлеб, которую она вела с крестьянством, опираясь на созданные ею на местах комитеты бедноты. Документы свидетельствуют о крайней ожесточенности в действиях, как носителей власти, так и местного населения.

С весны 1919 г. начинается новый этап продовольственной диктатуры большевиков в деревне. Учитывая ошибки кампании прошлого года, губернские власти уже с весны 1919 г. попытались максимально перекрыть все возможные каналы несанкционированного вывоза хлеба. С этой целью на железнодорожных станциях были размещены заградительные отряды. Вот описание действий одного из таких отрядов, расквартированного на ст. Змеевка Орловской губернии. Сообщение, поступившее в наркомат юстиции, датировано 23 апреля 1919 г.: «В своих действиях отряд только выматривал молодых пассажиров и приступал к реквизиции, склоняя их к разврату, оставляя им продукты, если они соглашались. Тех молодых пассажиров, которые отклоняли предложение, вели в комиссариат и отбирали все, не оставляя ни одного фунта зерна. Многие члены отряда больны, хроники, распространяют заразу»¹⁵.

На местах уполномоченные из уездов чинили полнейший произвол, производя насилие над крестьянами. В сообщении от 19 февраля 1919 г. из с. Нестерово Тамбовской губернии говорилось: «Инструктор по земельным делам тов. Агушев разъезжает по деревням и под видом отобрания излишков грабит хлеб, мед, сапожный товар, угрожая револьвером. Недавно одна беременная женщина, у которой Агушев с револьвером вымогал лен, выкинула мертвого младенца»¹⁶.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 97. Л. 5.

¹⁶ Там же. Ф. 393. Оп. 12. Д. 34. Л. 16.

Из доклада инструктора ВЧК А.П. Смирнова председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому от 22 марта 1919 г. следовало, что в Усманском уезде Тамбовской губернии «на местах злоупотребления невероятные, как то: отбирали даже обручальные золотые кольца, серебряные часы <...> за неуплату чрезвычайного налога продают постройку и последний скот» [5, с. 123].

Уголовно-следственная комиссия II участка Елецкого уезда Орловской губернии 14 мая 1919 г. сообщала, что в ее производстве находятся три дела об истязаниях при взыскании чрезвычайного налога. Одно из них о нанесении побоев палками и кулаками гражданам Сергеевской волости, крестьянину Феоктисту Волобуеву, дякону Александру Макарову и Семену Пилюгину. В качестве обвиняемых по этому делу были привлечены милиционер Мокринский, коммунисты Павлов и Иван Григорьев, состоящие на службе в конном отряде при Елецком ЧК¹⁷. Еще два дела об истязании граждан Перекопской волости священника Голиневича и крестьянина Глазунова следствием окончены не были. В тюрьме, где содержались Голиневич и Глазунов, с целью заставить уплатить налог их выводили ночью за ворота тюрьмы, якобы для расстрела. При этом соблюдались все приготовления к казни и все формальности и даже делались выстрелы в воздух¹⁸.

Из доклада инструктора Захаркина о поездке в Московскую волость Орловской губернии от 10 июня 1919 г. следовало, что «после митинга, проведенного им в с. Маслово, к нему обращались с жалобами местные жители. Все жалобы сводились к одному, что реквизиционные отряды отбирают хлебушек. Положение критическое, люди доходят до изнеможения»¹⁹. Согласно сводкам Воронежского губчека за период с 9 по 23 августа 1919 г.: крестьяне ненавидят продотряды (Землянский уезд); отношение крестьян к продовольственной политике отрицательное (Коротоякский уезд); отношение населения к продотрядам крайне враждебно (Острогожский уезд) [5, с. 185].

На произвол, чинимый коммунистической властью в деревне, крестьянство региона ответило чередой восстаний. В апреле 1919 г. в Коротоякском уезде Воронежской губернии произошли восстания на почве переучета урожая. Крестьяне убили 7 коммунистов, тела которых обезображены, у некоторых были отрезаны нос, уши, конечности [5, с. 129]. В сентябре 1919 г. на почве реквизиции продовольствия вспыхнуло крестьянское восстание в Извальской, Каменской, Воронежской волостях Орловской губернии. Число восставших насчитывало 15–20 тыс. человек [5, с. 207].

¹⁷ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 3. Д. 453. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 3 об.

¹⁹ Там же. Ф. 393. Оп. 13. Д. 284. Л. 204.

Последующая крестьянская война («антоновщина»), охватившая большую часть уездов Воронежской и Тамбовской губерний, стала прямым следствием практики революционного насилия по отношению к крестьянству, осуществляемого коммунистической властью в ходе реализации продовольственной диктатуры. Уроки аграрного большевизма заключаются в необходимости учета экономического положения сельских тружеников в ходе решения властью политических задач, неприемлемость применения насильственных мер по отношению к крестьянству в силу трагизма их последствий.

Литература

1. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
2. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / отв. ред. В.П. Данилов. М., 2003.
3. *Мещеряков Ю.В.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. Тамбов, 2012.
4. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в годы революции и гражданской войны. М., 2001.
5. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. М., 2000. Т. 1. 1918–1922 гг.

**САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 Г.:
ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАГОТОВКИ В КОНТЕКСТЕ
АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КОМУЧА**

Предлагается новая трактовка продовольственной и аграрной политики Комуча. Автор обосновывает тезис о его жестком антипомещичьем курсе. Некоторые уступки крупным землевладельцам связаны с попыткой изъять принадлежавший им хлеб в пользу государства.

Ключевые слова: Гражданская война, продовольственные заготовки, аграрная политика, крестьянство, помещики.

Продовольственная политика Комуча в советской и постсоветской историографии изучалась всегда в связи с аграрной проблематикой. Основные результаты исследования можно свести к тезису о формировании Комучем основы для восстановления помещичьего землевладения и взыскания компенсации с беднейшего крестьянства за использование собственности помещиков и кулаков при советской власти, восстановлении свободного рынка хлебопродуктов в интересах землевладельцев. Такие оценки закладывались «по свежим следам» противниками Комуча [1, с. 27–28]. В.В. Гармиза обратил внимание на то, что законодательство Комуча противоречило декларациям и предусматривало возвращение земли помещикам, которое власти проводили при помощи насильственных мер [2, с. 38]. Данный подход поддерживали и детализировали все советские исследователи, писавшие о повсеместном возвращении помещиков в деревню, наложении властью на крестьян огромных контрибуций за пользование помещичьими землями [3, с. 179–183; 7, с. 96–105; 12, с. 185–191; 13, с. 236–241].

С начала 1990-х гг. изменились акценты, но базовые подходы сохранились. А.В. Калягин в целом повторил основной тезис советской историографии, подкрепив его многочисленными ссылками на архивные документы. Действия Комуча в деревне, с его точки зрения, вели не только к приостановлению земельного передела, но и к обезземеливанию крестьян, получивших наделы от советской власти [5, с. 91–93]. Наиболее корректную оценку аграрной политике Комуча дали В.В. Кондрашин и В.А. Лапандин. Кондрашин оценивал его законо-

¹ Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, vadsvet@list.ru, Россия, г. Новосибирск.

дательство как выработку приемлемого компромисса между крестьянством и помещиками. Земли, подвергнутые «черному переделу», у крестьян не изымали, но с полей, засеянных частными владельцами, урожай должен был принадлежать посевицам. Все разделы земли после 1 июня 1918 г. считались недействительными [8, с. 143–144, 9, с. 108–116]. В.А. Лапандин также отметил, что все распределенные между крестьянами частновладельческие земли сохранились в их пользовании. Но вслед за советскими исследователями он полагает, что, признав право снятия урожая за теми, кто произвел посев, Комуч фактически разрешил помещикам воспользоваться своими угодьями в текущем сельскохозяйственном году [10, с. 138–140].

Истинный смысл комучевского аграрного законодательства становится понятен, только если мы учтем ситуацию в поволжской деревне в 1917–1918 гг. Из 14 млн дес. учтенной в 1917 г. в Самарской губернии земли 7,7 млн являлось крестьянской надельной, 2,8 млн дес. принадлежало 4 тыс. частных собственников, 890 тыс. дес. – обществам и товариществам, 1,4 млн дес. – казне, 0,4 млн – удельному ведомству, 2,5 млн – различным учреждениям (в том числе 430 тыс. дес. Крестьянскому поземельному банку и 630 тыс. дес. церковным учреждениям)².

Аграрная революция 1917 г. в губернии имела специфику даже в сравнении с другими губерниями Поволжья. Собравшийся в марте Самарский губернский крестьянский съезд сформировал Совет крестьянских депутатов, руководители которого отвергали политику «непредрешения». II Самарский губернский крестьянский съезд в мае-июне 1917 г. выработал Временные правила пользования землей, предполагавшие раздел частновладельческих земель. Летом-осенью 1917 г. волостные земельные комитеты осуществили перераспределение частновладельческих и церковных земельных угодий, а также угодий, принадлежащих Крестьянскому поземельному банку и казне, отменили выплату арендных платежей. На основании действовавших правил частным владельцам, в том числе и хуторянам, оставлялась только та земля, которую они обрабатывали личным трудом, и инвентарь в количестве, необходимом для обработки оставленной площади. Повсеместными стали не только раздел земель крупных частных владельцев, но и возвращение отрубов в общинный надел. Временное правительство признало незаконными такие правила и призвало их немедленно отменить. Но руководство Самарского губернского крестьянского совета дезавуировало данное распоряжение правительства, аргументируя тем, что отмена уже свершившегося передела приведет к новым конфликтам.

² Земельный фонд Самарской губернии. Распределение земель по угодьям. Самара, 1918. С. 10–13, 45.

Интенсивность эгалитарных действий неравномерно распределялась по губерниям. В одних волостях земли помещиков и отрубников подверглись разделу уже к лету 1917 г., в других — их не трогали и только взяли на учет, что впрочем, блокировало возможность распоряжаться своим хозяйством под угрозой изъятия, в третьих — к учету еще не приступили.

Однако уже в августе 1917 г. по густонаселенным районам губернии покатилась волна межкрестьянских конфликтов, в том числе и внутриволостных, в связи с неравномерным распределением прирезок. Были и межволостные столкновения, которые разгорались в случаях, если арендаторами спорных участков оказывались не местные землевладельцы, а чужаки. В противоречие вступали две нормы, рожденные революцией: обоснованными считались претензии на землю как тех, кто ее арендовал, так и проживавших в непосредственной близости крестьян. Кроме того, частновладельческие имения и хутора подверглись разорению. Как правило, провоцировали крестьян на такие действия попытки владельцев реализовать свое имущество либо появление конкурирующих претендентов на «помещичьи» ценности.

24 декабря 1917 г. IV Губернский крестьянский съезд поставил задачу взять все помещичьи, хуторские и отрубные, казенные и банковские хозяйства на учет. В целях противодействия погромному движению, губернский и уездные земельные комитеты начали собственный учет частновладельческих имений. Специальный штат делегатов должен был производить описи имущества землевладельцев, и те, которые относились к «ценным», объявлялись общенародным достоянием. Наиболее ценные в агрокультурном отношении угодья подлежали передаче под управление земств, для формирования на их базе показательных опытных хозяйств. Остальные земли следовало распределить между крестьянами³. В первые месяцы 1918 г. этот проект начал осуществляться местными земельными комитетами. Но начало подобной работы не приостановило погромов и разделов частновладельческих хозяйств, не только крупных, но и мелких [6, с. 256–259; 13, с. 16, 19, 25, 33].

К лету 1918 г. аграрная жизнь в губернии претерпела новые перемены, резко осложнявшие и без того напряженную ситуацию. Группы беженцев направились в сельскую местность, занимая пустующие хутора частных владельцев. Куда более грозную силу представляли бегущие красноармейцы и советские работники. Это только в героической советской мемуаристке их изображали либо пробивающимися через линию фронта «к своим», либо прячущимися от чешской контрразведке в трущобах Самары. Документация же земельных органов отра-

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 823. Оп. 4. Д. 1а. Л. 58–59 об.

жает совершенно другую картину. Многие противники Комуча, особенно из числа сельских советских активистов, отступили к отдаленным помещичьим имениям или усадьбам крупных отрубников. Захватив их с помощью вооруженной силы вместе со всем инвентарем, запасами хлеба и фуража, они в августе даже приступили к уборке урожая⁴. За редчайшим исключением, это были поля, засеянные не владельцами, а прошлогодними «захватчиками» их угодий.

Кроме того, усилилась череда межкрестьянских конфликтов на почве уборки урожая с распределенных в прошлом году помещичьих и хуторских земель. Нередко крестьяне оставались недовольны этой спонтанной дележкой первого года⁵. Уездные земельные комитеты летом 1918 г. наводнялись ходатайствами о более справедливом распределении. Эти документы свидетельствуют о массовых случаях отъема у мелких частных владельцев даже частей хозяйств и инвентаря, составлявших трудовую норму. Как стало очевидно, волна дробления крупных волостей на более мелкие в 1918 г., как правило, мотивировалась нежеланием производить уравнительный передел не только надельных, но и захваченных частновладельческих или арендованных угодий с жителями соседних селений внутри волостей. Возникла длительная переписка между волостными и уездными органами и тяжба между волостями. В худшем случае это завершалось драками и даже межселенными побоищами с покалеченными и убитыми.

Приказ № 51 Комуча от 25 июня 1918 г. предписал земельным комитетам завершить начатое при советской власти распределение сельскохозяйственных угодий, руководствуясь законом Учредительного собрания о социализации земли [4, с. 161–162]. Наиболее искаженную трактовку в историографии получил приказ Комуча № 124 от 22 июля 1918 г. о порядке уборки озимых посевов, учета скота и инвентаря [4, с. 198–200]. Именно он и преподносился как восстанавливающий помещичью собственность. По утверждениям советских и большинства современных историков, этот приказ давал право помещикам снимать урожай со своих полей.

В действительности Комуч руководствовался совершенно иными соображениями. Большинство конфликтов в деревне носило явно выраженный имущественный характер. Но ситуация оказалась настолько запутанной, что невозможно однозначно судить, в пользу какого имущественного слоя предлагал решить земельный вопрос Приказ № 124. Его текст провозгласил: «Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 году на 1918 г., как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах, принадлежит тому, кто их произвел». Все споры о собственности на землю переносились на послевоенное время. В теку-

⁴ ЦГАСО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–2 об.

щем году любой посевишник, как законный, так и самочинный, получил право на урожай. Но если трудовые затраты на производство посева оказывались разделены между прежним и новым владельцем/пользователем, то сборщик урожая обязывался их компенсировать. Это касалось, как правило, разных групп крестьянства, споривших между собою за помещичьи и отрубные земли. Кстати, закон применялся на практике и имел за собою даже некоторую обычно-правовую традицию. Прецеденты, когда начинал обработку один пользователь земли, а продолжал ее или снимал урожай другой, возникали и в предшествующем году. Уже правила, утвержденные Самарскими губернскими крестьянскими съездами, предусматривали вознаграждение незаконно захватившим землю лицам, если они успели произвести на ней какие-либо работы. Подобные нормы нужны были именно на случай повторного перераспределения ненадельных земель.

Большинство частных владельцев при Комуче совершенно не рассчитывало вернуть свою землю. Более того, они подверглись новому давлению со стороны властных институтов. В частности, вопреки решениям II и III крестьянских съездов, окладные листы на уплату поземельных сборов направлялись юридическим владельцам земли, хотя никто из них летом 1918 г. не имел возможности извлекать доходы от своей земли. Крестьяне же, пользовавшиеся землей и инвентарем, не несли за них налоговое бремя⁶. В конце июля – начале сентября несколько уполномоченных были направлены в разные уезды Самарской губернии для производства учета частновладельческих хозяйств и в случае признания таковых нетрудовыми (или их части), изъятия их из пользования владельцев. Сохранившиеся акты свидетельствуют, что были описаны десятки «нетрудовых» имений, а также проверена сохранность имущества, описанного при постановке на учет в конце 1917 – начале 1918 г.⁷ Уездные земельные комитеты Самарской губернии восприняли указ Комуча № 124 как основание для завершения учета и переучета земли и инвентаря частновладельческих хозяйств⁸. Никаких поблажек крупным земельным собственникам и никаких компромиссов с ними он не предусматривал.

Был сделан даже новый шаг в изъятии частных владений. 15 сентября Самарская уездная земельная управа распорядилась произвести обследование садов бывших экономий. Сады следовало разделить на две категории – хозяйственные (потребительские или мелкотоварные)

⁶ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1145. Л. 70.

⁷ По Самарскому уезду выявлен список из 25 имений, описанных в этот период и с тревогой отмечалось наличие 7 имений, до сих пор не описанных (Там же. Ф. 768. Оп. 3. Д. 11. Л. 2–3, 5–6; Ф. 823. Оп. 5. Д. 7. Л. 1–3.

⁸ Там же. Ф. 768. Оп. 3. Д. 3. Л. 2.

и промышленные (крупнотоварные). Первые оставались в распоряжении прежних владельцев, а вторые передавались в ведение земства, чтобы послужить основой для организации земского садоводства⁹. Основой для отнесения садов к определенному типу должны были служить документы IV Самарского губернского крестьянского съезда.

Опасения крестьян о том, что у них отнимут едва полученную землю частных владельцев, связано с хлебозаготовительной политикой Комуча. Приказ № 53 от 27 июля 1918 г. отменял твердые цены на хлеб [13, с. 163–164]. Для контроля над хлебным рынком был создан Хлебный совет, обладавший правом регламентации всех продаж и скупки в пользу государства по предельным ценам. Первоначально хлеб для населения и армии правительству собирался поставлять Самарский губернский союз кооперативных объединений, открывший в пределах губернии к началу осени 73 ссыпных пункта. Но к 20 сентября на них удалось заготовить лишь 90 тыс. пуд.¹⁰ Это была капля в сравнении с тем, что поставляла губерния в годы Первой мировой войны и тем, что требовалось, чтобы прокормить Народную армию, перешедшую от добровольческого к мобилизационному принципу комплектования.

Значительная часть товарной продукции в губернии производилась на крупных помещичьих латифундиях, подвергшихся захвату крестьянами либо учету со стороны земельных комитетов, также блокировавших их хозяйственную деятельность. Когда правительство столкнулось с необходимостью заготовить продовольствие для армии, выяснилось, что общинная деревня после уравнительного передела не собиралась поставлять хлеб в значительных количествах. Поэтому Комуч оказался готов трактовать земельные споры в пользу землевладельцев, даже крупных, при условии, что весь собранный хлеб будет продан государству. Как пояснила специальная инструкция к Приказу № 124, урожай, посаженный в 1918 г. усилиями собственников земли, поступает в распоряжение государства. Собственники получали вознаграждение по ценам, установленным Хлебным советом на момент совершения сделки.

Для некоторых собственников это стало шансом получить вознаграждение за посеянный хлеб, а возможно, сжать его под покровительством государства. Данная категория собственников оказалась крайне немногочисленна. Видимо, несколько десятков средних и крупных землевладельцев заключили контракты на поставку хлеба из будущего урожая озимых хлебов. Однако ни одного случая, когда бы условия данного контракта удалось выполнить, выявить не удалось. Зато известны несколько примеров плачевного окончания затеянной земле-

⁹ ЦГАСО. Ф. 768. Оп. 3. Д. 3. Л. 4.

¹⁰ Кооперация и жизнь (Самара). 1918. № 9. С. 20.

владельцами и хлебным советом операции. Архивы сохранили описание только таких случаев. Кстати, далеко не всегда это касалось крупных помещиков. Крестьянин с. Андросовки Николаевского уезда П.Л. Машушкин сообщал, что лишен возможности исполнить свои обязательства перед Хлебным советом в связи с тем, что крестьяне самовольно сжали посеянный им хлеб на площади 100 дес.¹¹ Другой пример — Петр Иванович Шелаболов, владелец 850 дес. посева в Черниговской волости Николаевского уезда, запродав свой урожай Хлебному совету и заручившись поддержкой Губенского земельного комитета, направил своего доверенного для получения от крестьян части распределенного ими своего инвентаря, достаточного для уборки указанного количества хлеба. По его утверждению, крестьяне не просто отказались отдавать инвентарь, но и предупредили, что забрать его можно только вооруженной силой. Не долго думая, П.И. Шелаболов передал право на сбор урожая непосредственно армии, заявляя, что без инвентаря он бессилён выполнить перед Хлебным советом обязательства по поставке хлеба¹². Аналогичная ситуация сложилась с посевами Ивана Ивановича Ковзана, 75 дес. которых были запроданы Хлебному совету на корню. Для их уборки посевщик также заручился разрешением Самарского губернского земельного комитета на право использования инвентаря, учтенного ранее. Но выяснилось, что часть инвентаря распределена между окрестными крестьянами (в документе использовано выражение «расхищена»), а остальное распоряжением Самарской уездной земельной управой изъято и передано в другую волость. Владельцу оставили из его скота среднеловую норму — две лошади и корову¹³. Известен единственный случай посылки вооруженной силы для разрешения земельного спора, но он не связан с попыткой вернуть землю помещику. В Бузулукском уезде на рожь владельца Быкова претендовали крестьяне сразу трех соседних селений. На это почве между ними возник вооруженный конфликт, завершившийся тремя смертями. Пришлось вызывать отряд милиции¹⁴.

В итоге необходимый армии объем хлеба не был заготовлен ни от крестьянских хозяйств посредством кооперативной скупки, ни путем контрактации помещичьего хлеба. Зато инициатива Хлебного совета породила в самарской деревне слухи о возможности возвращения помещиков, а мероприятия земских органов по учету имений и инвентаря частных владельцев с целью организации показательных хозяйств интерпретировались многими крестьянами как реальная подготовка к изъятию у них революционных приобретений, хотя и не в пользу по-

¹¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1144. Л. 164.

¹² Там же. Л. 246—246 об.

¹³ Там же. Л. 347—347 об.

¹⁴ Там же. Л. 310—311.

мешиков. Именно эти слухи и крестьянские страхи, воспроизведенные оппозиционной прессой и, прежде всего, подпольной большевистской газетой «Приволжская правда», а затем усугубленные откровенными фальсификациями в инициированных Самарским Истпартом мемуарах, и послужили основой для историографического мифа о возвращении при Комуче помещиков в самарскую деревню.

Литература

1. *Догоройченков А.* Крестьянство и учредилковщина // Четыре месяца Самарской Учредилки. Самара, 1919.
2. *Гармиза В.В.* Из истории Самарской учредилки // Исторический журнал. 1940. № 8.
3. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970.
4. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов учредительного собрания (июнь – октябрь 1918 года). Публикация / отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2011.
5. *Калягин А.В.* Крестьянство и Комуч (К вопросу о социально-политических настроениях крестьянских масс) // Краеведческие записки. Самара, Вып. X. 2003.
6. *Климушкин П.Д.* История аграрного движения Самарской губернии // Кабытов П.С., Курсков П.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2003.
7. *Кроль Р.И.* Комитет членов учредительного собрания и приход к власти Колчака. Дис. ... канд. ист. наук. М., б.г.
8. *Кондрашин В.В.* Самарский Комуч и крестьянство // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. науч. тр. Тамбов, 2001.
9. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
10. *Лапандин В.А.* Комитет членов Учредительного собрания. Самара, 2003.
11. *Литвин А.Л.* Крах аграрной политики контрреволюции 1918–1919 гг. // Вопросы историографии и источниковедения. Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 71. Казань. 1969.
12. *Литвин А.Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань. 1972.
13. *Троицкий В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Т. II: 1918. Самара, 1929.

**ВОЙНА ЗА ХЛЕБ В УКРАИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1919–1922 ГГ.:
ХАРАКТЕР, МЕТОДЫ И МАСШТАБЫ ИЗЪЯТИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ У КРЕСТЬЯН**

Анализируются методы и масштабы изъятия продовольствия у украинских крестьян в годы Гражданской войны. Определены региональные особенности осуществления продовольственной работы. Сделан вывод о неэффективности советской продовольственной политики.

Ключевые слова: крестьяне, хлеб, разверстка, продотряды, Украина.

Проблема изъятия продовольствия у крестьян в годы Гражданской войны была в центре внимания исследователей при изучении продовольственной политики, военного коммунизма и нэпа, крестьянского повстанческого движения и репрессивно-карательных мероприятий в отношении повстанчества, а также голода 1921–1923 гг. Наиболее важные аспекты данной темы изложены в трудах В.И. Борисова, В.Ф. Верстюка, Ю.Ю. Кондуфора, С.В. Кульчицкого, Ю.К. Стрижкова [1; 2; 7; 8; 11]. По ним можно проследить, как оценка продовольственной политики большевиков эволюционировала от «борьбы за хлеб» для построения социалистического государства (в советской исторической науке) до государственного насилия над крестьянством с применением военной силы (в трудах современных исследователей). По мнению В.П. Данилова, борьба за хлеб создала «новый фронт ожесточенной борьбы и новую форму государственного насилия над крестьянством» [5, с. 222]. Этот второй фронт гражданской войны – борьба крестьян с государством – проходил через каждую деревню, отмечает Т.В. Осипова [9, с. 343].

Несмотря на внимание исследователей, недостаточно изученными остаются особенности насильственного отчуждения продовольствия в украинской деревне, обусловленные нестабильностью советской власти на местах, практическим отсутствием расслоения крестьянства, поведением местных партийных и продовольственных деятелей. Общая характеристика перечисленных аспектов является объектом ана-

¹ Ковалева Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, Украинский государственный химико-технологический университет, boriss2002@ukr.net, Украина, г. Днепропетровск.

лиза данной работы. Источниковую базу исследования составляют воспоминания крестьян, материалы сельских сходов, военных совещаний по борьбе с бандитизмом и доклады партийных инструкторов.

Централизация продовольственной политики в Советской России (превращение ее в продовольственную диктатуру) происходит в мае-июне 1918 г. Политическая власть в украинских губерниях в это время принадлежала Украинской Державе П. Скоропадского, которая допускала режим свободной торговли, привлекая мешочников из российских губерний [4, с. 177]. Фактическое введение большевиками продразверстки в Украине, по мнению исследователей 1920-х гг., произошло почти сразу после освобождения ее территории от немецко-австрийской оккупации [6, с. 335]. Законодательно мероприятия в сфере продовольственной политики были закреплены в январе-апреле 1919 г. Государственная монополия в Украине в 1919 г. вводилась на четыре вида продуктов: хлеб, сахар, чай и соль. Мясо, сало, масло, в отличие от российских губерний, реализовывалось в свободной торговле [12, с. 276]. В 1920 г. в связи с обострением продовольственной ситуации разверстка распространилась на мясо, яйца и отдельные виды овощей [2, с. 238].

Введение государственной монополии на хлеб было вынужденной мерой в условиях острого продовольственного кризиса и необходимости обеспечения продовольствием рабочих и армии. Заготовки имели преимущественно безобменный характер. Продрабoтники допускали произвол при определении излишков, широко использовали грубую силу, а предъявляемые требования были непосильными для крестьян [5, с. 223]. По мнению С.В. Кульчицкого, продразверстку следует считать реквизицией: хотя государство и платило символическую цену за изъятое продовольствие, она не была торговой операцией и не являлась налогом. Ее размер определялся потребностями государства в продовольствии и способностью заготовительных органов изымать выращенную крестьянами продукцию. Интересы крестьян при этом не учитывались [8, с. 111]. Экономическая целесообразность продовольственной политики большевиков оставалась невысокой. По данным В.Ф. Верстюка, при твердой цене 18,4 руб. стоимость пуда хлеба для государства составляла до 1 тыс. руб. Большие средства выделялись на содержание закупочных комиссий, командировки и другие накладные расходы [2, с. 119–120].

В 1919 г. при осуществлении продовольственной политики использовался индивидуальный товарообмен [12, с. 282]. В телеграмме, отправленной 11 июня 1919 г. из Канева в Наркомпрод, руководитель экспедиции Перлин сообщал, что крестьяне требовали от советских заготовительных органов эквивалентного обмена товаров. В первую очередь крестьяне нуждались в соли, за которой приезжали из отдаленных более чем на 70 верст мест. В хозяйстве требовались также мыло, спички. Однако, крестьянам предлагались товары часто плохо-

го качества, в ограниченном ассортименте и по завышенным ценам². Купить сельскохозяйственные орудия и машины при таком неэквивалентном обмене крестьяне не могли, что также вынуждало их отказываться от сдачи хлебных излишков.

Продорганы Херсонской, Подольской, Одесской губерний в июне 1919 г. ходатайствовали о разрешении закупки зерна по рыночным ценам³. Однако, нарком продовольствия А. Шлихтер твердо стоял на принципах декрета от 12 апреля 1919 г. Телеграммой от 15 июня 1919 г. он отменил распоряжение уездвоенкомам Полтавской губернии о самостоятельной заготовке продовольствия по рыночным ценам⁴. В 1920 г. крестьяне требовали обувь и мануфактуру, но товаров для обмена советская власть не имела. В июне 1921 г. цены на товары, предложенные крестьянам в рамках товарообмена, были в 2–4 раза выше, чем цены у спекулянтов⁵. Таким образом, попытки индивидуального товарообмена вызывали критику и недовольство со стороны крестьянства.

По воспоминаниям крестьян, 1919 г. был урожайным. Как свидетельствует Н. Нессин (управляющий культхозом Ивановка Воронцово-Дашковой в Херсонской губернии), хлеб у крестьян брали все «скоропроходящие власти», однако его оставалось достаточно и для пропитания семьи, и для посева [10, с. 207]. В начале 1919 г. Наркомат продовольствия УССР не смог привлечь к работе по изъятию хлеба в деревне украинских рабочих. Рабочие продотряды поэтому с февраля 1919 г. комплектовались из российского пролетариата Москвы и Петрограда: около 2700 чел. были разделены на четыре больших продотряда, работавших в южных губерниях [12, с. 285, 306]. Сформированная в первой половине 1919 г. в Украине продармия была малочисленной и составляла до 5 тыс. чел. [7, с. 44–45; 11, с. 177].

В 1920 г. основным способом заготовки продовольствия стала продразверстка [1, с. 89]. Она все больше приобретала ненормированный и насильственный характер, вплоть до полного изъятия продовольствия у крестьян. Разоренные проходящими войсками зажиточные крестьяне, по воспоминаниям участника продовольственной работы К. Сокола, для выполнения установленной нормы вынуждены были покупать яйца или кур у бедноты [10, с. 162–163, 167]. В Ахтырском уезде Харьковской губернии зажиточные крестьяне прятали хлеб у бедноты и закапывали его в землю⁶. Больше всего от хлебных реквизиций страдало среднее крестьянство и нередко беднота.

² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 95.

³ Там же. Л. 102, 106.

⁴ Там же. Л. 108.

⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 339. Л. 83.

⁶ Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

Традиции общинного распределения продовольственных повинностей в украинском селе, как свидетельствуют материалы сельских сходов, в некоторых губерниях сохранялись до лета 1920 г. Работники 2-го продотряда Харьковского совета рабочих и крестьянских депутатов, работавшие в июне 1920 г. в селах Харьковской губернии, сообщали, что в Сумском уезде разверстку выполняли все крестьяне: и беднота, и зажиточные, причем последние сдавали небольшое количество хлеба. По предписаниям волисполкома разверстка доводилась до сведения хутора или деревни, а крестьяне распределяли ее между собой, как им было удобно⁷. С таким же явлением столкнулся председатель ВУЦИК Г.И. Петровский, посетивший в сентябре 1920 г. с агитпоездом имени В.И. Ленина Правобережную Украину: о выполнении разверстки пропорционально всеми крестьянами шла речь на совещаниях представителей исполкомов в Житомире⁸.

С лета 1920 г. к участию в выполнении разверстки привлекаются члены КНС. На смену малоэффективным агитационно-пропагандистским методам выполнения разверстки приходят комплексные карательно-репрессивные меры по отношению к крестьянству, поощряется инициатива и самодеятельность исполнителей на местах. В июне 1920 г. происходят аресты зажиточных крестьян, занесение сел на черную и красную доски с последующей публикацией об этом в газетах, взятие и расстрелы заложников. В изъятии хлеба кроме продармейцев участвовали также военные части трудармии, войска внутренней службы. Украинская запасная армия выделила из своего состава 68 отрядов общей численностью 5423 чел. (на вооружении имели 53 пулемета) [2, с. 243–244].

Кампании по выполнению продразверстки носили «ударный» характер: продмесяц (июнь 1920 г.), проднеделя (март 1921 г.), в ходе которых тысячи коммунистов и беспартийных работников были мобилизованы в вооруженные хлебозаготовительные отряды, которые направлялись в деревню. В марте 1921 г. в Украине действовало 263 отряда общей численностью до 9,5 тыс. чел. [см.: 3, с. 221]. Успешной была мобилизация в 1921 г. украинских рабочих для продовольственной работы. Они получали обмундирование, командировочные, продовольствие на дорогу, а их семьи – паек. В Екатеринославе в марте 1921 г. для проведения кампании в деревне было мобилизовано 500–530 рабочих (всего явилось около 700 чел.). А мобилизация коммунистов оказалась неудачной – явилось всего 100 чел., при этом большинство шло в деревню неохотно, пытаясь под разными предлогами уклониться от продработы⁹.

⁷ Государственный архив Харьковской области. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 11. Л. 582.

⁸ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 25.

⁹ Там же. Ф. 3204. Оп. 2. Д. 4. Л. 42.

Весной 1921 г. борьба за изъятие хлеба получила систематический характер и была направлена на осуществление посевной кампании, продразверстки и массовое вооружение КНС. В 1921 – начале 1922 г. в продовольственной работе стал широко применяться метод «нажима» (и даже «крепкого нажима»). Определение понятия «крепкий нажим» в продовольственной кампании 1922 г. находим в докладе партийного инструктора В. Матвеева о поездке в Екатеринославскую губернию от 17 декабря 1922 г. В Павлоградском уезде исполком и партийный комитет получили наряд собрать 1,2 млн пудов и 300 тыс. пудов дополнительно. С помощью председателя революционного трибунала и арестов неплательщиков при плохих погодных условиях было собрано 2,2 млн пудов¹⁰.

В 1921 г. к выполнению разверстки привлекаются регулярные части Красной армии, которые боролись с повстанческим движением. В Павлоградском уезде Екатеринославской губернии в апреле 1921 г. разверстку помогали выполнять части 1-й Конной армии¹¹. В Волынской губернии в сентябре 1921 г. на Новоградволинском боевом участке 44-й дивизии – эскадрон кавалерии¹². Особенно проявила себя в выполнении продовольственной работы летом-осенью 1921 г. Донецкая дивизия войск ВЧК. С июля 1921 г. на протяжении трех месяцев ее 16 бригада проводила в Старобельском уезде «генеральную чистку» от бандитизма и вместе с агентами упродкома – выполнение разверстки и продналога. К 1 ноября 1921 г. разверстка была выполнена на 75%, уезд занял лидирующие позиции в губернии. После разгрома повстанческих отрядов часть войска осталась для выполнения продработы и поддержки советского аппарата¹³.

Плохое снабжение армии продовольствием и одеждой вынуждало красноармейцев заниматься «самоснабжением», изымая продовольствие и посевной материал в деревне¹⁴. До полугодного состояния в 1921 г. был доведен Изюмский уезд Харьковской губернии: прошедшие войска (более 100 тыс.) кроме разверстки брали хлеб и фураж¹⁵. Нередко воинские части накладывали на крестьян контрибуцию деньгами, продовольствием, фуражом, одеждой, брали заложников (например, в Купянском и Чугуевском уездах Харьковской губернии). Губернское военное совещание пыталось бороться с таким произволом¹⁶. Однако

¹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1063. Л. 35–41.

¹¹ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 28. Л. 10.

¹² Там же. Д. 22. Л. 18.

¹³ Там же. Д. 25. Л. 10 д об., 13–14, 40.

¹⁴ Там же. Ф. 3204. Оп. 2. Д. 11. Л. 17; Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 37. Л. 8 об.

¹⁶ Там же. Д. 57. Л. 4 а, 12 а.

решения Валковского и Змиевского уездных совещаний по борьбе с бандитизмом о наложении контрибуции хлебом на «бандитские» волости Харьковское губернское совещание оставило в силе¹⁷. Кроме борьбы с повстанческим движением члены военных совещаний по борьбе с бандитизмом занимались и продработой.

Количество собранного продовольствия не соответствовало запланированным показателям, особенно в 1919–1920 гг. При утвержденной в 140 млн пудов разверстке [8, с. 111] в 1919 г. в Украине было собрано, по данным наркома продовольствия УССР А. Шлихтера, около 8 млн пудов хлеба. Половину заготовленного зерна большевики взяли из помещичьих имений, а непосредственно у крестьян – 4–5 млн пудов. Однако в Россию (Москва, Петроград и западный фронт) было вывезено 768 тыс. пудов. $\frac{3}{4}$ заготовленного в 1919 г. зерна осталось в Украине. Для обеспечения украинской армии было выделено более 1,8 млн пудов, городского населения – 3,2 млн пудов (шахтеры Донецкого бассейна получили 493 тыс. пудов). Более 2 млн пудов были разграблены повстанческими отрядами и воинскими частями (около 800 тыс. пудов взяли отряды Махно и Григорьева, а оставшееся растащило местное население) [12, с. 306–308; 2, с. 119; 8, с. 111]. В условиях дезорганизации советских продовольственных органов и крестьянских восстаний в 1919 г. Украина стала главной закупочной базой для нелегальных снабженцев: на долю мешочников приходилось до 90 % вывезенных из украинских губерний продуктов [см.: 4, с. 310].

В 1920 г. разверстка была утверждена в объеме 160 млн пудов. К концу года в украинском селе было собрано 71,5 млн пудов хлеба [8, с. 111, 114]. Несмотря на репрессии, выполнение разверстки шло медленными темпами. Основные проблемы, препятствующие выполнению продразверстки в 1920 г., определили представители КНС на организованной членами агитпоезда имени В.И. Ленина 7–8 сентября 1920 г. конференции в Бердичеве: недоимка в результате отсутствия документов об изъятии хлеба во время военных действий в 1919 г., реквизиции продовольствия проходящими войсками, непосильная разверстка на масло и яйца, острая нужда в соли и промышленных товарах, наложение разверстки на бедняков¹⁸.

В 1921 г. в Украине продолжалось выполнение разверстки урожая 1920 г. (восемь губерний обязаны были сдать 54 млн пудов недоимки), а для урожая 1921 г. был установлен продналог объемом 117 млн пудов [8, с. 193]. При этом недобор зерновых в 1921 г. в результате сокращения посевной площади (в степной полосе Украины на 40 %) и падения урожайности составлял 800 млн пудов или 74 % по сравнению с

¹⁷ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 57. Л. 11 а, 14 б.

¹⁸ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 367. Л. 43–46, 48, 53, 55, 60, 64.

1916 г.¹⁹ Несмотря на это, изъятие хлеба продолжалось. По данным М.И. Фрумкина, с августа 1921 г. по 25 января 1922 г. в УССР было заготовлено по продналогу 58,9 млн из запланированных 68,75 млн пудов²⁰.

Партийные инструкторы, посещавшие Украину в 1920–1921 гг., поддерживали уверенность руководства в изобилии продовольствия в Украине. В докладе от 26 марта 1920 г. по результатам поездки в Харьковскую губернию Г.В. Хитров сообщал, что украинская деревня часто не знала, куда девать хлеб. Он отмечал отсутствие классового деления в украинской деревне («гражданская война... только начинается») и препятствием на пути осуществления продовольственной политики считал «кулаческую» кооперацию²¹. Однако советская власть в украинском селе не имела такой поддержки, как в российских губерниях. Ответственный инструктор ЦК РКП(б) М. Сергушев в докладе о поездке в Екатеринославскую губернию от 10 июня 1922 г. отмечал, что «никакой партийной работы на селе нет и в село партийно мы не проникли»²². То же сообщал в докладной записке о положении Одесской парторганизации в 1922 г. Кубяк: «Украина отличается от Великороссии недостатком партвлияния на деревню»²³.

Партийные инструкторы верно отмечали особенности «украинских условий» (наличие кооперации, отсутствие классового расслоения в украинской деревне, неоднократный пересмотр сметных исчислений, резкое падение поступлений хлеба). Но при разработке продовольственной политики эти особенности не учитывались, а насильственно преодолевались. Когда уже наступил голод, секретарь ЦК Помгол ВУЦИК М. Сирота в докладе о положении в Украине от 30 июня 1922 г. так оценил позицию украинских руководителей и исполнителей: «Держась старых традиций продразверстки и подавшись общему федеративному заданию, что продналог должен быть собран во что бы то ни стало, продорганы УССР не обращая внимания ни на что, даже граничащее с разрушением сельского хозяйства, продолжали продналог взимать, ибо надо было спасать Поволжье, – житницу РСФСР»²⁴.

Переломным периодом в борьбе за хлеб в украинской деревне стала вторая половина 1920 г. Привлечение в 1921 г. регулярной армии способствовало превращению продовольственной работы в войну государства против крестьян. Продовольственная политика большеви-

¹⁹ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 28. Д. 1021. Л. 79–80.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 905. Л. 3.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 27. Л. 34.

²² ЦГАО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1063. Л. 26–27.

²³ Там же. Л. 62.

²⁴ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 1. Оп. 2. Спр. 897. Л. 177.

ков, несмотря на все усилия, была неэффективной. Слепое копирование российского опыта продрабoты без учета украинских условий, привело к практически полному изъятию продовольствия в украинской деревне в 1921 г. и наступлению голода.

Литература

1. *Борисов В.І.* Продовольча політика на Україні (1917–1920). Луганськ, 1991.
2. *Верстюк В.Ф.* Махновщина: Селянський повстанський рух на Україні (1918–1921). Київ, 1991.
3. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. Київ, 2003.
4. *Давыдов А.Ю.* Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб., 2007.
5. *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011.
6. *Карпенко Г.* Рец. на: *Кубанін М.* Махновщина. Л.: Прибой. 227 с. // Літопис революції. 1928. № 3.
7. *Кондуфор Ю.Ю.* Робітничі продовольчі загони на Україні в 1919 році. Харків, 1953.
8. *Кульчицький С.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928). Київ, 1996.
9. *Осинова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.
10. Российская и советская деревня первой половины XX века глазами крестьян: Взгляд из эмиграции. М., 2009.
11. *Стрижков Ю.К.* Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции 1917–1921 гг. М., 1973.
12. *Шліхтер О.Г.* Продовольча справа за років громадянської війни. Харків, 1932.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируются направленность и характер изменений в системе налогообложения крестьянского хозяйства в 1921–1924 гг. Обосновывается вывод об ускоренном росте налогового бремени в первые годы нэпа как важнейшем факторе усиления и радикализации протестных настроений среди населения подмосковной деревни к середине 1920-х гг.

Ключевые слова: нэп, аграрная политика, налогообложение, крестьянское хозяйство, Московская губерния.

Необходимость радикального пересмотра советской экономической политики в начале 1920-х гг. неизбежно требовала отказа от разверсточных принципов обложения крестьянского хозяйства, ставших основой военно-коммунистического режима и полностью изживших себя к этому времени. Решение X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом», принятое 15 марта 1921 г., ознаменовало принципиальный поворот в аграрном курсе новой власти. Однако в процессе его дальнейшей разработки и воплощения продолжалось достаточно острое противоборство между различными силами внутри партии и в государственных органах по вопросам установления размеров налога, его структуры, принципов обложения, прогрессии, оптимальных сроков сбора и др. Определяющее влияние на выбор приоритетов оказывала конкретная экономическая и социально-политическая обстановка в деревне.

Очевидные экономические преимущества натурального налога перед продразверсткой отодвигали на второй план многие несовершенства формировавшейся налоговой системы, в значительной степени отягощенной элементами военно-коммунистического подхода к решению продовольственного вопроса. Ограничение размеров налогового задания, обложение каждого отдельного хозяйства вместо круговой поруки, определение размеров оплаты по внешним признакам (размерам пахотной площади, количеству скота, числу едоков и урожайности) давали крестьянам стимул к активизации хозяйственной

¹ *Ковалев Дмитрий Владимирович*, доктор исторических наук, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

деятельности. Отныне они твердо знали, что повышение ее доходности вследствие улучшенной обработки земли или расширения посева не приведет к резкому увеличению налогового бремени. В то же время дальнейшая конкретизация намеченных принципов и решение организационно-технических вопросов зачастую складывались не в пользу мужаика.

Инерция военно-коммунистических начал в разработке налоговой системы проявилась вполне определенно, тем более, что непосредственное практическое воплощение ее возлагалось, главным образом, на плечи старого продовольственного аппарата, отточившего методы работы в условиях «чрезвычайщины». В этом отношении переход к продналогу в Подмоскowie характеризовался, пожалуй, особой противоречивостью. Фактор прямого взаимодействия с Москвой как столичным центром обусловил более строгий контроль со стороны центральных органов за губернскими властями, стремившимися, в свою очередь, не допускать «излишнего либерализма» в аграрной политике. Поэтому необоснованная оценка реальных возможностей крестьянского хозяйства, игнорирование их в ходе определения тяжести налогообложения стали для губернии характерным явлением на начальном этапе нэпа.

Вопреки главному тезису официальной пропаганды, декларировавшему значительное понижение величины налога относительно продразверстки предшествующего года, в столичном регионе наметилась прямо противоположная тенденция. По основным видам сельхозпродукции размер налогового задания более, чем вдвое превзошел разверстку 1920/21 г. При этом налог на «продовольственные хлеба» (рожь) превысил соответствующую норму по разверстке в 2,6 раза, несмотря на то, что производство ржи в губернии даже наполовину не покрывало потребностей самого крестьянина. По другим видам сельхозпродукции намеченный объем продналога также оказался намного больше прошлогодней разверстки.

	Продразверстка 1920/21 гг. (тыс. пуд.)	Натуральный налог 1921/22 гг. (тыс. пуд.)	Удельный вес в общей структуре натурального налога (%)
Рожь	120	315	34
Овес	200	413	15
Картофель	2 400	3 786	28

Источники: РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 375. Л. 8; Ф. 478. Оп. 1. Д. 375. Л. 8; [7, с. 276–277]; Продовольственная газета. 1922. 16 мая.

Как следует из приведенных выше данных, совокупная доля указанных культур в составе налогообложения крестьянского сельского хозяйства в Московской губернии достигла 77 %. Поэтому значительное превышение суммы налога по ним в сравнении с продразверсткой

явилось определяющим с точки зрения тяжести государственных поборов, возлагаемых на крестьянское население Подмосковья. Подобная противоречивость налоговой политики была подвергнута критике на состоявшемся в начале июля 1921 г. III губернском съезде советов. Один из делегатов, в частности, заявил: «Мы не можем стать на тот путь, что у нас продналог явится гораздо большим бременем, чем продразверстка»². Однако возражения, прозвучавшие на съезде, не изменили ситуации. Напротив, расширение посевных площадей в регионе и сравнительно высокая урожайность на фоне критической ситуации с продовольствием по всей России из-за засухи в хлебопроизводящих губерниях послужили основанием для дальнейшего увеличения ранее установленных для Подмосковья норм налогового задания. К началу продналоговой кампании 1921 г. Московский губпродком повысил его по ржи — до 352 тыс. пуд., овсу — 414 тыс., картофелю — 3 805 тыс.³ Непосредственно в процессе сбора продовольственного налога были также пересмотрены и эквиваленты замены одних продуктов другими. Так, один пуд ржи Моспродкомом приравнялся не к четырем, как определялось декретом СНК от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на хлеб, картофель и масличные семена», а к шести пудам картофеля⁴. В условиях сокращения посевов под ним почти на 40 % указанный эквивалент по существу увеличивал налог настолько, что подмосковное крестьянство предпочло сдать в счет налога по картофелю 470 тыс. пуд. ржи, производство которой, как отмечалось выше, далеко не обеспечивало и его собственные потребности⁵.

Таким образом, провозглашенные принципы перехода к продналогу в столичном регионе при проведении первой продналоговой кампании не были реализованы. В количественном отношении налог здесь оказался гораздо большим бременем для крестьянина, нежели продразверстка. Целый ряд корректив, внесенных в него не только в подготовительный период, но и уже на стадии выполнения, не давал возможности крестьянину до проведения посевной выяснить точный объем продукции, сдаваемой государству по налогу. Тем не менее, общий позитивный смысл изменений в аграрной политике, связанных с переходом от продразверстки к натуральному налогу, был очевиден для крестьянства. Ограничивая государственное вмешательство в производственную деятельность взиманием, хотя и условно, но фиксированного налога и расширяя тем самым сферу его хозяйственной само-

² Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 66. Оп. 19. Д. 99. Л. 243.

³ Там же. Д. 100. Л. 532.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 38. Ст. 204; Коммунистический труд (Москва). 1922. 6 янв.

⁵ См.: Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии. 1927 г. М., 1928. С. 112; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 19. Д. 100. Л. 532.

стоятельности, они открывали сельхозпроизводителю реальную перспективу экономического роста.

На этом фоне затруднения в ходе продналоговой кампании 1921 г. воспринимались основной массой крестьянского населения как временные и обусловленные, прежде всего, послевоенной разрухой и бедственным продовольственным положением в стране. Поэтому, стремясь не провоцировать государство на возврат к чрезвычайной политике, подмосковная деревня прилагала большие усилия для выполнения налога, чему также в немалой степени благоприятствовал хороший урожай. К началу следующего года было собрано 93,4 % общей суммы налогового задания, определенного для губерний⁶, что в сравнении с результативностью вдвое меньшей продрозверстки явно обнадеживало. Красноречивым свидетельством перелома в настроениях крестьянства явилось и то обстоятельство, что Московская губерния стала единственным регионом, где при взимании продналога 1921/22 г. не проводилось выездных сессий Ревтрибунала и не применялись военные постои⁷.

В то же время опыт первого года работы заострил внимание продорганов на серьезных недостатках системы налогообложения крестьянства, главным из которых стали множественность налогов и большой разброс во времени их введения. Перечень видов сельхозпродукции, сдаваемой по налогу в 1921/22 г., насчитывал от 13 до 18 (в зависимости от региональных особенностей хозяйствования) наименований. Для Московской губернии устанавливались натуральные налоги на рожь, овес, картофель, масличные семена, сено, молочные продукты, яйца, волокно, шерсть, овощи, мед, птицу и пушнину⁸. Соответствующие распоряжения издавались с весны до осени. Так, 28 марта 1921 г. было опубликовано постановление Совнаркома о натурналоге на хлеб, 21 апреля – на картофель и масличные семена, затем – на молочные продукты, 10 мая – на льняное и пеньковое волокно, 11 мая – на шерсть и табак, 12 мая – на сено, 31 мая – на мясо, 3 июня – на продукты пчеловодства и т.д. Последний налог – на домашнюю птицу – был принят 15 сентября 1921 г. Кроме того, согласно декрету, точный размер натурналога с каждого крестьянского хозяйства устанавливался «по урожайности в данной местности», которую можно было определить лишь летом, то есть уже после проведения посевной. Все это делало предварительные расчеты налога с каждого конкретного хозяйства более чем условными. Поэтому при разработке государственно-хозяйственными органами проекта продналога на следующий заготовительный год ключевыми проблемами стали унификация обложения и своевременность уведомления плательщиков о его размерах.

⁶ Коммунистический труд. 1922. 6 янв.

⁷ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 51.

⁸ Налоги. М., 1927. С. 40.

Согласно декрету ВЦИК и СНК «О едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922–23 гг.» от 17 марта 1922 г., вместо множества натуральных ставок устанавливался один, предполагавший единство окладного листа, платежных периодов и общую единицу исчисления — пуд ржи. Эквивалент замены его другими продуктами вырабатывался местными продовольственными комитетами совместно со статистическими и земельными органами. Они же определяли и коэффициент перевода сенокосной земли и продуктивного скота в десятину пашни, не допуская при этом уменьшения суммы налога, установленного для той или иной местности⁹.

В Подмосковье натуралог на сельхозпродукты 1922/23 г. оказался в два с лишним раза больше прошлогоднего: предполагалось собрать всей продукции в переводе на хлебные единицы (пуды ржи) 2812 тыс., тогда как год назад — 1392 тыс. пудов¹⁰. Однако, несмотря на столь резкое повышение налогового задания, заготовительная кампания в губернии проходила довольно успешно и была завершена уже к 1 октября 1922 г., т.е. значительно раньше, нежели в других регионах¹¹. Безусловно, этому во многом способствовало упрощение системы налогообложения. Немалую роль сыграло и постановление ВЦИК о 10%-ной скидке для хозяйств, уплативших налог в назначенный срок. Но главной причиной, обусловившей успех второй налоговой кампании в подмосковной деревне, явился необычайно быстрый экономический подъем, который она в отличие от других регионов России переживала уже в первые годы нэпа (почти 40-процентный рост посевных площадей, наивысшая по стране урожайность зерновых, восстановление и даже превышение довоенного поголовья скота и др.). Это позволило крестьянам без чрезмерного напряжения сил справиться с налоговым заданием.

Между тем, уровень налогообложения в столичной губернии был достаточно высок. В среднем на одно хозяйство продналог здесь составлял приблизительно 10 % валового производства сельхозпродукции или около 8 руб. 60 коп. (в золотых рублях), что не являлось чрезмерным бременем для производителя. Однако с учетом хозяйственных затрат, поглощавших до половины валового продукта крестьян, и такая сумма отнюдь не была символической, оставляя в их распоряжении чуть более 40 % условно чистого дохода, то есть около 35 руб., или 7 руб. на душу¹². Этого едва хватало, чтобы обеспечить продовольственные нужды самой семьи, заставляя ее «отказываться от части хозяйственных расходов» в пользу потребления, на что обоснованно указывал Л.Н. Литошенко [4, с. 494].

⁹ СУ РСФСР. 1922. № 25. Ст. 284.

¹⁰ Рассчитано: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 827. Л. 46; Оп. 1. Д. 680. Л. 89.

¹¹ Налоги. С. 43.

¹² Рассчитано: Московская деревня. 1923. 21 марта.

Однако помимо продналога, крестьянин вносил еще целый ряд платежей. В частности, губфинотделом взимались подворно-поимущественный и общегражданский налоги, органами Наркомтруда — трудгужналог. Последний являлся наиболее обременительным для деревни, отвлекая и работника, и лошадь, хотя и выполнялся, главным образом, в свободное от сельхозработ время¹³. Не случайно, крестьяне Сергиевской волости Волоколамского уезда едко нарекли этот вид государственной повинности «красной барщиной»¹⁴. Впрочем, натуральные отработки также могли быть заменены компенсацией в денежной форме «соответственно рыночной стоимости установленной нормы работы в том районе, где происходит замена»¹⁵. В среднем на один крестьянский двор в Московской губернии по налогообложению 1922 г. приходилось (в переводе на золотой рубль):

Продналога	8 руб. 60 коп.
трудгужналога (в денежном эквиваленте)	6 руб. 70 коп.
подворно-поимущественного налога	1 руб. 40 коп.
общегражданского налога	11 коп.

Всего

16 руб. 81 коп.

Источники: Московская деревня. 1923. 21 марта; Коммунистический труд (Москва). 1922. 14 янв.

Кроме этого, исполкомами местных советов вводились всевозможные местные сборы (школьный, больничный и др.), которыми крестьян, по их словам, «просто задержали». «После уборки полей, — вспоминал один из земледельцев Волоколамского уезда о 1921–1922 гг., — бывало, сразу свезешь продналог, а затем не успеваешь просто поворачиваться: трехфунтовый сбор Помгола, яичный налог, масляничный налог, подворно-поимущественный налог, гражданский налог, трудгужналог, страхование посева, страхование строений, а затем производили сборы для больницы, для постройки ветеринарного пункта, для школы... просто беда — задушили» [3, с. 40–41].

В совокупности все налоговые платежи забирали не менее восьмой части доходов крестьянина, получаемых от сельского хозяйства¹⁶. При-

¹³ Из шести трудодней на каждого «трудообязанного» и такого же числа «конедней», приходившихся на единицу рабочего скота, три (половина годового задания) — предписывалось отработать до начала посевной (с января по март), два — по завершении уборки урожая (с октября по декабрь) и лишь один — в сезон сельхозработ (с апреля по сентябрь) (СУ РСФСР. 1921. № 79. Ст. 665).

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 106. Л. 143.

¹⁵ СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 696.

¹⁶ Московская деревня. 1923. 21 марта.

чем, главная тяжесть налогообложения ложилась на плечи той части сельского населения, которая в основном занималась сельским хозяйством, поскольку увеличение ставок по главным налогам (продовольственный и трудгужповинность) определялось размерами землепользования и количеством скота.

В отличие от губпродкома, располагавшего сильным налоговым аппаратом, сформировавшимся, по сути, еще со времен «военного коммунизма», Губфинотделы и губернские отделы труда были плохо приспособлены к налоговой работе в деревне и налаживали ее с большим трудом. К тому же действия всех трех ведомств были слабо скоординированы между собой и если продналоговая кампания в целом проходила достаточно благополучно, то сбор поимущественного и общегражданского налогов, а также выполнение трудгужповинности не соответствовали государственному заданию. Это обстоятельство во многом предопределило дальнейшую унификацию налогообложения крестьянства.

С 1923 г. вместо четырех основных налогов в деревне декретом ВЦИК от 10 мая вводится единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), взимание которого предполагало и соответствующую реорганизацию фискальной системы. Отдел труда ликвидировал свою налоговую часть, Московский губпродком с 1 мая прекратил существование как самостоятельное учреждение и вошел в структуру Мосфинотдела в качестве Особой части по сбору ЕСХН. Таким образом, в губернии остался только один налоговый аппарат – Московского финансового отдела.

Слияние аппарата продорганов с финансовым диктовалось также и задачами денатурализации налоговых сборов. Частичный переход от натуральной формы налога к денежной был предпринят в губернии еще в ходе продналоговой кампании 1922/23 г., когда 24,4 % общей суммы было уплачено облигациями Первого хлебного займа. Помимо этого, еще на 300 пудов было внесено в порядке исключения деньгами. Но в 1923/24 г. деньги и облигации уже принимались в неограниченном количестве, а натуральная часть налога лимитировалась определенным процентом к его общему размеру по каждому хозяйству. По отдельным уездам этот процент менялся в зависимости от распространения неземледельческих заработков среди крестьян. В четырех уездах: Московском, Богородском, Егорьевском и Орехово-Зуевском продукты в счет налога не принимались совсем. Всего по губернии за год поступило натурой только 1,2 % налога, остальная часть – в денежной форме (11,8 %) и облигациях Второго хлебного займа (86,6 %) ¹⁷.

Общая сумма ЕСХН, установленная для Московской губернии после объединения перечисленных выше налоговых платежей, возросла по сравнению с натуральным налогом 1922/23 г. почти на треть и составила в зерновом эквиваленте 4 200 тыс. пудов, что соответствующим образом сказалось и на увеличении ставки налогообложения. Так, если

¹⁷ Налоги. С. 48.

по продналогу 1922/23 г. в среднем на одну крестьянскую душу в губернии приходилось 1 руб. 65 коп., то по единому сельхозналогу 1923/24 г. — около трех рублей¹⁸.

В принципах обложения и способе исчисления налога каких-либо существенных изменений не произошло: душевой размер пахотно-сенокосной земли по-прежнему оставался определяющим критерием группировки крестьянских хозяйств в таблице налоговых ставок. В то же время следует отметить, что с 1923 г. из обложения был исключен мелкий скот, а также весь молодняк. Но наряду с крупным рогатым теперь учитывался и взрослый рабочий скот, с которым ранее было связано распределение трудгужповинности. Кроме того, вводился ряд льгот для экономически слабых категорий крестьянства, семей красноармейцев и хозяйств, применяющих улучшенные способы земледелия и производящих значительные агрокультурные преобразования.

Тяжесть ЕСХН для подмосковного крестьянства, хотя и была достаточно велика, но с учетом отмены трудгужповинности, подворно-поимущественного и общегражданского налогов она отнюдь не являлась непосильной. Налоговые ставки в столичной губернии по своей величине заметно уступали среднероссийским, и в процентном отношении к валовому сбору сельхозналог здесь оставался значительно ниже, чем в других губерниях¹⁹. Такое положение объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, налоговые органы стремились более или менее адекватно учесть невысокую доходность сельского хозяйства, характерную для большинства районов Подмосковья. Кроме того, установив относительно высокий размер натурального налога в 1921 и 1922 гг., власти опасались форсировать его увеличение в 1923 г., дабы избежать осложнения политической ситуации в деревне столичного региона. Наконец, в момент определения величины сельхозналога на 1923/24 г. виды на урожай в губернии были неудовлетворительными из-за дождливого лета, однако улучшение погоды в дальнейшем позволило собрать урожай «не ниже общесоюзного», что значительно облегчило положение плательщиков²⁰. Недобор составил всего 3,2 %²¹.

Дальнейшая работа по совершенствованию системы обложения ЕСХН была, прежде всего, связана с решением задач стабилизации денежного обращения в стране. В частности, завершение финансовой реформы и переход к новой валюте (червонцу) делали необходимой полную и окончательную денатурализацию налоговой системы. Поэтому с 1924 г. и сельскохозяйственный налог принимался уже исключительно в денежной форме или облигациях Крестьянского займа, выразившегося в золотых рублях, а не в хлебных единицах. Соот-

¹⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 27. Д. 3. Л. 6; Московская деревня. 1923. 21 марта.

¹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 10; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 578. Л. 6.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 10.

²¹ Рассчитано: Налоги. С. 55; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 26.

ветственно, ставки нового налога устанавливались не в пудах ржи, а непосредственно в рублях и копейках. Вместо разрядов урожайности, согласно новой системе исчисления налога, вводились разряды доходности одной десятины пашни по каждому уезду, волости, а в отдельных случаях — и селениям.

Были внесены принципиальные усовершенствования и в методику расчета налоговых ставок. Как отмечалось выше, до 1924 г. налогообложение крестьянства строилось на основе так называемой «ступенчатой шкалы», в соответствии с которой крестьянские хозяйства при составлении таблицы налоговых ставок группировались по количеству пахотно-сенокосной земли, приходящейся на одного едока. При такой системе малейшее превышение величины землеобеспеченности, установленной для той или иной группы, приводило к резкому скачку налоговой ставки, по которой облагался не только излишек, но и остальные угодья. В результате хозяйство, имевшее самое незначительное количество земли сверх определенной нормы, должно было вносить налог втрое больший, нежели при отсутствии этого излишка. Описанную ситуацию в деревне называли «мертвой петлей». Про крестьянина, оказавшегося в таком положении, говорили: «попал в петлю»²². С 1924 г. вместо «ступенчатой» была введена «скользящая» прогрессия, предполагавшая последовательное прогрессивное обложение каждой отдельной десятины на едока, а число групп по количеству земли сокращалось с десяти до трех: меньшей, средней и высшей.

В целом, новая таблица ставок налогообложения для Московской губернии приобрела следующий вид:

Разряды обложения	Обложение первой четверти дес. на едока	Обложение излишка сверх четверти до 1 дес. на едока	Обложение излишка сверх 1 дес. на едока
I	70 к.	2 р. 10 к.	3 р. 50 к.
II	80 к.	2 р. 40 к.	4 р. 10 к.
III	90 к.	2 р. 80 к.	4 р. 70 к.
IV	1 р. 00 к.	3 р. 20 к.	5 р. 40 к.
V	1 р. 20 к.	3 р. 70 к.	6 р. 20 к.
VI	1 р. 40 к.	4 р. 20 к.	7 р. 10 к.
VII	1 р. 60 к.	4 р. 90 к.	8 р. 20 к.
VIII	1 р. 80 к.	5 р. 60 к.	9 р. 40 к.
IX	2 р. 10 к.	6 р. 50 к.	10 р. 30 к.

Источники: [2, с. 36]; Памятка крестьянину Московской губернии по Единому сельскохозяйственному налогу на 1924–25 год и Крестьянскому займу. М., 1924. С. 13.

Данный принцип исчисления сельскохозяйственного налога был разработан и предложен Учетно-статистическим отделом Московско-

²² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 16.

го губпродкома еще весной 1922 г.²³, но не получил одобрения центральных органов и, прежде всего, Наркомпрода, где посчитали, что его реализация на практике приведет к уменьшению общей суммы налога. Кроме того, в период становления налоговой системы проблема выравнивания прогрессии была хотя важной, но отнюдь не главной, а ее решение усложнялось множеством технических трудностей, обусловленных натуральной формой налогообложения. Поэтому инициатива Моспродкома получила практическое воплощение только в 1924 г.

Вместе с тем, общий размер налогового задания Московской губернии вновь был значительно увеличен и достиг 5325,88 тыс. рублей, что почти на треть превысило сумму сельхозналога 1923/24 г. в денежном выражении²⁴. Главной причиной этого, как следовало из официальных разъяснений, стала замена местных налогов с крестьянского населения 25-процентной надбавкой к государственному окладу с последующим отчислением ее в местный бюджет. В действительности, по своей величине она намного превзошла отмененные местные платежи, удельный вес которых в общем объеме налогов, взимаемых с крестьянства, не превышал одной десятой части.

Усиление налогового бремени было обусловлено, прежде всего, решительными мерами властей по сокращению в 1924 г. бюджетного дефицита, в результате чего значительная часть государственных расходов передавалась на места. Главным источником поступлений для их покрытия, разумеется, становилась деревня.

Применительно к Подмосковию резкое повышение сельхозналога также оправдывалось существенным приростом валовой продукции сельского хозяйства, составившим 7 713 тыс. руб., или 9 %²⁵. Это обстоятельство приобретало особую значимость на фоне засухи, поразившей зерносеющие районы юга и юго-восточной части европейской России, где традиционно уровень налогообложения крестьянского хозяйства был выше, нежели в губерниях Промышленного центра. К тому же, по убеждению, сложившемуся в партийном и советском руководстве подмосковного региона, увеличение тяжести налога здесь компенсировалось широким распространением среди сельского населения прибыльных промыслов, многие из которых не учитывались при налогообложении²⁶. Однако крестьянские семьи, имевшие солидный доход от такого рода деятельности, как правило, облагались, помимо сельскохозяйственного, промысловым налогом. В остальных же случаях промыслы имели подсобное значение и, по большому счету,

²³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 633. Л. 16.

²⁴ Московская деревня. 1924. 23 ноября.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 20.

²⁶ Там же. Оп. 84. Д. 834. Л. 49.

лишь затыкали дыры в бюджете малоимущих крестьянских хозяйств, не давая им сколько-нибудь существенных излишков. При этом необходимо подчеркнуть, что огромное число сельских жителей утратило возможность получения неземледельческих заработков вследствие массовых сокращений на предприятиях Москвы и уездных городов, вызванных жестким ограничением бюджетного финансирования в 1924 г.

В сложившихся условиях основная масса крестьянства губернии отнеслась к увеличению налогового бремени с крайним раздражением. Недовольство экономической политикой государства, нараставшее в течение всего 1924 г., особенно обострилось к осени, когда началась налоговая кампания и произошел новый скачок цен на промышленные товары. Протест против чрезмерного налогообложения уже выражался не только в отказах принять окладные листы, но и в постановлениях волостных конференций, требовавших снижения налога на 50 %²⁷. Только официально было зарегистрировано 31214 жалоб на необоснованно завышенные размеры налогообложения. То есть их подали почти 10 % всех домохозяев. Причем, уездные исполкомы в подавляющем большинстве случаев (72 %) удовлетворили ходатайства об уменьшении налоговых платежей²⁸.

Опережающие темпы наращивания налогового бремени, усиление нагрузки на имущие категории хозяйств, рецидивы военно-коммунистических подходов в решении хозяйственных и политических вопросов способствовали нарастанию критики в адрес властей. Обострение социально-экономических проблем деревни привело к стремительной политизации ее населения. Повсеместно звучали требования «советов без коммунистов», создания крестьянского союза, перевыборов «снизу-доверху», пропорционального представительства в органах власти, общественного контроля над деятельностью исполкомов местных советов, а в ряде селений Дмитровского и Орехово-Зуевского уездов даже шли толки о своевременности созыва Учредительного собрания [5, с. 187]²⁹.

Радикализация настроений подмосковного крестьянства, насколько позволяют судить информационные сводки местных парткомов, в наибольшей степени была связана с протестами против несправедливого и необоснованного налогообложения, которое не соответствовало экономическому положению большинства сельхозпроизводителей [8, с. 67]. Осознание этого обстоятельства руководством страны обусловило кардинальную либерализацию аграрной политики под лозун-

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 31. Д. 39. Л. 20.

²⁸ Рассчитано: Московская деревня. 1925. 1 января.

²⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 47. Л. 151; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 107. Л. 6, 86, 87, 116, 120, 127, 132 об.; [1, с. 10; 6, с. 13].

гом «лицом к деревне» и, в частности, беспрецедентное (более чем на 40 %) снижение сельскохозяйственного налога весной 1925 г. Впрочем, решение сократить тяжесть обложения вызрело в партийно-государственных верхах еще до начала налоговой кампании предыдущего года, в обстановке назревания политического конфликта во взаимоотношениях власти и населения нэповской деревни.

Литература

1. *Бауман К.И., Любимов И.Е.* Партия и оживление работы Советов. Стенограмма инструктивного доклада в МК РКП 3 марта 1925 г. М., 1925.
2. *Гуров П.Я.* Положение о едином сельскохозяйственном налоге на 1924 год. М., 1924.
3. *Дорофеев Я.* Деревня Московской губернии. М., 1923.
4. *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
5. Наше Отечество (Опыт политической истории). Ч. II / Ковалев С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И и др. М., 1991. Т. 2.
6. Неизвестная Россия. XX век. Кн. Четвертая / Гл. ред. В.А. Козлов. М., 1993.
7. Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства Советской власти. Сб. статей и материалов. М., 1920.
8. *Роголина Н.Л.* Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И «АНТИГОРОДСКИЕ» НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ НЭПА

В статье характеризуются «антигородские» настроения крестьянства в годы нэпа. Сделан вывод, что недовольство крестьян налогообложением чаще всего выражалось в крайне негативном отношении к жителям городов, что заставляло государство корректировать аграрную политику.

Ключевые слова: деревня, город, «антигородские» настроения, налоговая политика, крестьянство, нэп.

Одной из проблем, порождавшей противоречия российского общества 1920-х гг., были взаимоотношения города и деревни. Сложность этих противоречий определялась самим характером переходной эпохи: именно здесь сталкивались остатки буржуазных и даже добуржуазных отношений, мощные процессы, рожденные войной и разрухой, стихийным стремлением масс быстро и радикально реализовать свои социальные идеалы.

Обострение кризиса в 1921 г. расширило сферу поисков путей его преодоления, что потребовало отказа от характерной для «военного коммунизма» узкоклассовой трактовки города и деревни (рабочий класс – крестьянство) и перехода к более широкому осмыслению этих категорий как сложных социально-поселенческих структур. О том, что старый «военно-коммунистический» подход к проблеме города и деревни уже не соответствовал изменившимся условиям, свидетельствовало оживление «антигородских» настроений в деревне. С завершением гражданской войны и в результате известной нивелировки крестьянства внутридеревенские антагонизмы как бы отступили на второй план и в ходе колебаний середняка как в одну, так и в другую сторону, фактор внутренней «солидаризации» деревни в целом стал более ощутимым.

Вопросами, вокруг которых обострялись противоречия, были различие в городском и деревенском образах жизни, налоговом обложении. Весной 1921 г. на крестьянских собраниях, в письмах в газеты все чаще стал выдвигаться вопрос: «Почему городские рабочие не платят ни разверстки, ни налога?»². Петроградский губком сообщал, что в

¹ Филимонов Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, vjfilim@yandex.ru, Россия, г. Калуга.

² Беднота. 1921. 31 марта.

ходе разъяснительной кампании по продналогу приходилось встречаться с заявлениями, что «все тяготы налогов несут крестьяне, а рабочие этого не несут», призывами отказаться от уплаты налогов, так как за их счет «коммунисты шьют себе галифе».

Примечательно, что подобные настроения охватили не только собственно деревенские поселения, они глубоко проникли в малые города, население которых было преимущественно мелкобуржуазным. Так, на уездной беспартийной конференции, состоявшейся в январе 1921 г. в Перемышле Калужской губернии, антисоветски настроенные элементы выступали против участия в конференции коммунистов из Калуги, заявляя, что «разруха произошла не по вине крестьян, а по вине партийных товарищей»³. Газета «Беднота», анализируя в передовой статье причины недовольства крестьян, писала: «Далеко не все крестьяне согласны с тем, что разруха — результат войны. Многие крестьяне склонны приписать упадок промышленности лодырничанью рабочих»⁴.

Кулацкие элементы в деревне использовали переживаемые трудности для разжигания антисоветских настроений, которые приобретали окраску антигородских. Из деревень Петроградской губернии сообщали, что местные кулаки запугивали крестьян: «Скоро крестьянству конец. Придут рабочие из своих городов и прогонят нас со своей земли» [3, с. 419]. «Крестьянин — Пугачев первых лет революции, — писал издававшийся за рубежом журнал «Социалистический вестник», — теперь значительно эволюционировал <...>. Прежде всего, он частный собственник. Многое пережившее и испытывшее за эти годы, крестьянство научилось управлять, правда, пока еще в пределах своей волости оно успешно борется [выделено в источнике. — В.Ф.] за свои интересы против большевиков и города»⁵.

Поворотным пунктом в изменении настроений крестьянства стало решение X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом. Влияние этого факта на политическую жизнь деревни широко отражено в исторической литературе. Мы же отметим, что съезд партии положил начало преодолению враждебности крестьянства по отношению к городу, ибо сельский житель видел, что из города исходит инициатива в деле хозяйственного возрождения деревни. Показательно, что крестьяне сразу приняли решения съезда, хотя и с известной долей настороженности, недоверия.

Для иллюстрации данного тезиса обратимся к крестьянским письмам, опубликованным в первые же дни после закрытия съезда. «В Ок-

³ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6. Л. 8–12.

⁴ Беднота. 1921. 6 марта.

⁵ Цит. по: Петроградская правда. 1922. 17 авг.

тябрьскую революцию,— писали крестьяне Урусовской волости Тульской губернии,— мы все, как один, встали на сторону большевиков, потому что эта революция дала нам землю и с нею закончилась затеванная буржуями война. Но потом, когда стала проводиться продразверстка, дело пошло круче, и многим из нас стали такие порядки не по душе. Особенно не нравились нам продотряды <...>. Каково же было наше удивление и радость, когда мы только что прочитали о намерении центральной власти объявить замену разверстки налогом. И пусть этот закон распространят по всем деревням. У нас еще не все верят, что мы заживем по-новому. Надо убедить всех, что возврата к старому не будет <...>. Уже теперь все вздохнули свободно. В деревне будто за постом наступила пасха. <...> голосов против Советской власти уже не слышно. Все заботы только об одном — как бы улучшить свое хозяйство и, узнавши наверняка о налоговом законе, посеять побольше, чтобы быть с излишками»⁶. Петроградский уездный комитет сообщал, что до введения продналога кампания по выборам посевокомов шла с большими трудностями, были разговоры о «барщине», «погонялке». «Сейчас, понятно, этих криков нет, — писалось в отчете,— это сделал декрет о продналоге»⁷.

Однако то, что крестьяне с пониманием восприняли решения съезда, не отменяло необходимости организаторской работы по проведению этих решений в жизнь. Предстояло преодолеть известное недоверие крестьянства ко всему, исходящему из города, разъяснить долгосрочный характер принятых мер, предупредить возможные извращения при проведении их в жизнь. При этом следовало учитывать, что политическое воздействие города на деревню в условиях нэпа находилось под влиянием двух тенденций, обусловленных характером самой новой экономической политики. С одной стороны, процесс восстановления промышленности, оздоровление на этой основе всей хозяйственной жизни страны объективно способствовали усилению пролетарского влияния на крестьянство, росту политической активности бедняцко-средняцких масс. С другой стороны, допущение капиталистических элементов в экономику, оживление товарно-денежных отношений в связи с переходом к нэпу питали мелкособственнические интересы, стремление замкнуться в узких рамках своего хозяйства.

Тяжелым испытанием стал неурожай, обрушившийся на страну в 1921 г. и охвативший около 40 % всей посевной площади. Правительство освободило голодающие районы от обложения, в результате чего фактический объем продналога вместо планируемых 240 млн пудов составил 127,8 млн пудов зерновых культур⁸.

⁶ Беднота. 1921. 23 марта.

⁷ Сборник материалов Петроградского комитета РКП. Вып. 3. М., 1921. С. 3.

⁸ Народное хозяйство России за 1921—1922 гг. Статистико-экономический ежегодник. М., 1929. С. 8.

Значительная часть крестьянства видела в нэпе дорогу для экономического подъема. Хотя продналог и был значительно меньше по сравнению с продразверсткой, для большинства крестьянских хозяйств он являлся обременительным. Возможность добиться прибыли была только у «наиболее удачливых», сильных крестьян. То же можно отметить и в отношении допущения свободы торговли: первая волна мешочников в 1921 г. состояла в основном из наиболее предприимчивых, активных слоев крестьянского населения. В то же время в некоторых районах уже в 1921 г. произошли заметные сдвиги в развитии хозяйства. Так, во Владимирской и Курской губерниях возросла урожайность, а посевные площади достигли уровня 1916 г.

«Ножницы цен» 1923 г. серьезно осложнили взаимоотношения города и деревни. С осени 1923 г. началось повышение заготовительных цен на хлеб. Стимулируя этот процесс, государство занижало отпускные цены по сравнению с заготовительными: при росте заготовительных цен за 4 месяца на 40–50 % цены, по которым снабжались города потребляющей полосы, увеличились только на 20 % (в Москве они остались без изменения). Эти меры положительно сказались на рыночных хлебозаготовках: в 1923/1924 г. по сельхозналогу натурой поступило только 116 млн пудов, а 300 млн пудов было заготовлено путем государственной и кооперативной торговли (в 1922/23 гг. эта цифра составляла всего 79 млн пудов)⁹.

Регулирование рыночных и кредитных отношений осуществлялось в неразрывной связи с налоговой политикой Советского государства. Законодательство в этой области основывалось на учете интересов жителей города и деревни, источников и масштабов доходов различных категорий населения и социальных групп. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК от 29 августа 1922 г.¹⁰ помимо подоходно-поимущественного налога и рентного обложения в городах могли взиматься: 1) налог со строений (частных, кооперативных и государственных) в размере не выше 1 % стоимости построек; 2) налог со скота (кроме лошади): 1 руб. 50 коп. — с крупного рогатого скота и 30 коп. — с мелкого; 3) с извозного промысла (свыше 5 руб. за полугодие за лошадь); 4) с выездных экипажей (не выше 10 руб. в полугодие); 5) с велосипедов, яхт, автомобилей (50 коп. в полугодие); 6) с промышленных садов и огородов (в Москве и Петрограде — 0,5 коп. с квадратной сажени, в других городах — 0,2–0,3 коп.). Кроме того, взималась арендная плата за земли, занятые частными предприятиями в черте города, прописочный сбор и др.

В деревне в это время было 34 вида натурального обложения. С 1923/24 г. основным видом обложения крестьянства стал единый взимае-

⁹ Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 195.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 10. Л. 43.

мый вначале в натуральной, а затем в денежной форме сельскохозяйственный налог.

В интересах сельскохозяйственного населения, проживавшего на территории городов, было разрешено местным органам власти освобождать такие хозяйства от подоходно-поимущественного налога и устанавливать ставки единого сельхозналога. По мере роста доходности городского населения, увеличения обложения частного предпринимательства, сокращался удельный вес поступлений в бюджет от сельскохозяйственного налога, а значит должны были расти свободные товарные излишки крестьянских хозяйств и соответственно увеличиваться емкость деревенского рынка. По сведениям, приведенным Г.Я. Сокольниковым в докладе на Всесоюзном совещании в Москве (июль 1924 г.), «благодаря системе прямых налогов в городах», являющихся орудием «регулирования капиталистического накопления», налоговые поступления от деревни в бюджете на 1924/25 г. составили $1/3$ ¹¹. Общая сумма сельскохозяйственного налога в этом году определялась в 400 млн руб. (в том числе 285 млн руб. — на государственные и 115 млн руб. — на местные нужды). В целом это равнялось 10 % стоимости продукции крестьянских хозяйств или $1/3$ платеже-покупательной способности деревни.

Таким образом, предполагалось, что $2/3$ свободных средств деревня может направить на покупку городских товаров. В действительности обстановка на рынке в 1924/25 г. сложилась не так, как предполагалось, и главным дестабилизирующим фактором стали хлебозаготовки. Формирующийся нэповский механизм заявлял о себе очередным (после 1923 г.) циклом кризисного развития, требовавшим взвешенного, сбалансированного подхода. «Есть основания думать, — писал в 1925 г. Н.Д. Кондратьев, — что в данный момент мы находимся в такой полосе, когда между индустрией и городом, с одной стороны, и между сельским хозяйством и деревней, с другой, наметился некоторый новый конфликт, наметилась тенденция изоляции деревни от города и наоборот» [2, с. 41].

В 1924 г. валовый сбор зерна по РСФСР составил 1797 млн пудов, т.е. на 3,8 % меньше, чем в 1923 г. Товарная же часть валовой продукции сельского хозяйства возросла в 1924/25 г. по сравнению с предшествующим годом в 2,1 раза (увеличение шло, главным образом, за счет роста производства технических культур). На хлебном рынке возникла «напряженность спроса», что повлекло за собой увеличение цен на хлеб: осенью 1924 г. цены на рожь, овес, пшеницу возросли более чем в 2 раза, а в мае-июне 1925 г. снизились только на 2–10 %¹².

¹¹ Социалистическое хозяйство. 1924. № 5. С. 14.

¹² Народное хозяйство РСФСР в 1924/1925 гг. М., 1925. С. 15, 22.

Своеобразие ситуации, сложившейся на рынке в 1925 г., состояло в том, что «товарный голод» носил двусторонний характер: не хватало как промышленных товаров, так и продуктов сельского хозяйства.

Обстановка в деревне, сложившаяся в середине 1920-х гг., характеризовалась ростом политической активности крестьянства: мелкотоварный сектор экономики, относительно консолидировавшийся на основе рыночных отношений, обнаруживал стремление к организации путем создания определенной политической структуры. В этой связи обострилась потребность расширения границ соглашения со средним крестьянством в политической сфере. Однако в большинстве выступлений политических лидеров того времени создание какой-либо политической организации крестьянства расценивалось как фактор конфронтации города и деревни, угроза раскола рабочего класса и крестьянства [1, с. 33].

В целом сложившаяся во второй половине 1920-х гг. система связей города и деревни содержала в себе возможность дальнейшей эволюции в двух направлениях. Одно из них состояло в дальнейшем совершенствовании рыночного механизма, экономических методов государственного регулирования отношений города и деревни, демократизации внутريدеревенских отношений на основе кооперирования. Другое — являлось продолжением линии на непосредственное привлечение городских сил к социалистическому строительству в деревне и находило выражение в фактах прямого административного воздействия на крестьянские хозяйства и общественно-политическую жизнь деревни.

В 1923–1924 гг. происходит новый всплеск антигородских настроений. Газеты того времени пестрят сообщениями о протестных выступлениях крестьян на беспартийных конференциях, проводимых на селе: «Почему в городе штрафуют, если выедешь из деревни на извозный заработок?»; «Если снижать цены на хлеб, то надо снижать и на фабрикаты»; «Рабочие работают в норму, а крестьянский труд не оплачивается»; «Мы пошли рабочему навстречу, а они нам ничего не сделали»¹³.

Однако антигородские настроения теперь вписывались в более широкий контекст. Понятие «город» теперь отождествлялось с властью, государством. В центре взаимопонимания государства и крестьян находилась налоговая политика. Крестьяне не ставили под сомнение необходимость сбора налогов, а скорее оспаривали «сколько» и «как»: «Лишь бы был хлеб, соль, керосин, плуг, коса и т.д., перестали бы воевать и нас бы не тревожили», а государство должно гарантировать возможность владения землей. Крестьяне хотели бы иметь государство, гарантирующее им существование такого рынка, в котором они нуждались.

¹³ Правда. 1924. 2 окт.

Советская власть вынуждена была проявлять гибкость в строительстве местных органов власти на селе. Это проявилось хотя бы в том, что наряду с сельсоветом, волисполкомом на селе сохранился сход, который решал многие вопросы практической жизни деревни (он был фактически узаконен Земельным кодексом 1922 г.). В печати того времени не без оснований писали о «двоевластии» в деревне.

Таким образом, в политике налогообложения как средстве регулирования взаимоотношений города и деревни можно выделить два этапа. На первом из них, хронологически охватившем 1921–1923 гг., обострение противоречий между городом и деревней было связано с разрухой, хозяйственным упадком. Политическая поддержка, оказанная крестьянством городу, была обеспечена за счет мер, носивших форму экономических уступок крестьянству, предоставления свободы хозяйствования, льгот по налогообложению.

На втором этапе эту же задачу пришлось решать в условиях хозяйственного и политического оживления деревни. Поэтому проблема обеспечения политической поддержки города приобрела иной характер: на первый план выдвигались задачи регулирования социально-экономических процессов в деревне, более жесткой дифференциации налоговой политики по отношению к различным слоям деревенского населения. В политических отношениях города и деревни это повлекло за собой потребность повышения уровня консолидации бедноты как ядра деревенского актива, дополнительных мер по привлечению на сторону Советской власти середняка и ограничению капиталистической тенденции мелкокрестьянской деревни.

Литература

1. *Каменев Л.Б.* Статьи и речи. Т. 12. М.-Л., 1926.
2. *Кондратьев Н.* Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.
3. Обуховцы. Л., 1965.

**ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДЕРЕВНЕ
В ОЦЕНКАХ УЧЕНЫХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-Х ГГ.**

В статье освещены взгляды ученых русского зарубежья на фискальную политику большевиков в деревне, в частности проанализированы их оценки дисбаланса цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами в советской экономике в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: налоги, фискальная политика, «ножницы цен», товары, производство, крестьянство.

После окончания гражданской войны экономическая система Советской России находилась в состоянии глубокого кризиса, вызванного разрухой, высоким уровнем инфляции, сокращением внешнего финансирования, отсутствием квалифицированных специалистов, некомпетентностью правящей советской бюрократии, не сумевшей найти баланс между различными отраслями производства. Уже на второй год нэпа, несмотря на крайне низкое качество, промышленные товары, если рассчитать их цену в пудах пшеницы, стоили в два раза дороже, чем в довоенный период. Этот разрыв, получивший название «ножниц цен», оказался закономерным следствием фискальной политики большевиков, результатом их особого взгляда на статус крестьянства и рабочего класса в советском обществе.

Пролетарское государство объявило непримиримую борьбу «мелкобуржуазной» стихии крестьянского мира, поставив сельских товаропроизводителей в заведомо невыгодные условия игры на рынке. В разгар нэпа цены на промышленные товары составляли 276 % от уровня 1913 г., в то время как цены на сельскохозяйственные товары – только 89 %. Результат подобной политики был легко предсказуем: крестьяне перестали продавать зерно свыше того, что им было нужно для уплаты налогов. Страна оказалась перед реальной угрозой продовольственного кризиса.

Фискальная политика большевиков получила неоднозначные оценки ученых-экономистов русского зарубежья. Единым было мнение о том, что советская промышленность фактически находилась на иждивении государства и поддерживала свое существование за счет эксплуатации более рентабельного аграрного сектора советской экономики. Напри-

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@yandex.ru, Россия, г. Москва.

мер, П.Н. Милюков писал о «диктатуре города над деревней», «искусственном подчинении крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской бюрократии»². Главный смысл нэпа русские ученые видели в нарушении «бюджетного равновесия» в пользу промышленности, что создавало регулярные кризисы в аграрном производстве. В 1924 г. кризис сбыта сменился товарным голодом, что свидетельствовало о провале плановости в советской экономике. Экономисты русского зарубежья обвиняли большевиков в том, что советская промышленность не могла развиваться самостоятельно и «сидела как паразит на крестьянском хозяйстве»³.

Органы советской власти ставили перед собой задачу «справедливого налогообложения» трудового крестьянства, что влекло за собой тотальный контроль над производством и распределением аграрной продукции. Русские экономисты в эмиграции, знакомые с зарубежным опытом ведения хозяйства, не могли принять аграрную революцию большевиков, совершившуюся в направлении «черного передела», национализации земли, неограниченного вмешательства государства в систему земельных отношений.

Резкой критике русских экономистов-эмигрантов подверглась идея передачи всей земли в пределах РСФСР в единый государственный фонд. Например, профессор политэкономии Люблянского университета А.Д. Билимович в своих трудах показывал абсурдность утверждений В.И. Ленина и большевиков о том, что национализация всей земли являлась требованием широких масс крестьянства и соответствовала их коренным интересам. Крестьяне не могли требовать национализации земли, находящейся в их частной собственности [2, с. 51]. Еще более критично русские мыслители оценивали конечную цель большевистской экономической программы – уничтожение не только частной собственности на землю, но и частной собственности на средства производства. Ученые отмечали, что требование национализации земли, «исключившее всякое попятное движение к восстановлению собственности», выглядит прямо противоречащим интересам крестьян [6].

Особое негодование экономистов русской эмиграции вызывали военные методы и силовое вмешательство советской власти в жизнь русской деревни. Как остроумно заметил Б.Д. Бруцкус, социалистическое государство уподобилось Руси X в., когда ею правили дружины. «Вооруженные отряды коммунистов двигались по стране и выколачивали из крестьян продукты в натуре. Но варяжские князья, к счастью, Маркса не читали, и они требовали от крестьян столько, чтобы последние могли скоро обрасти. Коммунисты же, последовательно проводя социалистическую доктрину, стояли на том, что все запасы

² Последние новости. 1923. 8 нояб.

³ Там же. 1924. 2 окт.

должны сосредотачиваться в руках пролетарского государства, и крестьяне вправе оставлять себе лишь то, что им, безусловно, необходимо для их существования. Поэтому и результаты хозяйничанья коммунистов были гораздо печальнее результатов хозяйничанья варяжских дружин» [4, с. 31].

По мнению известного ученого и политического деятеля П.Н. Милокова, перед большевистской властью было два пути выхода из сложившейся ситуации: 1. «Круто порвать со старыми методами диктаторского господства и со старыми приемами бесконтрольного, монополю-партийного управления, вернуться к демократии»; 2. «Пойти на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом»⁴.

Для того чтобы поставить крестьянские хозяйства на социалистические рельсы, большевики стали рассматривали крестьян как батраков, сидящих на государственной земле и обязанных вести свое хозяйство под диктовку власти, сдавать весь продукт государству. Провозглашение новой экономической политики весной 1921 г. вызвало надежду у ученых русского зарубежья на некоторое смягчение политического режима большевиков. В то же время, они отмечали недостаточность мероприятий новой экономической политики для полного восстановления народного хозяйства. Подавляющее большинство русских экономистов предрекали нэпу недолгую жизнь. Например, Б.Д. Бруцкус считал, что полумеры нэпа не спасут Россию от масштабного сельскохозяйственного кризиса: «нужен решительный и окончательный разрыв с принципами социализма и бесповоротное утверждение гражданского правопорядка» [4, с. 33].

Ученые русской эмиграции много внимания уделяли анализу причин введения новой экономической политики, ее целям и характеру. Как правило, переход к нэпу они связывали с необходимостью пойти на уступки среднему крестьянству, ослабить фискальное давление в деревне. Осмысливая причины введения нэпа, А.Д. Билимович на первое место ставил социальную напряженность в деревне, вызванную политикой «военного коммунизма». Большевики, по его мнению, осознали нежелание крестьянства мириться с жестким политическим курсом власти в деревне, почувствовали угрозу, исходившую от самого многочисленного класса русского общества [1, с. 47].

Резкую критику русских ученых вызвали методы реализации фискальной политики Советской власти, отсутствие четкой программы мер и действий. Теоретики аграрной мысли подчеркивали, что с момента объявления нэпа большевики были вынуждены переходить в своей фискальной политике от одной уступки к другой. Подобная практика вызывалась необходимостью считаться во всем с интересами главной силы русской экономики – крестьянства [11, с. 63].

⁴ Рувль. 1922. 3 авг.

Определенные послабления налоговой политики советской власти в деревне в середине 1920-х гг. аналитики русской эмиграции связывали с необходимостью возобновления вывоза хлеба за рубеж. Экспорт сельхозпродукции являлся для советского руководства «боевым фронтом», необходимым для получения средств на нужды модернизации промышленности⁵. Для завоевания былых позиций на международном хлебном рынке требовалось выдержать серьезную конкуренцию, что привело к принятию поощрительных мер аграрного производства, а также снижению пошлин на вывоз некоторых видов сельхозпродукции. Однако советская власть не торопилась давать крестьянам чрезмерную экономическую свободу. Экономисты влиятельной эмигрантской газеты «Дни» писали о том, что большевики не заинтересованы в сытой деревне, которая могла бы сама устанавливать цены на хлебном рынке, свободно участвовать во внутренней и внешней торговле⁶. Теоретики эмигрантской газеты «Руль» отмечали, что хронический кризис сбыта был следствием малой покупательной способности крестьян из-за высоких цен: «мужики бояться завести лишнюю корову — в кулаки запишут. Советский режим сознательно держит крестьян в железных тисках голода и разрухи»⁷.

Наиболее точно полярность интересов советской власти и крестьянства в годы нэпа передал Б.Д. Бруцкус: «Экспорт хлеба — неизбежная необходимость, однако крестьянину принесет не очень большую пользу. Он не может существенно повысить цены на хлеб на внутреннем рынке. От вывоза выиграет многочисленный слой «торгующих коммунистов», которые командуют всей экономической жизнью страны. А крестьянину останутся ножки да рожки. Так как цены для заграницы и закупочные цены не соответствуют»⁸.

Экономисты русского зарубежья справедливо рассматривали налоговую политику советской власти, главным образом, с точки зрения политического интереса: «большевики стремились сохранить коммунизм в капиталистическом мире. Им нужна передышка, чтобы продержаться до мирового переворота. Поэтому они идут на уступки мелкобуржуазной крестьянской стихии»⁹. Таким образом, уже в середине 1920-х гг. наиболее дальновидные ученые русского зарубежья приходят к выводу о том, что нэповская система исторически обречена и рыночный вариант советской модернизации в долгосрочной перспективе не сможет стать реальностью.

Наиболее популярными в среде русской эмиграции были идеи кон-

⁵ Последние новости. 1923. 10 авг.

⁶ Дни. 1926. 19 янв.

⁷ Руль. 1925. 21 февр.

⁸ Там же. 1923. 26 ноября.

⁹ Последние новости. 1923. 3 июля.

сервативного либерализма П.Б. Струве, суть которых сводилась к сочетанию сильного правительства и защиты частной собственности. Участвуя в научной деятельности Русского юридического факультета в Праге, П.Б. Струве призывал к соблюдению «законных свобод народа в экономической сфере» [10, с. 211]. По мнению ученого, нэп был вызван провалом идеи мировой революции и необходимостью сохранения советской власти в сложившейся ситуации. С подачи П.Б. Струве в эмиграции прочно закрепилась мысль о том, что посредством новой фискальной политики большевики стремились сохранить коммунизм в капиталистическом мире.

В научных работах П.Б. Струве в эмиграции отчетливо прослеживается критика фискальной политики Советской власти. Читая курс лекций на кафедрах в Белграде и Субботице, ученый постоянно подчеркивал противоречия коммунистической теории и политического курса большевиков, ярким выражением которых стал нэп. Хотя у П.Б. Струве нет крупных законченных трудов по аграрным вопросам (исключением были лишь два тома его «Хозяйства и цены»), он ограничивался всегда лишь фрагментами и набросками, многие эти наброски, журнальные статьи, брошюры и рецензии складываются во вполне цельное и взвешенное мировоззрение. Выявляя причины изменения курса фискальной политики Советской России, Струве обратил внимание на социальную силу русского крестьянства, показавшего способность развернуть страну к нэпу.

Выступая на съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже в мае 1921 г., П.Б. Струве четко определил причины реформ в экономике Советской России. Отказ от рыночных основ в годы «военного коммунизма» привел к ужасающим последствиям для России. Было подорвано сельскохозяйственное производство, произошла деморализация труда, наступил голод. П.Б. Струве доказывал всю экономическую бессмысленность и историческую нелепость русского коммунистического опыта. По его мнению, «производственное обилие» может быть создано лишь в рыночной среде, с опорой на частную крестьянскую инициативу¹⁰. Струве указывал на тот факт, что первое время большевистская власть существовала за счет «проедания старых запасов», за счет достижений капитализма. Однако, несмотря на это, города превращались в скопление «чистых потребителей», усилился разрыв между городом и деревней. Эти кризисные явления поразили аграрную экономику России, что привело к изменению курса фискальной политики в период нэпа.

В 1925 г. П.Б. Струве тесно связывал введение нэпа с истощением старых запасов: «В первый период существования, до нэпа, советская власть жила исключительно из запасов, доставшихся в наследство от

¹⁰ Русская мысль. 1921. 12 мая.

прежней России. Итоги этого периода проматывания награбленного наследства стали видны к 1921 г. Паразитическая власть не могла существовать одними старыми запасами более пяти лет. Когда запасы были исчерпаны, пришлось прибегнуть к нэпу»¹¹. Струве связывал изменения экономического курса с неумением большевиков наладить стабильное развитие экономики. В целом, обсуждая причины перехода к новой экономической политике, теоретики аграрной мысли русского зарубежья пришли к схожим выводам, считая, что нэп стал следствием тяжелого экономического положения страны.

Наиболее объективная картина фискальной политики в советской деревне представлена в докладе Б.Д. Бруцкуса, прочитанном на съезде русских деятелей по сельскому хозяйству в апреле 1924 г. Ученый отмечает, что в результате постигшей Россию катастрофы сельское хозяйство потеряло свои производительные силы. Значительно сократилось производство всех сельскохозяйственных культур. К 1922 г. посевная площадь сократилась от уровня 1913 г. на 64 %. Поголовье скота упало по сравнению с 1916 г. на 63 %.

Помимо критики советской фискальной политики, Б.Д. Бруцкус предлагал конкретные меры для восстановления сельского хозяйства Советской России. По его мнению, аграрный сектор нуждался в увеличении посевных площадей и ликвидации Наркомата внешней торговли. Как отмечал ученый, «экспорт сельскохозяйственных продуктов единственное и необходимое, с чем может выступить на внутренний рынок Россия в настоящее время. Но при существующей организации хозяйства и наличии Внешторга русское сельское хозяйство ничего выиграть не может». Либеральная позиция Б.Д. Бруцкуса ярко проявилась в абсолютизации внешнего рынка. Экспорт для России, по мнению ученого, в будущем будет иметь колоссальное значение. Только тесное единение с заграничным рынком позволит Советской России восстановить сельское хозяйство [3, с. 18].

Теоретики русской экономической мысли в эмиграции жестко критиковали экономический изоляционизм большевиков. По их мнению, советский экспорт почти ничего не дает крестьянскому производителю, а значит, не обеспечивает подъема сельского хозяйства. В числе главных требований ученых-эмигрантов – установление тесного контакта с заграничным рынком, ликвидация Наркомата внешней торговли, восстановление кооперации и частного торгового аппарата.

Крайне негативно они оценивали попытки советской власти искусственно создать коллективные формы сельского хозяйства. Желание превратить крестьянина в батрака, сидящего на казенной земле и работающего по команде «посевкома» не могло осуществиться: изменение системы землеустройства вызвало здоровую реакцию в крес-

¹¹ Возрождение. 1925. 10 июня.

тянстве против эксцессов аграрной революции. Советская власть вынуждена была принять новый Земельный кодекс 1922 г., который уже не являлся специфически коммунистическим, хотя эмблема «национализации» и осталась, но важен факт закрепления земли за крестьянами. Уповая на смягчение «налогового пресса», русские ученые отмечали, что новое аграрное законодательство создаст достаточные предпосылки для развития сельского хозяйства. Высоко оценивая переход к нэпу, экономисты русской эмиграции высказывали опасения относительно стремлений Советского государства окончательно лишить крестьян свободы землепользования. Уже в середине 1920-х гг. многие из них предсказывают события начала 1930-х гг., указав на возможную насильственную коллективизацию [8, с. 82].

По мнению П.Н. Милюкова, «смыслом НЭПа являлось создание диктатуры города над деревней, искусственного подчинения крестьянского хозяйства интересам государственного хозяйства и советской буржуазии с участием связанного с государственно-буржуазным хозяйством пролетариата. <...> В результате крупная промышленность и транспорт, находясь на иждивении казны, нарушали своими убытками всякие надежды на установление бюджетного равновесия»¹².

«Ножницы цен» рассматривались русскими учеными как главная причина постоянно повторяющихся экономических кризисов в Советской России: «Промышленные товары оказываются недоступными для населения и остаются непроданными, и, в конечном счете, государство имеет убыток»¹³. Издания русской эмиграции критически оценивали попытки большевистской власти разрешить возникшие трудности путем административного снижения цен, которое, в свою очередь, приводило к кризису бестоварья, «товарному голоду» и политическому недовольству населения.

В аналитической статье «Законы советской экономики» отмечалось: «Когда правительство при виде негативной «конъюнктуры» понижает промышленные цены и дает повышаться сельскохозяйственным, мизерные, по сравнению с потребностями, изделия промышленности оказываются быстро проданными, наступает «бестоварье», и уменьшаются средства на хлебозаготовительном рынке, а с другой стороны увеличивается дороговизна жизни в городах, то есть при уменьшении доходов промышленности увеличиваются ее расходы»¹⁴. Любую обсуждаемую проблему советской экономики ученые русской эмиграции сводили к необходимости возрождения свободного рынка и свободы частной предпринимательской деятельности.

Эмигрантская печать жестко комментировала выступление Л.Б. Троцкого на XII съезде партии (апрель 1923 г.), в котором было

¹² Последние новости. 1923. 8 нояб.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 1924. 2 окт.

наглядно показано нарастание «ножниц» между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Резкие колебания цен вызывали негодование либеральных ученых, поскольку советская экономическая действительность полностью противоречила интересам производителей сельхозпродукции. С.Н. Прокопович подчеркивал, что в октябре 1923 г. «ножницы» раскрылись до предела, разница между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию была уже в три раза больше, чем в 1913 г. [9].

Не только в либеральной среде русской эмиграции, но и в самой Советской России в середине 1920-х гг. стали появляться предложения об ослаблении государственного давления на крестьянство. В целях снижения «товарного голода» предлагался путь товарной интервенции, то есть завоза в страну дешевых и качественных товаров из-за границы. Неожиданно русские ученые выступили против идеи «товарной интервенции», которая, по их мнению, могла ослабить национальное производство. В этом вопросе либерал П.Н. Милоков поддержал крупного деятеля большевистской партии Ю. Ларина. В начале 1924 г. Ларин опубликовал в «Правде» статью, в которой выступил против импорта зарубежных товаров. Поддерживая эту, казалось бы, нелиберальную идею, П.Н. Милоков писал: «В окарикатуренной форме здесь, несомненно, поставлен серьезный вопрос о правильном соотношении национальной обрабатывающей промышленности с промышленностью добывающей. <...> Возражение Ларина против разрушения русской промышленности нужно признать, конечно, основательными: альтернатива здесь одна — Россия «колония»»¹⁵.

В своих размышлениях о курсе фискальной политики в Советской России П.Н. Милоков все больше приходил к анти-крестьянским выводам. Интересы русского крестьянства ученый противопоставлял успехам большевистской модернизации страны. Разрабатывая проблему демократической альтернативы, Милоков писал: «Если сейчас осуществить демократию, значит дать России то правительство, которая она действительно требует. Такое правительство не будет ни меньшевистским, ни социал-революционным, ни кадетским, ни царистским. Настоящая крестьянская программа потребовала бы частной собственности на землю без вознаграждения, неограниченной эксплуатации города деревенским кулаком, выступала бы против централизма и подъема культурного уровня»¹⁶. Реализация такой «крестьянской» программы, по мнению ученого, могла привести к масштабной «товарной интервенции», гибели национальной промышленности, самобытной городской российской цивилизации, массовой безработице в городах и социальной напряженности в обществе. Эти выводы заставили П.Н. Ми-

¹⁵ Последние новости. 1924. 19 янв.

¹⁶ Там же. 1925. 15 марта.

люкова серьезно переоценить роль и значение большевистского государства в России, отчасти оправдать фискальную политику власти.

Сохраняя либеральные взгляды, П.Н. Милюков сделал удивительный для непримиримого врага большевизма вывод о том, что советская власть не только разрушала, но и создала экономику новой России. По его мнению, только большевизм сумел покончить с революционной анархией и обеспечить защиту международных интересов России, дал определенную свободу крестьянству. В середине 1920-х гг. в работах Милюкова появляется мысль о том, что в рамках большевизма сложилось новое течение, готовое выражать и отстаивать национальные интересы России. Оставаясь либералом, П.Н. Милюков возлагал особые надежды на перспективу буржуазного возрождения страны. Главную проблему Советской России он видел в том, что сложившаяся при большевиках фискальная система препятствует процессу внутренних накоплений, особенно в аграрном секторе. Милюков был уверен, что со временем большевики смогут обеспечить правовые гарантии сельскому предпринимательству, ликвидируют препятствия на пути развития рыночных отношений.

Определенные надежды на экономический подъем в Советской России ученые русской эмиграции связывали с перспективой вывоза хлеба, который стал тем «боевым фронтом, на который устремились все и всё»¹⁷. По мнению ряда экономистов, массовый экспорт хлеба нужен большевикам для завоевания старых позиций на заграничном хлебном рынке. Этот вывоз необходим советской власти для получения средств на последующую модернизацию промышленности. В середине 1920-х гг. аналитики в эмиграции выражали надежды на скорый отказ от плановости в советской экономике. По их мнению, бескомпромиссная фискальная политика большевиков сделала возможным переход России на качественно новый уровень развития, вывела страну из международной изоляции.

Аграрная наука русской эмиграции рассматривала новую экономическую политику в Советской России как временную уступку крестьянству, как средство для сохранения власти большевиков. При этом ученые указывали на возможность углубления аграрного кризиса в советской экономике, вызванного низкими закупочными ценами на сельхозпродукцию. По мнению большинства русских эмигрантов, деревня осередничалась и легко могла перейти к натуральному хозяйству. Меры, вводимые большевиками, строились не для деревни, а за счет деревни и вопреки ее развитию. Кризис сбыта, ставший явлением хроническим и органическим, был следствием малой покупательной способности крестьян из-за высоких цен.

¹⁷ Последние новости. 1923. 10 авг.

С опорой на статистические данные русские экономисты-эмигранты показывали кризисное положение отдельных крестьянских дворов¹⁸. Исследователи аграрной политики большевиков акцентировали внимание на понижении крестьянского рыночного спроса, падении крестьянского производства, фактах голода в отдельных регионах Советской России¹⁹. Мнения экономистов различных школ совпадали в том, что советская власть ошибочно «продвигала» промышленность в ущерб сельскому хозяйству.

Несмотря на жесткую критику советской власти, отдельные мыслители русского зарубежья признавали достижения большевиков в возрождении национальной экономики после революции и затяжной войны. Например, П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, оценивая итоги нэпа, пришли к выводу, что такую политику проводило бы любое правительство, оказавшееся у власти в этот период. По их мнению, преодоление отсталости, вызванной пережитками дореволюционной России, было необходимо стране, и большевики были вынуждены решать те насущные проблемы, которые стояли перед Россией, собственными методами, которые, несмотря на размах свершений, оказались по своей сути антинародными²⁰.

Фискальная политика большевиков, по мнению эмигрантского научного сообщества, основывалась на «революционном принуждении», бескомпромиссном давлении власти на крестьянский мир. Глубокие размышления о тенденциях развития советского сельского хозяйства позволили экономистам сформулировать довольно точное видение перспективы аграрного пути России. «Я предвижу скорый поворот в экономической политике в России, — пишет Б.Д. Бруцкус С.Н. Прокоповичу в мае 1931 г. — Большевики очень перепуганы разрушением денежного хозяйства и хозрасчета. Но дела этого без коренной перестройки денежного хозяйства наладить нельзя»²¹. По сути, в письмах ученого отразилась суть экономической концепции эмиграции рубежа 1920-х — 1930-х гг.: индивидуальные крестьянские хозяйства бескомпромиссно противостоят коммунистической стратегии обобществления аграрного производства. В 1933 г. в статье «Голод и коллективизация» Бруцкус писал, что в процессе сплошной коллективизации для большевиков «дело шло совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном укреплении их власти над крестьянством» [5, с. 207].

Экономисты русского зарубежья отмечали, что материальных условий для коллективизации в стране не было. Государство не могло предоставить кредиты, технику, удобрения. В результате, оно пошло

¹⁸ Рувль. 1925. 21 февр.

¹⁹ Там же. 1925. 7 июня.

²⁰ Дни. 1925. 17 марта.

²¹ Письма Б.Д. Бруцкуса. 1931 г. (ГАРФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 70. Л. 86).

на простое обобществление труда. Как отмечал П.Н. Милюков: «Сталин, как никто из русских государей понял общинную душу русского народа и создал колхозы»²².

Ученые-эмигранты акцентировали внимание на том, что коллективизация привела к неисчислимым бедствиям крестьянства. Мир русской деревни пережил одно из тяжелейших потрясений в истории России. В статьях русских экономистов указывается на массовые репрессии, голод, унесший миллионы человеческих жизней, репрессии против лидеров крестьянского движения [7, с. 38]. Не имея точных сведений, эмигранты писали о том, что «миллионы крестьян прошли через ужасы ссылки и лагерей». Коллективизация, по их мнению, нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству, особенно на первом ее этапе. Эмигрантская пресса подчеркивала, что главную роль в применении насильственных методов коллективизации играли карательные органы. Они участвовали в политике «ликвидации кулачества как класса», в борьбе с вредителями сельского хозяйства, с нарушителями трудовой дисциплины и т.д.

В трудах зарубежных экономистов практически не отразился тот факт, что с 1935 г. началось восстановление сельскохозяйственного производства, стали подниматься урожаи, возобновился рост поголовья скота, выше стала оплата труда колхозников. Ни один мыслитель не признал, что крупное коллективное хозяйство открывало возможности экономического и социального прогресса. Они писали лишь о том, что эти возможности могут реализовываться тогда, когда трудовой коллектив является хозяином. Коллективизация, по мнению русских ученых, способствовала отчуждению крестьянин от земли, от распределения произведенного продукта. Большая часть эмигрантских публикаций 1930-х гг. была посвящена формированию системы директивного планирования колхозного производства и командования крестьянством со стороны партийно-советского аппарата.

Предпринятый экономистами русской эмиграции анализ фискальной политики большевиков в деревне отличается глубиной и последовательностью. Они первыми убедительно показали, что советский вариант аграрного хозяйствования являет собой историческую аномалию общественного развития. В данной связи, делался закономерный вывод о неизбежном и предрешенном крахе советской экономической системы. Неотвратимость крушения советской экономики связывалась мыслителями русской эмиграции с подавлением свободы и конкурентоспособного рыночного механизма, принципиальной невозможностью найти компенсирующие рецепты и механизмы, которые сообщили бы должную эффективность созданной в СССР планово-централизованной системе.

²² Последние новости. 1925. 2 авг.

Экономисты русского зарубежья показали, что аграрная система СССР, состоявшая из огромных колхозов и совхозов, подавила все импульсы, побуждавшие крестьян свободно и продуктивно трудиться в собственных хозяйствах. Фискальная политика большевиков уничтожила в народе прежнюю кровную заинтересованность в результатах своего труда, атрофировала традиционную для русских «тягу к земле».

Главная ошибка большевиков, по мнению экономистов русского зарубежья, состояла в том, что они не гарантировали соответствующими правовыми механизмами свободу хозяйственной деятельности людей, стремившихся присвоить себе средства и результаты своего труда. Именно это ликвидировало в СССР внутренние источники и стимулы общественного, в том числе экономического прогресса. Большевики уничтожили самую адекватную форму аграрного хозяйствования – индивидуальное крестьянское (фермерское) хозяйство. Сформулированная экономистами русского зарубежья концепция преимущественной эффективности индивидуального крестьянского хозяйства блестяще предвосхитила доминирующую в настоящее время во всех развитых странах мира систему фермерских хозяйств. Именно фермеры, по мнению русских ученых, способны демонстрировать высокую устойчивость и возможность быстро реагировать на часто меняющиеся в области сельского хозяйства ситуации и условия.

Литература

1. *Билимович А.Д.* Кооперация России до, во время и после большевиков. М., 2005.
2. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. М., 2006.
3. *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922.
4. *Бруцкус Б.Д.* Об эволюции земельной политики советской власти // Экономический вестник. 1923. № 1.
5. *Бруцкус Б.Д.* Голод и коллективизация // Париж. 1933. Т. 52.
6. *Косинский В.А.* Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Мобилизация земельной собственности. Прага, 1925.
7. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. История и жизнь колхозов. Значение для сельского хозяйства, крестьянства, государства. Природа, эволюция и будущее. Издание «Крестьянской России». Париж, 1937.
8. *Овчинцева Л.А.* Русские экономисты-аграрники начала XX в. о хозяйственной мотивации крестьян // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. М., 1993. Вып. 1.
9. *Прокопович С.Н.* Банкротство НЭПа // Свободная Россия. 1924. № 2.
10. *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М., 2004.
11. *Черниговский М.З.* Крестьянский вопрос в истории экономической мысли России и русского зарубежья: первая треть XX века. Дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 1998.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА САМООБЛОЖЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ 1920 Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)²**

В статье на материалах Северо-Запада России анализируется правовая природа самообложения общинного крестьянства в 1920-е гг., которое являлось важнейшим элементом общинного самоуправления. Сделан вывод, что в конце десятилетия оно было включено в государственную бюджетную сферу.

Ключевые слова: община, самообложение, крестьяне, государственная фискальная система.

С введением в жизнь Земельного Кодекса 1922 г. крестьянская община получала наименование земельного общества и право юридического лица. Несмотря на законодательное переоформление сельского общества в земельное, большая роль в русской деревне 1920-х гг. по-прежнему принадлежала общине. На Северо-Западе России в ее пользовании на тот момент находилось 65–75 % всех крестьянских земель [2, с. 108]. Несмотря на попытку законодателей свести деятельность крестьянской общины к пользованию земельными угодьями, земельное общество в северо-западной доколхозной деревне по всем параметрам своей деятельности представляло собой типичную (хотя и обновленную) мирскую организацию крестьян-единоличников, решавшую, как и прежде, многочисленные проблемы, возникающие в повседневной практике крестьянского общества [2, с. 117].

Для полноценного функционирования крестьянской общины необходимо было достаточное финансирование, поэтому высший распорядительный орган земельного общества – сельский сход – регулярно принимал решения о сборе денежных средств для удовлетворения собственных нужд, т.е. решения о проведении самообложения. Распространенность самообложения в северо-западной деревне начала 1920-х гг. определялась, в первую очередь, сохранявшейся силой мирских традиций. Несомненно, сказывалась и нехватка средств, отпускаемых сельсоветам на сельские нужды из вышестоящих бюджетов. Находящиеся же в распоряжении земельного общества денежные средства были достаточными и считались весьма внушительными.

¹ Алиева Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, gada510@gambler.ru, Россия, г. Псков.

² Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-60001) и Государственного комитета Псковской области по культуре.

Средства, поступавшие от самообложения, были целевыми, поэтому единицы самообложения зависели от целей сбора: «с трубы», «с коро-вы», «с души» и пр. Цели самообложения охватывали все многообра-зие функций крестьянской общины: крестьяне без особых возраже-ний «скидывались» на расходы по землеустройству, на оплату ночно-му сторожу, полевому сторожу, пастухам, церковным сторожам, цер-ковному причту с попом, на помещение для проведения сельского схода и канцелярские расходы, на содержание общественного быка и т.п. Тратились собранные по собственной инициативе крестьян средства не только на свои нужды, но и на нужды сельсоветов, вплоть до упла-ты его долгов. Так, в деревне Витка Трубичского сельсовета Новго-родской губернии было собрано 535 руб. на основе самообложения на целевые нужды земельного общества и 54 руб. от продажи быка и арен-ды пашни. Из полученных средств были оплачены услуги ночного сторожа, трубочиста, лесного сторожа, выдана зарплата уполномо-ченному сельскому совету, покрыты долги прежнего сельсовета и отложе-ны деньги на содержание быка³. Такого рода расходы носили самодель-тельный характер [1, с. 24], считались вполне естественными и наре-каний со стороны крестьянства не вызывали. Э. Карр весьма доходчи-во разъяснил суть самообложения: «Русское понятие «самообложе-ние» говорит о собственной инициативе общества, в то время как сло-во «налог» указывает на сборы по распоряжению правительства» [3, с. 426]. Таким образом, самообложение было традиционным, органи-чески присущим крестьянской общине способом удовлетворения управленческих, хозяйственных и культурных потребностей деревни.

29 августа 1924 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения для удовлетворения местных обществен-ных нужд», которое утверждало законный характер самообложения и подчеркивало его проведение исключительно на началах доброволь-ного соглашения граждан, что лишнее раз доказывает первоначально демократический характер инициативы по сбору средств крестьянами для решения конкретных вопросов местного значения. Постановле-ние содержало норму о необязательности выплат по самообложению для тех, кто за такое решение не голосовал. Однако из примечания к его п. 2 следовало, что «если постановление о самообложении приня-то законно существующей организацией, имеющей право по своему уставу или положению о ней облагать своих членов сборами на удов-летворение местных общественных нужд, то вопрос об обязательности постановлений организации для тех ее членов, которые не участвовали в голосовании или голосовании против принятого постановления, раз-решается на основании устава организации или положения о ней»⁴.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 6. Д. 214. Л. 26.

⁴ СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69.

Исходя из того, что община была законно существовавшей организацией, решение ее сельского схода было обязательным для исполнения гражданами земельного общества и «никто не имел права изменить или отменить постановление схода, если оно соответствовало закону» [2, с. 116]. Отдельные крестьяне, несогласные с решением сельского схода обязаны были либо подчиниться его решению, либо разрешать возникшее противоречие в судебном или предусмотренном уставом соответствующего общества порядке. Участие местных финансовых и административных органов, в том числе и волостных (районных) и сельских советов, в проведении самообложения и в производстве взыскания взносов, причитающихся с отдельных граждан в порядке самообложения, воспрещалось. Роль административных органов ограничивалась по закону лишь регистрацией решений сельских сходов, что на практике часто не соблюдалось.

Однако уже менее чем через три года – 24 августа 1927 г. – Постановлением ЦИК и СНК СССР «О самообложении населения» фактически вводилось обязательное самообложение для всех граждан селения. Помимо обязательности, данное постановление предусматривало сбор и расходование собранных средств не крестьянами, а сельскими советами. Пункты 5, 6, 7 и 9 данного постановления демонстрируют законодательное усиление роли сельсоветов в деревне⁵. Документ подтверждает тенденцию к использованию самообложения в качестве важного средства дополнительного налогообложения крестьянства и утрате черты добровольности и принципа демократизма в самообложении.

Данная тенденция получила продолжение после принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. «О порядке самообложения населения»⁶. В общих чертах повторяя текст предыдущего документа, новое постановление предполагало объединение усилий нескольких населенных пунктов в решении проблем местного значения, видимо, законодательно фиксируя существующую практику, поскольку близ расположенным деревням было выгодно солидарно оплачивать, например, создание пожарной дружины. Более того, в нем появляются категории граждан, которые могли быть освобождены от самообложения или получали льготы. Это положение не только вводило классовый принцип самообложения, но и отвергало на законодательном уровне принцип уравнительности, которого придерживались сельские сходы при раскладке сумм самообложения.

Опыт проведения самообложения заставил законодательно прописать и сроки при проведении процедуры, поскольку в сводках по проведению кампании по самообложению на Северо-Западе отмечалось,

⁵ СЗ СССР. 1927. № 57. Ст. 509.

⁶ СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

что даже в случае принятия положительного решения на сходе сбор средств чрезвычайно растягивался во времени. Таким образом, уже к началу 1928 г. четко просматривается усиление в законодательстве о самообложении принципов, характерных для общей системы налогового обложения деревни: прогрессивности и подоходности налога, а также дифференцированного подхода к различным социально-экономическим группам крестьянства.

Для придания «добровольным сборам» окончательного налогового характера решением коллегии НКФ СССР руководство делом самообложения было передано в налоговое управление наркомата финансов. Постановлением от 10 января 1928 г. общий размер самообложения устанавливался не свыше 35 % общей суммы сельхозналога конкретного села, подлежащей реальному получению (за вычетом льгот и скидок). Предел размера самообложения от причитающейся суммы сельхозналога не являлся окончательным и в тех случаях, когда общим собранием выносилось постановление провести самообложение в сумме, превышающей 35 % сельхозналога, губисполкому было предоставлено право по ходатайствам, возбужденным сельсоветами в инстанционном порядке повышать эту сумму.

В рамках рассматриваемого периода по вопросам самообложения было принято еще одно Постановление ВЦИК и СНК РСФСР – 2 сентября 1929 г.⁷ Оно расширило категорию льготников при раскладке самообложения, четко прописало процедуру взимания денежных средств, связав ее с уплатой единого сельскохозяйственного налога, а также увеличило размер самообложения до 50 % от суммы сельхозналога, приходящегося на конкретное селение.

Несмотря на столь скорую трансформацию добровольных разовых платежей граждан, осуществляемых для решения конкретных вопросов местного значения, в установленный государством обязательный платеж в казну, со стороны властей продолжались попытки позиционировать навязываемое самообложение как добровольный почин сельского населения, что вызывало праведный гнев крестьянства⁸. Общие собрания отказывались от проведения самообложения; принимали решения о проведении самообложения в трудовой форме; вместо прогрессивного принципа самообложения устанавливали принцип равномерного взимания денежных средств. При этом принципы разверстки были различными: «с едока», «со двора», «с десятины»; стремились снизить размеры самообложения до 5–10 % от суммы сельскохозяйственного налога, вместо установленных 35 %⁹. Были, однако, и

⁷ СУ РСФСР. 1929. № 68. Ст. 665.

⁸ Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области (ГАНПИНО). Ф. 128. Оп. 1. Д. 30. Л. 23; Д. 330. Л. 91; Ф. 3. Оп. 1. Д. 581. Л. 2, 7, 8; Д. 179. Л. 79; Д. 396. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 581. Л. 2, 7, 8; Д. 179. Л. 79; Д. 396. Л. 8.

исключения. Так, на сельском сходе граждан селений Каравашка и Пола Польского сельсовета Польского района Новгородского округа Ленинградской области 28 февраля 1929 г. было принято постановление следующего содержания: «Закон о самообложении одобрить и стремиться к его осуществлению путем оказания райисполкому материальной и трудовой помощи в деле культурного строительства»¹⁰.

Однако сам факт того, что кампании по самообложению стали своеобразным рычагом давления на общину и носили характер внеэкономического отчуждения крестьянской собственности в пользу государства, провоцировал протестные выступления крестьян. Крах первых кампаний по самообложению партийные органы связывали с плохой предварительной подготовкой и отсутствием разъяснений. Для того чтобы последующие кампании проходили более успешно, были составлены специальные памятка и наказ уполномоченным по проведению самообложения¹¹.

Возмущение налоговой политикой было обусловлено не только резким сокращением накоплений у крестьянского населения, затруднявшим расширение сельскохозяйственного производства, повышение его товарности¹², но и представлениями общинного крестьянства о справедливости. Недовольство крестьян вызывал сам принцип государственной регламентации налоговых сборов. Против самообложения, проводимого по инициативе самих сельских сходов, крестьянство не выступало, так как все предполагаемые статьи расходов обсуждались всем миром, а сумма делилась по наличным в общине дворам. К тому же окладной сбор, как его называли крестьяне, шел на собственные нужды общины, т.е. на пользу каждому из ее членов. Такowym было понятие справедливости у общинного крестьянства. Насаждаемая государством налоговая политика не вписывалась в эту систему ценностей. В пользу этого аргумента можно привести такой пример. В августе 1927 г. сильнейшее недовольство кампанией по налогообложению и распределением земель под пашню и покос охватило до трехсот крестьян д. Финев Луг Селогорской волости Новгородского округа. Крестьяне заявили, что «не знают, куда идут их деньги, и не видят пользы для своей деревни»¹³.

Итак, вплоть до середины 1927 г. самообложение являлось важнейшим элементом общинного самоуправления в деревне. С утверждением «налогового» принципа раскладки оно было включено в государственную бюджетную сферу, а община отстранена от исчисления, раз-

¹⁰ ГАНПИНО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 537. Л. 176.

¹¹ Там же. Л. 16а; Д. 581. Л. 74.

¹² Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. Р-1123. Оп. 1. Д. 11. Л. 10, 13.

¹³ ГАНПИНО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 790. Л. 105–106.

верстки и сборов по самообложению, окончательно превратившемся в один из элементов государственной фискальной системы. Таким образом, самообложение, будучи в своей основе реализацией добровольной инициативы снизу, на протяжении 1920-х гг. трансформируется в налоговый платеж, инициируемый сверху и носящий, как и всякие фискальные повинности, принудительный характер

Литература

1. *Беркутов А.А.* Самообложение в прямых налоговых платежах крестьянства во второй половине 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 5. Ч. 1.
2. *Данилов В.П.* Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976.
3. *Карр Э.* История Советской России. Кн. 6. Социализм в одной стране. 1924–1926. Т. 2. М., 1989.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЧЕРНОМОРСКОГО ОКРУГА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются особенности налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы нэпа. Сделан вывод, что налоговая политика государства не учитывала его региональные особенности.

Ключевые слова: налоговая политика, нэп, крестьянское хозяйство, Черноморский округ.

Десятый съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., принял решение о замене продразверстки продналогом, и этот акт знаменовал начало новой экономической политики. Введение продналога предполагало создание условий для восстановления и дальнейшего развития крестьянских хозяйств, разоренных Гражданской войной и «военным коммунизмом». В последующие годы менялись единицы и ставки налога, объекты налогообложения, принципы и характер налоговой политики.

Специфические природные условия предопределили особенности отраслевой структуры сельского хозяйства Черноморья. Здесь ведущими отраслями были табаководство, виноградарство и садоводство. На тяжелых глинистых почвах и во влажном климате было затруднительно выращивать зерновые культуры, за исключением кукурузы. Урожаи злаковых были невысокими, их едва хватало для собственного потребления. Значительную долю доходов местных крестьян составляли неземледельческие заработки. Эти обстоятельства требовали особого подхода к налогообложению крестьянских хозяйств округа.

Нами выделяются три этапа в проведении налоговой политики в черноморской деревне в годы нэпа. Отличительной особенностью первого из них (1921–1923 гг.) является взимание с крестьян многочисленных налогов в натуральном виде. План продналога поступил в округ в марте 1921 г. Он не учитывал специфику сельскохозяйственного производства черноморской деревни. Так, например, в течение 1921 г.

¹ *Бершадская Ольга Владиславовна*, кандидат исторических наук, Краснодарский филиал Финансового университета при правительстве Российской Федерации, berscholl@mail.ru, Россия, Краснодар; *Сидоренко Таисия Николаевна*, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

населению Сочинской волости требовалось сдать 5668 пудов 66 фунтов хлеба, 6202 пуда 75 фунтов мяса, 259 пудов 14 фунтов овощей, хотя в этот период основными видами продукции разоренных войной крестьянских хозяйств были дикорастущие фрукты и каштаны². В связи с этим 15 июля 1921 г. Кубано-Черноморский облисполком на основании декрета СНК РСФСР о натуральном налоге на продукты огородничества и бахчеводства составил «таблицу замены», из которой следовало, что 1 пуд пшеницы можно заменить 1 пудом сушеных яблок, или 2,5 пудами дички, или 2 пудами каштанов, или 1,5 пудами орехов³. Одновременно местные продорганы разрешили принимать кукурузу в количестве 25 % от причитающегося налога «под судебную ответственность должников»⁴.

В каждом районе Черноморского округа были созданы районные чрезвычайные продовольственные тройки в составе представителей партийных и исполнительных органов власти, а также налоговой инспекции. Сбор продналога осуществлялся с большими трудностями. Несмотря на то, что плановые задания соответствовали «таблице замены», их размер не учитывал реальных возможностей крестьянских хозяйств округа, которые находились на стадии восстановления.

В конце декабря 1921 г. только по Сочинской волости было уплачено 150 штрафных пайков. В административном порядке были арестованы члены сельсоветов Хосты, Раздольного, Навагинского, арестован и предан суду ревтрибунала продинспектор Навагинского района⁵. В Волковском районе той же волости к судебной ответственности за несдачу продналога в течение декабря было привлечено 79 крестьян, из них 40 бедняков, 26 середняков и 13 зажиточных⁶. Социальный состав осужденных свидетельствует о том, что задания по продналогу не могли быть выполнены по объективным причинам и исключает классовую подоплеку в применении мер наказания. В селения, где значительная часть жителей являлась должниками, были введены на постой воинские части (Хоста, Раздольное, Пластунка, Навагинское)⁷. Таким образом, несмотря на инструкции, в первый год проведения нэпа сбор продналога в черноморской деревне, как и в целом по стране, осуществлялся методами «военного коммунизма».

С 1922 г. в налоговой политике начинают проявляться компромиссы и некоторые уступки крестьянству. 14 марта 1922 г. СНК было

² Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 42. Л. 1.

³ Там же. Д. 18. Л. 17, 25.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 47.

⁵ Там же. Д. 18. Л. 18, 55.

⁶ Там же. Л. 33–36.

⁷ Там же. Л. 19.

принято постановление «О порядке зачисления в недоимки несданного натуралога и об облегчении налогового бремени недоимочных хозяйств». На основании этого документа Кубано-Черноморский исполком издал постановление, согласно которому по всей территории области прекращался сбор хлеба и других продуктов, причитающихся для уплаты налогов за 1921 г. Хозяйства-должники зачислялись в недоимщики, а долги вместе с пеней следовало вернуть не позже 21 октября 1922 г. При этом учитывалось количество земли на хозяйство, наличие или отсутствие семян, инвентаря, рабочих рук. В зависимости от этих показателей хозяйства могли быть частично освобождены от несданного налога. Полностью освобождались от уплаты недоимки беднейшие хозяйства, а также пострадавшие от стихии или военных действий. Теперь объектами налогообложения были только скот и земля, остальные объекты, облагаемые ранее налогами, перестали учитываться⁸. Одновременно местные продовольственные комитеты получили право самостоятельно определять разряды урожайности и понижать эти ставки на местах «с тем, чтобы общее количество продналога оставалось прежним»⁹.

10 апреля 1922 г. постановлением Президиума ВЦИК множество отдельных налогов было заменено единым натуральным налогом. Была установлена единая весовая мера — пуд ржи, к которому приравнивались другие продукты сельскохозяйственного производства. Налогоплательщики получали некоторую свободу в уплате налогов, так как им разрешалось вносить причитающуюся сумму «ржанных единиц» другими продуктами сельского производства. Таким образом, по словам Л.Н. Литошенко, «весной 1922 г. продовольственной политике был действительно придан налогообразный вид» [2, с. 333].

Изменение, внесенное постановлением от 10 апреля, было очень актуально для черноморской деревни с ее специфической отраслевой структурой сельского хозяйства. Единый натуральный налог был введен на территории округа в июле 1922 г. постановлением Черноморского окрисполкома. Отдельный пункт данного документа касался граждан, за которыми числились недоимки по налогам 1921 г. Должники обязаны были рассчитаться с государством не позднее 20 июля 1922 г. (напомним, что в целом по стране крайний срок был установлен 21 октября)¹⁰. Таким образом, для крестьян Черноморского округа срок выплаты недоимок сократился на 4 месяца.

Тяжелое экономическое положение, в котором находились жители сельских поселений округа в первые годы нэпа, не позволяло выпол-

⁸ Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

⁹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 209. Л. 1.

¹⁰ АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.

нить задания по продналогу. Как отмечалось в отчете Черноморского окружкома комитета РКП(б) за период с 1 ноября 1922 г. по 1 ноября 1923 г.: «Непомерные налоги <...> заставляют крестьянина бросать насиженное хозяйство и «спасаться» кто куда (переселенчество) и в результате всего продналога собрали меньше, чем потрачено средств на его сбор <...>». В результате «голодовки и обилия налогов разного рода <...> настроение крестьянства было далеко не из радужных»¹¹. Например, крестьяне Геленджикского района неоднократно заявляли представителям властей, что из-за необходимости уплаты продналога им придется голодать зимой¹². В первой половине 1923 г. по инициативе окружкома РКП(б) в округе проводились беспартийные крестьянские конференции с целью «выявить голос хлеборобов Черноморья». Наиболее многочисленными и острыми вопросами на этих конференциях были вопросы, связанные с налоговой политикой: «недовольство на множественность налогов, их несвоевременность (в смысле времени года платежей) и высокие ставки обложения»¹³.

Двенадцатый съезд РКП (б), состоявшийся 17–25 апреля 1923 г., принял решение о введении единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), который заменил единый натуральный налог, трудовой гужевой налог, подворно-денежный налог, единовременный налог на восстановление сельского хозяйства и ряд местных налогов [1, с. 430]. Согласно постановлению ЦИК СССР от 26 июля 1923 г. о льготах по сельхозналогу, были ликвидированы все недоимки, числящиеся за населением по натуральным налогам 1921 г., по временному налогу 1922 г. на молочные продукты и яйца, а также по семенным ссудам, выданным до 1921 г., и ссуде, выданной весной 1921 г.¹⁴ В соответствии с этим постановлением в Черноморском округе льготы распространялись почти на 11 тыс. крестьянских хозяйств, что, по данным окружкома РКП(б), «отразилось на деревне безусловно в пользу Советской власти»¹⁵.

Таким образом, на первом этапе развития налоговой политики выявилась, прежде всего, специфика в обложении, соответствующая направлениям производственной деятельности крестьянских хозяйств Черноморья. Как и в целом по стране, здесь идет становление налогообложения сельского населения, когда имеют место и рецидивы «военного коммунизма», и поиск компромиссов с крестьянством. При этом «классовая линия» в налогообложении проявлялась еще не четко.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 285. Л. 1.

¹² Там же. Д. 191. Л. 49 об.

¹³ Там же. Д. 285. Л. 1.

¹⁴ Сборник распоряжений по единому сельхозналогу на 1923–1924. Ростов/Дону, 1923. Вып. 3. С. 26.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 285. Л. 2.

Второй этап осуществления налоговой политики в черноморской деревне датируется нами 1924–1927 гг. Его начало было ознаменовано заменой натурального обложения денежным. На Тринадцатой конференции РКП(б) (январь 1924 г.) была принята резолюция о переходе с 1924 г. «к взиманию единого сельскохозяйственного налога в денежной форме, с исчислением налога в твердой валюте» [1, с. 528]. К началу июня 1924 г. во всех районах Черноморского округа были проведены сходы граждан, на которых был заслушан закон о новом налоге и инструкции об учете объектов обложения. Отдельным постановлением Черноморский окружком РКП(б) определил, что «при проведении работы по учету объектов обложения, карательные меры к скрывающим их не должны носить массового характера, а должны быть применяемы с индивидуальным подходом в каждом случае, учитывая классовое происхождение привлекаемого»¹⁶.

На втором этапе практиковались разные методы налогообложения. В июле 1924 г. руководство округа установило в качестве объекта обложения площадь пахотной земли и определило 3-й разряд по урожайности, мотивируя это тем, что в крестьянском хозяйстве Черноморского округа происходит «сдвиг в сторону развития его и в целях способствования в таковом с одной стороны, и с другой, в виду гибели в южной части Черноморского округа значительной части посевов от засухи»¹⁷. В следующем, 1925 г., объектом обложения ЕСХН в черноморской деревне стал посев. Окружные власти объясняли такое решение тем, что «в Черноморском округе нет ни трехпольной, ни переложно-залежной системы землепользования», поэтому «единственно правильным обложением будет обложение с фактического засева, тем паче, что количество удобной и фактически засеянной земли совпадает»¹⁸. В результате сумма налога понизилась не для бедноты, а более зажиточных крестьян, которые засевали свои земли не полностью и, как констатировали окружные власти, «благодаря этому мы не провели нашей классовой политики в ЕСХН»¹⁹.

На втором этапе налоговой политики, осуществляемой в черноморской деревне, стала отчетливо проявляться «классовая линия». В 1926/27 хозяйственном году ставка единого сельхозналога в целом по округу была понижена на 23 % для 46,6 % хозяйств, признанных бедняцкими и маломощными середняцкими. Для 32,8 % середняцких хозяйств налог был стабилизирован на уровне прошлого года, и увеличен для 30,6 % кулацких хозяйств²⁰. В Сочинском районе, например, 1849 хо-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 998. Л. 16, 22.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 412. Л. 6 об.

¹⁸ Там же. Д. 311. Л. 23.

¹⁹ Там же. Д. 529. Л. 18–19.

²⁰ Там же. Д. 767. Л. 7.

зяйств или 23,9 % было освобождено от уплаты сельхозналога, для 3544 хозяйств (45,8 %) ставка налога была не более двух руб.²¹

Несмотря на такие уступки, сделанные беднейшей части сельских жителей, в округе периодически возникало недовольство налоговой политикой. Источником его в основном были представители бывшего казачьего сословия, большинство из которых проживало в Анапском районе. В станицах были зафиксированы такие разговоры: «Какой я буду казак, если я плачу налоги?»²². Однако недовольство казаков ограничивалось лишь подобными высказываниями, открытых конфликтов зафиксировано не было.

Проведение налоговой политики осложняла и разница в географических условиях. Так, например, в Сочинском районе значительная часть крестьянских хозяйств была расположена в предгорных и горных районах, где недостаток удобной земли и отсутствие путей сообщения ощущались особенно остро. Жители прибрежных селений имели возможность пользоваться железной и шоссейной дорогой, а также продавать свою продукцию курортным учреждениям и сдавать жилье отдыхающим. Несмотря на это, ЕСХН не дифференцировался и был одинаков для всех крестьян Сочинского района. От уплаты налога освобождались только беднейшие хозяйства вне зависимости от своего расположения.

Данная ситуация вызывала возмущение местного населения. Так, жители села Калиновое Озеро жаловались, что «многие продукты наших хозяйств остаются неиспользованными внутри поселка, а отсюда и наша нищета и беднота, и всякое сравнение нашей жизни с жизнью прибрежных поселков, пользующихся шоссейными дорогами, поставляющих на рынок всякий пустяк своего хозяйства и свободно платящих налоги, совершенно одинаковые как для нас, так и для них, вызывает в нас чувство обездоленности, заброшенности»²³. Представители Алеко-Преображенского общества требовали «обязательно отделить по уплате всех налогов жителей гор от побережья, ибо разница в этом видна, бесспорно, как по климату, так и по земле, урожаю и т.п.»²⁴. Земледельцы поселка Новые Сочи, который «представляет из себя гористую местность, где применение сельскохозяйственных орудий невозможно, а вся обработка земли производится <...> мотыгой и лопатой», просили «взимание сельхозналога не сравнивать с теми районами, где обработка земли производится машинным способом вплоть до тракторов»²⁵.

²¹ АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 250. Л. 53.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1001. Л. 93.

²³ АОАГС. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 189. Л. 17.

²⁴ Там же. Л. 34.

²⁵ Там же. Л. 56.

Наиболее распространенным способом уплаты ЕСХН в черноморской деревне была коллективная сдача денег председателям сельсоветов. Ход налоговой кампании в 1927 г. свидетельствует о трудностях взимания ЕСХН с крестьян округа. Так, на 1 декабря 1927 г. запланированные 90 % выполнения сбора налога были зарегистрированы только в Туапсинском и Шапсугском районах. В Анапском районе было собрано только 72,9 %, в Геленджикском — 69,3 %, Крымском — 82,0 %, Новороссийском — 80,9 %, Сочинском — 83,3 %²⁶. Для исправления этой ситуации были приняты меры к принудительному взысканию налога, которые выразились в составлении описей имущества, его изъятии и продаже с торгов. На 1 декабря 1927 г. в округе было составлено 1122 описей имущества, произведено 27 изъятий и состоялось два торга. Необходимость этих мер представители окружкома ВКП(б) объясняли тем, что «недоимщики немедленно по производству описи уплачивают ЕСХН, не допуская изъятия». При этом окружные власти указали сельсоветам на то, что «при наличии значительной недоимочности меры принудительного взыскания не носят массового характера»²⁷.

В целом для второго этапа был характерен поиск наиболее совершенных методов налогообложения сельского населения. Практиковалось взимание налога с различных объектов обложения, стал отчетливо проявляться классовый подход. Одновременно обозначилась серьезная проблема, специфичная для черноморской деревни, которая заключалась в том, что ЕСХН не учитывал особенности экономического развития крестьянских хозяйств, расположенных в разных географических зонах округа. Обращает на себя внимание тенденция к принудительному взиманию сельхозналога и применению репрессивных мер за неуплату в массовом масштабе.

Начало третьего этапа проведения налоговой политики в изучаемом регионе мы определяем весной 1928 г. Постановлением ЦИК СССР от 21 апреля 1928 г. было введено в действие новое положение о ЕСХН на 1928–1929 гг. Основные изменения заключались, прежде всего, в усилении классового принципа взимания налога. Для бедняцких хозяйств и части середняцких, граничащих по своему положению с бедняцкими хозяйствами, ставки налога были уменьшены; для середняцких хозяйств, граничащих с зажиточными — немного повышены. Наибольшее повышение налога коснулось зажиточных хозяйств, для которых были установлены особые надбавки к доходу от сельского хозяйства в размере от 5 до 25 % в зависимости от суммы дохода. В соответствии с новым законом особое внимание обращалось на обложение доходов от производства специальных культур и неземледельческих занятий. Эта поправка имела существенное значение для

²⁶ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 774. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 8.

черноморской деревни, население которой получало большую часть доходов от производства табака и неземледельческих занятий.

Судя по данным обследования, проведенного комиссией Северо-Кавказского крайисполкома за период 1928–1929 гг., в налогообложении крестьян округа произошли следующие изменения. В хозяйствах Анапского, Крымского и Новороссийского районов, где основной отраслью было полеводство, но наряду с ним получили развитие специальные отрасли (виноградарство, садоводство, табаководство), сумма налогов в среднем повысилась на 30 %. В хозяйствах Туапсинского и Геленджикского районов, где на первом месте находились специальные отрасли (табаководство, садоводство, виноградарство), но важную роль играли полеводство и неземледельческие заработки – налогообложение увеличилось в среднем на 64 %. В хозяйствах Сочинского района, где преимущественное значение имели доходы от табаководства и садоводства при наличии доходов от полеводства и неземледельческих занятий, налоги повысились в среднем на 50 %²⁸.

Итак, на третьем этапе налоговой политики (1928–1929 гг.) наблюдается усиление классового принципа в налогообложении доходов от сельского хозяйства. Применительно к черноморской деревне существенное значение имело также повышение суммы налогов от производства специальных культур и неземледельческих занятий, которые в большинстве крестьянских хозяйств являлись главным источником дохода. Налоговый пресс ставил определенные ограничения для развития основных отраслей сельскохозяйственного производства Черноморского округа.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II (1925–1953). М., 1953.
2. *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 841. Л. 238.

СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНТРАКТАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В СИБИРИ (КОНЕЦ 1920-Х – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)

На материалах Сибири проводится реконструкция процесса превращения контрактации в разновидность натуральной подати. Выявляются особенности функционирования контрактационной системы в начале 1930-х гг. Определяются причины ее демонтажа.

Ключевые слова: аграрная политика, коллективизация, сельскохозяйственная кооперация, налогово-податная система, контрактация, Сибирь.

Контрактация – заключение контракта (договора), по которому производитель берет на себя обязательство поставить оптовому покупателю (заготовителю) оговоренный объем сельскохозяйственной продукции по заранее оговоренным ценам и кондициям, а последний обязывается в счет будущих поставок предоставить в кредит финансовые и материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства.

В СССР контрактация технических культур применялась с 1922 г. В качестве ее контрагентов выступали, как правило, перерабатывающие предприятия и расположенные недалеко от них крестьянские хозяйства. Заключая договоры, предприятие обеспечивало себя сырьем в необходимых объемах. Контракты предусматривали выдачу посевицам денежных авансов, рассчитываемых на 1 га посева, включая стоимость семян. Аванс возвращался в установленный срок (после уборки) с процентным начислением. За несвоевременное возмещение начислялась неустойка. В случае неурожая возврат аванса переносился на следующий год без дополнительных взысканий. Произведенная контрактантами продукция закупалась по ценам, превышающим закупочные цены государственных и кооперативных заготовительных организаций.

В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к контрактации всех видов сельхозпродукции². При этом контрактация рассмат-

¹ *Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² См.: резолюция XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне» [6, с. 301]; резолюция ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 г.» [6, с. 372]; резолюция XVI конференции ВКП(б) «О путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка» [6, с. 459]; и др.

ривалась не только и не столько как метод заготовок сельхозпродукции, а как механизм организации сельхозпроизводства (прежде всего единоличного) на плановых началах. Одной из причин принятия решения о переходе к массовой контрактации стала серия заготовительных кризисов, к которым приводило директивное ценообразование. Крестьяне-производители того или иного вида сельхозпродукции, недовольные не соответствующим конъюнктуре уровнем государственных закупочных цен, сокращали ее производство или сбыт. В результате возникал дефицит продовольствия или сырья [1, с. 34–35, 41–42, 45, 47]. Контрактация, по мнению сторонников ее введения, позволяла устранить стихию рынка и гарантировать получение государством необходимых для снабжения населения и перерабатывающей промышленности объемов продукции. При этом организация контрактации, получившей официальное определение «производственной», полностью передавалась сельскохозяйственной кооперации, на которую в соответствии с так называемым ленинским кооперативным планом возлагалась задача социалистического преобразования сельского хозяйства. Перерабатывающие предприятия должны были заключать договоры на поставку не с производителями, а с кооперативными союзами. Коопсоюзы в свою очередь заключали договоры с низовыми кооперативами, а те — непосредственно с посевищиками.

В Сибири первая кампания по контрактации развернулась в период подготовки к весенней посевной кампании 1928 г. Сельхозкооперация заключала договоры на производство и поставку зерновых и зернобобовых, подсолнечника и льна. Основной задачей контрактации зерновых была замена крестьянских «рядовых» семян чистосортными. Посевщикам выдавалась беспроцентная ссуда сортовыми семенами. Контрактанты обязывались сдать кооперации все товарные излишки произведенного зерна, которое закупалось с доплатой за высокую сортность. Ссуда погашалась одновременно со сдачей. Авансовая контрактация «рядового» зерна разворачивалась лишь в районах, в которых не было достигнуто восстановление посевных площадей. Контрактация технических культур и ячменя (для пивоваренной промышленности) осуществлялась на основе выдачи натуральных (семена) и денежных авансов. Посевщикам оказывалась агрономическая помощь со стороны кооперативного агрономического персонала. Договоры контрактации предусматривали сдачу кооперации определенной доли полученного урожая и неустойку за невыполнение данного условия³.

Контрактация должна была решать не только производственные, но и социально-классовые задачи. Размеры авансов дифференцирова-

³ Хлебоцентр. 1927. № 17–18. С. 35; 1928. № 8–9. С. 26; № 10. С. 30. Контрактация подсолнечника предусматривала сдачу не менее 80 % «числотаго сбора» и 25-процентную неустойку (Там же. 1928. № 8–9. С. 28).

лись в зависимости от состоятельности хозяйства. Максимальные их суммы получала беднота. Договоры на контрактацию «рядовых» зерновых посевов заключались только с «бедняцкими и маломощными» хозяйствами при условии их объединения в ТОЗы. Еще больше льгот предоставлялось колхозам. Им выдавались не только семена, но и минеральные удобрения, сельхозмашины⁴.

В Сибирском крае в 1928 г. законтраковали 3,8 % общей площади посева зерновых и 18,0 % – технических культур. Сортовая контрактация зерновых составила 165,1 тыс. га, «рядовая» яровая – 21,2 тыс., озимая «рядовая» (осенью сортовая контрактация в регионе не проводилась) – 25,4 тыс. га. В СССР в целом весной 1928 г. было законтраковано 4,2 % посевов зерновых, осенью – 16,0 %⁵. В Сибири в силу незначительности доли озимых культур в общей площади посева размеры осенней контрактации были минимальны.

В декабре 1928 г. СТО СССР указал на необходимость «дальнейшего расширения практики контрактации»⁶. Увеличился перечень контрактируемых продуктов. В Сибири в начале 1929 г. в районах, специализировавшихся на производстве масла, была проведена контрактация молока в индивидуальных хозяйствах, которая стимулировалась льготным исчислением сельхозналога, а также продажей по государственным ценам зерна и так называемых сильных (концентрированных) кормов. Скидку с налога крестьяне получали в том случае, если заключали договор о контрактации, в котором обязывались сдать за год установленный объем молока. Величина годового «заноса» молока на маслозавод зависела от количества коров в хозяйстве. Чем их было больше, тем больше была норма сдачи в расчете на одну корову. Хлеб и «сильные» корма продавались тем контрактантам, которые обязывались увеличить «занос» молока на маслозавод по сравнению с предшествующим годом. В случае невыполнения договора сдатчик лишался налоговых льгот, вносил неустойку за каждый несданный пуд, выплачивал приходящуюся на несданное молоко стоимость приобретенного хлеба с пятикратной надбавкой и кормов с десятипроцентной надбавкой⁷.

Основное внимание государство уделяло контрактации зерновых культур, которая должна была стать гарантией от повторения хлебоза-

⁴ Хлебоцентр... № 10. С. 29; № 11. С. 35.

⁵ Там же. № 20. С. 6, 8; № 21. С. 11; Отчет о работе Сибирского краевого комитета ВКП(б) (К V краевой партийной конференции). Новосибирск, 1930. С. 73; Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 276–277, 298–299; Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 111; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936. С. 241.

⁶ СЗ СССР. 1929. № 3. Ст. 29.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 334. Л. 7.

готовительного кризиса. При этом из-за нехватки средств на авансирование было принято решение расширять безавансовую контрактацию. Авансы заменялись производственными кредитами (на приобретение семян и сельхозмашин). Кредиты погашались путем зачета стоимости сданной продукции. Предусматривалось увеличение масштабов агрономического обслуживания контрактантов. Но главным стимулом для развития безавансовой контрактации должны были стать надбавки к закупочной цене (за сдачу в срок, предусмотренный договором, за партионность сдачи, за качество при сортовой контрактации). Хозяйство, не выполнившее своих обязательств по срокам поставки, которые не должны были превышать двух месяцев с начала уборки, выплачивало неустойку, не освобождавшую его от сдачи продукции. В договоры включались пункты, обязывающие контрактантов расширить посевную площадь. Сдача хлеба по контрактации включалась в план государственных централизованных заготовок⁸.

Договоры о сортовой контрактации стали заключаться только с колхозами, простейшими производственными кооперативами и земельными обществами при условии перехода последних «в определенный срок к общественным формам производства». При этом часть выдаваемого посевщикам чистосортного зерна должна была обмениваться на имевшееся у них «рядовое», а разница в цене зачислялась в аванс с последующим погашением⁹.

Весной 1929 г. в контрактационные соглашения стали включаться требования о проведении посевщиками агроминимума (перечня простейших агрономических мероприятий, направленных на повышение урожайности). Выполнение агроминимума в рамках земельного общества давало право на получение налоговых льгот¹⁰. Устанавливались погектарные нормы сдачи сельхозпродукции, дифференцированные по имущественным категориям крестьян. Данные нормы рассматривались как минимальные, их выполнение «вовсе не означало, что контрактант свободен в распоряжении остальной частью урожая»¹¹.

В озимую кампанию 1929 г. удельный вес авансовой и безобменной сортовой контрактации сократился еще больше. Семенной ссудой без обязательного обмена на рядовые семена обеспечивалось лишь 25 % сортовой контрактации зерновых культур. В Сибири без авансов пла-

⁸ Хлебоцентр. 1929. № 4. С. 1; № 12–13. С. 14.

⁹ Там же. № 10–11. С. 70; № 14–15. С. 3.

¹⁰ Там же. 1929. № 12–13. С. 14.

¹¹ Там же. С. 18. В Сибири были установлены следующие нормы сдачи зерна с 1 га посева зерновых: по авансовой контрактации для бедняцких хозяйств – 2 ц/га, для середняцких – 2,9 ц/га, для зажиточных – 4,1 ц/га; по безавансовой контрактации – 1,6, 2,5 и 3,3 ц/га соответственно (Там же. № 20. С. 12).

нировалось законтрактовать 300 тыс. га, с выдачей таких — 80 тыс. га. Семенная ссуда и авансы предназначались только для колхозов, бедноты и середняков. Их выдача зажиточным крестьянам была запрещена даже при условии заключения договора с земельным обществом в целом¹².

В Сибирском крае в 1929 г. размер контрактации достиг 23,5 % от общей площади посева зерновых и 40 % технических культур. В СССР в целом весной 1929 г. было законтрактовано 25 % посевов зерновых, осенью — 35 %. До 70 % законтрактованного озимого клина страны приходилось на безавансовую контрактацию¹³. В отличие от зерновых контрактационные соглашения на производство и поставку технических культур, картофеля, овощей, большинства видов животноводческого сырья предусматривали выдачу авансов.

Исходя из требований центра о массовом переходе к контрактации, сибирские власти поставили перед местными органами управления задачу добиться заключения договоров о поставке молока и скота на мясо со всеми земельными обществами и коллективными хозяйствами края¹⁴. Кроме того, в регионе проводилась работа по контрактации шерсти, кожевенного сырья, овечьего и козьего молока для его переработки на брынзу, а также «товарных излишков яйца и птицы».

Контрактанты, обеспечив должный уход за скотом (зооинимум), должны были сдать в оговоренные сроки кооперативным заготовителям установленный объем продукции надлежащего качества. При этом основной задачей контрактации скота на мясо являлось не увеличение объемов мясозаготовок, а предотвращение его массового убоя. В договорах по этому поводу особо оговаривалось обязательство владельцев сохранить («передержать») животных в течение определенного срока. Сельсоветам надлежало регистрировать законтрактованный скот, а также контролировать его сохранность и соответствующее содержание. Преждевременный убой наказывался денежной неустойкой. В свою очередь, государство в лице заключавших договоры коопсоюзов должно было выдавать контрактанту авансы и концентрированные корма, а также гарантировало ему ветеринарную помощь. Своевременная сдача скота премировалась пятипроцентной надбавкой к заготовительной цене¹⁵.

Молочная контрактация, которая была безавансовой, стимулировалась «сильными» кормами, дефицитными промышленными и продовольственными товарами (тканями, сахаром, рыбой, растительным

¹² Хлебоцентр. 1929. № 18. С. 3, 4; ГАНУ-Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 296. Л. 29 об.

¹³ Отчет о работе Сибирского краевого комитета ВКП(б). С. 73; Сибирский край. С. 276–277, 298–299; Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 111.

¹⁴ ГАНУ. Сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929–1930 г. Л. 97, 99–100, 110.

¹⁵ Там же. Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2; Д. 192; Д. 445.

маслом) и хлебом. Контрактация шерсти обеспечивалась авансами, кормами (овсом) и промтоварами. Снабжение и авансирование контрактантов осуществлялось по так называемому классовому принципу. Нормативы выдачи для колхозов повышались, а хозяйства, отнесенные в разряд кулацких, не получали ничего. Досрочный убой скота в них преследовался не в административном, а в уголовном порядке. Более того, если остальным категориям контрактантов оказывалась бесплатная ветеринарная помощь, то кулаки за нее должны были платить.

Во второй половине 1929 г. органами верховной власти СССР и РСФСР в систему контрактации были внесены принципиальные изменения¹⁶. «Для облегчения борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления мероприятиям по социалистической реконструкции сельского хозяйства» контрактационные договоры с земобществами должны были утверждаться на общем собрании их членов «бедняцко-средняцким большинством». Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, «учитывая мощность их хозяйств». Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполнявшие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Вводилась коллективная ответственность за невыполнение договорных обязательств. В погашении денежной неустойки за несвоевременную поставку зерна должны были участвовать все члены производственного кооператива или земельного общества.

Таким образом, во второй половине 1929 г. произошел переход от добровольной и индивидуальной к обязательной и коллективной контрактации, которая превращалась в разновидность разверстки и приобретала характер натуральной подати.

В 1930 г. параллельно с массовой коллективизацией планировалось осуществить полномасштабный переход к контрактации сельскохозяйственного производства. Но из-за развала большинства созданных зимой и в начале весны этого года колхозов, с которыми были заключены договоры, выполнить поставленную задачу не удалось. Значительное число вышедших из колхозов крестьянских хозяйств оказалось неохваченным контрактацией. В связи с этим в конце весны — начале лета фактически заново была проведена договорная кампания по контрактации сельхозпродуктов («сплошная проверка»)¹⁷. Основ-

¹⁶ Постановления ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах и очередных задачах в области контрактации зерновых посевов» [5, с. 196–198], СНК СССР от 7 октября 1929 г. «О контрактации продуктов сельского хозяйства» (СЗ СССР. 1929. № 65. Ст. 610), ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. «О порядке заключения и выполнения договоров о контрактации сельскохозяйственных продуктов земельными обществами» (СУ РСФСР. 1929. № 89–90. Ст. 900).

¹⁷ ГАНУ. Сб. протоколов пленумов и заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929–1930 г. Л. 449–450; Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 445. Б/л; Д. 21. Л. 1–8.

ной задачей кампании являлось доведение календарного плана сдачи продукции до каждого колхоза и двора, после чего надлежало осуществлять «постоянный и жесткий контроль» за их соблюдением. При этом в контрактационную систему вносились некоторые изменения. Вновь разрешалось заключение договоров не только с земельными обществами, но и с индивидуальными («беднячко-среднячками») хозяйствами, а также их неформальными группами («группами посевищиков»)¹⁸. Запрещалась контрактация посевов хозяйств, отнесенных к категории кулацких. Эти хозяйства получали «твердые» задания на сдачу сельхозпродуктов, размеры которых определялись комиссиями содействия заготовкам и утверждались непосредственно сельсоветами, минуя стадию их обсуждения на сельском сходе¹⁹.

В 1931 г. контрактационная система стала основным методом государственных заготовок сельхозпродукции и приобрела всеобщий характер, охватывая единоличников, колхозы, личные приусадебные хозяйства колхозников. В Сибири контрактровались практически все продукты полеводства и животноводства: зерновые, крупяные, бобовые, масличные и технические культуры, кормовые корнеплоды, семена трав, картофель, овощи, молоко, шерсть, коженное сырье, яйцо, сено.

Заготовки продукции растениеводства в рамках контрактации осуществлялись по следующей схеме²⁰. Начиналось все с разверстки на регионы, районы, колхозы и сельсоветы посевных планов, которые обсуждались и утверждались на общих собраниях колхозников или на собраниях единоличников, чьи хозяйства относились к категории бедняцких или середняцких. В единоличном секторе посевные обязательства, взятые на себя группой посевищиков, распределялись между всеми дворами. Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом.

После принятия посевных заданий и исходя из их размеров уполномоченные райколхоз- или райкоопсоюзов приступали к заключению договоров о контрактации, которые также обсуждались и принимались на собраниях колхозников и единоличников. Договоры с личными хозяйствами членов колхозов заключались в индивидуальном порядке и утверждались сельсоветами. В соответствии с заключенным договором контрактанты должны были вырастить указанную в нем культуру с «агротинимумом» и сдать ее «товарные излишки» государству. В договорах также оговаривались примерные нормы (в % от ва-

¹⁸ Известия. 1930. 1 июля.

¹⁹ СЗ СССР. 1930. № 34. Ст. 374.

²⁰ ГАНО. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 511. Л. 25–27; Д. 651. Л. 122–123; Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 252. Л. 1–3; Хлебоцентр. 1931. № 5–6. С. 26–28.

лового сбора)²¹, место, предельные сроки сдачи продукции, а также ее качество и заготовительная цена. В 1931 г. была прекращена выплата большей части доплат к закупочной цене. Остались лишь надбавки за «чистосортность» и за сдачу масличных непосредственно на перерабатывающее предприятие.

В соответствии с действующими нормативными актами окончательные объемы продукции, подлежащей поставке государству по контрактации, должны были устанавливаться перед началом уборочных работ после определения урожайности. В действительности же размер сдачи зависел не от урожая, а от заготовительного задания, которое устанавливалось центром и разверстывалось на регионы, районы, сельсоветы и колхозы. При этом краевые и районные власти могли увеличить доведенное до них задание, чтобы застраховать себя от его возможного невыполнения. Разверстанное на сельсовет или колхоз заготовительное задание вновь должно было обсуждаться и приниматься на соответствующих собраниях, а также утверждаться сельсоветом.

В перечень обязательств, которые от имени государства брали на себя райсоюзы, могло входить снабжение контрактантов сортовыми семенами, их агрономическое обслуживание, авансирование и производственное кредитование, снабжение дефицитными промышленными товарами по государственным ценам. Для производителей технических культур предусматривалась выдача продуктов их переработки (сахара, растительного масла, жмыхов и др.), а также продажа хлеба по государственным ценам. Посевщики ряда технических культур при условии выполнения ими условий контрактационных договоров по площади посева, объемам и срокам поставок полностью или частично освобождались от хлебосдачи. Однако в полном объеме данный перечень реализовывался лишь в редких случаях. Производственное кредитование предусматривалось лишь в отношении колхозов. Сортовыми семенами обеспечивалась незначительная часть посевов. Контрактация зерновых и сена была безавансовой, а производство большин-

²¹ Президиум Западно-Сибирского крайисполкома своим постановлением от 20 февраля 1931 г. установил на текущий год следующие средние нормы сдачи продукции растениеводства (в % от валового сбора): сена – 22 %, бобовых – 50, семян льна-долгунца и конопли – 55, пеньки – 60, семян льна-кудряша и кормовых трав – 70, льноволокна, подсолнечника, мака, горчицы и рыжика – 80 %. В районах, специализирующихся на производстве зерновых, сдаче государству подлежало от 1/4 до 1/3 их валового сбора, в так называемых незерновых районах – не более 1/8 (Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома, его отделов и управлений. 1931. № 5. Ст. 197).

ства остальных культур авансировалось лишь частично²². Авансирование, товаро- и хлебоснабжение единоличников производилось по остаточному принципу и по нормам, уступающим колхозным. Принятые в начале сельскохозяйственного года нормы снабжения могли впоследствии быть снижены.

За пределами контрактационной системы, помимо так называемых кулацко-зажиточных хозяйств, оставались колхозы, расположенные в зоне действия МТС, которых обязывали заключать с последними договоры об обслуживании, предусматривающие поставку государству «всех товарных излишков полевого хозяйства»²³.

В животноводстве схема функционирования контрактационной системы была в целом аналогичной, но имела свою специфику²⁴. Так же, как и применительно к продуктам растениеводства, кампания по контрактации продуктов животноводства начиналась с разверстки на регионы, районы и села годовых заготовительных планов. Поселенные планы утверждались райисполкомом отдельно по единоличному и колхозному секторам, а затем обсуждались и принимались на общих собраниях колхозников или на бедняцко-средняцких собраниях единоличников. В колхозном секторе заготовительный план делился между обобщественным и необобщественным стадом.

В контрактационных договорах определялись обязательства коллективных и индивидуальных хозяйств по сохранению и содержанию скота, а также объемы, сроки и порядок поставок произведенной продукции. Применительно к молоку устанавливались помесячные размеры сдачи. Государство, в свою очередь, в лице кооперативных союзов обязывалось осуществлять зоотехническое обслуживание контрактантов и снабжать их промтоварами. Колхозам выделялись производственные кредиты. Отпуск промтоваров и выделение кредитов ставились в прямую зависимость от выполнения заготовительных планов и фактически являлись премиями «исправным» сдатчикам. Выдача дефицитных товаров производилась в первую очередь колхозни-

²² В 1931 г. в Западно-Сибирском крае полностью авансировались сахарная свекла, конопля, рыжик, горчица и мак, занимавшие мизерную часть посевных площадей. Посевы бобовых и подсолнечника авансировались только в колхозах и только частично (соответственно 70 и 50 % площади посева, 9 и 7 руб. на 1 га). Авансированию подлежали 23,5 % посевов льна-долгунца и 28,7 % — льна-кудряша. Для единоличных хозяйств, деньги которым выдавались по остаточному принципу, нормы авансирования мака, горчицы, льна и конопли должны были быть на 1/3 меньше колхозных. (Там же.)

²³ ГАНО. Ф. Р-1081. Оп. 1. Д. 2. Л. 37–43.

²⁴ Там же. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 486. Л. 51–54, 87–91; Д. 93. Л. 100–104; Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–8.

кам. Для них были установлены более высокие, чем для единоличников, нормы снабжения. Контрактация молока была безавансовой, а шерсти и яиц — как авансовой, так и безавансовой. «Частичная» выдача авансов в счет сдачи скота производилась «исключительно нуждающимся колхозам и колхозникам».

Как в животноводстве, так и в растениеводстве разверстанный на село заготовительный план далеко не всегда являлся окончательным и в течение года мог вырасти. Его увеличение проводилось в форме «встречного» плана или дополнительного задания и сопровождалось так называемой доконтрактацией, предусматривавшей повышение норм и объемов сдачи продукции.

Таким образом, сложившаяся в 1930—1931 гг. контрактационная система включала в себя базовые элементы урало-сибирского метода заготовок сельскохозяйственных продуктов (см.: [3]). Более того, ее центральным звеном являлись не контрактационные договоры, а заготовительные планы, разверстываемые накануне начала уборки урожая на сельсоветы и колхозы. Данная система требовала от местных властей неоднократных и значительных управленческих усилий. Еще до начала заготовок им необходимо было провести три хозяйственно-политические кампании, в ходе которых армии посылаемых в деревню уполномоченных следовало добиться от колхозников и единоличников сначала принятия посевных планов, затем договоров контрактации и, наконец, годовых заготовительных заданий.

В 1932 г. в контрактационную систему был внесен ряд изменений. Упразднили сельскохозяйственную кооперацию, а ранее закрепленную за ней функцию контрактационных заготовок передали государственным заготорганизациям²⁵. В силу сложностей, возникавших с организацией собраний единоличников, многие сельсоветы стали брать на себя функции непосредственной разверстки заготовительных заданий не только на «кулацко-зажиточные», но и на так называемые трудовые крестьянские хозяйства. Таким образом, обязательства по сдаче сельхозпродуктов единоличниками, отнесенными к категории бедняков или середняков, де-факто превращались в «твердые задания» [2, с. 98].

Кроме того, в силу неразвитости инфраструктуры по хранению и переработке поступающих государству овощей, картофеля и сена существенно сокращались масштабы их контрактации. Договоры об их поставках стали заключаться лишь с колхозами и единоличными хозяйствами, расположенными недалеко от перерабатывающих предприятий, городов и рабочих поселков, железнодорожных и водных путей сообщения. В договорах по контрактации ряда продуктов растениеводства стали заранее предусматриваться фиксированные нормы поставок в центнерах с гектара. Объем сдачи сена также не привязывал-

²⁵ СЗ СССР. 1932. № 10. Ст. 53.

ся к его валовому сбору, а устанавливался в центнерах, «исходя из преподанного району плана наличия сенокосных угодий, товарного выхода и с учетом направления хозяйства»²⁶.

Отличительной чертой контрактационной системы, функционировавшей в начале 1930-х гг., была нестабильность заготовительных планов — в течение года они могли неоднократно меняться в сторону увеличения. Основным механизмом увеличения заготовительных заданий являлись «встречные» планы. Формально они должны были представлять собой добровольно выдвинутые трудящимися повышенные, по сравнению с государственным планом, обязательства на основе учета реально имеющихся резервов. На деле решение о необходимости выполнения регионом «встречного» плана принималось органами верховной власти страны. Затем полученное дополнительное задание разверстывалось по районам и далее — по селам. Подобной практикой широко пользовались и местные власти, перекладывая невыполненные заготовительные задания с одного района или колхоза на другой.

Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их стимулов для расширения сельскохозяйственного производства, которое переживало глубокий кризис. С целью исправления ситуации в конце 1932 — начале 1933 г. контрактационная система была отменена. Вместо нее вводились официально имеющие налоговый характер обязательные поставки основных видов сельхозпродукции [2, с. 107, 119].

Наряду с обязательными поставками сохранялась контрактация сахарной свеклы, льна, конопли, табака, махорки, масличных культур, овощей и сена. Объемы сдачи масличных, табака и махорки исчислялись по установленным в начале сельскохозяйственного года «твердым» погектарным нормам. Планы заготовок остальных контрактруемых культур определялись исходя из посевных планов (для сена — планов освоения сенокосных угодий) и заданий по урожайности. Выполнение заготовительных заданий по контрактации, как и по поставкам, провозглашалось «первоочередной обязанностью» колхозов, колхозников и единоличников и должно было осуществляться в законодательно установленные календарные сроки. Контрактация сена оставалась безавансовой. Хозяйствам, контрактруемым по другим продуктам, выдавались денежные авансы и продукты переработки [2, с. 109].

В начале 1940-х гг. в рамках дальнейшего реформирования порядка натурального налогообложения перечень контрактруемых продуктов сократился еще больше. В Сибири контрактация в сколько-нибудь существенных размерах продолжала применяться лишь к сахарной свекле. В 1948 г. восстановлена авансовая контрактация табака, ма-

²⁶ СЗ СССР. № 47. Ст. 275; № 48. Ст. 286; № 50. Ст. 306; ГАНО. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 223. Л. 16–25.

хорки, льноволокна и пеньки. Заготовительные цены на контрактные культуры были более высокими, чем на остальную продукцию сельского хозяйства. Сверхплановые заготовки поощрялись прогрессивными премиями-надбавками [4, с. 130].

В 1958 г. производственную контрактацию технических культур отменили. Контрактационные договоры стали основным элементом действующей вплоть до начала 1990-х гг. системы государственных закупок сельхозпродукции.

Литература

1. *Ильиных В.А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в условиях нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005.
2. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
3. *Ильиных В.А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.
4. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. II.
5. Коллективизация сельского хозяйства: важнейшие постановления Коммунистической партии и советского правительства. 1927–1935. М., 1957.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.

ХЛЕБОЗАГОТОВКИ В СССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

На материалах центральных и региональных архивов характеризуется хлебозаготовительная политика сталинского руководства в годы первой пятилетки. В центре внимания хлебозаготовительные кампании 1929–1932 гг. и их результаты.

Ключевые слова: хлебозаготовки, индустриализация, аграрная политика, коллективизация, зерновой экспорт.

Одним из феноменов сталинской эпохи являются хлебозаготовки периода первой пятилетки. Они в полной мере отражают ее суть и историческое значение. Именно хлеб стал важнейшим источником форсированной индустриализации. Ради его получения в нужном объеме и в сжатые сроки была проведена насильственная коллективизация. Колхозы стали наиболее удобной формой сельскохозяйственного производства для бесперебойного снабжения хлебом растущих промышленных центров и нужд экспорта. Обратной стороной медали стало разорение сельского хозяйства СССР и гибель от голода миллионов советских крестьян. Хлебозаготовки в годы первой пятилетки напоминали по форме и методам осуществления продрозверстку периода Гражданской войны. Это были принудительные хлебозаготовки. Хлеб изымался из колхозов и единоличных хозяйств с помощью административно-репрессивного механизма государства [8].

Подобная ситуация была результатом возникновения в СССР во второй половине 1920-х гг. хлебозаготовительных трудностей. Кризис хлебозаготовок был явлением, обусловленным комплексом факторов объективного и субъективного порядка. В его основе была проблема несбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства в результате последствий пережитых страной Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Они подорвали народное хозяйство и воспроизвели архаичное крестьянское мелкотоварное полунаатуральное хозяйство, которое не обеспечивало растущих потребностей промышленного развития страны, внутренних источников для исторически необходимой индустриализации в силу своей низкой товарности, ориентации на удовлетворение собственных нужд. Ситуация усугубилась неблагоприятными погодными условиями (засухами 1924, 1927, 1929 гг.) [5], а также ухудшением международной обстановки во второй половине 1920-х гг.

¹ Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, Пензенский государственный университет, vikont37@yandex.ru, Россия, г. Пенза.

Субъективной причиной возникновения хлебозаготовительных трудностей в СССР была аграрная политика Советского государства, определяемая как выше названными объективными факторами, так и субъективным элементом внутрипартийной борьбы за власть между сталинской группировкой и оппозицией, предлагавшими разные варианты преодоления возникшего в стране кризиса хлебозаготовок [9, с. 21–24]. Победителем в борьбе за власть вышел И.В. Сталин и его команда. Данный факт в решающей степени предопределил направление хлебозаготовительной политики в годы первой пятилетки.

Ставка сталинского руководства на «принудительный» характер хлебозаготовок в данный период была обусловлена успешным опытом преодоления хлебозаготовительного кризиса зимой 1927/1928 г. в результате поездки И.В. Сталина в Сибирь [3, с. 129–143]. Тогда вождь убедился в силе административно-репрессивного ресурса, почувствовал поддержку на местах значительной массы сельских активистов, готовых беспрекословно выполнять его распоряжения, увидел способность колхозов сдавать государству имеющейся в их распоряжении хлеб. Успешный результат урало-сибирского метода хлебозаготовок в хлебозаготовительную кампанию 1928 г. придал еще большую уверенность сталинскому руководству в эффективности политики принудительных хлебозаготовок, укрепив его желание провести в стране сплошную коллективизацию сельского хозяйства для получения ресурсов во имя поддержания взятых темпов индустриализации.

Хлебозаготовки 1929 г. способствовали сохранению и упрочению сталинского курса на форсированную индустриализацию страны [6, с. 451]. Это была первая из четырех хлебозаготовительных кампаний первой пятилетки.

Погодные условия в 1929 г. были менее благоприятными, чем в 1928 г. Валовый сбор зерна по стране уменьшился на 2,4 млн т (71,7 млн т против 73,1 млн т урожая 1928 г.)². Тем не менее, план хлебозаготовок был увеличен на 179,2 тыс. т, по сравнению с предшествующим годом, и составил цифру 11 млн 200 тыс. т. О необходимости его выполнения любой ценой И.В. Сталин прямо указал В.М. Молотову в письме от 21 августа 1929 г.: «Хлебозаготовки в нынешнем году – основное в нашей практике, – если на этом сорвемся, все будет смято» [11, с. 147]. Спустя неделю в другом письме он с удовлетворением отметил: «Хлебозаготовки пошли хорошо <...>. Если с хлебом выиграем, – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики» [11, с. 156].

Хлебозаготовки 1929 г. выполнялись за счет усиления нажима на крестьянство. Кратирование и раскулачивание стали основным методом их выполнения [1, с. 184–185; 13, с. 659–660].

² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 166. Л. 230–231.

Только по официальным данным нормы изъятия зерна в счет хлебозаготовок составили в Центральном Черноземной районе (ЦЧО) – 21,5 %, Нижне-Волжском крае (НВК) – 25,9, Северо-Кавказском крае (СКК) – 34,3, Средне-Волжском крае (СВК) – 16,3, Казахстане (КАССР) – 26,4, на Украине (УССР) – 22,1 %³. Эти цифры – лишь средний показатель по регионам. Они не отражают реальной картины хлебозаготовок. Местами для выполнения заготовительного плана крестьяне сдали более половины урожая, затронув даже семенные фонды.

В ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г. создается административный орган, сыгравший важнейшую роль в событиях 1932–1933 гг. на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. Это чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам. Они направляются решением ЦК ВКП(б) в Сибирь, Поволжье, на Урал и в Казахстан с целью переломить кризисную ситуацию в хлебозаготовках, а фактически – для того чтобы выбить хлеб из деревни.

В результате применения чрезвычайных мер к крестьянству, нажима на «кулачество» план хлебозаготовок 1929 г. был выполнен досрочно (см. табл. 1).

Таблица 1

Хлебозаготовки в июле-декабре 1928 и 1929 гг. (млн пуд.).

	1928 г.	1929 г.	1929 г. в % к 1928 г.
Июль	61,1	17,2	282,3
Август	34,4	114,8	333,6
Сентябрь	86,7	227,1	261,8
Октябрь	106,5	303,6	285,0
Ноябрь	60,8	142,3	234,1
Декабрь	60,7	60,3	99,3
Итого:	355,2	864,6	243,6

Источник: [10, с. 70].

В ходе хлебозаготовительной кампании 1929 г. было заготовлено почти в 2,5 раза больше хлеба, чем за тот же период 1928 г., причем колхозы и совхозы сдали государству 12 % общего объема заготовок [4, с. 39–40]⁴.

В 1929 г. впервые был образован так называемый неприкосновенный фонд («непфонд») в размере 100 млн пудов для нужд индустриализации. Этот факт И.В. Сталин считал важнейшей победой индустриализации и подтверждением правильности курса на принудительные хлебозаготовки и насильственную коллективизацию. Из фонда

³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 117. Л. 4.

⁴ Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 69–70.

хлебозаготовок 1929 г. удалось направить на экспорт, по данным наркома снабжения СССР А.И. Микояна, 5,6 млн тонн зерна – наибольшее количество за весь послереволюционный период⁵.

Хлебозаготовительная кампания 1929 г. оказалась успешной с точки зрения выполнения установленного государственного плана. Она позволила получить значительные ресурсы для нужд индустриализации. Но ценой этого стал голод в сельских регионах страны⁶.

Новая хлебозаготовительная кампания 1930 г. в полной мере подтвердила главную цель сталинской коллективизации – превращение сельского хозяйства страны в основной источник финансирования индустриализации. Необходимые ресурсы для обеспечения потребностей флагманов первой пятилетки в 1930 г. мог дать только экспорт хлеба. В начале августа 1930 г. И.В. Сталин писал В.М. Молотову: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут» [11, с. 194]. В письме Молотову от 24 августа 1930 г. он подчеркивал: «Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 миллионов пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов» [11, с. 203]. Об этом же шла речь в многочисленных постановлениях ЦК ВКП(б) за 1930 г. [15, с. 599]⁷.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование плана хлебозаготовок 1930 г., стала погода. В основных зерновых регионах СССР она была исключительно благоприятной. Урожай 1930 г. был определен в размере 835,4 млн центнеров, на 118 млн центнеров больше, чем в 1929 г.⁸ На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 сентября 1930 г. констатировалось: «урожай хлебов в этом году превосходит урожай любого из прошлых годов за все время революции» [14, с. 633]. Хорошие виды на урожай позволили сталинскому руководству запланировать ранее невозможные для изъятия объемы зерна из деревни. План хлебозаготовок 1930 г. был установлен в размере 24 млн т (1500 млн пудов), в 2,1 раза больше, чем в 1929 г.

В 1930 г. проявились негативные издержки коллективизации и сложившейся системы планирования хлебозаготовок. Они сохраняются и в последующие годы.

Главным критерием величины заданий по хлебосдаче по конкретным регионам был установлен рост посевных площадей. С начала 1930 г.

⁵ Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 95.

⁶ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 778. Л. 394–398; Д. 824. Л. 69–71, 437–454.

⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 660. Л. 103.

⁸ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 166. Л. 230–237.

он обеспечивался исключительно за счет увеличения посевов колхозно-совхозного сектора⁹. По официальным данным, за первые два года коллективизации посевные площади зерновых культур в колхозах СССР выросли по сравнению с доколхозным периодом на 225,3 %¹⁰. Для региональных руководителей это были «успехи коллективизации», о которых они отчитывались перед Центром. Центр в свою очередь всячески подстегивал местные власти к «росту посевов», чтобы обложить их заданиями по хлебосдаче с целью повышения общей товарности зернового производства. На практике же «рост посевов» очень часто был лишь на бумаге [15, с. 101–103]. Кроме того, в условиях хаоса сплошной коллективизации он не обеспечивался необходимым тяглом и рабочими руками. Отсюда крайне низкая урожайность на колхозных полях, не позволявшая выполнять установленные планы хлебозаготовок¹¹. Но планы все равно давались по запланированным к росту посевным площадям.

В этом же ряду находится характерная не только для хлебозаготовительной кампании 1930 г., но и для последующих кампаний так называемая «уровниловка» в распределении плановых заданий колхозам и совхозам страны, широко практикуемая местной властью¹². Очень часто планы давались без учета реального положения колхоза, возможной урожайности его полей. Столкнувшись с фактом невыполнения плана, местные власти находили выход с помощью дачи «встречных» планов успешным хозяйствам, которые своими ресурсами перекрывали недобор отстающих. При этом центральная власть в 1930–1932 гг. всячески поощряла эту практику, поскольку она позволяла брать из деревни как можно больше зерна для нужд индустриализации [14, с. 625]¹³.

В годы первой пятилетки хлебозаготовки стали средством давления на единоличников с целью принудить их к вступлению в колхоз. Им давались фактически разорявшие их «твердые» задания, превышающие нормы сдачи колхозов [14, с. 634]¹⁴. Но принуждение единоличников к вступлению в колхозы с помощью дачи им завышенных планов хлебосдачи ожидаемого результата не дало¹⁵. Единоличники сокращали посевы или вообще отказываясь от них. В результате невыполненный план хлебосдачи перекладывался на колхозы, усугубляя их без того тяжелое положение.

⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 166. Л. 230–237.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 508. Л. 248–251.

¹² Там же.

¹³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 6. Д. 143. Л. 72–73; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 806. Л. 11–12.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 29. Л. 17.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 508. Л. 313–314.

В 1930/31 г. огромный план хлебозаготовок выполнялся до весны 1931 г. Административно-репрессивные меры против крестьянства были основным инструментом его выполнения [2, с. 162]¹⁶. Из урожая 1930 г. в счет обязательных госпоставок было заготовлено в СССР 1307,1 млн пудов (20,9 млн т), на 363 млн пудов (5,8 млн т) больше, чем из урожая 1929 г. (см. табл. 2). Нормы изъятия зерна из колхозов составили до 40 % от собранного урожая¹⁷. Региональными особенностями хлебозаготовительной кампании 1930 г. было изъятие огромной массы хлеба в основных зерновых районах СССР, ставшими зонами сплошной коллективизации. Бесспорным успехом хлебозаготовительной кампании стало продолжение зернового экспорта в огромных объемах по сравнению с доколхозным периодом. В 1930 г. он составил 4,8 млн т¹⁸.

Таблица 2

Фактические заготовки хлеба в зерновых районах СССР из урожая 1929–1930 гг. без совхозов и возврата семсуды с 90 % гарнира (млн пудов)

	1929/30 г.	1930/31 г.
Северо-Кавказский край	103,3	128,8
Украинская ССР	303,9	436,7
Нижне-Волжский край	68,5	84,9
Центрально-Черноземная область	106,0	114,1
Средне-Волжский край	46,6	72,3
Татарская АССР (ТатАССР)	15,7	16,4
Казахская АССР	37,8	40,7
Уральская область	42,4	74,0
Башкирская АССР (БашАССР)	15,3	35,6
В целом по СССР	943,8	1307,1

Источник: АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–85.

В 1931 г. сталинское руководство, не считаясь с засухой в основных зерновых районах пошло на дачу регионам беспрецедентных в истории СССР планов хлебозаготовок. Первоначальный общесоюзный план составлял 1612,0 млн пудов, на 305 млн пудов больше, чем

¹⁶ Государственный архив Ставропольского края. Ф. 636. Оп. 2. Д. 1267. Л. 19–19 об.; Государственный архив Павлодарской области Республики Казахстан. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Л. 45–46 об.; Центральный государственный архив Республики Удмуртия Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 34. Л. 219.

¹⁷ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 107–108.

¹⁸ Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 687.

было заготовлено из урожая 1930 г., в 2,4 раза больше, чем заготавливалось до начала коллективизации (см. табл. 3).

Таблица 3

**Планы хлебозаготовок в СССР из урожая 1931 г.
и фактические заготовки (млн пудов)**

Регион	Фактические заготовки 1930 г.	Первоначальный план 1931 г.	Окончательный план 1931 г.	Фактические заготовки 1931 г.
НВК	84,9	154,0	88,0	73,0
СВК	72,3	150,0	78,0	68,1
СКК	128,8	190,0	200,0	161,5
Урал	74,0	95,0	55,0	44,4
КАССР	40,7	85,0	55,0	40,4
ЦЧО	114,1	140,0	150,0	136,4
ТатАССР	16,4	32,0	34,0	32,7
БашАССР	35,6	49,0	30,0	27,7
УССР	436,7	520,0	430,0	415,4
СССР	1307,1	1612,0	1482,0	1371,4

Источники: АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–85; РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 190, 200–201.

Увеличение плана хлебозаготовок в 1931 г. явилось не только следствием желания увеличить экспорт зерна за рубеж, но было вызвано и необходимостью бороться с усиливающимся продовольственным кризисом в стране¹⁹.

В начальный период хлебозаготовительной кампании 1931 г. сталинское руководство берет курс на безоговорочное выполнение плана хлебозаготовок. Но поразившая зерновые районы засуха вносит свои коррективы. Настойчивые просьбы с мест региональных руководителей²⁰ вынудили Центр пойти на снижение первоначально установленных планов²¹. Кроме того, наиболее пострадавшим от засухи регионам были предоставлены семенные и фуражные ссуды²². Однако и окончательные планы остались чрезвычайно напряженными, а фактическое выполнение хлебозаготовок превзошло уровень самого благоприятного в климатическом отношении в СССР за все годы советской власти урожайного 1930 г., составив 21,9 млн т (1371,4 млн пудов).

Официальная норма изъятия урожая в счет хлебозаготовок в 1931 г. составила в среднем по СССР 30 %, а с учетом уточненного урожая ЦУНХУ СССР (683,7 млн ц вместо официальных 779,9 млн ц) — 32%²³.

¹⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 133; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 552. Л. 502–507, 546, 553–554; РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 10. Л. 86.

²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 141, 150–152, 188.

²¹ Там же. Л. 182.

²² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 154. Л. 15; АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 77. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 152. Л. 11.

²³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 89–102.

По регионам она была следующей: УССР – 41,3 %, СКК – 34,2, НВК – 41,0, СВК – 38,6, КАССР – 39,5 %²⁴.

Следует отметить, что о реальных размерах урожая 1931 г. у Центра не было точных сведений. В действительности он был значительно ниже даже уточненного ЦУНХУ СССР урожая, поскольку уровень агротехники из-за издержек коллективизации (гибели скота, ухода трудоспособной части крестьян на заработки в города и т.д.) существенно ухудшился²⁵. Поэтому реальные изъятия зерна из советской деревни были значительно больше, чем указано в официальных документах.

Успешное выполнение плана хлебозаготовок 1931 г. оказалось возможным потому, что в этом году, по сравнению с 1930 г., основным поставщиком хлеба государству стали колхозы, а не единоличные хозяйства. В 1931 г. доля заготовленного хлеба колхозов составляла 60 %, по сравнению с 34 % в 1930 г.²⁶

Выполнение хлебозаготовок контролировалось Центром и лично И.В. Сталиным. Вождь пресекал любые попытки региональных руководителей «разбазаривать хлеб» на местные нужды²⁷. При этом действовал тот же механизм хлебозаготовок, что и в предшествующие годы первой пятилетки. Его сутью оставалось применение против крестьян административно-репрессивных методов (раскулачивание, «твердые» задания, «встречные» планы и т.п.)²⁸.

Серьезнейшей проблемой в хлебозаготовках в годы первой пятилетки были совхозы. В 1930–1932 гг. они не оправдали замысла сталинского руководства – стать маяками, образцами для колхозников и единоличников в плане организации производства и высокой товарности сельскохозяйственной продукции. В совхозах царила бесхозяйственность, была крайней низкой производительность труда²⁹. В результате они не выполнили планов хлебозаготовок ни в 1931, ни в последующие годы. Их недоимки были перенесены на колхозы, что еще больше ухудшило их положение.

Изучение хлебофуражных балансов показывает, что начиная с 1930 г. объем полученного государством хлеба из деревни увеличился с 9,9 млн т в 1929 г. до 16,7 млн т в 1932 г. Одновременно почти в 2 раза возросли и статьи расхода продовольственных хлебов (с 8,6 млн т до 15,6 млн т). При этом общее снабжение населения увеличилось в рассматриваемый

²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–85.

²⁵ Там же. Л. 89–102.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 166. Л. 230–237.

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 17–18.

²⁸ Там же. Д. 78. Л. 1, 28; Д. 79. Л. 156; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 167. Д. 33. Л. 16–17; Д. 868. Л. 5; Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 104–105.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 166. Л. 230–237.

мый период лишь на 23 %, а статьи расходов на зерновой экспорт — в 7,5 раз, обеспечение вооруженных сил — в 1,8 раза, освоение северных окраин — в 2 раза³⁰.

В то же время значительная часть зерна (76 млн пудов), заготовленная в кампанию 1931 г., была направлена в виде зерновых ссуд на нужды сельского хозяйства страны — на проведение посевной кампании 1932 г. То есть, хлебозаготовки преследовали и чисто техническую цель — обеспечить функционирование аграрной экономики в решающие периоды основных сельскохозяйственных работ.

В результате хлебозаготовок зимой 1931/32 г. произошло самое большое сокращения поголовья скота в стране из-за недостатка фуража, а в первой половине 1932 г. зерновые районы СССР и Казахстан охватил массовый смертный голод [15, с. 315–317]³¹.

Хлебозаготовительная кампания 1932 г. проходила в условиях глубочайшего кризиса сельского хозяйства. Попытки сталинского руководства ослабить его остроту с помощью мер по стимулированию трудовой активности крестьян (снижение планов хлебозаготовок, разрешение свободной торговли хлебом после их выполнения и т.п.) не увенчались успехом. Крестьяне не верили власти, грабившей их с помощью налогов и хлебозаготовок уже несколько лет. Они разбежались из колхозов, воровали колхозное зерно, отказывались выполнять установленные нормы выработки. К осени 1932 г. в стране возникла реальная угроза экономической катастрофы: срыва продовольственных поставок в города и т.д. [9, с. 101–113].

В этих условиях сталинское руководство пошло на беспрецедентные чрезвычайные меры против крестьян. 7 августа 1932 г. по инициативе И.В. Сталина был принят «закон о пяти колосках» (об охране общественной социалистической собственности), предусматривающий расстрел за воровство колхозного зерна. В основные зерновые районы СССР (Украину, Северный Кавказ, Нижнюю Волгу) были направлены чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам, в наиболее проблемных регионах страны была запрещена миграция сельского населения, установлена их «блокада» и т.д. [9, с. 114–158]. В результате использования всей мощи административно-репрессивного ресурса Советского государства сниженный общесоюзный план хлебозаготовок был выполнен. В хлебозаготовительную кампанию 1932 г. было заготовлено 1115,9 млн пудов зерна, наименьшее количество за все годы коллективизации (см. табл. 4).

³⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 80. Л. 84–87; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 374. Л. 38–47, 78–79; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1в. Д. 463. Л. 175–179.

³¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 53. Л. 3–57; Д. 513. Л. 256–257; Д. 528. Л. 264–271; РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 154. Л. 158; Д. 209. Л. 71–86.

**Планы хлебозаготовок в СССР из урожая 1932 г.
и фактические заготовки (млн пудов)**

Регион	Первоначальный план 1932 г.	Окончательный план 1932 г.	Фактические заготовки 1932 г.
НВК	79,0	80,0	89,4
СВК	74,0	72,0	98,3
СКК	140,0	112,4	119,1
Урал	49,0	62,5	65,1
КАССР	39,0	43,0	45,3
ЦЧО	118,0	127,0	125,3
ТатАССР	24,0	27,0	30,4
БашАССР	27,0	27,0	36,3
УССР	364,4	260,0	262,6
СССР	1103,0	1114,3	1115,9

Источник: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1055. Л. 88.

Хлебозаготовки 1932 г. привели в первой половине 1933 г. к еще более сильному голоду, чем в 1932 г., сравнимым может быть только с «Царем-голодом» 1921–1922 гг. Эпицентрами трагедии стали Украина, Северный Кавказ, Поволжье, ЦЧО, Южный Урал и Казахстан – основные объекты принудительных хлебозаготовок (см.: [12]). Жертвами голода стали не менее 5 млн советских граждан, сельские и городские жители.

Сталинское руководство отреагировало на голод выделением в наиболее пораженные им районы зерновых ссуд, которые составили часть хлеба, выколотенного из деревни в ходе принудительных хлебозаготовок. В первой половине 1933 г. их было выделено больше, чем в 1932 г. (см. табл. 5).

Из таблицы следует, что основные ссуды получили два региона СССР – Украина и Северный Кавказ. Некоторые российские регионы вообще их не получили. Урал, Казахстан, Западная Сибирь и Поволжье получили их в несколько раз меньше, чем в 1932 г. Такая ситуация объяснялась чисто прагматичными интересами власти. Для сталинского руководства главной целью предоставления ссуд было сохранение колхозного производства и трудоспособного сельского населения, обеспечивающего его функционирование. В начале 1933 г. в наиболее кризисном состоянии оказались Украина и Северный Кавказ. Они получили львиную долю ссуд, чтобы там не сорвалась посевная кампания, от которой в значительной степени зависел общесоюзный урожай. В 1932 г. ссуды получили другие регионы, где из-за засухи 1931 г. и прошедших хлебозаготовок не осталось необходимых зерновых фондов. Это были Урал, Казахстан, Поволжье, Западная Сибирь.

**Зерновые ссуды, выданные регионам государством
в первой половине 1932 г. и первой половине 1933 г. (млн пуд.)**

Регион	Первая половина 1932 г.	Первая половина 1933 г.
Урал	19,1	1,4
Казахстан	11,5	2,6
Украина	10,7	35,3
Западная Сибирь	10,7	0,169
Средняя Волга	9,8	0,156
Нижняя Волга	5,4	1,7
Башкирия	5,1	1,2
Татария	2	не выдавалось
Белоруссия	0,6	0,09
ЦЧО	0,494	1,3
Западная область	0,25	0,169
Восточно-Сибирский край	0,188	0,83
Нижегородская обл.	0,15	не выдавалось
Московская область	0,15	не выдавалось
Ивановская область	0,08	не выдавалось
СКК	не выдавалось	37,3
Дальневосточный край	не выдавалось	131,2
Средняя Азия	не выдавалось	0,113
Итого:	75,9	82,5

Источники: [15, с. 288–289, 362–363, 367–368, 374–375]; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 878. Л. 13; Д. 880. Л. 7; Д. 881. Л. 10; Д. 886. Л. 13–14; Оп. 162. Д. 12. Л. 9, 30–31, 35–37, 83–84, 108–109, 115–117, 128–129, 171, 174–178, 180–181; Д. 871. Л. 47–49; Оп. 167. Д. 34. Л. 209; Д. 35. Л. 2; Ф. 558. Оп. 11. Д. 43. Л. 8; ГАРФ. Ф. А–2306. Оп. 70. Д. 5287. Л. 71–73; Ф. 5674. Оп. 3. Д. 21. Л. 95; Оп. 9. Д. 22. Л. 15, 33.

Говоря о последствиях хлебозаготовок 1932 г., следует их рассматривать в общем контексте хлебозаготовительной политики сталинского руководства в годы первой пятилетки. Наряду с негативными последствиями для сельского населения и большей части городского, очевидны были и другие, связанные с главной целью аграрной политики сталинизма в рассматриваемый период – получением зерна для нужд индустриализации. В этом направлении успех был налицо. За годы первой пятилетки из СССР было экспортировано свыше 12 млн т хлебных культур (см. табл. 6).

Вырученные средства от продажи зерна (442 млн 109 тыс. руб. или 20 % от всей выручки за экспорт) были направлены в первую очередь на удовлетворение потребностей флагманов первой пятилетки, которые в этот период активно строились и запускались в производство. В годы первой пятилетки было начато строительство 1500 тысяч промышленных предприятий, в том числе Днепрогэса, Уралмаша, металлургичес-

ких заводов в Магнитогорске, Липецке, Челябинске, Новокузнецке, Норильске, тракторных заводов в Сталинграде, Челябинске, Харькове, автомобильных заводов в Москве и Нижнем Новгороде и др. О результатах индустриализации СССР в данный период свидетельствуют данные, представленные в таблице 7.

Таблица 6

Экспорт из СССР хлебных культур в 1929–1932 гг. (тонн)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Пшеница	1,0	2530935	2498958	550917
Рожь	1133	645632	1108825	421051
Ячмень	158512	1181407	963879	422082
Овес	7854	352520	387053	17230
Кукуруза	10623	53633	96964	311115
Бобовые	81965	77166	122203	85737
Мука	12844	16292	31367	31917
Всего:	260088	4841293	5177882	1808132
Итого за весь период: 12 087 395				

Источник: Социалистическое строительство СССР. Стат. ежегодник. М., 1936. С. 687.

Таблица 7

**Рост объема валовой продукции промышленности СССР
в годы первой пятилетки**

Продукция	1928 г.	1932 г.	1932 г. к 1928 г. в %%
Чугун (млн т)	3,3	6,2	188
Сталь (млн т)	4,3	5,9	137
Прокат черных металлов (млн т)	3,4	4,4	129
Уголь (млн т)	35,5	64,4	181
Нефть (млн т)	11,6	21,4	184
Электроэнергия (млрд кВт)	5,0	13,5	270
Бумага (тыс. т)	284	471	166
Цемент (млн т)	1,8	3,5	194
Станки металлорежущие (тыс. штук)	2,0	19,7	985
Автомобили (тыс. штук)	0,8	23,9	2988
Обувь кожаная (млн пар)	58,0	86,9	150

Источник: СССР в цифрах в 1967 году: краткий стат. сборник. М., 1968. С. 123.

Из приведенных в таблице цифр видно, что за годы первой пятилетки в СССР произошло резкое увеличение производства чугуна, стали, проката черных металлов, электроэнергии, металлорежущих станков, автомобилей и т.д.

Но эти достижения были осуществлены на фоне страданий и смертей от голода миллионов советских крестьян, проживавших в основных зерновых регионах страны и оказавшихся первоочередным объектом выкачки хлеба в счет хлебозаготовок. Например, доля экспортного зерна в фактических хлебозаготовках 1930/31 г. составила в РСФСР 17 % (1,3 млн т), в УССР – 1,7 млн т (24 %). Львиная его доля (70 %) пришлось на два региона СССР – УССР и Северо-Кавказский край, а остальная – на Нижнюю Волгу и ЦЧО³². Аналогичная ситуация повторилась и в 1931–1932 гг. Доля зерна, изъятого на экспорт в хлебозаготовках 1931 г., составила в УССР 20 %, СКК – 42,5, НВК – 71, СВК – 27 % (см. табл. 8).

Таблица 8

План зернового экспорта и хлебозаготовки 1931/32 г. (млн пудов)

Регион	План экспорта зерна	Фактические заготовки зерна	Доля зерна на экспорт в заготовках (в %%)
Украинская ССР	84,4	415,4	20,0
Северо-Кавказский край	68,7	161,5	42,5
Нижне-Волжский край	51,9	73,0	71,0
Средне-Волжский край	18,7	68,1	27,0

Источник: ГАРФ. Ф. Р-5674. Оп. 3. Д. 18. Л. 304–307.

В 1932–1933 гг. именно Украина, Северный Кавказ и Нижняя Волга стали зонами массового смертного голода. В 1930 г. им суждено было оказаться основными зонами сплошной коллективизации, поскольку именно в них традиционно выращивались пшеница и рожь на экспорт. Таким образом, экономическая специализация районов самым непосредственным образом определила характер и региональные особенности хлебозаготовительных кампаний в годы первой пятилетки³³. Именно она увеличила масштабы голода 1932–1933 гг. в конкретных регионах СССР: более всего пострадали зерновые районы, основные житницы страны, ставшие главными поставщиками хлеба на экспорт и для нужд первой пятилетки [7].

Таким образом, хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки имели неоднозначный результат. С одной стороны, они способствовали решению задачи форсированной индустриализации страны, но с другой – привели к смертному голоду миллионов советских крестьян.

³² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 12. Л. 26–26 об.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 176; Оп. 167. Д. 29. Л. 75–76; Д. 32. Л. 37–38, 103–104.

Литература

1. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
2. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) М., 2000.
3. *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010.
4. История советского крестьянства СССР. В пяти томах. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. Т. 2 / отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986.
5. *Козельцева В.Ф., Педь Д.А.* Данные об атмосферной засушливости по станциям западной части территории СССР (май-август 1900–1979 гг.). М., 1985.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4. 1926–1929. 9-е изд., доп. и исправ. М., 1984.
7. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008.
8. *Кондрашин В.В.* Сталинская коллективизация и голод 1932–1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.
9. *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014.
10. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР. 1929–1932. М., 1966.
11. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.: сб. документов / Сост. Л. Кошелева, Л. Роговая, О. Хлевнюк и др. М., 1995.
12. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / Под ред. В. Кондрашина. М., 2011.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930 – 1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001.

ПОЛИТОТДЕЛЫ МТС СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗАГОТОВОК В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Анализируется становление системы заготовок в сельском хозяйстве Северо-Кавказского края в начале 1930-х гг. и роль политотделов МТС в этом процессе.

Ключевые слова: хлебозаготовки, сельское хозяйство, политотделы, машинно-тракторные станции, колхоз, Северо-Кавказский край.

Рассматривая различные аспекты деятельности политотделов МТС, исследователи советского периода акцентировали внимание на организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В литературе отмечалось, что эта задача решалась путем налаживания социалистической дисциплины труда, организации распределения, управления, использования рабочей силы и т.п. В историографии традиционно изучался вопрос о роли политотделов в проведении хлебозаготовок на Северном Кавказе. При этом политика хлебозаготовок советскими историками рассматривалась как реализация важнейшей общегосударственной задачи в условиях активного кулацкого саботажа.

В современной литературе акцент делается на репрессивной составляющей деятельности политотделов. Анализируя политику хлебозаготовок, современные исследователи отмечают ее антикрестьянскую направленность и видят в ней важнейшую причину голода начала 1930-х гг. Разделяя в целом последний тезис, мы считаем необходимым обратить внимание на следующее.

Проведение хлебозаготовок в отдельные годы – это конкретная политика, а курс на создание новой системы экономических отношений между колхозами и государством – это стратегическая задача, решение которой призвано было определить характер заготовительной, налоговой системы на годы вперед. Как свидетельствуют материалы о деятельности политотделов, хранящиеся в архивах Дона и Северного Кавказа, роль политотделов в становлении этой административной системы трудно переоценить.

В 1932–1933 гг. был осуществлен переход от контрактации основных продуктов полеводства и животноводства к обязательным поставкам, имеющим силу налогов. Постановлением СНК СССР и ЦК

¹ Наухацкий Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naukhatskiy@rambler.ru, Россия, Ростов-на-Дону.

ВКП(б) от 19 января 1933 г. об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами была, как известно, отменена существовавшая прежде договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур и установлены для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным государственным ценам. Еще ранее, в сентябре и декабре 1932 г., был установлен такой же порядок обязательной сдачи мяса и молока. В дальнейшем в 1933 г. обязательные поставки государству были распространены и на другие культуры (картофель, подсолнух, рис), а также шерсть. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. подчеркивалось, что выполнение обязательных поставок зерна государству является первоочередной обязанностью каждого колхоза и единоличного хозяйства и должно быть произведено из первых обмолотов [2, с. 107–108, 119].

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 20 июня 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. на основе закона от 19 января 1933» внимание партийных и советских организаций обращалось на то, что «в отличие от прежних лет мы имеем <...> не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом»².

Таким образом, если контрактация по форме и первоначальному смыслу была системой договорной, то обязательные поставки государству таковыми не являлись. И буква, и дух указанных постановлений не оставляли ни малейших сомнений в том, что власть будет проводить их нормы в жизнь путем прямого административного нажима, принуждения. Причем выполнить такие нормы в голодающей деревне могли лишь органы власти, наделенные особыми полномочиями, представлявшие собой своеобразный симбиоз партийно-политических и государственно-репрессивных органов.

Весьма показателен с точки зрения исследуемой проблемы тот факт, что политотделы создавались, прежде всего, в зерновых районах страны. План организации политотделов МТС, разработанный ЦК ВКП(б), предусматривал развертывание основной массы политотделов уже к лету 1933 г. В первую очередь (до 1 апреля) их решено было создавать на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге, т.е. в районах, где в связи с хлебозаготовками и голодом к началу 1933 г. сложилось наиболее тяжелое, критическое положение. Во вторую очередь (до 1 июля)

² СУ РСФСР. 1933. № 38. Ст. 228.

комплектовались политотделы на Средней Волге, в Сибири, Казахстане и Закавказье, в остальных районах — до 1 августа 1933 г. Этот план в целом был реализован. К концу 1933 г. политотделы действовали в 2655 (92,9 %) МТС страны [1, с. 139–140]. К 25 февраля 1933 г. политотделы имелись в 130 МТС Северного Кавказа. Из них полностью было укомплектовано 82 политотдела, частично укомплектовано по 3 человека — 24, по 2 человека — 19 и по 1 человеку — 5 политотделов МТС. Весной 1933 г. на Северном Кавказе работало уже 255 политотделов МТС [3, с. 529].

Политотделы МТС были вызваны к жизни экстремальными условиями функционирования только что созданных колхозов. Вот одна из типичных характеристик тогдашней обстановки в деревне — в изложении работников политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района Северокавказского края в политдонесении от 8 декабря 1933 г.

«Колхозы Красюковского совета: «12 лет Октября», «16-й партсъезд» переживали очень тяжелое состояние. Колхоз «12 лет Октября» шел к полнейшему организационному развалу и только потому, что оппортунистическое руководство колхоза проводило вредительскую политику, — растянули весь хлеб и фураж, тягло выведено было из строя и неспособно работать. Очень много падало, каждый день прирезали быков. Люди голодные, пухлые и даже был ряд смертельных случаев. На всем этом играл классовый враг, развертывая свою агитпропработу. Парторганизации же этих колхозов, засоренные чуждыми и разложившимися элементами, не давали никакого отпора, а опустили совсем руки. Мы имели только по 3-м колхозам этого Совета в момент чистки 70 % коммунистов, исключенных из партии. Вот коротко характеристика того, с чем пришлось встретиться и в какой обстановке начать работу Политотделу»³.

Сходная картина нарисована в политдонесении Политотдела Платнировской МТС за период работы с 21 марта по 15 ноября 1933 г. План хлебоготовок 1932 г. был выполнен только на 50 %. Станица была занесена на черную доску. «Из станицы Платнировской и хуторов за период пребывания на черной доске выслано из пределов С[еверо-]К[авказского] края свыше 500 человек. Осуждено к высшей мере соц. защиты до 60 человек, отъявленных организаторов контрреволюционного саботажа. За период январь — апрель по станице и хуторам было открыто свыше 1000 ям с хлебом и 48 черных амбаров. Район деятельности Платнировской МТС пережил в период саботажа большую голодовку особенно кулачья, лодырей и симулянтов, которая сопровождалась людоедством (только зарегистрированных имелось 56 случаев)»⁴.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50 об.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 119.

Далее в разделе «Партмассовая работа политотдела» отмечалось, что «основными вопросами партмассовой и культурно-политической работы Политотдела за весь этот период были задачи: 1) внедрить в сознании и деятельности колхозов и каждого колхозника в отдельности необходимость к государственным хлебопоставкам относиться как к своей первоочередной обязанности. 2) внести в сознание и деятельность колхозника совершенно иное отношение к общественному труду и социалистической собственности. 3) организация, руководство и воспитание парт. и комсомольской прослойки и выращивание беспартийного актива. 4) воспитание в сознании и деятельности колхозника совершенно иного отношения к качеству своей и в целом колхозной работы»⁵.

Приведем еще один показательный пример. В годовом политдонесении политотдела Белокалитвенской МТС от 3 декабря 1933 г., ссылаясь на доклад И.В. Сталина «О работе в деревне», автор документа пишет о новой тактике кулаков: переходе от открытой агитации и борьбы против колхозов к методам их подрыва изнутри. «Партийная организация района проглядела эту новую тактику кулачества, что привело к печальным последствиям к концу 1932 и началу 1933 года. Пробравшись в колхозы, заняв в ряде их командные посты (председатели колхозов, бригадиры, учетчики, счетоводы и т.д.) кулацкие элементы организовывали вредительский сев, вредительскую уборку, вселили в колхозников неверие в силу трудодня, создали широкое мнение, что государство весь колхозный хлеб заберет и организовали массовое воровство хлеба на корню, во время уборки, обмолота, перевозок, сева, в амбарах и т.д. В результате этой «работы» колхозы Белоглинской МТС, выполнив с величайшим трудом 5 декабря хлебозаготовительный план (вывезено 58040 цент.) остались без семян, фуража и без хлеба для распределения по трудодням. Честно работавшие колхозники уже к концу 1932 года стали терпеть острую нужду в хлебе. Начался падеж скота на почве отсутствия концентрированного фуража и вредительского ухода за лошадьми. Вера в колхозы была подорвана у преобладающей массы колхозников. На этой основе было «создано» кулацкое, антиколхозное, антисоветское единство в колхозах, получившее наибольшую известность на Кубани, но имевшее не меньшее распространение и в колхозах Белоглинской МТС. Такова политическая обстановка, в условиях которой приступил к работе Политотдел»⁶.

Понимая, что перед нами документы эпохи, отметим объективно многоплановый характер деятельности политотделов МТС. Они были

⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 30. Л. 130–131.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 135.

призваны не допустить окончательного развала колхозного хозяйства; укрепить колхозы кадрами и организационно, обеспечить социально-политическую стабилизацию на селе, т.е. перейти от острой формы социального противостояния (классовой борьбы, раскулачивания) к гражданскому миру, и конечно, выполнить план хлебозаготовок любой ценой. С этой целью им надлежало вести работу по следующим направлениям.

Во-первых, окончательно сломить сопротивление врагов колхозного строя, которые вошли в колхозы и вредили им изнутри. Кулачества в прежнем виде фактически уже не было. Провести раскулачивание власти на местах смогли без создания особых чрезвычайных органов. Раскулачить оказалось в определенной мере проще, чем разоблачить замаскированных врагов и одновременно восстановить доверие крестьян после эксцессов коллективизации, наладить хозяйственную жизнь в новых колхозах и оперативно решить неотложные вопросы продовольственного снабжения, производства и заготовок сельхозпродукции. По мнению политического руководства страны, решение этих взаимоувязанных проблем могли обеспечить чрезвычайные партийные органы, объединяющие в одном лице хозяйственные, политические и репрессивные функции.

Во-вторых, чрезвычайные партийные органы должны были создать новый колхозный актив, прежде всего из молодежи, из числа самих колхозников – грамотных, поверивших новой власти. Именно на этот актив правящая партия планировала опереться в упрочении колхозов, в проведении хлебозаготовок и иных хозяйственных и политических кампаний. Именно широкий слой местных активистов, а не присланные из города одиночки был способен наладить новую колхозную жизнь, в той или иной степени приемлемую для крестьянства. Но при этом наладить ее в намеченном направлении и на принципах, которые бы обеспечивали выполнение задач, поставленных правящей партией. Политотделы создавались и действовали как своего рода кризис-менеджеры, призванные за короткий срок стабилизировать ситуацию, блокировать негативные тенденции и обеспечить решение неотложных хозяйственных задач внутри и вне сельского хозяйства.

Решению поставленных задач соответствовала структура и распределение должностных обязанностей среди работников политотделов. Начальник политотдела МТС одновременно являлся заместителем директора и наряду с ним отвечал за выполнение МТС производственных и заготовительных планов, за организационно-хозяйственное состояние колхозов и т.п. Работники политотделов по факту были не только партийными руководителями, но и администраторами, организаторами хозяйственной жизни.

Впрочем, в реальной жизни многое определялось характером межличностных отношений руководства политотдела и МТС. Приведем

один колоритный документ. В политическом донесении политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района от 8 декабря 1933 г. отмечалось: «Политотделам, наряду с развертыванием массовой и политической работы и особенно в момент весеннего сева и уборки, для пользы дела, в подмену дирекции пришлось заниматься вопросами непосредственно хозяйственной жизни, вплоть до мелочей, как, например: ремонт тракторов, подбор кадров, обеспеченность тракторных бригад горючим, изыскивание (*так в тексте. — В.Н.*) деталей недостающих для ремонта тракторов, улаживание хозяйственных вопросов МТС в колхозах, вплоть до того, кому послать машину, — все это делалось потому, что директор т. Пушкис до этого, да и сейчас, кроме вопросов финансовых и усадебных дел, колхозами не занимался и не занимается. По организации Политотдела мы пытались приобщить его к этому «труду», но попытки остались тщетными. После чего он старался дискредитировать в целом работу Политотдела и его отдельных работников. Как, например, — отмена распоряжений Начальника, данных по хозяйственной части, ущемление бытовых вопросов политотдельцев, зависящих от него (квартиры и оборудование их в течение 6 месяцев не производилось), саботирует выполнение решений Политотдела»⁷.

Следует напомнить, что хлебозаготовки проходили со значительными трудностями и до коллективизации. Уже в 1927–1928 гг. они порождали сопротивление крестьянства, что в свою очередь подталкивало власти к усилению нажима на крестьянство. В начале 1929 г. крестьянство оказывало сопротивление государственной политике хлебозаготовок, выступало против ее насильственного характера. Однако внеэкономические меры принуждения рассматривались партийно-государственным руководством в качестве основного средства регулирования хлебозаготовительного кризиса.

Подчеркнем, что все это было еще за рамками колхозной системы по причине отсутствия таковой, но продолжилось и в начале 1930-х гг. Однако обстановка в стране изменилась. На селе была проведена массовая коллективизация, что не могло не отразиться на политике хлебозаготовок. Репрессивная составляющая хлебозаготовительных кампаний сохранялась, но партийно-политическое руководство ко времени создания политотделов пришло к пониманию того факта, что для изъятия зерна у единоличника можно было ограничиться лишь мерами принуждения. В колхозной же деревне необходимо было создание такой заготовительной системы, которая строилась бы не только на репрессиях, принуждении.

Таким образом, во-первых, принуждение оставалось важным компонентом механизма проведения хлебозаготовок, что по-прежнему по-

⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

рождало сопротивление не только кулаков, но и других слоев уже колхозной деревни. В подавлении такого сопротивления политотделы принимали активное участие. Во-вторых, политотделы не только подавляли сопротивление противников колхозного строя из числа крестьян, но и проводили чистки колхозного аппарата. По данным на первый квартал 1933 г., многие партийные организации Кубани и Дона потеряли более половины своего состава. Мотивами исключения были: «проникновение в партию в связи с контрреволюционной целью», «связь с классово чуждым элементом» (22,9 %), «пассивность и примиренчество к кулацкому саботажу, попустительство и содействие воровству и хищению хлеба» (39,1 %), «балласт» (14 %) и др.[1, с. 143].

Были или нет в аппарате замаскировавшиеся кулаки, в данном случае не имеет значения. Чистили аппарат, тем самым, приучая его к безоговорочному выполнению основной заповеди колхозного крестьянства. В результате создавался кадровый потенциал, необходимый и для становления колхозной экономики, и для организации хлебозаготовок.

Анализ отчетов политотделов показывает, что для организации хлебозаготовок политотделы проводили работу по выполнению производственных планов и организации соответствующих сельскохозяйственных компаний, укреплению трудовой дисциплины и преодолению расхлябанности, преодолению сопротивления кулацких элементов и саботажа со стороны части колхозников, формированию партийного, комсомольского и колхозного беспартийного актива, непосредственной организации и обеспечению процесса проведения хлебозаготовок.

В политическом донесении политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района Северокавказского края от 8 декабря 1933 г. отмечалось: «Выполнение производственных планов проходило в условиях ожесточенной классовой борьбы, борьбы с саботажническими, кулацкими элементами, воровством, с антигосударственными тенденциями в колхозах, в ряде руководителей колхозов была полнейшая растерянность и оппортунистическое неверие в силы и возможности выполнить план <...>. И только в решительной борьбе со всем перечисленным, очищая колхозы от классово чуждых и кулацких элементов, выбрасывая из рядов ВКП(б) неустойчивые и предательские элементы, Политотдел, сколачивая вокруг себя актив из преданных колхозников, укрепляя партийную ячейку в колхозах, обеспечил в чрезвычайно трудных условиях выполнение планов на всех периодах [сельско]хозяйственных работ»⁸.

В-третьих, необходимо было на основе укрепления колхозной экономики создать систему материального стимулирования колхозников,

⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

в том числе и за выполнение планов заготовок. Нерыночная система изъятия ресурсов, создаваемая политотделами, на низовых ступенях не могла работать без материальных стимулов. Вот почему весь период деятельности политотделов ознаменован разнообразными шагами по налаживанию хозяйства в колхозах, организацией социалистического соревнования, укреплением материальных стимулов. Многочисленные архивные документы о деятельности политотделов края отражают это со всей наглядностью.

В-четвертых, чрезвычайно сложной и одновременно исключительно значимой была работа по преодолению антизаготовительных настроений среди рядовых колхозников, вызванных массовым принуждением в ходе предыдущих хлебозаготовительных компаний, значительными продовольственными трудностями и голодом, который сельскими жителями вполне обоснованно связывался с изъятием хлеба и других продовольственных ресурсов в 1931–1932 гг. Не вызывает сомнений и тот факт, что продовольственные трудности, голод, насилие со стороны коллективизаторов представляли собой необычайно благоприятную почву для ведения антиколхозной, антизаготовительной агитации. Сломить эти настроения было возможно лишь проводя воспитательную, агитационную, партийно-политическую работу, с одной стороны, решая по мере возможности вопросы продовольственного обеспечения колхозников, с другой, проводя профилактические и карательные меры в отношении тех элементов, которые вели антиколхозную агитацию, саботировали проведение сельскохозяйственных компаний, прибегая к актам вредительства и разложения трудовой дисциплины, с третьей. В архивных документах сохранились многочисленные факты, подтверждающие широкое распространение антихлебозаготовительных настроений, расхлябанность и упадок трудовой дисциплины, вредительства и т.п.⁹

Разумеется, решение названных выше задач проходило одновременно и во взаимосвязи. В отчетном политическом донесении о работе политотдела Платнировской МТС с 21 марта по 15 ноября 1933 г. в разделе «Партмассовая работа политотдела» отмечалось, что «основными вопросами партмассовой и культурно-политической работы Политотдела за весь этот период были задачи: 1) внедрить в сознании и деятельности колхозов и каждого колхозника в отдельности необходимость к государственным хлебопоставкам относиться как к своей первоочередной обязанности. 2) внести в сознание и деятельность колхозника совершенно иное отношение к общественному труду и социалистической собственности. 3) организация, руководство и воспи-

⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 22. Л. 171–172, 182–183; Д. 30. Л. 119–134; Д. 36. Л. 50–53.

тание парт. и комсомольской прослойки и выращивание беспартийного актива. 4) воспитание в сознании и деятельности колхозника совершенно иного отношения к качеству своей и в целом колхозной работы»¹⁰.

Далее в отчете политотдела говорится, что «в области реализации первой задачи нужно сказать, что мы добились очень больших положительных успехов. Сейчас можно найти десятки колхозников, которые повседневно и настойчиво дерутся за скорейшее выполнение планов хлебосдачи и натуроплаты и не на словах, а на деле перевыполняя нормы выработки, убеждая других в необходимости усвоить и практически проводить в жизнь эту первую заповедь колхозного строя, повседневно помогая Политотделу выполнять эту задачу. В нынешнем году со стороны руководства мы не имеем попыток скрыть от государства хлеб, т.к. всякая попытка в этом направлении встречает решительный отпор со стороны лучшей части колхозников. Попытка руководства колхоза Червоное Поле скрыть хлеб в амбаре до выполнения плана поставок, была разоблачена рядовыми колхозниками»¹¹.

Очевидно, что материал в отчете анализируется в духе установок тех лет. Но с другой стороны, т.н. перегибы в колхозной практике, насилие в ходе хлебозаготовок действительно создавали неблагоприятную общественную атмосферу среди крестьян и казаков. Было бы антиисторичным и ненаучным утверждать, что враги колхозного строя, которые, несомненно, имелись в большом количестве, не воспользовались бы таким благоприятным для антиколхозной агитации моментом. Критически тяжелое положение в колхозах создавало неблагоприятные для власти настроения, без преодоления которых невозможно было укрепить колхозы и, в частности, успешно проводить хлебозаготовки.

Другое дело, что сама по себе эта двуединая задача содержала внутреннее противоречие: преодолеть до конца антиколхозные настроения можно было лишь на основе отказа от принуждения при хлебозаготовках и обеспечивая реальное повышение оплаты по трудодням. Однако, провести в голодный год хлебозаготовки без принуждения было невозможно, выполнить планы хлебозаготовок и повысить выплаты по трудодням при тогдашнем состоянии сельскохозяйственного производства было также невозможно. Нужен был некий компромисс, который можно было обеспечить на основе нормализации обстановки в колхозах, но этого нельзя было сделать без изъятия противников колхозного строя и существенного обновления наличной партийной и хозяйственной элиты в колхозах. Ситуация почти неразрешимая, во всяком случае не разрешимая оптимальным образом.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 30. Л. 130–131.

¹¹ Там же. Л. 131.

В итоге компромисс все-таки был достигнут, но фундаментальные основы для противоречий в отношениях партийно-государственной власти и крестьянства сохранялись. Отмеченное противоречие таило в себе и еще одну потенциальную опасность: часть населения смирилась с властью, но не навсегда, затаила злобу и обиду на власть, партию, колхозы. Проводя хлебозаготовки с применением большого или меньшего насилия и ограничивая потребление в колхозной деревне, власть ускоряла процессы индустриализации, но одновременно расширяла круг потенциально антисоветски настроенных людей. В общем, нужно было пройти между Сциллой и Харибдой. Получилось ли? С точки зрения модернизации, обороны — да. Заготовки и закупки зерна непрерывно возрастали. Так, в среднем за год они составляли: в 1928–1932 гг. 18,2 млн т, в 1933–1937 гг. — 27,5 млн т, в 1938–1940 гг. — 32,1 млн т, в 1940 г. — 36,4 млн т¹². А с точки зрения надежного закрепления институционального выбора, с точки зрения миллионов крестьян с исковерканными судьбами — нет.

Опробованные методы проведения хлебозаготовок сохранились и после упразднения политотделов. Механизм обучения колхозной элиты применению внеэкономических методов в хозяйственной практике для выполнения спущенных сверху заданий и планов был апробирован политотделами МТС, но не умер вместе с ними. Он продолжил существовать, следовательно, усилия политотделов не пропали даром.

Вместе с ликвидацией политотделов не исчез механизм проведения в жизнь обязательных поставок государству сельхозпродукции. Госпоставки обеспечивали другие органы, под руководством районных комитетов партии, куда и перешла часть политотдельцев. Носители опыта чрезвычайных хлебозаготовок продолжали руководить сельским хозяйством, колхозами. Что касается деятельности ОГПУ в лице заместителей начальников политотделов, то активно поработав на ниве репрессивной пахоты и обмолата, они могли уйти в тень, т.е. непосредственно в органы ОГПУ. В организации репрессий в колхозной и околоколхозной среде в прежних масштабах уже не было необходимости. Впрочем, и тут не все исчезло с ликвидацией политотделов. Риску предположить, что сеть внештатных сотрудников ОГПУ в той или иной степени сохранилась, что было не лишним в ходе последующих заготовительных кампаний.

Преодолев кризис хлебозаготовок, сняв остроту продовольственного кризиса и голода, начав освоение элементов материального стимулирования, политотделы МТС не только предотвратили нарастание кризиса и развал сельского хозяйства и колхозов, но и заложили краеугольные камни в фундамент колхозной системы, которая стала базироваться на отношениях неэквивалентного обмена, дискриминационной заготовительной и налоговой политики, ущемлении прав колхозников.

¹² Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1960. С. 90, 196.

Литература

1. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. М., 2006.
2. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2003.
3. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972.

ЗАГОТОВКИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ²

В статье анализируются заготовки сельскохозяйственных продуктов в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны. Показаны формы и методы заготовок сельхозпродуктов, их размеры и последствия для развития сельского хозяйства региона.

Ключевые слова: аграрная политика, колхозы, заготовки продукции сельского хозяйства, недвижимки.

В годы Великой Отечественной войны заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне делились на две группы: централизованные и децентрализованные. Централизованные заготовки (сдача продукции совхозами, натуральная оплата колхозов за работы МТС, обязательные поставки, контрактационные заготовки, государственные закупки) проводились по государственному плану и предназначались для создания государственных централизованных ресурсов продовольствия и сырья. Обязательные поставки являлись основной формой заготовки сельхозпродуктов у колхозов и крестьян-единоличников. Их отличительным признаком являлась обязательность для хозяйства, имевшая силу и характер налога. К обязательным поставкам также привлекались личные хозяйства колхозников и проживавших в сельской местности рабочих и служащих. Государственный закуп проводился у колхозов, колхозников и единоличников только после выполнения ими обязательных поставок государству, он производился по более высоким ценам по сравнению с ценами обязательных поставок. Контрактационные заготовки проводились на основе договоров контрактации, заключаемых государством с отдельными хозяйствами. Для совхозов единственной формой заготовок была сдача сельскохозяйственной продукции государству.

Децентрализованные заготовки сельхозпродуктов проводились торговыми организациями и организациями общественного питания у колхозов и крестьян-единоличников по предельным ценам, установ-

¹ Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakovn@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ-Урал (проект № 14-11-66011а).

ленным уполномоченными Наркомата заготовок СССР. Обязательной для колхозов стала сдача продукции в фонд обороны и в хлебный фонд РККА. В годы войны были введены новые натуральные сборы (сдача в хлебный и мясной фонды Красной армии, гарнцевый сбор, отмененный накануне войны), ставшие обязательными с 1942 г. Существенно возросла роль сборов, формально относимых к категории добровольных, — сдачи продуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны, покупка облигаций государственных займов.

Основная часть заготавливаемого картофеля, овощей, молока, шерсти приходилась на обязательные поставки. Что же касается зернобобовых, то их значительное количество поступало в счет натуральной оплаты за работу МТС, возврата семенных и фуражных ссуд. За 1941—1945 гг. 50,1 % заготовленного в колхозах региона зерна приходилось на обязательные поставки, 37,3 % — на оплату работы МТС, 6,7 % — на возврат семенных и фуражных ссуд, 5,0 % — сдача в фонд обороны, в хлебный фонд Красной Армии [2, с. 107—108].

Накануне и в первые годы войны ассортимент сдаваемой по обязательным поставкам сельхозпродукции значительно расширился. К сдаваемым ранее зерну, мясу, молоку, шерсти, картофелю добавились яйцо, брынза-сыр, кожевенное сырье, сено, махорка, табак, семена масличных культур, а также овощные культуры (капуста, лук, морковь, свекла, помидоры, огурцы), льноволокно, лен-долгунец.

В 1942—1943 гг. сельское хозяйство региона оказалось в катастрофическом положении: сократились посевные площади, валовые сборы зерна, двухлетний неурожай привел к тяжелейшей ситуации с продовольствием, фиксировались локальные голодовки. Власти усилили нажим на деревню. Руководители партии и государства решением Политбюро ЦК ВКП(б) были направлены в различные регионы страны для усиления хлебозаготовок. Секретарь ЦК А.А. Андреев, курировавший сельское хозяйство, прибыл в Челябинскую область. Из Челябинска 27 ноября 1942 г. он направил письмо И.В. Сталину. Это письмо было пронизано недоверием к колхозникам, которые стремились укрывать хлеб от государства, его растащить³. На основе предложений, сформулированных в письме А.А. Андреева, 6 декабря 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О воспрещении ЦСУ Госплана СССР и Наркомзему СССР сбора данных о фактическом намолоте урожая в колхозах», в котором даже использование терминов «видовая» и «амбарная» урожайность запрещалось [3, с. 179].

Видовая урожайность не учитывала потерь при уборке и транспортировке урожая. В военные годы биологическая урожайность значи-

³ Текст письма опубликован [3, с. 179—180].

тельно превышала фактическую, нормы поставок оказывались завышенными. Так, по данным ЦСУ СССР, видовая урожайность в зерновых в колхозах Челябинской области в 1941 г. была определена в 9,4 ц/га, а фактическая, амбарная (по данным годовых отчетов колхозов) составила всего 6,0 ц/га, в 1942 г. — соответственно — 5,6 и 2,2; в 1943 г. — 6,0 и 2,9; в 1944 г. — 5,2 и 4,2; в 1945 г. — 8,3 и 7,0 ц/га.

При существовавших нормах поставок в Кизеловском районе должны были сдавать в среднем с 1 га установленной посевной площади до 1945 г. по 7,4 ц зерна, в Брединском — по 7,7 ц, в колхозе «Всходы» этого района — по 11,5 ц, в колхозе имени Димитрова Полтавского района — по 11,7 ц. В 1945 г. Челябинский обком партии вынужден был обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой помочь колхозам, уменьшить на 320 тыс. га площадь земель, облагаемых по зерну, и на 650 тыс. га площадь земель, облагаемых по продуктам животноводства, так как эти земли вышли из оборота и не использовались⁴.

В годы войны обязательные поставки зернобобовых выполняли колхозники, рабочие и служащие, единоличники, имевшие посевы. В 1945 г. к выполнению поставок хлеба были привлечены 44 768 хозяйств колхозников Оренбургской и Пермской областей, Башкирской АССР, по 2 392 хозяйства рабочих и служащих в Оренбургской области и Башкирской АССР и 447 хозяйств единоличников в Оренбургской и Свердловской областях и Башкирской АССР⁵.

В начале 1942 г. нормы поставок колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих, служащих и единоличников по мясу, картофелю, сене и другой продукции были увеличены. В 1942 г. в Пермской области на 30 % стали выше нормы поставок сена, поставки картофеля по Свердловской области были увеличены на четверть⁶.

Подсобные хозяйства, индивидуальные огороды были существенным подспорьем для колхозников, а также рабочих и служащих. Но и они сдавали государству сельскохозяйственную продукцию. В июне 1943 г. СНК СССР принял решение об освобождении от обложения сельскохозяйственным налогом доходов рабочих и служащих, получаемых ими с земельных участков, выделенных под коллективные и индивидуальные огороды. Но обязательные поставки государству они выполняли. На Урале в 1945 г. посевы имели 1262,7 тыс. хозяйств колхозников (98,3 % от всех учтенных хозяйств), 515,5 тыс. хозяйств рабочих и служащих сельской местности (95,5 %), 2151,5 тыс. хозяйств

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. П-288. Оп. 8. Д. 911. Л. 132; Д. 921. Л. 2.

⁵ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 16, 17.

⁶ Сборник постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1943.

рабочих и служащих городской местности, 20,3 тыс. хозяйств единоличников (94,9 %) ⁷.

Значительное число хозяйств было освобождено от поставок государству мяса, молока, масла, кожсырья, шерсти, яиц, брынзы. В 1945 г. от поставок были освобождены на Урале 770 288 хозяйств, из них 162 639 хозяйств престарелых, 21 573 — сельских специалистов, 4 889 — руководящих работников (по утвержденному списку, но не более 30 хозяйств в районе), 469 464 — жен красноармейцев и краснофлотцев с детьми до 7-летнего возраста, 40 574 — государственных пенсионеров и инвалидов I и II групп, 71 149 — прочих. От обязательных поставок были освобождены 561 184 хозяйства колхозников, 198 364 хозяйства рабочих и служащих, 10 740 хозяйств единоличников. Количество хозяйств, которые должны были выполнять поставки молока в 1945 г. составляли 565 182, из них 485 071 хозяйства колхозников, 79 173 — рабочих и служащих, 938 — единоличников ⁸.

В ноябре 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами», а также утвердил инструкцию о порядке применения этого постановления [2, с. 596–601] ⁹. В постановлении предусматривалось, что в случае невыполнения в срок колхозными дворами, единоличниками и хозяйствами отдельных граждан обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству народный суд по заявлению районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР налагает на недоимщиков штраф в размере двукратной стоимости несданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене. Неоднократное невыполнение обязательных поставок вело к привлечению к уголовной ответственности по статье 59 п. 5 УК РСФСР. В инструкции пояснялось, что взыскание недоимок и штрафов не может быть обращено на следующее имущество недоимщиков: а) жилой дом; б) одежду, обувь, белье, постельные принадлежности, кухонную утварь, кровати, столы, стулья, сундуки, лампы, служащие для личного использования должника и его семьи, на все детские принадлежности; в) инструмент; г) на средства, получаемые по социальному обеспечению, а также на пособия по многодетности.

В Пермской области государственными поставками были обложены в 1944 г. 92,7 тыс. хозяйств, к недоимщикам были приняты следующие меры ¹⁰:

⁷ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 732. Л. 2.

⁸ Рассчитано: Там же. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1440. Л. 3–10, 17.

⁹ Сборник указов, постановлений и распоряжений 1941–1945 гг. Челябинск, 1945. С. 122–126.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1205. Л. 81.

	по мясу	по молоку	по яйцу	по брынзе	по шерсти	по коже
хозяйств, не приступивших к сдаче	1220	864	1515	1987	936	435
им вручено предупредительных извещений	9170	8012	6261	2024	3121	1498
произведено бесспорных изъятий	2758	–	–	–	–	–
рассмотрено судом дел	1149	1222	1066	344	382	207
осуждено	983	1058	872	294	336	178
взыскано	897	905	760	267	324	172

Число недоимщиков в области по мясопоставкам составляло в 1943 г. 3 426 хозяйств, в 1944 г. – 2 467. Не могли рассчитаться в основном те хозяйства, которые не имели в личном пользовании скота и имущества, подлежащего описи. По молокопоставкам недоимщиками в конце 1943 г. были 3 408 дворов и 1 582 колхоза, в 1944 г. – соответственно 3 125 и 1 418. Размер недоимок составлял за 1943 г. 111 007 гектолитров, в 1944 г. – 81 007. В районах Пермской области яйценоскость кур колебалась от 15 до 25 шт. на несушку в месяц, в то время как для выполнения плана следовало заготавливать до 40 яиц от каждой курицы. Для ликвидации отставания проводилась работа по замене несданной части яиц другими продуктами. Замена составляла до 30 % к общему поступлению. Количество недоимщиков по поставкам шерсти в 1943 г. составляло среди колхозников 823, среди хозяйств населения – 2 997, в 1944 г. соответственно – 640 и 2 024. Недоимки оставались за теми колхозами и хозяйствами населения, в которых не было продуктов-заменителей¹¹.

При высоких планах заготовок и низких заготовительных ценах заготовки сельскохозяйственных продуктов проходили с большим напряжением, особенно в 1942 и 1943 гг. Срыв заготовок рассматривался как преступление. На сессии Свердловского областного совета председатель его исполкома В.И. Недосекин в апреле 1943 г. прямо сказал: «Вот одного, который делает 2 %, поставить к стенке – расстрелять и тогда другие будут знать»¹². Расстрелов колхозников не было, а вот нарушителей выявили много. В докладе и.о. начальника Управления НКЮ РСФСР по Свердловской области Комова сообщалось, что только за время уборочной кампании (август-сентябрь 1943 г.) 26 нарсудов (из 112 по области) осудили 57 председателей колхозов за должностные преступления на срок не менее 3-х лет лишения свободы (за на-

¹¹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1205. Л. 68–70.

¹² Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5209. Л. 81.

рушение 15-процентного авансирования на внутривоспроизводственные нужды и за срыв уборочной), 883 колхозника за хищение зерна и других сельхозпродуктов, 789 человек за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы, 804 колхозника за невыполнение минимума трудовой [2, с. 511–513].

В период войны было характерно использование для выполнения планов хлебосдачи чрезвычайных методов. С конца 1941 г. и по май 1943 г. в деревне действовали политотделы МТС и совхозов, на них возлагалась ответственность за выполнение хозяйственных планов [3, с. 30]. С первых дней существования политотделов их сотрудники подменяли или отесняли руководителей МТС, совхозов и председателей колхозов. По их указаниям смещались или отдавались под суд руководители тех хозяйств, которые не справлялись с планами заготовок сельхозпродуктов. Им на помощь присылались уполномоченные из партийных активистов. Осенью 1942 г. сложилась трудная ситуация с выполнением плана хлебозаготовок в Оренбургской области. ЦК ВКП(б) направил в октябре месяце бригаду партработников. По приезду в область члены бригады ознакомились с положением заготовок зерна, выезжали в 15 районов для проверки на месте. Оренбургский обком партии и облизполком мобилизовал 750 партийных активистов и послал их в колхозы на хлебозаготовки. Раз в пятидневку устраивалась радиоперекличка, секретари райкомов и председатели райисполкомов отчитывались о ходе хлебозаготовок. Однако к концу декабря область смогла выполнить план заготовок зерна только на 35,5 %¹³.

подавляющая часть колхозов и колхозников не могла выполнять обязательные поставки и имела недоимки. В письме первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианова и председателя областного совета В.И. Недосекина в СНК СССР А.И. Микояну сообщалось, что размер недоимок по мясосдаче и молокопоставкам на 1 января 1943 г. имели по мясу 16 районов области и по молоку 27 районов. В Покровском районе в среднем на колхоз недоимка составляла в среднем 2 147 л на фуражную корову, в Каменском — 965 л, в Талицком — 1 070 л. Для того, чтобы погасить недоимку колхозам нужно было в 1943 г. надоить на фуражную корову 5–7 тыс. л молока. Между тем плановый надой по колхозам этих районов установлен в пределах 1 000–1 200 л, а фактический удой на фуражную корову составил за последнее полугодие 250–380 л. Авторы письма в целях облегчения создавшегося тяжелого состояния просили разрешить списание недоимки прошлых лет 495 колхозам в 16 районах по мясу и 766 колхозам в 27 районах по молоку [2, с. 601–602].

В записке из Пермской области о поставках продуктов животноводства за 1944 г. отмечалось, что количество колхозников, не рассчи-

¹³ Центр документации общественных организаций Оренбургской области. Ф. 371. Оп. 6. Д. 200а. Л. 31.

тавшихся с государством, возросло за год с 700 до 768. Многие колхозы имели настолько незначительное количество скота, при котором погашение недоимок возможно было только путем полной ликвидации животноводческих ферм или сдачи большей части маточного поголовья. Рост недоимок по молокопоставкам был вызван тем, что к моменту перехода на погектарное исчисление поставок свыше 1 500 колхозов не имели даже минимума коров на фермах, а в годы войны маточное поголовье сократилось. Норма сдачи молока в Пермской области колхозами была самой большой – 15,5 л, в Свердловской она составляла – 15,4 л, в Удмуртии – 10, в Курганской – 9,1, в Челябинской – 6,8, в Башкирии – 6,2, в Оренбургской области – 4,8 л¹⁴.

Подобная ситуация складывалась и с поставками зерна. Первый секретарь Свердловского обкома партии В.Н. Андрианов писал секретарю ЦК ВКП(б) Г.К. Маленкову, что размеры недоимок, подлежащих погашению из урожая 1945 г., составили 3 709 тыс. пудов. Он подчеркнул: «Если проанализировать сдачу зерна по колхозам вместе с обязательными поставками, то эта цифра доходит до таких размеров, что колхозам при получении фактически урожая в 7–8 центнеров ничего не остается на посев и потребление» [2, с. 621].

Высокие нормы поставок сельскохозяйственной продукции, сохранявшиеся в военные годы, не позволяли колхозам с ними справляться. Данные по Челябинской области позволяют наглядно в этом убедиться. Количество колхозов по области и их удельный вес (в %), которые выполняли план сдачи¹⁵:

	1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
зерна	29	3,4	77	9,0	67	7,6	280	31,9
мяса	590	69,7	347	40,3	437	49,3	662	75,1
молока	103	12,2	123	14,3	459	52,2	551	62,7
картофеля	96	11,3	170	19,7	192	21,8	191	21,7
овощей	79	9,3	117	13,6	137	15,6	76	8,6
яиц	81	9,6	144	16,7	177	20,1	424	48,2
шерсти	280	33,0	155	18,1	219	24,9	580	65,8
кожсырья	138	16,3	224	26,0	307	25,0	352	40,0
брынзы	255	30,1	188	21,8	358	40,7	374	42,6
сена	210	25,8	224	26,0	295	33,5	288	32,6
зерна, мяса, картофеля	20	2,3	13	1,5	29	3,3	73	8,3
мяса, молока, яиц и шерсти	11	1,3	25	3,0	47	5,3	164	18,6
все виды поставок	3	0,3	7	0,8	10	1,1	17	1,9
колхозов, вошедших в разработку	847	100,0	860	100,0	880	100,0	879	100,0
всего колхозов в области	882		881		880		879	

¹⁴ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1205. Л. 67, 71; Д. 1440. Л. 1, 2.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 933. Л. 3, 4.

Как видно, подавляющая часть сельхозартелей поставки продукции срывали. Относительно лучше обстояло дело с поставками мяса и молока. В заключительный период войны количество колхозов, выполнявших плановую сдачу, заметно выросло. Это было связано не только с улучшением дел в сельском хозяйстве, но и с уменьшением по разрешению правительства норм поставок: в 1943 г. с 1 га пашни взималось по области 3,5 кг мяса, в 1944 г. — 2 кг, в 1945 г. — 1,6 кг¹⁶. Все виды поставок выполняли только немногие хозяйства. За годы войны в области только 2 колхоза справлялись с планами сдачи всех видов поставок, поставки зерна выполняли 10 колхозов, мяса — 105, молока — 15, картофеля — 5, овощей — 24, шерсти — 55.

Из-за того, что колхозы Челябинской области фактически осваивали только половину пахотной земли, размеры изъятия хлеба с гектара были высокими и колебались в пределах 3,1–3,8 ц, а в отдельных районах доходили до 6–10 ц. Из-за низкой урожайности и высокой нормы сдачи колхозы, чтобы выполнить «первую заповедь», вынуждены были сдавать семенное зерно, резко сокращать распределение хлеба на трудодни, сводить до минимума фуражные фонды.

Вот типичная картина распределения зерна в хозяйствах — на примере зернового баланса колхозов Башкирской АССР в годы войны¹⁷:

	1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.	
	тыс. ц	%	тыс. ц	%	тыс. ц	%	тыс. ц	%
поставки всех видов	8890,3	42,7	4127,0	51,1	3428,0	48,5	3474,6	53,2
семенной фонд	3528,0	16,8	2041,3	25,4	1736,0	27,0	1523,7	23,8
фуражный фонд	3053,0	14,6	559,9	6,9	212,7	3,2	188,9	2,9
общественный фонд	442,9	2,3	96,6	1,1	44,0	0,7	32,0	0,5
на трудодни	4047,3	19,2	611,7	7,7	602,8	9,3	621,8	12,0
хозяйственный расход	156,4	0,7	93,1	1,2	112,1	1,7	119,3	1,8
продажа на рынке	139,8	0,6	47,8	0,6	16,9	0,3	15,2	0,4
прочее	648,5	3,1	63,2	6,1	304,8	9,3	365,4	5,4

Как видно из приведенных данных, в абсолютных величинах снизились все виды статей расхода полученного зерна. Особо это сокращение коснулось фуражного фонда (в 16,2 раза), общественного (в 13,8 раза), продажи на рынке (в 9,2 раза) и выдачи на трудодни (в 6,5 раз). Выросла доля только двух статей — государственных поставок (с 42,7 до 53,2 %) и семенного фонда (с 16,8 % в 1941 г. до 27,0 % в 1943 г. и до 23,8 % в 1944 г.), доля других расходов уменьшилась, и особенно резко: выдача на трудодни (с 19,2 % в 1941 г. до 7 % в 1942 г., 9,3 % — в 1943 г. и 12 % — в 1944 г.) и фуражный фонд (с 14,6 % в 1941 г. до 2,9 % в 1945 г.). Стремление всеми силами помочь фронту,

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 933. Л. 3, 4.

¹⁷ Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан. Ф. 122. Оп. 25. Д. 501. Л. 44, 45.

подкрепленное мощным налоговым прессом, заставляло колхозы больше половины зерна передавать государству. Неуклонно рос и удельный вес сдачи животноводческой продукции. Молока было сдано в 1941 г. 69,0 % от полученного, в 1942, 1943 и 1944 гг. — 58,0 %; масла — соответственно: 52,0, 66,1, 63,0 и 74,0 %; шерсти — 43,8, 63,8, 74,6 и 73,7 %; яиц — 72,1, 78,3, 82,4 и 79,5 %. Несмотря на изъятие большей части полученной продукции, колхозы постоянно оставались должниками, недоимки росли из года в год.

Только в 1945 г. правительство решилось списать с колхозов Урала недоимки прошлых лет по зернобобовым в размере 11,6 млн ц, в том числе по Башкирии — 4,2 млн, по Оренбургской области — 3,2 млн, по Челябинской — 1,42 млн, по Пермской — 9,92 млн, по Курганской — 0,91 млн, по Удмуртии — 0,75 млн, по Свердловской области — 0,2 млн ц¹⁸. Это списание заметно снизило напряженность при заготовках.

Заготовки зернобобовых по всем категориям хозяйств Урала в годы войны сократились. Если заготовки зерна в 1941 г. принять за 100 %, то в 1942 г. они составляли в колхозах 55,1 %; в 1943 г. — 51,4; в 1944 г. — 51,3; в 1945 г. — 62,0 %; заготовки картофеля выросли в 1942 г. по сравнению с 1941 г. на 133,4 %, а затем уменьшились: в 1943 г. — до 88,3 %, в 1944 г. — до 86,6; в 1945 г. — до 85,6 %; то же происходило с заготовками молока: в 1942 г. — 115,1 % от 1941 г., в 1943 г. — 100,6, в 1944 г. — 82,4, в 1945 г. — 73,9 %. Значительно выросли заготовки овощных культур: в 1942 г. в три раза по сравнению с 1941 г., в 1943 г. — в 2,5; в 1944 г. — в 2,2; в 1945 г. — в 2,1 раза [2, с. 114].

При общем сокращении производства зерна в колхозах колхозники стремились обеспечить армию и население. Они вынуждены были сокращать его использование на производственные нужды, продажу на рынках, а также уменьшать фонды потребления. Годовые отчеты колхозов Урала показывают статьи расхода зернобобовых культур (в % к валовому сбору) [2, с. 115]:

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
обязательные поставки	21,2	22,6	27,3	26,0	28,1
натуроплата МТС	21,1	19,6	14,6	15,9	15,2
возврат ссуд	2,4	1,8	1,9	5,8	5,0
в фонд обороны	0,1	0,2	0,1	0,06	0,05
в хлебный фонд РККА	—	4,0	5,4	3,1	2,1
продано госзаготовителям	0,2	0,08	0,3	0,2	0,2
продано на колхозном рынке	0,3	0,4	0,2	0,2	0,3
в помощь инвалидам, сиротам	0,9	0,7	0,5	0,4	0,5
выдано на трудодни	14,4	8,9	9,3	10,5	12,1
прочие	39,4	41,7	40,	37,8	36,4

¹⁸ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1307. Л. 42.

В 1941 г. колхозы региона сдали государству 44,8 % от валового сбора зерна; в 1942 г. — 48,2; в 1943 г. — 49,3; в 1944 г. — 50,9; в 1945 г. — 50,5 %, то есть к концу войны половина собранного хлеба шла государству, ведущему войну. Распределение по трудодням в первый период войны резко сократилось, затем постепенно росло, но было значительно меньше, чем до войны (в 1941 г. колхозники распределили 10 707,7 тыс. ц зерна по трудодням (100 %); в 1942 г. — 3 403,9 тыс. (31,8 %); в 1943 г. — 2 609,0 тыс. (24,4 %)). Продажа зерна госзаготовителям, кооперации и на колхозном рынке не превышала 0,5 % от валового сбора¹⁹.

Аналогичная картина была с распределением урожая картофеля: одну треть его валового сбора колхозы сдавали государству, 3–5 % продавали на рынке, госзаготовителям и кооперации и только 6–11 % собранного картофеля распределялось по трудодням.

Большая часть полуденного молока также сдавалась государству: в 1941 г. — 52,9 %, в 1942 г. — 57,2; в 1943 г. — 56,3; в 1944 г. — 52,2; в 1945 г. — 47,2 %. 65–70 % яиц колхозы Урала передавали по обязательным поставкам. Иная картина наблюдалась с реализацией мяса и сала (в % к валовому производству):

	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
обязательные мясopоставки	2,7	8,8	8,3	3,7
продано заготовителям	3,0	2,9	2,9	2,1
продано на колхозном рынке	75,9	45,3	43,5	35,7
выдано на трудодни	1,0	1,4	2,2	3,2

Значительная часть полученного мяса и сала шла на продажу на колхозном рынке, это давало основную часть денежных доходов колхозов. Большое количество скота сдавалось колхозами Урала государству по обязательным мясopоставкам, часть продавалась (в тыс. голов) [2, с. 116]:

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
<i>Крупный рогатый скот</i>					
сдано государству	200,9	376,2	568,1	386,8	316,7
продано госзаготовителям	29,9	13,7	42,9	37,0	36,7
продано на колхозном рынке	39,8	11,9	10,6	10,6	10,9
продано колхозникам	1,8	9,7	28,4	9,2	13,3
<i>Свиньи</i>					
сдано государству	252,2	359,3	327,6	114,2	91,9
продано госзаготовителям	25,4	25,9	22,2	13,0	7,4
продано на колхозном рынке	207,7	139,8	101,4	48,0	70,9
продано колхозникам	280,8	334,6	254,4	133,8	203,9

¹⁹ Подобная ситуация фиксировалась и в других тыловых регионах РСФСР. [1, с. 40–41].

<i>Овцы и козы</i>					
сдано государству	249,0	621,5	1024,5	708,0	686,2
продано госзаготовителям	46,7	27,7	96,4	46,5	54,9
продано на колхозном рынке	65,9	27,4	25,9	28,5	92,1
продано колхозникам	65,5	38,9	38,4	38,5	28,8
<i>Птица разная</i>					
сдано государству	234,0	265,2	236,1	107,0	127,7
продано госзаготовителям	75,0	26,2	10,5	3,9	5,0
продано на колхозном рынке	150,4	74,6	8,3	30,5	39,6
продано колхозникам	113,0	174,9	142,7	72,6	113,0

За годы войны колхозы Урала поставили государству 1 848,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 1 145,2 тыс. свиней, 3 289,2 тыс. овец и коз, 970 тыс. голов птицы. Часть скота продавалась колхозникам для ведения личного подсобного хозяйства. Продажа скота на колхозном рынке была основным источником денежных поступлений (она приносила до 60 % всех денежных доходов от реализации скота). Обязательные поставки крупного рогатого скота выросли за военные годы до 40 % от всего поголовья, свиней – до 50 %, овец и коз – до 48, птицы – до 17 %. Это существенным образом сказывалось на развитии общественного животноводства.

Несмотря на сокращение поголовья скота в совхозах, планы по сдаче государству мяса на протяжении войны они в основном выполняли. Совхозы Челябинской области планы по сдаче мяса в 1941 г. выполнили на 98,5 %, в 1942 г. – на 117,3, в 1943 г. – на 105,6, в 1944 г. – на 111,6 %. Совхозы Курганского зерноживотноводческого треста в 1943 г. выполнили план по мясосдаче на 133,6 %, в 1944 г. – на 110,0 %. Совхозы Оренбургской области в 1945 г. реализовали план по мясу на 186 %, по молоку – на 112, по шерсти – на 106 %. В годы войны выросла доля сдачи государству молока: в 1940 г. она составляла 67,2 % от полученного, в 1941 г. – 69,5, в 1942 г. – 78,8, в 1943 г. – 75,9, в 1944 г. – 76,4 %²⁰. Увеличение госпоставок в совхозах, также как и в колхозах, шло за счет сокращения внутривоспроизводительного потребления.

Возросла за годы войны и доля сдаваемого государству зерна совхозами Урала. В 1941 г. совхозы поставили 46,5 % собранного хлеба, в 1942 г. – 69,7, в 1943 г. – 50,8, в 1944 г. – 64,8, в 1945 г. – 63,7 %. Особенно высоки были поставки зерновых совхозов Южного Урала (достигали 77–80 % от валового сбора) [2, с. 117].

Необходимо учитывать, что в годы войны значительно увеличились потери зерна (разница между фактически сданным и зачтенным).

²⁰ РГАЭ. Ф. 7802. Оп. 1. Д. 2286. Л. 36; Д. 2309. Л. 42; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1003. Оп. 3. Д. 1060. Л. 7; ОГА-ЧО. Ф. П-288. Оп. 37. Д. 26. Л. 171.

Только из-за повышенной влажности потери ежегодно составляли 7–10 % от сданного зерна²¹.

Доля региона в заготовках сельскохозяйственной продукции за годы войны выросла. Если в 1938–1940 гг. удельный вес Урала в заготовках зерна по стране составлял 11,8 %, то в 1941–1945 гг. – 12,3 % (в 1941 г. – 14,7 %; в 1942 г. – 15,1; в 1943 г. – 13,0; в 1944 г. – 8,6; в 1945 г. – 10,9 %) [5, с. 118].

Таким образом, в годы войны Урал стал важной продовольственной базой страны. В то же время при высоких планах и низких заготовительных ценах заготовки сельскохозяйственных продуктов проходили с большим напряжением. Увеличение поставок государству вело к уменьшению оплаты по трудодням, сокращению стада животных, семенных, фуражных и продовольственных фондов. К концу войны колхозы и совхозы Урала подошли с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство за победу в войне.

Литература

1. *Васильева С.И.* Деревня и государственная заготовительная политика в годы Великой Отечественной войны (на материале Марийской АССР) / *Российская история.* 2010. № 3.
2. *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953* / Составители Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1971. Т. 6.
4. *Корнилов Г.Е.* К вопросу о положении сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны // *Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование.* XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 1994.
5. *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск. 1990.

²¹ ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 941. Л. 4, 6; Д. 1016. Л. 44.

**«ЧЕРНЫЕ КАССЫ» КОЛХОЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
И БОРЬБА С НИМИ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.**

«Черные кассы» колхозов в середине 1940-х – начале 1950-х гг. явились одной из составляющих активного социального иммунитета деревни, направленного на приспособление к аграрной политике государства. Отчасти компенсируя жесткость налоговой политики, товарный дефицит, издержки денежного обращения и государственной торговли, они повышали устойчивость колхозной экономики, замедляли раскрестьянивание и социальную дифференциацию, хотя, с другой стороны, стимулировали обособление слоя управленцев с неуставными финансовыми полномочиями.

Ключевые слова: колхозы, крестьянство, повинности, неформальная экономика, адаптационные формы поведения.

Период до середины 1950-х гг. оценивается в историографии как время максимального изъятия ресурсов российской деревни. В литературе по проблемам налогово-податной и повинностной политики и сопротивления ей крестьянства в эти годы основное внимание уделяется повинностям личных подворий и усилиям их владельцев по хозяйственному выживанию: способам уклонения от натуральных и денежных налогов, минимизации участия в общественных работах, увеличению размеров приусадебных участков и т.д. (см.: [1; 2; 5; 12; 13; 14]; и др.). Но государство претендовало не только на ресурсы подворий. Их главным источником считались колхозы, обязанные поставлять и продавать по символическим ценам большую часть произведенного, уплачивать земельную ренту, страховые платежи, займы, подоходный налог, ставки которого в течение 1940-х – начале 1950-х гг. трижды повышались².

Важным условием, обеспечивающим реализацию высокого налогообложения колхозов, выступали безналичные расчеты. Расширение их сферы провозглашалась залогом повседневного контроля и успешного функционирования плановой экономики [3, с. 216–219; 8, с. 196–

¹ Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет, kometchikov.igor@mail.ru, Россия, г. Калуга.

² В 1941 г. ставки подоходного налога с колхозов увеличились с 3–4 % до 4–8 %, в 1948 г. – до 6–13 %, в 1951 г. – до 9–15 % [6, с. 51, 61–62, 67, 69].

198]. Колхозный сектор был той ее частью, где в значительных количествах циркулировали наличные деньги, и показатель их мобилизации входил в число основных индикаторов денежного обращения в отчетности Госбанка СССР. Финансовое обслуживание колхозов велось Госбанком и Сельхозбанком по принципам, сложившимся еще в 1930-е гг. [3, с. 134–136]. Выдачи наличных средств со счетов производились по требованию, подписанному председателем и счетоводом. По вкладу на текущем счету банк начислял 3,5% годовых, хранение же наличных в колхозной кассе разрешалось в «минимальной сумме». Снятие средств со счета капиталовложений должно было производиться в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой, предварительно утвержденным общим собранием, а их заимствование на текущие нужды допускалось по решению общего собрания только при условии их возврата [7, с. 431; 9, с. 220–221].

Неудивительно, что колхозы, как и крестьянские подворья, страдавшие из-за податного пресса и воспринимавшиеся государством в качестве источника «свободных» наличных денег, пытались нащупать более справедливый, с их точки зрения, баланс собственных интересов и притязаний власти. Одной из способов этого можно считать «черные кассы» колхозов, как в официальной документации назывались расчеты в наличных, минуя текущий счет в отделении Госбанка (или сберегательной кассе) и счет капиталовложений в отделении Сельхозбанка³.

Сведения о масштабах, динамике, функционировании, экономической и социальной значимости «черных касс» для деревни, борьбе с ними государства содержатся в делопроизводственной и статистической документации Государственного банка СССР, Сельскохозяйственного банка СССР, ЦСУ СССР, Совета по делам колхозов при Совете Министров (СМ) СССР, местных партийных, советских, финансовых органов и колхозов. В настоящей статье «черные кассы» анализируются на материале села Центрального Нечерноземья.

Государство после войны озаботилось упорядочением колхозных финансов и обеспечением притока денежных средств на счета колхозов, о чем упоминалось в постановлении СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» и постановлении СМ СССР от 2 августа 1947 г. «О грубых извращениях в работе Сельскохозяйственного банка» [4, с. 212–216; 10, с. 55–61]. Однако сделать это долгое время не удавалось из-за слабого развития на селе сети банковских учреждений, ведущих инкассацию, недостаточной координации их усилий и действий местных органов сельского хозяйства и финансов,

³ Следует отметить, что «черные кассы» были распространены не только в колхозной экономике, но и в потребительской кооперации, торговле.

которые стремились переложить эту работу друг на друга, загруженности банковских работников заданиями райкомов ВКП(б) и райисполкомов, не связанными с их должностными обязанностями. Внутриколхозными факторами наличия «черных касс» являлись нехватка и низкая квалификация счетоводов и бухгалтеров, особенно во второй половине 1940-х гг., постоянная задолженность колхозов по ссудам, малая величина доходов и дробность их поступления, стремление уклониться от налогов и понизить издержки, возникавшие при безналичных расчетах.

Наибольший объем «черных касс» колхозов Центрального Нечерноземья отмечается в середине 1940-х гг., когда он, как видно, отражал разросшийся за годы войны стихийный рынок и допускался финансовой политикой государства до денежной реформы 1947 г. В это время значительная часть поступлений на счета колхозов совершалась в безналичной форме (от учреждений и организаций), и лишь малая часть — наличными⁴. В 1946 г. разница между приходом на текущие счета и счета капиталовложений и общей суммой денежных доходов колхозов Московской области составляла 280 млн руб. (43,7 % денежных доходов за год), Орловской — 41,9 млн руб. (45 %), Рязанской — 116,9 млн (58,6 %), Смоленской — 58,9 млн (41,8 %), Тульской — 58,0 млн руб. (44,7 %). В 1947 г. она колебалась от 13,5 % денежных доходов в Ярославской области до 53,2 % в Калужской, составив суммарно по колхозам Центрального Нечерноземья более миллиарда рублей (31,6 % их денежных доходов). В последующие годы по мере расширения сети банковских учреждений и сберегательных касс, активизации инкассации, укрупнения колхозов, селекции властью кадров колхозного руководства и роста их квалификации, повышения закупочных цен в 1953 г., вызвавшего перенаправление части продукции колхозного производства с колхозного рынка в государственные и кооперативные заготовительные организации, объем «черной» наличности волнообразно сокращается. В 1951 г. «черная касса» составляла от 2 до 40 % денежных доходов колхозов (суммарно — 376,3 млн руб. — 15,9 % денежных доходов), в 1952 г. — от 9,9 до 37,5 % (512,9 млн руб. — 19,7 %), в 1953 г. — от 3,4 до 40 % (393,7 млн руб.)⁵. Таким образом, за 1946—1953 гг. размер «черных касс» уменьшился более чем в два раза.

Даже уменьшаясь, «черные кассы» выполняли важные функции по экономической стабилизации общественного хозяйства и подворий

⁴ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92.

⁵ Рассчитано: Там же. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1782. Л. 5; Д. 2178. Л. 5; Д. 4056. Л. 16; Д. 4636. Л. 14; Д. 5091а. Л. 17; Ф. 2324. Оп. 26. Д. 491. Л. 3; Оп. 27. Д. 75. Л. 3; Д. 301. Л. 3; Д. 546. Л. 3; Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92; Оп. 5. Д. 256. Л. 64, 86, 90, 107, 163, 165, 178; Д. 257. Л. 42, 108, 112, 149, 203, 206, 251; Д. 258. Л. 261; Д. 258. Л. 144, 145, 146; Д. 274. Л. 64, 65, 66; Д. 295. Л. 65, 66, 67.

колхозников. Для современников, знакомых с функционированием колхозной экономики, не являлось секретом, что своевременный и полный расчет колхозов по финансовым платежам будет означать срыв сельскохозяйственных работ. Типичная ситуация сложилась в конце 1948 г. в Калужской области. По данным Калужского областного финансового отдела, на 1 января 1949 г. 2295 из 3458 колхозов области имели недоимку по подоходному налогу в сумме 7,8 млн руб. Арест счетов 333 колхозов-недоимщиков эффекта не дал. Сдача выручки в банк прекратилась вовсе, из-за чего облфинанотделу пришлось отозвать исполнительные листы и просить обком ВКП(б) «дать указание всем райкомам ВКП(б) о применении мероприятий, которые бы воздействовали на колхозы в скорейшей уплате подоходного налога»⁶. Но руководители на местах часто предпочитали не замечать требований финансовых органов и даже действовали вразрез указаниям из области⁷.

С уклонением от уплаты налогов была связана и другая причина возникновения «черных касс» — потребность своевременно финансировать текущие производственные затраты. На это направлялись средства от продажи продуктов на колхозном рынке, составлявшие основную часть доходов «черных касс». Но у экономически слабых хозяйств, удельный вес которых в областях Центрального Нечерноземья доходил до 50 %, рыночный фонд продовольствия был незначительным, поэтому шел поиск других источников дохода с проведением выручки по «теневой бухгалтерии». Одним из них являлась сдача в аренду земельных угодий.

26 июля 1951 г. в книге протоколов заседаний правления колхоза «Верный путь» Шаховского сельсовета Мосальского района Калужской области была сделана следующая запись: «По первому вопросу слушали [председателя колхоза] тов. Михайлова о постройке базы. Так как уже наступила уборка хлебов, для чего нам необходимо строить кладовую, нужны средства и их у нас нет. Предложение [члена правления] Бубчикова А.С.: давайте продадим сенокоса луга некошеного, пушай скосят, и в сухом виде продать сеном стоимостью 6 рублей за пуд. Постановили: продать сенокосов лугов на корню со своей коской и сухим сеном с веса 6 рублей пуд и продать 40 пудов сена по цене 10 рублей пуд для оплаты счета за лесоматериал». 7 августа того же года правленцы вновь «продавали» колхозные сенокосы для «покрытия нужд в колхозе»⁸.

⁶ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1387. Л. 190.

⁷ Там же. Д. 1387. Л. 55; Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 577. Л. 37. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 416. Л. 64–65.

⁸ ГАКО. Ф. Р-3445. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об., 11.

В Тульской области в 1950 г. колхоз имени Ленина Заокского района «продал» частным лицам 10,25 га луга за 3 790 руб., колхоз «Идея Ленина» Епифановского района – 25 га за 4 655 руб., колхоз имени Буденного – 100 га за 68 400 руб., колхоз имени Молотова – 73 га за 9 200 руб. и т.д.⁹ Только в одном колхозе «Стахановец» Темкинского района Смоленской области в 1951 г. председатель получил от представителей различных учреждений Московской области 56 тыс. руб. за сданные 420 га колхозных лугов¹⁰. В отчетности эти средства значились как доходы от реализации сена.

Способом пополнения колхозной кассы также являлась сдача в аренду колхозного тягла. В колхозах «Серп» и «Наш колос» Заокского района Тульской области «на заработки» в Москву выделялось по паре лошадей, а в колхозе «Советское поле» в 1946–1948 гг. две лошади сдавались в соседний колхоз. За вспашку на них каждой сотки приусадебного участка в колхоз перечислялось 12 руб. Колхозы близ Тулы в течение ряда лет сдавали лошадей в аренду частникам, на которых те занимались извозом. Колхозу уплачивался определенный процент от доходов. Когда же в 1952 г. договоры «извозчиков» с артелью были расторгнуты прокурором района, частников приняли в члены колхоза, но они продолжали жить в городе и заниматься своим промыслом¹¹. В Угодско-Заводском районе Калужской области председатели колхозов сдавали колхозных лошадей со сбруей и повозками своим же колхозникам на условиях отчисления колхозу 50 % заработанного, в Кировском районе «на прокат» сдавали племенных быков¹². Немалые доходы приносила торговля лесом, бессистемные рубки которого привели к концу 1940-х гг. к повсеместному сокращению колхозных лесных массивов.

Статьи расходов «черной» наличности свидетельствуют, что за счет нее колхозы также компенсировали издержки государственного снабжения, спутниками которого были «ножницы цен» и дефицит. Это обстоятельство подталкивало правления к операциям на колхозном и теневом рынках. Заведующий сельхозотделом Калужского обкома ВКП(б) на пленуме обкома в апреле 1947 г. обращал внимание на дороговизну и низкое качество продукции местной промышленности и промкооперации для колхозов¹³. «Теневая» бухгалтерия, напро-

⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 3562. Л. 9, 9 об., 67.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1031. Л. 272–273.

¹¹ Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 177. Оп. 14. Д. 58. Л. 41, 42; ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 242. Л. 15.

¹² ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 26. Л. 142, 143.

¹³ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 317. Л. 53.

тив, давала возможность доставать горючее и запчасти для двигателей и транспорта, удобрения и фураж, продовольствие, сельхозинвентарь, вопреки запретам нанимать со стороны рабочую силу, приобретать фиктивные хлебоприемные квитанции и др. В числе основных статей текущих расходов, преимущественно финансировавшихся таким образом, был найм рабочей силы и приобретение мелкого инвентаря. Колхозы Центрального Нечерноземья затратили на это: в 1945 г. — 343,4 млн руб., в 1946 г. — 291,4 млн, в 1947 г. — 276,4 млн, в 1948 г. — 207,6 млн, в 1950 г. — 199,5 млн, в 1951 г. — 195,4 млн, в 1952 г. — 198,4 млн руб. (7,6–11,2 % денежных доходов за год)¹⁴.

Из «черных касс» финансировалась часть капитальных вложений: строительство и ремонт зданий и сооружений, покупка техники, скота и т.д. Значительные суммы тратились на оплату занятой на строительство наемной рабочей силы. Колхозами Центрального Нечерноземья на эти цели было израсходовано: в 1945 г. — 231,4 млн руб., в 1946 г. — 187,6 млн, в 1947 г. — 134,2 млн, в 1948 г. — 114,6 млн, в 1949 г. — 39,4 млн, в 1950 г. — 33,0 млн, в 1951 г. — 36,7 млн, в 1952 г. — 31,5 млн руб. (1,2–7,3 % денежных доходов)¹⁵. В 1946 г. колхозы Московской области из 192 млн руб. на капиталовложения израсходовали через «черные кассы» 70,5 млн (36,7 %), Орловской области — из 34,5 млн — 16 млн (46,3 %), Рязанской — из 72,7 млн — 34,3 млн (47,1 %), Смоленской — из 46,7 млн — 20,8 млн (44,5 %), Тульской — из 59,1 млн руб. — 26,5 млн руб. (44,8 %)¹⁶. В 1947 г. колхозы областей Центрального Нечерноземья провели через «черные кассы» от 38,7 до 58,9 % средств капиталовложений (466 млн руб., 41,2 % средств на капиталовложения)¹⁷. Такая же ситуация была в 1948 г. в Климовском районе Брянской области. В 1948 г. многие председатели колхозов и даже районные работники открыто заявляли, что «без черной кассы во многих колхозах трудно обойтись и правильно вести хозяйство без нее невозможно»¹⁸.

Другой важной функцией «черных касс» была финансовая поддержка колхозников путем противозаконного, с позиции государства, увеличения размеров внутриколхозного потребления произведенного

¹⁴ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 5, 9, 11; Д. 1782. Л. 5, 9, 11; Д. 2178. Л. 5, 9; Д. 2578. Л. 10, 16; Д. 3604. Л. 9, 20; Д. 4056. Л. 14, 22; Д. 4636. Л. 14, 20.

¹⁵ Рассчитано: Там же. Д. 1377. Л. 5, 21; Д. 1782. Л. 5, 21; Д. 2178. Л. 5, 11; Д. 2578. Л. 10, 31; Д. 3077. Л. 9, 25; Д. 3604. Л. 14, 38; Д. 4056. Л. 16, 43; Д. 4636. Л. 14, 26.

¹⁶ Рассчитано: Там же. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92, 111.

¹⁷ Рассчитано: Там же. Д. 256. Л. 64, 86, 90, 104, 107, 163, 165, 178; Д. 257. Л. 42, 108, 112, 149, 203, 206, 251; Д. 258. Л. 261.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 17. Л. 204.

в общественном хозяйстве за счет понижения темпов роста неделимых фондов. Согласно Уставу сельхозартели, на пополнение неделимых фондов следовало отчислять от 10 до 20 % денежных доходов за год [7, с. 430].

Однако даже при формальном соблюдении этого порядка в колхозах образовывался значительный разрыв между затратами на пополнение основных средств и их приростом, так как часть капиталовложений направлялась через «черные кассы» на текущие производственные нужды колхозов и потребление колхозников. Разница образовывалась, главным образом, за счет списания с баланса значительного поголовья общественного скота. Управляющий областной конторой Сельхозбанка говорил на сессии Калужского областного Совета в июле 1946 г.: «Колхозы нашей области за 1945 год продали скота на 42800 тыс. рублей, обратили же на приобретение основных средств всего 12 млн 390 тыс. рублей, израсходовали, таким образом, свыше 30 млн рублей на прочие нужды. Расходуя огромные средства из пополнения неделимых фондов, установлено, что именно основные средства приобретаются колхозами исключительно плохо. В частности, колхозы должны иметь основных средств по области на 1/1-45 г. 12 5571 тыс. рублей. [Но] на 1/1-46 г. эти основные средства увеличились всего на 27 383 тыс. рублей, тогда как затрат на эти цели произвели на 63 000 тыс. рублей. Казалось бы, и прирост должен быть такой же, но ничего подобного, на 36 000 тыс. рублей основные средства или не учтены или расхищены»¹⁹. В 1946 г. 1504 проверенных колхоза, по подсчетам управляющего, «разбазарили» более 10 млн руб. средств неделимых фондов на «нужды, не связанные с развитием животноводства»²⁰. Сходные выводы делали тульские руководители: колхозы области в 1945—1953 гг. израсходовали на капиталовложения 502,5 млн руб., что обеспечило прирост основных средств на 154,1 млн руб. Разница, таким образом, равнялась 348,4 млн руб. (69,3 % всех затрат на капиталовложения)²¹.

Посредством «черных касс» перераспределялась часть средств неделимого фонда на потребление колхозников, что на языке официальной переписки именовалось «разбазариванием», а в деревне было освящено мирской традицией. Для этого организовывались «общественное питание» по символическим ценам, оплата налогов и индивидуальной подписки на займы, оформление «премий» и «выдач» на спецодежду и обувь, установление явочным порядком гарантирован-

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 182. Л. 51.

²⁰ Там же. Д. 183. Л. 20.

²¹ Рассчитано: ГАТО. Ф. 3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 160 об., 161; Д. 258. Л. 133 об.; Д. 326. Л. 107; Д. 397. Л. 81; Д. 466. Л. 19; Д. 543. Л. 16; Д. 672. Л. 41 об.; Д. 741. Л. 178 об., 180.

ной оплаты труда, противозаконное распределение на трудодни продуктов и денег. Сотрудники представителя Совета по делам колхозов по Калининской области изучили пополнение и использование средств неделимых фондов за 1950 и 1951 гг. Оказалось, что только в 1951 г. при невыполнении плана общественного животноводства колхозы продали на рынках скота и продуктов его убоя на 43,7 млн руб. Вместо отчисления из этой суммы положенных 26,6 млн руб. на капиталовложения было выделено 3,6 млн руб., а остальное распределено на трудодни и направлено на производственные нужды. В 66 из 135 проверенных сельхозартелях были установлены приписки к расходам на капиталовложения в сумме 567,4 тыс. руб. Уличенные счетоводы и председатели признавались, что стремились «уменьшить недовзносы в неделимые фонды и увеличить выдачу денег на трудодни». Так, в колхозе имени Молотова Кашинского района в отчете за 1951 г. к расходам на капиталовложения было приписано 19336 руб. и на эту же сумму сокращены производственные расходы, что позволило выдать на трудодень по 6 руб. 72 коп. В колхозе имени Калинина к расходу на капиталовложения приписали 20690 руб., а статьи прихода на 32272 руб. уменьшили. Получившиеся 52932 руб. «излишка» выдали на трудодни (по 1 руб. на трудодень)²².

«Сверху» подобные попытки реализации крестьянского понимания справедливой оплаты за труд виделось совершенно иначе: «Сотни тонн не оприходовано зерна с тем, чтобы распределить по трудодням <...> Деньги с неделимых фондов проедаются, часть средств расходуются на обеды и др. Продадут корову, а деньги проедают или на веревки тратят», — утверждал секретарь Калужского обкома ВКП(б) 23 июня 1948 г. на совещании работников суда, юстиции и прокуратуры области²³.

Таким образом, экономическое значение «черных касс» состояло в повышении устойчивости колхозной экономики путем уклонения от уплаты денежных налогов, погашения кредитов, понижения издержек денежного обращения и государственной торговли, чем объективно пользовалось и само государство, считавшее их «антигосударственной практикой». С социальной точки зрения «черные кассы» обеспечивали более справедливое, по мнению деревни, распределение произведенного общественным хозяйством продукта в пользу большинства тружеников, что, с одной стороны, замедляло процессы раскрестьянивания, социальной и имущественной дифференциации, а, с другой — способствовало обособлению слоя колхозных управленцев с «неуставными» финансовыми полномочиями.

²² РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1184. Л. 13, 14, 21, 22, 26.

²³ ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 14. Л. 80–81.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства // Отечественная история. 1999. № 3.
2. *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.
3. *Гусаков А.Д., Дымшиц И.А.* Денежное обращение и кредит в СССР. М., 1951.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. Т. 3. М., 1958.
5. *Зима В.Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3.
6. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
7. История колхозного права. Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2 т. Т. 1. М., 1959.
8. *Колганов М.В.* Собственность в социалистическом обществе. М., 1953.
9. Колхозное право. М., 1950.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 8. М., 1985.
11. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3: налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2003.
12. *Попов В.П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2.
13. *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). М., 1993.
14. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003.

КАЛИНИНГРАДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В статье рассматривается специфика становления и организации государственной системы заготовок продуктов сельского хозяйства в 1946–1956 гг. на территории Калининградской области, заселявшейся после Второй мировой войны переселенцами из центральных областей РСФСР.

Ключевые слова: аграрная история России второй половины XX в., сельское хозяйство, колхозы, фискальная политика, система государственных заготовок, Калининградская область.

Система заготовок «апогея сталинизма», во многом унаследованная от эпохи коллективизации, традиционно воспринимается как комплекс жестких мероприятий, обеспечивавших изъятие у крестьян-колхозников, работников совхозов продовольствия, сырья и фуража по ценам, которые никак не компенсировали трудозатрат и, уж тем более, не могли стимулировать их производить больше продукции для подобной реализации. Не будучи прямой формой налогообложения, обязательные поставки, государственные закупки, плановые объемы которых были обязательными для исполнения, натуроплата за работу машинно-тракторных станций (МТС), различные формы децентрализованных закупок по «предельно-закупочным» ценам – все это должно было заставить эффективно работать на благо государства каждый гектар сельхозугодий, каждого трудоспособного селянина. Подходить ко всем сельским труженикам с единой меркой государство не могло: в послевоенные годы отдельные регионы в разной степени были затронуты войной, да и на уровне отдельных колхозов и даже дворов должен был проявляться дифференцированный подход. Однако те же условия послевоенного восстановления хозяйства требовали всестороннего учета всех элементов хозяйств, производивших продовольствие: рано или поздно все земледельцы и скотоводы должны были внести свой посильный вклад в госзаготовки.

Свою специфику имела и Калининградская область, образованная на территории бывших германских земель в 1946 г. и заселенная сельскими жителями центральных областей РСФСР и Белорусской ССР.

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, Калининград.

Процесс заселения представлял собой централизованную отправку эшелонов с завербовавшимися людьми и их распределение по сельским районам, которые предстояло обживать. Прибывавшие переселенцы освобождались от сельхозналогов на трехлетний срок, получали ссуды на строительство и ремонт жилья, обзаведение коровами [2, с. 76]. Сам процесс обустройства сопровождался немалыми трудностями. Жилищный фонд постепенно освобождался от немецкого населения, однако качество его было различным, да и постоянно прибывавшее население требовало уплотнения. Вдобавок ко всему, для Восточной Пруссии была характерна хуторская система расселения, что явно не вязалось с основанным на системе крупных усадеб колхозно-совхозным строем, да и просто было неудобно, когда на работу надо было добираться с десятков километров [1, с. 15].

Не могло не добавлять хлопот и соседство с военными, которым принадлежал естественный приоритет в выборе и лучшего жилья для обустройства [2, с. 187], и сохранившихся помещичьих усадеб для организации подсобных хозяйств — военхозов (превратившихся потом в совхозы). Незнание местных почвенно-климатических особенностей, а также условий мелиоративного обустройства местности (что-то было разрушено войной, а что-то и перепахано по незнанию) создавало дополнительные сложности.

Вместе с тем, присутствовало и стремление власти поскорее получить отдачу от появлявшихся колхозов, совхозов и подсобных хозяйств, в том числе и с целью обеспечить продовольствием заселявшиеся города и значительный контингент военнослужащих на территории области.

Серьезность намерений подтверждается тем, что уполномоченный министерства заготовок по Калининградской области (К.И. Беляев) вступил в должность уже 13 августа 1946 г. — через несколько недель после прибытия первого переселенческого эшелона². Такая поспешность, когда заготовители появляются почти одновременно с потенциальными клиентами, объяснялась тем, что уполминзаги — это не только своего рода налоговики, взимавшие натуральные продукты. Они — необходимое звено в системе создания продовольственных резервов и обеспечения городского населения, а также представители органов, которым поручена отчетность за общее состояние продовольственного снабжения.

Судя по сохранившимся документам, штат аппарата облуполномоченного изначально был небольшим. В фондах Калининградского областного архива сохранились приказы за первые годы его деятельности, которые имеют сплошную нумерацию: здесь и информация по

² Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

основной деятельности, и прием технического персонала, и указание на сроки и место проводимого отпуска. В этом отношении показательны приказы за 1946 г.: определить оклад руководителю в 600 руб. в месяц (при том, что у начальника военного отдела — 1200 руб.), запретить тратить внелимитные средства на автотранспорт (куплена машина за 13 тыс. руб. вместо 10 тыс. и попала в аварию, не доехав до Калининграда), завести дело на сбежавшую в Краснодар из новой области секретаршу. Но были и требования разобраться, почему отведенные квартиры рядом с мельницей не отгорожены от запасов хлеба (что провоцирует регулярные хищения в пределах 3–14 кг на одного пойманного), почему рядом с этими запасами — лагерь на 87 военнопленных. Ну, и политическое дело — на мельнице Заготзерна 27 ноября произошел пожар (присутствовавшие в штате кочегары немцы вывели из строя паровой котел 7 ноября)³. Словом, обычное учреждение без какой-то специфики.

Однако уже в 1947 г., несмотря на освобождение новоселов от налогов, начала формироваться сама система заготовок. Обустроившиеся на новом месте селяне получили обязательства о поставках молока. Постановление об этом вышло уже 10 февраля. С коровы, принадлежащей колхозам, взималось по 500 л, колхозному двору — 240 л, единоличному хозяйству (которых в Калининградской области вообще не было) — 280 л, городским жителям — 120 л. Рабочие и служащие от налога на 1947 и 1948 гг. были освобождены, а на коров первого отела утверждена половинная ставка. Для совхозов установлен не только план в 350 л, но и базовая жирность в 3,5 %⁴.

Выполнение плана сбора молока в счет госпоставок в I квартале составило по совхозам 25 %, по колхозным дворам — 7 %, а по колхозам — лишь 2,3 %⁵. Ряд районов не приступил к заготовкам и 1 мая. Отчасти это связано с отсутствием приемных пунктов. Решение о разрывании их сети было принято лишь в мае. В связи с этим рекомендовалась сдача масла вместо молока. Грозные приказы о «разбазировании» молока на внутривоспроизводственные нужды, «покрытие антигосударственной практики недоучета коров», первое уголовное дело на райуполнминзага, заведенное уже в октябре 1947 г. совмещаются с разъяснительной работой. Переселенцам объясняли, что молоко — единственная облагаемая у них статья доходов, и по ответственному отношению к его заготовке должны делаться далеко идущие выводы⁶. С 1948 г. колхозы и колхозники начали получать извещения на обяза-

³ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 42, 53.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 72.

⁶ Там же. Л. 62, 69, 83, 198.

тельные поставки молока с каждой имеющейся коровы из расчета первый год (после переселения) — 50 % от установленной нормы, второй — 75 %, начиная с третьего — по полной ставке⁷.

Отчетность уполнминзага показывает, что в 1947 г. дело не ограничивалось только молоком. Уже летом была налажена система получения гарнцевого сбора (с помола зерна на государственных мельницах). План по гарнцу разверстывался по районам. За его выполнение строго следили. В 1949 г. мы встречаем ежемесячные приказы уполнминзага о ходе сбора гарнца⁸. Однако столь усиленное внимание (по сравнению с заготовками зерна) не случайно: сбор проще отследить, хотя очень трудно обеспечить. Убежденность, что если у колхозника или рабочего совхоза есть зерно, то он где-то должен его молотить, породила уверенность, что делать он это должен на государственной мельнице. Однако все, похожее на мельницы и пригодное для этой цели, трудно было учесть (многое осталось от немцев), появились приказы об обнаружении десятков подобных неучтенных агрегатов на район⁹. Но при этом уполнминзаг обязывал мельницы треста Главмука перерабатывать «давальческое зерно»¹⁰ (ссуды, которые давали переселенцам в качестве подъемных и с которых гарнцевый сбор не взимался). Однако с 1951 г. гарнцевый сбор из приказов уполнминзага исчезает, как будто его и не было.

Гарнцевый сбор не мог дать большого количества хлеба, поэтому с августа 1947 г. вводится план по заготовкам собственно хлеба. План небольшой — 125 тыс. ц, но за его сбором была установлена строгая подекадная отчетность, включавшая поступления по возврату ссуд, натуроплату колхозами, обязательную продажу совхозами и подсобными хозяйствами, а также гарнцевый сбор¹¹. К 10 октября план был выполнен на 104 %, однако колхозы до установленных им показателей не дотянули (88 %), не все полученное по ссудам вернули и колхозники (94 %), гарнца собрали лишь 42 %, совхозы и подсобные хозяйства перевыполнили плановые заготовки на 20 %¹². Роль подсобных хозяйств предприятий была далеко не вспомогательная — плановые задания распространялись на такие учреждения, как Вагонзавод, Балтгосрыбтрест, аэропорт, райисполкомы, не говоря уже о дрожжевых и спиртовых заводах¹³.

⁷ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 7. Л. 67.

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 21. Л. 1, 17, 32, 46.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 151–152.

¹⁰ Там же. Л. 244.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 5–5 об.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 15–17.

Еще один вид деятельности, контролируемый облуполнминзагом — это «децентрализованные закупки». Летом 1947 г. появляется приказ об установлении предельно-закупочных цен на огородную продукцию и дикорастущую зелень¹⁴. Не нужно быть провидцами, чтобы не понимать, что смородину и крыжовник переселенцы вряд ли успели бы посадить, а сбором трав заниматься было некогда. Децентрализованной заготовке также подлежали зерно, мясо, грибы (их сбор возлагался на районные отделы рабочего снабжения). Представить себе масштабы децентрализованных заготовок трудно, но рискнем предположить, что когда вокруг немало и военных заготовителей, да и таких же искателей удачи от подсобных хозяйств, то проявлять сознательность и сдавать что-либо по предельно-закупочным ценам, мягко говоря, не рационально. Еще один специфический конкурент у госзаготовителей — агенты из Литвы. Специальным приказом облуполнминзага запрещалась продажа кожи представителям Вильнюсской кожзаготовительной конторы¹⁵. Вообще-то их и не должно было быть с учетом режимного порядка въезда в Калининградскую область, но, вероятно, для агентов-заготовителей паспортный режим — не препятствие.

С 1948 г. количество позиций, по которым велись заготовки, ежегодно увеличивалось и достигло 18 (включая зерно, мясо, яйца, картофель, различные виды овощей, шерсть, кожи, пух-перо, конский волос, кишечное сырье, шетина, плоды фруктовых деревьев, сено, семена многолетних трав, а также пушнину и меховое сырье, количество которых измерялось не в натуре, а в рублях)¹⁶. Пушнина и меховое сырье должны были заготавливаться охотниками, хотя в дальнейшем в области наладилось свое звероводство, однако с планами заготовок на рубеже 1940–50-х гг. область не справлялась.

Деятельность райуполнминзагов и их агентов в районах свидетельствует о том, что главную задачу они видели во вручении извещений гражданам и правлениям колхозов, а также разъяснительной работе по обеспечению поставок. Более того, фактически признавалось наличие двух систем учета поставляемой продукции: по принятому плану и по врученным обязательствам. Последние показатели были всегда выше, так как разверстка делалась по факту наличия облагаемой базы. Извещения должны были вручаться лично, однако штаты и транспорт были таковы, что проще было принести их в поселковый магазин и оставить там для получения по мере прихода. Инспектора обнаруживали целые пачки не врученных обязательств: именно магазины и лавки чаще всего и выступали в роли тех самых заготпунктов, если

¹⁴ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

¹⁵ Там же. Л. 250.

¹⁶ Там же. Оп. 5. Д. 116. Л. 3.

дело касалось картофеля, овощей или яиц. Для заготовки мяса требовалось построить еще и бойни.

Основной объем государственных заготовок молока и мяса (порядка 60–70 %) приходился на совхозы двух государственных трестов. Объем того, что должны были сдать индивидуальные хозяйства колхозников и рабочих совхозов, составлял от 5 до 10 % заготавливаемого мяса и молока. Однако именно на владельцев приусадебных хозяйств направлялась основная активность продавцов, вносивших в отчеты как недоимщиков даже тех, за которыми числился десяток литров молока по итогам года¹⁷.

Архивные документы с трудом позволяют судить, что собой представляли заготовители той поры: были ли это кровожадные чиновники или все же люди с пониманием того, в какой ситуации находятся граждане; чем объяснялось их рвение или недостаток такового. Государство поощряло наиболее активных. Показательным может быть история одного из таких работников, Т.В. Братухина: весной 1949 г. он попадает в приказ как халатно относящийся к своим обязанностям, но уже к 1 мая его премируют как перевыполнившего план. Через год ему объявляют выговор за то, что он не явился как представитель истца (государства) по пяти делам на суд по взысканию недоимок, прислав за себя представителя. Но к 7 ноября снова премируют за успешные показатели¹⁸.

Бывали и менее комичные ситуации. Необходимость сдать мясо заставляла крестьян иногда в складчину покупать корову и отдавать ее в счет обязательных поставок. Можно догадываться, какое мясо в таком случае получало государство. Однако некоторые заготовители умудрялись таким образом продать свою (не совсем кондиционную корову)¹⁹, убив даже не двух, а трех зайцев (продажа по удобной цене, собственный расчет с обязательными поставками, выполнение плана — по служебной деятельности). Такие случаи вскрывались, но многие заготовители не брезговали организовывать сбор денег с крестьян до того, как присмотрели скотину для покупки. Ясно, что фактически можно было пользоваться беспроцентным кредитом, да и проверял ли кто, сколько денег собрано, а сколько потрачено. Один такой деятель (Кочнев) собрал 1980 руб., но был ограблен, не успев купить корову²⁰.

Обязывая крестьян сдавать продукты по всей номенклатуре, государство понимало, что чего-то может быть с избытком, а чего-то не хватать. Приказы, спускаемые из центра, предлагают сложные схемы

¹⁷ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 65. Л. 71, 74.

¹⁸ Там же. Л. 21, 23, 204; Д. 65. Л. 19; Д. 66. Л. 201.

¹⁹ Там же. Д. 91. Л. 28.

²⁰ Там же. Д. 23. Л. 171.

замены свининой говядины с повышающим коэффициентом, перевода количества яиц в зерно и обратно, определения сортности кишечного сырья, которое проще было уничтожить, чем привести в кондиционное состояние. При всех послевоенных проблемах колхозов и переселенцев область справлялась с основными видами поставок: по мясу с трудом, по молоку — с перевыполнением планов. Молоком «закрывались» зачастую поставки картофеля и овошей, были даже введены соответствующие ограничения на замену²¹. Неожиданно высокие показатели заготовки шерсти в 1950 г. привели к тому, что области резко подняли плановые показатели²². При этом, не считаясь с местными условиями, предлагались завышенные планы по заготовке тонкой и полутонкой шерсти, которой в принципе получить в промышленных объемах в данных климатических условиях было невозможно, но можно было закрыть грубой с понижающими коэффициентами. Это в общем-то, и делалось, и с грубой шерстью повторялась ситуация с молоком. Правда, ресурс роста скотоводства быстро уперся в ограниченные возможности кормовой базы — пришлось вводить обязательные нормы погектарной поставки сена с коллективных и индивидуальных хозяйств.

Необходимость жить в условиях обязательных поставок учила селян приспособляться. Сдача не самого лучшего скота, подмешивание пророщенного зерна к сдаваемому, своеобразное придерживание кондиционного зерна в расчете на то, что его позволят оставить на семена выявлялись почти повсеместно²³. Вместо всей номенклатуры овостей практиковалась сдача одной только капусты²⁴.

Кумовство и взятки позволяли «случайно не учесть» ряд хозяйств, а то и целые поселки. Не было года, чтобы несколько позиций по заготовкам не требовали крутых мер воздействия за провалы по плановым показателям. В отчетах по районам постоянной графой стало списание задолженности за выбывшими колхозниками. Кто-то перебирался в город, а кто-то и возвращался в родные края. Кстати, еще больше вопросов к данному контингенту было у областной конторы сельхозбанка, обеспечивавшей кредитами на обустройство жилья и «преодоление бескоровности»²⁵. В области не было такого сдерживающего фактора, как отсутствие паспортов у колхозников: все прибывающие сюда переселенцы обязательно получали его при отправке в пограничную зону.

²¹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 40. Л. 65.

²² Там же. Л. 51.

²³ Там же. Д. 66. Л. 148.

²⁴ Там же. Д. 93. Л. 50.

²⁵ Там же. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 26.

Послабления, сделанные всем селянам в 1953 г. на Калининградской области почти не сказались. То, что могло быть списано, списали (это практиковалось и ранее). Ни колхозы с совхозами, ни подсобные хозяйства предприятий (в их число попадали в 1949–1951 гг. даже санатории, больницы и детсады²⁶) от обязательных поставок не освободили (только с горожан во второй половине 1953 г. сняли обязательства по молоку)²⁷. В дальнейшем замены и взаимозачеты молоком стали действовать без ограничений. Правда, планы по закупкам выполнялись даже хуже, чем по заготовкам, а когда по многим позициям разрешили взимать недоимки деньгами по закупочным ценам, штат заготовителей оказался ненужным (в районах его стали сокращать уже с ноября 1954 г.)²⁸. 1 марта 1956 г. областная структура Министерства заготовок прекратила свою деятельность: старший советник заготовительной службы Н.К. Горохов, руководивший ведомством бессменно с 1947 г., подписал приказ о высвобождении оставшихся работников²⁹.

Говоря о специфике деятельности заготовителей на территории новой области, нужно признать, что здесь столкнулись две взаимоисключающие тенденции в аграрной политике: помочь льготами переселенцам и в то же время поскорее наладить налоговую отдачу. Государство, понимая, что новый край нужно обживать, и это требует определенных усилий, хотело воспитать в советском духе и его сельское население. Поэтому считать заготовки позднего сталинизма существенной проблемой для жителей можно, но возводить ее в абсолют не следует. В конце концов, и практика наказаний была не такой уж жесткой: само пребывание в Калининградской области рассматривалось сродни высылке в не самые благоприятные районы страны. К тому же, креативность переселенцев проявлялась не только в способности наладить хозяйство, но и в готовности уменьшать налоговое бремя.

Литература

1. История сельского хозяйства Калининградской области. 1945 – 2006 / Отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград, 2006.
2. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

²⁶ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-118. Оп. 5. Д. 118. Л. 92.

²⁷ Там же. Д. 140. Л. 207.

²⁸ Там же. Л. 261.

²⁹ Там же. Д. 186. Л. 36.

**ИЗ ИСТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ ФИСКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ДЕРЕВНЕ ТАТАРСКОЙ АССР В 1920–1950-Е ГГ.:
РЕФЛЕКСИЯ МЕСТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ И НАСЕЛЕНИЯ²**

В статье рассмотрены прецеденты несогласия со стороны представителей местных властей и известных личностей республики с некоторыми фискальными мероприятиями, проводившимися на селе в период гражданской войны, коллективизации и хрущевских аграрных реформ. Они показывают, что характер фискальной политики был тесно связан с общей политической ситуацией в стране.

Ключевые слова: советская аграрная политика, фискальная политика, взаимоотношения центральных и региональных органов власти, Татарская АССР.

На предыдущей сессии аграрного Симпозиума нами поднималась тема проводившегося в Татарской АССР более жесткого, по сравнению со многими другими российскими регионами, курса аграрной политики, в том числе и при реализации фискальных мероприятий на территории региона [1, с. 520–532]. Закономерно поставить вопрос, как на это реагировала местная власть и авторитетные в республике личности.

Первый прецедент из данного рода событий относится к самому началу советского периода, еще до образования Татарской АССР, когда сложившаяся во времена гражданской войны аграрная политика большевистского государства носила откровенно экспроприационный характер. В начале 1918 г. во главе Казанского губернского продовольственного комитета находился левый эсер И. Штуцер. Необходимо отметить, что после провозглашения в Казанской губернии большевистской власти эсеры составляли весомую часть в ее руководящих структурах. 21 июня 1918 г. придерживавшийся либеральных взглядов эсер наркомпрод Штуцер издал приказ об отмене твердых цен и разрешил свободный провоз и закупку хлеба в пределах губернии. Утвердившиеся в Казанской губернской продовольственной коллегии эсеры добивались поднятия твердой цены с 4 руб. 75 коп. до 20 руб. Од-

¹ Галлямова Альфия Габдулнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани академии наук Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00306).

нако предложение Казанской губпродколлегии не было поддержано в центральных органах власти. Более того, через месяц после смягчения в Казанской губернии продовольственной политики в результате решений Штуцера В.И. Ленин потребовал реорганизовать Казанский губпродком и восстановить твердые общегосударственные цены [4, с. 259–263].

Аграрная политика большевиков вызывала оппозиционные настроения и в политических кругах только что образованной Татарской АССР. Они проявились на первой областной партийной конференции ТАССР. Так, выступавший на ней старый партийный работник Иван Дерунов, хорошо знавший условия Казанской губернии, прямо заявил, что старые уезды губернии «давно выкачаны до нитки» и что можно рассчитывать только на уезды, вошедшие в состав республики из других губерний. При этом он напомнил собранию о том, что с крестьянством не произведен расчет и за прежний урожай, что нет соли, не завезена мануфактура [4, с. 178].

30 сентября 1920 г. на первом пленарном заседании Совнаркома республики во время обсуждения «Воззвания к населению Татарской республики о выполнении продразверстки», которое по сути дела означало развертывание в деревне репрессивных методов по отношению к крестьянам, принципиальное несогласие с аграрной политикой центральных властей высказал ряд руководящих работников республики. Так, писатель и государственный деятель Шамиль Усманов отказался его подписать, объясняя, что «не хочет грабить свой народ». Его близкий соратник, народный комиссар земледелия Юнус Валиди назвал людей, настаивающих на принятии этого воззвания, «холоуями Москвы» и «предателями нации».

Известный татарский историк Г. Губайдуллин писал, что «с татарского населения продразверстку можно было бы взять гораздо меньше». Но руководство республики во главе с М. Саид-Галиевым, не только не обратило внимания на подобные высказывания, они добились перевыполнения первоначального плана продразверстки. Позицию руководства республики ярко характеризуют, например, такие высказывания: «Перед интересами мировой революции татарский народ — ничто», «Нужно спасти революцию» [5, с. 179, 180]. В конечном счете, революционная сознательность руководства Татарии обернулась «вилочным восстанием» и катастрофическими размерами голода в республике. Судьба же лидеров, открыто выступивших против фискальных мероприятий в республике, оказалась трагичной: все они подверглись в разное время преследованиям и погибли.

Следующий момент сложных коллизий в отношениях между руководством Татарской республики и центральными государственными органами приходится на 1928 г., когда в аграрной стратегии государства четко обозначился поворот от нэпа к коллективизации. Татарс-

кая республика получила нереальный план хлебозаготовок, выполнение которого было возможно только путем дискриминации крестьянства. Между Москвой и Казанью установилась тесная переписка, в которой отображались разные позиции руководства Центра и региона. Из Москвы настойчиво требовали усилить темпы хлебозаготовок, из Казани пытались доказать невозможность выполнения директивы, но не сразу. Вначале республиканское руководство пыталось безоговорочно выполнить распоряжения центральных органов. Так, 7 января за подписью И.В. Сталина из Москвы в Казань была направлена телеграмма: «Несмотря на двукратные – трехкратные твердые директивы ЦК об усилении хлебозаготовок, все еще нет никакого перелома в ходе хлебозаготовок, темп работы местных организаций недопустимо медленный. Спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскочался. Кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей. Рычаги власти и партии не приведены в движение. Промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовкам. Крестьяне-коммунисты, советский и кооперативный актив не продали всех своих излишков, совхозы и колхозы также не весь товарный хлеб вывезли, причем есть случаи продажи ими хлеба частникам. <...> Не взысканы еще сельхозналог, страховые сборы, семсуды и срочные платежи по сельскохозяйственному кредитованию. <...>. Констатируя эти факты, ЦК обязывает вас добиться решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок со дня получения настоящей директивы, причем всякие оговорки и ссылки на праздники и т.п. ЦК будет считать за грубое нарушение партийной дисциплины»³.

В тот же день директива Москвы была спущена республиканским руководством на места. 6 февраля из Москвы приходит новая телеграмма с требованием применения репрессивных мер по отношению к укрывателям хлеба. На следующий день первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) М.М. Хатаевич потребовал немедленной конфискации хлеба по статье 107 УК РСФСР о репрессивных мерах по отношению к укрывателям хлеба. Причем, если Москва ставила вопрос о применении этой статьи к тем, кто имеет излишки в 2 тыс. пудов, Хатаевич дал распоряжение применять ее и к тем, кто имел излишек в 1 тыс. пудов. Более того, в Москву он сообщил, что 107 статья применялась даже к имевшим излишек в 500 и даже 300–400 пудов [4, с. 241]. Иначе непомерные требования центральных органов было невозможно выполнить.

Тем не менее, из Москвы почти ежедневно шли все новые распоряжения об усилении темпов хлебозаготовок. 24 февраля нарком торговли А.И. Микоян направил в республику телеграмму, в которой от-

³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-432. Оп. 3. Д. 119. Л. 33.

мечалось, что «хлебозаготовки в Татарской республике идут недопустимо плохо». И вот на требования, содержащиеся в этой телеграмме, Хатаевич уже отреагировал по-другому, пытаясь возразить. В своем ответе он отмечает: «Татария представляет из себя район серых хлебов и серой неприглядной экономики. <...> Она не может быть поставлена ни в какое сравнение не только со средними районами Украины, Северного Кавказа и Сибири, но и с соседней Башкирией, Самарой, Саратовом и губерниями Центрально-черноземной области». В конце письма его автор предупреждает, что «резкие указания сверху могут не дать желательных и нужных результатов». Месяцем позже он в письме на имя В.М. Молотова отмечал: «Нажим на деревню, доведенный до каждого в отдельности, имеющего хотя бы небольшие запасы хлеба крестьянского хозяйства и захватывающий не только кулаков и зажиточных, но и середняков, доведен у нас во вторую половину февраля и в начале марта до чрезвычайных пределов» [5, с. 241].

В конечном счете, руководство ТАССР не сумело переломить линию союзных органов. Печально знаменитая 107 статья в Татарии применялась повсюду, даже там, где население в основной своей массе по-настоящему голодало. С мест шли сигналы об обнищании деревни, о чрезмерности государственных требований к крестьянам. Так, секретарь Альметьевского волостного комитета сообщал: «Для того, чтобы выполнить все задания, приходится делать все жестокости, уже начинаем брать последние рубашки с полок и гусей, а об овцах и телках нет разговора». В сообщении Набережно-Челнинского кантона говорится, что «хлебозаготовки усилились, но должного темпа не достигнуто, пока заготовлено до 118 тыс. пудов январского задания, а всего нужно заготовить 510 тыс. пудов» [2, с. 221].

Степень разорения сел Татарии характеризует письмо из Чистополя члена кантонной тройки Клейменова на имя Хатаевича, датированное 1 июня 1928 г. Он сообщил, что, объездив 10 волостей, «не встретил ни одной копны на гумнах деревень. Проехал 300 верст, жадно искал глазами по гумнам необмолоченных копен хлеба и таковых не встречал. <...> Считаю нелишним сказать, что в граничащих с нами селениях Самарской губернии до сих пор крестьяне не знают, что такое хлебозаготовки со статьей 107. <...>. Там имеется большое количество хозяйств, имеющих до сих пор тысячи пудов излишков хлеба» [5, с. 242].

Однако подобные сигналы игнорировались, эскалация нажима со стороны властей не ослабевала. Обком партии продолжал действовать по указке союзных органов в реализации хлебозаготовительных кампаний, политики коллективизации и раскулачивания и добивался выполнения и перевыполнения всех плановых параметров. Наградой стал орден Ленина, которым в числе ряда других регионов Татарская АССР была удостоена в январе 1934 г. В то же время ряд местных партийных

и советских работников, пытаясь не допустить окончательного развала производительных сил деревни, спасти крестьян от голода, вопреки приказам формировали необходимые посевные и продовольственные фонды в колхозах, тем самым срывая планы реализации фискальных мероприятий. Руководители сельсоветов, выдвинутые, как правило, из числа местных жителей, скорее разделяли интересы крестьян, стараясь по возможности смягчить натиск государственных притязаний по отношению к односельчанам. Так, председатель волостного комитета Байрякинской волости рассматривал ужесточившуюся хлебозаготовительную кампанию как «принципиально не новую» и предлагал не торопиться с ее выполнением. В Бавлинской волости председатель Муртазинского сельсовета, явившись в канцелярию в пьяном виде, угрожая избиением, выгнал оттуда уполномоченного по хлебозаготовкам со словами: «Вон отсюда, ты как урядник, шкуру дерешь». При этом он «велел гражданам не платить и разойтись» [2, с. 222–223]. Такие руководители в массовом порядке снимались с работы, лишались партийного билета, обвинялись в правом оппортунизме, а нередко и высылались, обретая статус подкулачников.

И еще один яркий пример рефлексии властей Татарской автономии по поводу фискальных условий функционирования ее аграрной сферы приходится на 1950-е гг., период активных и успешных в масштабе всей страны аграрных реформ. Согласно новейшим разработкам российских аграрников, с которыми нельзя не согласиться, первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г. — наиболее успешный и результативный период в аграрном реформировании, нацеленный на решения назревших экономических и социальных проблем деревни [3, с. 397].

Главную ставку государство по-прежнему делало на экстенсивный путь развития, т.е. расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкирии. Поэтому основной поток инвестиций, выделенных на развитие аграрной сферы, шел в эти районы. Татарская республика, относясь к числу старопахотных регионов, по-прежнему не располагала достаточными средствами для модернизации отрасли.

Положение аграрной отрасли республики в середине 1950-х гг. усугублялось менее выгодными условиями, по сравнению с соседними регионами, экономических взаимоотношений колхозов с государством в лице МТС. Так, в районах ТАССР, расположенных севернее Камы, твердые ставки оплаты тракторных работ по зерновым культурам были почти в 2 раза выше, чем в граничивших с ними районах Удмуртской, Марийской, Чувашской АССР и Кировской области и имевших с ними одинаковые природно-климатические условия. К примеру, в ТАССР они составляли по пахоте 65 кг зерна с 1 га, в то время как у соседей — 35 кг. Аналогичная ситуация была и в районах ТАССР, расположен-

ных южнее Камы, которые имели одинаковые почвенно-климатические условия с Чкаловской (ныне Оренбургской), Куйбышевской (ныне Самарской) и Ульяновской областями. Но, несмотря на это размер твердых ставок натуральной оплаты работ по зерновым культурам для колхозов Татарстана был установлен по пахоте 65 кг с 1 га против 50 кг для колхозов соседних областей. Такое же положение наблюдалось и по другим видам тракторных работ: боронованию, культивации, лушению, дискованию, перепашке, посеву⁴.

В 1954 г. Татарский обком КПСС обратился с просьбой пересмотреть создавшееся положение. В результате ставки натуроплаты были снижены по 27 северным районам Татарстана. Но даже после этого они оставались более высокими, чем в колхозах Удмуртской, Марийской АССР и Кировской области. По черноземным районам ситуация и вовсе не менялась. Более 30 % колхозов в середине 1950-х гг. не справлялись с выполнением государственных заданий по поставкам сельскохозяйственной продукции и числились отстающими. В 1956 г. уровень дохода в расчете на 1 га сельхозугодий составил в среднем по колхозам республики только 140 руб. Это был один из самых низких уровней доходности колхозов в России⁵.

В 1956 г. секретарь Татарского обкома КПСС П.В. Ураев вновь обратился к Н.С. Хрущеву с просьбой пересмотреть вопрос по южным районам республики. Реакции из Москвы не последовало. Между тем, в 1957 г. положение аграрной отрасли республики достигло критического уровня. В очередной раз с вопросом о пересмотре размера госпоставок руководство республики обратилось в ЦК КПСС, делая упор на объективные трудности развития сельского хозяйства: сокращение производства зерна в 10 восточных районах из-за развития нефтяной промышленности.

Для анализа сложившейся в сельском хозяйстве ситуации в Татарскую АССР была направлена бригада ЦК КПСС. Проверяющие увидели беспросветную нужду, отчаяние колхозников и сделали однозначный вывод об отсталом состоянии аграрной отрасли в республике. При этом главную вину за создавшееся положение они возложили на руководство республики. Острая критика в его адрес, в особенности ответственных за развитие сельскохозяйственной отрасли, прозвучала со стороны местных руководителей на состоявшемся в марте 1957 г. пленуме обкома КПСС.

В отличие от первых двух описанных эпизодов все закончилась тем, что Татарской республике была оказана существенная материальная помощь, смягчены условия фискальной политики. В июле 1957 г.

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 35. Д. 138. Л. 149.

⁵ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 83. Л. 81.

Совет министров РСФСР принял постановление «Об оказании помощи сельскому хозяйству Татарской АССР». Колхозам республики был уменьшен план обязательных поставок зерна на 40 тыс. т, списана задолженность прошлых лет по натуральной оплате за работы МТС зерна — 101 800 т, мяса — 480 т, сена — 2900 т и картофеля — 24 100 т, а также задолженность по денежным платежам. Совхозам и МТС были выделены тракторы, комбайны. В республику был завезен породистый скот: КРС бестужевской породы, телята швицкой и костромской породы, свиньи-хряки крупно-белой породы, бараны породы «Прекос», «Советский меринос», «Алтайский меринос», тонкорунные овцы. Широкие мероприятия разрабатывались в области механизации животноводства. На 500 животноводческих фермах в 1958–1960 гг. предусматривалось строительство механизированной подачи воды. Масштабные задачи были намечены после московской проверки и в сфере электрификации сельского хозяйства ТАССР. Согласно принятой в 1957 г. программе предусматривалась электрификация 700 колхозов.

Рассмотренные прецеденты в области проведения фискальной политики в Татарской АССР показывают, что она была тесно связана с общими принципами аграрной стратегии государства. В этой связи интересно отметить, что инициаторы смягчения аграрного курса в Татарской АССР в 1920–1930-е гг. были репрессированы, а в 1950-е гг. секретарь Татарского обкома КПСС П.В. Ураев, упорно обращавшийся в вышестоящие инстанции по поводу ущемления аграрной сферы Татарской АССР, не только не был как-то наказан, а даже пошел на повышение, став первым секретарем Марийского обкома КПСС.

На наш взгляд, эти факты, имеющие прямое отношение к проводившейся в стране фискальной политике, служат весьма яркими маркерами поворотов в региональной политике, индикаторами ее характера. В ней, безусловно, превалировал диктат центра и ведомственный монополизм, которые подавляли инициативу и ограничивали функции территориального управления. В советский период преобладали не просто унифицированные подходы, которые во многом нивелировали все разнообразие территориальной уникальности страны, но и ущемляли интересы отдельных регионов. Недостаточный учет местной специфики часто тормозил проведение региональной политики и сводил на нет многие начинания реформирования экономики.

Литература

1. *Галлямова А.Г.* Аграрный ракурс советской модернизации в 1950-х — середине 1980-х годов (на примере Татарской АССР) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012.

2. *Галлямова А.Г.* Заметки к аграрной истории Альметьевского района / Из истории Альметьевского района. Альметьевск, 1999.

3. *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН. М., 2000.

4. *Стариков С.В.* Казанская левозеровская альтернатива продовольственной политике Наркомпрода (май-июль 1918 г.) // Хозяйствующие субъекты в аграрном секторе России: История, экономика, право. Сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань, 2012.

5. *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999.

**СОВЕТСКАЯ НАЛОГОВО-ПОВИННОСТНАЯ СИСТЕМА
В ВОСПРИЯТИИ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ
(ПО УСТНЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ КОНЦА 1980-Х – 2000-Х ГГ.)**

Рассматривается вопрос о восприятии жителями села советской налогово-повинностной системы в отношении колхозного двора и отражении ее в памяти в контексте трансформации российской деревни в XX в.

Ключевые слова: крестьянство, власть, налоги, повинности, память.

Народное восприятие участия государства в деревенской жизни двойственно. Тенденции локализма, натурализации, словом, — архаизации минимизирует разнообразные связи села с «большим обществом». Тенденции, связанные с развитием крестьянских хозяйств и ростом их производственных и культурных потребностей, расширяют подобные связи, опираясь на представления о крестьянском социальном долге перед государством и обществом. Политика, формирующая подобную систему обязательств крестьянства, является одним из важных индикаторов, позволяющих судить об отношениях города и деревни.

К рубежу XX–XXI вв. в российской сельской среде сложился определенный канон воспоминаний о «крестьянском XX веке» — аграрной революции, единоличном хозяйствовании, коллективизации, колхозной повседневности. Наиболее активна та часть памяти, которая представляет репрессивную функцию власти, рассматривая крестьянство в качестве жертвы. Коллективизация воспринимается как трагедия российской деревни, принципиально изменившая ее образ жизни («крестьянский порядок») и ускорившая раскрестьянивание.

Применительно к рубежу 1920–1930-х гг. в воспоминаниях сельских жителей преобладает мнение, что «в колхоз пришли силой: кого задавили налогами, а кого раскулачили» [8, с. 27]. Память фиксирует замкнутый круг периода коллективизации, выраженный словами, будто «под копирку»: «Тут какими-то “кратниками” объявили их, богатых-то... Постановляют: «Вывезти столько-то хлеба». Ну, вывезет дедушка... все вывезет. Потом, на другой день, опять чем-нибудь наложат. Опять все вези — хлеб или что другое. До тех пор довозился, что амбар весь очистили. ...Ну, приехали, наложили его каким-то дидуальным налогом и все подмели под метелку»; «Принесут отцу бумагу-предпри-

¹ Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

сание сдать 100 пудов хлеба, и он везет на своей лошади. Старый он уже был, боялся... Через короткое время – новое предписание... Пока было, что везти – вез. Потом приходили сами уполномоченные и выгребали из амбаров под метелку (три больших амбара было)» [3, с. 147–148; 9, с. 9].

Если говорить о колхозном периоде, то в памяти давление власти относится к крестьянским повинностям, преимущественно в «классический» период колхозов в 1930-е – начале 1950-х гг. На первом месте воспоминаний отработочная повинность в колхозах, напряженный физический труд – работа «от зари до зари за палочки», за «поганые голые трудодни», по отношению к военному и послевоенному времени – как «бабы на себе плуг тягали». На второе место в воспоминаниях старшего поколения сельских жителей выходит круг повинностей, возложенных на их личные подворья в натурально-продуктовой и денежной формах.

Об отработочной повинности в колхозах («дармовом труде») вспоминают с горечью (хотя одновременно упоминается, что до войны и пели, работая на полях, и «жили весело»), об изъятиях из личных подворий – со страхом и содроганием. За констатацией «на уме и днем и ночью одно было: как рассчитаться с государством» [2, с. 45–46] скрывается оторопь перед происходившем в прошлом: «Да и в налоги сколько надо было отдавать всего – это ужас!» [3, с. 181]. Характерны заявления: «Налоги чертенные. Как жили?» [10, с. 45–46]. Все, что нарушало привычную жизнь, представляется воплощением инфернального начала.

Период становления и укрепления колхозов середины прошлого столетия оценивается в целом как время «непомерных» налогов; по отзывам сельских жителей, в колхозах «налоги душили», «крепкие были налоги»; «налоги были страшные»; «налоги нас давили», налоги «драли». Как правило, чаще в высказываниях используется слово «налог», объединяющее все изъятия, меньше – «поставки».

Существуют два аспекта представлений о системе повинностей, установленных властью для колхозного двора. В первом случае в свете ностальгического восприятия нэпа условия единоличного хозяйствования противопоставляются колхозным: «до колхозов работали в поле, держали скотину, платили налоги. Жили дружно» [8, с. 206]. Следует пояснить соотношение памяти и реальности 1920-х гг., когда отношение крестьян к неоднозначной налоговой политике большевиков варьировалось в широком спектре: существовали представления о ненужности налогов как таковых; преобладала убежденность, что «землю дали, а налогом задушили»; а восприятие фискальной системы как средства экономического стимулирования частью крестьян свидетельствовало, по мнению А.Я. Лившина, о наличии у них гражданского сознания [13, с. 236–245].

Второй аспект представлений о фискально-повинностной системе имеет в виду ее преемственность, начиная с Гражданской войны и вплоть до послевоенного времени. Эта политика связывается с действиями местных властей, но в целом — непосредственно с именем Сталина. В записанном в 1999 г. интервью с жительницей Волгоградской области, которой было тогда 84 года, до рубежа тысячелетий сохранялся «бытийный» вопрос — кого обвинять: «А зерна-то ведь не давали в колхозе ни граммочки. Шерсть отдай, мясо отдай, яички отдай, картошку отдай. А иде ее брать: одна корова и шесть душ детей. Иногда сяду вот, грешница, — Господи, может, Сталин это виноват, а может, своя власть?» [10, с. 10].

Подчеркивается еще один важный момент. Если в отношении 1920-х гг. присутствуют представления, что крестьяне сами платили налоги (приходили в сельсовет), то в 1930—1950-е гг., с установлением колхозов, «налоги забирали»: «И придут — все пооберут у хате: машину швейную, подушку... Брали-брали, брали-брали, пока брать больше нечего. Драли кожу» [11, с. 157]. Напомним, что до 1937 г. исчисление и взимание налогов с сельского населения выполняли сельсоветы [1].

Размеры натуральных и денежных государственных изъятий из колхозного двора по годам и видам продукции прочно хранятся в памяти сельских жителей. Как замечал В.А. Бердинских, «о налогах на вятской земле вспоминали с содроганием», а «цифры налогов намертво врезались в память. Они и сегодня называют их без запинки» [2, с. 370—379].

Свое восприятие системы изъятий сельские жители старшего поколения облакают в форму афоризмов, которые хотя и не являются паремиями, но очень близки им. Собранные в разных регионах России устные свидетельства выводят своеобразную чеканную формулировку — «сдай-сдай-сдай»: «А с налогами так. Выписывают тебе документ. А по нему: шерсть — сдавай, мясо — сдавай, яйца — сдавай, молоко — сдавай, масло — сдавай! Вот такой вот документ выписывали, на каждое хозяйство»; «молоко — сдай, шерсть — сдай, яйца — сдай, мясо — сдай, овчину — сдай»; «налоги были такие, что хоть держишь скотину, хоть нет, а шкуру сдай»; «мясо сдай, яйца сдай, молоко сдай»; «ниче не держали, а мясо сдай, яички сдай, молоко сдай. Масла нету — молоком сдавай»; «после войны — есть куры, нет кур — отдай, есть овцы, нет овец — отдай» [3, с. 220; 8, с. 157, 258, 336; 10, с. 209—210; 13, с. 318]. Эта суггестия, служащая выражением атмосферы угнетения призвана показать «нулевой результат» для крестьян — «себе ничего не оставалось», «такие налоги были! Молока, например, в доме оставалось только на то, чтобы “забелить” чай». Она вызывает к жизни жесткую формулу «сам не ешь, а государству сдай» [8, с. 60; 13, с. 327]. В любом случае, поиск денег для уплаты налога шел буквально по всем направлениям.

Способом прикрепления к колхозу становилась и система принудительных займов («на заем подписывались силком») – еще один канал «выжимания денег».

Память представляет систему своеобразных замкнутых кругов, в которые попадали колхозники. Это тоже свидетельствует о видении реальности сквозь призму традиционного стереотипного восприятия: «Много недовольных было. Придут на колхозное собрание – кричат, шумят, спорят. А перемен, все одно, никаких не наступало. И уйти из колхоза никак нельзя. Ведь паспортов у колхозников не было»; «Трудно было, когда государственный заем подписывали... Если не подпишешься, до работы не допускали. А если не допустят до работы, ты не выработаешь свои трудовни, значит, могут приписать к врагам народа и судить. Колхозник за заем расплачивался своим подсобным хозяйством. Но на него, опять же, были большие налоги. Эти налоги нас душили. Семье колхозника почти ничего и не оставалось. А что толку было возмущаться?! Не то скажешь, руки – назад, и не увидишь больше родных» [8, с. 196–197, 225–226].

Однонаправленное, но многообразное давление власти породило афористичное выражение «от налогов и от колхозов убежать было нельзя». Поэтому для памяти сельских жителей о колхозном прошлом очень характерны многочисленные эпизоды разнообразных «укусов власти», которые приходилось отражать на пределе последних возможностей.

В мемуаратах отмечалось, что, во-первых, налоговый агент, которого нередко сопровождал вооруженный милиционер, был «всегда настроен против народа» [3, с. 19; 8, с. 107, 304, 336]. Во-вторых, его боялись все («он был гроза в то время»), включая председателей колхоза и сельсовета; потому так и запомнился образ уполномоченного – мужчины с полевой сумкой на боку. Страх перед ним сохранился вплоть до настоящего времени.

Поволжский крестьянин вспоминал: «Агент у нас был... Тоже сволочь хорошая! Приходит: “Сдавай!” Замнешься маненько, он сразу: “Нет?!” Сейчас тебя в сторону отодвигает и сам забирается во двор. Овец ли, корову ли, поросенка ли, – все подряд хватает и уводит. И рассчитается там с налогами, да и себе, видать, прихватит. Вот так он во делал, сволочь такая!» [3, с. 220].

Характерен и рассказ поволжской крестьянки: «У нас был козел холощенный... Я его общипаю на пух, а потом хотела его зарезать – детям на пропитание. Завела в хату, стала общипывать. И вот еще только одну сторону обобрала у козла, – идет налоговый агент... Такой он был гад! А ведь еще считался товарищ – они с хозяином... вместе служили... И собака всегда при нем. Заходит, спрашивает: “Сколько у тебя овец”? А тогда ж норму давали, – сколько можно было овец держать. Четыре можно было... А я держала козла, чтобы

детям резать. Ну, он говорит, агент: “Хочешь резать, – штраф заплати, тогда режь! А хочешь, значит, сдай...” Ну что ж, – я штраф заплатила, а тогда зарезала... Вот если бы я его зарезала раньше, то все бы сошло! А раз он захватил это, раз увидел, что у меня лишняя скотина есть на счету, – значит, плати! ... Не знаю, какие деньги там у меня были? Факт, что обплаканные они были... А куда ж деваться?!. Вот как деньги нам трудно доставались! Тыквенных семечек наберу и продаю стаканом. Стакан был в дому единственный, а дети разбили его. Так бумажкой его подвязала и ходила так на базар» [3, с. 281].

Приводимые М.А. Безниным и Т.М. Димони данные говорят о высоком уровне эксплуатации колхозного двора при выполнении обязательных поставок и денежных выплатах, особенно в 1948–1952 гг. [1]. Тяжесть послевоенных натуральных и денежных повинностей сельские жители сравнивают с налоговым прессом кануна коллективизации; фактически это давление было сродни второму «раскулачиванию», только касалось всех колхозников, становилось новым витком государственного «закручивания гаек» применительно к деревне. Любопытно свидетельство бывшего спецпоселенца: «После смерти Сталина [спецпоселенцам] паспорта выдали. Я решил съездить на родину, а там еще ужаснее живут люди, налоги бесконечные – все отдай, люди живут с долгами. Приехал я домой, а там младший брат пришел из армии, домишко себе построил (это было в 1954–1955 гг.), а потом пришли дом за неуплату долгов описывать. И тут мне это показалось таким страшным, напомнило вновь раскулачивание, которое было в детстве. Я еле уплатил все налоги, т.к. у меня были деньги и поехал на север» [9, с. 172].

С одной стороны, после 1953 г. произошло сокращение уровня и видов повинностей, смягчение налоговой политики в отношении крестьянского двора, что отразилось в памяти сельских жителей. В то же время наказания за невыполнение обязательных поставок хотя и смягчались, но сохранялись в разной форме [1].

В устных свидетельствах представлены различные варианты неприятия советской повинностной системы.

Подобные стороны отношений деревни и государства ярко отразились в фольклоре, выстраивая образ «колхозничка с торбочкой». Фольклор устанавливал тесную связь между увиденной с колхозного двора «распоследней коровкой» и народными представлениями о гастрономических пристрастиях вождя, сводимыми к колбасе как символу более высокого качества городского продовольственного потребления [5, с. 510, 511].

В начале 1990-х гг. в Безенчукском районе Самарской области В.В. Кондрашиным был записан анекдот, рассказывающий, как на уроке в сельской школе на вопрос учителя, что за скелет перед ним, ученик Ваня отвечал: «Скелет колхозника». На встречный вопрос «По-

чему?» давался вполне исчерпывающий ответ: «Да он все сдал: мясо сдал, яйца и кости сдал. Вот скелет у колхозника и остался!» [5, с. 509–510].

Именно эти обстоятельства порождали разрывы в повседневном существовании, буквально — экзистенциальные ситуации, ставившие вопрос о жизни и смерти. Крестьянский протест по форме выражался схоже, но содержание было разным: в одних случаях с оттенком «черного юмора», когда на столбах вешали дохлую курицу или мешок картошки с объясняющими данные поступки надписями, в других случаях речь шла о настоящей трагедии [5, с. 512]. Вот два свидетельства с вятской земли: «Бывало, все ночи сидели: подписывайся и все! Да как я подпишусь, если платить нечем? Ведь ни рублика не платили. Весной, помнится, раз не подписалась, так в сельсовет вызвали. Уперлись: давай да давай. Я уж утопиться пригрозила, так тогда струхнули. Ладно, мол, пиши, что вчера говорила, на четыре сотни»; «Мать держит корову — все, сдай молоко. Пришлось зарезать корову. А в 1947 г. мать от беспросветности положила руку на себя. Меня и отца обложили налогом. Командовал этим Берия. Сталин чихал на все это. Мы не могли заплатить. Тогда имущество забрали. Увезли, оценили за бесценок все» [2, с. 17, 22].

Кстати, именно в 1930–1950-е гг. были весьма распространены пропагандистские издания, повествующие о дореволюционной деревенской нищете, представляющие бесчеловечное отношение представителей власти к крестьянам в моменты взимания недоимок.

Еще один вариант неприятия сталинской системы повинностей может быть назван «как изворачивались»: «нас так налогами обложили... С овечки нужно было сдать 40 кг мяса. Одна овечка столько не потянет. Заводить вторую, совсем в налогах погрязнешь. Поэтому мы с соседкой на двоих тайно держали три овечки. Это было в строжайшем секрете от всех. Мы друг дружке помогали»; «налоги у нас были огромными. Чтобы никто не знал, что я держу овечку, я выпасала ее тайком ночью, а днем прятала в стайке. Днем намотаешься, устанешь, а ночью еще и овечку пасешь» [8, с. 180, 238]. Вероятно, это все же исключения, поскольку уровень информированности в сельском обществе был достаточно высоким, чем пользовались уполномоченные. Как и в момент коллективизации, соседские связи подвергались проверке на прочность.

Представлен в мемуаратах вариант, фиксирующий вербально выраженный протест. Поволжская крестьянка, чудом избежавшая «раскулачивания» с семьей первого мужа, умершего во время голода 1933 г., вспоминала предвоенный «налоговый удар», за критику которого она получила шесть месяцев принудительных работ, а второй муж — два года тюрьмы: «Налог наложили, а денег-то еще не давали... Идут с описью. Ну чего же описывать-то? Скотину-то мы еще летось сдали.

Ну, зеркало было у нас. Самовар был. И тыквы были под кроватью... А я стою и говорю: “Эх, вы! Одну семью угробили, а вот теперь другую угробляете...”... А они — выкатывают тыквы, считают... Один из членов Совета показал, что его по башке ударили тыквой. Забрали тыкву у нас, свеклу забрали, самовар забрали, зеркало забрали — увезли. Постель только оставили. Да уж она-то — дерюга и дерюга. И нас забрали... Ну осудили нас...» [3, с. 155].

Выразителен рассказ псковского крестьянина, представляющий диалог «земли» с «асфальтом», полемику народной Правды с властной Кривдой: «Едут по полю проверять урожай... С машин не слезут, не пройдут, не поглядят. Я говорю этому пузатому, что к нам приезжал, и его, говорят, в Соловьеве чуть бабы не убили, я говорю: “Давай пройдем! Проведу я вас немножко по полю. Хватит вам ездить”. — “Ну, я не за тем приехал, чтоб по вашему полю ходить!” — “А за чем ты приехал? Раз ты не за тем приехал, чтоб поле глядеть, так давай нам, что было после войны: план такей на молоко, масло, яйца, мясо, чтоб выполнить нельзя, да по тыщи займа. Вот такие давали, как и ты приехал”. И они с людям не разговаривали — дали план и поехали. Пока до того доотобиралися, что сдевали с людей последнюю рубаху, голыми по полю отправляли. Ну, было ж так? Было!» [11, с. 157]. На Алтае, по воспоминаниям сельчанки, «был у нас в тракторной бригаде старенький тракторист. Он, бывало, станет начальникам говорить: “Вы с кого берете займ? С кого берете? Видишь, она холодная, она голодная, она разутая ходит, резиной подшитая. Вы что думаете?”» [10, с. 209].

Изменение повинностной системы и уменьшение налогов связывается сельскими жителями со смертью Сталина. Интересно замечание: «А в те мартовские траурные дни колхозники думали, останутся ли налоги и рассуждали, кого поставят во главе правительства» [2, с. 376–377]. Оно демонстрирует ту грань, которая существовала между деревенским и городским восприятием сталинской системы и самого вождя.

Правда, если в отношении того, что «после смерти Сталина жить стало лучше» память единодушна, то, упоминая его преемника, скорректировавшего курс изъятий из деревни, память предлагает целый спектр имен — Маленкова, Кагановича, Хрущева. Дело, вероятно, и в непрочности памяти, и в незнании, и в народном отношении к «вождям». Больше все же помнится, что «отменил адские налоги» Маленков. Для многих женских свидетельств характерно смешение времени. Например, жительница сибирского села, которой в момент интервью в 1999 г. было 89 лет, отмечала: «после войны, уже при Хрущеве...» [8, с. 60].

В восприятии крестьян повинностные послабления середины 1950-х гг. были нейтрализованы всевозможными запретами для личных

подворий в хрущевский период, поэтому речь идет скорее о подчеркивании преимущественности аграрной политики. Память о брежневском периоде, принесшем в деревню раскрепощение, выражает примирение с властью, превращение колхоза в деревенскую традицию, вносит в постсоветскую сельскую жизнь настроения ностальгии по тому времени.

Проводимый обществом «Мемориал» Всероссийский исторический конкурс старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век», более трети участников которого – сельские школьники, позволяет увидеть, как происходит традирование крестьянской истории [12]. Крестьянская история XX века описывается подростками в целом в рамках того же канона, который они узнали от старших поколений: в нэп «сдавали продналог, а излишки продавали»; коллективизация принята как неизбежность, иначе «задавят налогами». Описывая крестьянские способы противодействия властному нажиму в колхозный период, записывая суждения, что «брали больше, чем Мамай. Чингисхан 10 % брал. А у нас...», тверские школьницы заключают: «Власть давила налогами – колхозники по-тихому продавали скотину. Семьи погибших власть не освобождала даже от части налогов – крепились, платили полностью. От сборщика облигаций прятались. Колхозники умудрялись выкручиваться, чтоб как-то выжить, даже выучить детей. Жили за счет своего хозяйства, точнее, что останется после налогов» [6]. Из рассказов бабушки внука с. Новый Курлак Воронежской области узнает, что «после войны налогами душили». Вновь, теперь уже в передаче школьниц, звучит упоминаемая выше формулировка: «масло сдай..., мясо сдай... Есть у тебя мясо или нет, но положенное сдай. Есть у тебя кура или нет, а 100 яиц сдай. Это хоть умри, но надо было сдать». В представлении бабушки, родившейся в 1932 г., «наверное, самое трудное время застала». Можно сказать, они с внучкой ровесники, разделенные временем в три четверти века [4].

Стремясь разобраться в советской истории, подростки относят себя к «другой эре», им не близка ностальгия старших по колхозам. Их волнует будущее российского села, однако они живут в ситуации, когда уже давно ведущей тенденцией является настрой земледельцев на отъезд молодых поколений в город.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
2. *Бердинских В.А.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.
3. *Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах* / сост. Е.М. Ковалев. М., 1996.

4. *Губарёва Дарья, Козлова Дарья*. Курлакские руины социализма. URL: <http://urokiistorii.ru/taxonomy/term/242/51776> (дата обращения: 25.10.2014).
5. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
6. *Корсакова Александра, Корсакова Полина*. Оружие слабых. Крестьяне деревни Брехово в годы войны. URL: <http://urokiistorii.ru/taxonomy/term/242/51776> (дата обращения: 25.10.2014).
7. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России. 1917 – 1932 гг. М., 2010.
8. *Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л.* Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово, 2009.
9. Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / авт.-сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 2005.
10. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2010.
11. 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публ. Е.Н. Разумовской // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.
12. Школьный конкурс «Человек в истории. Россия – XX век». URL: <http://urokiistorii.ru/konkurs> (дата обращения: 25.10.2014).
13. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул, 2008.

**МЕСТО НАТУРОПЛАТЫ КОЛХОЗАМИ РАБОТ МТС
В ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
1930-Х – 1950-Х ГГ.²**

Определяется место натуроплаты колхозами работ МТС в централизованных хлебозаготовках. Сделан вывод, что натуроплата в 1930–1950-е гг. стала одним из основных элементов налогово-податной системы.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, машинно-тракторные станции, натуроплата, колхозы.

На протяжении всего периода своего существования советское государство рассматривало деревню в целом и сельское хозяйство, в частности, с точки зрения их донорских возможностей. С этой целью сформировался и постоянно совершенствовался механизм перераспределения ресурсов. Особенно эффективно он заработал с начала 1930-х гг. после обобществления единоличников и создания колхозного сектора аграрной экономики.

Системообразующей структурой колхозного производства стали государственные предприятия – машинно-тракторные станции (МТС). Они подвели под колхозно-кооперативный сектор сельского хозяйства материально-техническую базу и механизировали наиболее трудоемкие виды полевых работ: вспашку и предпосевную обработку почвы, сев и уборку зерновых культур.

При этом МТС нельзя рассматривать лишь как предприятия агро-сервиса. Их влияние на жизнь колхозов носило всеохватный характер. Они являлись механизмом реализации аграрной политики государства, посредством которого осуществлялся контроль над колхозами, направлялись финансовые и материальные средства в сельское хозяйство. Основной задачей МТС было создание условий для функционирования колхозного производства и перераспределения ресурсов.

В обстановке становления производственной системы «МТС – колхозы» первостепенное значение приобретает вопрос определения урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур, ведь данные параметры служили базовыми показателями для начисления на-

¹ Томили^н Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomilin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13–01–00181).

туроплаты за работы МТС. Колхозы преимущественно занимались производством зерна, поэтому в центре внимания правительства были вопросы организации хлебозаготовок. С 1933 г. перестраивается вся хлебозаготовительная политика советского государства.

17 декабря 1932 г. Совет Народных Комиссаров принимает постановление «Об организации при СНК СССР Государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур»³. С целью установления «точных данных об урожайности и валовом сборе всех зерновых культур и подсолнуха» при СНК СССР создавалась постоянная Центральная Государственная Комиссия (ЦГК). На местах формировались соответствующие государственные межрайонные комиссии в количестве от 280 до 300. ЦГК на основе предоставляемых государственными межрайонными комиссиями материалов устанавливала размеры урожайности, посевные площади и валовой сбор зерновых культур и подсолнечника для республик, краев, областей и районов.

Центральные власти считали, что на местах пытаются скрыть часть выращенного урожая и уменьшить государственные поставки. Поэтому председатели межрайонных государственных комиссий были наделены правом привлечения к судебной ответственности работников совхозов, колхозов, МТС, сельских советов, органов народных комиссариатов земледелия «за попытки обмана государства предоставлением неверных сведений об урожайности, посевных площадях и валовом сборе»⁴.

В январе 1933 г. правительством было утверждено положение о ЦГК по определению урожайности, согласно которому ЦГК наделялась исключительным правом по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур. Все существовавшие до сих пор комиссии и экспертные совещания Центрального управления народнохозяйственного учета и других ведомств по оценке посевных площадей, урожайности и валового сбора ликвидировались. Практическая работа по определению урожайности сельскохозяйственных культур производилась государственными межрайонными комиссиями посредством организации контрольно-наблюдательных пунктов в колхозах, совхозах и сельсоветах. Они обрабатывали районные учетные материалы по посевным площадям, урожайности и валовому сбору, а также материалы, характеризующие метеорологические, агротехнические и хозяйственно-организационные условия, в которых проходила сельскохозяйственная кампания. Все сводки, материалы и заключения направлялись затем в ЦГК при СНК СССР⁵.

³ СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 520–521.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 1933. № 17. Ст. 97 б.

Урожайность зерновых культур определялась за неделю до начала уборки путем срезания колосков с намеченных квадратов и их ручным обмолотом. Преследовалась главная цель — предотвратить попытку скрыть от государства действительный размер урожая, мобилизовать колхозы и совхозы на борьбу с потерями, чтобы собрать весь созревший хлеб. Основной порок нового метода исчисления урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур состоял в том, что данные видовой (биологической) урожайности стали выдавать за фактическую (амбарную) урожайность, на основе которой начислялась натуроплата МТС [2, с. 42].

Государственные чиновники всех уровней осознали разницу между видовой урожайностью (на корню) и фактической (амбарной), а также неизбежность потерь во время уборки. Однако потери при уборке урожая относились ими на счет непосредственного производителя — колхозов. В докладной записке заместителя председателя ЦГК по определению урожайности при СНК СССР Н.П. Брюханова Л.М. Кагановичу от 12 сентября 1933 г. отмечается: «Мы не можем и не должны при определении урожайности считать нормой те потери при косовице, возке, обмолоте, которые являются результатом нашей бесхозяйственности, а подчас и вредительства. Потери на уборку в среднем мы исчисляем примерно в 10 %» [2, с. 720]. При таком подходе разница между видовой и амбарной урожайностью зерновых не должна была превышать 10 %, на практике же потери зерна в колхозах при уборке достигали 20–40 % [4, с. 267]. В результате натуроплата за работу МТС взималась по существенно завышенным нормам.

ЦГК по определению урожайности и размеров валового сбора зерна, действовавшая методами примитивных измерений урожаев на корню, была ликвидирована решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 марта 1937 г. Теперь эта функция передавалась Центральному управлению народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР. Измерение биологической урожайности сохранилось, но качественно иным стал учет всех условий и факторов, определявших валовой сбор зерновых культур [3, с. 22].

Вскоре ЦУНХУ подготовило письмо об организации работ по определению средней урожайности и валовых сборов. Главное внимание в нем уделялось определению видовой урожайности. Вначале участковые инспекторы составляли карточки о видах на урожай для отправки областным (краевым), республиканским УНХУ и ЦУНХУ. Одновременно «районная инспектура» посылала в вышестоящие инстанции телеграфное донесение о видах на урожай в целом по району по оценке земельных органов. Краевое (областное) УНХУ направляло в ЦУНХУ данные районных земельных органов на каждый срок по каждому административному району и в среднем по всему краю (области) в целом. Указанная сводка сопровождалась таблицей со свод-

ными данными по видам на урожай в колхозах, контролируемых участковыми инспекторами, и обоснованием принятых краевым (областным) УНХУ оценок видов на урожай [3, с. 237].

Таким образом, при определении видовой урожайности создавалась система дублированного контроля, когда первичные материалы, представляемые колхозами и районными земельными органами, контролировались и корректировались органами народно-хозяйственного учета. Правительственная деятельность по «правильному» определению урожайности и валового сбора сельскохозяйственных культур в конечном итоге преследовала одну цель: максимально поднять базовые показатели видов на урожай, служившие основой для исчисления обязательств по хлебозаготовкам и натуроплаты за работы МТС. В работах зарубежных и отечественных историков обоснованно высказывалось недоверие относительно достоверности данных советской статистики урожайности. Урожай зерновых культур в СССР с 1933 г. определялся на корню, до сбора. Но если до 1937 г. еще разрешалась поправка на 10% с учетом возможных последующих потерь, то в дальнейшем эти скидки были отменены. В исторической науке в настоящее время утвердилось положение, согласно которому в довоенный период официальные данные преувеличивали действительные цифры сборов зерновых на 25 % [5, с. 296].

Значимость видовой (биологической) оценки урожая заключается в том, что она служила важнейшим средством контроля результатов производственной деятельности колхозами, давала представление о максимуме возможных сборов зерна и именно поэтому позволяла выжать из деревни все ресурсы [5, с. 297].

Чрезвычайно пристальное внимание правительства к взиманию натуроплаты за работы МТС объясняется тем, что уже в конце второй пятилетки она представляла собой важнейший канал хлебозаготовок. По данным Наркомата заготовок СССР, с 1 июля 1937 г. по 1 июля 1938 г. поступило 1 724 732 тыс. пудов хлеба, из них 1 303 668 тыс. пудов, или 76 %, приходятся на обязательные поставки колхозов и натуроплату работ МТС. При этом через натуроплату колхозами работ МТС было заготовлено хлеба больше, чем по обязательным поставкам. Удельный вес натуроплаты в объеме хлебозаготовок в конце второй пятилетки в целом по Советскому Союзу составил 40 %, по Российской Федерации – 41 %, в Центральном Черноземье – от 38 % (в Тамбовской области) до 41 % (в Орловской области) [3, с. 575–578].

Принципиальное значение во взаимоотношениях МТС и колхозов приобретает порядок начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам. Он не оставался неизменным. 13 января 1939 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам». Оно упраздняло районные комиссии по отнесению колхозов к группам урожайнос-

ти для начисления натуроплаты за работы МТС. Теперь эта функция возлагалась на областные и краевые исполкомы и совнаркомы республик, не имеющих областного деления⁶.

Постановление правительства фактически повышало ставки натуроплаты за работы МТС: все колхозы района для начисления натуроплаты по зерновым культурам стали относиться к одной группе урожайности. И только в случае крайней пестроты урожая в районе, в виде исключения, допускалось отнесение отдельных колхозов к другим группам урожайности⁷. В конкретной обстановке конца 1930-х гг. указанное положение ставило в один ряд колхозы с различной урожайностью. Все они должны были нести одинаковую нагрузку по натуроплате за работы МТС. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что власти в работе по отнесению колхозов к той или иной группе урожайности ориентировались на передовые хозяйства, тем самым усиливался процесс перекачки средств из сельского хозяйства в пользу государства.

В структуре заготовок и закупок хлеба в СССР и в послевоенное время натуроплата за работы МТС занимала чрезвычайно важное место (табл. 1).

Таблица 1

Структура заготовок и закупок хлеба в СССР в 1950–1955 гг. (тыс. т)

	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Всего заготовлено хлеба:	36 445,8	34 700,0	31 106,7	34 601,2	36 823,5
Поступило от колхозов	28 454,2	30 460,7	27 294,4	30 345,4	31 217,7
в том числе по обязательным поставкам	8 811,5	8 504,9	7 038,5	6 161,7	6 596,7
по натуроплате за работы МТС	15 951,5	18 503,8	15 812,4	14 870,5	16 291,3
по возврату ссуд	1 664,4	1 024,0	844,3	1 126,6	2 723,4
по государственным закупкам	–	–	1 401,5	7 013,4	4 491,6
другие поступления от колхозов	2 026,8	2 428,0	2 197,7	1 173,1	1 114,7
Поступило от совхозов	3 541,7	4 065,7	3 676,6	4 255,8	5 605,8
Поступило от индивидуальных сдатчиков	315,2	173,6	135,7	–	–

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 150. Л. 14.

Через этот канал государство получало в 1950–1955 гг. больше половины хлеба, сданного колхозами. Пик заготовок хлеба по натуроплате пришелся на 1952 г., когда таким путем в закрома государства было засыпано 60,8 % колхозного хлеба. Для сравнения. В 1940 г. пу-

⁶ СЗ СССР. 1939. № 4. Ст. 13.

⁷ Там же.

тем взимания натуроплаты за работы МТС государство заготовило 45,1 % хлеба, а остальную часть – через обязательные поставки, возврат ссуд, закупки и другие поступления. В 1950–1952 гг. государственные закупки хлеба в колхозах совершенно не производились. В первой половине 1950-х гг. поступления хлеба от колхозов так и не достигли уровня 1940 г., когда было заготовлено и закуплено 31 759 тыс. т. Но при этом по натуроплате государство получало больше колхозного хлеба, чем до войны. В 1940 г. натуроплата составляла 14 311,3 тыс. т хлеба⁸, тогда как в 1950-е гг. ее объемы не опускались ниже 14 870,5 тыс. т.

В структуре формирования общего фонда зерна в СССР, с учетом совхозов и индивидуальных сдатчиков, доля натуроплаты также преобладала. В 1950–1955 гг. она колебалась в пределах 44–53 %. Колхозы ежегодно получали от государства семенную ссуду. Размер семенной ссуды был весьма значительным. В 1955 г. объем возвращенной колхозами семенной ссуды составил 2 723,4 тыс. т, или 7,4 % всего заготовленного и закупленного хлеба. Но возврат семенной ссуды – это фактически движение в колхозы и обратно одной и той же массы зерна.

Если семенную ссуду исключить из хлебопоставок колхозов, то роль натуроплаты в формировании государственного фонда хлеба еще более возрастает. В 1952 г. доля натуроплаты в хлебопоставках колхозов, без учета семенной ссуды, составила 62,9 %, а в общих поставках по стране – 55,0 %. И в последующие годы, когда стали производиться закупки хлеба в колхозах, и были уменьшены нормы начисления натуроплаты за работы МТС, удельный вес натуроплаты оставался очень высоким. Без учета возврата ссуды колхозами он составил в 1955 г. соответственно 57,2 % и 47,8 %.

Во взаимоотношениях государства и колхозов сложилась такая практика, когда весь выращенный урожай зерновых подлежал сдаче хлебозаготовительным органам. И даже выражение «первая заповедь», означавшее выполнение плана по сдаче зерна государству, приобретало условный характер, оно превратилось в дежурную фразу партийно-государственных начальников. Такое положение дел с проведением хлебозаготовок подрывало авторитет председательского корпуса колхозов, так как последние лишались зерна предназначенного для поощрения работников и на содержание общественного поголовья скота.

П.А. Вислогузов, работавший в 1950-е гг. зональным секретарем райкома партии по Старокалитвенской МТС Россошанского района Воронежской области, в своих воспоминаниях показывает организацию и проведение хлебозаготовок в районе, а также место в ней натуроплаты. Председатель колхоза «Прогресс», тридцатитысячник К.А. Кондаков, в первый год работы в сельском хозяйстве радовался

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 150. Л. 14.

высоким урожаем. В 1955 г. колхоз своевременно справился с выполнением плана хлебозаготовок и рассчитался с МТС по натуроплате тракторных работ. Но в колхозе осталось еще немало зерна. По сложившейся практике, его надо было также отправить в закрома государства. Для «разъяснения» правильного понимания политики партии и правительства в колхоз «Прогресс» прибыли работники райкома КПСС во главе с первым секретарем А.И. Ситниковым.

При встрече с начальством председатель колхоза доложил об успехах и задал вопрос по поводу отправки машин Россошанской автоколлонны, закрепленных за хозяйством на период хлебозаготовок. «А на чем вы будете отправлять хлеб? – вопросом ответил Ситников. – Как? Какой хлеб? Александр Иванович, разве Вы забыли, что хлебозаготовки нами выполнены? – насторожился Кондаков, даже не подозревавший, что отправлять зерно придется и дальше. – Но ведь МТС у вас будет и дальше работать, вам сегодня привезут счета по натуроплате под будущие работы. – Но ведь МТС должна сначала заработать – пытался объяснить Кондаков всем известную истину и еще на что-то надеялся» [1, с. 102–103]. В конечном итоге председателю пришлось уступить и продолжить вывоз хлеба.

Недавно приехавший в колхоз председатель-тридцатитысячник не знал всем известную истину: при любом урожае хлеб будет вывезен, кроме семян, какого-то незначительного количества хлеба, причитающегося колхозникам на трудодни, и отходов. Такой поворот событий, по мнению автора мемуаров – ветерана колхозного движения Вислогузова, психологически надломил молодого председателя. «Честный, а во многих вопросах по-детски наивный, – встретившийся с большими сложностями многоотраслевого хозяйства с далеко не отработанной производственной структурой, жестким диктатом в заготовках, невероятно высокой натуроплатой за работу единственного подрядчика – МТС, Кондаков растерялся, сник и почувствовал себя беспомощным» [1, с. 104].

Государственные заготовительные и закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов не соответствовали затратам на их производство, они их лишь частично компенсировали. Государство извлекало огромные доходы при реализации продовольственных товаров (табл. 2).

В 1955 г. в СССР отпускная стоимость хлебопродуктов составляла 1 526,29 руб. за тонну⁹ при затратах государства в 703,19 руб. Следовательно, при реализации каждой тонны хлебопродуктов государство получало 823,10 руб. в качестве дохода, или 54 % его отпускной стоимости.

Наибольшая норма дохода извлекалась при проведении операций с хлебом, полученным от колхозов в виде обязательных поставок по

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 150. Л. 59.

заготовительным ценам. Отпускная стоимость реализованных хлебопродуктов в 3,7 раза превосходили затраты государства при его заготовке. При этом в затратах государства 165,92 руб., или 40,2 % приходились на издержки обращения в системе Министерства заготовок. Собственно заготовительная цена на колхозный хлеб составляла лишь 16 % его отпускной стоимости. С каждой тонны реализованного хлеба, полученного в качестве обязательных поставок колхозов, государство имело 1 113,29 руб. дохода. При соотношении стоимости реализуемого хлеба и затрат государства на его производство посредством натуроплаты работ МТС оказывается, что и этот канал поступления хлеба приносит очень большие доход. В 1955 г. он составил 660,37 руб. с каждой тонны хлеба. Причем на долю собственных затрат МТС в стоимости реализуемых хлебопродуктов приходилось всего лишь 46 %.

Таблица 2

Расчет стоимости зерна, поступившего в государственный фонд в 1955 г.

	Затраты государства (на 1 т в руб.)	В том числе		
		Затраты МТС, совхозов и транспорта	Заготовительная цена	Издержки обращения в системе Минзага
Обязательные поставки колхозов	413,00	–	247,08*	165,92
Натуроплата за работы МТС	865,92	700,00	–	165,92
Возврат ссуд Колхозами	165,92	–	–	165,92
Государственные закупки у колхозов	943,83	–	777,91*	165,92
Натуродержания	674,92	509,00	–	165,92
Поставки совхозов	571,32	480,00	–	165,92
Всего (в среднем)	703,19	–	–	165,92

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 150. Л. 59.

*Включая сортовые надбавки.

Таким образом, натуроплата тракторных работ стала одним из основных каналов перераспределения ресурсов деревни в пользу государства. Причем натуроплата для колхозов приобретала значение своеобразной податной нагрузки. Чрезмерное изъятие государством результатов работы колхозов, в первую очередь через натуроплату тракторных работ, лишало колхозников стимула к труду, сдерживало развитие сельскохозяйственного производства.

Литература

1. *Вислогозов П.А.* Точка опоры: Воспоминания председателя колхоза и директора совхоза-техникума. Воронеж, 2002.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. Т. 3: конец 1930–1933. М., 2001.
3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виола. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1. 1937. М., 2004.
4. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
5. *Попов В.П.* Государство и заготовительно-распределительная система зерновой продукции в советском обществе 40-х годов // Власть и общество России. XX век: сб. науч. трудов. М.; Тамбов, 1999.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАГОТОВОК
КОЛХОЗНОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР В 1950-Е ГГ.²**

В статье проанализированы особенности функционирования, а также цели и социально-экономические последствия демонтажа системы заготовок колхозной продукции в годы первого постсталинского десятилетия.

Ключевые слова: колхозы, заготовки, аграрная политика государства, аграрный строй, сельское хозяйство, Н.С. Хрущев.

В 1950-е гг. в аграрном секторе СССР произошли значимые перемены, обусловленные проведением мер по ускорению темпов развития сельского хозяйства. Важным направлением аграрной политики являлся демонтаж ряда основополагающих структур аграрного строя сталинского социализма, в число которых входила система натуральных поставок колхозов.

В конце 1920-х гг. руководство СССР, рассматривая перспективы коллективизации, полагало, что благодаря большому количеству добровольно созданных колхозов сельхозпроизводство возрастет и появится возможность получать из деревни аграрную продукцию в достаточном объеме и по выгодным государству ценам. Ее оплата не могла быть высокой, поскольку основные финансовые средства намечалось направлять в индустриальный сектор экономики. Вопреки ожиданиям колхозы пришлось организовывать при помощи силы и ставить под жесткий административный контроль. Трудовые затраты в сельхозартелях были высокими, из-за чего государственные цены на их продукцию казались крайне низкими. Желания реализовать по ним продукцию у хозяйств не было, поэтому государству приходилось изымать ее с помощью таких фактически налоговых инструментов, как обязательные поставки, контрактация, оплачивавшихся соответственно по заготовительным и контрактационным ценам, а также натуроплата за работы МТС. Излишки продовольственной продукции колхозы де-юре могли оставлять в хозяйстве или реализовывать на рынке, однако де-факто они продавались государству по закупочным ценам, которые были выше заготовительных, но ниже рыночных.

¹ Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, andreennkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-31-01215а).

В 1930–1940-е гг. колхозная система выполнила стоявшую перед ней задачу тотальной мобилизации ресурсов деревни для общегосударственных нужд. Следующей ее целью становилось увеличение объемов сельхозпроизводства в условиях сокращения трудовых ресурсов села, то есть посредства интенсификации труда. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. решение этой задачи высокопоставленные функционеры связывали с развитием у селян материальных интересов к производственной деятельности.

Данные планы стали реализовываться после смерти И.В. Сталина. Первые шаги были предприняты по инициативе главы правительства Г.М. Маленкова, который на V сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. заявил о необходимости повышения обеспеченности населения продуктами питания в течение 2–3 лет. Предлагалось значительно увеличить денежный и натуральный заработок колхозников, для чего государство должно было поднять цены на продукты животноводства, картофель и овощи и снизить нормы их госпоставок, расширить госзакупки излишков зерна, а также ослабить давление на личные приусадебные хозяйства (ЛПХ) [2, с. 12–15].

Важные меры по совершенствованию системы колхозных заготовок руководство страны приняло 21 августа 1953 г. Заготовительная цена на картофель была повышена в 2,5 раза. Вводились несколько сниженные ставки натуроплаты за работы МТС по возделыванию картофеля и овощей. Задолженности по натуральным поставкам этих культур списывались. Для колхозов, картофельные посевы в которых занимали 10–20 % посевной площади, снижались нормы обязательных поставок зерна³. Местным органам поручили принять меры по развитию колхозной торговли картофелем и овощами⁴. Заготовительные и закупочные цены на молоко увеличились соответственно в 2,2 и 1,5 раза, на крупный рогатый скот (КРС) – в 4,8 и 2,1, на свиней – в 2,9 и 1,6 раза. Заготовительная цена на яйцо не изменилась, зато закупочная поднялась в 2,1 раза. За кожи КРС и свиней государство стало платить в 1,5 раза больше (график 1)⁵. Устанавливался порядок поощрения колхозов, преуспевавших в деле продажи животноводческой продукции государству.

Развернутая программа развития аграрного сектора экономики была разработана под руководством Н.С. Хрущева и принята на пленуме

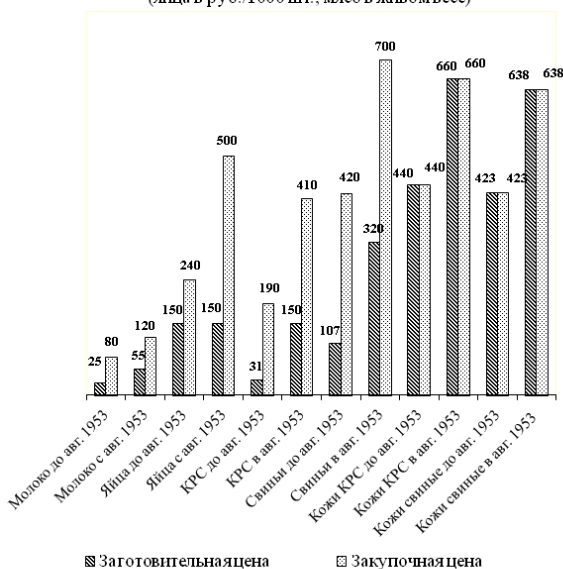
³ Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1953 г. «О государственном плане заготовок и закупок картофеля и овощей из урожая 1953 г. и о повышении заготовительных цен на эти продукты» (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Сб. постановлений СМ СССР за 1953 г. Т. 2. Л. 292–292 об.).

⁴ Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1953 г. «О развертывании колхозной торговли картофелем и овощами» (Там же. Л. 327–329).

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 592. Л. 27.

ЦК КПСС в сентябре 1953 г. Глава партии признал важность программных заявлений Г.М. Маленкова и первых шагов по их реализации. Корректировка системы цен и заготовок была продолжена. Стимулирующее действие новых цен на мясо, кожи, молоко и яйца усиливалось снижением размеров госпоставок этих продуктов. В марте 1954 г. для колхозов были установлены твердые нормы обязательной сдачи животноводческой продукции. Колхозам РСФСР, имевшим невысокий уровень развития ее производства, предоставлялись скидки⁶. В феврале 1955 г. вновь поднялись заготовительные и закупочные цены на кожевенное сырье (на 71 и 87 %)⁷.

График 1
Государственные заготовительные и закупочные цены на продукцию животноводства в 1953 г., руб./ц (яйца в руб./1000 шт., мясо в живом весе)

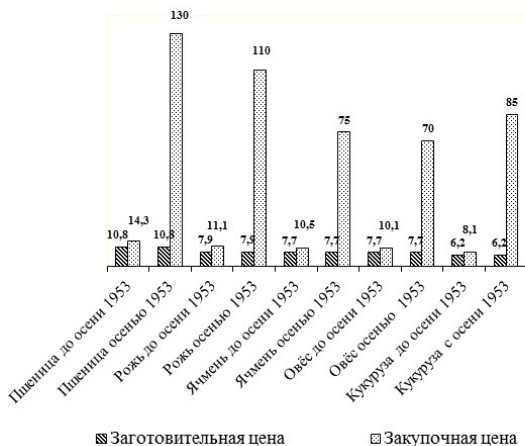
Меры правительства по стимулированию зернового производства колхозов затронули сферу государственных хлебозакупок. С октября 1953 г. по госзакупку за пшеницу стали платить больше в 9 раз, за рожь

⁶ Постановление СМ СССР от 9 марта 1954 г. «Об утверждении постоянных погектарных норм обязательных поставок государству продуктов животноводства колхозами, а также планов заготовок и государственных закупок продукции животноводства на 1954 г.» (ГАНУ. Сб. постановлений СМ СССР за 1954 г. Т. 2. Л. 51–53).

⁷ Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 25 февраля 1955 г. «О мерах улучшения заготовок кожевенного сырья и его качества» (ГАНУ. Сб. постановлений СМ СССР за 1955 г. Т. 1. Л. 82–85).

и кукурузу — в 10, за ячмень и овес — в 7 раз (график 2)⁸. В июне 1954 г. были снижены действовавшие нормы обязательных поставок зерна и семян масличных культур. Натуроплата за работы МТС по их возделыванию стала начисляться по твердым ставкам. Отменялось взимание с колхозов гарнцевого сбора. Задолженности по натуральным поставкам зерновых культур списывались⁹.

График 2
Государственные заготовительные и закупочные цены на зерновые культуры в 1953 г., руб./ц.

Реализация стратегии, которую в августе 1953 г. предложил Г.М. Маленков, не выводила сельское хозяйство за пределы организационного формата аграрных отношений, сложившегося в сталинский период. Сельхозартели как базовая хозяйственная форма, МТС, ЛПХ должны были сохраняться. «Новый» курс в деревне представлял собой попытку усовершенствовать экономические отношения внутри производственных структур и между ними через прекращение репрессий, создание возможностей для наращивания групповой и личной собственности. И при движении по этому пути действовавший в предшествующее двадцатилетие принудительный, неэквивалентный и натуральный обмен между государством и колхозами не мог не стать препятствием. Однако отказаться от натуральных податей колхозов правительство Г.М. Маленкова не решилось.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 592. Л. 27.

⁹ Постановление июньского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «Об итогах весеннего сева, уходе за посевами, о подготовке к уборке урожая и обеспечении выполнения плана заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1954 г.» ([2, с. 240–241]).

Готовность перейти от налоговых инструментов изъятия сельхозпродукции у колхозов к рыночным механизмам ее отчуждения продемонстрировал Н.С. Хрушев. Возможность отказа от нескольких видов натуральных поставок и перехода к единому каналу поступления колхозной продукции государству, оплачиваемой по экономически обоснованным ценам, рассматривалась в правительстве уже спустя полгода после ухода Г.М. Маленкова с поста его председателя (февраль 1955 г.). Решительным сторонником данных планов был экономист В.Г. Венжер, выступавший за принципы рыночного социализма. Многие из его предложений были поддержаны Н.С. Хрушевым.

К реформированию системы заготовок подталкивал ряд объективных обстоятельств. Повышение заготовительных и закупочных цен при господстве административных механизмов отчуждения сельхозпродукции породило немало противоречий. Поступавшие в колхозный сектор финансовые средства распределялись в нем неравномерно. Значительная часть колхозов, не имея излишков, по-прежнему сдавала продукцию в основном по заготовительным ценам и поэтому получала доходы, не позволявшие повысить оплату труда колхозников до необходимого уровня. В 1954 г. в СССР низкодходными были 45 % колхозов, 40 % хозяйств выдали на трудодень менее 1 кг зерна, 37 % – менее 1 руб.¹⁰ Большим числом отстающих сельхозартелей отличались, например, районы Центрального Черноземья. Колхозы Западной Сибири, где разворачивалось освоение целинных и залежных земель, напротив, располагали существенными излишками зерна и, поставляя их по высоким закупочным ценам, стремительно наращивали доходы. При этом в урожайные годы для государства колхозный хлеб возрастал в цене, что противоречило базовой задаче целинной кампании, заключавшейся в получении большого количества именно дешевого хлеба. В связи с этим уже летом 1955 г. закупочную цену на зерновые культуры понизили на 15 %. Правда, цены на зерно поступающее по обязательным поставкам подняли в 2,5 раза¹¹.

В 1955 г. с введением единых цен, которые позволяли бы распределять денежные средства среди колхозов более справедливо, компенсировать издержки и создавать накопления, пока решили не спешить. Реализация этих планов потребовало бы расходования значительных финансовых ресурсов (в 1956 г. – 19–20 млрд руб., в 1956–1960 г. – 105 млрд)¹². Одним из способов возмещения государственных расходов на заготовки и закупки колхозной продукции могло стать увеличение розничных цен на продовольственные и другие товары, то есть

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 27.

¹¹ Постановление СМ СССР от 16 июня 1955 г. «О заготовительных и закупочных ценах на зерновые культуры, сдаваемые колхозами» (ГАНУ. Сб. постановлений СМ СССР за 1955 г. Т. 2. Л. 11а–12).

¹² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1630. Л. 32, 56–57.

извлечение недостающих денежных сумм из карманов потребителей. Однако вопрос о принятии этой меры на повестку дня не ставился, наоборот, товары в магазинах дешевели.

Получалось, что государство в первую очередь заботилось о материальном благополучии горожан. От колхозников же оно потребовало работать больше и лучше, чтобы объемы производства и качество сельхозпродукции возрастали, а расход времени, от которого зависела ее себестоимость, снижался. Существенное уменьшение затрат труда на единицу продукции считалось основанием для введения экономически обоснованных цен. Но условия работы в колхозах, конечно же, должны были измениться в благоприятную сторону. Интенсификация труда связывалась с улучшением его организации и оплаты, расширением хозяйственной самостоятельности, повышением результативности деятельности МТС. Аграрная «либерализация», однако, не способствовала ожидаемому росту производительности труда сельян. Традиционные болезни колхозной системы – слабая мотивация колхозников к труду в артельном хозяйстве, уклонение от работы в нем для концентрации внимания на ведении ЛПХ, разбазаривание общественного имущества, хищения, пьянство и т.п. – не только не были преодолены, но даже усилились.

Себестоимость колхозной продукции до необходимого уровня не понизилась, тем не менее, цены на нее повышались. В ноябре 1955 г. поднялись заготовительные и закупочные цены на свинину (на 30 и 40 %) ¹³, в декабре – на говядину (на 10 и 6 %) ¹⁴. 1956 г. стал годом увеличения цен на картофель (в 3,4 раза и на 70 %) и овощи (на 53 и 62 %). От обязательных поставок картофеля были освобождены колхозы и ЛПХ Узбекской, Таджикской, Туркменской и ряда областей Казахской ССР, а также районы Бурят-Монгольской АССР, Астраханской и Читинской областей. Реализовывать картофель государству колхозы и ЛПХ этих регионов могли только в порядке госзакупок. В некоторых случаях к закупочной цене производились надбавки ¹⁵. Цены на картофель и овощи устанавливались с учетом создания в колхозах накоплений,

¹³ Постановление СМ СССР от 16 ноября 1955 г. «О заготовительных, закупочных ценах и порядке зачета свиней, сдаваемых государству колхозами и другими хозяйствами» (ГАНУ. Сб. постановлений СМ СССР за 1955 г. Т. 2. Л. 282–282 об.).

¹⁴ Постановление СМ СССР от 1 декабря 1955 г. «О заготовительных и закупочных ценах на крупный рогатый скот, овец, коз и кроликов и эквивалентах зачета скота, сдаваемого колхозами, хозяйствами колхозников и других граждан в счет мясopоставок и совхозами в счет плана сдачи государству мяса» (Там же. Л. 299–300).

¹⁵ Постановление СМ СССР от 30 января 1956 г. «Об увеличении производства и заготовок картофеля и овощей» (ГАНУ. Сб. постановлений Совета Министров СССР за 1956 г. Т. 1. Л. 24–30).

которые не должны были превышать 32 % выручки от реализации этих культур¹⁶.

На кардинальную реформу заготовок Н.С. Хрущев решился в 1958 г. К концу мая этого года комиссия ЦК КПСС по вопросу введения нового порядка и условий заготовок сельскохозяйственных продуктов подготовила проект введения новых единых цен¹⁷. В нем утверждалось, что переход на экономически обоснованную ценовую систему возможен, поскольку в связи с развернувшейся реорганизацией МТС и продажей техники колхозам издержки производства понизятся. Окончательный вариант решения был представлен в постановлении Совета Министров СССР от 30 июня 1958 г.¹⁸ Согласно проекту с 1 июля 1958 г. вся продукция колхозов должна была поставляться государству только в порядке закупок. Обязательные поставки и натуроплата МТС отменялись, все задолженности по ним списывались. Планы госзакупок решили устанавливать на 5–7 лет с распределением заданий по годам. При этом в урожайные годы годовые плановые нормы разрешалось увеличивать. Вводимые ценовые показатели могли понижаться или повышаться в зависимости от уровня урожайности, что позволяло регулировать доходность хозяйств.

Цены, начинавшие действовать с 1 июля 1958 г., в целом оказались ниже прежних закупочных, но выше заготовительных цен. Ценовые нормы на зерновые культуры и продукты животноводства превосходили существовавшие средние реализационные цены (средний показатель между заготовительной и закупочной ценой). Цены, по которым стали оплачиваться закупки зерна, были выше их на 40 %, молока – на 30 %, яиц – на 75 %, КРС – в 2,2 раза, свиней – на 47 %, шерсти – на 6 %. Новые цены на льноволокно и пеньку превысили прежние контрактационные на 52 и 48 %. Зато по картофелю и подсолнечнику они были ниже средних реализационных цен на 7 и 2 % соответственно. Новые ценовые показатели на продукцию растениеводства примерно совпадали с наметками вышеупомянутой комиссии при ЦК КПСС. Но за животноводческую продукцию правительство решило платить больше определенных комиссией норм (графики 3, 4, 5)¹⁹.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1630. Л. 14–18.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 196. Л. 1–71.

¹⁸ Постановление СМ СССР от 30 июня 1958 г. «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» (ГАНУ. Сб. постановлений Совета Министров СССР за июнь 1958 г. С. 219–260).

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 196. Л. 13–23, 32, 56–57; Постановление СМ СССР от 30 июня 1958 г. «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» (ГАНУ. Сб. постановлений Совета Министров СССР за июнь 1958 г. С. 225, 233, 237–238, 241, 249–251).

График 3
Государственные цены на зерновые культуры,
подсолнечник и картофель в первой половине
1958 г., руб./ц

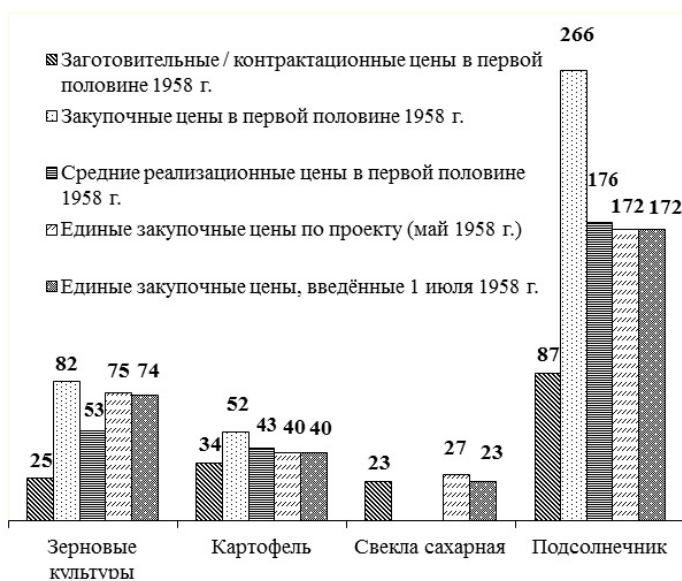
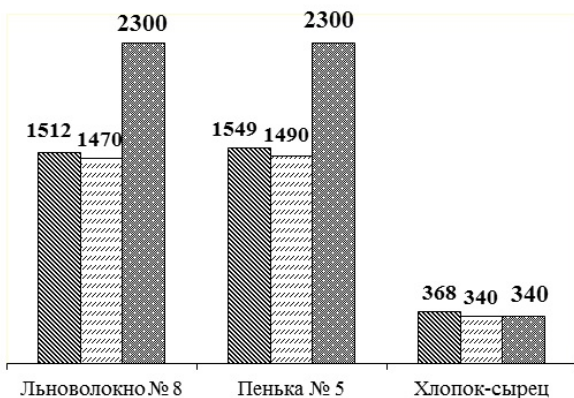

График 4
Государственные цены на льноволокно, пеньку и хлопок-сырец в первой половине 1958 г., руб./ц

- ▨ Контрактационные цены в первой половине 1958 г.
- ▤ Единые закупочные цены по проекту (май 1958 г.)
- ▧ Единые закупочные цены, введённые 1 июля 1958 г.

График 5
Государственные цены на продукцию животноводства в первой половине 1958 г., руб./ц

Введение единых закупочных цен способствовало повышению рентабельности сельхозпроизводства. Выгодным для колхозов оно сделало в первую очередь выращивание зерновых и технических культур. Однако животноводство по-прежнему оставалось убыточным. В РСФСР в целом по растениеводству отношение выручки колхозов от реализации товарной продукции к ее себестоимости в 1958 г. составляло 196,0 %, в животноводстве – 73,5 %, в Западной Сибири – соответственно 221,7 и 75,3 % [3, с. 221]. В последующем пятилетии рентабельность растениеводства снизилась. Надежды на то, что, получив технику, колхозы смогут быстро интенсифицировать свое производство, не оправдывались. Неудачи на данном направлении во многом были связаны с поспешным характером реорганизации МТС. Предусмотренный ею выкуп машинного парка МТС не стал для колхозов добровольной и планомерной акцией, как изначально планировалось, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую хозяйства в долги. Вопреки ожиданиям колхозы не смогли эффективно распорядиться полученными техническими и трудовыми ресурсами. Значительная их часть была потеряна. Возможности освобожденных от «оков сталинизма» колхозов Н.С. Хрущев явно переоценивал. О сложно-

стях, которые могут появиться в результате быстрой продаже им техники МТС, глава государства не думал, а когда они возникли, — старался их не замечать. В связи с этим на рубеже 1950–1960-х гг. ценовая политика государства в сельском хозяйстве отчасти проводилась вразрез с экономической реальностью. В условиях роста себестоимости колхозного производства правительство понижало закупочные цены. Данный дисбаланс наносил ущерб колхозной экономике и свидетельствовал о кризисе государственной ценовой политики.

Литература

1. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4.
2. *Маленков Г.М.* Речь на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М., 1953.
3. *Могильницкая К.И.* Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977.

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ПЛАНОВ ЗАКУПОК СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ В 1960-Е ГГ.

На основе рассекреченных архивных документов анализируется политика государства по выполнению планов государственных закупок сельхозпродукции для обеспечения населения продовольствием и пополнения государственных резервов.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, государственные закупки, государственные продовольственные резервы.

Следует отметить, что если информация об объемах государственных закупок сельскохозяйственной продукции была доступна в средствах массовой информации, то правдивые сведения о потреблении продовольствия на душу населения были известны преимущественно партийным и советским работникам. Все же данные об объемах продовольствия в государственных резервах являлись и являются до настоящего времени государственной тайной. Из рассекреченных архивных документов ЦК КПСС мы получаем лишь обрывочную информацию об объемах пополнения или расходования продовольствия, прежде всего зерна.

С целью пополнения скудеющих государственных резервов, обеспечения населения продовольствием, а перерабатывающей промышленности — сырьем, во второй половине XX в. государство постоянно прибегало к мерам административного характера. Укрупнение волевыми методами мелких убыточных колхозов, преобразование колхозов в совхозы также были призваны решать эти стратегические задачи. Однако данная политика приводила к увеличению численности экономически слабых хозяйств, росту финансовой задолженности большинства колхозов и совхозов. Так, в ходе реорганизации МТС в конце 1950-х гг., когда колхозы заставили выкупать у них технику, строения и оборудование под кредиты Госбанка СССР, количество таких сельхозпредприятий значительно возросло. Только за 1958–1960 гг. колхозы досрочно выплатили государству более миллиарда рублей и тем самым сократили свои возможности расширять производство и повышать доходы колхозников.

¹ *Шевельков Анатолий Иванович*, кандидат исторических наук, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

К 1965 г. сумма задолженности колхозов страны составила более 4,3 млрд руб.² Это предопределило не только медленные темпы роста производства основных видов сельхозпродукции, но и срыв планов государственных закупок как в годы семилетки (1959–1965 гг.), так и во второй половине 1960-х гг. Это произошло, несмотря на то, что в 1962 г. были повышены закупочные цены на ряд продуктов сельского хозяйства (скот, птицу, хлопок-сырец, табак, сахарную свеклу, картофель), а также несколько снижены оптовые цены на сельхозтехнику, запасные части к ней, на бензин, строительные материалы.

Однако и после этих мер производство мяса, молока, яиц, ряда продуктов земледелия продолжало оставаться убыточным во многих районах СССР. Общая сумма убытков от реализации государству скота и птицы в 1963 г. по совхозам составила 867 млн руб., а по колхозам – 660 млн руб. На временный, неэффективный характер подобных решений государства указал на июльском (1970 г.) пленуме ЦК КПСС первый секретарь ЦК Компартии Украины П.Е. Шелест: «Ненормально, что за последнее время часть получаемых колхозами доходов от повышения закупочных цен на сельхозпродукцию под различными предлогами постоянно изымается. В связи с повышением цен на топливо, запчасти, стройматериалы, колхозы вынуждены расходовать значительные средства»³.

В первой половине 1960-х гг. потребность страны в зерне для обеспечения нужд населения, пополнения государственных резервов, составляла около 68 млн т. При том, что среднегодовой валовой сбор зерна составлял около 130 млн т. Однако, намеченные в расчетах к семилетнему плану объемы производства основных сельскохозяйственных продуктов, достигнуты не были. Выполнение плана производства зерна колебалось от 88 % в 1959 г. до 92 % – в 1962 г. и 66 % – в 1963 г., мяса – от 73 % в 1961–1963 гг. до 54 % – в 1964 г. Даже в 1964 г., в наиболее благоприятных для земледелия погодных условиях, уровень производства зерна был на 9 % или 15,8 млн т ниже расчетных показателей, по картофелю – на 36 % или 50 млн т. В засуху 1963 г. был собран самый низкий за семилетку объем зерна – 107,5 млн т, что и обусловило закупки 9,5 млн т импортного зерна. Резонно полагать, что какая-то часть зарубежного хлеба оказалась и в государственных резервах.

Следствием засухи стали невыполнение плана производства сельхозпродукции, срыв выполнения годовых планов закупок. Так, за период 1959–1964 гг. выполнение планов закупок зерна составляло от 68 % в 1963 г. до 82 % – в 1961 г.⁴ Только в 1964 г. план закупки зерна

² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 771. Л. 6.

³ Там же. Оп. 3. Д. 183. Л. 197.

⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 64. Д. 145. Л. 22–23.

был перевыполнен на 2 %, сахарной свеклы – на 8 %, картофеля – на 4 %. В значительной степени, это превышение было достигнуто за счет применения мер административного характера, которые продолжали практику засушливого 1963 г. Как говорил П.Е. Шелест на мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС, в 1964 г. республику необоснованно обязывали продать государству 1 млрд пудов хлеба, даже в ущерб животноводческой отрасли: «если бы мы пошли на это, то наверняка погубили бы животноводство в республике и окончательно подорвали бы и так до предела напряженный баланс страны в продуктах животноводства» [1, с. 38]. В тоже время, несмотря на давление партийных и советских органов, выполнение плана закупок скота и птицы в стране составило 88 %, а молока – 98 %.

Необходимо отметить, что в годы семилетки в сравнении с предшествующим периодом, постоянно увеличивался удельный вес госзакупок в общем производстве зерна, масличных культур, а особенно – в продуктах животноводства. Если в 1959 г. государство закупало 39 % от валового производства зерна, то в 1964 г. – 45,1 %, скота и птицы – соответственно 53 и 60 %, молока – 41 и 50 %, яйца 22 и 31 %, соответственно. Если сравнивать объемы производства и закупок основных видов продукции в 1958 и 1964 гг., то обнаруживается более существенная разница. Так, в 1958 г. закупки зерна при его производстве в 134,7 млн т составляли 56,6 млн т, а в 1964 г. – 68,2 из 151 млн т или на 20 % больше. Закупки скота и птицы в 1964 г. по сравнению с 1958 г. возросли на 46 %, при том, что в 1958 г. было произведено 12,3 млн т, а в 1964 г. – 13,4 млн т⁵. Нарастание объемов закупок происходило в условиях, когда сельхозпредприятиям становилось все труднее выполнять государственные планы по продаже сельхозпродукции.

Во-первых, несмотря на повышение закупочных цен в 1962 г., в первой половине 1960-х гг. государственные закупки по большинству видов продукции проводились, по большей части, по ценам, не возмещающим производственные затраты. Фактически только производство технических культур было рентабельным.

Во-вторых, кроме запланированных поставок государство вынуждало принимать повышенные социалистические обязательства и продавать во все возрастающих объемах не только фуражное, но и семенное зерно. При этом практически сразу же после реализации зерна государству хозяйства обращались в госрезервы и приобретали семена и фураж с определенными финансовыми потерями для себя. В 1962 г. из государственных ресурсов хозяйствам было продано 1 млн 373 тыс. т семенного зерна, в 1965 г. – около 2 млн т⁶.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 145. Л. 22–23.

⁶ Там же. Л. 29.

В-третьих, установившаяся практика продажи сельхозпродукции «под чистую», привела не только к сужению возможностей колхозного рынка, но и резкому сокращению объемов натуральной оплаты труда — с 1000 кг в 1955 г. — до 490 кг в 1963 г. Даже в наиболее урожайном 1964 г. на производственные нужды и для натуральной оплаты колхозникам хозяйствами было выделено на 1,2 млн т зерна меньше, чем в 1962 г. Если в 1960 г. колхозники получили 108 млн ц зерна, то в 1963 г. только 75⁷. Как информировали ЦК КПСС, на местах, в районах, административным порядком запрещали колхозам продавать продукцию на колхозных рынках до тех пор, пока план госзакупок по данному продукту не выполнит весь район, область и даже республика.

В итоге, при повышенном изъятии объемов сельхозпродукции в колхозах и совхозах в порядке закупок, потребности сельского населения все в большей мере должны были удовлетворяться за счет госрезервов. По данным ЦСУ СССР, потребности колхозников в хлебе в период 1960–1963 гг. удовлетворялись за счет следующих источников (млн. ц.)⁸:

	1960 г.	1962 г.	1963 г.
Получено колхозниками в колхозах	108	98	75
Куплено колхозниками в системе торговли	38	43	47

Как отмечал Госплан СССР (1965 г.), в практике закупок сельхозпродуктов существовало уравнильное распределение заданий между колхозами и совхозами, без учета специализации хозяйства, степени оснащенности средствами производства, наличия рабочей силы и т.д. Действовал принцип погектарного распределения планов между хозяйствами района. В результате, колхозы и совхозы получали планы продажи государству буквально по всем продуктам, которые производились в данной области или районе (до 30–40 видов). Им приходилось продавать государству по 3–5 т картофеля, 2–3 т сена и т.п.⁹

В своей информации в ЦК КПСС Госплан СССР (март 1965 г.) отмечал серьезные недостатки в действующем порядке реализации товарной продукции сельского хозяйства, которые негативно отражались не только на состоянии сельхозпредприятий, но и жизненном уровне колхозников и работников совхозов. В планы госзакупок в годы семилетки (1959–1964 гг.) включалась не только товарная продукция, но и значительная часть валовой продукции, которая должна было направляться на расширение производства, натуральную оплату труда колхозникам и продажу по льготным ценам рабочим совхозов. Товарная продукция: зерно, мясо и молоко почти полностью реализовывалась в порядке госзакупок.

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 145. Л. 30.

⁸ Там же. Л. 36.

⁹ Там же. Л. 37.

Как отмечалось выше, с каждым годом росли объемы продажи хозяйствам зерна на семена и фуражные цели из госрезервов. Если в 1960 г. на фураж из резервов государства было отпущено 4 млн т (9 % к заготовкам зерна), то в 1965 г. — 6,3 млн т. Поставки зернофуража из государственных резервов хозяйствам осуществлялись неритмично, что привело к перебоям в кормлении скота, снижению привеса и нерациональному использованию. Закупаемый у государства зернофураж главным образом использовался на поддержание невысокого уровня кормления, а не на повышение продуктивности животных.

На мартовском (1965 г.) пленуме ЦК КПСС партийное руководство признавало, что плановые показатели по закупкам зерна в годы семилетки были нереальны, что и влияло на их выполнение. За 1955—1964 гг. планы выполнялись только три раза — в 1956, 1958 и 1964 гг. [1, с. 10].

В ходе подготовки проектов постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Госплан СССР направил свои рекомендации по изменению практики заготовок. Во-первых, для создания условий планомерного развития производства в колхозах и совхозах, предлагалось довести пятилетний план закупок сельхозпродукции по годам пятилетки до каждого хозяйства и в дальнейшем стремиться к неизменности этого плана. Во-вторых, запретить республиканским и местным органам изменять планы закупок для хозяйств в течение года и по годам пятилетки, а также давать хозяйствам какие-либо сверхплановые задания. В-третьих, осудить практику «рапортов» о досрочном выполнении планов, так как это нарушает нормальную хозяйственную деятельность колхозов и совхозов, в то время как для народного хозяйства необходимости в этом нет. В-четвертых, предоставить самим хозяйствам планировать производство, исходя из госзаказа по закупкам сельхозпродукции¹⁰.

Кроме того, Госплан предлагал планы закупок для хозяйств доводить с учетом перспективы их развития и специализации, а также природных, экономических условий. В связи с этим ставились следующие задачи¹¹:

а) с целью доведения плана закупок на 1966—1970 гг. с учетом специализации хозяйств, обязать республиканские и местные органы уже в 1965 г. завершить определение специализации всех колхозов и совхозов на основе предложений самих хозяйств (без ущерба для планов сдачи государству областью);

б) объемы закупок для каждого хозяйства устанавливать с учетом обеспечения потребности хозяйства в натуральных продуктах для дальнейшего роста производства и удовлетворения личных потребностей колхозников и рабочих совхозов;

¹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 768. Л. 123.

¹¹ Там же. Ф. 5. Оп. 64. Д. 145. Л. 41—46.

в) в основу госзакупок положить договорные отношения хозяйств с заготовителями и, прежде всего, непосредственные связи хозяйств с промышленными предприятиями и торговлей;

г) дополнительную сверхплановую продажу сельхозпродуктов государству производить по решению самого хозяйства, без понуждения сверху;

д) запретить местным органам чинить какие-либо препятствия в продаже продукции колхозами, выполнившими план закупок по данному продукту, и колхозникам на колхозном рынке, независимо от выполнения плана закупок по району, имея ввиду, что развитие колхозной торговли играет положительную роль в удовлетворении потребностей населения;

е) полнее использовать экономические рычаги, и, прежде всего, закупочные (сдаточные) цены и систему государственного кредитования в интересах осуществления полного государственного расчета;

д) добиваться, чтобы закупочные цены обеспечивали рентабельность производства.

Понимая, что существующая заготовительная система приводит к ухудшению экономического состояния сельского хозяйства, росту числа убыточных предприятий Президиум ЦК, а затем и пленум ЦК установили твердые, неизменные на восьмью пятилетку (1966–1970 гг.) объемы закупок зерна. Одновременно принималось положение о продаже хлеба сверх установленного планом задания в объеме 8–10 млн т по повышенным ценам.

Однако и сокращенные объемы продажи зерна государству (55,7 млн т вместо 68,2 млн т в 1964 г.) тяжелым бременем ложились на хозяйства, которые в своем большинстве не хотели продавать хлеб сверх плана даже по повышенным ценам. Это вызвало негативную реакцию руководства страны, следствием которой стало применение мер административного, принудительного характера, что сказалось на результатах хлебозаготовок. Сверх плана государству было продано по повышенным ценам в 1966 г. – 20 млн т, в 1967 г. – 14 млн т, в 1968 г. – 22 млн т, в неурожайном 1969 г. – 14 млн т. В среднем за 1966–1969 гг. доля сверхпланового зерна составляла к плану закупок – 31 %. Но многие хозяйства не выполнили базовых обязательств и значительная часть сверхплановых закупок пошла на покрытие недобора зерна по твердому плану. Так, за период 1966–1969 гг. планы закупок кукурузы были выполнены лишь на 56 %, овса – на 80, ржи – 82, проса – 85 %¹².

Несмотря на положительную динамику в целом закупок зерна, Л.И. Брежнев на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС отметил, что объемы производства зерна в стране растут, но одновременно хо-

¹² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 173. Л. 52–54.

зяйства почему-то все больше хлеба оставляют для собственных нужд. Так, если в 1966 г. из собранных 171 млн т зерна хозяйства оставили для собственных нужд (семена, натуроплата колхозникам, для продажи на колхозном рынке или обмена на другую продукцию) более 95 млн т, то в 1967 г. из 147,9 млн т — 90, а в 1968 г. из 169,5 млн т — более 100 млн т. Брежнев сокрушался: «На селе торгуют мясом. Начали проявляться трудности в обеспечении населения в продовольствии. Предстоит на пленуме и Политбюро разобраться <...>»¹³.

Невыполнение Директив XXIII съезда КПСС в области производства и продажи государству животноводческой продукции, а также ряда сельхозкультур, привели к обострению проблемы обеспечения населения продовольствием. Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков предупредил участников декабрьского (1969 г.) пленума ЦК КПСС: «что в 1970 г. будет ощущаться напряжение в обеспечении населения некоторыми видами пищевой продукции, и прежде всего, мясом и растительным маслом»¹⁴. Он сообщил о вынужденной закупке в 1970 г. около 100 тыс. т импортного мяса на сумму 60 млн руб., о сокращении экспорта мяса и растительного масла. Пленум был информирован и о том, что, практика выделения зерна на корм скоту не только продолжалась, но и увеличилась в объемах. В 1969 г. на эти цели было выделено уже 15 млн т или 27 % от объемов заготовок¹⁵.

Таким образом, в 1960-е гг. аграрная политика государства так и не принесла желаемых результатов. Несмотря на увеличение объемов производства сельхозпродукции, постоянно возникали проблемы с продовольственным обеспечением населения и пополнением госрезервов, что приводило к росту объема импорта.

Литература

1. Мартовский пленум ЦК КПСС. 24–26 марта 1965 г. Стенографический отчет. М., 1965.

¹³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 173. Л. 15, 17, 17 об.

¹⁴ Там же. Л. 52–54.

¹⁵ Там же. Л. 15.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Анализируется процесс формирования новой налоговой системы сельского хозяйства в России в период перехода к рыночной экономике. Рассматриваются проблемы введения единого сельскохозяйственного налога.

Ключевые слова: аграрная политика, налоговая реформа, единый сельскохозяйственный налог, земельный налог, сельскохозяйственные товаропроизводители.

Переход России к рыночной экономике вызвал необходимость создания новой налоговой системы, отвечающей современным требованиям. Проводимая в стране налоговая реформа коснулась и сельского хозяйства. Система обложения налогом сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств существует с 1991 г. В соответствии с законом Российской Федерации от 11 октября 1991 г. № 1738-1 «О плате за землю» сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства, межхозяйственные предприятия и организации, кооперативы и другие сельскохозяйственные предприятия платили земельный налог так же, как и сельскохозяйственные предприятия индустриального типа (птицефабрики, тепличные комбинаты, зверосовхозы, животноводческие комплексы и другие, имеющие самостоятельный баланс). В последующие годы налоговая система корректировалась путем введения дополнительных налогов или отмены уже существующих, но коренных изменений не происходило.

После 1991 г. уровень общей поддержки сельского хозяйства в Российской Федерации был значительно ниже среднего аналогичного показателя в странах ЕС и ОЭСР. Данное обстоятельство значительно снижало конкурентоспособность российских сельскохозяйственных товаропроизводителей, даже несмотря на то, что уровень налоговой нагрузки по виду экономической деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» составлял около половины среднего уровня по видам экономической деятельности. Наибольший удельный вес в платежах сельского хозяйства составляли налоги на добавленную стоимость (НДС) и земельный налог. Оценивая общую структуру налого-

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянске-на-Кубани.

вых и других обязательных платежей, уплачиваемых сельскохозяйственными товаропроизводителями, основная нагрузка приходилась на страховые взносы и федеральные налоги (кроме налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций). Использование ставки НДС в размере 10 % на реализуемую сельскохозяйственную продукцию, а также диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию приводили к значительному возмещению данного налога из бюджета [3, с. 23–26].

Идея установить на территории Российской Федерации специальный налог или налоговый режим, касающийся обложения сельскохозяйственных товаропроизводителей, выдвигалась в течение 1995–2000 гг. С подобными законопроектами в Государственную Думу обращались многие субъекты Российской Федерации. Впервые в современной России в августе 1996 г. в Белгородской области был введен единый продовольственный налог с сельскохозяйственных производителей. Базовая ставка налога рассчитывалась в продовольственной пшенице с гектара пашни. Остальные продукты пересчитывались по установленным коэффициентам. Ставки варьировали по районам в зависимости от качества земли. Сбором и реализацией продналога занималась Продовольственная корпорация. Для сельскохозяйственных предприятий присоединение к системе продналога не было обязательным – они могли сохранить прежние платежи. В 2000 г. система сельхозналога в области была отменена как противоречащая федеральному законодательству.

В 1999 г. в ряде регионов страны также начались эксперименты с единым сельскохозяйственным налогом: в Тюменской области, в Лысогорском районе Саратовской области. Суть Саратовского опыта состояла в том, что большинство уплачиваемых сельхозпроизводителями налогов, а именно: НДС, налог с продаж, налог на прибыль, на имущество, земельный налог, ресурсные платежи, за загрязнение окружающей среды, платежи в государственные внебюджетные фонды, местные налоги, даже подоходный налог с физических лиц – были заменены уплатой единого налога. Ставка налога начислялась с гектара сельхозугодий с учетом корректировки в зависимости от качества земель. Рассчитывалась ставка на основе суммы начисленных налогов и других обязательных платежей в среднем на три года, предшествующих введению единого налога, отдельно по каждой категории сельхозтоваропроизводителей. Налог уплачивался ежеквартально, но с учетом сезонности. В первый и второй кварталы производители платили по 10 % от годовой суммы налога, а в третий и четвертый – по 40 %. В случае досрочной уплаты годовой суммы налога полностью предоставлялась льгота от 5 до 20 %. За 4 года эксперимента налог показал свою эффективность. Плательщиков удовлетворяла простота расчета налога, резкое сокращение и упрощение отчетности, отсутствие фис-

кальных проверок. За время эксперимента ежегодно уплачиваемая сумма налога в три раза превысила первоначальный базовый уровень. Отсутствовала задолженность по платежам в бюджет и во внебюджетные фонды. После прекращения эксперимента сумма уплаченных налогов стала заметно сокращаться [1].

С 2002 г. специальный налоговый режим для сельскохозяйственных производителей в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) стал применяться повсеместно. Введение данного режима было направлено на упрощение порядка налогообложения субъектов сельского хозяйства, а также изъятие рентного дохода, образующегося в данной отрасли через налогообложение. В 2002–2003 гг. действовал рамочный федеральный закон, предусматривающий право субъектов Федерации вводить соответствующий закон на региональном уровне. Этим правом воспользовались лишь Краснодарский край и Брянская область. В соответствии с положениями прежней редакции Налогового кодекса РФ налоговая ставка по единому сельскохозяйственному налогу устанавливалась в рублях с одного сопоставимого по кадастровой стоимости гектара сельскохозяйственных угодий.

Практика применения единого налога выявила ряд серьезных недостатков, связанных с неспособностью значительной части сельскохозяйственных производителей использовать специальный налоговый режим. Например, установленная в Брянской области единая ставка налога (20,53 руб.) способствовала перераспределению налоговой нагрузки с передовых хозяйств на отстающие. Она определялась как отношение 1/4 суммы налогов и сборов, подлежащих уплате сельхозпроизводителями в бюджеты всех уровней в соответствии с общим режимом налогообложения за предшествующий календарный год, за исключением налогов и сборов, обязанность по уплате которых сохранялась при переходе на уплату единого налога, к сопоставимой по кадастровой стоимости площади сельхозугодий. Кадастровая оценка земли в области отличалась в разы – от 3 927 руб. до 17 622 руб. за гектар. Расчет ставки налога по каждому хозяйству показал, что для крепких хозяйств она превысит 583 руб., а для других составит не более 60 коп. Это поставило сельхозпроизводителей в неравные условия.

Немаловажную роль играло и количество земли, закрепленное за производителем. При переходе на ЕСХН иметь необрабатываемую землю было невыгодно. Многие сельхозпроизводители стали отказываться от таких земель, и в области образовался фонд не востребуемых земель. В итоге переход на уплату единого сельхозналога для крепких хозяйств явился благом, а для слабых – непосильным бременем. Это не могло не сказаться на собираемости налога. За 1 полугодие 2003 г. из 49,4 млн руб. исчисленного налога поступило в бюджет лишь 10,3 млн руб. (20,8 %) [1]. Это в конечном итоге привело к введению в

2004 г. принципиально иного подхода к налогообложению отрасли. Федеральным законом от 11 ноября 2003 г. № 147-ФЗ «О внесении изменений в гл. 26.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие акты законодательства Российской Федерации» был существенно изменен специальный налоговый режим, предусматривающий льготные условия налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Суть изменений заключалась в том, что ЕСХН стал федеральным налоговым режимом прямого действия в соответствии со ст. 346.1 Налогового кодекса РФ. Кроме того, гл. 26.1 Налогового кодекса РФ закрепила право налогоплательщиков на добровольность перехода к уплате ЕСХН. Одновременно была сохранена альтернатива – данный налоговый режим существует наряду с общим режимом налогообложения. Это значит, что занятые в сельскохозяйственном производстве и удовлетворяющие требованиям гл. 26.1 Налогового кодекса РФ организации и индивидуальные предприниматели имели право сами принять решение – переходить на данную систему, или же применять общий режим налогообложения. То есть, перейти на ЕСХН – это право, а не обязанность фирм и организаций. Сохранилась и возможность впоследствии, уплачивая ЕСХН, перехода на общий или иной режим налогообложения. Это прямо указано в п. 7 ст. 346.3 Налогового кодекса РФ².

Как следует из названия налогового режима – «единый сельскохозяйственный налог», уплата данного налога заменяет собой совокупность налогов, подлежащих уплате при применении общей системы налогообложения. Перечень налогов, от которых освобождаются налогоплательщики, перешедшие на уплату ЕСХН, установлен ст. 346.1 Налогового кодекса РФ.

Итак, единый сельскохозяйственный налог заменяет собой уплату трех налогов. Первый заменяемый налог – налог на прибыль. Сельскохозяйственные товаропроизводители освобождены от уплаты налога на прибыль от сельскохозяйственной деятельности. Но здесь важно помнить, что налогообложению подлежит прибыль от прочей деятельности предприятия, не являющейся сельскохозяйственной.

В п. 1.3 ст. 284 НК РФ установлено, что для сельскохозяйственных товаропроизводителей, отвечающих критериям, предусмотренным п. 2 ст. 346.2 настоящего Кодекса, и рыбохозяйственных организаций, отвечающих критериям, предусмотренным пп. 1 или 1.1 п. 2.1 ст. 346.2 настоящего Кодекса, налоговая ставка по деятельности, связанной с реализацией произведенной ими сельскохозяйственной продукции, а также с реализацией произведенной и переработанной данными нало-

² Налоговый кодекс РФ. URL: <http://www.nalkod.ru/glava26-1> (дата обращения: 28.10.2014).

гоплательщиками собственной сельскохозяйственной продукции, устанавливается в размере 0 %³.

Второе – сельскохозяйственные предприятия не уплачивают налог на имущество.

Третий заменяемый налог – НДС. При переходе на специальный режим налогообложения прекращаются обязательства по уплате НДС. Исключение составляет НДС, который должен быть уплачен фирмами при ввозе товаров через таможенную границу Таможенного союза в соответствии с Налоговым кодексом РФ и Таможенным кодексом Таможенного союза.

Индивидуальные предприниматели также освобождались от обязанности по уплате налога на доходы физических лиц с доходов, полученных от предпринимательской деятельности, и от налога на имущество физических лиц, используемое для осуществления предпринимательской деятельности. С налогом на добавленную стоимость ситуация аналогичная – предприниматель освобождался от обязанности уплаты этого налога, кроме случаев ввоза товаров через таможенную границу РФ.

Индивидуальные предприниматели при переходе на уплату единого сельскохозяйственного налога несли обязанность по уплате страховых взносов, исчисляемых, исходя из стоимости страхового года.

Иные налоги и сборы должны уплачиваться организациями, перешедшими на уплату единого сельскохозяйственного налога, в соответствии с общим режимом налогообложения.

Статус лиц, относящихся к сельскохозяйственным товаропроизводителям, постоянно уточняется. К ним относятся организации и индивидуальные предприниматели при соблюдении ими следующих условий: осуществление производства, первичной и промышленной переработки (в том числе на арендованных основных средствах), последующая реализация сельскохозяйственной продукции. Доля дохода от реализации произведенной сельскохозяйственной продукции в общем доходе от сбыта товаров (выполнения работ, услуг) должна составлять не менее 70 %. Структура налоговых обязательств по единому сельскохозяйственному налогу в федеральных округах страны в 2007 г. была следующей. Половина общих обязательств по налогу сформировалась в Южном федеральном округе. На Центральный и Приволжский федеральные округа приходится по 15 % суммарных налоговых обязательств, Сибирский – 10 %, Уральский – 4, Северо-Западный и Дальневосточный по 3 %. Таким образом, вариант единого сельскохозяйственного налога в редакции Налогового кодекса РФ образца 2004 г. (налоговая база – «доходы за вычетом расходов») значительно снизил

³ Налоговый кодекс РФ. URL: <http://www.nalkod.ru/glava26-1> (дата обращения: 28.10.2014).

уровень налоговой нагрузки в целом на аграрный сектор. При этом общий уровень налоговых обязательств в 2004–2007 гг. во всех субъектах Федерации, применявших этот налог, был сопоставим с уровнем налоговых обязательств налогоплательщиков одного только Краснодарского края за полугодие 2002 г. при прежнем варианте единого сельскохозяйственного налога (налоговая база – «сопоставимая по кадастровой стоимости стоимость сельскохозяйственных угодий») [4, с. 72–75].

Введение единого сельхозналога имеет следующие положительные моменты:

- сокращается количество начисляемых и уплачиваемых налогов;
- сокращается сумма уплачиваемых налогов для слабых и средних хозяйств;

- упрощается ведение бухгалтерского учета;
- добровольность выбора режима налогообложения.

Отрицательные моменты:

- для предприятий с высоким уровнем производства теряется сумма возмещаемого бюджетом НДС;

Организации, начисляющие единый сельхозналог, освобождаются от налога на прибыль и налога на имущество. Индивидуальные предприниматели – от налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и налога на имущество физических лиц. Прочие налоги и сборы нужно платить в общем порядке. В частности, с зарплаты сотрудников надо делать страховые платежи во внебюджетные фонды (в период с 2011 по 2014 г. – по пониженным тарифам), удерживать и перечислять НДФЛ.

Переход на уплату единого сельскохозяйственного налога не влияет на выполнение плательщиками их обязанностей как налоговых агентов. Сохраняется обязанность исчислять, удерживать у налогоплательщиков и перечислять в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налоги. На это указывает п. 4 ст. 346.1 Налогового кодекса РФ.

Соответственно на организации возлагаются следующие обязанности:

- правильно и своевременно исчислять соответствующие налоги, удерживать их из средств, выплачиваемых налогоплательщикам, и перечислять в бюджеты (внебюджетные фонды);

- в течение одного месяца письменно сообщать в налоговый орган по месту своего учета о невозможности удержать налог у налогоплательщика и о сумме задолженности налогоплательщика, если таковая имеется;

- вести учет выплаченных налогоплательщикам средств, удержанных и перечисленных в бюджеты (внебюджетные фонды) налогов, в том числе персонально по каждому налогоплательщику;

- представлять в налоговый орган по месту своего учета документы, необходимые для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов.

Однако не все организации, занятые аграрным бизнесом, могут перейти на уплату ЕСХН. Для этого фирма должна соответствовать

критериям сельскохозяйственного производителя, установленным ст. 346.2 Налогового кодекса РФ, в частности:

1) организации и предприниматели вправе перейти на ЕСХН, если они производят сельскохозяйственную продукцию, а также осуществляют ее первичную и последующую (промышленную) переработку;

2) доход от реализации произведенной ими сельхозпродукции (включая продукцию первичной переработки) должен составлять не менее 70 %;

3) предприятия на ЕСХН не должны заниматься производством подакцизных товаров, заниматься организацией и проведением азартных игр. ЕСХН также недоступен для бюджетных учреждений, казенных и автономных.

Таким образом, фирма, не производящая сельхозпродукцию, а только закупающая и перерабатывающая ее, не является сельскохозяйственным товаропроизводителем. Соответственно, она не имеет права перейти на ЕСХН.

Налогоплательщиками ЕСХН признаются организации, индивидуальные предприниматели и крестьянские (фермерские) хозяйства, перешедшие на данный налоговый режим и являющиеся сельскохозяйственными товаропроизводителями. Для целей налогообложения ЕСХН ст. 346.2 Налогового кодекса РФ раскрывает понятие «сельскохозяйственные товаропроизводители», определяет критерии отнесения налогоплательщиков к сельскохозяйственным товаропроизводителям. Переход на уплату ЕСХН является для компаний добровольным и требует соблюдения ряда условий. Организация должна быть признана сельхозпроизводителем, то есть удовлетворять следующим характеристикам (п. 2 ст. 346.2 Налогового кодекса РФ):

- производить сельскохозяйственную продукцию;
- проводить ее первичную и промышленную переработку (в том числе на арендованных основных средствах);
- продавать ее.

При этом доля дохода от реализации произведенной сельхозпродукции, включая продукты первичной переработки из сырья собственного производства, должна составлять не менее 70% в общем доходе. В том случае, если организация самостоятельно не производит сельскохозяйственную продукцию, она не может быть признана сельхозпроизводителем. Компания должна сама нести расходы, которые связаны с переработкой, выполняя ее собственными силами без привлечения к процессу третьих лиц. Поэтому спецрежим нельзя применять при производстве продукции из покупного сырья, а также при его переработке на давальческих условиях.

Главным условием, позволяющим применять ЕСХН, является ведение организацией производственной деятельности и получение доходов от реализации. При этом, если компания не получила их по

независящим от нее причинам, например в связи с гибелью посевов из-за аномальных погодных условий, она все равно утрачивает право на применение спецрежима. Кроме того, если хозяйство не имело в первом полугодии доходов, то это еще не означает, что оно утратило право на продолжение применения спецрежима, так как год еще не закончился. Тем не менее, возможность продолжения уплаты ЕСХН в 2014 г. при отсутствии доходов в 2013 г. предусмотрена лишь для хозяйств, вновь созданных в этом году. Расчетный период представляет собой год, предшествующий году подачи данных в налоговую инспекцию о переходе на уплату единого сельскохозяйственного налога. Право на применение спецрежима в виде уплаты единого сельскохозяйственного налога зависит от соотношения доходов. Поэтому важно понимать, какие показатели принимают участие в расчете положенного ограничения по выручке. Перечислим основные правила:

- при расчете стоимостного лимита учитывается выручка только от реализации собственной сельскохозяйственной продукции и продуктов ее первичной переработки;
- в расчете не принимают участие поступления от промышленной переработки;
- положенный лимит выручки определяется за полный календарный год, а не по итогам отчетного периода, которым является полугодие.

При расчете положенной процентной доли не учитываются доходы от реализации:

- доли в уставном капитале;
- имущественных прав, например уступки прав требования;
- сельскохозяйственной продукции, произведенной на давальческих началах сторонней организацией или сторонним индивидуальным предпринимателем.

Нельзя также учесть поступления:

- от сдачи имущества в аренду или субаренду, если это не основной вид деятельности;
- в качестве возмещения убытков в связи с изъятием объектов недвижимого имущества для размещения олимпийских объектов федерального значения;
- субсидий из бюджета на возмещение затрат по ликвидации последствий засухи.

Алгоритм расчета доли дохода зависит от того, какие виды переработки сельхозпродукции проводятся в компании. Рассмотрим варианты.

Продукция первичной переработки должна соответствовать определенным требованиям. Она удовлетворяет им, если:

- изготавливается из сельскохозяйственного сырья собственного производства;

- прошла технологические операции переработки для сохранения ее качества и обеспечения длительного хранения;
- применяется в виде сырья в промышленной переработке или просто продается.

Компаниям, которые проводят исключительно первичную переработку, для перехода на уплату ЕСХН или подтверждения права его применения достаточно вычислить долю выручки от реализации произведенной сельхозпродукции и продукции ее первичной переработки в общем доходе. Она представляет собой частное от деления двух показателей:

- в числителе дроби стоит сумма доходов от реализации сельхозпродукции, а также продуктов ее первичной переработки;
- в знаменателе – общая выручка от реализации.

Если полученная доля дохода составит 70% и более, значит, организация вправе применять спецрежим [5, с. 12].

Государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей осуществляется в основном в форме субсидий, предоставляемых на условиях долевого финансирования целевых расходов. Государственное финансирование сельского хозяйства различается по видам и направлениям поддержки, которая в соответствии с бюджетным законодательством может осуществляться из федеральных, региональных бухгалтерского учета и местных источников. Субсидии выделяются на содержание племенного маточного поголовья сельскохозяйственных животных, племенных быков-производителей, на приобретение племенного молодняка крупного рогатого скота в племенных стадах, элитных семян сельскохозяйственных культур, на возмещение части затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей на 1 л (кг) реализованного товарного молока, для оказания несвязанной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям в области растениеводства.

Субсидии, предоставляемые сельскохозяйственным товаропроизводителям, подлежат включению в состав доходов, учитываемых при расчете налога на прибыль (УСНО, ЕСХН), вне зависимости от цели, ради достижения которой они выделены [2, с. 69–78].

Компании, относящиеся к категории сельскохозяйственных товаропроизводителей, но не перешедшие на ЕСХН, в 2011 и 2012 гг. начисляли налог на прибыль по нулевой ставке. В период с 2013 по 2015 гг. ставка налога на прибыль для них составит 18 %. Начиная с 2016 г. сельхозпроизводители на общей системе будут платить налог на прибыль по общей ставке 20 %. По данным налоговых органов в России единый сельскохозяйственный налог уплачивают 50,2 тыс. налогоплательщиков, среди них 18,4 тыс. организаций, 11,6 тыс. предпринимателей и 20,2 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств. По подсчетам специалистов Минсельхоза России, в хозяйствах, перешед-

ших на уплату единого сельскохозяйственного налога, сумма налоговых платежей может сократиться примерно на одну треть [1]. Следует отметить, что совокупная налоговая нагрузка на сельскохозяйственный сектор существенно ниже, чем в других отраслях экономики. В последние годы она составляла в среднем 3 % от валовой продукции всего сектора или около 6 % от выручки от реализации продукции.

На первый взгляд специальный режим налогообложения ЕСХН вполне выполняет свою функцию и дает возможность организациям - сельскохозяйственным товаропроизводителям оптимизировать налоговую нагрузку, тем самым стимулируя развитие бизнеса. Вместе с тем, более детальный анализ данного вопроса позволяет сделать несколько иные выводы.

Один из доводов о преимуществе перехода на ЕСХН в виде упрощенного порядка ведения бухгалтерского учета не является столь весомым. Фактически все сельскохозяйственные товаропроизводители, даже совсем небольшие, имеют укомплектованную бухгалтерию. Более того, с 2013 г. вступают в законную силу изменения, касающиеся унификации бухгалтерского учета на всей территории РФ. На основе вышеизложенного необходимо отметить, что переход на уплату ЕСХН не дает значительной экономии по налогам в сравнении с общим режимом налогообложения, скорее, наоборот, приводит к увеличению налоговой нагрузки.

По мнению ряда авторов, массовый переход сельскохозяйственных организаций на специальный налоговый режим без гармонизации отношений между теми, кто находится на общем режиме налогообложения и специальных налоговых режимах без НДС, привел, к сожалению, к колоссальным экономическим потерям предприятий данной сферы, многократному увеличению преступлений в этой отрасли экономики, связанных с незаконным возмещением НДС.

Таким образом, преимущества ЕСХН, связанные с освобождением от налога на прибыль, налога на имущество организаций и пониженными тарифами по взносам в социальные фонды, незначительны либо их совсем не имеется, а «освобождение» от уплаты НДС оборачивается 10-процентным налогом с оборота при реализации сельхозпродукции покупателям, находящимся на общем режиме налогообложения.

Финансово устойчивым организациям, соблюдающим расчетно-платежную дисциплину, имеющим прибыль от хозяйственной деятельности и осуществляющим техническое перевооружение, переход на ЕСХН не дает экономии по налогам по сравнению с общим режимом налогообложения, скорее, наоборот, увеличивает налоговую нагрузку, что в результате замедляет поступательное развитие организации.

Сравнительный анализ ЕСХН и общего режима налогообложения показывает, что ЕСХН выгоден только тем предприятиям, которые не

ориентированы на техническое перевооружение, где преобладает ручной труд или «серые» схемы приобретения ресурсов.

По мнению некоторых авторов, и ЕСХН, и УСН должны быть исключительными режимами для самых малых предприятий, необходимо законодательно ограничить пороги деятельности на таких режимах единицами миллионов рублей, как в большинстве зарубежных стран. Необходимо отметить, что в отношении ЕСХН с 2013 г. были законодательно ликвидированы некоторые спорные моменты и неясности, а именно были внесены следующие изменения:

- возможность изъятия воли применять данный специальный налоговый режим вплоть до последнего дня года, предшествующего году, в котором налогоплательщик намерен уплачивать ЕСХН;

- право на применение ЕСХН для вновь созданных организаций, перешедших на уплату ЕСХН, сохраняется при соблюдении прочих равных условий, даже если отсутствовали доходы от реализации произведенной сельхозпродукции за налоговый период;

- при изменении официального курса валют не нужно проводить переоценку имущества в виде валютных ценностей, требований и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте, соответственно не потребуются признавать в доходах и расходах положительную и отрицательную курсовую разницу;

- в случае возврата ранее полученных авансов следует уменьшать доходы того налогового периода, в котором произведен возврат;

- при определении налоговой базы по ЕСХН сумма исчисленного и уплаченного ЕСХН не учитывается.

Однако приходится констатировать, что данные изменения никак не коснулись дискуссионных вопросов, освещенных выше, следовательно, данные проблемы в настоящее время остаются нерешенными.

Таким образом, реформирование налоговой системы не должно сводиться только к предоставлению новых налоговых льгот взамен ликвидируемых, а может быть направлено на обеспечение таких условий налогообложения, которые бы учитывали специфику экономической деятельности, в т.ч. особенности формирования финансовых потоков в сельском хозяйстве [6, с. 53–58].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что ЕСХН несколько снизил налоговую нагрузку на аграрный сектор, однако и он нуждается в дальнейшем совершенствовании и уточнении в интересах всех сельхозпроизводителей.

Литература

1. Барулин С.В., Ермакова Е.А., Степаненко В.В. Налоговый менеджмент. URL http://www.gramotey.com/?open_file=1269105438#ТОС_idm140305354055376 (дата обращения: 28.10.2014).

2. *Давыдова О.В.* Сельскохозяйственные товаропроизводители: налогообложение субсидий // Пищевая промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 6.

3. *Рыманов А.Ю.* Налогообложение и поддержка российских сельскохозяйственных товаропроизводителей // Налоги. 2011. № 3.

4. *Рыманов А.Ю.* Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей: региональные сопоставления // Экономист. 2009. № 1.

5. *Толмачев И.А.* Специальные налоговые режимы: ЕСХН, УСН, ЕНВД 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

6. *Туфетулов А., Давлетишин Т., Синникова Ю.* Проблемы и перспективы применения спецрежима для сельхозпроизводителей // Налоговый вестник. 2013. № 3.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ АГРАРНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ 1990-Х ГГ.

На материалах областей Центрального Черноземья автор выявляет особенности налогообложения основных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях реформирования аграрного строя в 1990-е гг.

Ключевые слова: налогообложение, аграрная реформа, фермеры, сельскохозяйственные предприятия, Центральное Черноземье.

Реформирование аграрного строя в 90-е гг. XX столетия повлекло за собой изменение системы налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Налогообложению подлежали такие категории сельскохозяйственных товаропроизводителей, как сельхозпредприятия и фермерские хозяйства. Личные подсобные хозяйства населения, являясь по своей сути вспомогательными, не подлежали регистрации и, следовательно, не облагались налогами. Налоги для сельхозпредприятий и фермеров имели схожую структуру, включавшую налоги федерального значения, местные налоги и сборы, отчисления в пенсионный и другие внебюджетные фонды.

В самом начале аграрных преобразований был взят курс на предоставление сельскохозяйственным товаропроизводителям налоговых льгот. Налог на землю не должен был превышать 10 %. Однако, несмотря на это, тяжесть налогообложения для сельхозпроизводителей оставалась высокой. Косвенные налоги, число и размеры которых постоянно увеличивались, сводили на нет льготы, предоставлявшиеся при уплате прямых налогов. Так, при повышении цены продаж косвенный налог на добавленную стоимость (НДС) затруднял сбыт произведенной продукции. Поэтому на уплату этого налога сельхозпроизводителям приходилось тратить собственные оборотные средства, что влекло за собой новые неплатежи. Их задолженность перед бюджетом год от года росла. Иными словами, сельскохозяйственные товаропроизводители платили налоги, сборы и отчисления не только за

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

счет чистого дохода, но и за счет ресурсов простого воспроизводства, что приводило к вынужденному сокращению объемов производства.

Сложившаяся в сельском хозяйстве система налогообложения была направлена, прежде всего, на осуществление фискальной функции. Налоги взимались в основном с целью пополнения бюджета и внебюджетных фондов. Такие задачи, как развитие и стимулирование сельхозпроизводства, при взимании налогов не ставились. Практика налогообложения была запутанной и недостаточно «прозрачной». В работе фискальных органов отсутствовали ясность и четкость в разграничении полномочий.

Финансовая отчетность сельхозпроизводителей не отличалась прозрачностью. Примерно третья часть финансовой деятельности сельхозпредприятий в 1990-е гг. находилась в сфере неформальной экономики, следовательно, результаты этой деятельности были скрыты от налоговых органов [3]. Кроме того, далеко не все фермеры подавали в налоговые органы полные сведения. В 1992 г. из 348 обследованных фермерских хозяйств Липецкой области только 46 (или 13 %) вели первичный учет². Спустя время данный показатель несколько увеличился, но принципиальных изменений не произошло. По результатам выборочного статистического обследования фермерских хозяйств Липецкой области на начало 2000 г. лишь четвертая часть (25 %) опрошенных фермеров вели учет своей хозяйственной деятельности на основе официальных рекомендаций Министерства сельского хозяйства РФ. Остальные либо вели учет в произвольной форме (57 %), либо не вели его совсем (18 %)³.

В рамках политики оказания государственной поддержки фермерским хозяйствам в 1991–1993 гг. их владельцам в сравнении с другими товаропроизводителями было предоставлено большое количество налоговых льгот. В течение пяти лет с момента образования они освобождались от уплаты земельного и подоходного налогов. Льготы по уплате земельного налога распространялись на граждан, впервые организовавших фермерское хозяйство, за земельные участки, находившиеся в стадии освоения (см. ст. 12 п. 3 Закона РФ «О крестьянском (фермерском)» хозяйстве от 22 ноября 1990 г.)⁴. Как предприятия по производству, переработке и хранению сельскохозяйственной продук-

² Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-342. Оп. 67. Д. 5181. Л. 1.

³ Рассчитано: Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области (ТА Липецкстат). Оп. 7. Д. 12. Л. 3–383. Экономическая деятельность фермерских хозяйств (Анкеты выборочного обследования). 2000.

⁴ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327.

ции они не платили налог на имущество, а при условии, если удельный вес доходов от реализации сельхозпродукции составлял более 70 %, — освобождались от уплаты налогов в дорожные фонды, на пользователей автомобильных дорог, с владельцев транспорта и на приобретение автотранспортных средств. Имели место и льготы по уплате налога на прибыль и на добавленную стоимость. Фермеры не платили налог на прибыль от реализации произведенной и переработанной ими собственной сельхозпродукции. НДС платился только при наличии высокого оборота от реализации сельхозпродукции. Наконец, по решению местных властей фермерские хозяйства могли освобождаться и от уплаты некоторых местных налогов. Так, в Липецком районе Липецкой области фермеры не являлись плательщиками целевых сборов на содержание милиции и благоустройство территории⁵.

В обязательном порядке владельцы фермерских хозяйств производили отчисления в пенсионный и другие внебюджетные фонды, а также платили налоги, установленные местными властями: налог на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы, целевой сбор на содержание милиции и благоустройство территории. Однако имели место случаи, когда фермеры уклонялись от налоговых обязанностей. В начале 1993 г. в результате проверок налоговой инспекции в Добринском районе Липецкой области обнаружилось, что многие фермеры не перечисляли средства в Пенсионный фонд, каждый пятый из них сознательно не отчитался о структуре своих посевов⁶.

Мягкость налоговой политики в отношении фермеров в первые годы реформы подтверждается данными выборочных статистических обследований. В анкетах фермеров за 1991—1992 гг. проблема налогов не затрагивалась совсем. Однако уже в начале 1994 г. в ходе анкетирования фермеров среди наиболее часто встречающихся предложений по улучшению деятельности фермерских хозяйств наряду с проблемами льготного кредитования и своевременной оплаты за сданную сельхозпродукцию называлась стабильность налоговой политики⁷.

В 1994 г. под предлогом равенства всех форм собственности и хозяйствования программа государственной поддержки фермерам была свернута. Возобновили ее лишь в 1999 г. после принятия правительственного постановления «О государственной поддержке крестьянских (фермерских) хозяйств в 1999 году», когда предоставление некоторых налоговых льгот было объявлено основной формой государственной поддержки.

⁵ Липецкая газета. 1994. 31 мая.

⁶ Там же. 1993. 21 июля.

⁷ ТА Липецкстат. Оп. 7. Д. 45. Л. 7. О фермеризации в Липецкой области (Аналитическая записка). 1994.

Налоговое бремя сельхозпредприятий было тяжелее. В отличие от фермерских хозяйств они не пользовались столь большим количеством налоговых льгот. Помимо подоходного налога и налога на добавленную стоимость, им требовалось платить налоги на прибыль, на имущество, на землю, на транспорт, за дороги, а также региональные и местные налоги. Как организации-работодатели сельхозпредприятия делали обязательные отчисления в государственные внебюджетные фонды: в пенсионный фонд – в размере 20,6 %; в фонд обязательного медицинского страхования – 3,6 %; в государственный фонд занятости населения – первоначально 1 % (с января 1996 г. – 1,5 %); в фонд социального страхования – 5,4 % от начисленной оплаты труда [4, с. 92]. В результате существенно возросла общая тяжесть налогообложения сельхозпредприятий, исчисляемая как отношение налогов к сумме выручки от реализации сельскохозяйственной продукции. С 1991 по 1995 г. процент отчислений налогов к выручке от реализации увеличился с 2,9 % до 9,3 % [2, с. 278]. В 1992 г. сельскохозяйственный кооператив «Восход» Мичуринского района Тамбовской области заплатил 30 млн руб. налогов, что, по словам его председателя, значительно превысило сумму, пошедшую на выплату заработной платы⁸. Директор совхоза «Степной» Хлевенского района Липецкой области А.Н. Томилин с возмущением отмечал: «Какое производство выдержит, когда с каждого рубля разными путями государство забирает 70–80 копеек»⁹. Директор госплемзавода им. М. Горького Лев-Толстовского района Липецкой области сетовал на тяжелое финансовое положение управляемого им предприятия, которое имело высокие производственные показатели (26 ц зерна с га, 2700 кг надоя от одной коровы). Причину этого он видел в чрезмерно высоких налогах: «Помимо подоходного налога и НДС, 3,6 % надо платить на медицинское, а 5,4 % – на социальное страхование, 2 % – на занятость, а также – на дороги, транспорт, милицию»¹⁰.

В 1990-е гг. в структуре налогообложения сельхозпредприятий львиную долю занимали косвенные и специальные налоги. В Воронежской области в 1995 г. она достигла максимального порога и составила 80 %, остальные 20 % приходились на прямые налоги. Во второй половине 1990-х гг. оформилась тенденция на увеличение доли прямых налогов. С 1995 по 1998 г. в Воронежской области она возросла на 13 % и достигла 33 % [1, с. 125]. Несмотря на это размеры косвенных и специальных налогов продолжали преобладать.

Таким образом, с позиций сельскохозяйственных товаропроизводителей сложившаяся в 1990-е гг. система налогообложения была неоправданно сложной, запутанной и во многом несправедливой.

⁸ Тамбовская жизнь. 1993. 20 июня.

⁹ Липецкая газета. 1993. 19 янв.

¹⁰ Там же. 1994. 25 февр.

Литература

1. *Закшевский В.Г.* Совершенствование налогового планирования в сельскохозяйственных организациях // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

2. Концепция аграрной политики России в 1997–2000 годах / под ред. Е.С. Строева. М., 1997.

3. *Никольский С.А.* Аграрный курс России. URL: <http://iph.ras.ru/page50019792.htm> (дата обращения: 15.08.2013).

4. *Строков С.Н., Корбут А.В., Сарайкин В.И.* Формирование задолженности сельхозпредприятий в 1990-е гг. // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

**САМАРСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ИСТОРИКОВ-АГРАРНИКОВ:
РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И ИХ ИНТЕГРАЦИЯ
В НОВЫЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ²**

В статье рассматривается процесс формирования самарской научной школы историков-аграрников, подчеркивается роль Симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы и Средневолжского объединения историков-аграрников в формировании научной проблематики исследований и разработке научно-исследовательских проектов по аграрной истории России.

Ключевые слова: научная школа, историография, аграрная история, крестьянство, научно-исследовательские проекты, Среднее Поволжье.

Многие десятилетия аграрная историография Поволжья развивалась в жестких идеологических рамках марксистско-ленинской методологии. Как правило, в центре внимания официальной историографии находилась политическая история страны, которая рассматривалась с позиций предопределенности – неизбежной победы социалистической революции и социализма в нашей стране. А потому предпочтение отдавалось исследованию деятельности Коммунистической партии, истории трех российских революций, гражданской войны и социалистического строительства. В истории крестьянства предпочтение отдавалось исследованию крестьянских восстаний XVII–XVIII вв. и классовый борьбы крестьянства в XIX – начале XX в.

Историографическая ситуация стала меняться в послевоенный период, когда существенно возрос интерес к изучению столыпинской аграрной реформы. Данная проблема изучалась как в границах губерний [10; 12; 13], так и в рамках Поволжья [9; 11]. Новые тенденции становились реальностью в период политической оттепели 1950-х гг.

Так, в середине 1950-х гг. был опубликован доклад А.В. Фадеева, обсуждавшийся на заседании сектора периода капитализма Института истории АН СССР, в котором впервые в советской историографии рассматривалась проблема развития капитализма «вширь», а также специфика более быстрого развития капитализма в районах малонаселенных и неосвоенных, таких, как степное Причерноморье, Предкавказье.

¹ Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, Самарский государственный университет, kabpetr@samsu.ru, Россия, г. Самара.

² Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-01-00081).

казье, Сибирь и Дальний Восток [19]. Этот доклад положил начало дискуссии о наличии «американского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве Российской империи.

Безусловно, на темпы и содержание разработки проблем аграрной истории России не могли не оказать влияния дискуссии о характере аграрного строя России [15] и о мелкотоварном производстве, состоявшиеся в 1960–1962 гг. [1], а также материалы всесоюзной научной конференции в Свердловске (1969 г.) о многоукладности экономики России начала XX в. [2]. Особо отметим воздействие на историков региона концептуальных воззрений представителей нового направления в советской историографии: А.М. Анфимова, К.Н. Тарновского, М.Я. Гефтера, В.П. Данилова и др., чьи труды стимулировали научную разработку многих проблем региональной истории. Важную роль в координации научных исследований сыграл Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, который многие годы проводился Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства. Активное участие в работе Симпозиума принимали историки союзных республик – Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии и Эстонии.

В ходе изучения материалов сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы установлено, что это объединение историков-аграрников выполняло ведущую роль по координации научных исследований по аграрной истории. И если на первых сессиях, как правило, участники этого форума обсуждали проблемы истории крестьянства X – первой половины XIX вв., то под воздействием дискуссий 1960-х гг. об особенностях аграрного строя России XIX – начала XX в. и многоукладности экономики России исследовательское поле участников Симпозиума значительно расширилось, и на сессиях увеличился удельный вес докладов по аграрной истории периода капитализма и социалистического переустройства советской деревни. Важно отметить, что под влиянием дискуссий 1960-х гг. и в ходе деятельности сессий Симпозиума была осознана необходимость создания региональных объединений историков-аграрников, сосредоточивших усилия на комплексном анализе различных сторон жизни российского крестьянства и его взаимодействия с другими социальными слоями населения и властными структурами. В этой связи в университетском сообществе Поволжья возникла идея объединить усилия историков-аграрников и создать крупный коллектив ученых в форме Средневолжского объединения историков-аграрников. Эта идея была выдвинута историками Поволжья И.М. Ионенко, Ю.И. Смыковым (Казань), Е.И. Медведевым (Куйбышев). Инициатива по созданию такого коллектива была поддержана доктором исторических наук Е.И. Индовой, возглавлявшей с 1960 г. Комиссию по истории сельского хозяйства крестьянства Института истории АН СССР (Институт истории РАН). В конференциях историков-аграрников в Йошкар-Оле (учредитель-

ная — 1976 г.) и в Саранске (1978 г.) принимали участие помимо Е.И. Индовой, А.М. Анфимов и Н.А. Ивницкий.

Процесс формирования самарской научной школы историков-аграрников шел в рамках деятельности кафедры российской истории Самарского государственного университета (ранее с 1969 по 1976 г. она именовалась кафедрой истории СССР, а с 1976 по 1991 г. — кафедрой дореволюционной отечественной истории).

1969—1980 гг. можно считать началом формирования этого научно-объединения историков-аграрников. Основателем школы следует считать доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Е.И. Медведева, который являлся в те годы признанным специалистом по истории революции 1917 г. и гражданской войны в Поволжье. Его перу принадлежат монографии, в которых воссозданы масштабы массового аграрного движения в регионе и процесс установления советской власти в губернских и уездных центрах Поволжья. Особое внимание он уделял изучению деятельности Советов и низовых крестьянских организаций. Отдавая дань времени, в своих исследованиях он неизменно отмечал роль пролетариата и его авангарда большевистской партии в борьбе за власть советов. Одновременно он подчеркивал активное участие в революции солдат тыловых гарнизонов и воздействие на аграрное движение губернских крестьянских съездов, принимавших постановления о конфискации помещичьих земель и передаче их в распоряжение крестьянских организаций [14].

Е.И. Медведев внес весомый вклад в создание исторического факультета Самарского государственного университета и формирование коллектива кафедры. Он также стремился определить вектор научно-исследовательской работы коллектива ученых. На первом этапе в составе кафедры преобладали выпускники Московского и Казанского государственных университетов. В конце 1970-х и в 1980-х гг. кафедра пополнилась выпускниками аспирантуры Самарского государственного университета.

Формирование научной школы историков-аграрников завершилось на рубеже 80—90-х гг. XX в. Безусловно, в своей исследовательской практике представители самарской научной школы опирались на мощный потенциал, накопленный столичными и местными историками во второй половине 1950-х — первой половине 1980-х гг. Именно в эти годы был заложен фундамент для глубокого всестороннего исследования важнейших особенностей развития Поволжья. Своеобразие региона было раскрыто в ряде монографических исследований, написанных на основе обширного комплекса документов и материалов периодической печати, воспоминаний участников событий. Предпринимались попытки выявить динамику настроения социальных слоев и групп населения в условиях революционного экстрима и гражданской

войны. Новым явлением в историографии следует признать обращение историков к изучению внутреннего строя крестьянского и помещичьего хозяйств и их роли в производстве товарного зерна на российский и внешний рынки [6]. Тогда же проявилась тенденция к использованию математических методов исследования. Следует также подчеркнуть стремление историков перейти к изучению новых проблем аграрной истории. К поколению исследователей этого времени в Поволжско-Уральском регионе относятся такие историки как И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев (Чебоксары), А.С. Патрушев, Г.А. Архипов (Йошкар-Ола); В.И. Лебедев (Пенза), М.В. Дорожкин, Н.В. Заварюхин (Саранск), И.М. Ионенко, Ю.И. Смыков, Е.П. Бусыгин, А.Л. Литвин (Казань), Х.Ф. Усманов и Р.Г. Кузеев (Уфа), Е.И. Медведев, Н.Л. Клейн, П.С. Кабытов (Самара), Г.А. Герасименко, С.А. Соколов (Саратов) и ряд других. Благодаря их исследованиям были выявлены важнейшие особенности исторического развития Поволжья и народов, принявших активное участие в хозяйственном освоении лесных, лесостепных и степных территорий края. Рассмотрены процессы взаимовлияния культур народов, населявших Поволжье; воссоздана цельная картина истории региона в период реализации капиталистической модернизации страны, ускорившей развитие промышленного и сельскохозяйственного производства.

В начале 1980-х гг. были опубликованы монографии Н.Л. Клейн [8], П.С. Кабытова [6], Ю.И. Смыкова [17], в которых была воссоздана панорама аграрного развития Поволжья и сформулирована концепция о преобладании в аграрном секторе эволюции капиталистического типа. Большое значение имели выводы о падении роли помещичьих хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции и росте производства зерна в районах торгового земледельческого производства, где развивались фермерские хозяйства. Новые данные были получены о реальном взаимодействии помещиков и крестьянских хозяйств, развитии зернового производства и животноводства, а также создании в регионе инфраструктуры, которая ускоряла модернизационные процессы в сельском хозяйстве страны.

Роль этих исследований в становлении новой генерации историков второй половины 1980-х гг. — начала XXI в. велика, так как в них был обозначен новый вектор в разработке проблематики аграрных исследований.

К главным достижениям самарской научной школы историков-аграрников следует отнести разработку эволюции помещичьих хозяйств Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. Основой для проведения этих исследований стал материалы фонда Самарского отделения Дворянского земельного банка Центрального государственного архива Самарской области. Материалы этого фонда были обнаружены автором этих строк в начале 1970-х гг. Изучением этой про-

блемы занимались мои аспиранты П.И. Савельев и Н.Ф. Тагирова. Вначале они написали по этой проблеме дипломные сочинения, а затем кандидатские диссертации, используя при обработке материалов Дворянского банка как традиционные, так и математические методы исследования. Изучение аграрной истории Поволжья было продолжено ими в 90-е гг. XX в. П.И. Савельев сосредоточил внимание на изучении путей аграрного капитализма в России, где убедительно доказал тезис о господстве капиталистических отношений в аграрном строе Поволжья [16]. Новые подходы в изучении хлебного рынка Поволжья были использованы Н.Ф. Тагировой. Позитивным является то, что историк применила многофакторный подход при изучении хлебного рынка. Она рассматривала рынок как объект торговли. Важное место в исследовании занимает анализ формирования пространства хлебного рынка и его взаимодействия с всероссийским и внешним рынками. Большое внимание уделено изучению транспортной и финансовой инфраструктуры [22].

Важную роль в формировании новой исследовательской проблематики сыграло взаимодействие кафедры российской истории с историками университета штата Мэриленд (США), которое началось в 1997 г. Кафедра российской истории получила грант фонда АСПРЯЛ/АКСЕЛС при финансовой поддержке информационного агентства США. Первым этапом сотрудничества стала подготовка новых курсов по российской истории, которая была реализована доцентами кафедры российской истории З.М. Кобозевой (история российского дворянства) и О.Б. Леонтьевой (интеллектуальная история России второй половины XIX в.) с учетом традиций американской исторической науки. В июле 1998 г. в Самарском государственном университете был проведен международный симпозиум «Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США», в котором приняли участие историки пяти американских университетов и нескольких вузов Самары [3, с. 3]. Затем по инициативе профессора Майкла Дэвида Фокса и автора этих строк было принято решение о подготовке и издании антологии «Американская русистика» в трех томах, что позволило российским ученым свободно войти в мир американской исторической науки и освоить методологию и понятийный аппарат историков, исследующих проблемы новой социальной истории.

В первом томе непосредственное отношение к аграрной истории имеют статьи Грегори Л. Фриза о сословной парадигме и социальной истории России, Лоры Энгельстайн, исследующей проблемы нравственности в представлении общества и врачей, и Джейн Бурбанк о правовой культуре и крестьянской юриспруденции начала XX века.

Грегори Л. Фриз пересматривает постулат традиционной историографии о том, что в пореформенный период сословия «трансформировались в современные классы». Он доказывает, что сословия оказа-

лись чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима [21, с. 145]. Во втором томе антологии «Американская русистика» помещены статьи американских историков, исследующих историю советского периода, среди которых привлекают внимание статьи Шейлы Фицпатрик и Питера Холквиста. В какой-то степени с Грегори Л. Фризом солидаризуется Шейла Фицпатрик, которая считает, что «возникший после революции феномен приписывания к классу привел к появлению социальных образований, которые выглядели как классы в марксистском смысле этого слова и именно так описывались современниками, но которые более точно можно было бы охарактеризовать как советские сословия» [20, с. 75].

Интересен анализ Питером Холквистом советской системы надзора, которая, по его мнению, «являлась лишь развитием той практики, которая получила распространение в годы первой мировой войны» [18, с. 57]. Но в отличие от коронной администрации ЧК установил жесткий контроль за составлением осведомительных отчетов. К каждой «сводке» «неизменно прилагали обзор, содержащий аналитическое толкование ее содержания» [18, с. 57].

К числу значимых грантов следует отнести участие в реализации проекта Института «Открытое общество», предпринявшего издание крупномасштабных обобщающих трудов по отдельным регионам Российской империи, и в том числе позволившего опубликовать монографию «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период», в которой прослежено социально-экономическое развитие региона в XVIII — начале XX в. В ней отмечено, что своеобразным космосом, «со сложившимся, но достаточно многоликим “штандартом” жизни была крестьянская деревня. Ее постоянной компонентой оставалось переселенчество» [7, с. 152], которое выступало в качестве одного из главных факторов в освоении Поволжья и формировании в этом регионе новой российской житницы. В рамках этого проекта кафедра российской истории участвовала в издании антологии «Российская империя в зарубежной исторической науке», которая была издана в 2005 г. издательством «Новая книга».

Партнерство с зарубежными историками ускорило процесс перехода коллектива самарской научной школы к новой проблематике. В 1990-е гг. — начале XXI в. докторские диссертации защитили П.И. Савельев, М.И. Леонов, Ю.И. Смирнов, Н.Н. Кабытова, Э.Л. Дубман, Е.П. Баринаова, Н.Ф. Тагирова, Л.М. Артамонова, О.Б. Леонтьева, В.Ю. Кузьмин, А.В. Сыпченко. А всего в аспирантуре и докторантуре кафедры было защищено около 140 кандидатских и 18 докторских диссертаций. К главным достижениям самарской научной школы можно отнести, прежде всего, разработку таких проблем как: 1) социальная история России, аграрная история, крестьяноведение; 2) взаимодействие власти и общества в XIX–XX вв.; 3) социально-полити-

ческая история России начала XX в. (реформы и революции); 4) региональная история Среднего Поволжья и Юго-Востока Европейской России в XVI – начале XX в.

Укажем также на важную интегрирующую роль, которую играет Средневожское объединение историков-аграрников, которое вновь, как и в 1970–1980-е гг. возобновило проведение научных конференций, которые получили с 2006 г. статус Всероссийских. Отмечу также инициативу министра образования Оренбургской области В.А. Лабузова, который ежегодно проводит конференции историков-аграрников Урала и Поволжья.

В 1990-е гг. – начале XXI в. выдвинулись новые лидеры в изучении проблем аграрной истории: В.В. Кондрашин (Пенза), В.А. Юрчёнков (Саранск), Е.А. Минеева (Чебоксары), А.Г. Иванов (Йошкар-Ола), И.К. Загидулин, Р.В. Шайдулин (Казань), Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, Ю.И. Смирнов, Н.Ф. Тагирова, Е.П. Баринаова (Самара). Думается, что именно они в настоящее время будут определять вектор развития исследований по аграрной истории Поволжья.

Новым в современной историографической ситуации стало стремление историков к созданию обобщающих монографий, как по отдельным территориям, так и по всему Поволжско-Уральскому региону, к подготовке крупных энциклопедических изданий. В монографии самарских историков Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова и Н.Ф. Тагировой проанализировано промышленное хозяйство и предпринимательство в XVII в., развитие инфраструктуры и земледельческое производство Среднего и Нижнего Поволжья и прилегающих к ним территорий Приуралья в XIX – начале XX в.

Каковы итоги научно-исследовательской работы? За время существования научной школы ее усилиями детально изучено развитие Поволжского региона после его вхождения в состав России: процесс хозяйственной колонизации, экономической деятельности на его территории государства, дворцового ведомства, церкви и купечества во второй половине XVI – начале XVIII в., специфика промышленного предпринимательства; деятельность государства и общества в освоении Заволжья в 1730-х гг. – середине XIX в., процесс создания новых укрепленных линий, формирования помещичьего землевладения и крестьянской колонизации. Исследован ход становления и развития государственно-административного аппарата, изменения характера его деятельности, переход от военно-административных методов управления к общегражданским. Выявлены направления и интенсивность миграционных процессов на территории региона, формирование ареала его постоянного земледельческого населения, исторические особенности складывания полиэтничного и поликонфессионального населения края. Монографическому изучению подвергнут процесс формирования в XVIII – середине XIX в. административно-территори-

альной системы в регионе; воссоздания здесь социально-экономических отношений, характерных для центральных районов страны, но со специфическими особенностями вновь осваиваемого края. Детально изучены причины, ход и последствия социальных конфликтов в регионе. Исследована правительственная политика в области развития народного образования в крае, начиная с XVIII в., специфика взаимоотношений между властью и обществом в сфере просвещения местного населения, подготовки образованных кадров.

Изучено становление на территории Заволжья крупнейшего в России центра товарного зернового производства во второй половине XIX – начале XX в.; выявлены важнейшие характеристики реформирования социально-экономических отношений в поволжской деревне в ходе Великих реформ середины XIX в. и столыпинских преобразований начала XX в. По материалам Среднего Поволжья исследована эволюция форм взаимодействия власти и общества в пореформенную эпоху, характер социальных и политических процессов в регионе в эпоху русских революций 1905 и 1917 гг., особенности хода гражданской войны в крае, массовых крестьянских восстаний.

Помимо региональных проблем, сотрудниками кафедры Российской истории Самарского государственного университета успешно разрабатываются темы, связанные с общероссийской проблематикой, а именно: исследование истории российских реформ и реформаторской деятельности П.А. Столыпина, партийной системы в России, деятельности партии эсеров и других политических организаций в начале XX в.; взаимоотношения власти и общества в ходе революционных процессов 1917 г.; проблемы интеллектуальной истории российского общества и его исторической памяти во второй половине XIX – начале XX в.; историографии российской истории; источниковедения и археологии.

Проблемы аграрной истории Поволжья на более концептуальном уровне нашли отражение в ходе работы в рамках проекта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)). В подготовленной в рамках проекта монографии самарских историков обосновывается тезис о том, что на протяжении длительного периода разрабатывалась и воплощалась в реальную политику доктрина поглощения и освоения новых территорий, превращения их из пространства с военизированным населением, опирающимся на города-крепости и протяженные оборонительные линии, в регионы сначала промышленного, а затем земледельческого освоения с развитой инфраструктурой сельского и городского расселения. Формирование социальной структуры, административно-территориальной и управленческой систем,

сходных с существовавшими в центральных районах Российской империи, оказалось длительным процессом, который шел вплоть до начала XX в. События 1917 г. подвели черту под предшествующим развитием российской государственности, создав в стране принципиально новую расстановку социальных и политических сил, иную систему взаимоотношений власти и общества [4, с. 5]. Новым является и то, что на основе изучения «исторического развития Поволжья предложено ключевое концептуальное положение — «внутренняя окраина» России [4, с. 14]. Основное внимание авторский коллектив уделил изучению «характера и особенностей социально-экономического, административно-политического и культурного развития Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства, формированию своеобразного демографического, этноконфессионального, социокультурного облика населения региона в контексте развития российской цивилизации» [4, с. 9].

Во второй части указанной коллективной монографии самарских историков прослежен процесс колонизации Средней Волги, в котором принимали участие представители различных этносов. По мнению авторов, совместная колонизация протекала на «различных уровнях и в многообразных формах, постоянно взаимодействуя в этом процессе межэтнической и межконфессиональной консолидации, диффузии материальной и духовной культуры» [5, с. 5].

Итак, коллективные монографии «Обретение Родины» создали благоприятные перспективы для изучения таких ключевых проблем региона как «Протестное движение в Среднем Поволжье и Заволжье в XVI — начале XX вв.». В настоящее время созданы условия для подготовки многотомной истории крестьянства региона, изучения экономики и инфраструктуры Поволжья, повседневной жизни населения; истории дворянства, купечества и мещанства. Актуальным остается изучение социокультурного облика и региональной идентичности населения Среднего Поволжья.

Аналізу достижений российской и зарубежной историографии в области изучения аграрной истории России посвящен грант поволжских историков, реализуемый при финансовой поддержке РГНФ, «Аграрная история России XX веков: историография и источники». Изучение вышедшей в последние годы литературы, в которой в частности рассматриваются и проблемы истории Поволжья в составе России, показало, что интерес к региональной тематике и попытки увязать ее с общероссийскими и мировыми проблемами получили новые импульсы. В значительной степени это связано с новыми геополитическими вызовами, с формированием современной методологии, уточнением тех положений, которые в настоящее время выглядят устаревшими. Авторским коллективом подготовлена к изданию монография, в которой представлены биографии историков-аграрников XX в. Ана-

лизируются их научные труды, прослеживается взаимообусловленность их концептуальных построений от социально-политической ситуации в стране, что оказывало влияние на проблематику научных исследований. Большое внимание уделено анализу реализации международных проектов, в выполнении которых участвовали российские и зарубежные историки. Подчеркивается роль дискуссий 60-х гг. XX в. в становлении новой генерации историков 1970–1990-х гг., принявшей активное участие в разработке новых направлений и проблем аграрной истории. Эта работа по изучению творческого наследия всех поколений историков-аграрников будет продолжена. Таковы в общих чертах основные итоги деятельности самарской научной школы историков-аграрников, научные труды которых получили позитивную оценку отечественной и зарубежной общественности.

Литература

1. *Анфимов А.М.* О мелкотоварном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2.
2. Вопросы истории капиталистической России. Проблемы многоукладности. Свердловск, 1972.
3. *Кабытов П.С.* Предисловие // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000.
4. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б.* Предисловие // «Обретение Родины». Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 1. Самара, 2013.
5. *Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б.* «Обретение Родины». Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 2. Самара, 2014.
6. *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
7. *Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Многоликая деревня // Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010.
8. *Клейн Н.Л.* Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX в. Саратов, 1981.
9. *Климина Г.И.* Крестьянское движение в Поволжье в 1902–1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1952.
10. *Косенко М.Я.* Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1950.
11. *Кострюкова В.В.* Крестьяне Поволжья в 1906–1916 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1953.
12. *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1959.
13. *Левачева К.В.* Аграрная реформа Столыпина в Самарской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1949.

14. *Медведев Е.И.* Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958.
15. Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии научного Совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М., 1962.
16. *Савельев П.И.* Пути аграрного капитализма в России: XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.
17. *Смыков Ю.И.* Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. (Социально-экономическое исследование). М., 1984.
18. *Холквист Питер.* Осведомление это альфа и омега нашей работы // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.
19. *Фадеев А.В.* Развитие капитализма вширь в пореформенной России // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. М., 1956. Вып. 10.
20. *Фицпатрик Шейла.* Приписывание к классу как система идентификации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001.
21. *Фриз Грегори Л.* Сословная парадигма и социальная история // Американская русистика. Императорский период. Самара, 2000.
22. *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

SUMMARY

Sverdlov M.B. Chronology and Methods of Research of Taxes and Obligatory services of Rural Population in Rus', VI–XIII centuries

The article considers the evidences of different sources of VI–XIII centuries on the genesis and development of taxation practices in Rus' in VI–XIII centuries.

Key words: dar, pochest'je, dan', fixed annual tributes, household, povoz, podvoda.

Stepanova L.G. Fiscal policy of the Moscow State and the budget of peasant farm of Novgorod land at the end of XV and the beginning of XVI centuries

The article deals with the fiscal policy of the Moscow State towards the farms after joining Novgorod to Moscow. The budgets of the farms taxed differently are estimated here.

Key words: fiscal policy, Novgorod region, peasant farm, taxation, peasant budget.

Dmitrieva Z.V. Taxation and obligatory services of the peasants of Novgorod pyatinas during the Time of Troubles (1611-1617). The Swedish administration during the occupation of Novgorod lands in 1611-1617 has preserved the traditional Muscovite taxation system. The drastic growth of overall payments of Novgorod peasants took place, however, due to the introduction of extraordinary taxes, in particular for the support of the army.

Key words: taxation system; state land cadasters (piszovye knigi); the Prikaznaya izba of Novgorod district; the occupation archive of Novgorod

Cherkasova M.S. "Plug" and "popluzhnoe" in Ustyug uezd in the XV–XVII cc

The article considers the medieval taxation unit 'plug', as it can be reconstructed through the acts and pishovye knigi of the Ustyug uezd. The active mobilization of the shares of "plugs" and corresponding ploughlands in posad and passing the obligations of paying tribute to a new owner. The origin of "plugs" is explained by the formation and development of domains of Grand Dukes and Grand Duchesses of Moscow and Tsars and Tsarinas.

Key words: Ustyug region, taxes, taxation units "plug", land property, urban land owning.

Chernenko D.A., Chechenkov P.V. Land statistics in the land registry of Nizhny Novgorod Uezd of 1621/22 – 1623/24 in the context of the study of taxation system in Russia in the first half of the XVII century

Possibilities of quantitative study of the feudal rent and taxes on the basis of land registry of the first third of the XVII cent. are discussed in the article.

Key words: Russian agrarian history, history of the nobility, social and economic history of Russia, quantitative methods in history, history of Nizhny Novgorod region.

Ivanov V.I. The ratio of peasant's payments and tributary labour to the state, landowner and local community in the seventeenth century (the case of Shueretskaya volost of Solovetsky monastery)

The organization of the multilevel taxation system of the peasant households are discussed on the basis of a unique complex of documentation of peasant community. Changes in the ratio of state, landowners and communal taxes and duties revealed, as well as their role in the overall income of the peasant household.

Key words: peasant community; tax and duty; Monastery peasants; the system of taxation.

Sokolova N.V. On the Role of the Community in the Tax Practice in the Monastic Estates of Central Russia in the Second Half of XVII – the First Quarter of XVIII Century

The article is devoted to one of the most important aspects of community self-government: principles, organizational forms and mechanisms of tax distribution and state duties in various peasant communities in monastic villages of Central Russia.

Key words: taxes, community, peasant self-government, financial and fiscal function.

Mankova I.L. The state obligations of the Urals monastery peasants in the XVII century

The article discusses the features of state taxation of the population of the Ural's monasteries in the 17th century. The author shows the dynamics of the inclusion the Ural's monasteries in the state system of the taxation. She revealed the nomenclature and the sizes of the state taxes at the monastery peasants in the end of the 17th century.

Key words: Monastery peasants; monasteries of the Urals in the 17th century; state obligations in the 17th century; soshnoe pesmo.

Dubman E.L. Organization of manufacture and obligations of inhabitants in a large producer's patrimonial estate in the XVII century (the case of Nadeinskoe Usolje)

This article is dedicated to the features of organization of manufacture in a large producer's patrimonial estate in the Middle Volga region. The obligations of bonded inhabitants in agricultural and trade spheres are discussed.

Key words: Nadeinskoe Usolje, salt-works, trade fishery, agriculture, bonded inhabitants, labour management, obligations.

Timoshenkova Z.A. Taxation and obligatory labour services for the state of the peasants of Iversky monastery in the second half of the seventeenth century

The system of taxes and their distribution in the manor, as well as the nature of interrelations between the manorial administration, bonded peasants and royal administration are discussed on the basis of manorial archive

Key words: taxation, taxation units, podryadnaya zapis', taxation practices.

Kamarauli E.V. Payments in kind and in monetary form in the taxation system in the second half of the XVII century (the case of Central Chernozem region)

The article considers the system of direct taxation in the frontier Southern regions of Russia in the 2nd half of the XVII century. The ratio of taxes in kind and in monetary form is discussed, as well as the differences in the fiscal regime of different social groups

Key words: Central Chernozem region; Southern frontier of Russia; taxes in kind; service class; local administration.

Arakcheev V.A. On the reasons of passing to the podvornaja system of taxation in 1679–1681

The paper analyzes the size and structure of zadvornye lyudi, a category of bonded people in Russia, according to the census books of 1640s and 1670's, as well as the reasons for introduction of household taxation.

Key words: finances, household taxation, zadvornye lyudi.

Komissarenko A.I. Fiscal policy and taxation practice in the Vjatka region in the first half of the eighteenth century

The article discusses the fiscal policy and taxation practices in the Vjatka region, in particular the involvement of the army officers in the collecting of taxes in the first half of the XVIIIth century.

Key word: History of the Vjatka region, fiscal policy, taxation practices.

Chernikov S.V. The population of a peasant household as a factor of an estate yield and tax ability of peasants (based on censuses of the 1730s)

This paper considers how the population of a peasant household influences a yield of landowners' estates. The author argues that there is an interrelationship between size of an estate and population of a peasant household. It is shown that the level of peasants' tax burden in large and middle size landowners' estates in comparison with small ones was lower, the distribution of feudal homage was more equal, and the ability to pay was higher. The author explains it with the help of the hypothesis of «optimal» population size of a peasant household.

Key words: peasant household, population, employment potential, noble estates, taxation, feudal homage.

Smirnov Y.N. Impact of tax policy on settlement and agricultural development of Samara Transvolga region in the XVIII – first half of the XIX centuries

Poll tax (*podushnaya podat'*) and other taxes made a great impact on the settlement and agricultural development of the South-East of European Russia. They pushed farmers to flee to the frontier. The article considers how the authorities tried to control this peasant movement with the regulation of fiscal policy.

Key words: Russia in XVIII–XIX centuries; history of Volga region; colonization; agrarian relations; fiscal policy.

Artamonova L.M. Taxes and obligatory works of state peasants in the Volga region (according to the deputy's instructions of Catherine II's Legislative Assembly)

The article analyses the issues of taxes and charges raised by state peasants in the Catherine II's Legislative Assembly

Key words: Russia in the XVIII century; social history; agrarian relations; fiscal policy; Catherine II's Legislative Assembly.

Shvejkovskaya E.N. Russian Peasantry in the works of Academician N.N. Pokrovsky

The article considers the works of the outstanding historian, expert in archeography and source studies of the 2nd half of XX – early XXI centuries, academician N.N. Pokrovsky. His studies of the history of different groups of peasantry – *chernososhnye* in the Central and Northern Russia in XIV–XVI centuries, old believers in Urals and Siberia in the XVIII century are discussed, as well as his role in the Symposium for the Agrarian History of Eastern Europe.

Key words: The development of manorial landowning; *chernososhnoe* landowning; acts; antigovernmental protest of old believers in Urals and Siberia; court documentation.

Tang Yanfeng. The Study of Chinese Historians on the Taxation and Corvee in Russia from 18th to 20th century

The study of taxation and corvee in Russia is one of the most important research topics in Chinese historiography. This article introduces the summary of chinese research on the tax policy of Russian government and on the practice of taxation, and mainly focuses on issues of the tax reform, the system of military service, Russian peasant land bank.

Key words: chinese historians ;taxes and corvee in Russia.

Aleksandrov N.M. Tax and fees expenses in the budget of the russian post-reform peasantry

Based on the budget of peasant households the specific tax and fees expenses rate has been determined. It is specified that low involvement of peasant households in market relations was the main reason for the tax burden to be heavy and not the high tax rates.

Key words: taxes, fees, budget, peasant household.

Nikulin V.N. The peasant commune and peasant debts (based on materials of Northwest Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)

This article explores causes and terms of growing debts of peasants in the Northwest Governorates of Russia in post-reform years. It defines forms and methods of debt retirement related to collection of payments and used by the peasant commune.

Key words: Northwest, peasant commune, fiscal policy, debts, income, payments.

Nikitina N.P. The budget of the peasant self-government in the post-reform period in the north-west of Russia

Collecting and spending money by peasant self-government institutions in the north-west russian gubernias in the post-reform years.

Key words: fees, rural community, volost, budget revenue and spending.

Bespalov S.V. Russian social thought about the problem of the influence of governmental tariff policy on the position of the Russian village at the turn of XIX – XX centuries

The Russian government's policy of industrial protectionism have different effects on the position of the various social strata of Russian society. For the majority of the representatives of the agrarian interests the consequences of this course have been very painful, causing a criticism of governmental policy.

Key words: Russian late XIX – early XX century, industrialization, agriculture, liberals, conservatives, neopopulists, bureaucracy, Sergey Witte.

Tokarev N.V. Economic measures in the budget policy of self-government in Tambov Governorate in the years of Stolypin reforms

Changes have been examined in the budget policy of territorial establishments in Tambov Gubernia in the context of Stolypin agrarian reforms. Government and local subsidies have been spent on the creation of the territorial agrarian organization aimed to boost peasant agriculture. Zemstvo tried to keep employees by regularly increasing wages of agrarian specialists.

Key words: agriculture, budget, zemstvo, Stolypin Agrarian Reform, Tambov Governorate.

Safonov D.A. «Refusal to perform the duties» as a form of social protest

The article attempts to analyze the dynamics of the development of a «refusal to perform the duties», a special form of peasant social protest in the early XX century, and to determine its economic and political components.

Key words: social protest; forms of protest; refusal to perform the duties.

Kukhareenko A.A. The role of the credit activity of the Peasant Land Bank in the regulation of financial state of peasants (materials of Belarusian provinces)

The role of the credit activity of the Peasant Land Bank in the stabilization of financial state of peasants on the territory of Belarusian provinces is shown in the work. The novelty of the study is a comprehensive approach to the research of the activities of the Peasant Land Bank. The author of study determines the periods of the bank's activities, explores the national and confessional composition of the bank's clients. Besides, it is the first study which determines the effect of the state mortgage on the growth of peasant land ownership, land market stabilization and realization of Stolypin agrarian reform.

Key words: Peasant Land Bank; credit; earth pledge; Stolypin agrarian reform; financial state of peasants.

Bukalova S.V. The policy of engaging refugees in agricultural work in the years of World War I

The policy of the Russian Empire regarding refugees as a source of labour for agrarian sector in the period of World War I is discussed.

Settlement of refugees, government aid to refugees and their participation in agricultural work have been examined.

Key words: World War I, Russian Empire, refugees, labour force, agriculture.

Karpachev M.D. Financial fees of peasants in the Voronezh Gubernia in the late XIX – early XX centuries

This article presents that the nominal sizes of direct taxes and fees in post-reform Russia generally correspond the manufacturing resources of peasant households. The growth of deficiencies refers mainly to redemption payments for attained land. Tax and fee debts could be explained by imperfections of policy and domination of subsistence economy of peasant community as well.

Key words: peasantry, post-reform period, taxes, redemption payments, deficiencies, Voronezh Governorate, earning power, peasant budget.

Os'kin M.V. Social policy in the rural areas of Central Russia during World War I

The article is devoted to the problems of the interrelation between the imperial administration and the peasantry in Russia during the World War I. The author analyses the complex of the governmental undertakings in the rural areas during the WWI.

Key words: Russia, World War I, peasantry, food crisis, surplus-appropriation system.

Kabytova N.N. The agrarian policy of the Provisional Government and the peasants of fiscal requirements in 1917

The article examines the impact of epy agrarian policy of the Provisional Government on peasant lawmaking transformation, and considers the changes of the taxation system in the agricultural sector.

Key words: peasant congresses, fiscal requirements, agrarian policy.

Bezgin V.B. Violence in the Fight for Grain (by the materials of the Central Chernozem provinces)

The article is devoted to the analysis of state duties of peasantry in the provinces of the Central Chernozem Region which were carried out by the communist administration in the form of grain confiscations. The role of prodotryads and committees of the poor in grain confiscation is revealed and villagers' reaction to the local authorities' repressive measures is shown.

Key words: peasantry, grain, grain confiscations, prodotryads, committees of the poor, revolts, Central Chernozem Region.

Rynkov V.M. The Samara gubernia in summer-autumn 1918: food procurements within the context of Komuch's agrarian policy

A new representation of Komuch's food and agrarian policy is suggested. The author proves the thesis about rough anti-landowners' course of Komuch. Some compromises to large landowners were connected with attempts to confiscate their grain in favour of the state.

Key words: Civil war, food procurements, agrarian policy, peasantry, landowners.

Kovalyova N.A. War of bread in the Ukrainian village in 1919–1922: characteristics, methods and coverage of peasants' food appropriation

Methods and scale of food appropriation from Ukrainian peasants during the Civil war are discussed. Regional peculiarities of performing food policy have been determined. The Soviet food policy of the period is considered to be ineffective.

Key words: peasants, grain, surplus appropriation system, prodotryads, Ukraine.

Kovalev D.V. The development of taxation system of peasants households at the beginning of NEP (based on materials of Moscow gubernia)

The article analyzes the nature of the changes in the peasant farming's taxation in 1921-1924. It proves the conclusion that the accelerated growth of the tax burden in the first years of NEP was the most important factor of the growth and radicalization of the protests among rural population of Moscow region by the middle of the 1920s.

Key words: NEP, agrarian policy, taxation, peasant economy, Moscow gubernia.

Filimonov V.Y. State tax policy and «anti-urban» tendencies of the peasantry during NEP

The article characterizes political tendencies of the peasantry during NEP. The conclusion is drawn that the peasants' discontent with taxation expressed in extremely negative attitude towards citizens, so that made the state change agrarian policy.

Key words: countryside, city, «anti-urban» tendencies, taxation policy, peasantry, NEP.

Berlov A.V. Fiscal policy in Soviet Russian village as seen by the Russian emigrant scientists in 1920–1930s

The article shows the Russian diaspora scholars' views of the Bolsheviks' fiscal policy in the countryside. The article analyzes their evaluation of imbalance prices between industrial and agricultural commodities in the Soviet economy in 1920-1930s.

Key words: taxes, fiscal policy, price scissors, goods, production, peasantry.

Alieva L.V. The Legal Nature of Self-taxation in Russian Village in 1920s (based on materials of northwest Russia)

The article examines the legal nature of the Russian peasant community self-taxation in the 1920s on materials of north-west Russia. Community's self-taxation was the most important element of peasant's self-government. It is concluded that by the end of 1920s the self-taxation was integrated into the state budget sphere.

Key words: community, self-taxation, peasants, the state fiscal system.

Bershadskaya O.V., Sidorenko T.N. Features of the peasant household's taxation in the Black Sea district during the NEP

The article discusses the peculiarities of the tax policy which was carried out in the Black Sea district during the NEP. It is concluded that the taxation policy did not take into account the regional specifics.

Key words: tax policy, NEP, peasant household, the Black Sea district.

Il'inykh V.A. The establishment and functioning of contracting system in Siberia (late 1920s – early 1930s)

A reconstruction of the process of transformation of contracting system into a sort of natural tributes is carried out on the basis of Siberian documents. The article reveals some specific features of contracting system functioning in the early 1930s and defines the reasons for its abolition.

Key words: agricultural policy, collectivization, agricultural cooperation, tax-assessor system, contracting, Siberia.

Kondrashin V.V. Grain reserves in the USSR during the First Five-Year Plan

On materials of the central and regional archives characterized grain procurement policy of Stalin's leadership in the first five years. The focus of the grain procurement campaign 1929–1932 and their results.

Key words: grain procurements, industrialization, agricultural policy, collectivization, grain exports.

Naikhatskiy V.V. Political departments of machine and tractor stations in the North-Caucasian krai and formation of the 'purchase system' in agriculture

Formation of the 'procurement system' in the North-Caucasian krai at the beginning of the 1930s is analyzed, as well as the functions of politotdels of MTS.

Key words: grain 'procurement system'; agriculture; political departments (politotdel); machine and tractor stations (MTS); kolkhoz; North-Caucasian krai.

Kornilov G.E. Procurement of agricultural products in the Urals village under the Great Patriotic War

The article analyzes the procurement of agricultural products in the Urals village under the Great Patriotic War. The forms and methods of agricultural blanks, their size and impact over the development of agriculture in the region are revealed.

Key words: agricultural policy, collective farms, harvesting of agricultural products, arrears.

Kometchikov I.V. Collective farms' black cash in Central Nechernozemye and fighting against it in the middle of the 1940s – beginning of the 1950s

Collective farms' 'black cash' in the mid-1940s –early 1950s was one of the components of the active social protection of the village, focused on adjusting to the state agricultural policy. Partially compensating the rigidity of the taxation policy, goods shortage, costs of money circulation and state trade, they on the one hand increased stability of kolkhoz economy, slowed the process of raskrestianivanie and social differentiation, though, on the other hand, they stimulated the process of the separation of the managing stratum with its financial power involving a breach of regulation.

Key words: kolkhozes, peasantry, ‘black cash’ of the collective farms, duties, informal economy, adaptative forms of behavior.

Polkh P.P. Kaliningrad migrant peasant settlers and procurement policy of the post-war decades

The article discusses the specifics of the formation and organization of the state system of procurement of agricultural products in 1946-1956, on the territory of the Kaliningrad region, resettled after World War II by the immigrants from Central regions of the RSFSR

Key words: The agrarian history of Russia of the 2nd half of the twentieth century; agriculture; farms; fiscal policy of the USSR; the system of state procurement; the Kaliningrad region.

Gallyamova A.G. On the history of implementation of fiscal policy in the countryside of the Tatar ASSR in 1920–1950s: reflections of local political elites and citizens

The article reveals some precedents of disagreement of local authorities and well-known persons of the Tatar ASSR with fiscal measures that occurred in the rural areas during the Civil War, the collectivization and Khrushchev reforms. They show that the nature of fiscal policy has been closely linked to the general political situation in the country.

Key words: agricultural policy of the USSR, fiscal policy, relations between the central and regional authorities, Tatar ASSR.

Koznova I.E. The Soviet compulsory fiscal system in the perception of rural population (on the oral evidences of the late 1980s – 2000s)

The author examines the question of the perception by the rural population of the Soviet compulsory fiscal system against collective farm household and its reflection in the memory in the context of the transformation of the Russian countryside in the XX century.

Key words: the peasantry, power, taxes, duties, memory.

Tomilin V.N. The collective farm’s payment in kind for the MTS’ works during the grain procurements of the Soviet state in 1930–1950s

For the Soviet State the collective farms’ payment in kind for the MTS’ works became an element of the tax assessor system, a canal of the reallocation of resources.

Key words: agrarian policy of the Soviet State, machine-tractor service stations, payment in kind, collective farms.

Andreenkov S.N. Reforming of the system of procurement of the collective farm products in the USSR in the 1950s

The article analyzes the peculiarities of functioning, as well as the objectives and the socio-economic implications of the dismantling of the system of procurement of the collective farm products in the first post-Stalin decades.

Key words: Collective farms; procurement; government agrarian policy; agrarian structure; agriculture; NS Khrushchev.

Shevelkov A.I. The state policy on implementation of the plans of meeting the population demands and replenishing the state reserves (1960s)

On the basis of declassified archive documents the article analyzes the state policy of carrying out the plans on state purchases of agricultural production for supplying the population with provisions and replenishing the state reserves.

Key words: agricultural policy, rural economy, state purchases, state food reserves.

Serogodsky N.A. Some features of the taxation of agricultural producers during the post-Soviet period

The process of new agriculture tax system formation in Russia during the transition to market economy is analyzed. The author discusses the problems of agricultural tax unification.

Key words: agrarian policy, tax reform, unified agricultural tax, land tax, agricultural commodity producers.

Logunova I.V. Taxation of Agricultural Commodity Producers in the context of Agrarian Reforms in the 1990-s

On the basis of the Central Chernozem region data the author discloses the taxation peculiarities of the key categories of agricultural commodity producers in the context of agrarian reforms of the 1990s.

Key words: Taxation; agrarian reform; farmers; agricultural businesses; Central Chernozem region.

Kabytov P.S. The Samara school of historians - agrarians: development of problems of agrarian history and their integration into new research projects

The article is devoted to the process of formation of the Samara school of agrarian history. The author emphasizes the role of the symposia on agrarian history of Eastern Europe and of the Middle Volga Association of specialists in agrarian history in the formation of perspective researches on agrarian history of Russia.

Key words: school of sciences, historiography, agrarian history, peasantry, research projects, Middle Volga area.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Свердлов М.Б. Хронология исторических источников, методы изучения налогов и повинностей сельского населения на Руси X–XIII вв.	8
Степанова Л.Г. Фискальная политика Московского государства и бюджет крестьянского хозяйства Новгородской земли в конце XV – начале XVI в.	19
Черкасова М.С. Плуг и полужное на Устюге в XV–XVII вв.	30
Дмитриева З.В. Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617)	38
Черненко Д.А., Чеченков П.В. Сведения о четвертной пашне писцовой книги Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 гг. в свете изучения налогообложения в России первой половины XVII в.	47
Иванов В.И. Соотношение государственных, владельческих и мирских податей и повинностей монастырских крестьян в XVII веке (по материалам Шуерецкой волости Соловецкого монастыря)	54
Соколова Н.В. О роли общины в системе налогово-повинностных практик в монастырских вотчинах Центральной России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.	65
Манькова И.Л. Государственные повинности крестьян монастырей Урала в XVII в.	77
Дубман Э.Л. Организация производства и повинности населения в крупном промысловом владении XVII в. (на примере Надеинского Усолья)	88
Тимошенкова З.А. Государственные повинности крестьян Иверской вотчины во второй половине XVII в.	99
Камараули Е.В. Натуральные и денежные сборы в системе государственных налогов во второй половине XVII в. (по материалам Центрального Черноземья)	108
Аракчеев В.А. О причинах перехода к подворной системе налогообложения в 1679–1681 гг.	118
Комиссаренко А.И. Государственная фискальная политика и налоговая практика на Вятке в первой половине XVIII века	126
Черников С.В. Населенность крестьянского двора как фактор доходности имения и тяглоспособности крестьян (по материалам переписей 1730-х гг.)	132

Смирнов Ю.Н. Влияние налоговой политики на заселение и аграрное освоение Самарского Заволжья в XVIII – первой половине XIX в.	144
Артамонова Л.М. Налоги и повинности государственных крестьян Поволжья (по жалобам и требованиям наказов депутатам Уложенной комиссии Екатерины II)	156
Швейковская Е.Н. Российское крестьянство XIV – XVIII веков в трудах академика Н.Н. Покровского	165
Тан Яньфэн Налоги и повинности в России XVIII – начала XX вв. в исследованиях китайских историков	176
Александров Н.М. Расходы на налоги и повинности в бюджете российского пореформенного крестьянства	183
Никулин В.Н. Община и крестьянские недоимки (по материалам Северо-Запада России второй половины XIX – начала XX в.)	194
Никитина Н.П. Бюджет крестьянского самоуправления в пореформенный период на Северо-Западе России	203
Беспалов С.В. Проблема влияния таможенно-тарифной политики правительства на положение русской деревни на рубеже XIX–XX вв. в общественной мысли России	210
Токарев Н.В. Экономические мероприятия в бюджетной политике земского самоуправления Тамбовской губернии в годы столыпинских преобразований	221
Сафонов Д.А. «Отказ от исполнения повинностей» как форма социального протеста	230
Кухаренко А.А. Роль ссудной деятельности Крестьянского поземельного банка в регулировании финансового положения крестьян (по материалам белорусских губерний)	238
Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны	246
Карпачёв М.Д. Финансовые повинности крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв.	253
Оськин М.В. Социальная политика государства в деревне Центральной России в период Первой мировой войны	269
Кабытова Н.Н. Аграрная политика Временного правительства и крестьянские фискальные требования в 1917 г.	278
Безгин В.Б. Насилие в борьбе за хлеб (на материалах губерний Центрального Черноземья)	288
Рышков В.М. Самарская губерния летом-осенью 1918 г.: продовольственные заготовки в контексте аграрной политики Комуча	296
Ковалева Н.А. Война за хлеб в украинской деревне в 1919–1922 гг.: характер, методы и масштабы изъятия продовольствия у крестьян	303

Ковалев Д.В. Совершенствование системы налогообложения крестьянского хозяйства в начальный период нэпа (по материалам Московской губернии)	312
Филимонов В.Я. Налоговая политика государства и «антигородские» настроения крестьянства в годы нэпа	324
Берлов А.В. Фискальная политика Советской России в деревне в оценках ученых русской эмиграции 1920–1930-х гг.	331
Алиева Л.В. Правовая природа самообложения в деревне 1920-х гг. (на материалах Северо-Запада России)	343
Бершадская О.В., Сидоренко Т.Н. Особенности налогообложения крестьянских хозяйств Черноморского округа в годы новой экономической политики	349
Ильиных В.А. Становление и функционирование контрактационной системы в Сибири (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)	357
Кондрашин В.В. Хлебозаготовки в СССР в годы первой пятилетки	369
Наухацкий В.В. Политотделы МТС Северо-Кавказского края и становление системы заготовок в сельском хозяйстве	383
Корнилов Г.Е. Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны	394
Кометчиков И.В. «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х - начале 1950-х гг.	406
Полх П.П. Калининградские крестьяне-переселенцы и заготовительная политика послевоенного десятилетия	415
Галлямова А.Г. Из истории реализации фискальной политики в деревне Татарской АССР в 1920–1950-е гг.: рефлексия местных политических кругов и населения	423
Кознова И.Е. Советская налогово-повинностная система в восприятии сельских жителей (по устным свидетельствам конца 1980-х – 2000-х гг.)	431
Томилини В.Н. Место натуроплаты колхозами работ МТС в хлебозаготовках советского государства 1930-х – 1950-х гг.	440
Андреенков С.Н. Реформирование системы заготовок колхозной продукции в СССР в 1950-е гг.	449
Шевельков А.И. Политика государства по выполнению планов закупок сельхозпродукции в 1960-е гг.	459
Серогодский Н.А. Особенности налогообложения сельхозпроизводителей в постсоветский период	466
Логунова И.В. Налогообложение сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях аграрного реформирования 1990-х гг.	478
Кабытов П.С. Самарская научная школа историков-аграрников: разработка проблем аграрной истории и их интеграция в новые научно-исследовательские проекты	483

CONTENTS

Introduction	5
Sverdlov M.B. Chronology and Methods of Research of Taxes and Obligatory services of Rural Population in Rus', VI–XIII centuries	8
Stepanova L.G. Fiscal policy of the Moscow State and the budget of peasant farm of Novgorod land at the end of XV and the beginning of XVI centuries	19
Cherkasova M.S. “Plug” and “popluzhnoe” in Ustyug uezd in the XV–XVII cc	30
Dmitrieva Z.V. Taxation and obligatory services of the peasants of Novgorod pyatinas during the Time of Troubles (1611–1617)	38
Chernenko D.A., Chechenkov P.V. Land statistics in the land registry of Nizhny Novgorod Uezd of 1621/22 – 1623/24 in the context of the study of taxation system in Russia in the first half of the XVII century	47
Ivanov V.I. The ratio of peasant's payments and tributary labour to the state, landowner and local community in the seventeenth century (the case of Shueretskaya volost of Solovetsky monastery)	54
Sokolova N.V. On the Role of the Community in the Tax Practice in the Monastic Estates of Central Russia in the Second Half of XVII – the First Quarter of XVIII Century	65
Mankova I.L. The state obligations of the Urals monastery peasants in the XVII century	77
Dubman E.L. Organization of manufacture and obligations of inhabitants in a large producer's patrimonial estate in the XVII century (the case of Nadeinskoe Usolje)	88
Timoshenkova Z.A. Taxation and obligatory labour services for the state of the peasants of Iversky monastery in the second half of the seventeenth century	99
Kamarauli E.V. Payments in kind and in monetary form in the taxation system in the second half of the XVII century (the case of Central Chernozem region)	108
Arakcheev V.A. On the reasons of passing to the podvornaja system of taxation in 1679–1681	118
Komissarenko A.I. Fiscal policy and taxation practice in the Vjatka region in the first half of the eighteenth century	126
Chernikov S.V. The population of a peasant household as a factor of an estate yield and tax ability of peasants (based on censuses of the 1730s)	132
Smirnov Y.N. Impact of tax policy on settlement and agricultural development of Samara Transvolga region in the XVIII – first half of the XIX centuries	144

Artamonova L.M. Taxes and obligatory works of state peasants in the Volga region (according to the deputy's instructions of Catherine II's Legislative Assembly)	156
Shvejkovskaya E.N. Russian Peasantry in the works of Academician N.N. Pokrovsky	165
Yanfeng Tang The Study of Chinese Historians on the Taxation and Corvée in Russia from 18 th to 20 th century	176
Aleksandrov N.M. Tax and fees expenses in the budget of the russian post-reform peasantry	183
Nikulin V.N. The peasant commune and peasant debts (based on materials of Northwest Russia in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)	194
Nikitina N.P. The budget of the peasant self-government in the post-reform period in the north-west of Russia	203
Bespalov S.V. Russian social thought about the problem of the influence of governmental tariff policy on the position of the Russian village at the turn of XIX – XX centuries	210
Tokarev N.V. Economic measures in the budget policy of self-government in Tambov Governorate in the years of Stolypin reforms	221
Safonov D.A. «Refusal to perform the duties» as a form of social protest	230
Kukhareenko A.A. The role of the credit activity of the Peasant Land Bank in the regulation of financial state of peasants (materials of Belarusian provinces)	238
Bukalova S.V. The policy of engaging refugees in agricultural work in the years of World War I	246
Karpachev M.D. Financial fees of peasants in the Voronezh Gubernia in the late XIX – early XX centuries	253
Os'kin M.V. Social policy in the rural areas of Central Russia during World War I	269
Kabytova N.N. The agrarian policy of the Provisional Government and the peasants of fiscal requirements in 1917	278
Bezgin V.B. Violence in the Fight for Grain (by the materials of the Central Chernozem provinces)	288
Rynkov V.M. The Samara gubernia in summer-autumn 1918: food procurements within the context of Komuch's agrarian policy	296
Kovalyova N.A. War of bread in the Ukrainian village in 1919–1922: characteristics, methods and coverage of peasantsj food appropriation	303
Kovalev D.V. The development of taxation system of peasants households at the beginning of NEP (based on materials of Moscow gubernia)	312

Filimonov V.Y. State tax policy and «anti-urban» tendencies of the peasantry during NEP	324
Berlov A.V. Fiscal policy in Soviet Russian village as seen by the Russian emigrant scientists in 1920–1930s	331
Alieva L.V. The Legal Nature of Self-taxation in Russian Village in 1920s (based on materials of northwest Russia)	343
Bershadskaya O.V., Sidorenko T.N. Features of the peasant household's taxation in the Black Sea district during the NEP	349
Il'inykh V.A. The establishment and functioning of contracting system in Siberia (late 1920s – early 1930s)	357
Kondrashin V.V. Grain reserves in the USSR during the First Five-Year Plan	369
Naukhatskiy V.V. Political departments of machine and tractor stations in the North-Caucasian krai and formation of the 'purchase system' in agriculture	383
Kornilov G.E. Procurement of agricultural products in the Urals village under the Great Patriotic War	394
Kometchikov I.V. Collective farms' black cash in Central Nechernozemye and fighting against it in the middle of the 1940s – beginning of the 1950s	406
Polkh P.P. Kaliningrad migrant peasant settlers and procurement policy of the post-war decades	415
Gallyamova A.G. On the history of implementation of fiscal policy in the countryside of the Tatar ASSR in 1920–1950s: reflections of local political elites and citizens	423
Koznova I.E. The Soviet compulsory fiscal system in the perception of rural population (on the oral evidences of the late 1980s – 2000s)	431
Tomilin V.N. The collective farm's payment in kind for the MTS' works during the grain procurements of the Soviet state in 1930–1950s	440
Andreenkov S.N. Reforming of the system of procurement of the collective farm products in the USSR in the 1950s	449
Shevelkov A.I. The state policy on implementation of the plans of meeting the population demands and replenishing the state reserves (1960s)	459
Serogodsky N.A. Some features of the taxation of agricultural producers during the post-Soviet period	466
Logunova I.V. Taxation of Agricultural Commodity Producers in the context of Agrarian Reforms in the 1990-s	478
Kabytov P.S. The Samara school of historians-agrarians: development of problems of agrarian history and their integration into new research projects	483

Научное издание

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
2014 ГОД**

*Фискальная политика и налогово-повинностные практики
в аграрной истории России X–XXI вв.*

Ответственный редактор
Елена Николаевна Швейковская

Компьютерная верстка, макет *Л.Н. Законовой*

Подписано в печать 17.12. 2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 32. Уч.-изд. л. 32. Гарнитура «Newton».
Тираж 120 экз. Заказ №
Издательство «Самарский университет».
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано по технологии CtP в типографии ООО «Медиа-Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

